

654.
А. М. Пазухинъ. 753

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

I. КЛАДЪ.—II. ГОЛУБКА МАНЯ.—
III. ТАКЪ БЫЛО СУЖДЕНО.

Издание второе.

МОСКВА.

Издание книгопродавца Е. А. Губанова.
1893.

А. М. Пазухинъ.

А 130
654

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

І. КЛАДЪ.—ІІ. ГОЛУБКА МАНЯ.—

ІІІ. ТАКЪ БЫЛО СУЖДЕНО.

Изданіе второе.

5205-0

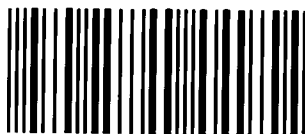

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова.

1893.

Дозволено цензурою. Москва, мая 23 дня 1892 года.

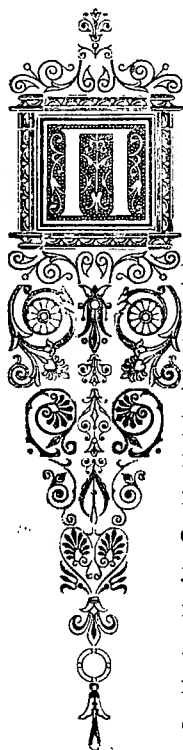
2007054486

Типографія И. Я. Полякова, Покровка, д. Азанчевской.

К Л А Д Ъ.

(Повѣсть).

I.

Почти всѣ живы они, участники этой исторіи, а если которые и сошли съ житейской сцены, умерли, то образы ихъ очень еще живы передо мною, и встаютъ эти образы, вызванные теперь воспоминаніемъ, вызванные для того, что бы пройти въ этой повѣсти... Вотъ стройная красавица Катя Сургучова, вотъ очаровательная, какъ сновидѣніе, другая красавица, погибшая такъ безвременно, вотъ виновникъ ея гибели, вотъ тѣ простые, добрые люди, которымъ онъ принесть столько горя, всѣ онѣ встаютъ передо мною и проходить, и словно рассказываютъ про себя... И я живо помню ихъ, эти рассказы, и выходитъ изъ нихъ цѣлая повѣсть, то печальная, то веселая, но правдивая во всемъ... Начну же я эту повѣсть и начну издалека, съ дней ранняго дѣтства главнаго героя ея, который былъ виновникомъ всѣхъ радостей и скорбей другихъ участниковъ этой повѣсти...

Уныло вылъ осенній холодный вѣтеръ и завывалъ въ трубахъ громаднаго стараго и невзрачнаго дома въ Зарядьѣ. Смеркалось. Въ ворота стараго дома каждую минуту входили возвращающіеся „изъ города“ разношники, продавцы различныхъ съѣстныхъ припасовъ, покончивъ свою денную дѣятельность и напятавъ торговцевъ всего гостиннаго двора различной снѣдью, отъ поджареннаго пирожка до жареной телятины и отъ вареной колбасы до жирнаго, на

славу свареннаго студня. Весь этотъ домъ былъ наполненъ такими разношниками, и теперь, съ наступленіемъ сумерокъ, они стекались въ него на ночлегъ, чтобы завтра снова идти на промыселъ. Въ одной изъ крохотныхъ квартиръ громаднаго дома было въ этотъ осенній ненастный вечеръ особенно уныло и тяжело: тутъ умиралъ человѣкъ. Квартирку занималъ разношникъ Иванъ Серебряковъ трезвый и расторопный мужикъ лѣтъ сорока пяти. Онъ торговалъ различными съѣстными припасами, славился честностью, умѣньемъ угодить покупателю, а потому торговалъ отлично и имѣлъ „копѣйку“. Пять дней тому назадъ, къ нему пріѣхалъ изъ деревни двоюродный братъ его, Петръ Прохоровъ Контилинъ, съ десятилѣтнимъ сынишкой, чтобы пристроить послѣдняго къ какому нибудь дѣлу, „вывести въ люди...“ Петръ Прохоровъ зналъ, что его „братанъ“ отлично знаетъ дѣло, нажилъ въ Москвѣ деньгу и слыветъ въ родной деревнѣ за богача, а потому везъ къ нему сына съ увѣренностью въ успѣхѣ мальчика и зналъ, что парнишка подъ надзоромъ и руководствомъ дяди не пропадетъ, а быть можетъ даже составитъ и капиталъ, тѣмъ болѣе, что мальчикъ, десятилѣтній Ваня, былъ очень бойкій, смышленный, а „выходъ въ люди“ его земляковъ ярославцевъ былъ не рѣдкость, и Петръ Прохоровъ могъ бы насчитать не одинъ десятокъ ярославцевъ, которые пришли въ Москву за обозомъ, одѣтые въ лохмотья, обутые въ лапти, а нынѣ владѣли капиталами и жили въ своихъ собственныхъ каменныхъ домахъ. Намѣревался мужикъ сдать своего мальчика и ѣхать снова въ деревню, да не даромъ, должно быть, говорится, что „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“ и случилось такъ, что Петру не суждено было увидеть родную деревеньку Савкино, заброшенную въ лѣсокъ Ярославской губерніи!.. Мужикъ простудился, схватилъ горячку и теперь умиралъ въ крохотной горенкѣ своего родственника... Съ утра ему сдѣлалось было получше, обрадовался мужикъ, воскресла у него надежда на выздоровленіе, но, увы, не надолго!.. Съ наступленіемъ вечера состояніе больного ухудшилось, силы быстро покидали его, и вотъ онъ почувствовалъ приближеніе смерти... Полумракъ въ горенкѣ, тѣни легли по темнымъ стѣнамъ, сверчокъ чиликаетъ въ углу свою нескончаемую пѣсенку, тускло мерцаетъ на столѣ огарокъ сальной свѣчки, а за окномъ воетъ осенняя не-

погода... Лежить больной на убогой постели, тяжело дышать, жаръ томить его, въ груди словно замерло что то и душить; сильныя когда то руки недвижимы, будто свинцомъ налиты, голова горить и тяжелыя, тяжелыя думы въ ней, въ воспаленной головѣ этой...

„Сиротинкой Ванюшку оставляю! скорбно думаетъ больной. За-везъ на чужую сторону и брошу тутъ одинокаго... Смышленный онъ, ловкій, а все-жъ тяжело будетъ мальчонкѣ у чужихъ то людей... Охъ, плохо житье сиротское, бездольное житье!.. Что то будетъ съ нимъ тутъ?..“ Жалѣетъ мужикъ, что передъ смертнымъ часомъ память къ нему вернулась, очень ужъ тяжело умирать то, вчера бы лучше помереть, какъ послѣ принятія Святыхъ Таинъ въ забытье онъ впалъ... „А можетъ и хуже бы такъ то, снова думаетъ мужикъ. Умеръ бы въ забытѣи—некому бы и слова наставительнаго сыну сказать, а тутъ вотъ прощусь съ нимъ, благословлю, наставленіе сдѣлаю, и авось попомнить онъ смертное наставленіе отцовское...“

И оглянулся мужикъ на сына... А тотъ приложился къ огонь-ку поближе и книжку читаетъ, которую вчера дядя въ гостинецъ принесъ ему: „вотъ де тебѣ, грамотѣй, книжку, читай, пока за дѣ-ло не присадили...“ Хорошая книжка такая, занятная, похождения храброго, сильнаго богатыря въ ней рассказаны, какъ тамъ бога-тырь силу-ратъ несмѣтную побивалъ, какъ въ золотой одеждѣ на пиру появлялся и прекрасныхъ дѣвицъ прельщалъ, какъ съ золо-тыхъ блюдъ заморскія кушанья ѣлъ, изъ серебряныхъ чаръ слад-кія вина пилъ... „Хорошо бы такъ то пожить, думаетъ мальчикъ, переворачивая страницы. Найти бы вотъ кладъ богатый и зажить бы такъ... Есть, бабка сказывала, клады зарытые, только мудрено добыть такой кладъ, а то денегъ добудешь видимо-невидимо...“

— Ваня! окликнулъ мальчика отецъ.

— Ась?

— Подъ-ко сюда, касатикъ...

— Опять пить, что ли, хочешь, тятя?.. Я поставлю около тебя ведро, ты и пей. а то отъ книжки неохота отрываться, книжка очевъ занятная...

— Подъ сюда!..

Всталъ мальчикъ, ногтемъ замѣтилъ то мѣсто, на которомъ оста-новился, подошелъ къ отцу... Красивый такой мальчикъ, видный

стоитъ передъ отцемъ. Волосы темнорусые и выются, каріе глаза бойко и смѣло глядятъ изъ подъ черныхъ бровей, румянецъ на смуглыхъ щекахъ играетъ, и рослый не по лѣтамъ, широкоплечій... „Славный паренекъ-то, думаетъ отецъ, одно неладно—озарниковать и боекъ очень, доставаться будетъ за это ой, ой, какъ... Ишь, глаза то у парня вороватые какіе, такъ и бѣгаютъ... Охъ, что то будетъ, а такіе въ люди выходятъ... Будетъ мой Ваня либо ужъ человѣкомъ, либо сгибнетъ въ суетѣ столичной ни за грошъ, ни за денежку...“

— Ваня!..

— Что тебѣ, тятя?

— Умираю я, Ваня, прощай...

Мальчикъ насторожилъ уши, глазенки широко раскрылись и остановились на исхудаломъ лицѣ отца.

— Умираю, Ваня, конецъ мой пришелъ. Оставляю я тебя, сынокъ, одинокаго, сиротливаго... Меня не станетъ, мать далеко, и будешь ты, Ваня, почитай что у чужихъ людей жить... Дядя—родня, родня, а все же... Одинокимъ покидаю тебя, Ваня... Живи... Помни Бога, Ваня, почитай старшихъ, слушайся ихъ... Сторонись, паренекъ, отъ злаго человѣка, вина пуще огня бойся... Выростешь—человѣкомъ будешь, коли вина избѣгнешь, а пристрастишься къ вину—погибнешь... Меня вино сгубило, изъ за него я нищимъ пропадалъ всю жизнь; деревню вспомни, и тамъ всѣ отъ вина погибаютъ, а которые бѣгутъ отъ него—жить пошли... Не пей вина, паренекъ, не пей... Живи тутъ и учись у людей умныхъ... Тутъ Ваня все, все тутъ, Ваня... Тутъ и нищета пуще деревенской нашей, тутъ и богатство... Тутъ, Ваня, кладъ зарытъ—ищи его.

— Кладъ? встрепенулся мальчикъ.

— Кладъ... Умному, да ловкому, работающему, да трезвому дастся оиъ въ руки и великое благо будетъ... Горько, Ваня, въ нищенствѣ-то жить, ай, горько... Пить мнѣ... Пить... Огонь въ груди-то... Пить...

— Тятя, а гдѣ же кладъ-то зарытъ?.. Какъ его добыть-то, тятя?..

— Пить... Охъ, смерть моя!.. Про... прощай... Огонь... огонь пошелъ... Горимъ мы, пожаръ!.. Спасай скотину-то, скотину-то!.. Во... водицы бы... во... Охъ, загорѣлось все!.. Вонъ и она... Смерть

идеть!.. Страшно, страшно мнѣ!.. Схватила смерть-то, схватила... У... умираю я... Прости... прости, Господи!.. Прими... прі...

Закинулъ мужикъ голову, схватился руками за грудь, вытянулся, захрипѣлъ и замолкъ... Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, стоялъ у кровати мальчикъ и широко раскрытыми глазами глядѣлъ на отца, боясь пошевелиться, боясь вздохнуть... Бѣжать бы куданибудь, да страшно... Страшно и тутъ—тутъ вонъ отецъ смерть гдѣ-то видѣлъ, ходитъ стало быть она тутъ... Должно быть, ужъ подкосила отца—не шевелится онъ, не дышетъ... Не успѣлъ и про кладъ до-сказать, видно, не даромъ бабка говорила, что трудно и страшно кладъ то добыть.. А въ комнатѣ темнѣетъ. Съ улицы ужъ никакого свѣта въ тусклое оконце нѣтъ, а сальный огарокъ еле, еле мигаетъ, нагорѣлъ, коптитъ... И тихо, тихо, только сверчокъ звенитъ гдѣ-то, да мышь въ углу скребется...

— Тятя! тихо окликнулъ мальчикъ.

Нѣтъ отвѣта.

— Тятя!

Молчитъ тятя.

— Умеръ должно, пропенталъ мальчикъ. Стало быть, зарюють его теперича, а мамѣ отпишутъ, какъ вотъ теткѣ Анисѣ про смерть мужа отписывали по веснѣ, я и грамотку-то читалъ... Завоуетъ и мама, какъ Анисья тогда... Я вотъ не вою... Рази оживишь его, коли выть начать?.. Нѣтъ ужъ, шалишь, не оживетъ, ежели умеръ!.. Бить меня больше не будетъ тятя... Дюжо, бывало, билъ, когда хмѣльнымъ прихаживалъ... Говорятъ, страшно съ покойникомъ-то, а вотъ ничего, стою я...

Мальчикъ уже ободрился, не дрожалъ больше. Постоялъ онъ такъ минуточку, потомъ тронулъ отца за голову и отошелъ, перекрестился въ передній уголъ и оглянулся кругомъ.

— Стало быть, шабашъ теперь—нѣтъ тяти, проговорилъ онъ и задумался.

„Какъ это, думалось мальчику, былъ человѣкъ и нѣтъ его?.. И тутъ вотъ онъ, а ужъ не то.. Ни пить не попросить, не прибѣтъ, а потомъ и вовсе не будетъ—зарюють... Да, мать будетъ „выть...“ А о чемъ она будетъ выть? Зачѣмъ?.. Работника не стало, это понималъ мальчикъ, зналъ онъ, что значитъ „мужикъ“ въ деревен-

ской семьѣ... Не будетъ работника, да вѣдь за то и бить некому будетъ, а тятка больно бивалъ порою... Ну, чтожъ, мать побираться пойдетъ... Вонъ, въ деревнѣ Иваньково, бобылка Анна побирается, такъ сытѣе всѣхъ живетъ, деньги, говорятъ, есть у ней... Проживетъ и мать..."

Мальчикъ сѣлъ около стола, но книгу уже не читалъ, а думалъ все.

"Буду въ Москвѣ жить—денегъ наживу, думалъ онъ. Вонъ Василий сусѣдскій въ Москвѣ то нажился, такъ о Пасхѣ въ деревню при часахъ пріѣхалъ, денегъ сколько хопъ, двухъ работниковъ нанялъ за себя отцу съ матерью, лѣсу у барина купилъ... Найму и я работника мамѣ, а покада поживетъ... Вотъ бы кладъ то найти... Эхъ, не договорилъ тятя о кладѣ то!.. А это ему о немъ смерть сказала, это она... Сказала и подкосила... Вотъ бы еще чуточку и сказалъ бы мнѣ тятка о кладѣ... Тутъ, говорить, лежитъ, а гдѣ—неизвѣстно... Можетъ, вотъ подъ поломъ..."

И весь отдался мальчикъ думамъ о кладѣ, вовсе забылъ про отца... Прошло съ часъ времени и въ комнату вошелъ дядя мальчика, поковчившій свои дневные труды. Покрестился старикъ на икону, поставилъ на полку опорожненный лотокъ и поглядѣлъ на племянника, который крѣпко, крѣпко задумался, облокотившись о столъ, и, кажется, не замѣтилъ дяди.

— Ванюшка! окликнулъ старикъ. Аль задремалъ?

Мальчикъ вздрогнулъ и очнулся, перешелъ изъ міра сладкихъ грезъ въ міръ дѣйствительности. Всталъ, поглядѣлъ на дядю, на отца глянулъ и проговорилъ:

— Дяденька, тутъ безъ тебя тятка то померъ...

Старикъ даже ахнулъ отъ этихъ словъ, и не столько быть можетъ отъ самыхъ словъ, сколько отъ невозмутимо-покойнаго тона, которымъ они были произнесены. Рѣдко приходится слышать такое спокойствіе въ словахъ, извѣщающихъ о смерти...

— Какъ померъ?! воскликнулъ старикъ.

— Померъ...

Старикъ какъ то боязливо подошелъ къ постели своего брата и осторожно тронулъ его за голову, пощупалъ за руки, отошелъ и перекрестился, а лицо у старика приняло то выраженіе печали,

скорбной думы о смерти вообще и заботы, какое выраженіе всегда ложится на лица родственниковъ или друзей умершаго человѣка въ первыя минуты послѣ извѣстія о смерти.

— Что, дяденька, померъ? спросилъ мальчикъ.

— Померъ...

Старый разнощикъ поглядѣлъ на племянника...

— Померъ, говорю, тятка то, повторилъ онъ.

Мальчикъ кивнулъ головою.

— То-то, молъ, померъ...

— Такъ тебѣ развѣ не жаль его?.. Ишь ты, деревянный мальченокъ какой!.. Привезли его на чужую сторону, батяка у него померъ, а онъ и усомъ не ведетъ!.. Тебѣ развѣ не жаль отца то?

— Что же теперича жалѣть то его, ежели онъ померъ? отвѣтилъ мальчикъ.

Дядя только головой покачалъ, а мальчикъ снова сосредоточился и сталъ думать: „Чего же его жалѣть? Померъ, такъ стало быть ему положено такъ,—всѣ, чай, помремъ... Былъ бы живъ, такъ надо бы ему денегъ посылать, еще въ деревнѣ объ этомъ все говорилъ, вотъ де Ванька въ Москвѣ добывать станетъ, поправитъ насъ, не будемъ нужды то терпѣть... А теперь вотъ лежитъ, теперь шабашъ ужъ, кончено... Вотъ и кладъ этотъ, про который онъ молвилъ, моимъ будетъ, ежели добуду, а будь-ка тятка—отнялъ бы... Я бы добылъ, а онъ бы себѣ взялъ...“

Въ этихъ думахъ мальчикъ почти не замѣчалъ ничего того, что совершалось на другой день, не замѣчалъ почти, какъ отца въ гробъ уложили, повезли потомъ на кладбище, въ землю зарыли... Отца везли, а мальчикъ ѣхалъ сзади на извозчикѣ и разглядывалъ городъ, поражаясь величиною зданій, роскошью магазиновъ, красотою лошадей и экипажей, нарядами снующихъ по улицамъ „купцовъ“—онъ всѣхъ хорошо одѣтыхъ принималъ за купцовъ и съ понятіемъ „купецъ“ у него соединялось понятіе о богатствѣ. Сравнивалъ онъ свою деревушку съ этимъ громаднымъ богатымъ городомъ, и чувство какой-то брезгливой жалости появлялось у него въ душѣ къ убогой деревнѣ своей... „Тоже живутъ!“ думалъ онъ съ отѣнкомъ прерѣвія къ своимъ деревенскимъ. Тутъ, поди, самый послѣдній бобылишко такъ то не живетъ... Ишь хоромины

какія, словно вотъ въ сказкахъ... Тоже, чай, ѣдятъ съ золотыхъ блюдовъ въ хороминахъ то этихъ, а деньги лопатой мѣряютъ... Должно быть, клады все находили...

— Дяденька! окликнулъ мальчикъ сидѣвшаго рядомъ дядю. озлобченнаго пропавшимъ днемъ и непредвидѣнными расходами на похороны.

— Ну?

— Это вотъ лавки то такія важныя и дома огромныя купцовъ все?

— Купцовъ.

— И все это купцы клады находили?

— Какіе клады?

— Клады... Вотъ что рассказываютъ... Въ землѣ, слышь ты, клады есть и ежели найти ихъ...

— Браки! угрюмо перебилъ дядя. Никакихъ такихъ кладовъ нѣтъ, а ежели и есть, такъ не про нашу честь...

— А какъ же купцы то ихъ добываютъ?

— Дуракъ ты, Ванька, вотъ что! отрѣзалъ дядя. Купцы деньги и дома торговлей наживаютъ, вотъ что... Тутъ, въ Москвѣ то Бѣлокаменной, есть такіе богачи, что тебѣ и во снѣ богатство ихнее не приснится и все то богатство торговлей нажито... Продастъ купецъ товару на миллионъ и миллионъ у него барыша останется, вотъ ты и сообрази...

— А гдѣ же купецъ товару то возьметъ!

— Толкуй тутъ съ тобой!.. Ты вотъ лучше о батькѣ то подумай—какъ ты безъ него жить то будешь...

— Я, дяденька, ничего... Я торговать буду...

Старикъ засмѣялся.

— Пылю, что ли? спросилъ онъ.

А мальчикъ только головой тряхнулъ на это и подумалъ: „Ладно, погоди ужо!.. Я вотъ кладъ то найду, такъ увидишь тогда...“

И полный желаніемъ найти кладъ и начать торговлю вернулся Ваня съ похоронъ отца...

II.

Иванъ Егоровъ Серебряковъ „приспособилъ“ осиротѣвшаго племянника къ своему дѣлу, т. е. сдѣлалъ его мелочнымъ торговцемъ-разнощикомъ, продающимъ по рядамъ различные съѣстные припасы. Сперва, конечно, мальчикъ проходилъ тяжелую школу „подручнаго“, былъ на побѣгушкахъ, мылъ посуду и тому подобное, но очень скоро дядя нашелъ возможнымъ посылать уже его съ лоткомъ по лавкамъ и мальчикъ отлично поваялъ это дѣло, умѣлъ угодить какъ покупателямъ, такъ и своему хозяину—дядѣ.

Въ числѣ первыхъ былъ купецъ Тихонъ Тихоновичъ Слободовъ, торгующій въ одномъ изъ переулковъ Ильинки краснымъ товаромъ. Одинъ разъ Слободовъ закусывалъ немудреными яствами съ лотка мальчика и повелъ съ бойкимъ Ванюшкой такой разговоръ:

— Ванька, хочешь ко мнѣ въ мальчики идти? что тебѣ бѣгать-то цѣлый день, ноги забивать? у меня по крайности на мѣстѣ будешь...

Ваня улыбнулся. Ему, положимъ, дѣйствительно было нелегко бѣгать, съ раннаго утра до поздней ночи, съ тяжелымъ лоткомъ, но за то онъ былъ относительно свободенъ; дядя его не обижалъ, а у купца онъ видѣлъ мальчиговъ заморенными, какими-то пришибленными, вѣчно торчащими у притолоки на морозѣ или палящей жарѣ и получающими постоянныя затрепины то отъ хозяина, то отъ его сына, то отъ приказчиковъ.

— Нѣтъ, дяденька, не хочу-съ, отвѣтилъ онъ на предложеніе.

— Почему же, напримѣръ, такое? спросилъ купецъ.

— Такъ-съ...

— Бѣгать-то лучше?... Мальчишка ты способный, изъ тебя толкъ можетъ выдти, а на своемъ дѣлѣ теперешнемъ ты только избѣгаешься, избалуешься... Ну, да что съ тобой толковать!... Ты вотъ что: пришли-ка дядю ко мнѣ... Слышь?

— Ладно-съ...

— Пришли же безпремѣнно, чтобы завра же поутру пришелъ, а то „выволочку“ получишь!...

Мальчикъ ушелъ озабоченный. Онъ зналъ, что дядя пожелаетъ исполнить просьбу купца и отдастъ племянника въ мальчики, хотя бы потому, что дядя старится и думаетъ прикончить торговлю, чтобы ѣхать въ деревню „на покой“. Грустно сдѣлалось Ванѣ, жаль было вольготнаго житья у дяди, жаль было доходишковъ, которые онъ получалъ отъ торговли, утаивая отъ дяди хотя и гроши, но ежедневные, что уже составило „капиталь“ рублей въ десять. Но утаить приказаніе купца было опасно и мальчикъ передалъ его дядѣ, а наутро тотъ уже былъ у Слободова вмѣстѣ съ Ваней. Купецъ повторилъ свое предложеніе...

— Право отдай, Иванъ Егорычъ, говорилъ онъ. Ты то подумай, что мальчишка можетъ въ люди выдти,—коли дѣломъ займется, а тутъ, право, изъ него толку не будетъ, избалуется только. Онъ грамотный, смышленный парнишка; я его не оставляю, въ приказчики выдетъ, вобще человѣкомъ можетъ быть...

— Я, пожалуй, отдамъ, Тихонъ Тихонычъ, отвѣтилъ старикъ. Хошь, Ванюшка?

И, удивительное дѣло, мальчикъ очень охотно согласился сегодня.

— Хочу, дяденька! бойко отвѣтилъ онъ.

Чѣмъ же можно было объяснить такое измѣненіе мыслей мальчика? Вотъ что думалъ онъ во время переговоровъ купца съ дядей: „ишь ты, въ люди, говорить, выведу!“... Оно и можетъ быть это, потому торговля у купца большая, къ дѣлу привыкну, въ приказчики выду, а приказчику житье вольготное; видалъ я, какъ они живутъ-то, какъ хозяйскія денежки себѣ за голенище прячутъ... Оно поскучивъ же житье-то будетъ, ну, да ничего, оберпимся!...

И вотъ, результатомъ этихъ размышленій было согласіе мальчика, хотя его согласія вѣроятно и не потребовалось бы особенно. На слѣдующій же день Ваня, одѣтый въ фризую чуйку, подпоясанный кушакомъ, стоялъ у притолки лавки купца Слободова и „зазывалъ“ покупателей. Его дядя отдалъ „на пять лѣтъ“, то-есть мальчикъ долженъ былъ обязательно прожить этотъ срокъ безъ жалованья, а затѣмъ становился уже приказчикомъ и долженъ былъ получать „награду по заслугамъ“. Купецъ обѣщалъ старику

не обижать мальчика и „сдѣлать его человѣкомъ“, и даже далъ двадцать рублей, „ради бѣдности матери мальчика“. Быть можетъ Слободовъ и дѣйствительно не имѣлъ желанія „обижать“ Ваню и искренно хотѣлъ вывести его въ люди, но ужъ отъ самой системы вывода въ люди туго приходилось мальчикамъ вообще, а Ванѣ, какъ отмѣченному особымъ вниманіемъ хозяина, въ особенности. Трудно было и житье въ мальчикахъ. Спитъ еще весь домъ глубокимъ сномъ, совершенно еще темно на дворѣ, если дѣло зимою, а Ваня долженъ вставать съ убогой постели и приниматься за дѣло. Цѣлый полкъ всевозможныхъ сапоговъ стоитъ около его постели длиннымъ рядомъ и всѣ эти сапоги надо вычистить и вычистить тщательно, а то бѣда!... Долго и усердно начищаетъ Ваня сапоги бураками „самого“, ерзаетъ по нимъ щеткой, дышетъ на нихъ, до поту лица старается и оставить гдѣ-нибудь тусклое пятнышко, не досмотрить.

Встанетъ хозяинъ, напьется чаю и, собираясь въ лавку, сапоги спросить.

— Это что? грозно указываетъ онъ на пятнышко.

— Виновать-сь!...

— Виновать?... Виноватыхъ бьютъ, сквернавецъ ты этакій, бьютъ виноватыхъ!...

И посыплются на голову мальчика увѣсистые подзатыльники, а затѣмъ слѣдуетъ финальная „встряска“ за волосы или лупка ремнемъ, смотря по вдохновенію.

Потомъ, смотришь, сынъ хозяйскій найдетъ пятно на щегольскихъ штиблетахъ своихъ и снова трепка, а тамъ приказчики „отколышмятять“, иногда ни за что, такъ себѣ, здорово живешь. За проступки серьезные, вродѣ, напимѣръ, порчи товара, потери денегъ, посланныхъ куда-нибудь, или тому подобное, слѣдовало и наказаніе болѣе серьезное, въ видѣ жестокой порки ремнемъ или розгами, здоровенной „таски“, избіенія по щекамъ и такъ далѣе...

Послѣ чистки сапоговъ надо было ставить самовары „самимъ“, приказчикамъ и прислугѣ, а затѣмъ бѣжать въ лавку, гдѣ цѣлый день приходилось или торчать у притвора, мороза щеки, или складывать товаръ, паковать его, носить къ сосѣдямъ или покупателямъ и за все одна награда—затрепины, одно поощреніе—трепка.

Мальчика не принято было считать за человѣка, не принято было говорить съ нимъ, а лишь кричать на него ежедневно; чуть ли не за позоръ считалось обласкать мальчика, поговорить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. И мальчикъ все таилъ въ глубинѣ души, все переносилъ молча и безропотно и ждалъ, какъ преступникъ въ каторгѣ освобожденія, срока своей неволи, надѣясь на что-то свѣтлое, ясное за этимъ срокомъ.

Такъ жилъ и Ваня. Природа ли, особенность ли склада характера, но только физически Ваня переносилъ свою каторгу легко. Онъ вѣчно былъ веселъ, дышалъ здоровьемъ, щеки его пылали румянцемъ, глазенки бойко и смѣло глядѣли изъ-подъ темныхъ бровей, русыя кудри вились изъ-подъ шапки и горя имъ мало было отъ ежедневной расчески хозяйской рукою!... Закатить хозяинъ или приказчикъ оплеуху Ванѣ, вспыхнетъ щека, какъ зарево, слезы на глазахъ выступаютъ, а потомъ и ничего, прошло все. После здорovenной порки въ банѣ по распаренному и потому особенно чувствительному тѣлу, другой бы долженъ въ постель слечь, умереть быть можетъ, а Ваня ничего, на завтра ужъ въ лавкѣ и посмѣивается съ товарищами надъ вчерашней „баней“. Нравственно, конечно, мальчикъ портился. Такая система воспитанія ожесточала его, дѣлала грубымъ и злила, въ душѣ росла жажда мести и онъ уже мстилъ, мстилъ впрочемъ „практично“, съ большою пользою для себя.

Утро. Хозяинъ выпелъ въ лавку, ругнулъ приказчиковъ, ругнулъ сына, далъ для „порядка“ затрепину мальчику и ушелъ въ трактиръ пить чай, а слѣдомъ за нимъ улизнулъ и сынокъ куда-нибудь, приказчики вышли „на галдарею почесать зубы съ сосѣдями“. Ваня не дремлетъ. Живо вскочилъ онъ на лѣсенку, живо выхватилъ изъ пачки платокъ, шарфъ, что попадется, и подъ полу. „Вотъ тебѣ, толстомордый!“ думаетъ онъ про хозяина: „трескай себѣ чай, а мы припасемъ себѣ на ерѣхи!“...

Съ добычей подъ мышкой надо было ждать посылки куда-нибудь, а тамъ ужъ мальчикъ зналъ, что надо было дѣлать.

— Ванька! бѣги на Глѣбовское подворье къ Ермолаеву, скажи, чтобы выписку товара прислалъ! отдавалось приказаніе старшимъ приказчикомъ.

Мальчикъ летѣлъ стрѣлою. На томъ же самомъ Глѣбовскомъ подворьѣ жили евреи, которые охотно покупали принесенную мальчикомъ „контрабанду“, давая за вещь, стоящую рубль, гривенникъ, много двугривенный, но изъ этихъ гривенниковъ составлялись рубли. Прочіе мальчики дѣлали то же, но вырученные деньги продавались ими на лакомство, проигрывались въ бабки; Ваня же копилъ. Въ укромномъ уголкѣ темнаго чердака была зарыта у него жестяная банка и въ эту банку откладывалъ онъ все, добытое отъ жидовъ. „Ишь ты, наполняется банка то! думалъ онъ, ошупывая свое сокровище. Погоди, уже накопимъ побольше, такъ сами торговлю заведемъ, сами будемъ такъ же таскать за волосы и ремнемъ драть, какъ насъ таскають и деруть!“... Уже къ концу третьяго года у Вани накопилось болѣе двухсотъ рублей; онъ уже таскалъ не одни платки, а ухитрился похищать цѣлые куски матерій, продалъ одинъ разъ жиду кусокъ бархата за пятьдесятъ рублей, какъ вдругъ былъ пойманъ. Онъ схватилъ какой-то платокъ, спряталъ за пазуху и собирался нести къ жиду, не замѣтивъ, что хозяйскій сынъ стоялъ около дверей лавки.

— Ванька, подойди сюда! сказалъ купчикъ.

Мальчикъ подошелъ.

— Это что у тебя тутъ?... зачѣмъ ты платокъ взялъ?

Мальчикъ поблѣднѣлъ, а хозяйскій сынокъ торжественно добылъ похищенный платокъ и созвалъ всѣхъ приказчиковъ, пригласилъ даже кой-кого изъ сосѣдей. Спектакль долженъ былъ быть очень занимателенъ и могъ послужить хорошимъ развлеченіемъ.

— Ну, что же ты молчишь? зачѣмъ взялъ платокъ? продолжалъ допросъ хозяйскій сынъ, самъ постоянно обкрадывавшій и обманывавшій отца.

— Хотѣлъ кухаркѣ отдать, совралъ мальчикъ.

— Просила она у тебя что ли?

— Нѣтъ, самъ хотѣлъ!...

— Врешь! ты сбываешь куда-нибудь краденое? не впервые крадешь?...

— Первый разъ, никогда до сей поры не бралъ!

— Ладно, допросъ уже будетъ, а пока... Что бы съ нимъ сдѣлать, господа?

— Оттаскать, каналью, какъ слѣдуетъ, вотъ и все! предложилъ кто-то.

— Этого мало!... Таска—таской, а еще мы вотъ что сдѣлаемъ:

Хозяинскій сынокъ схватилъ Ваню за волосы, трепалъ долго, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, надавалъ пощечинъ, а потомъ повязалъ мальчика ворованнымъ платкомъ, какъ повязываются женщины, и поставилъ въ лавкѣ.

— Стой такъ до прихода тятеньки! приказалъ онъ. Глядите, господа, какая барышня стоитъ!

— Ха, ха, ха! заржали кругомъ.

— Румяная!...

— Это что за румяна! Вотъ ужъ вечеромъ румянить-то будутъ, такъ румянить!...

„Самъ“ придалъ этой исторіи очень большое значеніе и произвелъ цѣлое слѣдствіе; при чемъ допросы, словно въ старинномъ застѣнкѣ, производились „съ пристрастіемъ“. Надо было узнать, воруютъ ли другіе мальчики, давно ли происходитъ эта „механика“, куда сбывается краденый товаръ и такъ далѣе. Ваня героически вынесъ всѣ пытки, которымъ его подвергали, и не сказалъ ничего. „Платокъ взялъ, чтобы подарить кухаркѣ, раньше ничего не бралъ и ничего ни о какихъ кражахъ не знаю“—вотъ были его отвѣты подъ хозяйскими розгами и больше ни слова. Первое время хозяинъ хотѣлъ было прогнать мальчика, но сообразилъ вѣроятно, что изъ ловкаго вора можетъ выдти и ловкій торгашъ, а потому оставилъ Ваню, но усилилъ за нимъ надзоръ и сталъ болѣе строгъ и взыскателенъ. Наказаніе, перенесенное за кражу, было тяжелое, жестокое, но случай этотъ принесъ Ванѣ великую выгоду. Его способность красть и умѣть молчать оцѣнилъ хозяинскій сынъ. Надо сказать, что это былъ юноша изъ породы саврасовъ чистой воды, находился подъ тяжелой опекой отца и страшно тяготился существующимъ режимомъ жизни въ родительскомъ домѣ. На карманные расходы юношѣ давались пустяки, а требовалось очень много и сынокъ, конечно, обворовывалъ родителя. Ловкій и умѣющій хоронить концы въ воду пособникъ былъ ему очень полезенъ.

Какъ-то разъ въ лавкѣ, кромѣ хозяйскаго сына и Вани, ни-

кого не было. Сынокъ курилъ запрещенную папиросу, а мальчикъ паковалъ товаръ.

— Ванюшка! окликнулъ купчикъ мальчика.

— Чиво-съ?

— Скажи по правдѣ, я, ей-Богу, никому не скажу, продать жиду хотѣлъ украденный платокъ?

— Нѣтъ-съ! кухаркѣ хотѣлъ отдать.

— А ты скажи правду, дуракъ, честное слово никому не скажу и пальцемъ даже не трону: продать хотѣлъ?

— Нѣтъ-съ!

— Ишь, дерево какое! Я тебя потому спрашиваю, что хочу дать тебѣ нажить.

Мальчикъ навострилъ уши.

— Понялъ ты меня? продолжалъ купчикъ.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Врешь, шельма! Ну, да ладно, не въ этомъ дѣло, а вотъ что: продашь товаръ, если я тебѣ препоручу?

— Какъ прикажете-съ!

— А мѣсто есть?

— То-есть, это какъ-съ?

— Не ломай дурака-то! Есть мѣсто, куда сбыть можно?

— Товару завсегда мѣсто найдется, Петръ Тихонычъ: товаръ не сорь!...

— Ишь ты! А дешево продашь?

— Какъ угодно-съ! цѣна ваша будетъ.

— Да ты не бойся, дурень! я тебя не пытаю: я, правда, хочу потихоньку отъ тятеньки партійку товара сбыть. Можно?

— Какъ угодно-съ!

— Вотъ идолъ-то! Ну, да что съ тобой толковать: я знаю, что ты обладишь дѣло. Сегодня повезешь Иволгину пять кипъ товару, а положу семь, такъ двѣ сбудешь, гдѣ тамъ можно... Полтину за рубль дадутъ?

— Можно-съ!... А мнѣ сколько? Последній вопросъ былъ предложенъ уже тономъ равноправнаго дѣльца, желающаго знать кондиціи.

— Гривенникъ за рубль дамъ...

— Извольте-съ!...

— И деньги сегодня доставишь?

— Сегодня доставлю...

— А не проболтаешься?

— Зачѣмъ же болтать? помилуйте!...

И вотъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ сдѣлался дѣятельнымъ помощникомъ и пособникомъ двадцатилѣтняго саврасика. Съ этихъ поръ жиды Глѣбовскаго подворья покупали у Вани не жалкіе уже платки, а цѣлые куски матерій, цѣлыя кипы дорогаго товара, а Ваня тѣмъ временемъ росъ, искупался въ дѣлѣ и кошилъ, усердно копилъ деньги. Жестяная банка была давнымъ-давно полна, пачка бумажекъ лежала рядомъ въ листѣ толстой оберточной бумаги, а тутъ подошелъ и срокъ житья въ мальчикахъ. Ванѣ минуло шестнадцать лѣтъ.

Какъ-то послѣ „заборки“ онъ подошелъ къ хозяину и довольно развязно заговорилъ съ нимъ:

— Мнѣ въ мальчикахъ житье кончилось, Тихонъ Тихоновичъ, сказалъ онъ.

Хозяинъ сурово поглядѣлъ на него.

— Это что эшпо за лепортъ такой? грозно спросилъ онъ. Къ кому ты съ разговорами-то лѣзешь?

— Я ничего-съ, а только я объясняю, потому, какъ мнѣ желательно на жалованье поступить...

— Что-о?

— На жалованье, говорю, желательно поступить...

— Ка-а-акъ сгребу за космы, да какъ почну таскать!... Какъ ты смѣешь ко мнѣ съ разговорами-то лѣзть? А?...

— Я ничего-съ, я не грублю вамъ, а только говорю... Ежели угодно оставить меня — очинно даже радъ служить, а ежели не-угодно, такъ я уйду-съ...

— Куда ты уйдешь-то, щенокъ? Мостовыя, что ли, утрамбовывать? въ жулики, что ли, уйдешь?

— Зачѣмъ же въ жулики-съ... я на мѣсто поступлю...

— На мѣсто?... а кто тебя возьметъ, ежели я тебѣ волчій паспортъ дамъ?... ежели я тебя прогоню и негодяемъ аттестую?...

— Меня очинно Жуковы просятъ, хорошее жалованье сулятъ; новѣ еще Павелъ Митричъ Жуковъ-то говорилъ...

Старикъ осѣлся. Жуковы были конкуренты его и конкуренты опасные, а Ваня отлично уже зналъ дѣло и зналъ всѣхъ покупателей.

— Что-жъ, ступай! иронически сказалъ онъ. Я тебя кормилъ, поилъ, разуму тебя училъ, а ты и сбѣги со двора, какъ собака плохая...

— Я этого не желаю-съ, а только, какъ я срокъ свой кончилъ, такъ желательно бы знать-съ...

Старикъ посопѣлъ себѣ въ бороду, подергалъ усы и отрывисто прогорилъ:

— Ладно, живи, жалованье положу по заслугамъ, а коли денегъ надо — приди ужотко сказать, я дамъ.

Сказалъ, нахмурился и уѣхалъ. Положеніе Вани съ этого дня перемѣнилось и онъ переименовался уже изъ Ванекъ въ Иваны. Это значило очень много.

III.

Войдя съ Иваномъ въ сдѣлку относительно продажи похищаемаго отцовскаго товара, юный саврасикъ совершенно незамѣтнымъ образомъ очутился въ какой то зависимости у ловкаго Ивана, и послѣдній понялъ, что теперь онъ вполне можетъ держать въ своихъ рукахъ хозяйскаго сынка. Купчикъ, кутившій на деньги, вырученныя за краденый товаръ, махнувъ на все рукой, чуть ли не каждый вечеръ шепталъ Ивану:

— Сегодня, Ваня, ты ужъ опять спутешествуй... Два кусочка бархата я поприпряталъ...

Иванъ озабоченно почесывалъ затылокъ.

— Спутешествовать то я спутешествую, Петръ Тихонычъ, только проклятые жиды притѣснять начали...

— Какъ притѣснять?

— А такъ, что дешево цѣнять товаръ!.. Помилуйте, вещь сто-

ить, примѣрно сказать, сто цѣлковыхъ, а жиды за нее три синенькія дають. Нешто это возможно-съ?

— Это дѣйствительно грабежъ! возмущался купчикъ. Плюнь на нихъ и неси къ другимъ,—жидовъ здѣсь много, любой купить за половинную то цѣну.

— То-то-съ, что не любой!..

— Почему такъ?

— А потому-съ, Петръ Тихонычъ, что народъ нонѣ смѣкалку каждый имѣетъ, видятъ, что „хапаное“ продаю... Дѣло опасное, живо въ полицію сволокутъ...

— Такъ какъ же быть то теперь, Ваня? безпокойно спрашивалъ саврасикъ.

— Постараюсь, Петръ Тихонычъ...

— Неужели жиды не дадутъ двѣсти рублей за товаръ то, вѣдь онъ около тысячи себѣ стоитъ?.. А мнѣ двѣ сотенныя безпримѣнно нужны, потому Степѣ кольцо обѣщалъ...

— Сегодня, стало быть, къ Горячеву?

— Обязательно, тамъ ужъ меня ждутъ фараоны то...

— Буду стараться, Петръ Тихонычъ, ужъ чай знаете, что стараюсь для васъ и себя не жалѣю...

— Ладно, Ваня, я тебя не оставляю, папаша то вонъ прихватывать частенько сталъ, такъ тутъ, того и гляди, самостоятельнымъ капиталистомъ сдѣлаюсь.

— А много у папаши капиталу то, Петръ Тихонычъ?

— Надо полагать, около милліончика имѣется.

„Протрешь же ты глаза этому милліончику“, подумалъ Иванъ. И отправлялся ловкій, пронырливый Иванъ Коптилинъ сбывать жидамъ „хапанный“ товаръ, приче́тъ половину вырученныхъ денегъ оставлялъ себѣ.

— Неужели за все только полтораста рублей дали? спрашивалъ недоувѣрчиво купчикъ, получая отъ своего сообщника деньги.

— Насилу и это-съ дали, Петръ Тихонычъ, отвѣчалъ, пожимая плечами, Иванъ. Притѣсняють-съ...

Купчикъ махалъ рукой.

— А пусть ихъ подавятся! съ какой то отчаянной рѣшимостью

восклицалъ онъ и тутъ же прибавлялъ, что завтра нужно постараться побольше „слимонить“ товарцу.

— Бѣды бы какой не вышло, замѣчалъ на это Иванъ, но купчикъ успокаивалъ его, говоря, что бѣды не будетъ, что онъ умѣетъ дѣло сдѣлать.

— Не впервой намъ, Ваня, науку то эту мы наилучшимъ манеромъ прошли, нахально хвастался мошенническими продѣлками саврасикъ. И надо было отдать справедливость ему, дѣйствительно онъ ловко „дѣлалъ дѣло“ и не только отецъ, но и нѣзъ приказчиковъ никто не зналъ о кражахъ.

Какъ уже было сказано раньше, Иванъ обывалъ товаръ на Глѣбовскомъ подворьѣ, въ Зарядьѣ, гдѣ у него были пріятели—евреи, которымъ, конечно, крайне выгодна была комиссія нашего героя. Боясь порвать сношенія съ Иваномъ, евреи сами совѣтовали ему быть какъ можно осторожнѣе и никому не болтать о своихъ посѣщеніяхъ къ нимъ.

— Намъ все равно, мы только для тебя стараемся, говорили жида, пожимая плечами и склоняя на бокъ головы. Съ насъ вѣзть нечего; мы ничего не знаемъ, мы и тебя не видали, и что ты за человѣкъ не знаемъ, потому свидѣтелей нѣтъ и у насъ ничего не найдутъ, а вотъ тебя такъ заберутъ, въ тюрьму будутъ сажать...

— Я не попадусь, съ увѣренностью отвѣчалъ Иванъ.

— А это и хорошо, мы рады будемъ... Привози сколько хочешь, мы все купимъ, мы не пожалѣемъ денегъ...

Такимъ то вотъ образомъ пріобрѣлъ Иванъ любовь и уваженіе ховяйскаго сына и былъ у него неизмѣннымъ наперсникомъ во всѣхъ дѣлахъ, получая конечно за свои труды щедрое вознагражденіе. И это вознагражденіе, и „халтура“ отъ продажи краденаго товара, и хапанье изъ ховяйской выручки—все это вмѣстѣ быстро увеличивало капиталчикъ Ивана, и радовался Иванъ этому до безконечности... Часто въ ночной тишинѣ можно было видѣть, какъ Иванъ приподымался на кровати, доставалъ изъ подъ подушки пачку пріобрѣтенныхъ за день правдой и неправдой денегъ, дрожащими руками считалъ, пересчитывалъ, всматривался въ нихъ, любовался и тихо шепталъ:

— Погодите, буду же и я богатъ, будутъ и мнѣ кланяться...

Но вотъ, равнымъ утромъ вставалъ Иванъ съ постели и незамѣтно пробирался въ завѣтное мѣстечко на чердакъ, разрывалъ тамъ въ землѣ свою кубышку и прикладывалъ въ нее новыя деньги. Блѣденъ былъ въ это время Иванъ и старилося его красивое лицо, морщины глубокия появлялись, глаза сосредоточенно уставлялись на драгоценную кубышку... Почудится, бывало, Ивану, что идетъ кто нибудь къ нему, вздрогнетъ парень и кулаки сожметъ. „Такъ вотъ и убью тутъ, кто только подступится“, прошепчетъ онъ, а у самого глаза сверкають точно уголья горячіе. Въ самомъ дѣлѣ Иванъ способенъ былъ убить того человѣка, который посягнулъ бы на его богатство, не дрогнула бы его рука, не поморщился бы онъ.

По обыкновенію, часовъ въ семь вечера, послѣ окончанія торговли, всѣ отправлялись домой, а потомъ садились за ужинъ. По окончаніи ужина, въ „молодцовскую“ являлся Тихонъ Тихоновичъ, строго посматривалъ на приказчиковъ, обходилъ по всѣмъ угламъ, при чемъ если попадался ему гдѣ нибудь табакъ — выкидывалъ его за окно и говорилъ:

— Это кто опять зелья то этого поганого притащилъ сюда? Сколько разъ говорилъ, чтобы не держать въ покояхъ табачицу! Вотъ еще разъ увижу, такъ вихры буду драть.

Тихонъ Тихоничъ сердито шелъ къ дверямъ. Почтенный коммерсантъ хотя и „не придерживался старины“, но табаку не выносилъ и всегда ругалъ за него приказчиковъ.

— Гасите огонь то, да ложитесь спать, будетъ языки то чесать, на прощанье говорилъ Тихонъ Тихоновичъ и затѣмъ уже удалялся.

Приказаніе тотчасъ же исполнялось и въ молодцовской воцарялась тишина, нарушаемая лишь храпомъ приказчиковъ. Многіе изъ молодыхъ приказчиковъ не прочь были погулять и покутить вечеромъ, но къ сожалѣнію это исполнить имъ было невозможно, потому что Тихонъ Тихоновичъ строжайше запрещалъ уходить со двора. Положимъ, нашлись бы смѣльчаки, которые не исполнили бы хозяйское приказаніе, но дѣло въ томъ, что послѣ восьми часовъ вечера ворота запирались, и потому выходъ на улицу былъ невозможенъ. По праздникамъ, правда, дѣлались исключенія и „молодцы“ отпускались погулять, но при этомъ имъ было вмѣнено

въ обязанность возвращаться домой не позднѣе одиннадцати часовъ. Таковъ точно образъ жизни долженъ бы вести и Иванъ, но ловкій юноша, благодаря дружбѣ съ хозяйскимъ сыномъ, проводилъ время иначе, и хотя болѣла у него иной разъ отъ бессонныхъ ночей голова и слипались очи, но утѣшалъ онъ себя той мыслью, что каждая гулевая бессонная ночь приносила ему не малый барышъ, и часто сразу не одинъ десятокъ рублей прикладывалъ онъ къ своему капиталчику...

Ночь. Въ „молодцовской“ тишина; изрѣдка только кто нибудь вздохнетъ или простонетъ. Вотъ дверь тихо скрипнула и появилась какая то темная фигура. Тихо прокралась она къ постели Ивана и чуть слышно проговорила:

— Вставай, Ваня, пора...

— Вы, Петръ Тихонычъ?

— Кому же больше... Экъ заспался!..

Иванъ осторожно поднялся съ постели, одѣлся и затѣмъ осторожно, вмѣстѣ съ хозяйскимъ сыномъ вышелъ изъ молодцовской. На дворѣ, у воротъ, стоялъ съ ключемъ дворникъ.

— Отпирай, дубина, чего стоишь то, буркнулъ ему саврасикъ.

— Отпереть я, Петръ Тихонычъ, завсегда могу, потому ворота въ моей, значить, власти, только вотъ съ васъ стало быть на чаекъ слѣдуетъ, отвѣтилъ дворникъ, почуявшій наживу.

— Оселъ, развѣ я не давалъ тебѣ на чай? сердился купчикъ.

— Это точно, что давали, но потому, какъ ежели вашъ папаша зачнетъ меня по скуламъ бить за то, что не препятствую баловству вашему, то всячески мнѣ неловко будетъ...

Тутъ обыкновенно Петръ Тихоновичъ совалъ въ руку дворника кредитку и въ сопровожденіи Ивана выходилъ на улицу.

— Въ Грузины!—говорилъ Петръ Тихоновичъ извозчику, усаживаясь въ пролетку.

— Опять, значить, къ Горячеву?—обращался Иванъ къ своему патрону.

— Конечно...

И ѣхали въ Грузины, въ знаменитый въ свое время трактиръ Горячева. Многочисленные окна этого развеселаго заведенія сверкали яркимъ огнемъ, около подъѣзда стояли тройки, пары и про-

стые извозчичьи экипажи. До слуха доносились звуки отчаянной цыганской пѣсни. Такъ и чудилась оргія, такъ и замирало сердце...

Петръ Тихоновичъ Слободовъ былъ постояннымъ посѣтителемъ Горячевскаго трактира, и много, много денежекъ оставилъ онъ тамъ...

— Петру Тихоничу! кланялись купчику толпившіеся у подъѣзда извозчики.

— Петръ Тихоновичъ, наше вамъ низжайшее! здоровался съ гостемъ приказчикъ трактира.

Петръ Тихоновичъ усаживался въ отдѣльной комнатѣ, и его сейчасъ же окружала цѣлая орава половыхъ.

— Чѣмъ потчевать прикажите, Петръ Тихоничъ?

— Все что есть, то и тащи! приказывалъ купчикъ. Мы деньги, что ли жалѣемъ, скупимся, что ли? Нѣтъ, братъ, у насъ за деньгами дѣло не постоитъ, старайся только!..

Засѣдавшій вмѣстѣ съ хозяйскимъ сыномъ Иванъ только ухмылялся и поддакивалъ:

— Это правильно, Петръ Тихоновичъ, это точно, что денегъ у васъ достаточно...

— Совсѣмъ достаточно, Ваня!.. Сегодня, вотъ, прогуляю двѣсти рублей, а завтра захочу, такъ тыщу прогуляю, а нѣтъ, такъ двѣ тыщи!

Столъ мигомъ уставлялся винами и закусками. Когда купчикъ начиналъ хмѣлѣть, Иванъ говорилъ ему:

— Вы, Петръ Тихоничъ, деньги то отдайте мнѣ, а то обронить можете, или вытащить еще...

Купчикъ безпрекословно повиновался и передавалъ бумажникъ Ивану, который при этомъ никогда не упускалъ случая „прикарманить“ нѣсколько рубликовъ.

Благодаря постоянному присутствію цыганъ, трактиръ Горячева торговалъ прекрасно. Каждый вечеръ собирались въ немъ завсегдатаи и начинались попойки. Въ числѣ завсегдатаевъ Горячевскаго трактира былъ также и Петръ Тихоничъ Слободовъ. Опороживъ нѣсколько бутылокъ вина, саврасикъ выходилъ въ общую залу, гдѣ засѣдали цыгане.

— Развеселую! кричалъ неистово купчикъ.

— Какую прикажете, Петръ Тихонныч? подходилъ къ нему содержатель хора, высокій сѣдой цыганъ.

— Развеселую! повторялъ купчикъ.

Гитара начинала звучать, отчаянные звуки разухабистой цыганской пѣсни оглашали комнаты трактира. Жгучая, полная страсти молодая цыганка выходила на средину, изгибала свой стройный станъ и начинала плясать. Что то неимоვნно веселое, беззаботное сказывалось во всѣхъ ея движеніяхъ, чувство какого то высшего удовольствія и наслажденія появлялось въ ея огромныхъ, огненныхъ глазахъ, и жгли эти очи всякаго, и трепеталъ отъ нихъ всякій... Оставался только равнодушнымъ ко всему этому одинъ Иванъ. Усѣвшись гдѣ нибудь въ уголку, онъ смотрѣлъ на цыганку, слушалъ пѣніе и музыку, а въ это же самое время думалъ о томъ, какъ бы увеличить свой капиталецъ лишней сотенкой. Вино хотя Иванъ и пилъ, но очень осторожно, умѣренно, давши себѣ слово никогда не напиваться. „Станешь пьянствовать, богачемъ никогда не будешь“, разсуждалъ Иванъ.

На разсвѣтъ, совершенно опьяненный, поддерживаемый Иваномъ, выходилъ изъ трактира Петръ Тихоновичъ и на извозчикѣ отправлялся домой.

— Все благополучно? спрашивалъ Иванъ у дворника.

— У насъ то ничаво, а твой то вишь нарѣзался, качалъ головой дворникъ и укладывалъ хозяйскаго сына гдѣ нибудь въ своемъ помѣщеніи. Иванъ же шелъ въ молодцовскую и ложился часикъ другой уснуть.

— Гдѣ шлялся? спрашивали его товарищи.

— У дяди былъ, отвѣчалъ Иванъ.

Приказчики подозрительно смотрѣли на него, но тѣмъ не менѣе молчали и хозяину объ его частыхъ отлучкахъ не говорили, потому что самъ Иванъ не былъ, что называется, фискаломъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Однажды рано утромъ, возвращаясь съ обычнаго кутежа, Петръ Тихоннычъ и Иванъ совершенно неожиданно встрѣтились на дворѣ съ „самимъ“. Тихонъ Тихоновичъ собрался куда-то ѣхать и потому, вставши рано, ходилъ по двору, дожидаясь лошади. Увидя очень измятую фizioномію своего сына и сконфуженную фигуру приказ-

чика, Слободовъ широко открылъ глаза и отступилъ назадъ: онъ вовсе не подозрѣвалъ, что сынъ его кутить. Въ это время изъ конюшни выѣхалъ кучеръ. Тихонъ Тихоновичъ взялъ у него кнутъ и приблизился къ сыну. Саврасикъ упалъ на колѣни. Началось строгое родительское наказаніе. Петръ Тихоновичъ кричалъ благамъ матомъ.

— А ты что, собака! подступилъ старикъ къ Ивану. Сына моего вздумалъ сбивать съ пути истиннаго? Да знаешь-ли ты, нищая тварь, что я запорю вотъ тебя здѣсь и въ отвѣтъ не буду.

Иванъ поблѣднѣлъ и слегка прищурился.

— Бить меня не за что-съ, проговорилъ онъ.

— Еще ты разговаривать! закричалъ Тихонъ Тихоновичъ и замахнулся кнутомъ, но Иванъ отстранился и грубо заговорилъ:

— Нѣтъ, ужъ это я не дозволю, это зачѣмъ-же, одна дикость... Бейте кого другаго, а я не дозволю, не на того напали...

Отъ бѣшенства Тихонъ Тихоновичъ, затопалъ ногами и сталъ гнать Ивана вонъ. Парень удалился и спокойно началъ ожидать той минуты, когда его позовутъ за расчетомъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени Ивана позвали къ хозяину.

— Я тебя прогоняю и никакого расчета тебѣ не даю, сказалъ ему Тихонъ Тихоновичъ. Ступай, куда знаешь, а ко мнѣ, смотри, ни ногой: грубіановъ и пьяницъ я не держу въ своемъ домѣ.

Молодой человѣкъ злобно взглянулъ на купца.

— За вами двадцать рублевъ я считаю, сказалъ онъ.

— Не дамъ, ни копѣйки не дамъ! возразилъ Слободовъ. Поди, жалуйся на меня, пиши прошенія...

Сильно хотѣлось Ивану броситься на хозяина и поколотить его, но удержался онъ и только проговорилъ:

— Хорошо съ, какъ нибудь въ другой разъ сведемъ счеты, съ какой то угрозой произнесъ Иванъ и вышелъ изъ комнаты.

Два дня Иванъ Коптилинъ провелъ на постояломъ дворѣ, обдумывая, какъ лучше устроить свою жизнь, то-есть завести-ли какую нибудь собственную торговлишку, или снова поступить въ приказчики. „Нѣтъ, съ моими деньгами еще рано заводить торговлю, лучше буду еще служить“, рѣшилъ наконецъ Иванъ и отправился къ знакомому купцу Игнатію Максимовичу Чурилову, который

жилъ въ Таганкѣ и у котораго Иванъ часто бывалъ по дѣламъ своего бывшаго хозяина Слободова.

— Этотъ Чуриловъ, кажется человѣкъ добрый, ласковый такой, авось онъ не откажетъ меня взять къ себѣ въ приказчики, говорилъ себѣ Иванъ.

— За что же тебя Слободовъ-то уволилъ?—спрашивалъ Чуриловъ Ивана, когда послѣдній явился къ нему и попросилъ о мѣстѣ.

Иванъ разсказалъ, какъ хозяинъ встрѣтилъ его раннимъ утромъ съ подгулявшимъ сыномъ своимъ.

— Это точно-съ, что я ѣздилъ съ молодымъ хозяиномъ, но только кутить не кутилъ, потому, какъ жизни я совершенно трезвой... Объ этомъ кого хошь спросите, что я не пьяница, заключилъ Иванъ.

Чуриловъ подумалъ немного и велѣлъ Ивану придти на другой день. На другой день Иванъ явился, и Чуриловъ сказалъ ему, что принимаетъ его въ приказчики.

— Честно будешь жить, награжу, а нѣтъ, такъ живо отставку дамъ, объявилъ Ивану его новый хозяинъ.

Въ этотъ же день Иванъ Коптилинъ, суетливо работалъ, въ лавкѣ Чурилова торгующаго мануфактурнымъ товаромъ на Ильинкѣ.

IV.

Съ перваго же дня Иванъ отлично понималъ, что ему у Чурилова предстоитъ житье хорошее. Старикъ Чуриловъ былъ человѣкъ недалекій и еще вдобавокъ частенько запивалъ; единственнаго сына своего, малаго лѣтъ тридцати, онъ къ дѣлу не допускалъ, какъ человѣка слабоумнаго, почти идиота, а завѣдующій всѣмъ дѣломъ приказчикъ былъ очень старъ, чуть ли не девяноста лѣтъ, и уже плохо слышалъ, плохо видѣлъ, часто прихварывалъ; что же касается до остальныхъ членовъ Чуриловскаго семейства—жены Игнатія Максимовича и его дочери Клавденьки, дѣвицы лѣтъ подъ тридцать, то про нихъ нечего было и говорить: жена цѣлый день не сходила съ пуховика и любила „клюкнуть“, а дочь умомъ не отличалась и представляла изъ себя типъ засидѣвшейся невѣсты, думающей только о женихахъ, молодающей и посвятившей себя лишь одному кокетству, съ помощію котораго можно было хоть немного

исправить недостатки, полученные отъ природы: дѣвица была рябовата, очень дурно сложена и косила на лѣвый глазъ. Между тѣмъ у Чурилова было крупное дѣло, солидное состояніе, и если бы къ этому дѣлу приложить руки—оно бы заняло одно изъ первыхъ мѣстъ. „Не тутъ ли тотъ кладъ то, о которомъ мнѣ умирающій родитель говорилъ?“ подумалъ Иванъ, приглядѣвшись къ дѣлу Чуриловыхъ, и у него разгорѣлись глаза, явилось страстное же ланіе именно здѣсь основать свое благополучіе. Все благопріятствовало этому, рѣшительно все... Теперь Иванъ былъ уже двадцати трехъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, статнымъ, красавцемъ на диво, ловкимъ, рѣчистымъ, а дѣло такъ и кипѣло у него въ рукахъ; старый приказчикъ Чурилова, Иванъ Филипповичъ, сразу увидалъ прокъ въ молодомъ человѣкѣ сразу оцѣнилъ его и замѣтилъ объ этомъ хозяину, вотъ де парня то приласкать надо, прокъ де изъ него будетъ, не нашимъ „телепнямъ“ чета, огонь де парень!... Всюду поспѣвалъ Иванъ, все видѣлъ, все замѣчалъ, въ одинъ день успѣлъ поставить себя передъ товарищами и заставилъ, если не любить себя, то уважать и бояться, а мальчишки, такъ тѣ дрожали ужъ отъ одного взгляда новаго приказчика; двоимъ изъ нихъ „влетѣло“ ужъ отъ него въ первый день, чуть ли не въ первый часъ!...

— Какъ пакуешь товаръ то? строго спрашивалъ Иванъ у одного изъ товарищей. Вотъ какъ пакують, вотъ какъ...

Онъ бралъ дѣло и исполнялъ его живо, ловко, хорошо.

Другой приказчикъ отпустилъ было покупателя исключительно неумѣнъемъ продать, Иванъ вернулъ покупателя, заговорилъ ему зубы, показалъ товаръ, насулилъ чуть ли не рубль на рубль барыша отъ этого товара,—покупатель былъ торговецъ,—и продалъ товара на большую сумму, а товарища своего выругалъ и смѣшалъ съ грязью. Въ полдень хозяинъ ушелъ въ трактиръ, а главный приказчикъ задремалъ, сидя за прилавкомъ, и вотъ товарищи окружили Ивана, стали ему выговаривать.

— Больно ужъ ты горячъ! говорили они. Коли хочешь сильно хозяевамъ служить, своихъ товарищей подводить, такъ это, братъ, дѣло не ловкое за это можетъ очень свободно влетѣть вашему брату во какъ...

— Это вы насчетъ чего? усмѣхнулся Иванъ.

— Да хотя бы насчетъ минки хорошей...

— Ну, этого я не боюсь, братцы, я подковы ломаю, вамъ всѣмъ со мной не сладить, а вотъ насчетъ товарищества то я вамъ скажу свое слово... Я, братцы, для васъ же хлопочу, для васъ и для себя...

— Это какъ?

— А такъ... Дѣло у васъ идетъ дрянно, а дѣло то хорошее, ни у кого изъ сосѣдей такого дѣла нѣтъ, потому у нашего капитала, сила, а тамъ все на фу-фу, такъ ежели мы разведемъ дѣло — намъ не житье будетъ, а масленица, потому мышамъ тамъ хорошо, гдѣ хлѣбъ есть, ну, а коли такъ-то вотъ все пойдетъ, такъ смотри, самъ прикроетъ дѣло, и мы всѣ на бобахъ, всѣ безъ мѣста... Не о хозяевахъ я хлопочу, братцы, а о себѣ, потому имъ и безъ насъ хорошо...

Приказчики задумались. Рѣчь новаго товарища была правдива.

— Ну, а какъ насчетъ вотъ этого? спросилъ одинъ, дѣлая жестъ рукою и изображая, какъ прячуть „за голенище“.

Иванъ пожалъ плечами.

— Ужъ извѣстно какъ — рука руку моетъ, вы за меня, я за васъ, только чтобы умно было, чтобы концы были схоронены...

Приказчики успокоились. Они не совсѣмъ довѣряли Ивану, побаивались его, но все же видѣли, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣло и подтянулись сами, если не изъ желанія подымать хозяйское дѣло, то просто ради самолюбія, чтобы не отстать отъ новичка, а его знаніе дѣла, его умѣнье, его рѣзкая рѣчь и твердый взглядъ невольно покоряли. Извѣстно, что въ каждой профессіи лучшіе работники, вызывая зависть въ товарищахъ, въ то же время пользуются и уваженіемъ, а Иванъ дѣло зналъ отлично и умѣлъ это знаніе показать, поставить на видъ, что дается въ удѣлъ далеко не каждому.

Поставивъ такъ себя передъ товарищами и показавъ всѣ казовые концы свои хозяевамъ, Иванъ сильно налегъ на дѣло и сильно надѣялся на успѣхъ. „Право, въ этомъ домѣ я найду кладъ, о которомъ батюшка говорил! думалъ онъ, давно уже переставъ мечтать объ отысканіи клада въ буквальный значеніи этого слова. Вдругъ, часовъ въ пять пополудни, передъ самымъ уже запоромъ

лавки,—дѣло было въ концѣ января,—въ лавку Чурилова вошли отецъ и сынъ Слободовы. Тихонъ Тихоновичъ перекрестился на образъ, бросилъ мимолетный взглядъ на Ивана, отбирающаго товаръ для отсылки кому то, и поздоровался съ Чуриловымъ. Молодой Слободовъ остался въ тѣни и стоялъ, потупившись; на лицѣ его были еще видны слѣды отцовской „науки“.

— По дѣлу къ тебѣ, Игнатій Максимовичъ, заговорилъ старикъ Слободовъ, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Радъ хорошему гостю и по дѣлу, и по бездѣлю... Пойдемъ въ трактиръ, отвѣтилъ Чуриловъ.

— Сперва дозволю здѣсь поговорить, а потомъ куда хошь, даже угощать тебя желаю... Слышалъ я, что ты взялъ мово парня, Коптилина Ваньку—правда это?

Иванъ поблѣднѣлъ.

— Правда, взялъ... Вотъ онъ стоитъ, указалъ Чуриловъ на молодого человѣка.

— Ну, глядѣть мнѣ на него противно, не буду глядѣть и тебѣ не посовѣтую... Вотъ что, Игнатій Максимычъ, коли ты хочешь со мной знакомымъ быть, — ты Ваньку отъ себя прогони... Я прошу объ этомъ не ради того, чтобы зло свое сорвать, а ради того, что тебя берегу—парень онъ воръ и мѣсто ему не за прилавкомъ...

— Тихонъ Тихонычъ! вдругъ рѣзко и звонко крикнулъ Иванъ. Не извольте клевету говорить, вспомните, что всюду у насъ судъ есть...

— Молчи! остановилъ его Чуриловъ. Въ чемъ дѣло, Тихонъ Тихонычъ? Изъ-за чего ты его уволилъ-то?

— А изъ-за того я его, негодяя, уволилъ, что онъ многіе годы обворовывалъ меня... Я, надо тебѣ сказать, давно замѣтилъ, что у меня дѣло неладно, что поселился воръ и только никакъ поймать того вора не могъ и на Ваньку не думалъ, потому парень лиса, въ душу влѣзетъ и глаза кому хошь отведетъ... Вдругъ я встрѣчаю свою вотъ Петра, онъ съ Ванькой поутру съ попойки возвращается... Ну, извѣстное дѣло по родительски поучилъ его, а Ваньку со двора. да раненько сдѣлалъ это—надо бы сперва его въ полицію, подъ судъ бы его надо... Оказалось, другъ ты мой любезный, что онъ много лѣтъ товаръ у меня кралъ и краденое сбывалъ, вотъ

Петръ его въ этомъ поймалъ и хотѣлъ уличить, да вышло такъ, что Ванька кой какія ребячьи продѣлки Петины зналъ и ему тѣмъ пригрозилъ, а парень и струсилъ, я де буду молчать, молчи и ты... Тѣмъ случаемъ Ванька воспользовался и продолжалъ красть, доколѣ я его не поймалъ, а мово парня съ толку сбивалъ, на все дурное наталкивалъ, вмѣстѣ съ нимъ краденое прогуливалъ... Петръ, пооди сюда!...

Молодой Слободовъ подошелъ.

— Говори, Петръ, Игнатью Максимовичу, какъ тебя Ванька путалъ, какъ меня обворовывалъ и какъ ночи проводилъ...

Петръ Тихоновичъ, конфузясь и краснѣя, сталъ рассказывать свои похождения, во всемъ обвиняя Ивана. Иванъ, по его словамъ, и кралъ, и возилъ купчика по различнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, и училъ обманывать отца, и такъ затягивалъ дѣло, что ему, Петру Тихоновичу, волей неволей, приходилось повиноваться, либо попасть подъ гнѣвъ отца и поплатиться жестоко.

Чуриловъ слушалъ молча и поглядывалъ на Ивана, который стоялъ блѣдный, какъ полотно и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ глазахъ новаго хозяина онъ читалъ свой приговоръ и видѣлъ, что все кончено, что слабохарактерный Чуриловъ не можетъ устоять, не можетъ и самостоятельно разсудить дѣло.

— Дозвольте, Игнатій Максимовичъ, мнѣ свое слово въ оправданіе сказать, проговорилъ Иванъ. Я...

— Здѣсь, братъ, не судъ, холодно перебилъ его Чуриловъ. Я Тихону Тихонычу больше повѣрю, чѣмъ тебѣ, и мое мнѣніе такое, что тебѣ у меня не жить... Мнѣ, братъ, такихъ не надо, жалѣю даже, что и два дня у меня прожилъ...

— Дозвольте мнѣ слово сказать, вдругъ заговорилъ старый приказчикъ Чурилова и заговорилъ строго, внушительно, какъ власть имѣющій, какъ сознающій свое значеніе и силу. Дивлюсь я, какъ это у Тихонъ Тихоныча хватило совѣсти съ такимъ дѣломъ идти сюда, вотъ что!... Сынку ихнему подъ тридцать лѣтъ, а Ивану двадцать съ небольшимъ, и вдругъ выходитъ, что Иванъ баловалъ Петра Тихоныча, на все дурное наталкивалъ, младшій старшаго портилъ... Чудно!... А по моему, порченаго портить нечего, изъ правды слова не выкинешь и всѣмъ извѣстно, что Петръ Тихо-

нычъ поведенія не больно похвальнаго, такъ не его молодому парню портить, особливо парню подневольному... А по моему дѣло то было вотъ какъ: сынокъ Тихонъ Тихоныча куралесилъ, а Иванъ, хоша и зналъ, да сказать не смѣлъ, волей неволей подражалъ ему, потому промежду двухъ огней находился—отцу угодишь—сынъ сгубить, сыну потрафишь—отецъ изведетъ, а особливо у Тихонъ Тихоныча сынокъ набалованъ, воля ему полная, ну, парень и вертѣлся, какъ воръ на ярмаркѣ... Теперича его прогнали, да и здѣсь хотять погубить, а за что?... Мнѣ, слава Богу, на девятый десятокъ пять лѣтъ, виды я видалъ, и по моему, парня гнать не слѣдъ... Будетъ плохъ—прогонимъ, потачки не дадимъ, а коли хорошъ онъ—не за что и гнать,—до чужой вины намъ дѣла нѣтъ... По моему выходитъ такъ, что Тихонъ Тихонычъ парня то жалѣетъ, потому парень въ дѣлѣ золото и покупателей знаетъ, и все такое, вотъ онъ и пришелъ отъ своего конкурента такого парня снять... Не осудите, Тихонъ Тихонычъ, за правду, а дѣло такъ, какъ и говорю, и моя просьба къ хозяину будетъ Иванушку оставить, не губить, я самъ присмотрю за нимъ, а ужъ чью прозбу хозяинъ уважить — не знаю, можетъ и не послушаетъ меня, старика, забудетъ мою службу ему и покойному родителю его, ужъ не знаю...

— Какъ скажешь, Игнатій Максимычъ? обратился къ Чурилову Слободовъ, весь красный отъ волненія и гнѣва.

— А скажу, Тихонъ Тихонычъ, что я со старикомъ согласенъ: парня я, извини, не прогоню...

Съ рыданіями бросился впередъ Иванъ и поклонился въ ноги старому приказчику.

— Благодарю васъ, Иванъ Филипповичъ!... Вѣкъ за васъ Бога буду молить, спасли меня отъ гибели! рыдая, говорилъ Иванъ. Одна бы дорога съ волчьимъ то паспортомъ въ Москву-рѣку... Спасибо вамъ, отецъ родной, благодѣтель... Спасибо и вамъ, Игнатій Максимовичъ, увидите, какъ заслужу я вамъ..

Искренняя рѣчь Ивана, отлично разыгранная сцена сперва отчаянія, а потомъ восторга, рыданія растрогали Чурилова; онъ былъ очень радъ, что сдѣлалъ именно такъ, и чувствовалъ себя прекрасно. Добродушные, не далекіе люди очень любятъ выраженія

восторга по поводу ихъ мнимой или настоящей доброты и вообще хорошихъ качествъ.

Слободовъ между тѣмъ обмѣривалъ злымъ взглядомъ и Чурилова, и старика приказчика, и Ивана.

— Ладно, хорошо, чудесно! заговорилъ онъ, запахивая шубу. Видно, тебѣ рѣчи выжившаго изъ ума старика и этого вотъ вора милѣ моихъ... Ладно, хорошо, держи у себя воровъ, держи... Нога моя у тебя не будетъ съ этой поры и не торговецъ ты опосля этого, а... Эхъ, говорить-то не хочется!...

— И не говорите, сударь, Тихонъ Тихонычъ, съ усмѣшкою сказалъ старый приказчикъ, а то вѣдь нонѣ мировые есть, могутъ васъ и поучить за разговоры за эти... Я вотъ, по вашимъ словамъ, изъ ума выжилъ, а по моему, у васъ его нѣтъ, ума-то, да-съ...

Слободовъ плюнулъ, выругался и быстро вышелъ изъ лавки. Сынъ уныло поплелся за нимъ. Все еще рыдающій Иванъ не могъ запереть лавку и вышелъ слѣдомъ за хозяиномъ и приказчиками. Въ одномъ изъ переулковъ, онъ замѣтилъ идущихъ одинъ за другимъ Слободовыхъ, отсталъ немного отъ товарищей и догналъ своихъ бывшихъ хозяевъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, Тихонъ Тихонычъ! иронически проговорилъ Иванъ, низко кланяясь старику Слободову. Отплатили за службу хорошо, жаль только не по вашему вышло...

— Пошелъ ты къ бѣсу, окаянный, злобно крикнулъ старикъ. Пошелъ, пока цѣлъ!...

— Я цѣлымъ и останусь, вотъ вы, за добромъ-то за своимъ поглядите, оно будетъ-ли цѣло. Спасибо и вамъ, Петръ Тихонычъ... Помните, что я не забуду вамъ этого, отплачу за вашу хлѣбъ-соль, не оставляю безъ вниманія...

Иванъ еще разъ низко, низко поклонился и отошелъ отъ Слободовыхъ, полный къ нимъ неукротимой злобы и счастливый отъ благополучнаго исхода своего дѣла. Онъ теперь былъ вполне покоенъ за прочность своего положенія у Чуриловыхъ.

И вотъ фортуна видимо обратилась къ Ивану лицомъ. Не прошло и мѣсяца со дня его поступленія къ Чурилову, какъ онъ пользовался уже и любовью всѣхъ обитателей Чуриловскаго дома. Игнатій Максимовичъ благоволилъ къ нему, какъ къ ловкому и

усердному приказчику, жена его была расположена къ смирному почтительному „молодцу“ за его „сиротство“ и почтительность, слабоумный сынъ привязался за человѣколюбивое отношеніе къ себѣ,— только одинъ Иванъ никогда не позволялъ себѣ насмѣхаться надъ хозяйскимъ сыномъ и обижать его,—а Клавденька съ любовью заглядывалась на красавца-приказчика, скромнаго, почтительнаго, всегда трезваго, всегда одѣтаго чисто и даже франтовато и, не смотря на свою скромность, умѣющаго поговорить. умѣющаго быть веселымъ, но кто всѣхъ болѣе полюбилъ Ивана, такъ это старій приказчикъ Иванъ Филипповичъ. Подъ предлогомъ признательности за заступничество, Иванъ просто боготворилъ старика, ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ отцомъ, глядѣлъ ему въ глаза, старался угадать мысли старика и успѣлъ такъ расположить къ себѣ Ивана Филипповича, что тотъ на стѣны лѣзъ, какъ говорится, за новаго приказчика и постоянно выставлялъ его на видъ передъ хозяиномъ. Придерживаясь старой вѣры, Иванъ Филипповичъ не курилъ, никогда не употреблялъ хмѣльных напитковъ, а потому особенно сильно цѣнилъ въ Иванѣ его трезвость и отсутствіе привычки курить, а почтительность молодаго человѣка къ старшимъ, тонкая и искусная лесть, умѣнье угодить подкупали старика, и онъ сдѣлался его покровителемъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ немъ положительную способность къ дѣлу.

— Вотъ вамъ человѣкъ, Игнатій Максимовичъ, говорилъ онъ хозяину про Ивана, держитесь за него—золото это!... Не даромъ его хотѣлъ очернить Слободовъ, не даромъ: боялся онъ такого парня у своего конкурента оставить... Я такъ понимаю, что такихъ людей нонѣ и нѣтъ опричь нашего Вани, право нѣтъ!... Иной дѣло знаетъ, да, глядишь, пьяница, гуляка, а другой поведенія исправнаго, да рохля, а этотъ паренъ всѣмъ взялъ... Съ такимъ человѣкомъ дѣло можно поставить, вотъ что: онъ о хозяинѣ больше, чѣмъ о себѣ блюдетъ, потому самъ то онъ малымъ доволенъ, роскошества въ немъ нѣтъ никакого, ни хмѣльнаго паренъ не употребляетъ, ни похвальбы въ немъ нѣтъ, ни на женское лицо онъ не заглядывается... Приласкайте парня, Игнатій Максимовичъ, оцѣните его, спасибо потомъ скажете... Я ужъ не долго проживу, такъ

онъ меня у васъ замѣнить и лучше меня будетъ, потому въ немъ молодость, сила, а я ужъ усталъ, отжилъ свой вѣкъ...

Чуриловъ вѣрилъ своему вѣрному слугѣ на слово, и самъ видѣлъ, что Иванъ парень „лучше не надо“, а потому отличалъ его отъ прочихъ и приблизилъ къ себѣ. Черезъ полгода „Иванъ“ обратился въ „Ивана Петровича“ среди товарищей и въ „Ваню“ у своихъ хозяевъ. Одни его побаивались и уважали, другіе любили и уважали, а дочь Чурилова, кокетливая Клавденька, была отъ него безъ ума. Объ этомъ, впрочемъ, мы поведемъ рассказъ обстоятельно...

V.

Былъ какой то большой праздникъ. Въ такіе праздники Чуриловы не выходили въ лавку, и приказчики были свободны, при чемъ имъ дозволялось уходить со двора, съ обязательствомъ, впрочемъ, вернуться домой не позднѣе девяти часовъ вечера. Всѣ приказчики широко пользовались данной свободой, покидали домъ сейчасъ же послѣ ранней обѣдни, расходились по знакомымъ, по трактирамъ и возвращались домой часто позднѣе назначеннаго срока и всегда подъ хмѣлькомъ, а на утро выходили въ лавку пасмурные, съ головной болью и жадно искали случая „опохмѣлиться“. Не такъ проводилъ свободные дни Иванъ Петровичъ Коптилинъ. Онъ шелъ за раннюю обѣдню и, возвращаясь, шелъ поздравить хозяевъ съ праздникомъ, послѣ чего приглашался обыкновенно къ чаю, пилъ его за хозяйскимъ столомъ, ведя дѣловой и благопрістойный разговоръ, шелъ потомъ куда нибудь за позднюю обѣдню, приходилъ обѣдать, отдыхалъ часъ, два и садился или за торговые книги, или за выписку счетовъ, или за какое нибудь другое занятіе и только изрѣдка ходилъ куда нибудь къ знакомымъ на короткое время и возвращался всегда во время, всегда трезвый, вызывая одобреніе хозяевъ и своего покровителя — Ивана Филипповича.

Такъ и въ описываемый день Иванъ Петровичъ напился послѣ ранней обѣдни чаю съ хозяевами, а потомъ отправился за позднюю. Отстоявъ службу до конца, молодой человѣкъ вышелъ на церков-

ный дворъ и медленно сталъ прогуливаться по тропинкѣ, усыпанной краснымъ пескомъ и тщательно выметенной. Было прекрасное зимнее утро съ легкимъ морозцемъ, съ солнечнымъ сіяніемъ, безъ малѣйшаго вѣтра. Такія утра только и бываютъ въ началѣ февраля, да и то не часто. Выходившій изъ храма народъ тоже не спѣшилъ домой, и по тропинкѣ ходило много мужчинъ и женщинъ, здороваясь, поздравляя другъ друга съ праздникомъ, обмѣниваясь новостями. Тутъ были всѣ сосѣди, прихожане одного прихода, и почти всѣ были знакомы между собою. Прошла Клавденька Чурилова съ матерью, щеголяя богатой ротондой на чернобурой лисицѣ и новой шляпкой. Дѣвица привѣтливо отвѣтила на почтительный поклонъ Коптилина и, проходя мимо него, успѣла шепнуть тихонько отъ матери:

— Приходите кофей пить!..

— Благодарю, Клавдія Игнатьевна, не могу-съ, дѣло есть, отвѣтилъ Коптилинъ, почтительно кланаясь хозяйской дочкѣ и улыбаясь на ея влюбленный взглядъ.

И не одна Клавденька заглядывалась такимъ взглядомъ на Ивана Коптилина. Почти всѣ дамы и дѣвицы, проходя мимо молодого человѣка, дарили его такимъ взглядомъ и тайно вздыхали по статномъ красавцѣ. А Иванъ былъ теперь дѣйствительно очень красивъ. Высокаго роста, статный, онъ былъ широкъ въ плечахъ, тонокъ въ таліи, держался прямо и ловко, а изъ подъ темныхъ, точно вырисованныхъ бровей, глядѣли каріе, почти черные, глаза, ласковые, заглядывающіе въ душу, блестящіе и выразительные. Легкій пушокъ юности покрывалъ румяныя щеки, надъ алыми губами чуть, чуть чернѣли тонкіе усики, шелковистая темная бородка облежала подбородокъ. Развѣ бы очень ужъ наблюдательный человѣкъ уловилъ въ выраженіи глазъ что то фальшивое, коварное, да прочелъ бы въ легкой усмѣшкѣ румяныхъ губъ не то злую, не то насмѣшливую улыбку. Но такихъ наблюдателей не было среди проходившей мимо Коптилина публики.

Одѣтъ онъ былъ очень скромно, но чисто, прилично, и все сидѣло на немъ ловко и красиво, отъ фуражки до новенькихъ, ярко вычищенныхъ сапоговъ съ калошами. Онъ почтительно кланялся

знакомымъ своихъ хозяевъ, вѣжливо ихъ служащимъ и привѣтливо различнымъ рабочимъ, артельщикамъ и мальчикамъ.

Но вотъ церковный дворъ сталъ пустѣть, богомольцы заторпились „ко шамъ“, изъ храма выходили особенно богомольныя старички и старушки. Одну изъ таковыхъ сопровождала, поддерживая подъ руку, молоденькая дѣвушка въ скромной шубкѣ изъ манчестера съ куннымъ воротникомъ, въ простенькой, но очень мило одѣланной шляпкѣ, въ шерстяномъ синемъ платьѣ безъ всякой отделки. Не смотря на этотъ скромный костюмъ, дѣвушка была, безспорно, лучше всѣхъ богато одѣтыхъ дамъ и барышень. Что то безконечно милое было въ ея личикѣ, нѣсколько блѣдномъ, какъ бы утомленномъ, свѣтъ яснаго весенняго неба свѣтился въ ея большихъ, осѣненныхъ длинными рѣсницами глазахъ, нѣжная, ласковая улыбка скользила по розовымъ губкамъ, а сложена дѣвушка была замѣчательно, точно античная статуя, точно осуществленная мечта великаго художника. Чѣмъ то милымъ, нѣжнымъ, поэтическимъ вѣяло отъ этой дѣвушки.

Осторожно поддерживая старушку подъ руку и что то говоря ей, спускалась дѣвушка съ лѣстницы паперти и, замѣтивъ стоявшаго на тропинкѣ Коптилина, вспыхнула, потупилась и чуть не уронила старушку, торопливо прыгнувъ со ступеньки на ступеньку.

Коптилинъ подошелъ и поклонился.

— Съ праздникомъ, Катерина Петровна, проговорилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ и такъ же вѣжливо поклонился старушкѣ, назвавъ ее бабушкою.

Дѣвушка оправилась, совладала съ собою и привѣтливо отвѣтила на поздравленіе.

— Какъ это вы прекрасно за бабушкою ухаживаете, Катерина Петровна. такъ это даже умилительно! продолжалъ Коптилинъ. Другая бы барышня и вниманія не взяла со старушкой возиться, а вы точно няня съ нами-съ...

— Я очень люблю бабушку, она меня вынянчила, а вотъ теперь и я плачу ей тѣмъ же, отвѣтила дѣвушка.

— Это очень даже похвально-съ, одобрилъ Коптилинъ. Домой теперь-съ?

— Да... Хотите идти къ намъ чай пить?.. Мы до поздней обѣдни

не пьемъ, говѣемъ, по желанію папаши... Пойдемте, я васъ пирогомъ своей страпни угощу...

— За особенное счастье почту, Катерина Петровна! приподнялъ фуражку Коптилинъ.

Дѣвушка засмѣялась.

— Ужъ и за счастье! проговорила она. Велико счастье—кусокъ пирога съ рисомъ скушать!..

— Не въ пирогахъ дѣло-съ, а въ удовольствіи быть въ вашей компаніи.

— Дѣвушка поглядѣла на Коптилина.

— Да!.. И вы это всѣмъ говорите? спросила она.

— Нѣтъ-съ, не всѣмъ... Это говорится отъ полноты души.

— Плохо что то вѣрится, вздохнула дѣвушка. А впрочемъ Богъ съ вами, какъ хотите... Я зову васъ отъ души, мнѣ пріятно это, а пріятно ли вамъ, не знаю...

— А почему же вамъ это пріятно? лукаво спросилъ Коптилинъ, и глаза его приняли выраженіе глазъ кошки, которая играетъ съ мышкою.

— Почему? повторила дѣвушка.

— Да-съ...

— Потому... потому, что пріятно! засмѣялась дѣвушка, слегка краснѣя.

— Такъ-съ... Вы вотъ не откровенны, Катерина Петровна, а я такъ наоборотъ-съ.

— Что же вы?

— Я-съ?... Я прямо скажу, что я и дни и ночи думаю о васъ, можетъ, страдаю даже, ночей не досыпая... Проще говоря, я въ васъ влюбленъ, Катерина Петровна, вотъ что-съ!...

Дѣвушка снова зардѣлась румянцемъ.

— Тише! сказала она. Бабушка вѣдь тутъ.

— Онѣ глухія-съ, не услышатъ, а хотя бы и услышали, такъ ничего-съ: я хоть среди площади прокричу это...

Дѣвушка покачала головою.

— Что вы головкой качаете? Не вѣрите-съ? спросилъ Коптилинъ.

— Не вѣрю.

— Почему же, напрімѣръ-съ?

— Не вѣрю... Еслибъ это была правда, такъ кричать объ этомъ среди площади нужды не было бы, а вамъ папашѣ слѣдовало бы объяснить.

— Ахъ, Катерина Петровна...

— Погодите, не перебивайте... Вы ужъ нѣсколько разъ говорили мнѣ о своей любви, я выслушивала васъ... значитъ я... тоже готова полюбить васъ, такъ почему же вы не идете дальше, если не лжете?... Когда молодой человѣкъ полюбитъ молодую дѣвушку, онъ сватается къ ней, такъ всегда, и только въ страшныхъ романахъ бываетъ, что увозятъ, да сражаются, да отравляются, да на свиданія выходятъ..

— Ахъ, Катерина Петровна, да развѣ я смѣю?... Вѣдь я ни больше, ни меньше, какъ младшій приказчикъ, а вы все же дочь купца.

— Ну, объ этомъ вы не беспокойтесь, папаша будетъ согласенъ... Впрочемъ, что это я, съума сошла, глупая!... Ха, ха, ха!.. Сватаю!... Вотъ что, Иванъ Петровичъ: будетъ объ этомъ, ни слова больше!... Прошу васъ никогда мнѣ больше о своей любви не говорить, а то я сердиться буду на васъ.

— Да вѣдь...

— Ни единого словечка! перебила дѣвушка. Вотъ расскажите лучше что-нибудь про театръ... Были вы еще разъ въ театрѣ?

— Былъ-съ... Представляли одну очень интересную вещь, подъ названіемъ „Гамлетъ, принцъ датскій...“

— Ну, вотъ и расскажите про этого принца, веселѣе идти будетъ...

Коптилинъ сталъ передавать, какъ умѣлъ, содержаніе „Гамлета“, и скоро компанія дошла до небольшого домика въ одномъ изъ переулковъ Полянки.

Домикъ этотъ принадлежалъ купцу Петру Прохоровичу Сургучову, а молодая дѣвушка, пригласившая Коптилина пить чай и кушать пирогъ, была дочь этого Сургучова, Катя. Петръ Прохоровичъ Сургучовъ велъ небольшую торговлю мануфактурнымъ товаромъ и имѣлъ лавочку въ Пожевой линіи. Когда-то довольно богатый человѣкъ, Сургучовъ, лѣтъ десять тому назадъ, раззорился, не получивъ большаго долга съ обанкротившагося торговца,

Уль было самъ не обанкротился, но справился кое-какъ, умолилъ кредиторовъ и, сокративъ торговлю, жилъ теперь кое-какъ перебываясь, что называется „съ хлѣба на квасъ“. У неге была жена, два сына, мальчики лѣтъ по пятнадцати, и дочь семнадцати лѣтъ Екатерина, да кромѣ того жила бѣдная больная теща, дряхлая старуха, которую мы видѣли выходящею изъ церкви съ Катей. Мальчики учились на отцовскій счетъ въ гимназiи и это обходилось не дешево, дѣла же шли очень плохо, и красавицѣ Катѣ грозило вѣчное дѣвство, такъ какъ къ „безприданницѣ“ никто не сватался. Дѣвушка работала на продажѣ кружева, помогала матери въ хозяйствѣ и принуждена была ограничивать всѣ свои желанiя, такъ что даже манчестеровая шубка была роскошью, а то приходилось довольствоваться люстриновой на ватѣ. Повидимому, дѣвushку не тяготило ея положенiе. Она охотно работала съ утра до ночи, распѣвая пѣсенки, довольствовалась двумя, тремя платьями въ годъ, обходилась безъ выѣздовъ на балы и вечеринки, въ театрѣ бывала разъ въ зиму, а о замужествѣ не думала. Единственнымъ удовольствiемъ ея было чтенiе, и всѣ праздники сидѣла она за книгою, нисколько не завидуя другимъ дѣвушкамъ, которыя веселились, щеголяли нарядами, выходили замужъ. Книги сдѣлали ея нѣсколько мечтательною, но онѣ же научили ея думать, разсуждать, и вотъ, сидя за своимъ кружевомъ, много, много думала дѣвушка... „Осучно, конечно, въ одиночествѣ вѣкъ скоротать, думала она, но не весело и замужъ выйти, какъ вонъ нѣкоторыя подруги вышли... У одной мужъ оказался пьяницею, съ утра до ночи гуляетъ, кутить, другую вонъ бьетъ мужъ, тиранитъ, а когда она убѣждала было отъ него, такъ онъ ее силой, черезъ полицiю, къ себѣ взялъ, третья вышла потому, что богата, деньги ея мужа прельстили, а какъ деньги онъ прибралъ, такъ и бросилъ ее... Такое замужество хуже всякаго одиночества, ну, его!.. А я такъ полагаю, что если найдется человѣкъ, которому я понравлюсь, такъ тотъ и безъ приданаго возьметъ, и любить будетъ, я ужъ знать буду, что меня онъ беретъ, а не деньги... Лучше такъ-то... А не суждено найти человѣка по душѣ, по мыслямъ, такъ и не надо... Пока хорошо живется, вольно дышется... Солнце Божье красно, цвѣты душисты, вѣтеръ вольный словно крыльями тебя обхваты-

ваетъ, сердце порою какъ-то сладко, сладко бьется, пѣть хочется и мила жизнь... Ну, а старость придетъ, тоска за душу схватить — въ монастырь уйду... Хорошо въ тихомъ, въ тихомъ монастырѣ съ тоскою-то жить“...

Такъ думала Катя, и не только тоска не закрадывалась ей въ душу, а даже и скука не посѣщала никогда. Утомленная дѣвушка день денской за работою, съ аппетитомъ поужинаетъ и крѣпко спитъ въ своей дѣвичьей кроваткѣ, тихіе сны навѣщаютъ ее... Отецъ у Кати былъ добродушный, немного простоватый человѣкъ, любящій пофилософствовать, а порою выпить; выпивши, онъ не буянилъ, не кричалъ, не обижалъ никого, а либо горько, горько плакалъ, либо пѣлъ тончайшимъ фальцетомъ одну и ту же пѣсню: „Стонетъ сизый голубочекъ“.

Мать, обыкновенная купчиха средней руки, любившая похвалиться былымъ богатствомъ, а порою тоже выпивающая, любила дочь за то, что та была похожа на нее, мечтала о томъ, что „пристроить ее за милліонера“, но впрочемъ съ охотою отдала бы и за мелочнаго лавочника, и ни въ чемъ дочь не стѣсняла, такъ что Катя не несла того гнета, который несли и несутъ другія дѣвушки ея среды.

Въ началѣ зимы, Катя увидала Коптилина въ церкви, и красивая наружность молодого человѣка произвела на нее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что Коптилинъ не спускалъ съ нея глазъ, не обращая вниманія на множество богато расфронченныхъ дамъ, которыя любовались красавцемъ приказчикомъ. Это заинтриговало Катю и польстило. Придя домой, она подошла къ зеркалу и долго, долго гладѣлась въ него, видимо любясь собою и быть можетъ въ первый разъ сознавая свою красоту.

Петръ Прохоровичъ Сургучовъ покупалъ товаръ у Чурилова, и Иванъ напросился какъ то сходить къ покупателю „за полученіемъ“. Выбравъ для этого время, когда Сургучова не было въ лавкѣ, онъ явился къ нему на домъ, былъ ласково принятъ радушнымъ и словоохотливымъ хозяиномъ, познакомился съ Катей и съ тѣхъ поръ довольно часто заходилъ въ желтенькій старенькій домикъ Сургучова, то по приглашенію хозяевъ, то подъ предлогомъ получить деньги, доставить счетъ, сообщить о полученіи какой-нибудь

„ходовой“ новинки по мануфактурной части. На холодного, разсудительнаго Ивана красота Кати произвела сильное впечатлѣніе, и въ его душѣ шевельнулось чувство любви не къ однимъ только деньгамъ... Съ перваго же знакомства онъ понялъ, что „не противень“ Катѣ, и задумался надъ своимъ положеніемъ. „Безприданницу“ Катю легко могли выдать за приказчика, тѣмъ болѣе, что отецъ ея полюбилъ ловкаго, умнаго и степеннаго Коптилина и зналъ при этомъ, что Коптилинъ „на виду“ у хозяина, что не сегодня, такъ завтра онъ будетъ старшимъ... и слѣдовательно партія для Кати была вполне подходящая. Все это отлично понялъ Коптилинъ и не думалъ получить отказа, почти былъ увѣренъ въ успѣхѣ сватовства и хотѣлъ уже дѣйствовать въ этомъ направленіи, какъ вдругъ остановился и раздумалъ. Любовь къ Катѣ не уменьшилась въ немъ, напротивъ, но чувство этой любви было побѣждено разсудкомъ, холодный умъ взялъ верхъ надъ пылкимъ сердцемъ. Иванъ замѣтилъ, что хозяйская дочь, перезрѣлая Клавденька, поглядываетъ на него такими глазами, что съ нею можно сдѣлать все,—отъ поцѣлуя украдкой до увоза изъ родительскаго дома... Да, быть можетъ, увозъ и не понадобится, быть можетъ Игнатій Максимовичъ дастъ согласіе на бракъ дочери съ ловкимъ дѣловымъ приказчикомъ, хотя бы потому, что Клавденька „засидѣлась“, и надежды на болѣе приличную партію не было... А за Клавденькой дадутъ тысячу пятьдесятъ, а быть можетъ и сто, быть можетъ, даже все отдадутъ ей, такъ какъ идиоту сыну надо немного... Коптилинъ задумался и, не переставая бывать у Сургучовыхъ, не переставая нѣжно вздыхать по красавицѣ Катѣ, дальше этихъ вздоховъ и нѣжныхъ словъ не шелъ. „Тутъ дѣло не уйдетъ, думалъ онъ, успѣю еще, а тамъ надо готовить по маленьку... Поспѣшишь—людей насмѣшишь, надо семь разъ примѣрить, а отрѣзать-то одинъ разъ...“ И вотъ онъ выжидалъ.

У Сургучовыхъ на него смотрѣли, какъ на жениха, и думали, что онъ медлитъ лишь потому, что не составилъ еще себѣ вполне прочнаго положенія у хозяевъ, ждетъ повышенія, прибавки, ждетъ болѣе обезпеченнаго и прочнаго положенія. Такая разсудительность была вполне по душѣ родителямъ Кати, а сама она ни на одну минуту не сомнѣвалась въ любви Ивана Петровича, и любила сама

чистой, первой любовью, не думая и не разсуждая о дальнѣйшемъ, а ожидая чего-то свѣтлаго, радостнаго, хорошаго. Дѣвушка было и теперь хорошо и жилось такъ счастливо, что она не промѣняла бы своего счастія ни на какія блага міра...

Вотъ она привела дорогаго гостя въ свои уютныя чистенькія комнатки, оставила его одного и побѣжала переодѣться и приготовить чай и пирогъ своей стряпни. Коптилинъ поправилъ передъ зеркаломъ прическу, галстухъ и оглядѣлъ хорошо знакомую уютную комнатку, гдѣ все дышало заботливостью Кати и ея дѣвичьимъ вкусомъ. Какъ снѣгъ бѣлыя кисейныя занавѣски спускались съ оконъ, на которыхъ стояло множество цвѣтовъ, канарейка звонко чиликала, обрадованная хоть и холоднымъ еще, но яркимъ лучемъ солнца; не дорогая, но красивая и удобная мебель была чиста; полъ блестѣлъ, какъ зеркало; пылинки не было на яркомъ коврикѣ передъ диваномъ; весело глядѣли со стѣнъ картинки въ золотыхъ багетахъ; сверкали и искрились на этажеркѣ фарфоровыя бездѣлушки... Хорошо, уютно было въ свѣтлой, теплой комнаткѣ, но Коптилинъ вздохнулъ, окинувъ ее взглядомъ, и тихо, тихо проговорилъ:

— Нищета все, убожество... Нѣтъ, не въ этой комнатѣ я найду свой кладъ, не въ этой!..

VI.

Намъ придется вдвоемъ пировать! объявила Катя, входя въ комнату съ чайнымъ приборомъ и накрывая столъ чистой скатертью. Папаша въ лавку ушелъ послѣ обѣдни, мамаша у сосѣдей, а бабушка выпила чашечку чайку, да и спать легла... Не будете скучать со мною, Иванъ Петровичъ?

— Помилуйте-съ!.. Я очень даже уважаю вашихъ родителей, но всячески же мнѣ съ вами вдвоемъ много пріятнѣе...

Катя улыбнулась на комплиментъ Коптилина и ушла за чаемъ.

— Точно въ раю тутъ, у васъ, Катерина Петровна, право, точно въ раю! говорилъ черезъ полчаса Коптилинъ, попивая чай и оглядывая комнатку. Уютность, чистота, блеститъ все... Вѣкъ бы не ушелъ!..

— Вы ужъ извѣстный льстецъ! замѣтила Катя.

— Я-съ?.. Нисколько даже не льстецъ, а отъ полноты души моей говорю-съ... Я эту комнатку, вотъ, ни на какія бы хоромы не промѣнялъ-съ...

— Да будетъ вамъ! перебила Катя. Я, вотъ, за это не люблю васъ, Иванъ Петровичъ, что вы все комплименты говорите, лести те все...

— Ахъ, Катерина Петровна, вѣдь „отъ избытка сердца глаголатъ уста“, это давно извѣстно... Ежели бы...

— Что? спросила Катя, видя, что Коптилинъ замолчалъ.

— Ежели бы я не любилъ васъ — я бы, можетъ, и не говорилъ-съ... Я не виноватъ, что люблю васъ до безумія даже, до ужаси!.. Вѣкъ бы глядѣлъ на васъ, вѣкъ бы вотъ эту ручку бѣленькую цѣловалъ!..

Коптилинъ наклонился къ Катѣ, взялъ ее за руку и покрылъ эту руку поцѣлуями... Онъ былъ искрененъ въ эту минуту, онъ любилъ дѣвушку всей силой молодого сердца, впервые извѣдаваго любовь... Катя зардѣлась румянцемъ, грудь ея высоко вздымалась, рука дрожала въ рукѣ Коптилина.

— Правда ли это?.. Такъ ли это?.. Не обманываете ли вы меня? тихо спрашивала дѣвушка.

— Клянусь въ правдѣ своей! воскликнулъ Коптилинъ. Вотъ, проживу до весны, попрошу прибавки, устрою все и припшлю сваху, Катенька... У меня есть небольшой капиталчикъ, можемъ свое дѣло начать, ежели заочно за приказчикомъ быть...

— Полно вамъ! съ укоромъ перебила Катя. Мнѣ нуженъ человекъ, а не званіе; не любя, да не уважая, я за миллионера не пошла бы, Богъ съ нимъ...

— Такъ моею будешь, Катя?.. Будешь моею?..

— Да ..

— Милая!..

Коптилинъ обвинилъ станъ дѣвушки руками и хотѣлъ было поцѣловать ее, но Катя отстранилась.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала она. До свадьбы не цѣлуютъ... Поцѣлуй дѣвушки дорогъ, Ваня, его зря давать не слѣдуетъ...

— Да вѣдь я женихъ, Катя...

— Это все равно... Пусть нашъ первый поцѣлуй будетъ въ храмѣ, когда мы будемъ уже мужемъ и женою, а теперь нѣтъ, нѣтъ... Вотъ обмѣняемся, ежели хочешь, кольцами... Хочешь?

— О, конечно!..

Коптилинъ снялъ съ мезинца лѣвой руки золотое колечко съ аметистомъ и надѣлъ его на руку Кати, а она отдала ему такое же съ бирюзой и маленькими жемчужинками.

— Береги, Ваня, это кольцо, сказала Катя, оно будетъ тебѣ напоминать твое слово, и ты не забудешь меня... Помни, что ты мой женихъ, что ты разобьешь мое бѣдное дѣвичье сердце, если обманешь меня...

— Перестань, Катя, говорить это!..

— Нѣтъ, погоди, я скажу тебѣ все... Ты красавецъ, всѣ умъ твой хвалятъ, всѣ тебѣ большія блага сулятъ, и можетъ быть за тебя пожелаетъ отдать дочь какой нибудь богачъ, приданое тебѣ насулятъ, тысячи, и ты забудешь меня... Это грѣхъ будетъ, Ваня!.. Пока ты не говорилъ мнѣ своего слова о сватовствѣ — я не могла пенять на тебя, если бы ты и забылъ меня, а теперь, Ваня, ты мой... Такъ вѣдь?

— Такъ, Катенька, такъ... Никого мнѣ лучше тебя не нужно и не нужно богатства, сами наживемъ его!..

Чарующая красота дѣвушки, близость къ ней съ глазу на глазъ, мирная бесѣда за самоваромъ, быть можетъ чудный солнечный день—все это растрогало Коптилина, и онъ высказался, нарушивъ тѣмъ свое намѣреніе молчать до поры, до времени. Онъ было ругнулъ себя за увлеченіе, но сейчасъ же и успокоилъ: „вѣдь безъ огласки дѣло то сдѣлано, думалъ онъ, фORMALьнаго ничего нѣтъ, такъ, стало быть, можно и вернуться... Эхъ, хороша ты, Катенька, люблю я тебя вотъ какъ крѣпко и женюсь, ежели дѣло подойдетъ, не посмотрю, что у тебя ничего нѣтъ, кромѣ красоты твоей, ну, а ужъ если судьба меня по другой дорогѣ толкнетъ — не взыщи!..

Не знала Катя этихъ думъ своего жениха и была неизмѣримо счастлива, такъ счастлива, какъ никогда еще, и это счастье точно освѣтило ее, еще лучше, еще краше стала дѣвушка и, проводивъ дорогаго, желаннаго гостя, взявъ съ него обѣщаніе бывать часто,

часто, опустилась на колѣни предъ иконою Божіей Матери и горячо стала молиться, благодаря за ниспосланное счастье, прося продлить его и сохранить дорогаго человѣка...

А Иванъ Петровичъ шелъ домой веселый и довольный. Жизнь его стала еще полнѣе, было можно надъ чѣмъ нибудь отдохнуть послѣ торговли, книгъ, занятій, думъ о деньгахъ, кромѣ того, молодого человѣка, какъ это бываетъ всегда, пріятно волновала побѣда, льстила ему—вѣдь Катя была красавица по всему околотку, и теперь эта красавица принадлежала ему. „Эхъ, какъ бы капиталъ! думалъ Коптилинъ. При капиталѣ бы своемъ взялъ Катеньку, не задумавшись, одѣлъ бы ее въ соболя, въ шелки да въ бархаты, на диво бы всѣмъ была... А теперь... теперь ужъ не знаю какъ... Ежели вотъ старшимъ приказчикомъ сдѣлаюсь, все въ свои руки возьму—женюсь, потому тутъ орудовать будетъ можно, а если нѣтъ... Не знаю ужъ, какъ тогда... Клавденька вотъ покою мнѣ не даетъ, съ ума не идетъ... Если бы ее обдѣлать—лучше бы не нужно... Да гдѣ, чай, не отдадутъ... Она то зарится на меня, ее то не долго обдѣлать, да вѣдь ежели безъ согласія отца жениться, ничего не будетъ, у ней своего ничего нѣтъ, а отецъ, глядишь, разсердится да все сыну; либо женѣ и передастъ... Поживемъ, вотъ, посмотримъ... Хорошо бы вотъ какъ въ Турціи: на двухъ жениться!.. Катю бы за красоту, а Клавденьку за капиталы бы взять... Эхъ, зажилъ бы тогда Коптилинъ, зажилъ бы!..“

Онъ пришелъ домой, завернулъ на минутку въ молодцовскую и поднялся на верхъ, гдѣ была контора, чтобы заняться кой чѣмъ отъ скуки. Хозяева уже пообѣдали и легли спать, спалъ и старичекъ Иванъ Филипповичъ, спали почти всѣ обитатели дома, только Клавденька ходила по залѣ, посматривая то въ одно, то въ другое окно, да малоумный сынъ Чурилова игралъ въ мезонинѣ на гармоникѣ. Коптилинъ вошелъ въ контору, небольшую комнату рядомъ съ прихожей, открылъ кредитную книгу и занялся выборкою счетовъ, продолжая думать о Катѣ, нѣжный образъ который не выходилъ у него изъ головы и сладко, сладко туманилъ эту голову, занятую дѣлами, одними только дѣлами... Онъ замечтался и задумался, перо выпало изъ руки, рука застыла на бумагѣ...

— Ужъ вы не спите ли? вывелъ его изъ глубокой задумчивости знакомый голосъ.

Коптилинъ вздрогнулъ и оглянулся. Въ дверяхъ стояла Клавденька, держась одною рукою за косякъ, а другою играя цвѣткомъ, сорваннымъ съ олеандра. Клавденька была по случаю праздника въ нарядномъ шелковомъ платьѣ, спитомъ по послѣдней модѣ, въ ушахъ ея сверкали брилліантовыя серьги, брилліантовая же брошка украшала грудь, множество колецъ сверкали на выхоленныхъ рукахъ, лицо было тщательно набѣлено и нарумянено, брови и рѣсницы искусно подведены. Въ такомъ реставрированномъ видѣ и въ богатомъ нарядѣ своемъ Клавденька была не дурна.

Коптилинъ всталъ изъ за конторки, пріятно улыбаясь.

— Нѣтъ-съ, Клавдія Игнатьевна, не сплю-съ, отвѣтилъ онъ. Такъ, знаете, замечтался немного-съ...

— Вотъ какъ!.. О чемъ же это вы замечтались?

— Кое о чемъ-съ...

— Ужъ не о Сургучовой ли?

Коптилинъ немного смутился.

— Нѣтъ-съ, отвѣтилъ онъ. Почему же вы могли предполагать, что я о Сургучовой могу думать?

— Вѣдь вы влюблены въ нее... Я поѣхала послѣ обѣдни прокатиться немного съ мамашей и видѣла, какъ вы шли съ Катериной и что то ей въ уши напѣвали, а она такъ и цвѣтетъ, такъ и сіяетъ, даже смѣшно смотрѣть...

— Я по дѣлу къ родителю Катерины Петровны шелъ, ну, и отправились вмѣстѣ...

— Знаемъ мы эти дѣла!.. Влюблены въ Катерину... Сознаетесь...

— Полноте-съ, что вы!.. Вовсе даже не влюбленъ, а такъ себѣ... Дѣйствительно, она барышня пріятная...

— Ужаси! засмѣялась Клавденька. Надѣла манчестеровую шубку и думаетъ, что въ бархатѣ идетъ, важничаетъ... Другая бы постыдилась съ чужимъ мужчиной по улицѣ идти, а она ничего, зубы скалитъ, глаза на васъ паялитъ, радехонька... Другая бы мать такую безстыдницу за косу, а у ней, конечно, некому приглядѣть то, оба—и отецъ, и мать—пьяные завсегда...

Клавденька подошла поближе и устремила на Коптилина влюбленный взглядъ.

— О чемъ вы говорили то съ нею, съ красавицей этой писаной? спросила она.

— Да такъ себѣ-съ, пустое чтонибудь... Я ужъ и позабылъ даже, Клавдія Игнатьевна...

— Про любовь?

— Нѣтъ-съ... Я про любовь говорить не умѣю, я робокъ очень и съ барышнями говорить даже боюсь...

— Есть чего бояться, а особенно съ такими... съ манчестеровыми то... Ха, ха, ха!..

— Что же дѣлать, Клавдія Игнатьевна, мы люди маленькіе-съ, съ нами настоящія то, бархатныя, пожалуй и разговаривать не будутъ, развѣ тайкомъ, украдкой...

— Скажите, скромниекъ какой!.. А можетъ съ вами, за счастье почтутъ разговаривать...

— Гдѣ ужъ вамъ, дуракамъ, чай пить, да кипарисъ нюхать!..

— Однако вы что же это стулъ мнѣ не предложите? притворно-строгимъ тономъ заговорила Клавденька. Къ нему барышня пришла, хозяйская дочка, а онъ стоять ее заставляетъ!..

— Виновать, не догадался!..

Коптилинъ подалъ Клавденькѣ стулъ.

— Садитесь и сами, приказала дѣвица.

— Ничего-съ, я постою...

— Садитесь, сію минуту!

Коптилинъ сѣлъ, съ улыбкой глядя на хозяйскую дочку.

— Ну, рассказывайте чтонибудь, проговорила та. Ба, это что у васъ?..

— Гдѣ-съ?

— На пальцѣ... Я видѣла у васъ колечко съ аметистомъ, оно мнѣ еще нравилось очень, а теперь замѣсто его другое, съ бирюзой... Покажите мнѣ...

— Такъ, пустое-съ, вниманія даже вашего не стоитъ...

— Покажите!

Коптилинъ снялъ кольцо и подалъ Клавденькѣ.

— А то гдѣ, съ аметистомъ? спросила она.

— Потерялъ-съ... То потерялъ, а это вотъ купилъ...

— Когда же вы потеряли?

— На дняхъ какъ то... Товаръ перебирали, много возни было, ну, и потерялъ, свалилось какъ нибудь... Что вы головкой качаете?

— Ахъ вы обманщикъ, обманщикъ! съ укоромъ преговорила Клавденька. Лжетъ и не краснѣетъ!.. Вы давече кланялись мнѣ, снимали фуражку, и я отлично замѣтила на вашей рукѣ то колечко, а вы говорите, что потеряли на дняхъ!.. Куда вы дѣвали его? Сознавайтесь!..

— Право, потерялъ-съ! съ лукавой улыбкой увѣрялъ Коптилинъ.

— Правду говорите! топнула Клавденька ногою. Подарили Катеринѣ Сургучовой?.. Подарили?..

— Подарилъ-съ...

Коптилинъ вспомнилъ, что возбужденіе ревности усиливаетъ любовь.

— А это взяли? продолжала свой вопросъ дѣвица.

— Да-съ...

— А говорить: „не влюбленъ...“ Что же вы, обручились съ нею, что ли?

— Нѣтъ-съ, такъ обмѣнялись...

Коптилинъ замѣтилъ, что по лицу Клавденьки точно облачко прошло, глаза сдѣлались злыми, губы сжались, въ одну минуту Клавденька точно постарѣла на десять лѣтъ... „Э, да она не на шутку влюблена въ меня!“ подумалъ Коптилинъ, и передъ нимъ въ радужныхъ краскахъ замелькало приданое этой влюбленной дѣвицы, деньги, вещи, дома, лавка... „Ужъ не нашелъ ли я кладъ то, не здѣсь ли онъ?“ проносилось въ головѣ Коптилина... А Клавденька сидѣла задумчивая и печальная.

— Что-жъ, женитесь вы, быть можетъ, на Сургучовой? спросила она. Пзовите насъ на свадьбу... Женитесь, что ли?..

— Зачѣмъ же-съ?.. У меня ничего, у ней тоже, такъ какой же это можетъ бракъ быть?.. Нищихъ то и безъ насъ довольно...

— Такъ зачѣмъ же кольцами то перемѣнялись?

— Такъ-съ, баловство...

— Она, чай, пристала?

— Давайте, говорить, обмѣняемся кольцами, ну, я говорю, давайте—и обмѣнялись...

— Верченая дѣвченка, дрянь!..

Клавденька взяла съ конторки клочекъ бумажки и завернула въ нее колечко.

— Что это вы дѣлаете, Клавдія Игнатьевна? спросилъ Коптилинъ.

— А вотъ что...

Клавденька быстро встала, подошла къ окну, отворила форточку и швырнула сверточекъ съ кольцомъ на улицу.

— Вотъ что!..

Коптилинъ подошелъ къ окну, поглядѣлъ. Сверточекъ въ синей бумажкѣ лежалъ на тротуарѣ, развернувшись отъ паденія, и золотое колечко блестѣло въ яркихъ лучахъ солнца. Коптилинъ вздохнулъ.

— Что вы вдыхаете?.. Почему вы вдыхаете? подошла къ нему Клавденька. Жаль?

— Известно жаль?.. Кто же насъ, несчастныхъ, полюбитъ то?.. Нало судьбѣ спасибо сказать, что и какую то ви на есть любовь посылаетъ, потому, все же лучше живется, ничѣмъ безъ любви, одинокому то... Вотъ вы бросили колечко, а небось свое не отдадите...

Клавденька сняла съ пальца хорошенькое колечко съ брилліантомъ.

— Дайте руку! приказала она и надѣла Коптилину кольцо.

— Довольны?

— Очень!.. Что же, любя оно подарено, или такъ, въ насмѣшку?..

— Понимайте, какъ знаете...

Клавденька украдкой взглянула на Коптилина, поощряя его взглядомъ.

— Стало быть, любь я вамъ? тихо спросилъ Коптилинъ. Любь?

— Покою меня лишилъ, огонь во мнѣ зажегъ, а спрашиваетъ! страстно прошептала Клавденька. Какъ увидала тебя, такъ и заколдовалъ ты меня, сна я лишилась, жить безъ тебя не могу, вся тебѣ принадлежу, бери меня, бери!..

Клавденька порывисто обняла Коптилина и склонилась ему го-

ловою на грудь. Онъ поцѣловаль ея... Тихо, тихо было во всемъ домѣ, и никто не мѣшалъ цѣловаться влюбленнымъ, никто не нарушилъ сладкихъ минутъ любви...

VII.

— Твоя я! шептала Клавденька. Бери меня... Родные не отдадутъ—сама уйду... А ты погляди, какая я... Развѣ такая дохленькая, какъ Катька эта?.. Ростъ ли, сила ли, коса ли русая... А любить то, любить то какъ буду!.. Поѣдемъ вдвоемъ въ гости—зальюбуются всѣ на насъ!.. Ни у кого лучше твоей шубы не будетъ, по всей Москвѣ первыхъ лошадей заведемъ... Я одна у папаша то, брата нечего считать, все мое будетъ... И заживемъ... А то Катька Сургучова!.. Ха, ха, ха!.. Да развѣ тебѣ пара она?.. Вдругъ ты, такой красавецъ то, пѣшкомъ съ женою идешь, на ней шубенка манчестеровая, на тебѣ пальтишко... Фи, срамъ какой!.. Въ золотѣ тебѣ надо быть, въ брилліантахъ... Милый мой, хорошій!.. А ты то меня любишь?..

— Люблю, Клавденька, очень люблю, а только душа во мнѣ тоскуеть...

— Почему?

— Не отдадутъ васъ за меня, ни за что не отдадутъ...

— Сама уйду, коли не отдадутъ!..

— Такъ то оно такъ, а вѣдь тогда и намъ придется въ большой нуждѣ жить...

— У меня свои деньги есть, мнѣ бабушка отказала...

— Сколько, Клавденька?

— Тридцать тысячъ... Да и папаша согласится, онъ любить тебя, и я уговорю... Ты вотъ что: ты Ивана Филипповича попроси посватать, его папаша во всемъ слушаетъ, а Иванъ Филипповичъ въ тебѣ души не чае, какъ родного сына любить тебя... Милый, хорошій, какъ бы зажили то мы съ тобою, какъ бы любила то я тебя!.. А ты будешь меня любить?

— Буду-съ... Какъ же мнѣ васъ не любить, ежели вы счастье дадите?.. Я ничтожество, маленькій человекъ и вдругъ черезъ васъ

въ люди выйду... Я долженъ это понимать и завсегда васъ цѣнить долженъ-съ...

— Хорошій мой!.. Вотъ что: ты сегодня же поговори съ Иваномъ Филипповичемъ, пусть онъ немедленно папашѣ скажетъ, а то не выдали бы меня за другаго, мамаша сказывала, что какой то женихъ ко мнѣ сватается...

— Хорошо-съ, я сегодня же поговорю...

— Поговори, а пока прощай, побѣгу—мамаша встала, чашками, слышу, въ столовой гремитъ... До свиданья, милый, до скорого свиданья!.. Береги мое колечко и не показывай никому...

Клавденька крѣпко поцѣловала Коптилина и убѣжала... Онъ постоялъ, поглядѣлъ на подаренное кольцо и подошелъ къ окну. На свѣгу лежала синяя измятая бумажка, но колечка съ бирюзой уже не было, кто то поднималъ его... Поглядѣлъ Коптилинъ, вздохнулъ и отошелъ.

— Эхъ, Катенька, Катенька, проговорилъ онъ, будь ты богата—никогда бы не покинулъ я тебя, всю жизнь бы любилъ, на рукахъ бы носилъ, а, а теперь... теперь придется намъ, Катенька, распрощаться... Прощай, милая, не сердись на меня...

Коптилинъ прибралъ книги, заперъ контору и поднялся въ мезонинъ, гдѣ занималъ двѣ комнаты старшій приказчикъ Чурилова, Иванъ Филипповичъ. Старикъ сидѣлъ за чаемъ, когда вошелъ Коптилинъ, и читалъ какую то книгу духовнаго содержанія.

— Чай да сахаръ, Иванъ Филипповичъ! привѣтствовалъ Коптилинъ своего покровителя.

— А, Ваня! поднялъ тотъ голову отъ книги и поглядѣлъ на молодого человѣка черезъ очки. Садись чай пить, гостемъ будешь...

— Благодарю покорно-съ, чашечку дозвольте...

— Присаживайся, Ваня, къ столу то, а сперва чашечку себѣ достань... Вонъ, тамъ, въ шкафикѣ посуда то у меня...

— Найду-съ...

Коптилинъ присѣлъ къ столу и занялся чаепитіемъ.

— А ты все дома, Ваня, заговорилъ старикъ. Новѣ праздникъ, сходилъ бы куда нибудь, погулялъ бы...

— Не охота, Иванъ Филипповичъ, не тянетъ меня что то гулять то... Сходилъ утромъ за обѣдню, потомъ къ знакомымъ къ

однимъ зашелъ чайку попить, а вечеромъ то напишу кое что... Безъ гулянья то, Иванъ Филипповичъ, копѣйка въ карманѣ цѣлѣе, да и на соблазнъ не наталкиваетъ...

— Это то правда, Ваня, это ты правильно разсуждаешь, умный ты малый, большой изъ тебя прокъ выйдетъ, похвалилъ старикъ.

— Благодарю на добромъ словѣ, Иванъ Филипповичъ, дай Богъ, чтобы вашими устами медъ пить...

— Я, братъ, вѣрно говорю, я не ошибусь... пей еще чашечку...

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю. не хочу больше... За угощенье-съ...

Коптилинъ перевернулъ чашку вверхъ дномъ, положилъ на дно огрызокъ сахару и откашлялся.

— Я къ вамъ, Иванъ Филипповичъ, собственно по дѣлу-съ, заговорилъ онъ.

— Что скажешь, Ваня?.. Небось о прибавкѣ будешь просить, такъ напередъ тебѣ говорю, что послѣ Пасхи прибавитъ тебѣ Игнатій Максимовичъ,—былъ объ этомъ разговоръ...

— Чувствительно васъ благодарю за это, Иванъ Филипповичъ, и вашу доброту вѣкъ не забуду-съ, а только я не насчетъ этого пришелъ поговорить...

— А насчетъ чего же?

Коптилинъ подумалъ одну минуту, тряхнулъ волосами и смѣло началъ:

— О большемъ дѣлѣ хочу васъ просить, Иванъ Филипповичъ, и ежели вы это дѣло сдѣлаете, такъ я не то что въ ножки вамъ поклонюсь, а даже слугою на всю жизнь буду и даже все мое достояніе, которое то есть у меня будетъ, пополамъ съ вами раздѣлить готовъ!..

Старикъ улыбнулся.

— Ну, достоянія мнѣ твоего, Ваня, не нужно, свое то скоро придется въ храмъ Божій нести вмѣстѣ съ тѣломъ грѣшнымъ... Я, братъ, одинъ одиначенекъ и два вѣка не проживу. Какое же дѣло твое, что сталъ много сулить мнѣ за него?

— Великое дѣло-съ!

Коптилинъ всталъ.

— Хочу я просить васъ, Иванъ Филипповичъ, заговорилъ онъ, чтобы вы посватали за меня Клавдію Игнатьевну.

— Клавдію Игнатьевну? хозяйскую дочку? спросилъ старикъ, видимо сильно удивленный.

— Точно такъ-съ. Конечно, я человѣкъ маленькій, незначительный человѣкъ, и мнѣ она не пара-съ, но ежели взять въ расчетъ, что онѣ уже поустарѣли и изъ себя не очень хороши, такъ можно полагать, что жениха надлежащаго имъ не найти-съ. Опять же я имъ нравлюсь... Буду я, Иванъ Филипповичъ, имъ мужемъ угодливымъ и любящимъ, а Игнатію Максимовичу сыномъ покорнымъ и работникомъ. Вамъ, Иванъ Филипповичъ, извѣстно, что хозяйскій сынъ у насъ человѣкъ слабый и малоумный, онъ вести дѣла не можетъ, такъ Игнатію Максимовичу прямой даже расчетъ въ домъ зятя взять. Явите Божескую милость, Иванъ Филипповичъ, похлопочите...

Коптилинъ бултыхнулся въ ноги старику и такъ усердно, что треснулся лбомъ объ полъ.

— Встань, Иванъ, не кланяйся въ землю, не подобаетъ, поднялъ его старикъ. Присядь ко тутъ, дай подумать мнѣ... Да, вотъ какъ ты... гмъ.. Широко шагаешь, Ваня, по богатырски шагаешь... Да... Оно, я тебѣ скажу, ты пожалуй и правду говоришь, вѣрно все разсудилъ и, будь я на мѣстѣ Игнатія Максимовича, я бы отдалъ за тебя дочь, право бы отдалъ, даже и не перестарка бы отдалъ, потому человѣкъ ты хорошій, ну, а за Игнатія Максимовича не ручаюсь... Самъ ты разсуди: человѣкъ онъ именитый, богатый, одна дочь у него, и вдругъ онъ эту единственную-то дочь за своево же приказчика замужъ отдастъ... Что люди-то скажутъ?.. Скажутъ люди, что дѣвица де большаго то и не стоила, плохъ де, видно, товаръ, что такому незначительному купцу его отдали!.. Не допуститъ Игнатія Максимовича гордость за тебя дочь отдать, не допуститъ... Первое дѣло — гордость, а второе дѣло такое соображеніе: Иванъ де женится на моей Клавдинькѣ ради денегъ, ради однихъ денегъ, потому любить ее онъ не можетъ: она и стара для него, и некрасива, и не умна особенно, а онъ молодецъ пригожій, молодой парень, такъ врядъ ли онъ мою дочку любить будетъ и отдамъ де я ее на муку... Такъ, или нѣтъ?..

— Нѣтъ съ, Иванъ Филипповичъ, не такъ-съ, возразилъ Коптилинъ. Извините за супротивное слово-съ, а только не такъ...

Ежели бы такія рѣчи мнѣ Игнатій Максимовичъ сказали, я бы имъ на это вотъ что сказалъ: ежели вамъ зазорно за приказчика свою дочь выдавать, такъ дайте этому приказчику надлежащее положеніе, сдѣлайте его купцомъ... Вѣдь очень просто на мое имя лавку снять, а меня документами обязать, и буду я тогда не приказчикъ, а купецъ... Ну, а насчетъ любви-съ, такъ это вы напрасно такъ изволите говорить: я, кажется, не такой человѣкъ, чтобы красотами прельщаться, вы меня знаете-съ... По мнѣ личность ничего не обозначаетъ, ровно какъ и года... Ежели Клавдія Игнатьевна меня осчастливитъ, такъ долженъ я ихъ обожать, или нѣтъ?.. На рукахъ буду ихъ носить, а не то что!.. Это красоту то разбирають другіе-съ, а мнѣ это положительно все равно-съ, окончательно-съ... Я такъ полагаю, Иванъ Филипповичъ, что ежели вы Игнатію Максимовичу скажете и все объясните, такъ они согласятся-съ...

— Ладно, я поговорю, похлопочу за тебя, отвѣтилъ старикъ.

Коптилинъ снова было бултыхнулся ему въ ноги, но старикъ не допустилъ.

— Дозвольте, Иванъ Филипповичъ, обѣщать вамъ за хлопоты, искательно проговорилъ Коптилинъ. Я даже готовъ вексель вамъ выдать... Тисячъ на десять могу-съ...

— Полно тебѣ пустое то городить! махнулъ старикъ рукою. На что мнѣ?.. Что я въ гробъ, что ли, съ собою тысячи то понесу?.. Я и свое то добро не зналъ бы куда дѣвать, да вотъ недавно нашъ священникъ надоумилъ: богадѣльню у насъ строятъ для престарѣлыхъ единовѣрцевъ, такъ вотъ въ пользу этой богадѣльни и отдамъ свои гроши... Вотъ и ты обѣщай мнѣ пять тысячъ на эту богадѣльню пожертвовать, ежели дѣло твое выгоритъ... Вѣдь полтараста тысячъ получишь, Ваня, ежели дѣло то сладится!.. У Клавдіи своихъ полста, да отецъ сотню ей дастъ... Обѣщаешь?

— Помилуйте, Иванъ Филипповичъ!.. Да я вамъ тогда открою всѣ шкафы, всѣ сундуки и скажу: берите, молъ, что вамъ угодно!..

Коптилинъ, низко кланяясь, вышелъ отъ старика, весь отданный мысли о томъ, чѣмъ все это кончится?..

Прошло дней пять.

Часу въ девятомъ вечера въ маленькомъ уютномъ домикѣ Сургучовыхъ собралось за чайнымъ столомъ небольшое общество. Прямо за самоваромъ сидѣла мать Кати, видная, полная женщина лѣтъ сорока, съ лицомъ немного обрюзглымъ отъ излишняго сна и быть можетъ „отъ чарочки“, но все еще красивая, напоминающая чертами дочь. Налѣво отъ нея, въ покойномъ потертомъ креслѣ, сидѣлъ самъ Петръ Прохоровичъ Сургучовъ, благообразный старикъ съ сѣдой бородою и съ лысиной во всю голову. Онъ попивалъ чай и читалъ газету, сообщая порою собесѣдникамъ выдающіяся новости и комментируя ихъ съ видомъ знатока и любителя всего „печатнаго“. Катя, одѣтая въ простенькое, мило сшитое платьице, пододвинулась поближе къ лампѣ съ матовымъ абажуромъ и усердно шила шерстяную кофточку, переговариваясь шепоткомъ,—чтобы не мѣшать отцу,—съ подругою, миловидной дѣвушкою лѣтъ двадцати, дочерью сосѣдняго діакона. Немного поодаль отъ всѣхъ сидѣлъ за стаканомъ чаю высокій молодой человѣкъ въ коричневомъ пиджакѣ, въ сапогахъ до колѣнъ и въ такъ называемой малороссійской сорочкѣ. Молодой человѣкъ этотъ былъ не красивъ, что то угловатое и нескладное было въ его громадной фигурѣ съ широкими и прямыми плечами, съ могучей грудью, волосы на головѣ были густы и не то что вились, а какъ то стояли копною, шея была коротка и толста, цвѣтъ лица съ какимъ то бронзовымъ оттѣнкомъ, носъ и губы крупны, борода и усы рѣдки и какого то песочнаго цвѣта, но въ глазахъ, большихъ, сѣрыхъ, глубокихъ глазахъ, свѣтилась мысль и безконечная доброта, а высокій широкій лобъ служилъ признакомъ ума, какъ рѣзко очерченныя брови—признакомъ характера. Это былъ тоже сосѣдъ Сургучовыхъ, машинистъ съ чугунолитейнаго завода, Степанъ Степановичъ Ладоньевъ. Онъ задумчиво курилъ сигару, прихлебывалъ чай и съ выраженіемъ безконечной любви и ласки глядѣлъ на Катю. Онъ давно любилъ ее, но даже она сама не знала объ этомъ, не догадывалась и считала Ладоньева компаніономъ отпа для префѣранса, который старикъ очень любилъ, относилась къ машинисту съ уваженіемъ за его добрый тихій нравъ и за начитанность, громадную въ глазахъ Кати, да еще немного побаивалась его, какъ чего то неотразимо сильнаго, почти стихій-

наго. Одинъ разъ Ладоньевъ на глазахъ Кати схватилъ за колесо пролетку, которую мчала пара взбѣсившихся лошадей, остановилъ, удержалъ лошадей и, какъ ни въ чемъ ни бывало, пошелъ своей дорогою. Катя любила Ладоньева, какъ пріятнаго человѣка, и охотно бесѣдовала съ нимъ.

Лампа лила мягкій пріятный свѣтъ, самоваръ весело пыхтѣлъ и бурлилъ, въ комнаткѣ было тепло и уютно, и вся компанія на-строилась очень мирно, точно „тихій ангелъ“ слетѣлъ къ ней.

— И ловкачъ же этотъ Бисмаркъ! заговорилъ старикъ Сургучовъ, откладывая газету. Правда, Степанъ Степановичъ?..

— Не знаю право, Петръ Прохоровичъ: я политикой не занимаюсь, отвѣтилъ Ладоньевъ.

— Нѣтъ, ты послушай, что онъ толкуетъ, ты вникни въ его рѣчи!.. То есть, такой ловкачъ, такой ловкачъ, что я тебѣ доложу!.. Такіе ловкачи только у нѣмцевъ и бываютъ, намъ русскимъ, не дойтить до этого, н-нѣтъ!..

— Ловкачи вездѣ есть, Петръ Прохорычъ, улыбнулся Ладоньевъ. Я вотъ сегодня про одного ловкача слышалъ, такъ что твой Бисмаркъ!.. Сдѣлай такого умника министромъ — всю Европу удивить!..

— Кто это?

— Тутъ хватъ одинъ... Ба, да вы его знаете!.. Вѣдь вы покупаете у Чурилова товаръ?

— Покупаю...

— Приказчика его, Коптилина, знаете?.. Точно бы я его видѣлъ какъ то у васъ...

— Ваню то?.. Видалъ ты, онъ бывалъ при тебѣ...

Катя вся обратилась въ слухъ, даже иглу позабыла воткнуть въ питье, и она упала съ нитки на полъ.

— Ну, такъ что же онъ? спросилъ старикъ Сургучовъ.

— На хозяйской дочкѣ женится, полтора-ста тысячъ приданаго беретъ, а говорятъ, изъ деревни въ лаптяхъ его привезли...

— Да что ты?! удивился Сургучовъ. Да быть не можетъ?!

— Какъ „быть не можетъ“, когда я приглашительные билеты видѣлъ!.. У меня пріятель въ одной тутъ типографіи машинистъ, такъ онъ и сказывалъ, онъ и билеты показалъ... На той недѣлѣ свадьба...

— Вздоръ!..

Всѣ вздрогнули отъ этого неожиданнаго крика, въ которомъ прозвучали какія то странныя нотки. Вздрогнули и поглядѣли на Катю. Только теперь поняли, что это она крикнула, а голосъ совсѣмъ чужимъ показался, сдавленнымъ какимъ то, полнымъ и муки, и гнѣва и ужаса.

— Вздоръ! повторила Катя. Вы лжете!.. Лжете... Этого... этого не... не можете... Ай!..

Катя вскрикнула, схватилась за грудь и, покачнувшись, упала со стула. Всѣ въ страшной тревогѣ бросились къ ней...

VIII.

У вы, женитьба Коптилина на Клавденькѣ была не вздоръ, какъ думала Катя: нашъ герой сумѣлъ устроить это дѣло быстро, ловко и безповоротно, несмотря на то, что Игнатій Максимовичъ отказалъ-было ему наотрѣзъ. Помогъ Коптилину въ этомъ дѣлѣ нѣкто литераторъ Канальевъ.

Канальевъ долженъ играть въ нашей повѣсти довольно видную роль и самъ по себѣ такъ интересенъ, что описанію его мы посвятимъ большую часть настоящей главы.

Канальевъ — литераторъ „случайно“. Онъ въ годы юношества не мечталъ быть писателемъ. чтобы „громить пороки людей“ и „бряцать на лирѣ вдохновенной“. Онъ не исписывалъ горы бумаги, сжигая написанное, чтобы писать вновь, не страдалъ, не мучился сомнѣніями, не входилъ робко въ редакціи газетъ и журналовъ съ рукописью въ рукахъ, съ надеждой и тревогой въ сердцѣ. Нѣтъ, онъ не таковъ: у него нѣтъ никакихъ „идей“, а есть только громадный аппетитъ, удовлетворить который нелегко. Удовлетворенія этого аппетита онъ жадно и искалъ. Онъ былъ чиновникомъ, служилъ конторщикомъ въ ссудной кассѣ, торговалъ чѣмъ-то, былъ много разъ судимъ, доходилъ до нищеты и снова поправлялся, былъ ходатаемъ по дѣламъ, пользовался покровительствомъ богатаго барина, который его потомъ прогналъ, пристроился къ богатой барынѣ и состоялъ бы въ послѣдней должности до конца дней своихъ, но почему-то получилъ отставку.

Онъ сдѣлался литераторомъ. Онъ, „отъ нечего дѣлать“, написалъ разсказъ, заимствовавъ сюжетъ въ одномъ журналѣ, укравъ типы въ другомъ, подобравъ красивое заглавіе въ третьемъ, и отнесъ его въ редакцію какого-то журнала. Журналъ этотъ печаталъ все, что давали ему даромъ и, принявъ разсказъ, напечаталъ его.

Канальевъ отпустилъ длинные волосы, надѣлъ очки, нагло задралъ голову и заказалъ карточки, на которыхъ значилось: „Парамонъ Сидоровичъ Канальевъ, сотрудникъ такого-то журнала“. Незаконнорожденному везетъ въ жизни, а онъ былъ незаконнорожденное дитя прессы и ему повезло. Онъ не былъ ни наблюдателемъ, ни умцемъ, но онъ былъ нахаленъ и обладалъ свойствомъ обезьяны — подражать. Онъ подражалъ всѣмъ, имѣющимъ какое-нибудь имя, литераторамъ и писалъ, писалъ, писалъ...

Съ удивительной развязностью касался Парамонъ Канальевъ всѣхъ вопросовъ, и его находили смѣлымъ, бойкимъ, а остроуміе онъ бралъ напрокатъ и выдавалъ за свое.

При всемъ этомъ онъ былъ пустопороженъ во всякую данную минуту. Его можно было бы сравнить съ клочкомъ земли, хорошо подготовленнымъ для посѣва чего угодно — хлѣба, крапивы, цвѣтовъ, чертополоха, рѣпы, бѣлены и т. д. Онъ таковъ и былъ.

Статьи Канальева ежедневно портили десятокъ, другой людей, какъ моль портитъ мѣхъ, раздѣлая его. Отъ моли есть средства въ видѣ нафталина, карболки и т. п., а отъ литератора Канальева средствъ нѣтъ... Онъ сытъ, онъ ежедневно пьянъ, онъ одѣтъ...

И Парамонъ Канальевъ живетъ.

Вотъ онъ дома. Утро.

Жильцы меблированныхъ комнатъ на Драчевкѣ просыпаются. Просыпается и Парамонъ Канальевъ.

— Эй! кричитъ онъ властнымъ голосомъ. Его въ меблированныхъ комнатахъ боятся, ибо онъ можетъ „описать“.

— Что прикажете? появляется грязный корридорный.

— Чаю!...

— Сейчасъ! Тамъ къ вамъ изъ редакціи пришли и еще прачка ждетъ...

— Прачку гони, а посыльного пошли сюда...

— Очевидно ужъ прачка-то весьма просить... „Десять, говорить, рублей за ними, а мнѣ, говорить, ѣсть нечего...“

— Гони!...

— Не уходитъ никакъ! Пусть, говоритъ, онъ хоша выйдетъ; я ему, безстыжему, краску вгоню!...

— Ага!... Ты скажи ей, что нами получено свѣдѣніе о томъ, что она одну ученицу высѣкла, а другую горячимъ утюгомъ истязала, такъ, ежели она будетъ надобѣдать мнѣ, я передовую статью про все это напишу и ея заведеніе тово... Понялъ?... Пошелъ!...

Слѣдомъ за корридорнымъ входитъ разсыльный изъ редакціи.

— Здравствуйте! кланяется онъ. Ледакторъ къ вамъ прислали: за болѣлъ господинъ Помординъ, такъ надѣтъ вамъ написать на завтра главу его романа, потому другаго фельетона нѣтъ... Потомъ „передовую“ они просили и приказали обругать актера Колчина.

— Такъ-съ!... А денегъ прислалъ?

— Три рубля прислали... Пожалте!...

— Экая скотина!... Я, вѣдь, просилъ десять!...

— Не могу знать... Послѣ перваго числа аванецъ обѣщали, а таперь, говорятъ, нѣтъ...

— Скажи ему, анаеѣмѣ, что три рубля мнѣ нужно на сапоги, а на обѣдъ пусть мнѣ еще два рубля пришлетъ...

— Нѣтути у нихъ!... Я во какъ полтину просилъ—страхъ!... Не ѣвши кожу, сапоги износилъ!...

— Ну, будетъ объ этомъ!... Иди и скажи редактору, что принесу часа въ три весь матеріалъ, но чтобъ мнѣ приготовили еще пять рублей, а то я брошу все дѣло... Меня, вонъ, въ другой журналъ приглашаютъ, сто рублей въ мѣсяцъ жалованья и по восьми копѣекъ за строчку даютъ!... Ступай! захвати трешницу-то, да скажи корридорному, чтобы водки купилъ, колбасы фунтъ и четвертку табаку... да чаю мнѣ вели подавать.

Парамонъ садится за чай, пьетъ водку, съѣдаетъ колбасу и принимается писать. У него удивительная память и онъ помнитъ множество мѣстъ, оборотовъ рѣчи, эффектныхъ сценъ и звонкихъ словъ изъ множества романовъ, повѣстей и фельетоновъ, а потому пишетъ быстро и легко. Къ тремъ часамъ готова порнографическая глава ультро-порнографическаго романа, написана передовая статья о пользѣ мочить розги для волостныхъ правленій въ солевой водѣ и обруганъ актеръ Колчинъ, игры котораго Парамонъ никогда не видалъ.

Онъ „отработался“ и свободенъ до завтра. Онъ везетъ свои произведенія въ редакцію, получаетъ тамъ еще три рубля и ѣдетъ въ ресторанъ обѣдать, а вечеромъ—въ театръ „на свободное мѣсто“. Это техническое выраженіе. Ъхать въ театръ „на свободное мѣсто“, это значитъ бесплатно войти въ зрительную залу и имѣть право сѣсть на любое незанятое мѣсто, отъ перваго ряда креселъ и до стоянія у притолокъ съ капелъдинерами, смотря по сбору. Въ антрактахъ Парамонъ пьетъ водку съ актерами, которые имѣютъ основаніе его бояться, съ начинающими авторами, піесы которыхъ Парамонъ можетъ опельмовать, и съ „карасями“, которыхъ онъ можетъ „описать“. Впереди еще развлеченіе—кафе-шантанъ. Тамъ Парамонъ великъ, тамъ онъ царитъ, тамъ онъ, какъ дома. Закинувъ назадъ клокастую голову, сверкая очками, небрежно шаркая ногами, проходитъ онъ въ первый рядъ и раскланивается съ поющей шансонетку пѣвицей. Онъ поощряетъ ее въ своемъ журналѣ, а она за это порою кормитъ его ужиномъ.

Парамонъ свободенъ тутъ, развязенъ, боекъ. Въ буфетѣ онъ смѣло можетъ рассчитывать на десятокъ рюмокъ водки, на такое же количество бутербродовъ и на порцію кушанья не выше полтинника. Сверхъ этого его угощаютъ пѣвицы и куплетисты пивомъ, а послѣдніе иногда бьютъ. Бьютъ Парамона вообще много и больно, но онъ относится къ этому равнодушно и говоритъ, что „великіе люди подвержены ударамъ рока“.

— Но вѣдь ты подверженъ ударамъ кулаковъ? смѣются ему.

— Да, но кулаками этими руководитъ рокъ! отвѣчаетъ Парамонъ и тоже смѣется.

Таковъ „пустопорожній литераторъ“ Парамонъ Канальевъ, чудо нашего вѣка, продуктъ литературной развязности!

Иванъ Филипповичъ, вѣрный своему слову похлопотать за Коптилина, на другой же день утромъ, не откладывая, по своему обыкновенію, никакого дѣла „въ долгій ящикъ“, заговорилъ съ хозяиномъ о сватовствѣ Коптилина. Старикъ съ величайшимъ изумленіемъ выслушалъ своего любимаго и уважаемаго приказчика, какъ-то недовѣрчиво поглядѣлъ на него и не сразу образумился.

— Да ты какъ это, Филиппычъ, въ сурьезъ говоришь, али такъ, смѣхомъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Какое смѣхомъ, Игнатій Максимовичъ, совершенно серьезно говорю! пожалъ плечами Иванъ Филипповичъ. Что же тутъ необыкновеннаго то?

— Да ты, знать, угорѣлъ, Филиппычъ!... Не знай я, что ты въ ротъ ничего не берешь, я бы подумалъ, что ты „хлебнулъ“ съ утра, право бы подумалъ! Это я свою единородную дочку за какого-то безроднаго парнишку отдамъ? Я единородную дочку за своего приказчика, который вчера изъ мальчиговъ вышелъ, отдамъ? Да ты угорѣлъ, старикъ, право угорѣлъ, либо изъ ума выживать сталъ! Я даже удивляюсь, что ты рѣшился заговорить-то со мною объ этомъ, даже обиженъ на тебя, вотъ что!... Не будь ты на такой линіи у меня, я бы тебя турнулъ, свата непростеннаго, во какъ!... Гмъ!... Ты бы еще за дворника мою дочку-то посваталъ, либо за кучера!

Иванъ Филипповичъ молча, почтительно и хладнокровно выслушалъ эту рѣчь хозяина, не поднимая на него глазъ и сосредоточенно глядя куда-то въ уголъ.

— Напрасно такъ говорить изволите, наконецъ произнесъ онъ, когда Чуриловъ замолчалъ. Обиднаго въ моихъ словахъ ничего нѣтъ и „посла“ не бьютъ, не рѣжутъ... Первое дѣло, я съ товаромъ пришелъ и коль нелюбъ мой-товаръ — не берите, а второе дѣло — я полагаю такъ, что Ваня хорошій женихъ Клавдіи Игнатьевнѣ...

Чуриловъ хотѣлъ что-то сказать.

— Дозвольте мнѣ докончить, Игнатій Максимовичъ, перебилъ Иванъ Филипповичъ.

Онъ толково и убѣдительно сталъ доказывать хозяину, что Коптилинъ вполне достоинъ того, чтобы за него отдать Клавденьку, которая уже устарѣла для жениха „настоящаго“, что Коптилинъ будетъ всю жизнь признателенъ за такое счастье, данное ему хозяиномъ, и устроить женѣ жизнь, полную радостей, чего отъ другаго мужа, принимая во вниманіе лѣта и наружность Клавденьки, ждать мудрено, и такъ далѣе. Но увы! Игнатій Максимовичъ, всегда и во всемъ согласный съ своимъ главнымъ приказчикомъ

на этотъ разъ рѣзко отказалъ ему въ его ходатайствѣ и сдѣлалъ выговоръ за неумѣстное сватовство, а Ивану Коптилину пригрозилъ.

— Я вотъ его прогоню еще за эту продерзость! говорилъ старикъ. Мальчишка зазнался, возмечталъ о себѣ. Вотъ ужъ правду-то пословица говоритъ, что „посади свинью за столъ—она и ноги на столъ!“ Женихъ какой нашелся!... Вчера еще въ лаптяхъ изъ деревни пришелъ, а сегодня за него дочь отдай! Удивляюсь, Иванъ Филиппычъ, какъ у тебя совѣсти хватило говорить мнѣ объ этомъ!...

Старый приказчикъ ушелъ отъ хозяина огорченный и сконфуженный. Ему нужно было поѣхать куда-то по дѣлу и онъ отправился,—разговоръ происходилъ въ трактирѣ,—а Игнатій Максимовичъ пошелъ въ лавку. Коптилинъ, который отбиралъ какой то товаръ, по одному взгляду, брошенному на него хозяиномъ, догадался, что его покровитель велъ разговоръ и результатъ получился печальный. Сердце молодого искателя богатой невѣсты сжалось тоскою, мрачныя мысли длинной вереницей потянулись въ головѣ. Игнатій Максимовичъ, тяжело пыхтя, точно паровикъ, прошелъ за прилавокъ, свирѣпо глядя на Ивана, швырнулъ на полъ какую-то книгу, ни за что, ни про что далъ „затрещину“ подвернувшемуся подъ руку мальчику, злобно крикнулъ на подошедшаго-было къ дверямъ нищаго, и наконецъ, не будучи въ силахъ сдерживать свое негодованіе, обратился къ Ивану:

— Эй ты, расчесанная голова! крикнулъ онъ ему: ваше высокоблагородіе, господинъ Иванъ Петровичъ Коптилинъ, потомственный почетный гражданинъ!...

Коптилинъ робко оглянулся на хозяина.

— Что прикажете, Игнатій Максимовичъ? спросилъ онъ.

— Ты что это задумалъ? что это ты въ свою глупую башку втемяшилъ?

— Насчетъ чего-съ? спросилъ Коптилинъ.

— Знаешь, чай, о чемъ просилъ Филиппыча-то?

Коптилинъ опустилъ глаза, легкая краска покрыла его красивое, нахальное лицо.

— Стыдно рожѣ то! продолжалъ старикъ. Да какъ ты смѣлъ

подумать-то объ этомъ, бездомный ты бродяга?... Кто ты таковъ есть? кто ты? Тебя, негодяя, ради-Христа на мѣсто взяли съ волчьимъ паспортомъ твоимъ, обули, одѣли, человѣкомъ сдѣлали, такъ ты и возмечталъ о себѣ!... Ахъ ты молокососъ неблагодарный, дрань ты этакая!...

Старикъ чѣмъ болѣе говорилъ, тѣмъ болѣе горячился и, наконецъ, доведя свой голосъ до высочайшихъ нотъ, покраснѣвъ и, брызгая пѣной, разразился цѣлымъ потокомъ брани и угрозъ на стоявшаго, какъ статуя, Коптилина.

Въ эту минуту въ лавку вошелъ покупатель. Это былъ довольно-плохо одѣтый господинъ, но очень важный на видъ, представительный, гордо закинувшій кудластую голову и сверкающій золотыми очками. Онъ насмѣшливо окинулъ взглядомъ старика Чурилова и Ивана и подошелъ къ прилавку.

— Непокорнаго сына Адольфа жучите, господинъ хозяинъ? спросилъ онъ. Вѣроятно „ахнулъ“ вчера гдѣ-нибудь за городомъ? Хо-рошенько его!...

Старикъ повернулся и быстро ушелъ въ „камерку“, сильно сконфуженный непрошенымъ свидѣтелемъ его гнѣва. Покупатель облокотился объ прилавокъ и, насмѣшливо улыбаясь, глядѣлъ поверхъ очковъ, на Коптилина.

— Что, непокорный сынъ Адольфъ, досталось? Хе, хе, хе!... Ничего, голубчикъ, надо привыкать!... Вашъ грозный родитель еще милостивъ, другіе Китъ Китычи обыкновенно за подобныя увлеченія таскаютъ своихъ чадъ и награждаютъ ихъ фонарями, учатъ съ поврежденіемъ верхнихъ покрововъ, дабы впредь неповадно было. Хе, хе, хе!...

— Чего вамъ угодно съ! перебилъ Коптилинъ: намъ разговаривать некогда, и ежели вы пришли покупателемъ, такъ скажите, чего вамъ надо-съ?

— Сердиты? улыбнулся покупатель: а я такъ полагаю, что ежели взять да ваши подвиги и гнѣвъ вашего родителя изобразить въ журналчикѣ, коего я состою сотрудникомъ, такъ вашъ родитель еще пуще разгнѣвается. А, какъ вы полагаете?

Коптилинъ струсилъ.

— Вы ошибаетесь-съ! это не родитель мой, а хозяинъ: я приказчикъ, сказалъ онъ.

— Приказчикъ? это отлично! я и изобразжу вашего хозяина, право изобразжу! Онъ читаетъ журнальчики? То-то разсвирѣпѣеть, ежели его „пропустить“ хорошенько!

— Зачѣмъ же-съ, помилуйте!...

Коптилинъ струсилъ не на шутку. Онъ зналъ, что приведетъ „сочинитель“ свое намѣреніе въ исполненіе, ему, Коптилину, бѣда: его немедленно прогонять и тогда прощай все!

— Да почему же? вамъ же лучше будетъ, ежели вашего врага проучать! сказалъ „сочинитель“.

— Нѣтъ-съ, ненадо-съ!

„Сочинитель“ улыбнулся.

— Ненадо?

— Нѣтъ-съ!

— Такъ вотъ что?...

„Сочинитель“ понизилъ голосъ:

— Вотъ что: приходите въ трактиръ по сосѣдству— я кой-что скажу вамъ. Будете?

Хорошо-съ, приду-съ! отвѣтилъ, подумавъ, Коптилинъ и спросилъ, что господину сочинителю угодно купить?

IX.

Когда Коптилинъ, выбравъ удобное времячко, вышелъ изъ лавки съ намѣреніемъ устроить свиданіе съ загадочнымъ незнакомцемъ, то почти сейчасъ же увидалъ его прохаживающимся по тротуару и безпечно смотрѣвшаго на вывѣски магазиновъ.

— Ахъ, вы здѣсь-съ! окликнулъ его Коптилинъ. А я полагалъ-съ, что вы уже въ трактирчикѣ...

Канальевъ,—это былъ онъ,—встрепенулся и небрежно отвѣтилъ:

— Да разсудилъ, знаете, лучше подождать васъ на улицѣ... Гдѣ бы вы стали меня искать въ трактирѣ!...

— Это точно-съ... Такъ милости просимъ-съ...

Оба черезъ нѣсколько минутъ входили въ простенькій трактирчикъ, гдѣ и засѣли въ укромномъ мѣстечкѣ.

— Чѣмъ потчевать прикажете? спросилъ Коптилинъ, украдкой очень внимательно осматривая собесѣдника.

— Попьемъ пока чайку, а тамъ видно будетъ...

Коптилинъ приказалъ подать чаю. Нѣкоторое время помолчали. Канальевъ нѣсколько разъ поправлялъ на носу свои очки, морщилъ лобъ, проводилъ рукой по волосамъ и вообще дѣлалъ видъ человѣка, что то старательно обдумывающаго. Коптилинъ сбоку бросалъ на него взгляды и видимо силился разгадать, что за субъектъ сидитъ съ нимъ.

— Такъ вы изволите пописывать? почтительно спросилъ Коптилинъ, наливая чай.

— Что-съ? поднялъ на него глаза Канальевъ, какъ бы вполне занятый своими мыслями.

— Писательствомъ занимаетесь, говорю?

Канальевъ перемѣнилъ позу, отпилъ глотокъ чаю и тогда уже отвѣтилъ:

— Да, я сотрудничаю во многихъ журналахъ, преимущественно юмористическихъ.

— Тэ-э-экъ-съ, протянулъ Коптилинъ. Приятно-съ знакомство имѣть...

Опять наступило молчаніе, во время котораго Канальевъ громко чмокалъ чай.

— Слушайте-ка, любезнѣйшій, началъ наконецъ „сочинитель“, облокотившись на столъ и въ упоръ смотря на Коптилина, скажите-ка, за что это васъ хозяинъ то такъ отчитывалъ?

— Человѣкъ такой-съ грубый, можно сказать... и деспотъ къ тому же, уклончиво отвѣтилъ Коптилинъ, давъ въ глубинѣ души себѣ слово быть насторожѣ съ этимъ „летираторомъ“, какъ онъ мысленно называлъ Пармона Сидоровича.

— Нѣтъ, однако? не унимался Канальевъ.

— Не выспался, надо полагать, ну, вотъ и давай лаяться... У насъ такія представленія частенько бываютъ.

Канальевъ помѣшалъ въ стаканѣ ложечкой.

— А забавно будетъ, если я черкну всю эту сцену въ журнальчикѣ, да еще каррикатулку какую нибудь вставлю, заговорилъ онъ и довольно нахально разсмѣялся.

— Нѣтъ, ужъ увольте-съ отъ этого, поклонился Коптилинъ. Убѣдительно васъ прошу-съ...

И, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Я-съ даже готовъ отблагодарить васъ за то, чтобы вы ничего не печатали-съ... Это съ моимъ удовольствіемъ...

— Да почему вы не желаете этого?

— Бѣда, одно слово-съ!... Со свѣта сживуть, а то съ мѣста прогонять... Нѣтъ, ужъ пожалуйста не пишите-съ, я собственно за этимъ и сюда пришелъ, бесѣду съ вами ту завести, чтобы забыли вы безобразія то наши... Пожалуйста-съ!...

Коптилинъ всталъ и слегка поклонился.

— Хе-хе-хе! засмѣялся Канальевъ.

— Истинно вамъ говорю, что бѣда будетъ-съ... У насъ этого обличенія-то не любятъ-съ, можно даже сказать, какъ чумы боятся...

— Хе-хе-хе! продолжалъ посмѣиваться „сочинитель“. Не любить, говорите?

— Одно слово, какъ отъ заразы какой сторонятся...

— Гмъ!...

Канальевъ очень развязно пилъ чай, курилъ и по временамъ снова принимался какимъ то беззвучнымъ смѣхомъ смѣяться.

— А васъ какъ зовутъ, виноватъ, забылъ? спросилъ онъ.

— Иванъ Петровичъ Коптилинъ, а васъ?

— Что-съ? переспросилъ Канальевъ.

— Васъ, говорю какъ, величать?

— Меня? А вотъ какъ... Канальевъ досталъ изъ кармана визитную карточку и подалъ ее Коптилину. Тотъ вслухъ прочиталъ ее и сказалъ:

— Весьма пріятно-съ!...

Минуты двѣ опять помолчали. Коптилинъ долго разсматривалъ карточку, вертѣлъ ее въ рукахъ и наконецъ бережно убралъ въ бумажникъ.

— Очинно пріятно-съ! повторилъ онъ. Теперь, быть можетъ, водочки желаете? прибавилъ молодой человѣкъ, замѣтивъ, что собесѣдникъ не охотно сталъ пить чай.

— Водочки? А вы пьете?

— Немного случается выпить... Кто нынче-съ не пьетъ!... Десятилѣтній парнишка, и тотъ выпиваетъ.

— Такъ хорошо. выпьемте...

Коптилинь позвонилъ и потребовалъ водки, а когда она была подана, то новыя знакомые чокнулись. Канальевъ съ большимъ аппетитомъ „осушилъ“ рюмку, а Коптилинь только отпилъ до половины.

— Нѣтъ, батенька, такъ я пить вамъ не позволю, замѣтилъ ему „сочинитель“ и долилъ Коптилину рюмку.

— Допивайте-ка, допивайте, батенька, нечего невинность-то корчить, небось съ пріятелями гдѣ нибудь во-какъ насвистывается!... А, правда?

— Нѣсъ-съ, право я мало пью, улыбался Коптилинь. Влеченія не имѣю-съ, пристрастія этого самого.

— Но однако со мной вы выпьете...

— Съ вами извольте-съ... Коптилинь залпомъ выпилъ рюмку.

— Вотъ люблю! похвалилъ его „сочинитель“ и даже по плечу похлопалъ. Молодецъ, люблю такихъ... Ну-съ, теперь по другой, а то, знаете, захромать можно...

— Очинно поспѣшно будетъ-съ...

— Э, батенька, пустяки!...

Выпили по другой.

— Знаете что, заговорилъ Канальевъ, пытливо всматриваясь въ закуску, надо чего нибудь съѣсть, а то это все ерунда... Люблю выпить съ хорошей закуской.

— Чтожь, это можно-съ! произнесъ Коптилинь и потребовалъ преисъ-курантъ, который и подалъ Канальеву. „Сочинитель“ выбралъ кушанье и сказалъ:

— А теперь нужно еще по рюмочкѣ.

— Кушайте-съ, а меня ужъ прошу уволить, честное слово слабъ я, отвѣтилъ Коптилинь, въ самомъ дѣлѣ почувствовавшій легкое опьяненіе.

— Ну, нѣтъ, атанде-съ, запротестовалъ „сочинитель“, извольте выпивать, я одинъ пить не люблю.

— Развѣ одну только...

— Кушайте, кушайте!...

Выпили.

Передъ ѣдой Канальевъ заставилъ Коптилина еще выпить двѣ рюмки, послѣ чего молодой человѣкъ замѣтно захмѣлѣлъ.

— Такъ хозяинъ васъ частенько шпигуетъ? обратился къ нему Канальевъ, допивая оставшуюся въ бутылкѣ водку,

Молодой человѣкъ махнулъ рукой.

— Никакого образованія не имѣетъ нашъ хозяинъ, такъ гдѣ ужъ тутъ солидарность имѣть!... Посмотрѣли бы, какъ по скуламъ людей бьетъ.

— По скуламъ?

— По скуламъ-съ... Такъ отработаетъ, что долго не забудешь...

— А сдачи ему никто не даетъ?

— Гдѣ ужъ!... Человѣкъ богатый-съ...

— Гмъ!...

Канальевъ досталъ папиросу, разгладилъ ее, постучалъ о столъ и, не торопясь, закурилъ.

— Такъ за что васъ онъ бранилъ то давеча? спросилъ онъ, взглянувъ на молодого человѣка.

Коптилинъ глубоко вздохнулъ.

— Ахъ, не спрашивайте! произнесъ онъ.

— Нѣтъ, вы скажите, не стѣсняйтесь, мы вѣдь теперь съ вами друзья, таиться нечего, авось я вамъ помогу чѣмъ нибудь...

Въ свою очередь Коптилинъ взглянулъ на „сочинителя“.

— Ну, говорите же, что у васъ на сердцѣ, пристаивалъ „сочинитель“.

— Эхъ, напрасно я пилъ-съ, поморщился Коптилинъ.

— А что?

— Дурманъ въ головѣ...

— Э, пустяки!... Винца не выпить ли какого нибудь?

— Кушайте-съ, а я не буду-съ.

Канальевъ спросилъ вина.

— Такъ рассказывайте все, что есть у васъ на сердцѣ, и, повѣрьте, что я съумѣю помочь вамъ, уставился „сочинитель“ на Коптилина, Ну-съ, добрыйшій, Иванъ Петровичъ, начинайте...

Молодой человѣкъ видимо былъ въ большемъ затрудненіи. Какъ человѣкъ осторожный, онъ всегда недовѣрчиво относился къ людямъ вообще, а къ „литераторамъ“ въ особенности.

— Ужъ вѣрьте моему слову, любезнѣйшій, что не выдамъ, продолжалъ уговаривать Канальевъ. Пріятелемъ душевнымъ хочу быть

съ вами... Вы человекъ прекрасный, я знаю людей... Общими силами будемъ дѣйствовать...

„Сочинитель“ выпилъ стаканъ вина и тоже слегка „ослабъ“.

Захмѣлѣвшая голова Коптилина быстро работала. Онъ соображалъ: „а что, рассказать ему все, или нѣтъ?“

И выпивъ стаканъ вина, заговорилъ:

— Только не выдайте-съ, а ужъ я вамъ все по порядку-съ...
Вы желаете знать, за что собственно меня отчехвостивалъ хозяинъ?
А за то-съ, что я посмѣлъ посвататься за его дочь... Да-съ...

Канальевъ наострилъ уши.

— Стало быть, вы влюблены въ хозяйскую дочь? спросилъ онъ.

— И очень даже...

— А она васъ любитъ?

— До смерти-съ... Шлѣнилась мною...

— А хороша она?

— Кто съ?

— Дочь-то?

— Картина-съ... Впрочемъ, кому какъ...

— Много за ней денегъ?

— Денегъ много-съ...

— Такъ! многозначительно произнесъ Канальевъ и еще выпилъ вина, предварительно чокнувшись съ собесѣдникомъ.

— Вотъ за эти то дѣла и отчитывалъ меня хозяинъ...

— Такъ! снова сказалъ Канальевъ.

Коптилинъ съ какимъ-то отчаяніемъ выпилъ стаканъ вина.

— А я могу вамъ помочь, проговорилъ Канальевъ.

— Помочь?

— Да-съ, любезнѣйшій, и могу ручаться, что вы будете обладать вашей сельфидой.

— Ну? недовѣрчиво отнесся Коптилинъ. Вы шутите?

— Ничуть. Давайте условимся, что если я устрою вашу женитьбу на хозяйской дочери, то вы мнѣ заплатите за это деньгами...

— Сколько угодно-съ!... Но однако, извините, трудно повѣрить...

— Вы послѣ мнѣ отдадите деньги, такъ что ничемъ не будете рисковать.

Молодой человекъ внимательно сталъ смотрѣть на „сочинителя“.

— Какъ-же это вы такъ сдѣлаете?

— А ужъ это будетъ мое дѣло. Согласны?

— Гмъ! произнесъ Коптилинъ, по прежнему смотря въ лицо Канальеву. Не вѣрится такому великому счастью-съ...

— Да что вы заладили „не вѣрится, не вѣрится!“ возвысить голосъ „сочинитель“. Когда дѣло сдѣлается, тогда повѣрите...

— Не отдастъ онъ за приказчика дочь свою...

— А я говорю, что отдастъ, съ убѣжденіемъ сказалъ Канальевъ. Давно вы служите у Чурилова?

Коптилинъ въ короткихъ словахъ рассказалъ свою исторію поступленія на службу къ Игнатію Максимовичу.

— Такъ по рукамъ? протянулъ „сочинитель“ руку молодому человѣку.

— Извольте-съ, съ улыбкой проговорилъ Коптилинъ.

Новые знакомцы пожали другъ-другу руки.

— Я, батенька, словъ на вѣтеръ никогда не бросаю, хвастливо сказалъ Канальевъ. Вотъ увидите, какъ я начну дѣйствовать...

— Вѣкъ вамъ буду слуга-съ... Осчастливьте...

Коптилинъ поднялся съ мѣста.

— Однако мнѣ пора-съ, сказалъ онъ.

— Одно слово, остановилъ его „сочинитель“. Въ видѣ авансика, вы мнѣ малую толику одолжите...

— Денегъ?

— Да, немного, рублей десять, что-ли...

— Извольте-съ...

Коптилинъ досталъ десятирублевку и подалъ „сочинителю“. Тотъ небрежно сунулъ ее въ карманъ.

— А если я дѣло ваше улажу, вы мнѣ тогда сколько заплатите, за труды? отнесся Канальевъ къ молодому человѣку.

— Я право не знаю-съ. Сколько бы вы желали взять?

— Меньше тысячи рублей я взять не могу. Согласитесь, милѣйшій, что эта сумма, когда вы женитесь на Чуриловой, будетъ для васъ вполне ничтожна...

— Извольте-съ, отвѣтилъ Коптилинъ, извольте, я согласенъ буду вамъ заплатить тысячу рублей, если вы устроите мою женитьбу... А, виноватъ, вы-съ...

Коптилинъ замаялся.

— Ну? посмотрѣлъ на него Канальевъ.

— Какими средствами вы все это сдѣлаете?

— Перомъ, батенька, перомъ-съ...

Черезъ нѣсколько минутъ новые пріатели разстались. Нѣсколько дней спустя послѣ описанной бесѣды, въ одной изъ газетъ появилась слѣдующая статейка: „Мы слышали о готовящейся въ Москвѣ очень интересной свадьбѣ: нѣкто Игнатій Максимовичъ Чуриловъ, очень богатый купецъ, торгующій мануфактурнымъ товаромъ, выдаетъ свою единственную дочь за приказчика своего И. П. Коптилина. Помимо того, что свадьба эта будетъ отличаться почти небывалой еще роскошью, она интересна тѣмъ, что женихъ совершенно бѣдный человѣкъ; такимъ образомъ наше купечество отрѣшается по немногу отъ предразсудковъ и уже не выдаетъ своихъ дочерей силою, хоть и за нелюбимаго, да богатаго человѣка. Господинъ Чуриловъ служить блестящимъ примѣромъ такой перемѣны нравовъ и нельзя не отнести къ нему съ величайшей похвалою“.

Игнатій Максимовичъ сидѣлъ въ трактирѣ, когда ему подаль одинъ изъ знакомыхъ купцовъ номеръ газеты, гдѣ была помѣщена сказанная замѣтка.

— Вотъ какія у тебя дѣла то дѣлаются, Игнатій Максимовичъ, а ты знай молчишь себѣ, проговорилъ купецъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотря на Чурилова.

— Что такое? не понялъ Игнатій Максимовичъ.

— Нечего записаться то теперича, чай я грамотный...

— Да о чемъ ты говоришь, скажи Бога-ради? удивлялся въ свою очередь Чуриловъ.

— Ладно, ладно, не хитри, а вотъ читай-ка лучше...

И купецъ положилъ передъ Игнатіемъ Максимовичемъ газету, ткнувъ пальцемъ на замѣтку о свадьбѣ. Чуриловъ принялся читать. Онъ читалъ, и лицо его то краснѣло, то блѣднѣло, руки дрожали.

— Да что-жъ это такое! воскликнулъ онъ, бросая газету. Что за чертовщина такая!...

Х.

Шумно и весело была сыграна свадьба Ивана Петровича Коптилина съ Клавденькою. Игнатій Максимовичъ не пожалѣлъ денегъ и устроилъ бракосочетаніе единственной дочери что называется „на славу“. Ярко была освѣщена приходская церковь, стройно и торжественно пѣли лучшіе въ Москвѣ пѣвчіе, громомъ раскатывался ужасающій басъ діакона, читающаго „апостола“, около церкви галопировали жандармы, а длинный рядъ каретъ тянулся на цѣлую улицу. Брачный пиръ отличался богатствомъ, роскошью, костюмы невѣсты, вѣнчальный, и потомъ балъный, поражали изяществомъ и обиліемъ брилліантовъ. Гордо стоялъ Коптилинъ подъ вѣнцомъ, гордо прошелъ изъ церкви мимо завидующихъ ему небогатыхъ купчиковъ и приказчиковъ, еще недавно товарищей его, мимо любующихся на него дамъ и дѣвицъ. Онъ былъ очень красивъ въ изящномъ ффракѣ, стройный, сознающій свою красоту, завитой, блистающій брилліантами, молодцеватый и ловкій. Природа наградила его высокимъ ростомъ, выразительными глазами, цвѣтущимъ здоровьемъ, кудрями шелковистыми и блестящими, какъ шелкъ, а умѣющій и опытный танцмейстеръ выучилъ ловко держаться, красиво ходить, умѣло поклониться. Портной и парикмахеръ довершили дѣло, и женихъ былъ дѣйствительно молодецъ, картина, какъ говорится. Не одно сердечко забилося, не одна головка всполошилась любовными думами въ этотъ день, и много, много напилось въ церкви, а потомъ на балѣ дамъ и дѣвицъ, которыя глубоко завидовали Клавденькѣ...

Прошло послѣ свадьбы дня три, въ которые „молодые“ дѣлали визиты и съ утра до ночи были заняты то выѣздами, то пріемами. На третій день они были свободны. Часу въ десятомъ проснулся Коптилинъ, сладко потянулся на пуховой постели, подъ атласнымъ одѣяломъ, закурилъ папирску, затаился раза два, бросилъ и всталъ съ постели. Въ шикарномъ атласномъ халатѣ, въ шитыхъ турецкихъ туфляхъ, умытый, надушенный и расчесанный вышелъ онъ въ столовую, гдѣ уже заботливая Клавденька приготовляла кофе,—чаю теперь Иванъ Петровичъ по утрамъ не пилъ. Съ улыбкой блаженства встрѣтила Клавденька супруга и пошла къ нему

на встрѣчу. „Молодая“ была въ дорогомъ пенъюарѣ съ брюссельскими кружевами, но туалетомъ еще не занялась; волосы ея, жидкіе и сухіе, некрасиво торчали въ разныя стороны, поблекшее лицо было желто, точно утомлено и измято; кожа на шеѣ и чуть, чуть открытой груди груба и тоже желта. Коптилинъ такою видѣлъ ее еще первый разъ.

— Ваничка! радостно воскликнула Клавденька. Проснулся, милый?.. А я ужъ давно встала, ожидаю тебя кофе кушать... Здравствуй, милашка, ципонька моя, цѣлуй меня, голубчикъ мой...

Коптилинъ чуть, чуть прикоснулся губами къ щекѣ жены и поморщился.

— Какая ты сегодня... несуразная! кисло проговорилъ онъ. Не чесаная, не мытая... И притомъ, что это у тебя за слова такія — „милашка“, „ципонька“... Смѣшно какъ то... Ребенка еще такъ можно называть, а ко мнѣ это не пристало...

— Я ужъ не знаю, какъ получше приласкать тебя, Ваничка, потому такъ и называю, улыбнулась Клавденька. Ежели не хочешь — я не буду...

Клавденька подошла къ зеркалу.

— А и правда, что я сегодня какая то чудная! сказала она. Не успѣла еще одѣться какъ слѣдуетъ...

— Не нарумянилась и не набѣлилась? насмѣшливо спросилъ Коптилинъ, усаживаясь въ кресло около стола и взявъ приготовленную ему газету.

Клавденька покраснѣла.

— Нѣтъ... Я вѣдь не... румянюсь... У меня отъ природы румянецъ, только сегодня что-то... Спала плохо...

— Ну, ладно ужъ, давай кофею-то...

Молодой занялся чтеніемъ.

— Ваничка, ты бы, милый, вслухъ читалъ, а я бы послушала... Я очень люблю слушать, когда читаютъ, сказала Клавденька.

— Не касательное до тебя пишуть-то, знать, отвѣтилъ Коптилинъ. Тебѣ вѣдь надо что нибудь вродѣ сонника, либо оракула, а тутъ вотъ политика, разсужденія разныя...

— А ты меня, Ваничка, и поучи... Я вѣдь росла безъ гувернантокъ, глупенькая я, а ты мужчина, ты умный, вотъ ты и поучи меня... Съ умными мужемъ и я буду умная...

— Ну, въ тридцать лѣтъ мудрено чемунибудь выучить, Клавдія Игнатьевна, надо было раньше учиться, годковъ двадцать тому назадъ.

Клавдинька снова вспыхнула, потомъ лицо ея покрылось пятнами и поблѣднѣло. Слова мужа глубоко огорчили ее и сильно обидѣли...

— Мнѣ, Ваня, не тридцать лѣтъ, сквозь слезы проговорила она, мнѣ еще двадцати шести нѣтъ...

— Ой-ли?.. Вѣдь у вашего брата лѣта то мѣряются, что версты въ деревнѣ—„мѣряла, говорятъ, баба клюкой, да махнула рукой...“ Ха, ха, ха...

Коптилинъ бросилъ газету.

— Э, да ты не плачешь-ли? удивился онъ. Вотъ такъ фунтъ!.. Брось, Клавдія, нехорошо... Это, братъ, ежели ты отъ каждого слова ревѣть будешь, такъ отъ тебя и житья не будетъ, ты эту музыку оставь...

— Ты... обидѣлъ меня, сдерживая слезы, проговорила Клавдія,

— Скажите на милость!.. Ну, ладно, будетъ, давай-ко вотъ кофеи пить, а то мнѣ въ лавку надо, совсѣмъ загулялся со свадьбой. то, все дѣло бросилъ...

— Успѣешь еще, Ваня... Ты сегодня не ѣзди въ лавку, попросила Клавдія. Съѣздимъ покататься, а потомъ ты мнѣ гостиницу „Эрмитажъ“ покажи, или другую какую... Успѣешь еще дѣла то дѣлать...

— То-то что не успѣю... Папаша со свадьбы оправится не можетъ, все еще опохмѣляется по трактирамъ цѣлый день, братецъ твой ровно ничего незначить, дуракъ потому, а старикъ Филиппычъ плохъ сталъ, еле ходить, изъ подъ носу у него урвутъ, такъ нужно за дѣломъ то въ оба глядѣть... Ваше же добро берегу...

Коптилинъ оставался оффиціально приказчикомъ тестя, капиталъ же, полученный за Клавденькою, былъ положенъ на ея имя, за исключеніемъ сорока тысячъ, выданныхъ Коптилину „на руки“. Тесть предложилъ было ему начать свое дѣло на эти деньги и на деньги жены, но Коптилинъ отказался и вызвался „послужить“, что очень тронуло старика и понравилось ему, ибо сынъ былъ не способенъ вести дѣло, хотя бы и кое-какъ, а старикъ сознавалъ свою

слабость къ рюмочкѣ, и такимъ образомъ зять являлся очень нужнымъ и полезнымъ дѣятелемъ... Полное владычество Коптилина во всемъ дѣлѣ было признано всѣми, и его еще до свадьбы считали хозяиномъ, боялись и „глядѣли въ глаза“, что называется. Многіе были увѣрены, что все состояніе стариковъ перейдетъ къ нему, и на малоумнаго сына Игнатія Максимовича смотрѣли, какъ на приемыша, которому, что дадутъ, то и ладно.

— А вечеромъ, Ваничка, куда сегодня? спросила Клавденъка, видя, что мужъ говорить дѣло и что его не уговоришь „погулять“.

— А тамъ видно будетъ...

Коптилинъ выпилъ еще чашку кофе, закурилъ сигару и пошелъ въ кабинетъ.

— Позаймусь кой-чѣмъ, сказалъ онъ женѣ на вопросъ, что онъ будетъ дѣлать пока.

Кабинетъ Ивана Петровича помѣщался въ большой, свѣтлой комнатѣ и блисталъ аляповатой роскошью, но его онъ поражалъ великолѣпіемъ и казался ему образцомъ богатства, вкуса, шика и аристократизма. Ярко пестрѣли по стѣнамъ олеографіи въ золотыхъ рамахъ, сверкала бронза московскаго издѣлія, до боли въ глазахъ пестрѣли въ шкафѣ книги въ красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ и голубыхъ переплетахъ съ обильными золотыми тисненіями. Тутъ были томы „Нивы“, ва много лѣтъ, случайно купленная коллекція французскихъ альманаховъ, сочиненія лучшихъ писателей, а рядомъ московскія лубочныя изданія, роскошно переплетенныя. Что было хорошо въ кабинетѣ, такъ это дорогой коверъ, купленный старикомъ „по случаю“ у раззорившагося барина.

Иванъ Петровичъ сѣлъ въ кресло, протянулъ ноги, развалился, и пріятное, сладостное сознаніе полного довольства разлилось по его лицу, онъ весело улынулся и пустилъ колечко голубаго дыма...

Въ зеркальныя стекла врывались лучи февральскаго солнца и играли на хрусталѣ, на бронзѣ; въ залѣ звонко чиликали канарейки, кругомъ все блестѣло лакомъ, позолотою, новизною, богатствомъ, въ чугунномъ несгораемомъ шкафѣ, грузно стоящемъ въ углу кабинета, лежали пачками новенькія депозитки, билеты, акціи, облигаціи... Все это было его, Коптилина, всѣмъ этимъ онъ могъ

наслаждаться, пользоваться по своему усмотрѣнію... Жизнь сулила много радостей и наслажденій...

Передъ Коптилинымъ замелькали картины жизни прошлой, настоящей и будущей... Темное прошлое отошло куда-то далеко, далеко, пропало, какъ непріятный сонъ и какъ въ туманѣ проносились образы прошлаго... Деревня, поѣздка въ Москву, смерть отца, говорящаго о какомъ то „кладѣ“, жизнь въ мальчикахъ, скорбная и тяжелая, первые проблески сознанія своей пользы и плоды этого сознанія... „Вотъ онъ кладъ-то, у меня онъ!“ подумалъ Коптилинъ... Онъ вспомнилъ отца... „А мать?“ вдругъ встало у него въ головѣ. „Батюшки, вѣдь она жива, старуха-то...“ Онъ первый разъ вспомнилъ о матери и, надо отдать ему справедливость, сейчасъ же рѣшилъ выписать ее къ себѣ. „Пусть старуха поживетъ подъ конецъ въ теплѣ, да сытая,“ думалъ онъ, доставая бумагу, чтобы сегодня же послать въ деревню письмо съ деньгами. „Найму ей квартирку, либо домикъ куплю, пусть себѣ живетъ... Грѣхъ родительницу то забывать...“

Иванъ Петровичъ принялся писать письмо на родину, написалъ и сейчасъ же послалъ артельщика отправить его, вложивъ пятьдесятъ рублей на дорогу матери. Написавъ и отправивъ письмо, Коптилинъ хотѣлъ было переодѣться и ѣхать въ лавку, какъ въ кабинетъ вошелъ Иванъ Филипповичъ.

— Еще въ халатикѣ, добрый молодецъ? Прохлаждаешься еще? добродушно пошутить старикъ, входя и усаживаясь около стола. Ничего, ничего, дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить, а „молодому“ можно и погулять...

— Да, мнѣ можно и погулять, потому я и „молодой“, и хозяинъ вдобавокъ, а вотъ старичкамъ да служащимъ не худо бы и въ лавочкѣ быть, полушутя, полусерьезно сказалъ Коптилинъ.

Старикъ засмѣялся.

— Хе, хе, хе... правда, голубчикъ, правда, жури насъ хорошенько, показывай свою власть, не давай потачки, а то безъ строгости то порядка не будетъ...

Старикъ непріязненно покосился на дымящуюся въ зубахъ „хозяина“ сигару и пересѣлъ на другое мѣсто. Какъ старообрядецъ, онъ не любилъ „табачнаго зелья“, и при немъ, уважая его старость, никто не курилъ.

— Словно ты, Ваня, не курилъ прежде? спросилъ онъ.

Коптилинъ взглянулъ на него недружелюбно и холодно.

— Прежде то? повторилъ онъ. Да, было время, когда я и не курилъ, и „Ваней“ былъ, даже „Ванькой“, ну, а теперь я Иванъ Петровичъ и вотъ курю...

Старикъ понялъ намекъ.

— Ты не обижайся на меня, сударь, я вѣдь по дружбѣ съ тобой такъ-то, сказалъ онъ. Прикажешь—я буду по имени, по отчеству величать, шапку ломать... я человѣкъ служащій, а ты хоззяйскій зять...

— То то и есть, сухо проговорилъ Коптилинъ. Я такъ полагаю, что дурной примѣръ для прочихъ будетъ, ежели вы меня „ты“ будете называть, да и неприлично это, не въ порядкѣ, и я васъ прошу звать меня Иванъ Петровичемъ и вы...

Старикъ грустно поникъ головою, долго думалъ что то, вздохнулъ и пристально, пристально, поглядѣлъ на Коптилина.

— Слушаю, батюшка, исполню вашъ приказъ, извините старика его невѣжество... Такъ то оно и правда, что складнѣе, потому что было, то быльемъ поросло, и теперича вы нашъ хозяинъ, а мы ваши слуги...

Старикъ помолчалъ.

— Пришелъ я къ вамъ, Иванъ Петровичъ, по дѣлу, заговорилъ онъ потомъ. Сватомъ вашимъ былъ я, сударь, дѣло устроилъ а вы общагъ изволили, ежели дѣло такъ устроится, пять тысячъ пожертвовать на нашу богадѣльню... Изволили вы въ тѣ поры говорить, что половину-де вамъ, Иванъ Филипповичъ, отдамъ, а я отвѣчалъ, что мнѣ этого не нужно и выпросилъ пожертвованіе на богадѣльню, а вы общали... Дозволите получить?

Коптилинъ усмѣхнулся.

— Слыхалъ я, что свахи берутъ и сотню, и двѣ за сватанье, окромя платя тамъ, пали ковровой и тому подобное, ну, а чтобы по пяти тысячъ имъ давали, не слыхалъ! сказалъ онъ. Удивляюсь, какъ это вы рѣшаетесь говорить объ этомъ и какъ на старости лѣтъ неразумны... Вонъ говорятъ обыкновенно передъ розыгрышемъ, что если-де выиграю двѣсти тысячъ, такъ тебѣ половину отдамъ, а то и больше, такъ по вашему выходитъ, что и надо от-

давать?.. Глупо, очень глупо!.. Если я буду по пяти тысячъ швырять, такъ прошвыряю и не такое состояніе...

Старикъ всталъ съ мѣста еще на половинѣ рѣчи Коптилина и, когда тотъ кончилъ, поклонился ему въ поясъ.

— Ну, извините, что обезпокоилъ, упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ, извините... До увиданья, сударь, не взыщите на старикѣ...

Онъ поклонился еще разъ и вышелъ, глубоко огорченный. Коптилину послышалось, что старикъ заплакалъ, выйдя въ сосѣдную комнату.

— Одѣваться мнѣ! крикнулъ послѣ этого „молодой“ дежурившему около кабинета мальчику. Коптилинъ хотѣлъ взять лакея, но стѣснялся пока.

— Сюртукъ надѣнете, или пинжакъ? спросилъ мальчикъ.

— Сюртукъ... Брюки сѣрыя съ полосками, щиблеты лаковые... живо...

Мальчикъ сталъ доставать платье и уронилъ сюртукъ на полъ. Коптилинъ подошелъ къ нему, взялъ за ухо, а другой рукой нѣсколько разъ ударилъ сперва по затылку, а потомъ по обѣимъ щекамъ. Мальчикъ зарыдалъ.

— Плакать? злобно спросилъ Коптилинъ. Ревѣть?.. А вотъ такъ тебя учивали?..

Онъ взялъ ремень и, вспомнилъ „науку“ въ домѣ Слободова, словно душу отвелъ, словно отомстилъ за прошлое. Онъ думалъ въ это время: били меня, притѣсняли меня, обижали меня, а теперь я могу и бить, и обижать, и притѣснять!..“

Мальчика онъ избилъ жестоко, съ какимъ то наслажденіемъ, и, одѣвшись поѣхалъ въ городъ, не заглянувъ къ Клавденькѣ, которая завитая, наруганная, затянута и раздущенная сидѣла у себя въ комнатѣ и ждала супруга съ трепетнымъ нетерпѣніемъ.

Прошло около году. Сошелъ въ могилу Иванъ Филипповичъ, отказавшійся отъ должности мѣсяцевъ за пять до смерти, вышла Катя Сургучова замужъ за влюбленнаго въ нее Ладоньева, пополнѣлъ и еще больше похорошѣлъ Коптилинъ, раздобрѣла счастливая Клавденька. Мужъ жилъ съ нею хорошо, не обижалъ, порою

прикидывался даже влюбленнымъ, что не мѣшало ему заводить интрижки направо и налево и жить „всласть“. Онъ уже успѣлъ войти во вкусъ богатой жизни, любилъ и лихую тройку, и цыганскій хоръ, зналъ вкусъ согрѣтаго лафита и замороженнаго шампанскаго, отличалъ настоящихъ устрицъ отъ нашихъ крымскихъ и пренебрегалъ послѣдними, любилъ поѣсть и выпить, что впрочемъ нисколько не мѣшало ему превосходно вести дѣло и поставить его такъ, что оно стало вдвое лучше. Тестъ души въ немъ не слышалъ, что называется, боготворилъ его и жилъ за нимъ, какъ за каменною стѣною.

— Съ такимъ зятемъ, миленькіе, мнѣ можно сложа ручки жить! хвастался онъ, сидя въ трактирѣ и утѣшая душеньку любимымъ портвейнцемъ, наливочками и ликерчиками. Я други мои, ѣмъ, пью, сплю, а онъ дѣло дѣлаетъ, да еще какъ — страсти!.. У меня теперь такое дѣло, что такого и нѣтъ ни у кого!.. Слободовы были конкурентами, а теперь они идохнуть передо мною не могутъ и даже въ рукахъ у меня... Мнѣ зять говорить: „захотимъ, говоритъ, папаша, такъ раздавимъ ихъ во прахъ!..“ Золотой зять, умница, все дѣло ему передалъ и знать ничего ни знаю!..

Старикъ, дѣйствительно, занимался только выпивкою, растолстѣлъ страшно и грозилъ умереть ударомъ отъ чрезмѣрнаго пьянства и абсолютной праздности.

— Смотри, Игнаша, говорили ему пріатели, не обстригалъ бы тебя зятекъ то! Ловокъ-то онъ ловокъ, да не слишкомъ-ли?.. Онъ тебя такъ обошьетъ, что безъ гроша останешься...

— Такъ что же? Мнѣ, други, не два вѣка жить, старухѣ то моей хлѣба то кусокъ дать онъ, сынокъ у меня умалишенный, ему лежанку да чашку шей надо, такъ я и безъ того все Клавденькѣ отдамъ, а Ваяя мужъ ея. Нѣтъ, онъ уважаетъ меня.

И Коптилинъ дѣйствительно уважалъ тестя. Онъ былъ почти теленъ съ нимъ, поощрялъ его въ выпивкѣ и даже увлекалъ самъ, нѣжно ласкалъ на его глазахъ жену свою, мягко стлалъ, а какъ будетъ спать на мягко постланной постели, старикъ не думалъ и совершенно довѣрялся зятю, хотя ни лавка, ни домъ, ни капиталъ не были переведены на Клавденьку. Къ этому Коптилинъ осторожно и умно подводилъ тестя.

Мы, впрочемъ, расскажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ и скоро познакомимъ читателей съ новыми героями нашей повѣсти, съ братомъ Клавденьки, съ матерью Коптилина и еще съ другими, не забывая рассказывать и про старыхъ знакомыхъ, а пока будемъ послѣдовательны.

XI.

Игнатій Максимовичъ прочиталъ замѣтку другой разъ и снова взбѣсился. Жилы у него на лбу такъ и напряжились, кулаки невольно сжались. Скомкавъ газету и сунувъ ее въ карманъ, онъ торопливо отправился домой, ругаясь дорогою вслухъ:

— Анаемы этакіе, что выдумали!.. Но придя домой, онъ нѣсколько успокоился: ему пріятно было то обстоятельство, что въ газетѣ все же его похвалили.

— И откуда могли такіе слухи разойтись? разсуждалъ съ собою Игнатій Максимовичъ. Тѣфу ты!.. Вдругъ я Клавдію свою за нищаго Ваньку Коптилина выдаю!.. Эки, вѣдь, враки, эки бабьи сплетни!.. Гмъ!.. Имъ хорошо хвалить то меня, а каково мнѣ то, отцу то... Нну, дѣла!..

Не мѣшкая, Игнатій Максимовичъ приказалъ позвать къ себѣ въ кабинетъ Коптилина и, когда тотъ явился, старикъ сказалъ ему строго:

— Читалъ?

— Читалъ-съ, Игнатій Максимовичъ, почтительно отвѣчалъ Коптилинъ, чувствуя, какъ сильно бьется у него сердце.

Наступило тяжелое молчаніе.

— Вотъ что, парень, я тебѣ скажу, началъ Чуриловъ, ужъ если по всему городу пошли такіе слухи и даже въ газетахъ стали печатать, что моя дочь выходитъ за тебя замужъ, то, стало быть, ужъ этому нужно покориться... судьба значить... Ничего теперь не подѣлаешь...

Игнатій Максимовичъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

— Подойди сюда, позвалъ онъ Коптилина.

Молодой человѣкъ приблизился къ старику.

— Будетъ ли счастлива моя дочь за тобой? Отвѣчай по совѣсти, а то покараетъ тебя Господь.

— Будетъ счастлива, Игнатій Максимовичъ, тихо отвѣтилъ Коптилинъ.

— Любишь ты Клавденьку?

— Люблю, Игнатій Максимовичъ...

— Можетъ быть, только деньги ея любишь?

— Не въ деньгахъ счастье, Игнатій Максимовичъ...

Чуриловъ нѣсколько минутъ молчалъ, потомъ всталъ съ мѣста и протянулъ Коптилину руку.

— Ну, Иванъ, я отдаю за тебя дочь свою, но помни, что ты обязанъ любить и заботиться о ней, торжественно сказалъ онъ. Клавдія не стара еще... я люблю ее, люби и ты... Благословляю тебя, Иванъ...

Игнатій Максимовичъ прослезился, но скоро оправился, досталъ образъ и благословилъ имъ молодаго человѣка.

Коптилинъ схватилъ руку старика, поцѣловалъ и опустился на колѣни.

— Осчастливили меня, Игнатій Максимовичъ, шепталъ онъ.

Позвана была къ отцу и Клавденька. Когда она узнала, что отецъ соглашается выдать ее за Коптилина, щеки дѣвушки вспыхнули яркимъ румянцемъ: счастье такъ и разлилось на некрасивомъ лицѣ ея, глаза такъ и засіяли блаженствомъ.

— Любите другъ друга, живите мирно... меня не забывайте, говорилъ Игнатій Максимовичъ, обнимая дочь. Счастливо живите, а я ужъ васъ не оставлю...

Игнатій Максимовичъ обернулся къ Коптилину:

— Приданое за Клавдіей ты получишь полное, то есть такое, какое получилъ бы и всякій женихъ, проговорилъ старикъ.

Глаза Коптилина сверкнули огнемъ величайшей радости. Онъ поклонился и отвѣтилъ:

— Я вѣдь буду доволенъ, Игнатій Максимовичъ... Осчастливили вы меня... Благодаритель вы теперь мой...

Клавденька съ любовью смотрѣла на красивое лицо жениха...

И вотъ такимъ то образомъ завѣтная мечта Коптилина сдѣлаться женихомъ богатой купеческой дочери—сбылась. Вѣсть о его же-

нитьбѣ разлетѣлась по Москвѣ, возбуждая различные толки, и достигла, какъ мы видѣли, до бѣдной Кати, повергнувъ ее въ неисходное горе. Коптилину было не до Кати теперь; онъ на эти дни забылъ о бѣдной дѣвушкѣ и весь отдался грядущему счастью, жилъ имъ, дышалъ; дни его летѣли радостно и быстро, ночи проходили въ упоительныхъ радужныхъ снахъ. А дѣйствительность была очень привлекательна. Лишь только старикъ Чуриловъ далъ свое согласіе, какъ въ ту же минуту проникнулся любовью къ будущему зятю и рѣшилъ, ужъ если осчастливить, такъ осчастливить вполнѣ, не даромъ де про меня въ газетахъ напечатали, что я „не въ примѣръ прочимъ.“ Помимо тщеславія, Игнатіемъ Максимовичемъ руководило и то чувство любви къ осчастливленному имъ человѣку, которое неизбѣжно въ такихъ случаяхъ: извѣстно, что никого человѣкъ такъ не любитъ, какъ того, кому онъ сдѣлалъ добро. Старикъ вѣрилъ въ искренность Коптилина и былъ убѣжденъ, что тотъ глубоко, на всю жизнь признателенъ ему, и захотѣлъ быть великодушнымъ и щедрымъ до конца. Онъ заказалъ дочери блестящее приданое, взялъ на себя всѣ расходы по свадьбѣ, которая по его желанію, должна была быть отпразднована блестяще, „какъ въ газетѣ пишутъ;“ захотѣлъ отдѣлать для молодыхъ богатую квартиру у себя въ домѣ, а будущему зятю выдалъ сейчасъ же на руки половину приданной суммы, что составляло тысячъ сорокъ. Точно праздники настали для Коптилина, „не житіе, а масляница,“ какъ говоритъ поговорка!.. Встанетъ онъ утромъ, а его уже ждетъ сюрпризъ: то платье отъ лучшаго портного принесли, то мебель доставили въ будущее жилище, то неvěста поднесла перстень въ нѣсколько тысячъ рублей, то привели лошадей, купленныхъ Игнатіемъ Максимовичемъ „сюрпризомъ.“ Коптилинъ въ какую нибудь недѣлю пополнилъ, лицо у него такъ и залоснилось, руки побѣлѣли, округлились и очень шли къ этимъ холенымъ рукамъ брилліанты. Откуда манера взялась, тонъ появился... „Словно родился фабрикантомъ!“ говорили про него недавніе товарищи, а теперь подчиненные приказчики. Про Клавденьку и говорить нечего—она цѣла счастьемъ, даже похорошѣла въ эти дни и выглядѣла совсѣмъ таки недурненькой неvěстою, особенно шикарно и со вкусомъ одѣтая лучшей модисткою столицы. Дѣвушка большую часть

дня проводила съ женихомъ, каталась съ нимъ, бывала въ театрахъ, въ циркахъ и, не спуская глазъ, любовалась своимъ „не-нагляднымъ Ваничкою,“ а оставаясь наединѣ, лънула къ нему, влялась въ любви и требовала въ свою очередь клятвъ отъ него. Коптилинъ клялся, былъ нѣженъ и игралъ роль влюбленнаго жениха прекрасно, такъ что и не Клавденька не усумнилась бы въ немъ. Такъ шли дни за днями и время приближалось къ свадьбѣ, которую рѣшили сыграть передъ масляницею. Въ эти „праздничные“ дни только два эпизода омрачили нѣсколько свѣтлое настроеніе жениха. Два эпизода эти были встрѣчи — первая со старымъ хозяиномъ Слободовымъ, а вторая съ Катюю.

Какъ то Коптилинъ захотѣлъ показать себя прежнимъ хозяевамъ и для этой цѣли, одѣвшись въ дорогую нарядную шубу подаренную будущимъ тестемъ, въ блестящемъ цилиндрѣ, завитой, приказалъ кучеру везти себя мимо лавки Слободовыхъ, гдѣ онъ ткнулъ тяжелую лямку, „мальчика“ и началъ торговую карьеру. Узенькій переулокъ на Ильинкѣ, гдѣ помѣщалась лавка Слободовыхъ, былъ на этотъ разъ, какъ и всегда, почти загроможденъ ломами извозчиками, подвозившими товаръ въ амбары и лавки, и проѣздъ былъ затрудненъ. То шагомъ, то останавливаясь каждую минуту, двигались сани Коптилина, запряженные красивымъ дорогимъ конемъ. Это было на руку Коптилину: торговцы могли разглядѣть его во всѣхъ подробностяхъ и поражаться происшедшей переменой. Остановились сани и передъ лавкою Слободова. Старика не было, на „галдареѣ“ стоялъ только молодой Слободовъ и приказчики.

— Коптилинъ! Коптилинъ! зашептали бывшіе сослуживцы Ивана Петровича.

— Шуба то, шуба то какая!... На своей лошади, братцы!... Фу ты, ну ты!...

— Эко счастье то человѣку!...

— Ай, Иванъ Петровичъ, молодецъ!...

— Да, братцы, повезло парню... Теперь, поди, и не узнаетъ, не поклонится...

— Была ему охота кланяться, ежели у него сто тысячъ чистоганчикомъ!...

Всѣ эти возгласы приказчиковъ, хотя и не особенно громкіе,

Коптилинъ слышалъ и таялъ отъ удовольствія, небрежно поглядывая въ противоположную сторону и будто не замѣчая никого. Петръ Слободовъ, немного выпившій, по обыкновенію, и все еще чистокровный „саврасъ“, все еще не женатый и „погуливающий“, выдвинулся между тѣмъ впередъ и громко, такъ что всѣ сосѣди даже слышали, проговорилъ:

— Хороша лошадь то вотъ у купца у этого, да только, надо полагать, косая... Да бишь, не лошадь у него косая то, а невѣста!...

Эта грубая и совсѣмъ не остроумная шутка вызвала тѣмъ не менѣе взрывъ хохота. Захохотали сосѣдніе торговцы, узнавшіе Коптилина, а пуще всѣ приказчики Слободова, изъ угожденія хозяину.

— Развѣ косая? спросилъ кто-то.

— Да... Одинъ глазъ на насъ, а другой въ Арзамасъ...

— Ха, ха, ха!...

— Ее возили по всѣмъ городамъ на выставки, жениховъ все искали, да не было, насилу одного нашли—подержаного на рынкѣ купили...

— Ха, ха, ха!...

Коптилинъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлался предметомъ вниманія не только сосѣднихъ приказчиковъ и торговцевъ, а даже ломовики, нагружающіе воза, артельщики, принимающіе и отпускающіе товаръ, глядѣли на него и видѣли, что слова Слободова относятся именно къ нему.

— Пошолъ же! крикнулъ онъ кучеру.

— Не проѣдешь, Иванъ Петровичъ, — весь переулочекъ запруженъ, ишь тутъ толчея какая!...

А Слободовъ не унимался, видя, что слова его попали мѣтко.

— Помните, ребята, у насъ мальчишка Ванька жилъ? продолжалъ онъ.

— Помнимъ-съ...

— Гдѣ то онъ нонѣ?... Воришка былъ парень, пороли, его бывало, каждый день...

Кучеръ наконецъ нашелъ возможность „тронуть“ и поѣхалъ.

— Купи невѣстѣ глазъ то, дешево продадимъ! закричалъ вслѣдъ Слободовъ.

— Ноги то у ней есть ли, а то можно деревянные сдѣлать! подхватилъ одинъ изъ молодцовъ.

— Ха, ха, ха! заржали другіе.

Коптилинъ блѣдный, съ закушенными губами, стиснувъ кулаки, сидѣлъ въ саняхъ и готовъ былъ броситься на насмѣшниковъ, загрызть ихъ зубами, разорвать... Но чуть ли не большая злоба закипѣла у него въ эту минуту къ Клавденькѣ. Онъ ненавидѣлъ свою невѣсту въ эту минуту, презиралъ ее, считалъ виновницею своего позора и забывалъ, что она же и виновница его счастья... „Всю жизнь будутъ корить, всю жизнь насмѣшки буду слышать!“ думалъ онъ. „Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она не такая, какъ Катенька!...“

Первый разъ вспомнилъ онъ теперь про Катю послѣ объявленія себя женихомъ, и любовь къ ней съ новой силою охватила его, въ душѣ загорѣлось страстное желаніе видѣть ее хоть на минуту... Увы, это было невозможно—Катя знала уже, конечно, про его женитьбу, вѣдь ужъ „оглашеніе“ въ церкви дѣлалъ, да и помимо этого всѣ сосѣди знали о надѣлавшей шуму свадьбѣ...

На другой же день послѣ этого Коптилину и пришлось увидѣть Катю, чтобы навѣки сказать ей прости, чтобы потерять даже малѣйшую надежду на примиреніе. Онъ поѣхалъ куда то по порученію будущаго тестя. Проѣзжая Полянкою, онъ замѣтилъ впереди себя идущую съ какимъ то бѣдно одѣтымъ человѣкомъ Катю; онъ узналъ ее по стройной и изящной фигурѣ, по походкѣ, по знакомой манчестеровой шубкѣ съ куньимъ воротничкомъ. Дѣвушка шла тихо, тихо и, опустивъ голову, видимо погруженная въ думу и врядъ ли слушающая своего собесѣдника, который что то говорилъ ей, жестикулируя руками и видимо съ увлеченіемъ.

— Стой! приказалъ Коптилинъ кучеру. Ступай домой—я пѣшкомъ пройдуся...

— Я поѣду тихонько, Иванъ Петровичъ, можетъ, пристанете, такъ сѣсть изволите, предложилъ было кучеръ, но Коптилинъ отослалъ его, боясь свидѣтеля своего объясненія съ дѣвушкой.

Онъ выждалъ, пока кучеръ скрылся и, догнавъ Катю, окликнулъ ее.

— Ахъ! вскрикнула Катя отъ знакомаго голоса, дрогнула вся, схватила спутника за руку, точно ища защиты и опоры, и оглянулась. Лицо ея было мертвенно блѣдно, губы дрожали.

— Здравствуйте! проговорилъ Коптилинъ взволнованнымъ голосомъ и поглядѣлъ на спутника Кати. Это былъ знакомый намъ механикъ Ладоньевъ.

— Оставьте насъ, господинъ, мы переговоримъ объ одномъ дѣлѣ, обратился къ нему Коптилинъ.

Ладоньевъ смѣрившій своего соперника негодующимъ взглядомъ, вопросительно поглядѣлъ на Катю.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не оставляйте меня! быстро проговорила дѣвушка и прижалась еще ближе къ Ладоньеву. Тотъ съ выраженіемъ полного счастья поглядѣлъ на нее и перевелъ свой торжествующій взглядъ на Коптилина.

— Катеринѣ Петровнѣ не угодно, чтобы я ихъ оставлялъ, сказалъ онъ.

Ладоньевъ въ знаменитый вечеръ, когда онъ принесъ извѣстіе о женитьбѣ Коптилина и чуть было не убилъ этимъ извѣстіемъ обожаемую имъ Катю, узналъ объ отношеніяхъ ея къ Коптилину и ненавидѣлъ его теперь до глубины души и не столько за то, что онъ былъ счастливымъ соперникомъ его, сколько за вѣроломный поступокъ Коптилина, за измѣну Катѣ.

— Угодно ли вамъ, Катерина Петровна, чтобы онъ вообще говорилъ съ вами? спросилъ Ладоньевъ у дѣвушки.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! повторила та прежнюю фразу. Пойдемте скорѣе, пойдемте!..

— Катя... Катерина Петровна! остановилъ Коптилинъ тронувшуюся въ путь дѣвушку за рукавъ. Одно слово, Катерина Петровна!..

Онъ безумно любилъ ее въ эту минуту и, быть можетъ, отдалъ бы теперь все за возможность обладать ею, за возможность вернуть прошлое... И у Коптилиныхъ бываютъ порывы, которые какъ будто бы даны въ удѣлъ только немногимъ хорошимъ натурамъ... Ладоньевъ грудью оттѣснилъ его и загородилъ Катю.

— Катеринѣ Петровнѣ не угодно разговаривать съ вами! сказалъ онъ.

— Пошелъ ты отъ меня! крикнулъ было Коптилинъ, но понятился и присѣлъ. Спутникъ Кати положилъ ему на плечо словно десяти-пудовую руку, стиснулъ его хрустнувшее тѣло и, опустивъ какъ то зрачки глазъ, съ бѣшенствомъ проговорилъ:

— Слово еще одно!.. Одно только слово, и я раздавлю тебя!.. Иди и ни словечка!..

Коптилинъ самъ былъ силенъ, но тутъ онъ встрѣтилъ что то не человѣческое, точно машиной стиснуло его и давило къ землѣ, и онъ, пожимаясь отъ боли, отступилъ и поникъ головою... А Катя взяла подъ руку своего кавалера и быстро, быстро, точно отъ опасности какой нибудь, пошла по улицѣ. Когда Коптилинъ поднималъ глаза—дѣвушка была уже далеко...

— На вѣки!.. прошепталъ онъ, и изъ его глазъ скатились двѣ крупныя, крупныя слезинки...

Давно не плакалъ Иванъ Петровичъ Коптилинъ, счастливый женихъ стотысячной невѣсты!..

Исполнивъ порученіе тестя, Коптилинъ не пошелъ домой, а отправился въ лавку, вечеромъ же отговорился нездоровьемъ и не былъ у невѣсты. Невыносимо противною казалось ему теперь Клавденька и дорого бы онъ далъ, чтобъ имѣть возможность получить ея приданое безъ ней самой!..

На другой день утромъ онъ былъ въ лавкѣ, гдѣ уже съ перваго дня объявленія женихомъ началъ играть роль хозяина.

— Къ вамъ, Иванъ Петровичъ, мальчикъ изъ трактира приходилъ—васъ тамъ какой-то господинъ дожидается, доложили ему приказчики.

Коптилинъ отправился и нашелъ въ отдѣльномъ кабинетѣ господина Канальева. „Сочинитель“ пилъ водку и закусывалъ зернистою икрою, вальяжно раскинувшись на диванчикѣ.

— А, счастливый женихъ! встрѣтилъ онъ Коптилина. Честь имѣю поздравить, ваше степенство... Что же это вы, молодой другъ мой, забыли про меня?.. Видно по пословицѣ поступаете: „тонетъ—топоръ сулить, а вытащать, такъ и топорница жаль?...“ Не похвально, господинъ, не похвально!.. Я ужъ отъ людей узналъ, что вы женихомъ объявлены, и не повѣрилъ было, да вижу, что правда—видъ у васъ самый жениховскій и брилліанты вонъ на перстахъ появились... Женитесь?

— Женюсь, отвѣтилъ Коптилинъ, усаживаясь къ столику. Извѣстилъ бы васъ, да адреса то вашего не знаю...

— Ой-ли?.. А карточку то я вамъ далъ, тамъ обозначено...

Отлынить желали?.. Ну, да ладно, извиняю, а вотъ теперь пермете муа... Доне!..

„Сочинитель“ протянулъ руку.

— Это насчетъ чего-съ? прищурился Коптилинъ.

— А куртажъ-то, тысячу рублей обѣщанныхъ..

— Хе, хе, хе... Тысячу это очень много-съ... Сто рубликовъ получите-съ, могу-съ...

Канальевъ положилъ локти на столъ и устремилъ на жениха пристальный взглядъ.

— Это вы какъ, въ шутку, что ли? спросилъ онъ.

Коптилинъ многое прочиталъ во взглядѣ „сочинителя“ и засмѣялся.

— Въ шутку-съ, въ шутку, извольте получить! проговорилъ онъ и отсчиталъ изъ новенькаго шикарнаго бумажника десять радужныхъ.

„Сочинитель“ пожалъ руку щедраго дателя и угостилъ его шампанскимъ...

XII.

Коптилинъ, говоримъ мы, жилъ въ свое удовольствіе. Онъ не могъ, конечно, любить жену: слишкомъ онъ былъ падокъ на женскую красоту, слишкомъ любилъ побѣды надъ женщинами, а Клавденька была слишкомъ дурна собою и недалеко, чтобы заставить полюбить себя и свить гнѣздышко для такого мужа. Но герой нашъ не унывалъ. Онъ тѣшилъ тестя ожидая отъ него великихъ и богатыхъ милостей, и игралъ роль любящаго мужа, но волочился за всѣми, тонко и умно хороня концы въ воду, и, забывъ почти красавицу Катю, принадлежалъ одной вдовушкѣ, нѣкой Аннѣ Матвѣевнѣ Широкополовой.

Съ ней мы познакомимъ читателей поближе.

Почти въ одно время съ возвеличеніемъ Коптилина, умеръ въ Москвѣ, въ благословенной Таганкѣ, купецъ Тихонъ Ивановичъ Широкополовъ, оставивъ послѣ себя тридцатипятилѣтнюю вдову, прекрасно поставленную фабрику, домъ-дворецъ и около десяти милліоновъ капитала. Все это громадное состояніе цѣликомъ перешло ко вдовѣ, ибо никакихъ другихъ наслѣдниковъ у Широко-

полова не было. Была у него дочь отъ перваго брака, но мачиха буквально таки заколотила ее и вогнала въ могилу, когда та была еще невѣстою и должна была унести приданое, а потомъ стать наслѣдницей имѣнья отца. Анна Матвѣевна была довольно полная брюнетка, со жгучими черными глазами, мускулистая и сильная, какъ любой мужчина, и даже съ усиками надъ румяными полными губами, обладала звонкимъ голосомъ, цвѣла здоровьемъ, любила пожить „во всю“, любила кутнуть, поплясать, выпивала единымъ духомъ стаканъ какого угодно вина, правила сама лошадей, катаясь въ шарабанѣ, и сводила съума своей дикой красотой, удалью и огнемъ мужчинъ, поклонниковъ такихъ женщинъ. Покойный мужъ былъ влюбленъ въ нее до безумія, женился на ней по любви, взявъ изъ бѣдной мѣщанской семьи, находился всю жизнь подъ ея щегольскимъ, но больно бьющимъ башмачкомъ и чуть ли не „башмачекъ“, этотъ ускорилъ его кончину. Анна Матвѣевна и при мужѣ не стѣснялась жить, какъ ей желательно было, но все же замужество накладывало на нее извѣстныя цѣпи, а послѣ смерти мужа, она ужъ развернулась во всю ширь своей мощной натуры и зажила на славу. У ней появились какія то подруги изъ барышень, ищущихъ сильныхъ ощущеній, двери богатаго дома отворились для различныхъ „знаменитостей“, вродѣ первокласснаго акробата, опереточнаго тенора, потерявшаго голосъ, какого то доктора черной магіи, не то поляка, не то еврея, брюнета съ длинными кудрями и томнымъ выраженіемъ глазъ и т. п. Впрочемъ, эти знаменитости не очень пользовались отъ щедротъ миллионерши: ѣли они у ней, пили и занимали порою „до завтра“ суммы, не превышающія ста рублей. Вдовушка была „себѣ на умѣ“, и не этимъ господамъ было ее опутать.

Вѣдила Анна Матвѣевна въ театры, въ цирки, любила съѣздить за городъ и бросить тамъ тысячу, двѣ рублей, оригинальничала костюмами, покучивала съ своими дикими барышнями дома, но дѣло веда на славу, и вся администрація фабрики дрожала передъ нею; она ужъ успѣла послѣ смерти мужа отдать подъ судъ директора, и директоръ улетѣлъ туда, куда таинственный „Макаръ“ гоняетъ телятъ. Вотъ съ этой то дамою и сошелся Иванъ Петровичъ Коптилинъ. До его чуткаго уха дошелъ слухъ объ эксцентричной

вдовушкѣ, и онъ не приминулъ познакомиться съ нею. Красавецъ, статный, рослый, съ шелковистыми кудрями, съ кудрявой бородкой, щегольски одѣтый, рѣчистый и наглый, то нѣжно-почтительный и скромный, то дерзкій и циникъ—онъ сильно пришелся по вкусу пламенной вдовушкѣ. Орлица почувствовала въ немъ орла, или, по крайней мѣрѣ.—ястреба, и приняла его подъ свое крылышко, жалѣя лишь о томъ, что нельзя съ нимъ свить гнѣзда... Коптилинъ не зналъ, любить ли онъ больше вдовушку, или ея миллионы, она же была увѣрена въ немъ.

— Ужъ потому хорошо богатаго полюбить, что знаешь, что онъ въ карманъ тебѣ не глядитъ, а коли любить, такъ тебя любить! говорила она, чуть ли не въ первое свиданіе съ нимъ, заведя разговоръ „о чувствахъ“, и потомъ спросила:

— А вы богаты?

— Богатъ, отвѣтилъ съ заигрывающей улыбкою Коптилинъ.

— И женаты?

— Женатъ.

— А въ жену влюблены?

— Нѣтъ-съ... Я еще не знаю, какъ влюбляются, не пробоваль...

Вдова захохотала.

— А вы попробуйте, это весело!..

— Говорятъ, ночей влюбленный-то не спитъ, отъ ѣды, отъ питья отбивается, худѣетъ—такъ чего же тутъ веселаго-съ? все съ тою же улыбкою продолжалъ Коптилинъ.

— Должно быть, любовь то слаще и ѣды, и питья, и сна, смѣялась вдовушка.

— Не знаю-съ, не пробоваль...

Коптилинъ сталъ покупателемъ товара, изготовляемаго на фабрикѣ вдовушки, платилъ прекрасно и очаровалъ ее не одной лишь красотою.

— Такого бы вотъ мнѣ соколика въ мужья то—вѣкъ бы изжила припѣваючи! говорила долго спустя вдовушка Коптилину, а онъ посмѣивался въ бороду и жалѣлъ, что теперь де это поздно.

— Любить никогда не поздно! шептала Анна Матвѣевна.

— Такъ люби, кто тебѣ запрещаетъ?... Я вотъ люблю, все забываю, когда съ тобой сижу!...

При людяхъ Коптилинъ съ Широкополовою былъ почтителенъ, сдержанъ, а она держала себя холодно и гордо. Одинъ только чело-вѣкъ зналъ тайну ихъ—татаринъ Ахметка, кучеръ Анны Матвѣевны, но отъ этого молодца, преданнаго хозяйкѣ, какъ собака, не добился бы никто и слова.

Какъ то разъ въ срединѣ зимы Коптилинъ пилъ съ женою утренній чай и, чуть, чуть презрительно улыбаясь, слушалъ ея стереотипный разговоръ, всегда вертящійся на домашнихъ дрязгахъ, на мелкихъ сплетняхъ, на мало интересныхъ новостяхъ.

— А слышалъ ты, Ваничка, что Петръ Слободовъ, твой бывшій хозяинъ и пріятель, женится? спросила Клавденька.

Эта новость заинтересовала Коптилина; онъ отложилъ газету, которую проглядывалъ, слушая болтовню жены, и поднялъ голову.

— Развѣ?... Нѣтъ, не слыжалъ... На комъ же это?

— На Махровиной, на Лизаветѣ... Помнишь?... Она съ матерью у насъ на свадьбѣ пиновала...

Коптилинъ вдругъ задумался, лобъ его избороздили морщины, на губахъ скользнула злая улыбка...

Коптилинъ зналъ Лизу Махровину, хорошо помнилъ ее. Это была чудная красавица, кто то изъ молодыхъ купчиковъ, слыша о „звѣздахъ гарема“, назвалъ ее очень удачно „звѣздою Замоскворѣчья“ и это названіе осталось за нею.

Природа капризна и прихотлива, она иногда любитъ озадачить своею прихотливостію. Часто на хорошо обработанной, облитой потомъ и кровью труженика-пахаря почвѣ не вырастаетъ ничего, а рядомъ, въ тинѣ и пескѣ, среди чертополоха и бѣлены, вырастаетъ благоухающій цвѣтокъ. У прекрасныхъ родителей родится и физическій и нравственный уродъ-ребенокъ; при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ вырастаетъ у красавицы матери отвратительная дочка; геніальные педагоги съ геніальными методами воспитанія растятъ или идиота, или негодая, а при дикомъ воспитаніи скверныхъ во всѣхъ отношеніяхъ родителей вырастаетъ сынъ или дочь съ душею чистою, съ сердцемъ добрымъ, съ умомъ возвышеннымъ...

Такую шутку сыграла природа и съ Лизой Махровиной. У вѣчно пьянаго, дошедшаго до состояніи полной невмѣняемости, отца, Ни-

колая Аркадьевича Махровина, купца и виннаго заводчика, и у его супруги, грубой, хотя красивой собою, неграмотной и выросшей чуть ли не на улицѣ, жены, родилась дочь и красавица собою, и умница, и нѣжная, какъ дитя, взлелѣянное ласками доброй матери, воспитанное благороднымъ и умнымъ отцомъ... Коптилинъ зналъ Лизу.

— Да, я знаю ее, помню, сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья. Какъ же это вышло такъ?... Кажись, Лиза Махровина могла и лучше найти жениха... Кто же не знаетъ, что Петька Слободовъ и гуляка. и дуракъ, да и старъ онъ для нея...

— Вотъ вышло... Первое дѣло, у Махровиныхъ торговля упала, закрыть заводъ то, самъ то спился, говорятъ, до конца, едва Махровина отъ банкротства себя спасла, а все же Слободовы люди богатые, ну, а второе дѣло, женихи за Лизу не сватались изъ за матери ея...

— А что?

— Вѣдьма вѣдь это, а не женщина, такая теща загрызетъ затыло... Два раза подъ судомъ была и въ острогѣ даже сидѣла, одинъ то разъ подлоги тамъ какіе то, что ли, сдѣлала, а другой—прислугу свою до полусмерти избила, кухарку, что ли, тамъ... Выпиваетъ, ругательница, озорница, на всѣхъ въ суды жалобы подаетъ—кому же охота съ такой дикой дамой породниться?... Роднаго сына сгубила, на Хитровкѣ, говорятъ, живетъ, чуть ли не ради Христа кормится...

— Да, вотъ оно что, задумчиво произнесъ Коптилинъ. А Лиза то все такая же?

— Красавица!... Я ее тутъ какъ то въ церкви видѣла—очарованіе, а не барышня!... Будь она не изъ такой семьи—ее бы миліонеръ взялъ, либо князь какой...

— Да, такъ вотъ какъ!... Не слыхалъ, не слыхалъ о Петькиномъ счастьѣ...

— Велико счастье почти безъ приданаго взять, да еще такую роденьку себѣ на шею принять! замѣтила Клавденька; но мужъ не слушалъ уже ее.

„Красавицу беретъ,“ думалъ онъ. „Да, это не косая, какъ моя, надъ этой не посмѣешься... Пойдетъ Петька съ такой женою—за-

любуются всё... То то передо мною форснетъ красотой то ея... Ахъ ты, сосулька, пьянипа, зубоскаль!... А если я... если я..."

Коптилинъ тряхнулъ головою.

— Ты когда же это узнала? спросилъ онъ у жены.

— Вчера... Въ банѣ я была, Упатовыхъ встрѣтила тамоди—онѣ и сказывали...

— Гмъ.. Ты вѣдь знакома хорошо съ Лизаветой то Николаевной?

— Подруги были, только изъ-за матери ея я ѣздить къ нимъ перестала...

— Ты съѣзди къ ней...

— Зачѣмъ?

— Ну, поздравь, все же знакомыя, у насъ пировали, подругой, говоришь, была... Ты поѣзжай ужотко, а я заѣду за тобой, будто мимоѣздомъ... Позовутъ, чай, меня, не заставятъ, на улицѣ ждать... Позовутъ, а я про Петьку и скажу слова, два, три, коли его не будетъ, а будетъ, такъ смолчу, поздравлю...

— Что тебѣ то приспѣло?... Пусть ихъ, не родня, хоть за разбойника отдадутъ, такъ намъ наплевать...

— Дура! рѣзко перебилъ Коптилинъ жену. Тебѣ видно все равно, что твой мужъ страдалъ отъ Петьки то, слезами умывался!... Я, женихомъ еще бывши, встрѣтилъ его какъ-то, такъ онъ вслухъ насмѣхался, тебя позорилъ, меня при людяхъ въ конфузъ ввелъ... Я бы его готовъ разорвать въ тѣ поры былъ, да себя поберегъ... Я дамъ себѣ палецъ отъ правой вотъ руки отрубить, ежели бы ему зло сдѣлать удалось, а не то что... Любишь мужа — поймешь и поѣдешь...

— Поѣду, Ваничка, поѣду, не сердись, голубчикъ... Я вѣдь не знала, а то бы развѣ я смѣла... Я новѣ-же поѣду...

— Ну, вотъ и спасибо... До меня о Петькѣ ни слова, я ужъ самъ знаю... Ежели онъ у невѣсты—будь съ нимъ ласкова, обойдись: мужъ де помнить вашу хлѣбъ-соль, вспоминаетъ... Поняла?

— Поняла, Ваничка...

— Ну, такъ поди поцѣлуй меня...

Клавденька съ восторгомъ бросилась къ мужу.

Домъ у Махровиныхъ былъ великъ и очень хорошъ, но опытный взглядъ сразу замѣчалъ уже во всемъ упадокъ—признакъ при-

ближающагося раззоренія. Одна половина чугуновыхъ рѣшетчатыхъ воротъ сорвалась съ петли, да такъ и висѣла бокомъ, угрожая ежеминутнымъ паденіемъ; чугунная же рѣшетка, отдѣляющая отъ громаднаго двора садъ, въ одномъ мѣстѣ упала, штукатурка на фронтонѣ дома обвалилась, гдѣ то на крышѣ громыхало оторваннымъ листомъ желѣзо, парадная дверь изъ полированного дуба облупилась и потрескалась, въ глубинѣ двора грустными руинами чернѣлъ закрытый заводъ съ занесенными снѣгомъ входами, съ выбитыми окнами, съ развалившимися трубами. Такое же разрушеніе было замѣтно и въ комнатахъ.

Приѣхавшей Клавденькѣ отперла дверь грязная горничная, неуклюже сняла съ нея шубу и провела въ неосвѣщенную залу, громадную и плохо отопленную комнату съ запахомъ сырости и нежизлаго помѣщенія.

— Сейчасъ я скажу хозяйкѣ то, проговорила горничная, подождите тутъ...

— Тутъ, милая, темно, я боюсь, отвѣтила Клавденька.

— О?... Ну, я свѣчку принесу...

Дѣвка сходила куда то, принесла огарокъ сальной свѣчи въ грязномъ подсвѣчникѣ и удалилась; зала представляла видъ крайне унылый. Одно изъ громадныхъ, повѣшанныхъ въ простѣнкахъ, зеркалъ, было разбито, всюду лежала пыль, растенія на окнахъ гдѣ пожелтѣли, а гдѣ и вовсе завяли, паркетъ разщелился и покособился, громадная люстра въ чахлѣ спускалась съ потолка словно громадный коконъ громаднаго червя—такъ много насѣло на бѣломъ коденкоровомъ чахлѣ пыли.

Изъ внутреннихъ комнатъ донесся говоръ. Клавденька прислушалась.

— Какая то Коптилина, што ли, приѣхала къ вамъ, докладывала горничная.

— Кто? спросилъ хриплый, грубый женскій голосъ.

— Коптилина. Важная барыня такая, шуба на ей во какая—страхъ!

— Не знаю, что за Коптилина такая! проговорилъ хриплый голосъ. Гдѣ она?

— Въ залѣ ждетъ.

— Веди въ гостиную, а мнѣ принеси платье, шерстяное сѣрое.

— Въ гостиной то лампу, штоль, зажечь?

— Нѣтъ, чорта! Извѣстно лампу, дура полосатая!...

— Пожалте въ гостиную, сичасъ выйдетъ хозяйка то, сообщила горничная, возвращаясь къ Клавденькѣ, взяла свѣчу, отнесла ее въ гостиную и принялась зажигать лампу.

Гостиная была поуютнѣе, но и тутъ царилъ безпорядокъ, обнаруживалось полное отсутствіе заботливости о жилищѣ. Мебель выцвѣла, коверъ былъ въ пятнахъ, всюду лежала пыль, и рядомъ съ признаками былой роскоши виднѣлась бѣдность. Минутъ черезъ десять въ гостиную вошла Сосипатра Петровна Махровина, хозяйка дома. Трудно было представить, въ чемъ она сидѣла до пріѣзда гости, если надѣтое на ней сѣрое шерстяное платье назначалось для пріемовъ! Это была широкая блуза, балахонъ какой то, съ отрепаннымъ подоломъ, съ залоснившимися локтями, съ жирными пятнами. Наружность Сосипатры Петровны вполне подходила и къ ея костюму и къ обстановкѣ дома. На жирномъ заплывшемъ лицѣ еще уцѣлѣли слѣды красоты, глаза были еще очень хороши, густые темнорусые волосы двумя толстыми косами лежали на головѣ; но это же лицо носило и слѣды беспорядочной жизни, безмѣрнаго сна, полного отупѣнія, а плохо вымытыя руки и шея показывали, что женщина эта давно бросила заниматься собою.

ХІІІ.

На полныхъ, все еще яркихъ губахъ Сосипатры Петровны Махровиной лежала улыбка не то злой насмѣшки, не то презрѣнія; брови были сдвинуты и придавали лицу выраженіе суровости, а остановившіеся какъ то глаза свѣтились тупой злобой и ненавистью ко всѣмъ. Только у очень злыхъ людей, похоронившихъ все прошлое и не имѣющихъ надежды ни на какое будущее, бываетъ такое выраженіе глазъ.

„Мнѣ гадко, скверно живется,“—говорятъ глаза у такого чело-
вѣка,—„какъ я ненавижу всѣхъ тѣхъ, которымъ живется хорошо...
Не видалъ я радости отъ людей, такъ не видать и людямъ отъ
меня радости!..“

Махровина была высока ростомъ и чрезмѣрно толста отъ полнаго отсутствія движенія, отъ жирной и обильной ѣды, отъ частаго употребленія „рюмочки.“

— Батюшки, вонъ это кто! хриплымъ басомъ заговорила она, Клавденька Чурилова это!.. А я, мать моя, и забыла, что ты нонѣ Коптилина то стала!.. Здравствуй, милая, здравствуй...

— А я прѣѣхала вотъ, Сосипатра Петровна, поздравить васъ, сказала она. Узнала я, что Лиза замужъ выходить...

— Выходить, милая, выходить, за Слободова выходить... Рада я радешенька, милая!.. Скоро двадцать лѣтъ дѣвкѣ, а жениховъ нѣтъ, потому знаютъ батьку ея непутеваго, знаютъ, что у насъ дѣла то плохи... Выдамъ Лизавету—гора у меня съ плечъ!.. Домъ продамъ, заводъ продамъ и махонькое дѣльце заведу, либо положу деньги въ банкъ и буду жить, ничего не зная... Рада, мать моя, очинно рада... Увидалъ Слободовъ-то Лизавету и влюбился въ нее: „безъ всего, говоритъ, возьму...“ Батька было на дыбы, да онъ уговорилъ, Петръ-то: „пить, говоритъ, папаша, не буду, остепенюсь, *человѣкомъ стану...“ Садись, Клавденька, чай будемъ пить, я сичасъ кликну Лизавету-то...

Махровина пошла во внутреннія комнаты, громко сзывая, точно добрый доѣзжачій, горничную, „Глашку“ какую-то, „Костьку“ и дочь...

Клавденька сидѣла передъ этой крайне антипатичной женщиной и тоскливо думала: „И зачѣмъ только Ваня послалъ меня сюда? Какъ нехорошо здѣсь, гадко...“ Совсѣмъ „кислой“ стала отъ этихъ думъ Клавденька и уже порывалась встать и проститься. Но вотъ вышла дочь Сосипатры Петровны—Лиза Махровина. Даже Клавдія, „женщина,“—а женщины не любятъ восхищаться женской красотой,—рѣшительно пришла въ восторгъ отъ милаго личика подруги. Невольно какъ то молодая женщина залюбовалась Лизой, противъ воли не могла оторвать глазъ отъ красавицы. А дочь Сосипатры Петровны на самомъ дѣлѣ была хороша. Ей было восемнадцать лѣтъ; она была свѣжа, она напоминала собою только что распустившуюся розу. Густые, русые волосы громадной косой спускались по спинѣ, нѣжное, бѣлое, какъ фторфоръ личико, озарялось чудными темными глазами и что то неземное было въ нихъ; тутъ сказыва-

вались въ одно время и радость, и грусть, и безграничное счастье, и надменность и доброта. Длинные, черныя рѣсницы густо опускали эти прекрасныя очи; черныя же, какъ бархатъ, брови дугообразной линіей красовались на высокомъ бѣломъ лбу. Она была стройна и граціозна, всѣ движенія были милы и очаровательны.

Клавденька встала навстрѣчу дѣвушкѣ и крѣпко ее поцѣловала.

— Ты все хорошѣешь, Лиза, сказала Клавденька съ невольной искренностью.

— Благодарю, дорогая моя, за комплиментъ, улыбаясь, отвѣтила Лиза.

Подруги усѣлись и вскользь бросали другъ на друга свои взгляды.

— Лизочка, я пріѣхала тебя поздравить, начала Клавденька. Я какъ только услышала, что ты выходишь замужъ, то сейчасъ же и говорю мужу: Ваня, я поѣду къ Лизѣ Махровиной, поздравлю ее...

— Спасибо, спасибо, милая моя! воскликнула Лиза, обняла подругу и крѣпко ее поцѣловала.

— Я такъ рада за тебя. Лизанька... А ты... ты счастлива?

Легкая тѣнь грусти мелькнула въ прекрасныхъ глазахъ Лизы.

— Ахъ, Клавдія, я не знаю, какъ тебѣ сказать, тихо произнесла она.

— Тебѣ нравится твой женихъ?

— Петръ Слободовъ? Я такъ еще мало его знаю, я еще не успѣла и приглядѣться къ нему...

— Ну, а такъ... на первый взглядъ, какъ онъ тебѣ показался? допытывалась Клавденька.

— Право, не знаю... кажется, ничего... не уродъ, не старъ.

Клавденька оглянулась по сторонамъ и, убѣдившись, что ихъ разговоръ никто не слышитъ, спросила Лизу.

— Такъ ты не влюблена?

— Въ жениха?

— Да, въ Петра Слободова.

Лиза пожала плечами.

— Нѣтъ, милочка, гдѣ же влюбиться еще, какъ то печально сказала она.

— Но онъ богатъ, замѣтила Клавденька.

— Да, богатъ, но... но, какъ это говорится? Не въ деньгахъ счастье, что ли...

— Все же богатство много значить. Въ бѣдности скорѣй могутъ быть и ссоры разныя, и нелюбовь, и мало ли что, а въ богатствѣ то это рѣже случается. Нѣтъ, Лиза, радуйся и благодари Бога, что ты за богатаго выходишь.

— А вотъ ты, Клавдія, за небогатаго вышла, да кажется, хорошо живете...

Клавденька слегка смутилась.

— За то вѣдь я съ деньгами вышла.

И вдругъ крайне тяжелая мысль явилась у Клавденьки. „Кто же бы меня безъ денегъ то взял? Уродъ развѣ какой.“ Больно было бѣдной молодой женщинѣ сознавать, какъ неизмѣримо она хуже своей подруги. Вотъ онѣ обѣ сидятъ здѣсь, и какая громадная разница между ними. Она, Клавденька, одѣта въ дорогое платье, сшитое у лучшей столичной портнихи, на груди ея великолѣпная брилліантовая брошь, въ ушахъ брилліантовые же серьги, пальцы унизаны драгоценными кольцами, и все же она какъ то теряется передъ этой просто, почти бѣдно одѣтой Лизой Махровиной. Грустно вздохнула отъ этихъ думъ Клавденька.

— Отъ кого ты, дружокъ, узнала о моей свадьбѣ? ласково спросила ее Лиза.

— Отъ кого? Да отъ нихъ, отъ Ушатовыхъ. Въ банѣ встрѣтились...

Лиза улыбнулась.

— Какъ у насъ все скоро узнается, сказала она. И кто это разнеситъ такія вѣсти? Мы, вѣдь, все еще въ тайнѣ пока держимъ.

— Мало ли что народъ узнаетъ, Лиза. Узнаютъ еще и не такія тайны.

Обѣ немного помолчали.

— Когда свадьба, Лизочка? спросила Клавденька.

— Еще не знаемъ... Впрочемъ, вѣроятно скоро, потому же-нихъ торопить!..

И вдругъ, совершенно другимъ тономъ Лизанька вопросительно обратилась къ подругѣ:

— Клавдія, милочка, дорогая моя! Вѣдь твой мужъ служилъ у

моего жениха, стало быть, онъ хорошо долженъ знать его, скажи ты мнѣ, не говорилъ ли онъ чего тебѣ о немъ?

— О твоёмъ женихѣ то?

— Да, Клавденька.

Клавденька рѣшительно затруднилась отвѣтомъ. Она боялась, какъ бы не сболтнуть чегонибудь такого, что не понравилось бы мужу.

— Право, Лиза, не знаю, отвѣтила она запинаясь. Кажется, ничего...

— Никогда не разговаривалъ съ тобой о Слободовѣ?

— Нѣтъ... то-есть какъ то разъ упоминалъ о немъ, только особеннаго ничего не говорилъ. А что, Лиза?

— А то, дорогая, задумчиво отвѣтила дѣвушка, что слухи разные, не совѣмъ хорошіе идутъ о женихѣ моемъ... Гуляетъ, будто бы, шибко..

— Ну, что-жь, это ничего,—остепенится. Вонъ и мамаша твоя то же говорить.

Лизанька молчала, комкая въ рукахъ носовой платокъ.

— А то, вѣдь, Лиза, ты и не выходи за него, у тебя и другіе женихи будутъ, ты посмотри, какая ты красавица...

Лизанька вздохнула.

— Клавденька, милая моя, нѣтъ у меня воли своей, проговорила она. Посватался за меня Петръ Игнатьевичъ, и велитъ мнѣ мамаша идти за него. Видишь, Клавденька, у насъ упущеніе какое вездѣ? Это все отъ недостатковъ, отъ бѣдности. У меня вѣдь, милая, ничего нѣтъ, кромѣ молодости, я, вѣдь, безприданница, а вотъ посватался богатъ и велятъ мнѣ идти за него и не спросятъ меня: „дескать, нравится ли тебѣ женихъ?“ Обвѣнчаютъ и — дѣло съ концемъ. Живи, какъ знаешь. У нихъ вѣчно одно утѣшеніе: стерпится, слюбится. А хорошо, если слюбится, а коли нѣтъ, тогда что? Ахъ, Клавденька, многое могла бы я сказать тебѣ, да что пользы то будетъ изъ этого разговора? Нѣтъ, ужъ лучше молчать и покориться,—вѣдь не я первая, не я послѣдняя.

Клавденька внимательно слушала слова подруги, и конечно поняла, что Лиза вовсе не радуется тому, что выходитъ замужъ за Петра Игнатьевича Слободова.

Въ это время возвратилась Сосипатра Петровна.

— Извини, гостыюшка дорогая, что ушла я отъ тебя, заговорила она, слащаво улыбаясь. У насъ, вѣдь, милая, черти, а не прислуга, ничего, дуры, сдѣлать не могутъ, все я должна сама сдѣлать. Лизавета, обратилась она къ дочери, накрывай-ка на столъ, сейчасъ самоваръ Глашка принесетъ.

Лиза молча принялась исполнять приказаніе матери. Она накрывала столъ бѣлой скатертью, поставила посуду, варенье, корзинку съ хлѣбомъ и когда толстая деревенская баба принесла самоваръ, начала дѣлать чай. Она какъ будто совсѣмъ углубилась въ свое занятіе и не интересовалась разговоромъ, который вели ея мать и Клавденька.

— Вотъ только бы намъ поскорѣй свадьбу сыграть, такъ мы поправимся, говорила Сосипатра Петровна, порой громогласно икая и распространяя вокругъ непріятный запахъ лука. Мы, вѣдь, тоже съумѣемъ жить, какъ люди-то живутъ... Слава Богу было и свое богатство, да ужъ вѣрно такъ за грѣхи наши постигло насъ несчастіе... Эхъ, судьба-то наша человѣчья!.. И-икъ!..

— Мамаша, проговорила Лиза, вы бы воды выпили, а то эта икота...

— Ну? грубо выкрикнула Сосипатра Петровна и повернула голову къ дочери.

— Право нехорошо, мамаша...

— Наливай чай-то, знай, нечего мать учить... Умны больно всѣ стали... Дура, право дура!.. Дорогая гостыюшка, присаживайся-ка чай кушать, пригласила она Клавденьку.

— Я недавно пила, благодарю васъ, отвѣтила Клавденька, чувствуя, что она просто начинаетъ бояться Сосипатры Петровны.

— Нѣтъ, ужъ безъ чаю не пущу, хоть чашку, да выкушай.

Клавденька пересѣла къ чайному столу.

— Ну, а ты какъ съ муженькомъ своимъ поживаешь? спросила Сосипатра Петровна Клавденьку.

— Ничего, мы хорошо живемъ, счастливо, отвѣтила Клавденька и почему то вспыхнула.

— Воли то благовѣрному своему не давай, а то, милая, бѣда будетъ, плакать придется отъ него. Съ этими мужчинами нужно вотъ какъ, чтобъ не пискнула!..

Сосипатра Петровна хлопнула башмакомъ объ полъ.

— Какъ прижмешь ихъ хорошенько, ну, тогда и жить можно... Вонъ, моя то того и гляди, нюни развѣситъ и попадетъ къ мужу въ ежовыя рукавицы. Правда, вѣдь, Лизавета?

Лиза только улыбнулась и ничего не отвѣтила.

— Нѣтъ, продолжала Сосипатра Петровна, Лизавета не въ меня, какая то она кислятина уродилась, мямля, мужъ сядетъ, да и поѣдетъ ва ней верхомъ, а она только молчать будетъ.

— Ахъ, мамаша! вырвалось у Лизы, и тонкая морщинка появилась у ней на лбу.

— Что, „мамаша?“ Вѣрно говорю!..

Вошла баба и объявила:

— Сосипатра Петровна, тамоди какой то баринъ пріѣхалъ, что сказать то?

— Принимай, дура полосатая! отвѣтила Махровина.

Баба удалилась, а минуты черезъ двѣ въ комнату развязно вошелъ нарядно одѣтый Коптилинъ. Опытный глазъ наблюдателя замѣтилъ бы, что человѣкъ этотъ прежде, чѣмъ пріѣхать сюда, много и внимательно занимался своей наружностью. Коптилинъ былъ тщательно вымытъ, слегка подвитъ, усы закручены, губы алѣли отъ губной помады и, немного приподымаясь, выказывали пѣлый рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ. Одѣтъ былъ молодой человѣкъ въ изящнѣйшую пару платья, только что взятую отъ лучшаго портнаго. И всегда красивый и мужественный, теперь Коптилинъ могъ вполнѣ назваться красавцемъ мужчиной. Клавденька такъ и впиалась въ него глазами. Коптилинъ, поздоровавшись съ дамами, усѣлся въ кресло и проговорилъ:

— Пріѣзжаю домой и вдругъ говорятъ мнѣ, что моя Клавденька здѣсь, ну, я, конечно, сейчасъ же обратно на коня и лечу за своей дражайшей половиной, потому жить безъ нихъ ни минуты не могу...

Онъ говорилъ это такимъ шутливо-игривымъ тономъ, что всѣ засмѣялись.

— А что у тебя дѣло ко мнѣ есть? спросила Клавденька.

— Мало ли у меня есть до тебя дѣлъ!

— Экой нѣжный супругъ! улыбнулась Сосипатра Петровна.

Лиза, сидѣвшая напротивъ Коптилина, нѣсколько разъ съ большою внимательностью останавливала свой взглядъ на лицѣ молодого человѣка и точно чѣмъ то изумлялась, что то какъ будто припоминала.

— Я пріѣхала сюда поздравить вотъ Лизаньку, сказала Клавденька, какъ бы оправдываясь передъ мужемъ.

— Поздравить?

— Да, вѣдь ты знаешь, Лиза выходитъ замужъ и выходитъ за бывшего твоего хозяина, Петра Игнатьевича Слободова.

Коптилинъ взглянулъ на Лизу.

— Поздравляю васъ, поздравляю, проговорилъ онъ.

— Благодарю васъ, отвѣтила тихо Лиза.

— Да, батюшка, свадебка у насъ на носу, начала Сосипатра Петровна. Мы то бы еще, знаешь, и подождать не прочь, потому мало ли разныхъ хлопотъ, да женихъ торопитъ. „Приданое еще, говоримъ, не все окончено“.—Ну, васъ, говоритъ, и съ приданымъ, не нужно мнѣ ничего, все можно въ секунду въ магазинахъ пріобрѣсти готовое. Ужъ такъ влюбимшись въ Лизу мою, что просто на стѣну лѣзеть.

— Маменька! укоризненно произнесла Лиза.

— Что, маменька? Нешто не правда?

— Ради Бога, перемѣните, мамаша, разговоръ.

Видно бѣдную Лизу крайне шокировала нахальная рѣчь матери. Но вотъ на выручку явился Коптилинъ.

— Такъ за Петра Игнатовича Слободова изволите выходить? обратился онъ, желая замять непріятный разговоръ.

— Да, отвѣтила Лиза.

Коптилинъ пристально поглядѣлъ на нее.

— Знаю-съ, знаю господина Слободова, сказалъ онъ и слегка покрутилъ усы. Очень можно сказать даже хорошо знаю ихъ.

— Ну, какъ онъ на твой то взглядъ будетъ? спросила Сосипатра Петровна.

— Какъ вамъ сказать, медленно заговорилъ Коптилинъ, нѣсколько сморщивъ брови, мнѣ собственно лично-съ о немъ сказать хорошаго нечего, потому для меня онъ добра мало дѣлалъ, а кромѣ того замашки у него, такъ сказать, широкія, иной разъ такъ пой-

детъ куралесить, что только диву даешься. Впрочемъ, быть можетъ онъ и перемѣнился... не знаю-съ, я, вѣдь, такъ, по своему...

Лиза очень внимательно слушала слова Коптилина. Сосипатра Петровна утирала платкомъ свое жирное, потное лицо.

— Ну, когда женится на Лизѣ, такъ мы ему куралесить то не дадимъ, проговорила она.

„Ужъ ты, правда, теща будешь форменная“, подумалось Коптилину.

— У меня чтобы съ женой жить честно, благородно, продолжала Сосипатра, а нѣтъ—такъ я по свойски поступать буду... Нѣтъ, голубчикъ, нѣ-ѣтъ, со мной не будешь много разговаривать, съ меня взятки то гладки, я, братъ, коли что, такъ и за ухватъ возьмусь...

— Мамаша! снова сказала Лиза.

— Молчи, дура. Я, голубчикъ мой, жива не останусь, а по своему сдѣлаю, своего добьюсь...

XIV.

Сосипатра Петровна распространилась о вліяніи женина „карастера“ на мужа, но Коптилинъ уже не слушалъ ее, весь отдавшійся думамъ. Думалъ онъ о своемъ бывшемъ хозяйинѣ, о Слободовѣ. Приѣхалъ сюда Коптилинъ съ цѣлію „очернить“ Петра Слободова, наговорить на него различныхъ ужасовъ, чтобы смутить невѣсту и ея родителей и разстроить свадьбу, но понялъ что въ этомъ направленіи ничего не сдѣлаешь: Лиза, какъ замѣтилъ Коптилинъ, слишкомъ подчинена вліянію матери, боится ее, трепещетъ, а Сосипатру, думалъ Коптилинъ, не собьешь: она, во-первыхъ, сильно рассчитываетъ на полное исправленіе будущаго зятя, а во-вторыхъ, очень, кажется, мало думаетъ о томъ, за кого она выдаетъ дочь, былъ бы лишь человѣкъ богатъ, это главное, это все, а на остальное она и вниманія не обратитъ. Вонъ она сидитъ и тараторитъ о томъ, что „умная жена завсегда сумѣетъ мужа укротить, а дуру и жалѣть нечего,—дурѣ туда и дорога...

— Ко мнѣ дочка придетъ на мужа жаловаться, что ей житье плохо, что мужъ вовсе отъ рукъ отбился, такъ я ее за косы!..

Почну возить да приговаривать: „сама, дура, виновата, коли не съумѣла мужа перековеркать на свой ладъ, сама виновата, вотъ тебѣ за это, вотъ тебѣ!...“ Первое время помогу, научу дочку, а тамъ ужъ сама какъ знаетъ... Меня выдали за Николая Аркадьевича моего, такъ ужъ вотъ какой былъ—страхъ, а я его года въ два шелковымъ сдѣлала, по стрункѣ у меня ходитъ теперь!...

„И съ кругу спился!“ подумалъ Коптилинъ. „Да, тебя, баба, не урезонишь, ты за чорта отдашь, лишь бы у него деньги были... И выйдетъ красавица Лиза за Петьку, и загордится мой Петька... То-то орломъ мимо меня прокатить,—вотъ де у меня кралечка какая, не то, что у тебя... Ой, Петя, не пришлось бы тебѣ потомъ плакать съ такой красавицей!.. Ты то, сердечный вислоухъ больно да пьянъ, да гульливъ, да дома то тебя нѣтъ, а женѣ красавицѣ скучно... Подвернется младъ ясенъ соколъ и убьетъ твою лебедь бѣлую съ налету!... Ой, Петька, не видать тебѣ такой красавицы, живъ не буду, а не видать!... Ужъ и посмѣялся бы я надъ тобой и потѣшился бы...“

— О чемъ задумался то, соколикъ? прервала вопросомъ думы Коптилина Сосипатра Петровна. Ишь, задумался, — чай простудилъ... О чемъ больше?

— Да такъ, Сосипатра Петровна, о разномъ. О Лизаветѣ Николаевнѣ думалъ...

Лиза покраснѣла слегка.

— Что же это ты думалъ о ней? спросила Сосипатра.

— Да вотъ насчетъ брака то... Оно, конечно, умная жена, да ловкая, вродѣ васъ, теща поуходять мужа непутевого, поуломають его, введутъ въ оглобли, а все же тяжело молодой женѣ съ непутевымъ то мужемъ жить... Думается мнѣ, какъ при такихъ то мужьяхъ жены живутъ... Настанетъ день деньской, войдетъ солнце красное, подыметъ, а муженекъ изъ дому, сперва по дѣламъ, а потомъ по пріятелямъ, да по гульбищамъ... Ему весело, ему пріятно, а она, жена то молодая, одна одинешенька день коротаетъ, вочки темной ~~ждетъ~~ ждетъ... Пусто да тихо кругомъ, одна сидитъ красавица съ думами своими горькими, а сердце бьется, любить ему хочется, молодому да жаркому... А пріѣдетъ муженекъ усталый съ гульбы то, сонный, злой, не приласкаетъ, не поцѣлуетъ жарко, а

оттолкнетъ, словомъ обидить... А съ хорошимъ то мужемъ сладко ўжъ жить очень... Обниметъ такой мужъ жену, поцѣлуетъ жарко, жарко и начнетъ ей рѣчи любовныя шептать... Видитъ она, что любя она ему, сладко ей ласку принимать, сладко тѣ рѣчи любовныя слушать... И катятся ея деньки ясными да привѣтливыми, ровно солнце у ней кругомъ, ровно праздникъ въ душѣ то, вѣкъ бы такъ жила, вѣкъ бы рѣчи эти слушала, ласки принимала!...

Коптилинъ говорилъ съ жаромъ, отъ души говорилъ, обращаясь къ Сосипатрѣ, но адресуя, такъ сказать, свои слова Лизѣ, которая слушала, не проронивъ ни единого словечка, затаивъ дыханіе. Слушала молодая дѣвушка пылкую рѣчь, и горѣло лицо ея румянцемъ, сердце билось часто, часто... Сосипатра, и та разнѣжилась, блаженная улыбка такъ и разлилась по ея лицу, жирному и потному отъ десятой чашки чаю, а Клавденька совѣмъ въ восторгъ пришла отъ мужа, думая, что онъ о ней мечтаетъ, такъ рассуждая...

— Сладко ты поешь, Иванъ Петровичъ, сладко, знать, крѣпко ты любишь женскій полъ, что такъ о женахъ то росписываешь! проговорила Сосипатра.

— Я? спросилъ Коптилинъ. Я дѣйствительно люблю женщинъ за то счастье, за тѣ радости, которыя онѣ доставляютъ намъ, а больше того я уважаю ихъ-съ...

— Уважаешь?

— Да-съ, уважаю... По моему мы передъ ними на колѣнкахъ должны стоять, вотъ что!...

— На колѣнкахъ?... Ха, ха, ха!... Вотъ проказникъ то!...

— Я вѣрно говорю-съ... У насъ, вѣдь, какъ... У насъ мужчинѣ все дано, а женщинѣ ничего!.. Мужчина и воленъ, и свободенъ, и хозяина надъ нимъ нѣтъ, и никто ему не судья, да и судить его никто не будетъ... Всталъ онъ, вышелъ въ лавку, толкнулся тамъ изъ угла въ уголъ и въ трактиръ чай гонять, съ пріятелями зубы чесать, а тамъ обѣдъ сытный да веселый, а вечеромъ гульба, тройки, попойки, удовольствія всякія—ничего къ нему не пристаешь!... И у каждаго мужчины какое нибудь пристрастіе есть, охота какая нибудь для удовольствія, то къ лошадямъ тамъ, то къ голубямъ, то къ собакамъ, и онъ всячески тѣшитъ себя, вездѣ ему дорога, ровно соколъ вольный — лети, куда очи глядятъ!... А женщина то сиди

себѣ въ четырехъ стѣнахъ, гляди тамъ либо за кухарками, либо за ребятами, одно утѣшеніе — тряпки цвѣтныя, да и то ежели мужъ еще денегъ на нихъ дастъ, глаза ежели не колетъ, а другая и этого лишена... И сидитъ бѣдная, какъ насѣдка, дѣтей своего мужа растить, въ четырехъ стѣнахъ киснетъ, пока онъ, соколикъ, по „Ярамъ“ да по „Стрѣльнамъ“ рыщетъ!... И радехонька, бѣдная, ежели мужъ приласкаетъ, приголубитъ, денекъ съ ней посидитъ, вѣетъ ему теплое уютное гвездышко, любитъ его, въ глаза ему глядитъ... Какъ же не уважать то женщинъ, помилуйте!...

— Хорошо поешь, Иванъ Петровичъ, хорошо! замѣтила Сосипатра. Поди, такія рѣчи женѣ то твоей куда какъ пріятно слушать!...

Но „рѣчи“ Коптилина еще съ большимъ вниманіемъ и наслажденіемъ, чѣмъ Клавденька, слушала Лиза. Клавденькѣ „рѣчи“ мужа были очень пріятны, хотя она могла бы возразить на нихъ указаніемъ на то, что, вѣдь, и онъ жилъ по образцу рисуемыхъ мужей, но она ничего не возразила,—она была довольна мужемъ и охотно бы простила ему и больше, лишь бы хотъ изрѣдка, хотъ немного, былъ онъ съ нею ласковъ, дарилъ бы ей хотъ досуги отъ дѣлъ и гульбы.

Лиза слушала безъ желанія возражать, она готова была аплодировать Коптилину, восторгалась его взглядами и во время его словъ нѣсколько разъ шептала Клавденькѣ:

— Ахъ, Клавденька, какъ ты должна быть счастлива съ такимъ мужемъ... Какъ онъ вѣрно, справедливо судить, какъ защищаетъ насъ, бѣдныхъ!...

Коптилинъ поймалъ раза два восторженный взглядъ молодой дѣвушки, и это поощряло его, подстрекало къ дальнѣйшимъ словоизліаніямъ о женщинахъ и за женщинъ. Бѣдной дѣвушкѣ еще ни разу не приходилось слушать такихъ рѣчей; до сихъ поръ она слышала лишь о томъ, что жена есть раба своего мужа, а если не раба,—въ лучшемъ, по мнѣнію ея матери, случаѣ, то врагъ, готовый къ ежеминутной борьбѣ, объявившій войну на жизнь и смерть, войну, въ которой одна сторона должна быть подавлена, должна быть сгублена, какъ, напримѣръ ея отецъ, который ослабъ въ этой постоянной войнѣ, не выдержалъ ее и палъ; онъ запилъ, махнувъ

на все рукою... Но о дружбѣ, о равноправности, объ уваженіи къ женщинамъ Лиза не слыхала, а она именно о такомъ бракѣ и мечтала въ тиши безсонныхъ ночей... Мечтала лишь, зная, что на дѣлѣ будетъ не то, что на дѣлѣ ей придется быть рабою, ибо она не чувствовала въ себѣ силъ и способностей матери, да и не желала имѣть такихъ способностей, зная по себѣ, какъ тяжело живется подъ опекою человѣка съ такими способностями... Лиза думала, что вполне счастливые браки бываютъ лишь „въ книжкахъ“, что только „въ книжкахъ“ встрѣчаются благородные, полные любви, ласковые, любящіе мужчины, а въ жизни, особенно въ ихъ быту, такихъ нѣтъ, что въ жизни,—все либо „мучители“, либо „мученики“, она такъ и раздѣлила людей, на „мучителей“ и „мучениковъ“, такъ и знала, однихъ за мучителей, другихъ за мучениковъ. Мать была мучительница. Она мучила мужа, сына, ее. Лизу, прислугу. Лиза, братъ ея, прислуга были мученики. Мученица была подруга ея Оля Сывороткина, которую дикій отецъ истязалъ. Отецъ Лизы былъ, по ея мнѣнію, тоже мученикъ, хотя сперва самъ мучилъ всѣхъ. Его осилили болѣе умные и ловкіе мучители и сдѣлали мученикомъ. Срединны Лиза не знала, не могла допустить, думала, что если человѣкъ не мученикъ, то непременно сдѣлается мучителемъ, она и не видала иныхъ... „А вотъ этотъ, думала она про Коптилина, не мучитель и не мученикъ... Мучить онъ не будетъ, не такой онъ человѣкъ,—думаетъ не такъ, глядитъ не такъ,—а себя мучить не позволитъ“... Лиза вспомнила брата своего, Яшу.

Тотъ не былъ бы тоже мучителемъ и пытался, о, какъ пытался не позволить мучить себя!... но не выдержалъ, палъ и хотъ не поддался, да за то сгибъ...

Здѣсь время будетъ сказать два слова о братѣ Лизы, Яковѣ Махровинѣ, который будетъ играть въ нашемъ рассказѣ видную роль.

Старикъ Махровинъ, спившійся теперь старикъ, почти потерявшій разумъ, былъ въ свое время энергичнымъ дѣловымъ человекомъ, мечталъ о широкой дѣятельности и отличался непомѣрнымъ честолюбіемъ, которое подстрекало его не только къ благотворительности, ради наградъ и отличій, но и къ стремленію встать выше окружающей среды. Онъ выписывалъ журналы, устроилъ у

себя роскошную бібліотеку, поощрялъ начинающихъ художниковъ и артистовъ, принималъ у себя писателей, ученыхъ, корчилъ изъ себя ученаго, прочиталъ дюжину научныхъ книгъ и побывалъ за границей, а сына первенца сталъ учить „на дворянскій ладъ,“ т. е. взялъ ему гувернатку, училъ его музыкѣ и отдалъ потомъ въ лучший пансіонъ, что не мѣшало ему въ то же время драть сына „трехвосткой,“ ругать и ругать, безъ постороннихъ свидѣтелей, самыми грубыми словами. Мальчикъ попалъ въ пансіонъ дѣйствительно лучший и не по названію только, а по всему. Учили тамъ умѣло, добросовѣстно, воспитывали умно, и въ пять лѣтъ сдѣлали изъ умнаго мальчика, запуганнаго, изломаннаго дикимъ домашнимъ воспитаніемъ, симпатичнаго юношу съ жаждою къ наукѣ, съ задатками ко всему хорошему. И въ самое это время со старикомъ Махровинымъ произошла перемѣна: онъ бросилъ свою „ученость“ и предался широкому разгулу, не выдержавъ отчаянной борьбы съ женою, столько же тупой и глупой, сколько и сварливой, злой бабою. Мальчика взяли изъ пансіона и „приставили къ дѣлу.“

Мальчикъ хотя и жилъ дома, но, находясь большую часть дня въ пансіонѣ, а потомъ приготовляя съ репетиторомъ уроки, онъ былъ изолированъ отъ вліянія грубыхъ, полудикихъ родителей и росъ особнякомъ, взятый же изъ пансіона прямо и непосредственно попалъ въ распоряженіе отца. Пошла ломка всего того, что дала школьная скамья, что пріобрѣлось отъ учителей, воспитателей, товарищей. Мальчикъ, которому исполнилось шестнадцать лѣтъ, молилъ родителей дать ему возможность кончить курсъ, но отецъ, а особенно мать и слышать этого не хотѣли.

— Умиѣ насъ будешь! говорилъ отецъ, убѣдившійся, что существованіе бібліотеки не сдѣлало его ученымъ.

— Дѣло надо дѣлать, вторила мать. Батько то вонъ пить началъ, на него плохая надежда...

На дальнѣйшія мольбы отвѣчали побоями, а чтобы совершенно разорвать всякую связь „съ учебой“—Сосипатра Петровна продала всю бібліотеку мужа, вышвырнула журналы и газеты и подъ страхомъ жесточайшей „лупки“ запретила сыну брать въ руки книгу. А мальчикъ уже вкусилъ плоды науки, его уже тянуло къ этому, запрещенному теперь, плоду. Онъ читалъ по ночамъ, уходилъ съ

книгою въ садѣ, на чердакѣ, занимался когда родители спали послѣ попойки, и даже училъ сестру. Лизѣ въ это время было четырнадцать лѣтъ, и братъ горячо любилъ ее, кроткую, любящую, отзывчивую. Она еле, еле знала грамоту, но братъ урывками прошелъ съ нею весь элементарный курсъ, даже научилъ немного французскому языку и приохотилъ къ чтенію. Дѣвушка, не смотря на сильное гоненіе книги, успѣла прочесть очень много и страстно любила чтеніе. Женская нѣжная, эластичная, какъ у большинства русскихъ дѣвушекъ, натура Лизы спасла ее отъ гибели; она выдерживала родительскій гнетъ, тонко и умно обходила семейные пороги, стоически переносила и грубость и жестокость матери, то дипломатически избѣгая этой жестокости, то переноса ее. Мать, хлебнувшая „съ горя“, побьетъ взрослую дочь, жестоко побьетъ, унижительно, а Лиза поплачетъ, горько поплачетъ и найдетъ въ себѣ на столько смиренія, чтобы помириться съ этимъ, простить матери, постарается оправдать ее. Не то было съ Яшей.

Пылкая натура юноши не вынесла семейнаго ярма, и онъ попытался найти забвеніе въ винѣ... Такъ ужъ, знать, суждено русскому человѣку!.. Какъ то разъ послѣ дикой и несправедливой расправы, Яша пришелъ къ сестрѣ, обнялъ ее, залился слезами и, задыхаясь отъ горя и душившихъ его слезъ, сказалъ:

— Лиза, милая, хорошая моя Лиза, такъ жить нельзя!.. Ужъ лучше умереть, сгнбнуть ужъ лучше!..

Дѣвушка принялась утѣшать брата, нашла въ себѣ силы поддержать его, ободрить. Они разговорились, забыли тяжелый гнетъ и надо было случиться такъ, что отецъ засталъ ихъ мирно и дружески бесѣдующихъ, даже слышалъ слова дочери, убѣждающей „простить“.

— Это что? загремѣлъ старикъ. Я учу сына, онъ, негодный, мой гнѣвъ заслужилъ, а ты смѣешь съ нимъ въ такомъ смыслѣ разговаривать!.. Я его казню, а ты милуешь? Въ моихъ глазахъ онъ негодяй, а въ твоихъ—лучше его нѣтъ?.. Бунтъ супротивъ родителей затѣваете?.. Эй, кто тамъ?.. Розогъ мнѣ подать!..

На крикъ прибѣжала мать. Всегда враждебно настроенная противъ мужа, въ дѣлѣ воспитанія она была съ нимъ солидарна, одобряла его мѣры, его систему, думая, вѣроятно, что всякое по-

слабленіе избалуесть дѣтей, видя, какъ у такихъ же матерей дѣти, ставшіе самостоятельными, вырываются изъ подъ опеки и мстятъ потомъ за все. „Имъ потачку-то дай, разсуждала она, такъ они на шею сядутъ, а особливо ежели отецъ помретъ. Онъ все же мужчина, какъ-никакъ, а хошь кулакомъ въ страхѣ держить, а бабу то они во какъ согнуть!..“

— Въ чемъ дѣло? — спросила Сосипатра, окинувъ взглядомъ бушующаго мужа, испуганную, какъ птичку въ когтяхъ коршуна, дочь и сына, который стоялъ со сверкающими глазами, блѣдный и заслонивъ собою сестру. Отецъ объяснилъ, прибавивъ для большаго впечатлѣнія небывальщину.—Пошелъ прочь! обратилась Сосипатра къ сыну. Вонъ пошелъ, а этой негодницѣ я покажу, какъ съ братомъ тары бары разводить, когда онъ наказанъ... Пошелъ вонъ!...

— Я не позволю ее тронуть! крикнулъ Яковъ. Не позволю... Она не виновата... Со мной дѣлайте что хотите, а ее я не дамъ вамъ... Убейте меня — тогда и тираньте ее, а пока я живъ, вамъ пальцемъ ее не тронуть!.. Будетъ съ васъ и одной жертвы!..

XV.

Кончилось заступничество Яши за сестру скверно. Сила одержала верхъ, родители избили обоихъ, и послѣ этого Яковъ не выдержалъ и запилъ. Въ этотъ же вечеръ онъ исчезъ изъ дому, пропадалъ дня два, былъ привезенъ раздѣтымъ, и, подъ вліяніемъ вина, дико буйнымъ, готовымъ за все. Его связали, заперли въ чуланъ, снова избили, потомъ снова онъ напился и ужъ послѣ этого пошелъ крутить во всю,—пилъ, какъ пьетъ только русскій „пропацій“ человѣкъ. Видя, что никакими уже мѣрами не наставишь сына на путь истинный, родители прогнали его изъ дома и бросили на произволъ судьбы. Оборванный, изможенный Яша повелъ ту ужасную жизнь, которую ведутъ пьющіе постояннымъ запоемъ.. Онъ ночевалъ въ участкахъ, на бульварахъ, въ ночлежныхъ домахъ, выпрашивалъ пятачки у прохожихъ, а чтобы давали чаще и больше—кривлялся, произносилъ просьбу на французскомъ языкѣ, или принималъ трагическій тонъ Любима Торцова, а то такъ просто

балаганилъ, игралъ роль шута. Въ рѣдкіе дни сознанія онъ горько плакалъ, пытался удержаться отъ гибельной страсти, но увѣ, „червячекъ“ сосалъ уже его неужержимо, и мучительный зудъ этого сосанія надо было заливать виномъ... Иногда Яша приходилъ къ сестрѣ, тайкомъ проникая лѣтомъ въ садъ, а зимою въ кухню, бралъ у нея копѣекъ тридцать, или какую нибудь одежонку и уходилъ, отказываясь отъ помощи болѣе серьезной.

— Не надо, сестрица, не надо, голубушка, говорилъ онъ, когда Лиза предлагала ему нѣсколько рублей, или какую нибудь цѣнную вещь. Я, вѣдь, все равно пропью, Лизочка, а тебѣ пригодится...

— Яша, ты бы бросилъ пить-то, голубчикъ! уговаривала сестра. Ты можешь человѣкомъ быть, ты, вѣдь, умница, образованъ... Брось ради меня, милый!..

— Не могу, сестрица—меня ужъ въ конецъ засосало, пропалъ ужъ я!.. Ты только молись обо мнѣ, Лиза, а ужъ жалѣть не жалѣй! говорилъ Яковъ и уходилъ.

Въ моментъ нашего разсказа Яковъ немного поправился, пилъ меньше и служилъ въ какой-то конторѣ, гдѣ его держали за знаніе французскаго языка и платили гроши. Бывалъ онъ у сестры рѣдко, боясь подвести ее „подъ отвѣтъ...“

Естественно, что на воспитанную при такихъ условіяхъ Лизу задушевная рѣчь Коптилина произвела впечатлѣніе, подкупила ее, довѣрчивую и неопытную дѣвушку. Лжи, фальши въ словахъ Коптилина Лиза не могла, конечно, подмѣтить: и не такую бы юную головку могъ вскружить ловкій, рѣчистый Коптилинъ. Лиза слушала его съ волненіемъ и любовалась имъ. Клавденька, замѣтивъ восторженный взглядъ подружки, радовалась успѣху мужа, гордилась имъ и въ эти минуты любила болѣе, чѣмъ когда либо.

Послѣ небольшой закуски, за которой всѣхъ болѣе пила и ѣла Сосипатра, Коптилина собрались домой.

— Зови къ намъ, Клавденька, Лизавету Николаевну, сказалъ Коптилинъ, прощаясь. Я полагаю, что Сосипатра Петровна не будутъ противъ этого..

— Пусть, голубчикъ, ѣдетъ, пусть! произнесла Сосипатра. Хошь обвѣтрится немного, а то все дома да дома... Только вотъ лошадей то у насъ нѣтъ, а дѣвицѣ не больно прилично одной на из-

возчикѣ ѣхать, ну, а я сама никуда, милый, не ѣзжу — сырая я женщина, рыхлая, болѣю все...

— Не безпокойтесь, Сосипатра Петровна, поспѣшно успокоилъ Коптилинъ, не безпокойтесь: мы пришлемъ за Лизаветой Николаевной свою лошадь, на своей лошади и домой отвеземъ... Когда желаете навѣстить насъ, Лизавета Николаевна?

— Мнѣ все равно, какъ вотъ мамаша позволить, отвѣтила дѣвушка.

— Завтра можно прислать, Сосипатра Петровна?

— Присылай, голубчикъ, присылай; завтра у насъ жениха-то не будетъ, присылай сказать, что до воскресенья не будетъ, не-когда вишь, дѣло какое то спѣшное...

Коптилинны уѣхали.

— Милый, хорошій ты мой Ваничка, какой ты у меня умникъ-то, да красавецъ то—чудо! страстно замѣтила Клавденька, лишь только сѣла въ сани, и кучеръ тронулъ рысака. Налюбоваться я тобою не могла, ангелъ ты мой!.. А Лиза такъ и смотреть на тебя, такъ и горить вся!.. Чай, сравниваетъ своего Петьку вислоухаго съ тобою, да горюетъ, вотъ де какая разница, вотъ де людямъ-то какое счастье!..

— Она бѣдная дѣвушка, мнѣ страхъ какъ жаль ее, проговорилъ Коптилинъ.

— А что?

— Да какъ же: дома какъ въ аду жила, а теперь вотъ за такое сокровище замужъ идетъ ..

— Жаль?

— Очень жаль.

— Ахъ ты, батюшки!.. Ты ужъ не влюбись въ нее изъ-за жалости-то...

— Я, милая, и холостой-то не влюблялся, такъ ужъ женатый и подавно не влюблюсь...

— А Катя Сургучова?

Коптилинъ пожалъ плечами.

— Боловство, шутка! произнесъ онъ.

— А кто красивѣе—Катя, или Лиза?

— Катю я забылъ, Клавденька, а Лизу не разглядѣлъ... Мнѣ, милая, некогда красоту разглядывать, у меня дѣло...

— Ну, а я какова? кокетливо заглянула Клавденька въ лицо мужа.

— Ты?.. Ты у меня пышечка...

Рябая и косоглазая „пышечка“ замерла отъ восторга и потянулась было поцѣловать мужа, но тотъ остановилъ ее локтемъ и показалъ на кучера.

— Дома я тебя миллионъ разъ поцѣлую, красавца моего писаного! шепнула Клавденька...

— Дома другое дѣло, милочка, а вѣдь здѣсь улица, губы отморозишь!..

Но даже и одного раза не привелось Клавденькѣ поцѣловать своего супруга дома: Коптилинъ у самыхъ воротъ вспомнилъ про какое то неотложное, страшно дѣловое свиданіе и, высадивъ жену у подъѣзда, укатилъ на своемъ рѣзвомъ рысакѣ въ кафе-шантанъ. Вѣроятно, тамъ и было назначено ему „неотложное“, „дѣловое“ свиданіе.

На другой день за Лизой послали лошадей, и дѣвушка пріѣхала къ обѣду. Коптилина не было дома, онъ возвратился лишь къ чаю и засталъ подругъ, бесѣдующихъ о жизни замужней женщины вообще.

— Вотъ, Лиза все спрашиваетъ, какъ надо жить, чтобы угодить мужу, чтобы онъ любилъ жену, все забылъ для нея, сказала Клавденька мужу.

— Ну, и что же ты отвѣчала на это? спросилъ Коптилинъ.

— Я отвѣчала, что какой де мужъ, что на инаго ничѣмъ не угодишь... Говорила, что Петръ Слободовъ не очень то хорошій человѣкъ, что не легко будетъ съ нимъ жить Лизѣ.

— Неправда, спокойно возразилъ Коптилинъ, усаживаясь къ чайному столу.

— Какъ неправда? удивилась Клавденька, еще вчера получившая инструкцію „чернить“ Слободова.

— Неправда, повторилъ Коптилинъ.

Онъ уже рѣшилъ переменить тактику, хотя жажда мести Слободову нисколько не уменьшилась въ немъ. Напротивъ, онъ сго-

ралъ желаніемъ жестоко отомстить своему прежнему хозяину за все, за все, и за побои, наносимые Петромъ, когда онъ, Коптилинъ, былъ мальчикомъ, и за позоръ публичнаго наказанія за кражу платка, а пуще всего за злую насмѣшку, когда Коптилинъ проѣзжалъ, будучи женихомъ, мимо лавки Слободовыхъ. Но уже не разстроить свадьбу Петра Слободова мечталъ теперь Коптилинъ, — нѣтъ. Онъ убѣдился, что это трудно при взглядахъ и убѣжденіяхъ Сосипатры, да и получше кой-что задумалъ онъ, поядовитѣе...

— Какъ же неправда то? снова спросила Клавденька.

— А такъ же.

Коптилинъ взялъ стаканъ, положилъ сахару и, мѣшая ложечкой, заговорилъ:

— Петръ Слободовъ человѣкъ не дурной, Лизавета Николаевна, вы идите за него смѣло... Я было злился на него кой за что, хотѣлъ, грѣшнымъ дѣломъ, очернить его, да спокался, — грѣхъ это и стыдъ... Я золь на него не по праву, онъ не обижалъ меня, а поступалъ либо по старинной привычкѣ, либо необдуманно и я отъ души прощаю его, Богъ съ нимъ. . Онъ человѣкъ недурной-съ, простой человѣкъ, что называется, и вы съ нимъ заживете припѣваючи, идите за него, не бойтесь, только вотъ что надо сдѣлать...

— Что? довѣрчиво подняла Лиза на Коптилина свои добрые прекрасные глаза. Вы научите меня, Иванъ Петровичъ... Вы такъ знаете жизнь, такъ хорошо, умно говорите, а я совсѣмъ, совсѣмъ ничего не знаю, дурочка дурочкой!.. Что же надо сдѣлать?

— Надо затянуть свадьбу, помучить его... Какъ побудетъ онъ женихомъ то подольше, узнаетъ, какой вы есть ангелъ по добротѣ вашей, разглядитъ еще до свадьбы, какая вы... красавица...

Коптилинъ отпилъ глотокъ чаю.

— Я вотъ сейчасъ только, сегодня разглядѣлъ васъ и вижу, — извините за правду, — что такой то красавицы поискать!.. Не краснѣйте, барышня, не конфузьтесь — я вѣдь человѣкъ женатый, старикъ-съ... Хе, хе, хе... Да-съ какъ оцѣнить васъ, такъ и закипитъ въ немъ любовь то, и будетъ онъ глядѣть на васъ, какъ на сокровище, что вотъ въ сказкахъ бываютъ, а сокровище-то въ руки не дается, близко, вотъ, вотъ оно, анъ нѣтъ, ускользнуло!.. Вотъ онъ и будетъ вашъ съ руками и съ ногами и когда дастся

ему сокровище въ руки—онъ, истомленный жданьемъ-то, весь отдастся вамъ, въ ножки падеть!... Правду ли я говорю-съ?

— Да, я согласна съ вами, отвѣтила Лиза. Это старинная истина, что трудно приобретаемое цѣнится дорожѣ..

— Вѣрно-съ.

— Но какъ это сдѣлать?.. Мамаша ни за что не согласится, она вѣдь...

Дѣвушка не договорила, какая именно ея мамаша.

— А я васъ научу, что сдѣлать... Научить?

Коптилинъ весело, добродушно поглядѣлъ на Лизу, а голосъ его звучалъ симпатично, дружески, словно братъ сестрѣ говорилъ сердечныя слова.

— Научите, улыбнулась Лиза.

— Скажитесь больною... Больна, да и шабашъ!.. Жаръ, ознобъ, горлышко болитъ, грудь ломитъ, силушки нѣтъ... Ха, ха, ха!.. Ну, подождетъ мамаша, поохаетъ, поахаетъ, а сдѣлать то ничего нельзя и отложить свадьбу... Теперь скоро постъ, времени осталось не много, и вы протянете до „Красной горки“... То-то будетъ Петя скорбѣть, то-то будетъ скучать, то-то сердце его закипитъ любовью!.. До бѣлаго каленія парня доведете, пальчики вамъ будетъ цѣловать, въ глаза станетъ глядѣть, какъ собачка ласковая!.. Повѣрьте мнѣ, Лизавета Николаевна, я эти дѣла хорошо знаю-съ...

— Ужъ какъ тебѣ не знать!.. Ты по этимъ дѣламъ профессоръ, ловко упрекнула Клавденька мужа.

Тотъ улыбнулся и спросилъ у Лизы:

— Послушаете моего совѣта!

— Да, послушаю, боюсь только, что мамаша очень разсердится...

— Да развѣ возможно сердиться на болѣзнь? Помилуйте!

— Она доктора позоветъ, а докторъ и узнаетъ, что я вовсе не больна, а притворяюсь только...

— Никогда онъ этого не узнаетъ-съ... Онъ можетъ узнать, есть ли жаръ у человѣка, пульсы тамъ разные знаетъ, а если вы скажете, что у васъ грудь сильно болитъ, дышать вамъ трудно и тому подобное, такъ онъ никогда не узнаетъ!...

Лиза дала обѣщаніе сдѣлать такъ, какъ ей рекомендовалъ ея „доброжелатель“. Таковымъ именемъ назвалъ себя Коптилинъ. Посидѣвъ еще съ часъ времени, Лиза объявила, что ей пора домой.

— Посиди еще, Лиза, еще рано вѣдь, попросила Клавденька.

— Нѣтъ, милая, не могу, мамаша не велѣла долго сидѣть...

— Ну, не смѣю удерживать... Ваничка, прикажи, милый, заложить лошадей...

— Это Лизавету-то Николаевну отвезти? спросилъ Коптилинъ.

— Да.

— Нечего и закладывать — заложена... Я приказалъ „Яхонта“ запретъ, промять его надо, вотъ я кстати и довезу... Не бойтесь, Лизавета Николаевна, на рѣзвыхъ лошадяхъ ѣздить?

— Съ опытнымъ кучеромъ—нѣтъ.

Клавденька не прочь была бы удержать супруга, ревнуя его къ красавицѣмъ подружѣ, но ничего не сказала, даже виду не подала: она знала, что ея Ваничка, куда какъ не любитъ ревности и куда какъ золъ, если его разсердишь. Черезъ пять минутъ Лиза простилась и вышла вмѣстѣ съ Коптилинымъ на подѣздъ.

— Вотъ мой и „Яхонтъ“ къ вашимъ услугамъ, указалъ Коптилинъ на караковаго красавца-коня, запряженнаго въ бѣгковыя санки и еле сдерживаемаго двумя конюхами.

— Мы безъ кучера поѣдемъ? спросила Лиза, бросивъ взглядъ на маленькія саночки.

— Безъ кучера-съ... Да вы не бойтесь, я правлю лошадыю лучше всякаго кучера, на бѣгахъ самъ правилъ, призы бралъ... Пожалуйста садитесь...

Коптилинъ усадилъ Лизу, сѣлъ самъ, взялъ возжи и крикнулъ конюху, чтобы тотъ пускалъ. Конь прыгнулъ было въ сторону, отдѣлился всѣми четырьмя ногами вверхъ, но ловкій ударъ возжами и умѣлая передержка поставили его какъ слѣдуетъ, и онъ пошелъ рысью, рубя, по охотничьему выраженію, снѣгъ сильными ногами. Проѣхавъ свой переулочекъ, Коптилинъ повернулъ коня налѣво.

— Вѣдь намъ направо надо, сказала Лиза.

— А я чуть, чуть проѣду сюда... Промять коня то нужно, застоялся... Да вы не беспокойтесь, Лизавета Николаевна, я васъ во время доставлю, а на такой то лошади прокатиться наслажденіе, можно сказать...

Онъ тронулъ коня, и тотъ полетѣлъ по пустынной улицѣ, какъ изъ лука стрѣла... Съ яснаго темно-синяго, какъ вороненая сталь,

неба свѣтила луна, миллионы звѣздъ бриллиантами сверкали и лили на землю тихій свѣтъ; легкій морозецъ чуть, чуть щипалъ щеки; дышалось вольно и хорошо.

— Эка ночь то, Лизавета Николаевна! похвалилъ Коптилинъ.

— Да, ночь чудная, согласилась Лиза.

Коптилинъ поглядѣлъ на нее и только крикнулъ, да коня вожжей вытянулъ... Очень ужъ хороша была дѣвушка въ эту зимнюю лунную ночь!... Глаза томно глядѣли изъ подъ черныхъ бархатистыхъ бровей, щечки пылали румянцемъ; ротикъ съ полуоткрытыми алыми губками вдыхалъ свѣжій воздухъ, шелковистые кудри выбились вѣтромъ изъ-подъ бобровой шапочки и играли, вились; щекотали горячую щеку, бархатная шубка ловко обнимала стройный пышный станъ, ручка, станутая лайковой перчаткой, слегка касалась руки Коптилина...

— За городъ бы въ такую ночь, по шоссе бы, пролетѣть, продолжалъ Коптилинъ.

— Да, хорошо бы...

— Поѣдемъ?

— Ахъ, нѣтъ, что вы!...

— Да почему же?

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно!...

— Почему!... Теперь только восемь часовъ, а къ девяти вы дома будете, никто и слова не скажетъ... А ужъ какъ бы прокатить!... Эхъ, Лизавета Николаевна, теперь-то и пожить на вольной волюшкѣ... Выйдете замужъ—кандалы надѣнете, совсѣмъ не та ужъ музыка будетъ... Прокачу я васъ, Лизавета Николаевна, право прокачу!...

— Не знаю право, Иванъ Петровичъ... Поздно пожалуй будетъ...

— Въ девять то часовъ?...

Коптилинъ, не дожидаясь отвѣта, повернулъ лошадь мимо храма Христа Спасителя, проѣхалъ на Пречистенскій бульваръ, потомъ на Никитскій, на Бронную, въ Грузины и черезъ двадцать минутъ летѣлъ уже по шоссе Петровскаго парка. Сверкнулъ „Яръ“ своими электрическими фонарями, „Стрѣльна“, замелькали вдали огоньки Всесвятскаго.

— Будетъ, Иванъ Петровичъ, пора! тихо говорила Лиза, прижимаясь къ Коптилину и держась за него на ухабахъ.

— Еще чуточку, еще... Вѣдь мнѣ то ужъ не видать больше такой ночи, никогда, никогда не ѣздить съ такой красавицей!...

Лиза вспыхнула, рука ея, лежавшая на рукѣ Коптилина задрожала.

XVI.

Сани легко скользя по гладкой укатанной дорогѣ.

— Вѣкъ бы сидѣлъ съ вами бокъ о бокъ, въ очи бы ваши ясныя глядѣлъ! продолжалъ Коптилинъ.

— Перестаньте! остановила его Лиза.

— Почему?... Развѣ грѣхъ правду говорить?... Эхъ, не сказалъ бы я, да ночь вотъ эта взбудоражила, старое подняла... Я, вѣдь, давно люблю васъ, Лизавета Николаевна...

— Вы?...

— Да... Былъ холостымъ, увидалъ васъ и заняло сердце, ночи не спалъ, подушку свою сиротскую слезами обливалъ... Думалъ было сваху послать, да захохотала мнѣ сваха въ лицо: „дуракъ, говорить, ты парень: Сосипатра Петровна, говорить, скорѣе въ гробъ положить свою дочку, чѣмъ за приказчика отдасть!...“ А былъ я тогда бѣднякъ, въ приказчикахъ жилъ, чужой хлѣбъ ѣлъ... И махнулъ я рукою на безталанное житье свое, пить было началъ, да тутъ вотъ Клавдія подвернулась, ну, и женился: дай, молъ посмотрю, какъ богатые-то люди живутъ... Скверно!... Вотъ шуба на мнѣ въ двѣ тысячи рублей, брилліантъ на пальцѣ въ тысячу, за обѣдомъ у насъ семь блюдъ, да развѣ это жизнь?... Сердце то какъ было сиротою, такъ сиротою и осталось...

— Ваша Клавденька—милая женщина, она очень любитъ васъ, тихо проговорила Лиза.

— Да, это правда, но вѣдь я человѣкъ, Лизавета Николаевна, все человѣческое то мнѣ не чуждо, я красоту понимаю, старое отъ молодаго отличаю, а она вѣдь какая?... Какъ пройдешь съ такой женою то мимо людей, да какъ услышишь, что люди смѣются надъ нею, такъ сердце кровью и обольется!... И любовь ея... Что это за любовь?... Красота моя любя ей, а какая у меня душа, сердце какое—ей и дѣла нѣтъ!... Какая ужъ это любовь, это блажь старой

дѣвицы, а не любви!... Эхъ, запью я; кажется, съ горя, съ тоски, съ одиночества лютаго!...

— Боже васъ сохрани! съ жаромъ воскликнула Лиза. Никогда и не думайте объ этомъ, и не говорите!... Лучше ужъ смерть...

Дѣвушка знала страшные примѣры запоя „съ горя.“

— Тяжело ужъ очень!...

Коптилинъ остановилъ лошадь, повернулъ и шагомъ поѣхалъ къ Москвѣ. Наступило молчаніе. Лиза грустно глядѣла на снѣжную, залитую луннымъ свѣтомъ равнину, Коптилинъ, бросивъ возжи, опустивъ голову, сидѣлъ, словно въ забытіи...

— Поѣдемъ поскорѣе, Иванъ Петровичъ, проговорила Лиза.

Коптилинъ взялъ возжи.

— Поѣдемъ... И ужъ никогда, никогда не повторится такая ноченька!.. Прощай, милая ночка, спасибо тебѣ—хоть часъ счастья дала ты мнѣ, хоть часикъ одинъ билось сердце любовью... Лизавета Николаевна!...

— Что?

— Подарите мнѣ одинъ поцѣлуй...

— Перестаньте... Не говорите этого... промолвила Лиза.

— Одинъ... прощальный вѣдь!...

Дѣвушка дрогнула, порывисто обняла Коптина и поцѣловала его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться.

— Первый и послѣдній! сказала она и сама тронула возжами лошадь. Сани полетѣли стрѣлою.

Довезъ Коптилинъ Лизу до дому, высадилъ ее у воротъ, взялъ за руку и заглянулъ въ глаза дѣвушки.

— Вы сердиты на меня, Лизавета Николаевна? спросилъ онъ робкимъ, виноватымъ голосомъ,

— Нѣтъ, прошептала дѣвушка.

— Не сердитесь... Сердцу, Лизавета Николаевна, не закажешь, ничего оно знать не хочетъ, никого не спрашивается... Я—женатый человѣкъ, вы—невѣста другаго, но развѣ виновать я, что люблю васъ?... И радъ бы вырвать любовь то эту, да крѣпко она засѣла, глубоко корни пустила!...

— Не говорите мнѣ объ этомъ! строго перебила его Лиза. Вы вдвойнѣ не имѣете права говорить мнѣ о своей любви: у васъ есть жена, я сговорена... Прощайте...

— Прощайте... Извините меня... Никогда я больше не скажу вамъ о своей любви, да врядъ ли и увижу васъ... Помолитесь за меня, ежели я въ винѣ потону, въ дикомъ разгулѣ погрязну...

Дѣвушка крѣпко сжала его руку.

— Не дѣлайте этого!... Умоляю васъ не пить!... Вы любите меня?... Да?... Любите?

— Люблю!...

— Такъ во имя этой любви не пейте, не губите себя!...

— А гдѣ силъ взять?... Какъ засосетъ въ груди змѣя-тоска, такъ волей-неволей зальешь ее!...

— Молитесь... Молитва и утѣшаетъ, и ободряетъ...

— Молиться?... Попробую, а ужъ хватить ли силъ—не знаю... Прощайте, вамъ пора... Эхъ, жизнь ты, жизнь постылая!...

Коптилинъ вскочилъ въ сани, со всего размаха ударилъ по коню возжами и вихремъ скрылся въ дали...

Лиза вошла въ домъ, не спросила даже у кухарки, отпирившей ей дверь, не сердится ли мать, сбросила шубку и, не заходя къ матери, которая спала послѣ обильной закуски, поднялась къ себѣ въ мезонинъ и, не снимая шапочки и перчатокъ, сѣла на свою бѣлую, изящную дѣвичью кровать. Служанка свѣчу внесла, поставила, зѣвнула, поглядѣла на Лизу.

— Ужинать то будете?—спросила она потомъ у барышни.

— Нѣтъ...

— Такъ я спать пойду...

— Иди... Мамаша гдѣ?

— Спать часа ужъ три, поди... Покушала шей и легла... поругамшись...

— Ну, хорошо, ступай спать...

Служанка ушла. Тихо, тихо было въ комнатѣ, только чуть слышно тикали маленькіе дамскіе часики на столѣ... Уютная маленькая комнатка тонула въ полумракѣ, только туалетный столикъ былъ ярко освѣщенъ свѣчею, да часть стѣны... Не богато была обставлена эта крохотная комнатка, но чѣмъ то милымъ, симпатичнымъ вѣяло отъ скромной обстановки: во всемъ сказывалось присутствіе женщины, все дышало милой скромностью, опрятностью на всемъ лежалъ отпечатокъ порядочности. Картины на стѣнахъ

были не дороги, но въ нихъ замѣчался выборъ—все это были хорошія гравюры, копіи съ извѣстныхъ картинъ русскихъ художниковъ, два, три этюда карандашемъ, сдѣланныя талантливою рукою. Это были подарки брата, пріобрѣтенныя имъ когда то у пріятеля—художника, то же погибшаго отъ горя и неудачъ.

Обыкновенно въ дамскихъ комнатахъ встрѣтишь множество ни къ чему негодныхъ бездѣлушекъ, множество туалетныхъ вещицъ и очень рѣдко—книгу. Въ комнатѣ Лизы, этой „простой“ дѣвушки, дочери полуграмотныхъ родителей, на ряду съ изящными бездѣлушками и принадлежностями туалета, было очень много книгъ и „не для красоты“ только, а для чтенія: дѣвушка въ книгахъ находила и утѣшеніе, и отдыхъ, и рѣшеніе на многіе вопросы. Изгоняющій изъ дома книгу, отецъ Лизы давно уже не покидалъ свою комнату, похожую болѣе на логовище дикаго звѣря, чѣмъ на жильё человѣка, а мать относилась къ такимъ „забавамъ“ дочери безразлично, и дѣвушка могла читать сколько угодно, она иногда покупала книги, иногда добывала черезъ знакомыхъ, а часть берегла послѣ брата. Но не смотря на обиліе книгъ, комната не походила на жилище „синяго чулка“, въ ней не было ничего бьющаго на эффе́къ, дѣланнаго, обстановочнаго, равно какъ и черстваго, педантичнаго. Тутъ все ставилось, вѣшалось „безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія“, а какъ приходилось, какъ нравилось, „для себя“, а не „для гостей“, какъ у иныхъ. Въ переднемъ углу стояли въ божницѣ иконы съ затепленною лампадкою передъ ними, на столикѣ лежало какое то питье, окна были заняты горшками съ любимыми растеніями, у окна стояло любимое кресло, потертое, старое, но удобное и тѣмъ пріятное. Письменный столикъ не походилъ на витрину канцелярскихъ принадлежностей, не билъ въ глаза выставочною наружностью, какъ у нѣкоторыхъ, желающихъ показать, что вотъ и они имѣютъ письменный столъ, и они знаютъ вкусъ въ красивыхъ статуэткахъ, имѣютъ понятіе о симметріи; вѣтъ, это былъ потертый столъ безъ всякихъ украшеній, тутъ лежали даже въ грудкѣ вчера заштопанные чулки, какой то свертокъ, но въ чернильницѣ были налиты свѣжія чернила, перья не заряжавѣли, сукно было обрызгано чернилами и видно было, что на столикѣ этомъ писали, что стоялъ онъ не для украшенія лишь и вы-

вѣски. Лиза, дѣйствительно, писала очень много. Во-первыхъ, она вела приходо-расходную книгу по дому, вела вообще всю переписку матери съ должниками, кредиторами, съ различными дѣловыми людьми, такъ или иначе прикосновенными къ дѣлу недавней ликвидаціи.

Кромѣ того дѣвушка вела дневникъ, ежедневно записывая свои впечатлѣнія, думы, выводы, дѣлая выписки изъ прочитанныхъ книгъ.

Дневникъ этотъ дастъ намъ возможность слѣдить за ходомъ нашего разсказа по отношенію къ Лизѣ и мы будемъ порою заглядывать въ него. Вотъ и сейчасъ Лиза послѣ долгаго раздумья встала, зажгла лампу, сѣла къ столу и изъ потайнаго ящика достала толстую тетрадь въ синемъ шагреновомъ переплетѣ. „Мой дневникъ“ была озаглавлена эта тетрадь, и въ ней Лиза записала впечатлѣнія сегодняшняго дня. „26 января. Какой замѣчательный сегодня для меня день!“ писала Лиза мелкимъ красивымъ почеркомъ. „Во мнѣ сегодня произошло что то особенное, я ужъ и понять даже не могу... И сладко такъ мнѣ, и жутко, страшно какъ то. То смѣяться хочется, то слезы къ горлу подступаютъ и боюсь я чего то... Вчера мужъ моей подруги Клавденьки, Иванъ Петровичъ Коптилинъ, долго говорилъ о жизни замужней женщины, о женщинахъ вообще, и это произвело на меня впечатлѣніе, я уже вчера записала это. И онъ, Коптилинъ этотъ, произвелъ на меня впечатлѣніе своею красотою, но я и забыла бы его, можетъ быть—мало ли красивыхъ мужчинъ! Но вотъ сегодня я встрѣтила его снова и, Боже мой, что я узнала!.. Онъ любитъ меня, любитъ давно!.. Такъ все странно это, такъ неожиданно... Мысли даже въ головѣ путаются... Я поѣхала къ Клавденькѣ, долго мы сидѣли съ нею вдвоемъ, и она все восторгалась имъ, говорила все о томъ, какъ любить его. Я не совѣмъ понимала Клавденьку: она какъ то не могла объяснить, за что она именно такъ любить мужа, все только о его красотѣ говорила она, о томъ, какъ всѣ завидуютъ ей и какъ это пріятно. Но вотъ къ чаю пріѣхалъ онъ. Я особенно пристально поглядѣла на него и убѣдилась, что онъ дѣйствительно очень хорошъ собою, дивно какъ хорошъ!.. Но вѣдь онъ мало образованъ, думала я, у него нѣтъ того свѣтлаго ума, который освѣщаетъ красоту, а что же красота безъ

ума? Но не смотря на эти думы, меня что то влекло къ нему, глазъ бы не оторвала отъ него!.. И я все смотрѣла, все любовалась имъ. Потомъ онъ заговорилъ, и я убѣдилась, что онъ уменъ, что если судьба его и сложилась такъ, что онъ не могъ получить образованія, то природа наградила его умомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ говорилъ мнѣ о моемъ женихѣ, далъ совѣтъ какъ мнѣ поступить, чтобы женихъ полюбилъ меня, привязался ко мнѣ и потомъ уже любилъ бы всю жизнь. Я слушала, соглашалась и видѣла, что Коптилинъ отъ души желаетъ мнѣ счастья, но я не знала еще, что онъ любитъ меня... Онъ повезъ меня домой, мы ѣхали только вдвоемъ. Я боялась чего то ѣхать съ нимъ, сердце мое било тревогу, но мнѣ и сладко было какъ то съ нимъ... Впрочемъ, я мало помню о томъ, что я чувствовала, о чемъ думала — я была точно въ забытьи, голова у меня кружилась, сердце билось такъ, что я слышала его бѣненіе... Мы ѣхали на маленькнхъ саночкахъ, Коптилинъ сидѣлъ совсѣмъ, совсѣмъ близко ко мнѣ, я даже придерживалась за него... Ночь была чудная, я никогда не забуду этой ночи!.. Вдругъ онъ предложилъ мнѣ ѣхать кататься, и я согласилась врядъ-ли понимая, что я дѣлаю... И вотъ, по дорогѣ онъ сказалъ мнѣ, что любить меня, давно любить, хотѣлъ святаться, но былъ тогда бѣденъ и боялся отказа... „Любить ..“ Я еще первый разъ слышу это слово отъ мужчины — женихъ не говорилъ мнѣ о любви, не умѣетъ онъ какъ-то говорить,—первый разъ слышу, и мужчина, который сказалъ мнѣ это,—женатъ... Зачѣмъ, зачѣмъ онъ сказалъ мнѣ, это?.. Зачѣмъ онъ такъ хорошъ? Зачѣмъ онъ такъ сладко умѣетъ говорить? Зачѣмъ онъ смутилъ мой покой?.. Боже, что же мнѣ дѣлать теперь?.. Я не любила своего жениха, но я шла за него, надѣясь полюбить, надѣясь устроить свое счастье, перемѣнить жизнь, помочь брату вырваться изъ той страшной жизни, которая окружаетъ меня, а теперь... теперь я люблю другого!.. Какъ же мнѣ идти замужъ, любя другого?.. Какъ встать подъ вѣнецъ?.. За что, за что я такъ несчастна?..“

Лиза уронила перо, упала головою на свою завітную тетрадь и горько, горько заплакала... Первый лучъ давно ожидаемаго счастья принесъ ей только горе и разбилъ бѣдное сердце...

А Коптилинъ превосходно провелъ ночь, отлично выспался и

всталъ бодрый, свѣжій, готовый работать, жить и наслаждаться. Онъ навѣстилъ тестя, который послѣднее время сильно прихварывалъ и не выходилъ изъ комнаты, измученный ревматизмами и подагрой. Коптилинъ почтительно поцѣловалъ руку старика и сообщилъ ему объ отличномъ состояніи дѣла, показалъ книги и, оставивъ старика въ превосходномъ расположеніи духа, пошелъ къ женѣ, пилъ съ нею чай, былъ веселъ, разговорчивъ, а потомъ поѣхалъ въ лавку. Старшій приказчикъ почтительно поздоровался съ нимъ и сообщилъ, что завтра срокъ платить по векселямъ.

— На какую сумму? спросилъ Коптилинъ.

— Семьдесятъ пять тысячъ...

Превосходное расположеніе духа мигомъ оставило Коптилина: такихъ денегъ у него въ кассѣ не было. Надо сказать, что не задолго передъ этимъ, Коптилинъ купилъ на имя своей матери подмосковное имѣнье, употребилъ для этого деньги тестя и надѣясь обернуться текущими доходами, но вышло такъ, что одинъ изъ покупателей, и изъ покупателей очень выгодныхъ, попросилъ отложить уплату значительной суммы до Нижегородской ярмарки, хотя платежъ долженъ былъ быть произведенъ на Ирбитской. Отказать этому покупателю было невозможно, ибо пришлось бы потерять его, и просьба его была уважена, долгъ считался самымъ вѣрнымъ, но эта отсрочка лишила Коптилина возможности „обернуться“ и онъ очутился безъ денегъ, платить было нечѣмъ, или же приходилось просить у тестя, на что Коптилинъ никогда бы не рѣшился, ибо тогда обнаружилась бы тайна покупки имѣнія, а это не входило въ расчеты Ивана Петровича

— Чьи векселя? спросилъ онъ приказчика.

— Широкополовой и Клушина.

— Сколько Клушину слѣдуетъ?

— Тридцать тысячъ...

— А въ кассѣ у насъ?

— Въ кассѣ и на текущемъ стегу пятьдесятъ тысячъ...

— Заплатить сегодня Клушину, а Широкополовой я самъ отвезу... Послѣдняя партія принята очень дорого, надо выпросить скидки... Широкополовскій товаръ еще есть?

— Почти весь подобрался, Иванъ Петровичъ; вчера большую партію его Иголкину отправили...

— Написать требованіе и приготовить къ двумъ часамъ, я отвезу самъ...

— Слушаю-съ... Приходилъ сегодня старикъ Сургучовъ, просить переписать его вексель на три мѣсяца...

— Сумма?

— Двѣ тысячи триста.

— А срокъ?

— Послѣ завтра протестъ.

— Протестовать...

— Онъ ужъ очинно просилъ, Иванъ Петровичъ... „Никакъ, говоритъ, не могу теперича заплатить, свадьбу, говоритъ, сыгралъ, а черезъ три мѣсяца у него большая получка... Старикъ то вѣрный. Иванъ Петровичъ, ему можно бы переписать...

— А ежели „вѣрный,“ такъ вы ему и дайте денегъ, онъ отдастъ вамъ, а я тестинимъ добромъ располагать не могу и рисковать чужимъ добромъ не желаю... Поняли?

— Понялъ-съ.

— Ну, такъ вотъ и извольте исполнить, что я вамъ говорю... Если кто спросить, я въ трактирѣ буду...

XVII.

Коптилинъ ушелъ въ трактиръ, чтобы обдумать на досугъ предстоящее свиданіе съ Анной Матвѣевной Широкополовой. До сихъ поръ ему не приходилось еще пользоваться щедротами пламенной вдовушки, онъ откладывалъ до болѣе удобнаго времени и обдумывалъ планъ очень широкій. Теперь приходилось нѣсколько измѣнить этотъ планъ, приходилось размѣняться на мелочи, ибо сорокъ пять тысячъ по сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ обладала Широкополова, была мелочъ, и никогда бы Коптилинъ не посягнулъ на нее, но вышло такъ, что приходилось поступиться своими расчетами и устроить дѣло умно, выйти побѣдителемъ изъ затруднительнаго положенія. А положеніе было затруднительное: вдова не любила говорить о денежныхъ дѣлахъ со своими друзьями, въ ея гостиной говорилось „о чувствахъ“ только; для дѣлъ была контора, въ конторѣ же Коптилинъ являлся обыкновеннымъ кредиторомъ, которому

приходилось заплатить, получить свой оплаченный вексель, или же быть занесеннымъ въ черную книгу подлежащихъ протесту. Задача была нелегка, но Иванъ Петровичъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія полнымъ побѣдителемъ. Ему пока везло во всѣхъ дѣлахъ, — счастье шло „полосой.“

Не успѣлъ еще Коптилинъ обдумать какъ слѣдуетъ „наступательнаго плана“ на карманъ влюбленной въ него вдовушки Широкополовой, какъ въ „коморочку“, — такъ называются въ городскихъ трактирахъ маленькія, отдѣльныя комнатки, — вошелъ половой и доложилъ, что пришелъ какой-то человѣкъ и желаетъ видѣть Ивана Петровича.

— Какой такой человѣкъ-то? спросилъ Коптилинъ.

— Такъ старичекъ старенькій-съ, невзрачный съ, не изъ важныхъ-съ...

— Зови сюда, да подай приборъ, приказалъ Коптилинъ.

Черезъ минуту въ коморочку вошелъ отецъ когда-то любимой Коптилинымъ дѣвушки, добродушный, хлѣбосольный старикъ Сургучовъ.

— Чай да сахаръ, Иванъ Петровичъ... Доброго здоровья вамъ, батюшка, желаю... Какъ поживать изволите? привѣтствовалъ его старикъ, нѣсколько подобострастно здороваясь съ Коптилинымъ. Тотъ довольно радушно отвѣтилъ на привѣтствіе, но руки старику не подаль, а только предложилъ чаю.

— Благодарю Иванъ Петровичъ, поклонился старикъ. Пить сейчасъ чай-то, а впрочемъ чай на чай не палка на палку — дозвольте чашечку...

Коптилинъ налилъ чай и небрежно принялся играть часовой цѣпочкою, не обращая вниманія на старика. Тотъ молча пилъ и украдкою, словно боясь чего-то, поглядывалъ на Коптилина. Не видалъ еще старикъ Сургучовъ своего знакомца „Ваню“ такимъ, удивлялся на него, приглядывался къ нему. Бывало, къ Сургучовымъ ходилъ откушать праздничнаго пирога, скромный, немного, какъ будто застѣнчивый молодой человѣкъ, одѣтый чистенько, но бѣдно, всегда почтительный, всегда ласково-угодливый и искательный, услужливый и до тонкости вѣжливый. А тутъ сидѣлъ начинающій немного полиѣтъ солидный господинъ въ небрежной позѣ,

развалился на диванѣ, закинувъ гордо голову, пыхтя душистой сигарою, играя нарядной цѣпочкою, сверкая брилліантами, одѣтый щегольски, причесанный по модѣ, не разговорчивый, растягивающій какъ-то слова и важный, знающій себѣ цѣну, гордый уже по одной манерѣ держать себя. Старикъ только вздохнулъ и поблагодарилъ за чай низкимъ поклономъ.

— Еще чашечку? сквозь зубы спросилъ Коптилинъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ, Иванъ Петровичъ, достаточно, поклонился старикъ.

— Ну, какъ угодно...

Коптилинъ „постучалъ“ полового и приказалъ убрать посуду, бросивъ на поднось нѣсколько серебряныхъ монетъ за чай.

Сургучовъ увидалъ, что чаепитіе кончено, что пора начинать разговоръ. Неловко было старику, жутко; видимо было, что съ большимъ трудомъ началъ онъ нужный разговоръ...

— А я къ вамъ по дѣлу, Иванъ Петровичъ, заговорилъ онъ, опуская глаза и комкая уголъ скатерти.

— Что такое-съ за дѣло? прищурилъ на него глаза Коптилинъ.

— Векселекъ у васъ на меня есть...

— Ахъ, да, есть... Деньги принесли?

— То-то нѣтъ, Иванъ Петровичъ...

— Стало быть, срокъ еще не наступилъ?

— Завтра протесту онъ подлежить, если...

— Что-съ?

— Если вы не отсрочите... Затѣмъ и пришелъ къ вамъ, Иванъ Петровичъ, чтобы просить васъ объ отсрочкѣ... Дозвольте Бога ради переписать на два мѣсяца... Только на два мѣсяца... Я говорилъ объ этомъ вашему приказчику, но онъ безъ вашего согласія не могъ ничего сдѣлать... Убѣдительно васъ прошу переписать на два мѣсяца...

— Не могу-съ, сухо и отрывисто проговорилъ Коптилинъ.

Старикъ даже вадрогнулъ.

— Какъ не можете?

— Такъ не могу-съ.

— Да, вѣдь, это въ вашей власти, вы полный, можно сказать, хозяинъ...

— Вотъ потому то я и высказываю вамъ свое рѣшеніе, что это въ моей власти... Иначе бы я отослалъ васъ къ тому, кто эту власть имѣетъ...

— Да что же это, Иванъ Петровичъ?.. Да какъ же это? растерянно проговорилъ старикъ. Были, напримѣръ, друзьями, водили, напримѣръ, хлѣбъ-соль и вдругъ... За что же такая немилость на меня?

— Никакой тутъ милости и немилости быть не можетъ, господинъ Сургучовъ, а коммерція тутъ, дѣло съ... Пришелъ срокъ—платите, а не угодно платить—протестъ и взысканіе съ... Такъ съ нами поступаютъ, такъ и мы поступаемъ съ,—дѣло чистое...

— Иванъ Петровичъ, заговорилъ старикъ, и голосъ его задрожалъ,—Иванъ Петровичъ, долженъ сказать вамъ, что ежели вы не отсрочите мнѣ уплату—я долженъ раззориться, мнѣ сейчасъ платить нечѣмъ... Дѣло мое маленькое, а тутъ болѣзнь меня застигла, дочку замужъ отдалъ и изнемогъ, силъ моихъ нѣтъ...

— Это до меня не касается, господинъ Сургучовъ...

— „Господинъ Сургучовъ!..“ Бывало, вы меня не такъ звали... Ну, да это все равно, это ваше дѣло... Я скажу не про отношенія наши частныя, а про дѣло... Я вѣдь давнишній покупатель у вашего тестя, я на десятки тысячъ покупалъ и десятки тысячъ переплатилъ, я, слава Богу, живу у людей честнымъ человѣкомъ и ради всего этого я смѣю думать, что я имѣю право разъ то въ жизни на ваше снисхожденіе...

— Ничего не могу сдѣлать съ, самому надо платить, а во-вторыхъ,—извините за откровенность,—не надѣюсь на получку...

— Какъ не надѣетесь на получку? встрепенулъ старикъ.

— Такъ съ... Известился, что дѣла у васъ плохи, что скоро вамъ грозитъ банкротство...

— Да?.. И желаете содѣйствовать этому?

— Желая получить свое съ...

— И это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее съ.

Старикъ глубоко вздохнулъ и взялъ шапку.

— Богъ вамъ судья! горько, горько проговорилъ онъ. У меня

есть еще надежда на вашего тестя, къ нему пойду, авось онъ пожалѣетъ старика, своего давнишняго покупателя...

Коптилинъ скривилъ губы въ злую, насмѣшливую улыбку.

— Тесть мой боленъ и никого не принимаетъ, сказалъ онъ. Да это до него и не касается: лавка наша, то есть моя и моей жены, а если бы тесть пожелалъ исполнить вашу просьбу и вмѣшался бы въ мое дѣло, такъ я бы сказалъ ему, что я все бросаю и бросаю бы, и жить бы у него не сталъ... Попробуйте, сходите къ нему...

Сургучовъ всплеснулъ руками.

— Иванъ Петровичъ!.. Ваня!.. Ваня Коптилинъ, первый гость мой, другъ моего дома, да за что же ты губишь то меня?.. За что зло то на меня питаешь? Что сдѣлалъ то я тебѣ, Ваня? воскликнулъ онъ, и изъ добрыхъ старческихъ глазъ его полились слезы.

Коптилинъ помолчалъ минутой.

— Что сдѣлалъ то? спросилъ онъ. А то сдѣлалъ, что обидѣлъ меня кровно...

— Я? удивился старикъ.

— Да-съ, вы... И вы, и дочка ваша, а обиду дочки я на вашу счетъ отношу потому, какъ вы ей отецъ, и она должна у васъ въ повиновеніи находиться. Я, вѣдь, женихомъ вашей дочери не былъ? Никакимъ словомъ и обязательствомъ себя не связалъ? Вѣдь такъ-съ?

— Да...

— Ну, вотъ-съ а она почему то сочла себя въ правѣ обидѣть меня, когда узнала, что я женюсь на теперешней супругѣ моей... Мнѣ Господь счастье послалъ, изъ незначительнаго человѣка я вотъ кѣмъ сталъ, и ваша дочь, за все мое расположевіе, обидѣла меня-съ...

— Обидѣла?... Какъ же она васъ обидѣла? спросилъ старикъ.

— А такъ вотъ и обидѣла... Вы вотъ не знаете ничего, а идете ко мнѣ съ просьбою и жалуетесь, что я вашу просьбу не исполняю, а я, можетъ, этого случая то, то есть чтобы отомстить то вамъ, очень долго дождался... А обидѣла меня ваша дочь вотъ какъ: вскорѣ послѣ того, какъ я сталъ женихомъ Клавдіи Игнатьевны, шель я какъ то по Полянкѣ, а ваша дочь шла съ теперешнимъ мужемъ своимъ, съ кочегаромъ этимъ, или со слесаремъ, не знаю я, кто онъ таковъ... Я, какъ вѣжливый человѣкъ, подошелъ къ

вашей дочери, поздоровался, а она отъ себя, среди улицы, гнать начала, закричала, осрамила при всемъ народѣ, а женихъ ея этотъ осмѣлился меня вотъ такимъ манеромъ за плечо схватить, ударить имѣлъ намѣреніе по наущенію дочери вашей! Я со стыда не зналъ куда дѣваться, готовъ былъ провалиться сквозь землю... Какъ вы находите такой поступокъ? Чѣмъ я заслужилъ его?

Старикъ, не подымая на собесѣдника глазъ, тихо проговорилъ:

— Да, это дерзко, если это такъ, но... но Катя имѣла основаніе считать васъ своимъ женихомъ, любила васъ и была поражена извѣстіемъ о вашей свадьбѣ...

— Да-съ? Скажите! Я не имѣлъ, по ея мнѣнію, права сдѣлать себѣ карьеру на всю жизнь, не смѣлъ жениться на невѣстѣ, у которой до двухсотъ тысячъ приданого, богатъ тестъ, а она, дочь ваша, имѣла право заводить шуры-муры съ какимъ то кочегаромъ, съ дубиной этой вязовой, которому мѣсто въ дворникахъ!

— Моя дочь, Иванъ Петровичъ, никакихъ шуровъ-муровъ ни съ кочегарами, ни съ кѣмъ бы то ни было не заводила, возразилъ Сургучовъ.

— Я этого не знаю-съ, я сужу по тому, что я вижу-съ... Этотъ долговязый постоянно у васъ торчалъ, а лишь я женихомъ объявился, такъ и онъ женихомъ вашей дочери сталъ... А что касается до того — заводила ли ваша дочь шуры-муры вообще-съ, такъ вы сейчасъ сами сказали, что она де меня любила, имѣла де основаніе женихомъ меня считать, а такія отношенія и называются шуры-муры, стало быть я не ошибся-съ. Впрочемъ, это до меня не касается, она ваша дочь, а вотъ относительно векселя я свою резолюцію вамъ скажу: разворять и губить я васъ не желаю и вексель вашъ отсрочу на шесть мѣсяцевъ, но для этого дочь ваша должна придти ко мнѣ и извиниться передо мною...

— Иванъ Петровичъ...

— Я все сказалъ-съ! рѣзко перебилъ Коптилинъ. Больше никакихъ измѣненій не будетъ. Если завтра до двѣнадцати часовъ ваша дочь не пожалуетъ ко мнѣ либо въ домъ, либо въ лавку, я вексель вашъ протестую и подамъ ко взысканію... До свиданья, мнѣ некогда-съ.

Коптилинъ взялъ шапку и быстро вышелъ изъ каморочки, оста-

визъ пораженнаго, убитаго горемъ и оскорбленіями старика. Черезъ пять минутъ Коптилинъ уже ѣхалъ на извозчикѣ къ Аннѣ Матвѣевнѣ Широкополовой для переговоровъ о другомъ векселѣ, о векселѣ собственномъ.

Весело и хорошо чувствовалъ себя Иванъ Петровичъ, ѣдучи на извозчикѣ по залитымъ яркимъ солнышкомъ улицамъ столицы.

„Хорошо вотъ такъ то, думалъ онъ. Попалъ мнѣ въ руки „кладъ“, о которомъ покойный родитель говорилъ и хорошо съ тѣмъ кладомъ на свѣтѣ жить... Не будь его — заклюютъ люди то, затопчутъ, сотрутъ съ лица земли, обидятъ, а есть въ рукахъ сила — ты господинъ, ты власть имѣешь... Вотъ Петька Слободовъ тѣшилъся надо мною, измывался, а придетъ время и надъ нимъ самъ потѣшусь... Вспомню обиды его, вспомню все и скажу: что, братъ Петя, горько?... Горько и мнѣ было, милый, за то теперь сладко... Была у тебя сила — ты меня гнулъ, а теперь она у меня, сила то, теперь ты меня не достанешь, нѣтъ!... А теперь вотъ Катеньку взять... Вѣдь придетъ, честное слово придетъ, покорится!... Горды вы, Катенька, не въ мѣру, не въ ту игру со мной заиграли-сь... Любилъ я васъ, очень даже любилъ, но жениться не могъ, ибо нищими жили бы, а я себя желалъ въ люди вывести и вывелъ, такъ вы должны были понять это, Катенька!... А вы сейчасъ на дыбки, сейчасъ замужъ вышли за какого то мастераваго: „вотъ де, Ваня, тебѣ...“ Мнѣ то ничего, а вамъ солоно Катенька!... А вы бы, милая, умненько, остороженько поступили и были бы счастливы... Да, пойми Катя дѣло — я бы ее счастливой сдѣлалъ... Любилъ бы до сей поры, не покинулъ, а ужъ коли замужъ, такъ не за мастераваго за какого, а за хорошаго бы человѣка выдалъ, наградилъ бы на всю жизнь... И придетъ ко мнѣ Катенька и потѣшусь я надъ нею, вспомню, какъ она прогнала меня, какъ осрамила передъ мастеровымъ этимъ... А если не придетъ...

Коптилинъ молодцевато тряхнулъ головою.

— А не придетъ, такъ папашеньку въ долговое, а лавченку его съ молотка! вслухъ проговорилъ онъ.

Извозчикъ оглянулся.

— Мнѣ, что ли, господинъ, говорите? спросилъ онъ.

— Пошелъ, пошелъ, погоняй свою клячу то, желтоглазый! крик-

нулъ на него Коптилинъ и снова погрузился въ свои думы. „Ты не обидишь, такъ тебя обидятъ! думалъ онъ. Распусти нюни то, такъ живо тебя засѣдлаютъ и поѣдутъ на тебѣ, загонятъ тебя, такъ ужъ лучше я обижу... Эхъ, пожить бы только, а то большую я силу въ руки возьму, громадную силу!... Ловкимъ меня на свѣтъ родимая матушка родила и будетъ мнѣ во всемъ великая удача, чувствую я это!...“

Въ такихъ думахъ доѣхалъ Коптилинъ до хоромъ Анны Матвѣевны Широкополовой и ловко, смѣло воѣхалъ по широкой, устланной ковромъ лѣстницѣ.

— Дома? спросилъ онъ у наряднаго красиваго лакея, отворившаго ему дверь.

— Дома-съ.

— Есть кто нибудь?

— Порфирій Николаевичъ Обшивинъ, кофе кушаютъ...

Коптилинъ поморщился и не совсѣмъ увѣренной походкой пошелъ въ гостиную.

Порфирій Николаевичъ Обшивинъ былъ купецъ, но купецъ совсѣмъ другой складки. Оставшись двадцати двухъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ послѣ отца, крупнаго финансиста, гремѣвшаго когда то своими дѣлами и капиталами на всю Россію и за границей, Порфирій Николаевичъ поручилъ дѣло своему дядѣ, прогорѣвшему фабриканту, а самъ поѣхалъ „взять воздуха“ за границу. Онъ посѣтилъ Францію, Англію, побывалъ въ Швейцаріи, извѣздилъ Германію, переплылъ даже Атлантическій океанъ и былъ въ Америкѣ и вернулся въ Россію „иностранцемъ“. Въ Лондонѣ онъ пристрастился къ лошадямъ и сдѣлался записнымъ спортсменомъ, усвоивъ при этомъ привычки и наклонности англійскихъ аристократовъ, въ Парижѣ онъ вкусилъ прелести бульварной жизни и кафе-шантановъ, сдѣлавшись хлыщемъ и изломаннымъ „бульвардѣй“, въ Америкѣ онъ пристрастился къ предпріятіямъ и задумалъ завести у себя дома фабрики и заводы на американскій ладъ; въ германскихъ „курортахъ“ онъ посѣялъ тысячъ сто наслѣдственнаго капитала. Онъ быстро растратилъ почти все состояніе. Сперва онъ потерялъ много на „американскихъ предпріятіяхъ“, потомъ посадилъ массу денегъ въ лошадей, потомъ раззорился на блестя-

шую французенку-пѣвицу, а довершилъ раззореніе безумно широкой жизнью по образцу какого-то прельстившаго его въ Англіи герцога. Мы заглянемъ еще въ домъ Обшивина, а пока скажемъ, что теперь онъ былъ наканунѣ „краха“, доживалъ послѣдніе дни и, обладая очень красивою и эффе́ктной наружностью, искалъ очень богатой невѣсты. Послѣднее обстоятельство было Коптилину извѣстно, и въ лицѣ Обшивина онъ почувствовалъ опаснаго, страшно опаснаго соперника...

XVIII.

Въ гостиной, на мягкомъ бархатномъ диванѣ въ кокетливой, даже въ какой то заигрывающей позѣ, развалился, сидѣла Широкополова, а рядомъ съ нею, на креслѣ, помѣщался человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, трехъ, статный, красивый и очень элегантнѣйшій. Лицо у этого господина было блѣдное, нѣсколько утомленное. Незнакомецъ рѣзко отличался своею внѣшностью отъ Коптилина, и своею изящной англійской прической, и платьемъ простаго, но самаго аристократическаго покроя, и своими манерами, явно доказывающими, что человѣкъ этотъ бывалъ въ хорошемъ обществѣ. Онъ часто поправлялъ монокль и видимо любовался при этомъ своею тонкой и нѣжной рукой. Красивые усы и небольшія баки украшали его нѣсколько надменное лицо. Войдя въ гостиную, Коптилинъ какъ то невольно смутился, и его развязный, самоувѣренный видъ моментально исчезъ. Онъ сдѣлалъ очень неловкій поклонъ и пробормоталъ какую то пошлую фразу. Широкополова весело ему улыбнулась, подала свою маленькую, пухленькую ручку и привѣтливо проговорила:

— Очень рада васъ видѣть, Иванъ Петровичъ, мерси, что навѣстили меня!

Хотя это и было сказано привѣтливымъ тономъ, но Коптилинъ понималъ, инстинктивно почувствовалъ, что приходомъ его не особенно довольны. Коптилинъ однако съумѣлъ овладѣть собой, улыбнулся и помѣстился около хозяйки дома, украдкой бросивъ испытующій взглядъ на незнакомца.

— Пардонъ, господа, проговорила Широкополова, по обыкно-

венію скверно произнася французскія слова, пардонъ, —я васъ не познакомила: Иванъ Петровичъ Коптилинъ, —Порфирій Николаевичъ Обшивинъ!

Молодые люди привстали и пожали другъ другу руки.

— Очень пріятно-сь, произнесъ съ улыбочкой Коптилинъ, но Обшивинъ ему ни слова не отвѣтилъ, сейчасъ же повернулся къ Широкополовой и началъ продолжать прерванный приходомъ Коптилина разговоръ, что то объ италіанской оперѣ. Коптилинъ чувствовалъ себя неловко, —ему просто тяжело было находиться въ обществѣ этого изящнаго господина. Онъ нѣсколько разъ доставалъ платокъ, сморкался, обтиралъ лобъ, хотя въ комнатѣ совершенно не было жарко, доставалъ портсигаръ, закуривалъ папиросу, покручивалъ усы и рѣшительно не зналъ, какимъ образомъ вступить въ разговоръ и какъ прервать это тягостное для себя молчаніе. Но Широкополова, и Обшивинъ точно забыли о немъ, не обращали на него никакого вниманія, продолжая съ увлеченіемъ разговаривать другъ съ другомъ. Порой впрочемъ Анна Матвѣевна оборачивалась къ нему и какимъ то оскорбительно-участливымъ тономъ говорила:

— Иванъ Петровичъ, что же вы не курите? Пожалуйста!...

— Я курю-сь, отвѣчалъ Коптилинъ, дѣйствительно не выпускавшій изъ рукъ папироски.

— А кофѣ вы желаете?

— Благодарю васъ, кланялся Коптилинъ, но вѣдь я-сь собственно-сь...

Но Широкополова не дослушивала его, звонила и приказывала прислугѣ принести кофѣ, послѣ чего снова начинала разговаривать съ Обшивинымъ.

Лицо Коптилина съ каждой минутой все болѣе и болѣе покрывалось тусклою блѣдностью, губы злобно сжимались. Ревность начинала его мучить, и онъ не въ силахъ былъ скрыть своего нравственнаго страданія, своего оскорбленнаго и уязвленнаго самолюбія. Онъ видѣлъ, что Широкополова небрежно, чуть ли не презрительно начинаетъ относиться къ нему, тяготиться его присутствіемъ, морщиться при взглядѣ на него, видѣлъ, и страшная злоба душила его. Задушить бы онъ готовъ былъ этого „подлаго франта,“ какъ онъ мысленно называлъ Обшивина. А кромѣ всего этого еще этотъ вексель... „Ахъ, чортъ возьми!“ ругался въ душѣ Коптилинъ.

А Обшивинъ въ это время, играя моноклемъ, весело говорилъ:

— Это чудный народъ италіянцы, Анна Матвѣевна!... Представьте, когда разъ живя довольно продолжительное время въ Венеціи, я имѣлъ частую привычку кататься въ гондолѣ, то со мной случился слѣдующій казусъ...

— Ахъ, Венеція, Венеція! мечтательно проговорила Широколова и не безъ кокетства подняла къ потолку глаза.

— Великолѣпный городъ!... Ну-съ, такъ вотъ какой былъ со мной казусъ: гондольеръ мой—человѣкъ молодой и какъ всѣ итальянцы чрезвычайно красивый, рассказалъ мнѣ исторію своей любви, которая, какъ и всѣ любовныя исторіи, очень односложна: онъ полюбилъ одну пейзажку, но горе въ томъ, что отецъ этой пейзажки ни за что не хотѣлъ отдать дочь свою за бѣдняка, а къ несчастію мой гондольеръ былъ бѣденъ, какъ... какъ...

— Какъ тараканъ, съ усмѣшкой подсказалъ Коптилинъ, но на замѣчаніе его ни Обшивинъ, ни Широколова не обратили никакого вниманія, послѣдняя даже какъ будто бы, съ непріятной гримаской, передернула плечами.

— Да, гондольеръ мой былъ очень бѣденъ, продолжалъ Обшивинъ и конечно еще болѣе страдалъ...

— Бѣденъкій, грустно сказала Широколова.

— Вы чувствуете влюбленнымъ? спросилъ ее Обшивинъ.

— Да... Нѣтъ, мнѣ жаль, что онъ былъ бѣдный...

— Возьмите-съ, да и пошлите ему рубликовъ съ триста, произнесъ Коптилинъ, старавшіся всѣми силами принять участіе въ разговорѣ.

Широколова только плечами пожала.

— Ну, и что же гондольеръ? обратилась она къ Обшивину.

— А вотъ слушайте. Я спрашиваю его:—синьоръ, вы очень любите вашу возлюбленную? „Очень, синьоръ,“ отвѣчаетъ онъ.—А какъ много? спрашиваю я. „Я готовъ умереть за нее, готовъ сдѣлать какое угодно преступленіе,“ отвѣчаетъ гондольеръ. Я повѣрилъ ему, потому что въ его глазахъ выражалось, что дѣйствительно онъ въ состояніи исполнить то, о чемъ говорилъ.

— Да-съ, любовь эта самая зла-съ, снова сдѣлалъ замѣчаніе Коптилинъ, но опять ему ни словомъ не отвѣтили.

— Что же дальше? томно взглянула Анна Матвѣевна на Обшивина.

— Финалъ этой добродѣтельной исторіи, я прихожу домой, хочу достать изъ кармана бумажникъ, въ которомъ у меня было около пятидесяти тысячъ, но увѣ! бумажника нѣтъ. Я туда, сюда—нѣтъ, точно сквозь землю провалился бумажникъ мой! Признаюсь, меня не особенно печалила пропажа денегъ, потому что я только что получилъ изъ банкирской конторы большую сумму, но меня заинтересовало то обстоятельство, что какимъ чудомъ они могли улетучиться изъ моего кармана.

— А въ этой самой Венеціи карманныхъ жуликовъ, на манеръ Московскихъ, нѣтъ развѣ? спросилъ Коптилинъ.

— Что вы изволили сказать? переспросилъ Обшивинъ, хотя хорошо слышалъ вопросъ.

Коптилинъ смутился и повторилъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣтилъ Обшивинъ.

— Продолжайте, сказала ему Широкополова.

— И вотъ, снова заговорилъ Обшивинъ, вдругъ влетаетъ ко мнѣ мой влюбленный гондольеръ и подаетъ мнѣ мой бумажникъ съ пятидесятью тысячами. „Синьоръ, вы оборонили у меня въ гондолѣ.“ говорить.

— Ахъ, какой честный! воскликнула Широкополова и даже руки сложила.

— Жульническая какая нибудь штука-съ скептически произнесъ Коптилинъ.

— Удивительная честность! повторила Анна Матвѣевна, игнорирую замѣчаніе Коптилина.

Обшивинъ продолжалъ:

— Вы знаете сколько тутъ денегъ? спросилъ я. „Много, синьоръ,“ отвѣтилъ гондольеръ.

— На эти деньги вы были бы очень счастливы со своей возлюбленной, сказалъ, я. „Нѣтъ, синьоръ, на чужія деньги плохое счастье,“ отвѣчалъ итальянецъ. Я крѣпко пожалъ ему руку и конечно вознаграждать добродѣтель...

— Знаете, я способна была бы отдать ему всѣ эти пятьдесятъ тысячъ, сказала Широкополова.

— А я бы-съ больше рубля не далъ, потому это была его обязанность доставить обороненныя деньги, проговорилъ Коптилинъ.

— Но представьте, началъ снова Обшивинъ, обращаясь исключительно въ Шарокополовой, въ Англіи, въ Лондонѣ, со мной случился почти точно такой же случай, но тамъ англичанинъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ присвоилъ мой бумажникъ...

— Вотъ у Краснова на фабрикѣ директоръ англичанинъ, началъ Коптилинъ, такъ тотъ...

— Я нынѣшнимъ лѣтомъ непременно соберусь въ Италію, безцеремонно перебила Анна Матвѣевна, обращаясь къ Обшивину.

Коптилинъ окончательно растерялся. Адскія мученія терзали его душу. Теперь уже открыто сторонились его, пренебрегали, явно показывали видъ, что онъ лишній. Коптилину душно было сидѣть, горло его болѣзненно сжималось, и онъ готовъ былъ броситься бѣжать изъ этого дома. Но онъ не уходилъ, продолжая сидѣть на одномъ мѣстѣ, въ очень жалкой позѣ лишняго человѣка. Съ величайшимъ наслажденіемъ задушилъ бы онъ своими руками этого Обшивина, выбросилъ бы его изъ окна, уничтожилъ бы, но всѣ эти желанія, конечно, приходилось сдерживать и волей неволей корчить на всемъ лицѣ улыбку. Злился онъ и на Широкополову, готовъ былъ и ей сдѣлать какое угодно зло за ея коварную „измѣну“. А Анна Матвѣевна была сегодня замѣчательно эффектна и красива. Ея дорогое бархатное платье, масса крупныхъ брилліантовъ, кокетливо выставленная ножка въ атласномъ башмачкѣ, прелестное благоуханіе тонкихъ духовъ, распространявшихся вокругъ всей фигуры Анны Матвѣевны—все это могло произвести на мужчину довольно большое впечатлѣніе. И понялъ тутъ Коптилинъ, что барыня эта если и полюбитъ, то не его, грубова-таго, необтесаннаго торгаша, а вотъ этого свѣтскаго болтуна, этого изящнаго Обшивина... Кулаки сжали Коптилинъ и зубы крѣпко стиснулъ отъ этихъ думъ. „Скоро ли этотъ чортъ уйдетъ? злобно думалъ онъ, взглядывая на Обшивина. Что теперь буду я дѣлать съ этимъ векселемъ!...“

Но Обшивинъ не уходилъ, а продолжалъ занимать Анну Матвѣевну разговоромъ.

— Если вы никогда еще не бывали въ Италіи, говорилъ онъ

Широкополовой, то я прежде всего посоветую вамъ быть въ Неаполѣ...

— Мой прежній хозяинъ въ Неаполѣ былъ, вмѣшался въ разговоръ Коптилинъ.

Обшивинъ сбоку глянулъ на него, помолчалъ и продолжалъ:

— Неаполь—это такой чудный городъ, онъ производитъ такое сильное впечатлѣніе на иностранца, что вы потомъ очень долгое время находитесь въ какомъ то очарованномъ состояніи...

— Изволили долго жить за границей? спросилъ Обшивина Коптилинъ.

— Что?

— За границей вы долго...

— Жилъ? Да, я прожилъ за границей лѣтъ восемь безвыѣдно.

И снова обратившись къ Аннѣ Матвѣевнѣ, Обшивинъ продолжалъ:

— Я люблю родину, люблю Россію, но представьте, меня влечетъ какая то невѣдомая сила за границу, тамъ и чувствую себя совершенно иначе: тамъ я живу, а здѣсь прозябаю.

Анна Матвѣевна внимательно слушала гостя, и не разъ Коптилинъ замѣчалъ, что она бросаетъ на Обшивина довольно таки игриваго свойства взгляды, что еще больше бѣсило Ивана Петровича.

Онъ съ каждой минутою все болѣе и болѣе убѣждался, что увы, не онъ теперь занимаетъ первое мѣсто въ помѣстительномъ сердцѣ пламенной вдовушки. Убѣждался и сознавалъ, что этотъ „франтъ“, какъ онъ мысленно называлъ Обшивина, не ему чета, что это „баричъ“, „вертунъ“, „аристократъ“, а онъ, Коптилинъ,—„мужикъ“, хоть и въ брилліантахъ, хоть и въ парѣ платья, стоящей болѣе ста рублей.

„Ишь, какъ разсыпается, ишь! думалъ онъ, злобно глядя на Обшивина. То по-французски слово пустить, то русское такое загнетъ, что и не поймешь его... И красивъ... Тощъ, спичка спичкой, а фасонистъ... Сравнить со мною, такъ вродѣ, какъ бы лошадь англійская супротивъ нашего битюга неуклюжаго... Анна-то, Анна-то моя, свѣтъ Матвѣевна, такъ и таетъ, такъ и таетъ!.. Пропало тутъ мое дѣло, вовсе пропало, не видать мнѣ Широкополовой, какъ ушей своихъ!.. И глупъ я сегодня какъ-то особенно, никакихъ умныхъ словъ въ голову нейдетъ...“

Мученья Коптилина достигли крайнихъ предѣловъ, когда Обшивинъ, заговоривъ что то о музыкѣ и пѣніи, предложилъ спѣть одну итальянскую пѣсенку, сѣлъ за рояль, тряхнулъ головою, взялъ звучный аккордъ и запѣлъ, фальшивя и невѣрно, но очень пріятнымъ баритономъ свою пѣсню, выразительно поглядывая на Широкополову и подчеркивая слова пѣсенки такъ, что Анна Матвѣевна, не понимающая, конечно, итальянскихъ словъ, отлично понимала смыслъ пѣсни, передаваемый мимикою, блестящею игрою глазъ. Вдовушка томно склонила головку, глубоко вздыхала и бросала на пѣвца сладкіе взгляды. Коптилинъ былъ забытъ, его не замѣчали, а когда замѣчали, то видимо злились на его присутствіе, а Анну Матвѣевну онъ шокировалъ, и она уже болѣе не скрывала этого, раза три сдѣлала Коптилину замѣчаніе, что въ гостиныхъ не курятъ, а если ужъ на это дано позволеніе хозяйки, такъ этимъ позволеніемъ не злоупотребляютъ, что не слѣдуетъ перебивать разговора не относящимися къ дѣлу замѣчаніями, что о томъ то и о томъ то при дамахъ не говорятъ и тому подобное...

Коптилинъ испыталъ такое ощущеніе, какое испытываетъ чловѣкъ, который тонетъ... Все потеряно, силы оставили, надежды нѣтъ на спасеніе, надо погибнуть, нѣтъ даже и соломенки, за которую можно было бы ухватиться... Онъ зналъ измѣнчивый нравъ Широкополовой, зналъ, что она очень не крѣпка въ своихъ привязанностяхъ, и считалъ свое дѣло погибшимъ... Онъ уже не жалѣлъ теперь о потери Широкополовой съ ея милліонами—но заболтался только о векселѣ... Завтра срокъ, завтра вексель протестуютъ, а какъ онъ будетъ говорить о немъ?... Помимо того, что Анна Матвѣевна не любитъ говорить о дѣлахъ въ гостиной, помимо того, что она вообще щекотлива въ денежныхъ дѣлахъ со своими поклонниками, подозрѣвая сейчасъ „обирание“, подозрѣвая, что за ней ухаживаютъ изъ-за денегъ, помимо всего этого крайне неудобно было говорить при Обшивинѣ объ этомъ векселѣ, а его не пересядишь, видимо онъ и обѣдать тутъ будетъ, и вечеръ проведетъ... Но на что нибудь рѣшиться было необходимо, и Коптилинъ рѣшился.

— Анна Матвѣевна, заговорилъ онъ, улучивъ удобную минутку, мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ по секрету-съ...

— По секрету? спросила Широкополова, протянувъ какъ то это слово.

— Да-съ...

Милости просимъ, завтра я буду одна и готова выслушать васъ...

— Сегодня нужно-съ...

— Но у меня гость. Иванъ Петровичъ...

— Ахъ, пожалуйста, не стѣсняйтесь! поспѣшно заявилъ Обшивинъ. У васъ вѣроятно дѣла, а дѣломъ никогда и ни при комъ не слѣдуетъ манкировать...

— У меня для дѣлъ есть контора, сюда мои знакомые приходятъ не по дѣламъ, замѣтила вдовушка.

Она подумала, что Коптилинъ хочетъ говорить съ нею о дѣлахъ интимнаго свойства; она замѣтила муки ревности своего недавняго обожателя и не хотѣла объясняться съ нимъ, рѣшивъ постепенно довести его до сознанія, что она уже не та по отношенію къ нему, что бывшее уже миновало...

— Я, вѣдь, одну минуту займу васъ, Анна Матвѣевна... Господинъ Обшивинъ извинитъ-съ, настаивалъ Коптилинъ.

— Хорошо, пожала плечами Широкополова. Ужъ если вы такъ настаиваете — я къ вашимъ услугамъ... Pardon, Порфирій Николаевичъ...

Она встала и пригласила Коптилина слѣдовать за собою въ свой кабинетикъ...

XIX.

„Кабинетикъ“ у Анны Матвѣевны Широкополовой былъ обставленъ съ претензіями на шикъ и оригинальность: все тутъ стоило большихъ денегъ, все блестѣло, сверкало, било въ глаза, но чловѣку со вкусомъ кабинетикъ не понравился бы, за то у любителя серебра, золота и всего драгоценнаго разбѣжались бы глаза. Коптилинъ зналъ этотъ кабинетикъ, сладостно мечталъ о такомъ же у себя, приходилъ, бывало, въ восторгъ отъ всего, въ немъ находящагося, но сегодня онъ и не взглянулъ ни на что, — не до того ему было.

— Ну-съ, какое вы имѣете до меня дѣло? спросила вдова, садясь въ кресло и приглашая Коптилина глазами сѣсть напротивъ. Только пожалуйста, Иванъ Петровичъ, не задерживайте меня!

продолжала она. Обшивинъ не такой человѣкъ, чтобы его заставлять ждать,—у него у самого графы да князя ждутъ его выхода...

— Что ужъ толковать, важная птица! какъ то кисло улыбулся Коптилинъ. Оно хоть графы и князя не ждутъ у него, а бывало время, когда онъ и съ графами звался... Жаль, прошло это время то...

— Надѣюсь, что вы не для того вызвали меня, чтобы бранить Порфирія Николаевича? перебила Широкополова.

— Нѣтъ-съ, не за этимъ, Анна Матвѣевна, хотя я и имѣлъ бы отчасти право упрекнуть васъ...

— Чѣмъ? гордо спросила Широкополова.

— Было время, когда вы не промѣняли бы меня ни на кого.

— Гмъ!.. Положимъ, такого времени не было, хотя я сознаюсь—вы нравились мнѣ... Послушайте, Иванъ Петровичъ, вы человѣкъ умный, съ большимъ понятіемъ человѣкъ и должны сознаться, что Обшивинъ вамъ не чета и не вамъ равняться съ нимъ ни по уму, ни по образованію, ни по красотѣ, ни по богатству... Наконецъ, Обшивинъ свободенъ такъ же, какъ я, а вы человѣкъ женатый... Поняли?.. Я давно мечтала составить себѣ приличную партію и признаюсь вамъ, что не сегодня, такъ завтра, я буду объявлена невѣстой Порфирія Николаевича... Теперь ясно, что вы должны забыть все то, что было между нами... Мы останемся добрыми знакомыми, будемъ дѣло дѣлать, но на любовь мою вы болѣе не рассчитывайте ..

Коптилинъ выслушалъ вдовушку молча, возражать было нечего.

— Что же, мнѣ теперь остается только скорбѣть, слезы лить... Насильно милъ не будешь, тоскливо проговорилъ онъ.

— Да-съ, согласилась вдовушка. И такъ, мы все переговорили?

— Нѣтъ, еще не все ..

— Не все?

— Да-съ... Я собственно вотъ насчетъ чего: завтра срокъ моему векселю, а у меня тутъ дѣла маленько подкузмились, такъ я бы попросилъ...

Коптилинъ остановился. Онъ хотѣлъ сказать: „просилъ бы отсрочить,“ но вдругъ гениальная мысль осѣнила его голову... „А если попросить совсѣмъ уничтожить векселекъ то?“ мелькнула у

него мысль, быстрая какъ молнія. „Вѣдь не возражаю, уступаю безъ бою, такъ можно и уважить за это... Другой бы могъ и скандалъ слѣлать, огласку пустить...“

— Такъ въ чемъ же дѣло? спросила Широкополова, видя, что собесѣдникъ медлитъ.

— Такъ за все, про все, за дружбу, за любовь, за старое, можно бы векселекъ то этотъ и того, изорвать...

Широкополова гордо выпрямилась и встала.

— Что такое? протяжно спросила она. Что такое?.. Вы гадки мнѣ, противны послѣ этихъ словъ!.. Такъ вы полагали, что я покупаю дружбу, любовь на деньги?.. Такъ вы смѣли.. Фи, какой вы... негодный человѣкъ!.. Ступайте вонъ!.. Двери моего дома навсегда закрыты для васъ...

— Полегче, Анна Матвѣевна, полегче! вдругъ со злобою заговорилъ Коптилинъ. Какъ бы я не наказалъ васъ!.. Вотъ пойду, да дохлому франту этому, жениху этому прогорѣлому, и скажу: на комъ, молъ, женишься, аристократъ?.. Моя, молъ, любовница Анна то, свѣтъ Матвѣевна...

— Вонъ! рѣзко крикнула Широкополова. Это пантакжемъ называется, за это судятъ, дрянъ вы этакая!.. Вонъ сію минуту!.. Я свободна, я сама себѣ госпожа и не боюсь ничего!.. Это тебѣ можно бояться, купленный за деньги мужъ, выкормленный тестемъ зять!.. Вотъ если я пойду твоему тестю скажу про тебя, такъ тебя онъ выгонитъ на улицу, а я... я, милый мой ничего не боюсь и отчета никому ни въ чемъ не дамъ!.. Убирайтесь сію же минуту, а то вѣдь я и лакеевъ позову...

Широкополова пошла къ двери, окинувъ вчерашняго еще обожателя презрительнымъ, уничтожающимъ взглядомъ.

— Анна Матвѣевна! остановилъ ее Коптилинъ.

— Ну!

— Я не то... Я прошу отсрочить платежъ, я...

— У меня контора ведетъ переговоры съ кредиторами, а выискиваетъ съ неисправныхъ присяжный повѣренный Юсъ, ступайте къ нимъ...

Анна Матвѣевна вернула шлейфомъ своего роскошнаго домашняго платья и вышла изъ кабинета. Коптилинъ поглядѣлъ ей вслѣдъ,

постоялъ и тихо побрелъ черезъ гостиную залу. Обшивинъ сидѣлъ за піанино, перебирая ноты, и съ удивленіемъ поглядѣлъ на Коптилина, но тотъ и не замѣтилъ его, прошелъ мимо не глядя на лакея, надѣлъ шубу и вышелъ изъ подъ гостепріимнаго крова, чтобы никогда уже болѣе не возвращаться подъ этотъ кровъ. Въ контору онъ не зашелъ — это было бы напрасно. Часъ, два, тому назадъ ѣхалъ Иванъ Петровичъ по этой же самой дорогѣ, по которой везъ его обратно извозчикъ, ѣхалъ счастливый, довольный, полный радужныхъ надеждъ, все улыбалось ему, все сіяло, какъ это яркое мартовское солнце, а теперь... теперь Иванъ Петровичъ былъ мраченъ, золъ, и все представлялось ему въ черномъ свѣтѣ... Конечно, дѣло было не совсѣмъ плохо: денегъ было возможно достать и у тестя, и подъ вексель и, наконецъ, подъ залогъ имѣнія, но все это являлось неожиданнымъ, непредусмотрѣннымъ... А вдовушка?... Сколько радостныхъ надеждъ возлагалось на нее, въ какихъ яркихъ краскахъ рисовалось будущее, теперь же приходилось довольствоваться настоящимъ.. И оно было недурно, это настоящее, и о немъ какія нибудь два года не смѣлъ бы мечтать Коптилинъ, но увы, оно было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ планомъ, который нарисовалъ себѣ Иванъ Петровичъ... Ему еще сегодня утромъ мечтались милліоны, широкая дѣятельность, громкая извѣстность, почетъ, роскошная жизнь, а грядущее сулило лишь безбѣдное существованіе съ Клавденькою...

„Рожа косоглазая! со злобой подумалъ Коптилинъ, вспомнивъ про Клавденьку. Эка невидаль!... Лавченку имѣть, биться всю жизнь, какъ рыба объ ледъ, и за это я взялъ въ жены противнаго уroda!... Стоило огородъ городить!... Э, подождемъ еще!... Еще не все потеряно... Потерялъ одну птицу—найду другую, а ей, Аннѣ, насолю еще!... Теперь у меня прибавился человѣкъ, которому насолить надо... Ночей спать не буду, а за обиду придумаю мѣсть... Петькѣ Слободову ужъ началъ солить, Катеринѣ за обиду готовъ гостинецъ, ну, и вы, Анна Матвѣевна, не уйдете!... Ужъ не отступлюсь, ужъ придумаю что нибудь!...“

Въ такихъ размышленіяхъ Коптилинъ пріѣхалъ домой и собралъ всѣ усилія, чтобы казаться веселымъ, бойкимъ, ласковымъ и привѣтливымъ: нужно было „обдѣлать“ тестя и мрачный видъ для этой роли не шелъ.

— Клавдіи Игнатъевнѣ наше особое! игриво поздоровался онъ съ женою. Не ждали супруга то, а онъ какъ снѣгъ на голову!... Обѣдать пріѣхалъ, сударыня, обѣдать, хочу обезпечить васъ своимъ присутствіемъ...

— Милый! радостно кинулась ему на встрѣчу Клавденька. Какъ я рада то!...

— Ой-ли?

— Страхъ!... Все одна, все одна, а сегодня съ ненагляднымъ моимъ обѣдать буду!... Цѣлуй меня, Ваня, цѣлуй, голубчикъ!...

— Извольте-съ!... Папаша дома?

— Конечно... Куда же ему, больному то, идти?

— Ну, вотъ и онъ съ нами пообѣдаетъ, все веселей старичку...

— Лучше бы вдвоемъ, Ваничка...

— Нѣтъ, Клавдя, неловко... Мы еще насидимся вдвоемъ то — я сегодня весь день дома...

— Весь день?... Ахъ, какъ я рада, ахъ, какъ я рада!...

Клавденька заскакала по комнатѣ безъ особенной граціи.

— Ну, будетъ тебѣ прыгать то, вели столъ накрывать! оставилъ ее мужъ.

— Сейчасъ, милый, сейчасъ... Эй, Василиса, столъ накрываай?...

— Сейчасъ, барыня...

Въ комнату вошла горничная и нѣсколько таинственнымъ, нѣсколько недоумѣвающимъ тономъ доложила:

— Тамъ, Иванъ Петровичъ, къ вамъ госпожа Ладоньева пришла...

— Кто? переспросилъ Коптилинъ.

— Ладоньева-съ...

— Какая такая Ладоньева?..

— Катерина Петровна-съ... Сургучова, ей дѣвичья то фамлія...

Горничная взглянула на Клавденьку. Прислуга вся знала объ отношеніяхъ Коптилина къ Катѣ, и появленіе ее теперь всѣхъ сильно заинтересовало. Удивилась и Клавденька.

— Да что ты?! воскликнула она. Быть этого не можетъ!..

— Право, пришла-съ, внизу ждетъ... Мяѣ, говоритъ, нужно Ивана Петровича, доложите, говоритъ...

— Что же это значить такое, Ваня? спросила Клавденька, а сама даже въ лицѣ измѣнилась, задрожала даже... Ни къ кому

Клавденька не ревновала такъ своего мужа, какъ къ „Катькѣ“, какъ она звала Катю; никого она такъ ненавидѣла, никого такъ не боялась: это вѣдь была первая любовь ея Вани, эта вѣдь самая Катя чуть, чуть не похитила ея счастье.

— Что же это значить, Ваня? задыхаясь спросила Клавденька еще разъ.

— А вотъ увидишь, улыбнулся Коптилинъ. Василиса, зови ее сюда...

— Сюда?! въ одинъ голосъ спросили и барыня, и горничная.

— Ну, да, сюда... Чего вы рты то раскрыли?.. Зови ее, Василиса!.. Я тебѣ, Клавдя, такой сейчасъ театръ устрою, что ты и не видывала такихъ!..

Но прежде чѣмъ войдетъ наша знакомая Катя Сургучова, а теперь—Ладоньева, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, что произошло въ ея скромной, уютной квартиркѣ за часъ, за два передъ тѣмъ. Старикъ Сургучовъ еле, еле доплелся до дому, взялся было за калитку, постоялъ, подумалъ, махнулъ рукою и побрелъ на квартиру дочери. Тутъ же, на Полянкѣ, она жила съ мужемъ, маленькій флигелекъ они занимали въ садикѣ и жили точно на дачѣ. Надо сказать, что отказъ Коптилина отсрочить вексель окончательно раззорялъ старика Сургучова. Крохотное дѣльце держалось лишь неусыпною энергіей старика, кредитомъ, давало дивидентъ, особенно при замѣчательной добросовѣстности Сургучова, маленькій, а тутъ подоспѣли разомъ два обстоятельства, сильно истощившія скудные средства его: дочь пришлось выдать, снарядить ее какъ слѣдуетъ, и вскорѣ послѣ захворать, а слѣдовательно почти ничего не дѣлать, довѣрить все нанятому человѣку, не слѣдить за дѣломъ, требующимъ усиленнаго личнаго труда. Взять сразу двѣ тысячи было негдѣ, денежнаго кредита старикъ не имѣлъ, боялся его, а протестъ векселя сейчасъ бы произвелъ сенсацию, сейчасъ бы всѣ имѣющіе со старикомъ дѣло прекратили кредитъ, подали счета, документы и крохотное дѣльце, составленное неусыпными трудами и дающее старикамъ кусокъ хлѣба, разлетѣлось бы, какъ мыльный пузырь... Надо было добиться отсрочки. Надо было просить дочь, и старикъ, послѣ долгихъ колебаній, послѣ тяжелаго раздумья, рѣшился идти къ ней. Мужа Катинаго не было дома, когда

пришелъ старикъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Катя долго не сдавалась, въ первый моментъ рѣзко даже отказала отцу, но уже черезъ полчаса она колебалась, любовь и жалость къ отцу взяли верхъ надъ гордостью оскорбленной души.

— Спаси ты, Катенька, отца, не дай ему погибнуть! буквально такъ обливаясь слезами, говорилъ старикъ. Вѣдь только торговлишкой мы и живемъ, ею только и дышемъ, ею и домикъ оправляемъ, проценты въ Кредитное общество вносимъ, вѣдь всего лишимся, придется нищими умирать, съ голоду гибнуть на старости то лѣтъ...

— Съ голоду вы не умрете, мы прокормимъ васъ съ мужемъ, возражала Катя. Вы знаете, папенька, какъ любить меня мужъ, и конечно онъ не откажется кормить васъ, да и въ тягость ему это не будетъ...

— Будетъ, Катенька, будетъ... Онъ не на капиталы живетъ, трудами рукъ хлѣбъ то добываетъ, такъ будетъ въ тягость... Да и я не захочу, кой какія силы имѣя, его трудовой хлѣбъ ѣсть, буду хоть дрова колоть, въ услуженіе пойду, а тяжело это, Катенька, на старости то лѣтъ, ой, тяжело!.. А позоръ?.. Вѣдь, мало того, что отнять все, раззорять, вѣдь, въ „яму“ посадятъ, въ долговое отдѣленіе... Такъ ли я мнилъ дни свои окончить?.. Все былъ купцомъ, все честнымъ человѣкомъ слылъ и вдругъ.. Не вынести мнѣ, доченька, позора этого, не вынести!.. А ты покорись, Катенька,—смирение то вѣдь Богу угодно... Ты обидѣла его, Коптилина то, ну, и онъ распалился. Мы вотъ бѣдняки, а и то гордость имѣемъ, не хотимъ покоряться то, а онъ богатъ, ему это еще тяжелѣе... Катя, въ ноги тебѣ кланяюсь и молю тебя, Катя...

Старикъ хотѣлъ было встать на колѣни, но молодая женщина не допустила. Она склонила голову къ нему на грудь и зарыдала.

— Хорошо, пойду! проговорила она. Разъ ужъ онъ растерзалъ мое сердце, такъ пусть и еще растерзаетъ!.. Пойду, папенька, пойду, только мужу не сказывайте: онъ ему за такую... подлость горло перерветъ!...

И Катя пошла.

Заложивъ руки въ карманы, протянувъ ноги и закинувъ голову, сидѣлъ Коптилинъ въ столовой, ожидая съ видимымъ волненіемъ Катю. Клавденька заняла мѣсто около окна, и постаралась принять эффектную, красивую позу. Она была тоже взволнована и ожидала общеннаго спектакля съ нетерпѣніемъ. Катя минуты черезъ три вошла и остановилась около дверей, слегка поклонившись. Молодая женщина была страшно блѣдна, губы у нея такъ и тряслись, она хотѣла что то сказать, но не могла отъ сильнаго волненія и сѣла на ближайшій стулъ, не дождавшись приглашенія. Одѣта Катя была просто, но очень мило и не смотря на волненіе, была очень хороша. Она похорошѣла послѣднее время, пополнила немного, изъ невольнѣ сформировавшейся дѣвушки обратилась въ пышно разцвѣтшую женщину. Супруги Коптилины такъ и впились въ нее глазами. Катя помолчала минуты двѣ, видимо собираясь съ силами и не находя ихъ.

— Что скажете, госпожа Ладоньева? заговорилъ наконецъ Коптилинъ сухимъ оффиціальнымъ тономъ. Въ душѣ его бушевала еще злоба, надо было надъ кѣмъ нибудь сорвать ее. Онъ пожиралъ Катю глазами, красота молодой женщины раздражала его и въ то же время онъ ненавидѣлъ ее, готовъ былъ растерзать ее своими руками: вѣдь, она тоже отвергла его, прогнала отъ себя, ненавидѣла, конечно...

Катя собралась съ силами, подняла глаза на Коптилина и заговорила. Голосъ ея былъ тихъ, но покоенъ.

— Я пришла къ вамъ, Иванъ Петровичъ, заговорила она, — просить за отца... Пришелъ срокъ платить по векселю, а у отца теперь нѣтъ денегъ, онъ временно нуждается и потому... прошу васъ повременить мѣсяца два... Отецъ мой постоянный вашъ покупатель и, смѣю думать, можетъ рассчитывать на ваше снисхожденіе...

XX.

Коптилинъ, насмѣшливо улыбаясь, выслушалъ Катю.

— Такъ-съ, произнесъ онъ. Ну, если у родителя денегъ нѣтъ, такъ у супруга бы взяли, да и отдали бы... Лучше, по моему, у

мужа попросить, чѣмъ вотъ такъ то... по чужимъ людямъ ходить да унижаться...

— У моего мужа нѣтъ денегъ, онъ трудящійся человѣкъ, живетъ трудами своихъ рукъ и честный человѣкъ, а у такихъ денегъ не бываетъ...

— Такъ-съ... Долженъ сказать вамъ, госпожа Ладоскина... или Ладоньева-съ?.. Забылъ я вашу фамилію то...

— Ладоньева, чуть слышно проговорила Катя.

— Долженъ сказать вамъ, госпожа Ладоньева, что я не собственникъ въ лавкѣ, а вотъ супруга моя—хозяйка, такъ ее ужъ попросите...

Клавденька вздернула голову и надулась, ожидая просьбы. Катя молчала, ее слезы душили; она поняла, что пришла сюда для жестокой пытки, для потѣхи. Она боялась одного, чтобы не разрыдаться, чтобы не показать своей слабости.

— Супругу мою просите, говорю я, повторилъ Коптилинъ. Можетъ быть, она и сжалится и помилуетъ васъ...

— Мой отецъ имѣетъ дѣло съ вами, и я васъ пришла просить, а супругу вашу я не знаю, сказала Катя и встала. Жалѣю, что пришла къ вамъ, ненавижу себя за то, что унизилась передъ вами...

— Хе, хе, хе! перебилъ Коптилинъ смѣхомъ слова Кати. Вотъ, Клавденька, начинается театръ то, вотъ она, госпожа актриса то, хлопай ей... Хе, хе, хе... Браво, браво, бисъ!..

Глаза у Кати засверкали, лицо вспыхнуло румянцемъ.

— Негодяй! крикнула она, задыхаясь, и схватилась за спинку стула.

Клавденька вскочила, какъ ужаленная, и вспыхнула до ушей...

— Ахъ, ты дрянъ этакая! визгливо закричала она. Да какъ ты смѣешь такъ выражаться?.. Какъ ты смѣешь?.. Да я тебя прикажу въ шею вытолкать за такія слова твои, косу тебѣ своими руками оттреплю!.. Пришла, негодница, въ чужой домъ милостыни просить, ради Христа милостыни выпрашиваетъ и ругается!.. Въ долговое отдѣленіе ея отца, въ долговое!.. И мужа ея засадить, и ее!.. Слышать ничего не хочу, знать ничего не желаю!..

Къ старинной злобѣ на Катю, возбуждаемой ревностью, присоединилась у Клавденьки злоба за оскорбленіе мужа, за уязвленное

самолюбіе, и она, что называется, закусила удила и понесла. Не-красивое лицо ея исказилось злобою и стало безобразно, глаза хотѣли выскочить изъ орбитъ, на губахъ показалась пѣна. Она была еще ужаснѣе при сравненіи съ Катей, и Коптилинъ съ отвращеніемъ поглядѣлъ на нее, но злоба къ Катѣ не утихла въ немъ, напротивъ — при видѣ страданія молодой женщины злоба эта увеличилась, какъ всегда бываетъ съ людьми, подобными Коптилину.

— Погодите, Клавденька, остановилъ онъ жену движеніемъ руки. Погодите, не волнуйте себя изъ за всякой вздорной и дерзкой бабенки... Погодите же, Клавденька!..

Коптилинъ повысилъ голосъ, и супруга его утихла.

— Какъ вы сказали-съ? обратился онъ къ Катѣ, которая стояла, держась за стулъ и едва переводя духъ отъ волненія. Какъ вы сказали? Вы меня негодяемъ назвали? Хорошо-съ, отлично-съ. На ваше счастье здѣсь нѣтъ постороннихъ свидѣтелей, а то бы за эти слова я васъ къ мировому-съ, а потомъ въ Титы. Ну, да это ничего-съ, мы и безъ этого обойдемся, „брань на вороту не виснетъ,“ —ничего... А такъ какъ вы сюда дерзости говорить при-шли-съ и замѣсто деликатнаго обхожденія ругались, такъ вотъ вамъ мой сказъ: сегодня же вексель вашего отца я протестую, завтра ко взысканію, а послѣ завтра лавочку съ молотка, а папашеньку въ яму-съ... Хорошо-съ? Вотъ теперь идите къ своему Ладошкину или Ладушкину, и пусть онъ папашеньку вашего выкупить... Пожалуйте вонъ-съ, мы васъ не задерживаемъ-съ. Прошу покорнѣйше-съ.

Катя, шатаясь какъ пьяная, пошла.

— Не сюда, не сюда, поправѣ! крикнулъ Коптилинъ, видя, что Катя пошла не въ ту дверь. Погодите, я васъ провожу.

Онъ отворилъ дверь, пропустилъ Катю и вышелъ за нею.

Клавденька вѣроятно подумала, что мужъ хочетъ жестоко изругать Катю, или даже побить, пользуясь отсутствіемъ свидѣтелей и темнотою корридора, и злорадно улынулась. Но вышло нѣчто другое.

— Катя! шепнулъ Коптилинъ, идя съ молодой женщиною по корридору.

Та оглянулась на него, все еще дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Катя, назначь мнѣ свиданіе одинъ на одинъ, вспомнимъ бы-
лое, Катя, и все кончено... Я сигарку закурю векселемъ твоего
отца...

Катя остановилась, глаза ея сверкнули, и она, сильно взмах-
нувъ рукою, дала звонкую оглушительную пощечину своему быв-
шему жениху. Коптилинъ отшатнулся, схватился за щеку, бро-
сился было къ Катѣ, но она уже отворила дверь и спѣшно вышла
въ прихожую, гдѣ сидѣла прислуга. Коптилинъ медленно вернулся
въ комнату къ женѣ.

— Ну, что? поспѣшно спросила его Клавденька.

— Что?

— Ты, кажется, ударилъ ее?.. Я слышала что то вроде пленка...
Ударилъ?..

— Да... Я тово... я ударилъ ее... Пусть не зазнается...

— Такъ ее и надо, негодницу!.. Не заступись ты—я бы ей по-
казала!.. Я бы ей взбила кудри то, нарумянила бы ее!.. Не вол-
нуйся, Ваничка, не стоитъ, милый, давай, цыпочка моя, обѣдать...

Иванъ Петровичъ хвалилъ кушанья и хозяйство своей супруги,
но кушалъ мало: кусокъ въ ротъ не шель ему и злобу разду-
вали бѣсы въ его душѣ... Къ концу обѣда онъ совладалъ съ со-
бою, былъ разговорчивъ, любезенъ, ласковъ и въ его бумажникѣ очу-
тился чекъ въ банкирскую контору, гдѣ лежали капиталы Клав-
деньки. Чекъ былъ написанъ на сумму, могущую покрыть всѣ
нужды Ивана Петровича съ излишкомъ, а съ Клавденьки было
взято клятвенное обѣщаніе, что она объ этомъ обстоятельствѣ отцу
не скажетъ. На утро Анна Матвѣевна Широкополова получила по
векселю деньги сполна.

Приближалась свадьба Лизы Махровиной. Недѣли за двѣ до
вѣнчанія дѣвушка заѣхала навѣстить Клавденьку и просидѣла у
нея весь день. Лиза была въ новомъ платьѣ, столь же изящномъ,
сколь и дорогомъ, въ брилліантахъ, съ дорогими браслетами на
рукахъ.

— Мамаша подарила столько обновъ? спрашивала Клавденька.

— Нѣтъ, это всѣ подарки жениха; мамаша объявила, что ни-
чего дѣлать мнѣ не будетъ по случаю упадка дѣлъ: „въ чемъ, го-
ворить, видите, въ томъ и берите...“ Ну, Слободовы все и сдѣ-

лали... Ахъ, Клавденька, не знаю ужъ что и будетъ! печально заключила дѣвушка.

— А что?

— Да очень любитъ, кажется, меня женихъ, но только...

— Что?

— Лиза глубоко вздохнула.

— Я то его не люблю... То есть не то, чтобы не люблю, а такъ какъ то, не замѣчаю точно, съ глазъ долой и изъ сердца вонъ, а вѣдь, такъ то пожалуй и нельзя, пожалуй, и счастья у насъ никакого не будетъ...

Дѣвушка осталась у Клавденьки обѣдать и къ обѣду пріѣхалъ Коптилинъ. Лиза не видалась съ нимъ послѣ достопамятнаго дня катанья и теперь вспыхнула вся при его приходѣ, опустила глаза, руки у нея нервно задрожали. Клавденьки не было въ это время въ комнатѣ, а то это обстоятельство вызвало бы цѣлую бурю ревности.

— Лизавета Николаевна, здравствуйте! весело поздоровался Коптилинъ. Тысячу лѣтъ не имѣлъ удовольствія видѣть васъ. А вы все хорошѣете, Лизавета Николаевна, все очаровательнѣе дѣлаетесь. Эхъ, счастливецъ Петя Слободовъ, позавидуетъ ему!

Коптилинъ глубоко вздохнулъ и сѣлъ рядомъ съ дѣвушкой.

— А помните ночку ту? тихо спросилъ онъ. Гдѣ, чай, помнить, забыли давно. Это у меня она на вѣки вѣчные въ памяти останется, ночка эта.

— Перестаньте говорить объ этомъ, перебила его Лиза, не глядя на него.

— Почему же не говорить то?

— Не слѣдуетъ...

— А коли сами слова на языкъ идутъ?... Вы любили когданибудь? Не любивали, должно быть, потому такъ и говорите, а я... Эхъ, что ужъ тутъ! День ли, ночь ли, а въ памяти все вы... Гоню видѣніе сладостное, а оно не отходитъ... Виновать ли я, что закрамась мнѣ въ сердце любовь и сосетъ его, какъ змѣя? Не виновать! Любовь то все равно какъ болѣзнь—западетъ въ человѣка безъ его вѣдома и лишитъ его покоя...

— Да, все равно, что болѣзнь, повторила Лиза и вдругъ затре-

петала вся, какъ раненая птица; глаза ея засверкали любовью, страстью, восторгомъ, нѣгой, грудь заволновалась первой еще любовью, и она въ какой то истомѣ схватила Коптилина за руки.

— Милый!... Милый мой, хорошій, и я... и я тебя люблю! прошептала она и въ ту же минуту слабо вскрикнула, вырвала руки и отскочила отъ Коптилина, какъ ужаленная. Онъ ринулся за нею.

— Не надо, не надо, не подходите! шептала Лиза. Я чужая, вы чужой— намъ не слѣдуетъ говорить объ этомъ... Забудьте, все забудьте... Сегодня послѣдній разъ вижу я васъ, не смущайте больше меня, не слѣдите за мною...

— Лиза!...

— Нѣтъ, нѣтъ, отойдите отъ меня и ни слова больше!... Забудьте все...

— Лиза, ловите счастье, коли оно пришло!... Все отдайте за это счастье!... Лиза, вѣдь вы загубите себя, если выйдете за Петьку, за негодяя этого, за дурака!... Перетерпите лучше отъ матери день, чѣмъ мучиться всю жизнь!...

Въ сосѣдней комнатѣ слышался шумъ шелкового платья Клавденьки.

— Лиза, послѣ обѣда я передамъ вамъ записочку—исполните то, о чемъ я буду просить васъ въ ней, шепнулъ Коптилинъ и отошелъ.

Клавденька замѣтила волненіе Лизы и съ удивленіемъ поглядела на нее.

— Какъ это тебѣ не стыдно, Клавденька, мышей разводить въ домѣ! поспѣшно заговорилъ Коптилинъ.

— Мышей?...

— Ну, да... Сидимъ мы тутъ, а вотъ изъ за шкафа мышь и прямо подъ ноги Лизаветѣ Николаевнѣ!... Перепугала, проклятая, на смерть бѣдную барышню!... Кошку бы завела, а то, вѣдь, это безобразіе ..

— Не видала я мышей, не замѣчала, сказала Клавденька, смѣясь надъ испугомъ Лизы. Кошку то боюсь завести—канарейки у насъ, какъ бы не събла... Ахъ, ты трусиха, трусиха, мыши испугалась, дрожить вся!...

— Я... очень... очень мышей боюсь, чуть слышно проговорила Лиза.

За обѣдомъ дѣвушка все время молчала, за то безъ умолку говорилъ Коптилинъ. Онъ рассказывалъ городскія новости, анекдоты, смѣялся, острилъ надъ женою, шутилъ съ прислугою, и обѣдъ прошелъ очень весело, какъ казалось Клавденькѣ. Она пошла послѣ обѣда готовить кофе.

— Въ награду за твое веселье сама приготовлю! объявила она мужу, кокетливо заигрывая съ нимъ.

Коптилинъ сейчасъ же подошелъ къ Лизѣ.

— Лиза, сказалъ онъ, я вамъ на словахъ скажу то, что хотѣлъ написать... Завтра утромъ будьте на Страстномъ бульварѣ—мнѣ надо много поговорить съ вами... Будете?

— Зачѣмъ?... Что вы можете сказать мнѣ? Чѣмъ вы можете измѣнить мою участь?... И мою, и свою?

— Приходите завтра и я поговорю съ вами... Будете?

— Буду...

— Благодарю васъ, Лиза!... Быть можетъ мы найдемъ еще свое счастье!...

Коптилинъ пожалъ руку Лизы и послѣ кофе уѣхалъ по дѣламъ, а Лиза отправилась домой въ сопровожденіи Клавденьки. У Махровиныхъ въ этотъ день былъ вечеръ, устраиваемый женихомъ для подругъ невѣсты.

И снова Лиза не спала послѣ свиданія съ Коптилинымъ цѣлую ночь. Ей было и сладко, и больно, и страшно чего то. Она любила Коптилина. Не извѣдавшее еще любви, сердце забилось впервые, и дѣвушка вся отдалась нахлынувшему на нее чувству. И любила бѣдная, и страдала, и думала. Вотъ что писала она въ своемъ дневникѣ эти дни: „Я люблю Коптилина... Я созналась себѣ въ этомъ, хотя долго, долго не хотѣла сознаваться даже самой себѣ. Но что принесетъ мнѣ эта любовь, кромѣ горя? Я невѣста Слободова, онъ женатъ. О, еслибъ онъ былъ холостой, я бы перенесла все и пошла бы къ нему! Перенесла бы всѣ ужасы гнѣва матери, все бы, все, но вѣдь это не возможно!.. Я иду за Слободова, скоро наша свадьба. Отказаться отъ свадьбы?.. Даже подумать страшно! Я не знаю, что сдѣлаетъ со мною мамаша, если я зайкнусь объ этомъ, но это будетъ ужасно!.. Грѣшная я, грѣшная—родная мать моя вселяетъ въ меня только ужасъ, и я не чувствую къ ней ни-

чего, кромѣ этого ужаса!.. Виновата ли я?.. Нѣтъ, не откажусь, пойду за Слободова. Быть можетъ, я и не буду счастлива, но все же это лучше, чѣмъ переносить домашнія муки... Вчера былъ женихъ. Онъ все цѣлуетъ меня и отъ него пахнетъ виномъ. Говорить онъ очень мало, все только угощаетъ меня то конфѣтками, то фруктами и все цѣлуетъ. Въ теченіе всего вечера онъ измучилъ меня просьбами „скушать апельсинчикъ“, „покушать шоколадикъ“, „поцѣловать въ губки...“ Больше ни слова!.. У меня страшно разболѣлась голова и я ушла прилечь. Пришла мамаша и начала меня бранить, грозила мнѣ наказаніемъ. „Къ тебѣ, къ нищей, богатый женихъ посватался, подарилъ тебя, дуру, а ты отъ него носъ воротишь! говорила она. „А вдругъ онъ обидится, да откажется отъ тебя, отъ нищей — вѣдь я тогда тебя до смерти заколочу, шкуру съ тебя слеру!..“ Я пересилила свою головную боль и вышла къ жениху... Снова конфѣкты, апельсины, поцѣлуй...

„Ахъ, невыносимо стало мнѣ жить!.. Вчера была у Коптильныхъ и Ваня снова говорилъ мнѣ о любви... Бѣдный, онъ тоже любитъ меня и тоже страдаетъ!.. Какъ я счастлива была въ его присутствіи! Какъ онъ хорошъ!.. Вечеромъ былъ женихъ, и я просто видѣть не могла, изстрадалась вся, измучилась хотѣла было сказать мамашѣ наотрѣзъ, что не пойду за него, но просто не поверотился языкъ—вѣдь она избила бы меня... Рѣшено—иду за Слободова!.. Сегодня я увижу Коптилина послѣдній разъ. Онъ просилъ, чтобы я пришла на Страстной бульваръ, хочетъ поговорить со мною. Пойду. Скажу мамашѣ, что болитъ голова, попрошусь погулять и пойду...“

Это были послѣднія строки въ завѣтномъ дневникѣ Лизы, больше она не писала. Она напилась чаю, сдѣлала кое что по хозяйству и попросилась гулять.

— Куда пойдешь то? спросила мать.

— Такъ, по улицамъ...

— Ступай... Зайди въ пассажъ, пожалуй, купи тамъ косынку кружевную.

— Хорошо...

Лиза очень обрадовалась этому порученію, оно давало ей возможность отлучиться изъ дому надолго. Выйдя изъ дому, Лиза взя-

ла извозчика до Тверской, отпустила его около Страстнаго монастыря и пошла по бульвару. Не успѣла она сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ съ одной изъ скамеекъ поднялся ей на встрѣчу Коптилинъ, въ шикарномъ пальто, въ цилиндрѣ, сіяющій и довольный.

— Пришла,—тихо проговорилъ онъ, — здороваясь съ Лизой. Спасибо, радость моя... Сядемъ вотъ здѣсь, поговоримъ... Или вотъ что: сегодня хоть и апрѣль, а холодно, вѣтеръ такой рѣзкій, да и дождь того гляди пойдетъ; пойдёмъ-ка въ гостинницу, кофѣ тамъ будемъ пить, позавтракаемъ...

— Въ гостинницу? не то испуганно, не то удивленно спросила Лиза.

— Такъ что же?.. Это гостинница такая, въ которую семейные люди ѣзжаютъ, мы съ Клавденькой тамъ очень часто бываемъ... Лизавька, я вѣдь вамъ другъ, братъ — я васъ не позову, куда не слѣдуетъ...

— Страшно, не увидалъ бы ктонибудь...

— Э, полно вамъ, никто не увидитъ...

— А это далеко?

— Двадцать шаговъ... Мы извозчика возьмемъ... Давайте, моя радость, ручку и маршъ... Очень ужъ я радъ, что вы пришли то, страхъ какъ радъ!..

Коптилинъ взялъ Лизу подъ руку и пошелъ съ нею по бульвару, взялъ потомъ извозчика и приказалъ везти въ гостинницу.

— Кабинетъ! приказалъ онъ, хорошо знавшему его лакею.— Самый лучшій кабинетъ, кофѣ...

— И ликеровъ-съ? добавилъ лакей, почтительно улыбаясь.

— И ликеровъ! улыбнулся Коптилинъ. Впрочемъ, надо сперва позавтракать... Веди насъ въ кабинетъ, тамъ мы сообразимъ...

Коптилинъ привелъ Лизу, испуганную и какъ то присмирѣвшую, въ кабинетъ, усадилъ ее и принялся заказывать завтракъ, весело и фамиллярно шутя съ лакеемъ и подмигивая на Лизу.

— Хороша со мной гостя то?—спросилъ онъ.

— Очень-съ!—ухмыльнулся лакей!

— То то!

— Да вѣдь и вы то, Иванъ Петровичъ, орелъ, можно сказать-сь... Такихъ вѣдь немного красавцевъ то...

Коптилинъ отпустилъ лакея, но выбѣжалъ за нимъ въ корридоръ и вернулъ.

— Ты Петьку Слободова знаешь? спросилъ Коптилинъ.

— Знаю-съ; третьяго дня здѣсь съ большой компаніей были...

— Невѣста его ..

— Барышня то?

— Да... Махровина Лизавета Николаевна... Слыхалъ?

— Слыхалъ-съ... Нну дѣла!..

— То то, братъ, и есть!.. Пойми это и угости какъ слѣдуетъ,—въ грязь лицомъ не ударь себя...

— Помилуйте-съ!..

Лакей побѣжалъ заказывать завтракъ, а Коптилинъ вернулся къ Лизѣ.

XXI.

Безъ цѣли, безъ плана шла Лиза по люднымъ, шумнымъ улицамъ Москвы, имѣя въ головѣ только одну мысль,—мысль какъ бы покончить съ собою, проститься съ жизнью, которая такъ зло, такъ безжалостно насмѣялась надъ бѣдной дѣвушкой. Не удивительно, что Лизѣ не продали въ магазинѣ оружія: она была такъ сильно взволнована, такъ потрясена, что имѣла видъ вполне безумной женщины. Лицо ея было страшно блѣдно, глаза неопредѣленно блуждали: пересохшіяся отъ внутренняго жара губы что то тихо шептали. Она шла и совершенно не понимала, куда идетъ. Случайно очутилась она на набережной Москвы-рѣки, въ изнеможеніи опералась о чугунную рѣшетку и съ трудомъ перевела дыханіе. Это дыханіе было прерывистое, тяжелое, какъ будто бы Лиза бѣгомъ, безъ отдыха, пробѣжала не одну версту. Силы, казалось, окончательно хотѣли оставить ее, умъ отказывался понимать, соображать... Лиза долго стояла у рѣшетки набережной, облокотившись о ея холодный металлъ, долго не поднимала головы, опущенной внизъ, наконецъ вдругъ всплеснула руками и прошептала: „Рѣка будетъ моей могилой!.. Прощай все, все!“ Несчастная хотѣла спуститься внизъ, чтобы выполнить свое намѣреніе, но тутъ же замѣтила, что своимъ страннымъ, необычайнымъ видомъ привлекла

вниманіе уличныхъ звѣвакъ. До нея даже донесся разговоръ двухъ какихъ то мастеровыхъ.

— Я тебѣ говорю, Ликсѣй, что эта самая мамзель не спроста торчитъ тутъ, вишь ты, она словно шальная какая, говорилъ одинъ безцеремонно указывая на Лизу пальцемъ.

— Такъ, Гришъ, неужто топитья пришла? вопрошалъ другой.

— А то нѣтъ? Здѣсь, братъ, Москва, столица, народу всякаго есть... „Не хочу, не желаю, скажетъ, жить“, ну, и баста,—либо въ воду, либо петлю на шею.

— И съ чего это, прости, Господи, люди грѣхъ берутъ на душу?

— Всяко бываетъ... Другой съ горя какого, другой, стало быть? умственную препону какую получилъ, а иной просто такъ, покуражиться. Москва, говорю...

— Гляди, гляди, руками то вскидываетъ къ верху!..

— Это она, стало быть, прощается, молится... Одначе, братъ, надо за ней посматривать,—что нечистой силѣ христіанскую душу предавать...

Толковали, кажется, о Лизѣ и еще нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ по другую сторону, потому что бѣдная дѣвушка не одинъ разъ замѣчала устремленные на нея пристальные ихъ взгляды.

„И здѣсь неудача! съ какимъ то болѣзненнымъ стономъ вырвалось у Лизы. Да, здѣсь не дадутъ мнѣ умереть, вытащатъ... Что же дѣлать, что дѣлать?!“

Не замѣчая вичего и ни на кого не глядя, отошла она отъ набережной и безцѣльно направилась въ одну изъ улицъ. Лиза твердо рѣшилась умереть, а потому, какъ ни плохо работалъ ея мозгъ, она все-таки усиленно думала о томъ, какимъ способомъ кончить съ собой, какое избрать средство для самоубійства. Наконецъ, ей явилась мысль и она сейчасъ же поспѣшила привести ее въ исполненіе. Зайдя въ мелочную лавку, она спросила сѣрныхъ спичекъ, которыхъ ей тотчасъ же и отпустили, Лиза бережно убрала спички въ карманъ и какъ будто оживилась, какъ будто силы вновь начали возвращаться къ ней. Но при приближеніи къ своему дому, ею овладѣло сильнѣйшее безпокойство: проникательный взглядъ матери пойметъ, что съ Лизой произошло что то необыкновенное, потрясающее и тогда что она будетъ отвѣчать? О, мать, кажется,

въ состояніи сдѣлать съ ней нѣчто ужасное!.. Лиза долго стояла у воротъ, не рѣшаясь войти въ домъ. Но вотъ, махнувъ рукой, съ какимъ то отчаяніемъ быстро вошла во дворъ и позвонила у крыльца. Ей отперла кухарка, не безъ удивленія взглянувшая на свою молодую хозяйку.

— Мамаша дома? тихо спросила ее Лиза.

— Дома то дома, только онѣ не въ порядкѣ, ухмыльнувшись, отвѣтила баба.

Лиза вопросительно взглянула на нее.

— Стало быть выпимши... Лежатъ это и подняться не могутъ, пояснила кухарка.

У Лизы отлегло отъ сердца. Она свободно прошла въ свою комнату, никѣмъ не замѣченная, сейчасъ же сбросила верхнюю одежду и сѣла къ столу, облокотившись на руки. Въ комнатѣ была полнѣйшая тишина, только изъ залы доносился звонкій голосъ канарейки... Лиза сидѣла, и слезы, крупныя слезы катились изъ глазъ ея и падали на руки, на столъ, на платье... Горло ея судорожно сжалось, такъ что она не могла произнести ни одного слова, только глухія всхлипыванія вырывались у ней изъ груди. Такъ прошло около часа. Бѣдная дѣвушка, казалось, забыла все и всѣхъ и точно замерла въ своей позѣ.

— Боже мой! вырвалось, наконецъ, у Лизы, и она, откинувъ назадъ голову, уже не заплакала, а зарыдала... Глубокую жалость возбудила бы она теперь въ каждомъ человѣкѣ, который увидалъ бы ее въ состояніи этого безъисходнаго горя. Когда Лиза нѣсколько успокоилась, то трепетными руками разорвала лифъ своего платья, чтобы свободнѣе вздохнуть.

— Такъ вотъ какъ онъ меня любилъ!.. Вотъ закона его любовь! тихо прошептала она. А я то, я то, глупая, вѣрила ему!.. О, какъ я ненавижу его теперь, какъ презираю!..

Лиза снова разрыдалась. Ей припомнилась исторія ея любви.

— Онъ обманулъ подло, безчестно... Я теперь понимаю, что онъ хотѣлъ только отомстить Петру Слободову, меня онъ ни капли не любилъ и не уважалъ... Да и можетъ ли такой человѣкъ кого нибудь любить? Нѣтъ, нѣтъ, подобные люди безсердечны, имъ бы только до себя, а на тѣхъ, кто ихъ любитъ, кто жертвуетъ имъ всѣмъ,

они плюютъ и съ спокойною совѣстью продолжаютъ жить, снова отыскивая такихъ глупенькихъ, какъ я... Какъ мерзокъ онъ, какъ подлы!..

Лиза достала изъ ящика добытую ею гдѣ то съ большимъ трудомъ фотографическую карточку Коптилина, которую она еще такъ недавно съ глубокой любовью и страстью прижимала къ своимъ губамъ, долго злымъ взглядомъ смотрѣла на нее, потомъ засвѣтила свѣчку и сожгла это изображеніе нѣкогда обожаемаго человѣка.

— Сожгла бы я и тебя самого такъ, негодный человѣчишка, произнесла Лиза. Убила бы тебя, мученіями бы твоими любоваться стала... Ахъ, нѣтъ, впрочемъ!.. Зачѣмъ это? Пусть онъ живетъ, ему будетъ судьей Богъ... Теперь мнѣ все равно... да, все равно!.. Сейчасъ и меня не будетъ... и я умру... умру и все, все кончится... Боже, прости меня!..

Лиза встала, подошла къ образамъ и со слезами долго молилась, послѣ чего снова сѣла къ столу.

— Ахъ, да, нужно письмо еще брату написать, да отослать ему мой дневникъ, пусть только одинъ братъ узнаетъ тайныя думы мои, сказала Лиза, и доставъ листъ бумаги, сейчасъ же написала на немъ: „Прощай, дорогой братъ! Помолись за меня. Умираю, потому, что жить не могу. Исправся, если можешь, милый, и живи, будь счастливъ. Твоя бѣдная Лиза.“

Она запечатала письмо, написала адресъ, тихо, безъ всякаго шума вышла въ корридоръ, прошла въ кухню и велѣла дворнику, чтобы онъ сейчасъ же отнесъ письмо.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ дворникъ, хорошо знавшій адресъ брата Лизы.

Кончивъ съ письмомъ, молодая дѣвушка вернулась въ свою комнату, чутко прислушиваясь, не пробудилась ли мать.

— Ну, медлить нечего, тихо проговорила Лиза... Пора... Все равно... вѣдь я рѣшилась...

Говоря это, она, однако, не двигалась съ мѣста, приложивши обѣ руки къ пылающему лбу.. Лиза начала дрожать; у ней появились всѣ признаки лихорадки.

— Пора, пора, еще разъ сказала она и затѣмъ взяла двѣ коробки спичекъ, высыпала ихъ въ стаканъ съ водой, который и взяла въ правую руку, близко поднеся его къ губамъ.

— Нѣтъ, нужно подождать... Еще не настоялось... ядъ не силенъ... Пусть сразу...

Она смотрѣла въ стаканъ и видѣла, какъ спички бухли и окрашивали воду въ бурый цвѣтъ... Сильный запахъ сѣры такъ и распространялся всюду. Лиза приложилась губами къ краямъ стакана и голова у ней вдругъ страшно закружилась. Она отклонилась, перевела духъ и затѣмъ уже быстро, залпомъ, выпила весь стаканъ, сѣрнаго раствора... Сейчасъ же она почувствовала себя на столько дурно, что не могла уже сидѣть на стулѣ, а кое какъ дотацившись до постели, не легла, а упала на нее...

А за нѣсколько минутъ до этого, къ дому Махровиной во весь духъ прискакалъ на извозчикѣ Петръ Тихоновичъ Слободовъ, рванулъ звонокъ, оттолкнулъ не пропускавшую было его бабу и бѣгомъ поднялся на лѣстницу.

— Баринъ, баринъ! кричала ему баба. Погоди, хозяйка то вѣдь спитъ...

Но Слободовъ ничего не слыхалъ, сбросилъ пальто и вошелъ въ залу. Петръ Тихоновичъ былъ страшно взволнованъ, руки у него дрожали, глаза лихорадочно блестѣли. Не видя никого въ залѣ, молодой человѣкъ хотѣлъ было направиться въ другія комнаты, но въ это время къ нему вышла пробудившаяся отъ сна Махровина. Лицо у ней было опухшее, глаза заплаыли жиромъ, носъ алѣлъ, изо рта распространялся сильный сивушный запахъ. Костюмъ почтенной женщины былъ въ безпорядкѣ и вообще вся она выглядѣла крайне непривлекательной.

— А, любезный будущій зятекъ! хрипловато проговорила она, при чемъ во весь ротъ зѣвнувъ, икнула и протянула широкую красную руку гостю. Она опять зѣвнула и грузно опустилась на стулъ.

— Ну-ка, садись, чего ты вертишься, пригласила она Слободова.

— Благодарю васъ, скороговоркой, началъ Петръ Тихоновичъ, я вѣдь собственно къ вамъ по самому экстренному дѣлу...

— Ну, у тебя вѣдь все естренность! махнула рукой Махровина. Посидимъ-ка рядкомъ да потолкуемъ ладкомъ. Такъ то вотъ лучше будетъ. Садись-ка, милый...

— Некогда-съ, право некогда, отвѣтилъ Слободовъ. Уфъ, какъ

я усталъ однако, точно бѣжалъ, а вѣдь на извозчикѣ ѣхалъ! Онъ налилъ стаканъ воды и съ жадностью его выпилъ.

— Къ невѣстѣ то вы завсегда такъ торопитесь, а вотъ какъ къ женѣ то спѣшить будешь, посмотрю я, произнесла Махровина. Да, что ты въ самомъ дѣлѣ бѣгаешь по комнатѣ то, словно угорѣлый какой...

— Угорѣешь, многозначительно сказалъ Слободовъ.

Почтенная дама пристально взглянула на него.

— Аль и вправду что случилось? спросила она.

Петръ Тихонычъ только рукой махнулъ, да новый стаканъ воды выпилъ.

Махровина наблюдала за нимъ, ожидая отвѣта. Теперь она замѣтила волненіе молодого человѣка, замѣтила искажившіяся черты его лица и предчувствіе чего то непріятнаго согнало у ней съ лица самодовольную улыбку.

— Петръ Тихонычъ, не пугай меня, говори, повторила она.

— Лизавета Николаевна дома? вмѣсто отвѣта, спросилъ Слободовъ.

— Нѣтъ, она въ городъ давеча ушла, да вотъ все еще не возвращалась, отвѣтила Махровина, не зная о приходѣ дочери.

Слободовъ схватился за голову.

— Скандаль, скандаль какой-съ! проговорилъ онъ.

— Какой скандаль?

— Громаднѣйшій-съ!..

— Да говори толкомъ то, возвысивши голосъ, повелительно сказала Махровина.

Я за тѣмъ-съ и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы все сказать, что видѣлъ своими глазами... Такъ нѣтъ, говорите, Лизаветы Николаевны сейчасъ дома?

— Что же, обманывать тебя буду?

— А вы знаете, гдѣ она?

— Лиза-то?

— Да-съ.

— Говорю, въ городъ пошла за покупками.

Слободовъ горько разсмѣялся.

— Нѣтъ-съ, они не въ городъ пошли, проговорилъ онъ, а на свиданіе къ своему возлюбленному...

— Что-о?

Глаза у Махровиной такъ и хотѣли выскочить.

— Что-о? повторила она.

— Да съ, не въ городъ Лизавета Николавна пошли, а къ возлюбленному, съ которымъ, какъ вы думаете, гдѣ я ихъ засталъ?

— Да ты это не врешь?

— Такія вещи-съ врать не приходится... Шутки плохія-съ... Мое дѣло тоже не сторона... Перво на перво, я женихомъ Лизаветы Николаевны состою, а потомъ-съ я люблю ихъ... любилъ то-ись...

Сильный гнѣвъъ показался въ лицѣ Махровиной, и кулаки ея сжались.

— Фу ты, какъ огорошилъ ты меня! сказала она. Ну-ка говори толкомъ, я все еще не пойму.

— Да чего не понять-то? перебилъ Слободовъ. Одно еще могу вамъ сказать, что теперь я не женихъ вашей дочери...

Въ это время раздался пронзительный, раздирающій душу крикъ и эхомъ разнесся по всѣмъ комнатамъ.

— Господи, помилуй! прошептала Махровина и слегка поблѣднѣла. Что это такое? Кто кричить?

Слободовъ, тоже сильно обеспокоенный и напуганный, выбѣжалъ изъ залы.

Повторился новый, еще болѣе оглушительный крикъ.

— Да вѣдь это Лизинъ голосъ! сказала вдругъ Махровина и бросилась къ комнатѣ дочери. Слободовъ послѣдовалъ за ней.

Когда оба вбѣжали въ комнаты молодой дѣвушки, несчастная Лиза корчилась въ страшныхъ, мучительныхъ судорогахъ. Лицо ея трудно было узнать,—такъ оно поблѣднѣло и искосилось страданіями.

— Лиза! не своимъ голосомъ крикнула Махровина. Лизочка, что съ тобой?

— Мамаша... прощайте... прощайте... я умираю... отвѣтила дѣвушка.

Страшно перепуганная мать, не помня себя, обняла умирающую дочь взглянула ей въ лицо и снова воскликнула:

— Лиза!.. Лиза!..

Лиза, казалось, собрала послѣднія силы и проговорила:

— Я отравилась... Прощайте... Простите...

И Махровина и, до нельзя удивленный всей этой сценой, Слободовъ, какъ безумные, забѣгали по комнатѣ.

— Доктора, доктора!—кричала Махровина.

— Доктора! кричалъ и Петръ Тихоновичъ.

Въ минуту явилась кухарка, горничная, какой то парень, которые, выпуча глаза, смотрѣли на обезумѣвшихъ отъ страха Махровину и Слободова и на распростертую на постели Лизу, которая уже слабо стонала, мучаясь въ предсмертной агоніи.

— Лиза... Лизавета Николаевна... Лизочка, что съ вами? подбѣжалъ къ ней Слободовъ и, сдерживая рыданія, схватилъ ее за руку.

Лиза повернула голову къ жениху, собрала всѣ силы и чуть слышно проговорила:

— Простите меня... не вините... я не виновата... я умираю...

— Господи, да что же это такое! заметался Слободовъ по комнатѣ. Вѣдь она отравилась!.. Послали ли за докторомъ то? Скорѣе, скорѣе!.. Скажи ты, обратился онъ къ парню. Тутъ извозчикъ мой стоитъ... Что же вы стоите? накинута со злобой Петръ Тихоновичъ на старуху Махровину. Это вы ее уморили, изъ за васъ она погибаетъ!.. Бѣгите, несите чего-нибудь!.. Молока дайте, молока надо!..

Переваливаясь тучнымъ тѣломъ, побѣжала Махровина изъ комнаты, болѣе испуганная предстоящимъ скандаломъ, чѣмъ смертью дочери. Толкнулась она въ одну комнату, бросилась къ супругу, который лежалъ мертвецки пьяный, толкнула его, пытаясь было разбудить, махнула рукой и побѣжала назадъ. У завѣтнаго шкапчика, съ завѣтной настоечкой, старуха нашла подкрѣпленіе, выпила, собралась съ мыслями и побѣжала въ кухню за молокомъ. Лиза между тѣмъ боролась со смертью. Прекрасное лицо дѣвушки исказилось предсмертною мукою, на лбу выступилъ холодный потъ: начинающія уже холодѣть руки судорожно хватались за платье, подымались на грудь и безсильно падали вдоль тѣла... Склонившись къ кровати, обнявъ станъ невѣсты и задыхаясь отъ слезъ, стоялъ блѣдный Слободовъ. Только теперь понялъ онъ, какъ была дорога для него Лиза, какъ онъ любилъ ее... Онъ все, все простилъ.

ей и молилъ въ душѣ Провидѣніе, чтобы Оно спасло ему невѣсту, обѣщаясь быть другимъ, обѣщаясь простить всѣмъ... Лиза метнулась всѣмъ тѣломъ, страшно вскрикнула, глаза ея широко раскрылись, остановились такъ и словно застыли, изъ груди вырвался легкій стонъ и замеръ... Въ эту минуту въ комнату быстро вошелъ привезенный докторъ. Онъ взялъ Лизу за руку, взглянулъ ей въ лицо и поникъ головою.

— Здѣсь моя помощь бесполезна, — она умерла. тихо проговорилъ онъ.

Слободовъ съ рыданіями бросился къ трупу своей невѣсты...

XXIII.

Коптилинъ проспалъ въ кабинетѣ гостинницы часа два; проснулся, улыбаясь, вспомнилъ все происшедшее, выпилъ сельтерской воды, умылся и поѣхалъ въ лавку.

— Хорошо я Петьку то Слободова опарашилъ? фамиллярно спросилъ онъ лакея, давая трехрублевку на чай.

— На что ужъ лучше! засмѣялся лакей. Вышли отсюда, ровно изъ бани!... Хе, хе...

— Ужъ точно, что изъ бани!...

— Теперича вѣдь, Иванъ Петровичъ, свадьбѣ не бывать-съ?

— А это ужъ его дѣло, пусть женится, если хочетъ... Хорошъ анекдотикъ?... Ха, ха, ха!... Зазнавался очень Петенька, о себѣ много понималъ, ну, вотъ и пускай теперь!... Я вотъ и при капиталѣ и хотъ не красавица моя жена, а все же ни въ чемъ не замѣчена, а онъ, хозяинъ мой бывший, съ носомъ теперича, опозоренъ на всю Москву... Не зазнавайся, будь поумнѣе... Я видалъ отъ него горя то, охъ, видалъ, а теперь онъ почувствуй... Вѣрно?

— Это вѣрно, Иванъ Петровичъ, только вотъ...

— Что?

— Барышню то жаль, ей теперь конфузъ...

— Э, полно, братъ!... Коли не дура, такъ найдетъ свое счастье, а дуру и жалѣть нечего... Такъ?

— Вѣрно-съ.

— Ну, вотъ и все... Прощай пока...

— До увиданья-съ, Иванъ Петровичъ, не забывайте насъ, жалуйте...

— Ваши гости... А ты вотъ что: ты рассказывай при случаѣ, анекдотъ то этотъ, пусть Петьку донимають насмѣшками...

— Да ужъ развонятъ и безъ насъ, Иванъ Петровичъ, разнесутъ по Москвѣ-то...

— А все же, благовѣсти и ты...

— Слушаю съ...

Коптилинъ уѣхалъ... Занявшись дѣлами въ лавкѣ, онъ наткнулся на кредитную книгу и вспомнилъ про вексель Сургучова... Обида, нанесенная Катей, живо встала передъ нимъ, защемила его сердце и жажда мести, такъ недавно утоленная, снова поднялась въ немъ. „Не спускай, никому не спускай! словно шепталъ ему какой то голосъ. Ты спустишь, тебѣ не спустятъ, ты не обидишь — тебя обидятъ...“

— Послать вексель Сургучова къ протесту и завтра подать ко взысканію! приказалъ Коптилинъ.

— Вексель Сургучова оплоченъ, сообщилъ приказчикъ.

— Какъ оплоченъ? Когда?

— Сегодня утромъ... Приходилъ какой то господинъ и принесъ деньги, а вамъ велѣлъ передать письмо...

Коптилинъ разорвалъ конвертъ поданнаго ему приказчикомъ письма и сталъ читать. „Господинъ Коптилинъ! было написано въ письмѣ твердымъ, четкимъ почеркомъ. Уплачиваю вамъ долгъ моего тестя и радуюсь, что не засталъ васъ въ лавкѣ: встрѣча съ вами кончилась бы бѣдою и для меня, и для васъ... Не буду искать съ вами встрѣчи, но не ручаюсь за послѣдствія, если судьба когда нибудь столкнетъ насъ. Вы слишкомъ гадки и низки, чтобы честный человѣкъ могъ выносить васъ. Говорю вамъ въ письмѣ, а при встрѣчѣ скажу и слѣлаю болѣе. Можете, если желаете, представить это письмо въ судъ и обвинять меня въ оскорбленіи. Обвиняя въ оскорбленіи на письмѣ — навѣрное будете обвинять и въ оскорбленіи дѣйствіемъ. Остаюсь готовый во всякое время избить васъ палкой, какъ негодную собаку, Ладоньевъ.“

Коптилинъ покраснѣлъ, прочитавъ письмо, закусилъ губы, подумалъ минуту и разорвалъ письмо на мелкіе кусочки. Онъ зани-

мался дѣломъ, ходилъ въ трактиръ пить чай съ покупателемъ, обѣдалъ потомъ съ другимъ, былъ веселъ, доволенъ и ни разу, ни единого разу не вспомнилъ о Лизѣ Махровиной!... Ему нѣсколько разъ представлялось испуганное, разстерянное, а потомъ блѣдное и отчаянное лицо Петра Слободова, и онъ злорадно улыбался, онъ чувствовалъ себя отомщеннымъ, удовлетвореннымъ, радовался этому, но ни разу неприходила ему въ голову мысль о томъ, какимъ путемъ достигъ онъ этого, не являлся вопросъ: а что Лиза, что съ нею будетъ?... Точно ее и не было, точно онъ при помощи какой нибудь неодушевленной вещи отомстилъ своему у врагу. Какъ человѣкъ не сталъ бы думать о палкѣ, о бутылкѣ, которою онъ ударилъ ненавистнаго ему человѣка, такъ Коптилинъ не думалъ о Лизѣ.

Слободовъ наказанъ, ему отомщено, и кончено дѣло!... Это происходило не отъ глупости, — Коптилинъ не былъ глупъ, это было потому, что сердце этого человѣка не могло уже воспринимать благородныхъ чувствъ любви, человѣколюбія, состраданія; оно билось только одною любовью — любовью къ деньгамъ и къ своей собственной особѣ, — въѣзъ этихъ вещей для Коптилина ничего не существовало!... Торгашъ съ конныхъ лѣтъ, наживатель съ дѣтства, оторванный отъ дома, отъ семьи, лишенный любви матери, лишенный ласки, пришибленный и приниженный, онъ зналъ только одну страсть — страсть къ широкой самостоятельности, сопряженной съ почестями, съ уваженіемъ людей, съ лестью... Душа его была черства, чувства притупились и, кромѣ любви къ деньгамъ и наслажденіямъ, онъ жилъ лишь желаніемъ выместить людямъ за всѣ обиды, за все горе, за всѣ униженія и оскорбленія... Винавать ли онъ былъ?... Быть можетъ, нѣтъ, но жизнь такимъ людямъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ готовитъ возмездіе, которое вытекаетъ само собою изъ дѣлъ такихъ людей. И возмездіе готовилось уже Коптилину, было уже близко...

Покончивъ свои дѣла, онъ условился съ однимъ пріателемъ „по бутылочной части“ „махнуть за городъ“, но сперва захотѣлъ побывать дома, чтобы показаться тестю и женѣ. Назначивъ пріателю мѣсто для свиданія, онъ поѣхалъ домой.

— Иванъ, ты ничего не знаешь? спросила его Клавденька, встрѣчая въ передней взволнованная, озабоченная, испуганная.

Уже въ одномъ томъ, что жена назвала его замѣсто Вани и Ваньки Иваномъ показало Коптилину, что случилось нѣчто особенное.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Лиза Махровина умерла, отравилась...

Коптилинъ поблѣднѣлъ.

— Умерла-а? спросилъ онъ. Умерла?..

— Да, да, отравилась и умерла... И тебя винять въ ея смерти... Бога ради, Иванъ, Расскажи мнѣ, что это значитъ!.. Я просто безумѣла... Хотѣла сейчасъ послать за тобою, но ты входилъ... Двадцать минутъ тому назадъ прибѣжала отъ Махровиныхъ нянька старуха и вдругъ сообщаетъ мнѣ... я чуть съума не сошла... Снимай пальто, пойдемъ въ комнаты, рассказывай мнѣ все...

— Нянька Махровиныхъ здѣсь еще?

— Нѣтъ... Забѣжала на минутку, послана она куда то... Да пойдемъ въ спальную и я расскажу тебѣ все...

Коптилинъ сбросилъ пальто и все еще блѣдный, какъ полотно, пошелъ за женою.

Неожиданная вѣсть страшно поразила и испугала его: онъ никогда не ожидалъ такого финала и теперь въ головѣ его проносились мысли о томъ, какъ, почему, зачѣмъ это случилось... Войдя въ спальную, онъ притворилъ за собою дверь и обратился къ женѣ, сгорая нетерпѣніемъ.

— Ну, какъ же это случилось? Что ты слышала? спросилъ онъ.

— Ахъ, ужасъ, ужасъ, что такое заговорила Клавденька. Прибѣжала къ намъ нянька Махровиныхъ, которая нянчила еще Лизу; прибѣжала, какъ безумная, и прямо ко мнѣ... Вбѣжала, упала вотъ на этотъ сундукъ, плачетъ, слова не можетъ выговорить, а потомъ проплакалась и говоритъ: „Лиза, говоритъ, только что скончалась, отравилась...“ Какъ, говорю, отравилась?.. „Такъ, отравилась,“ ну, а потомъ подробности рассказала... Уходила Лиза со двора куда то, долго не возвращалась, потомъ пришла и, не показываясь матери, заперлась у себя въ комнатѣ, затихла тамъ, въ это время пріѣзжаетъ Петръ Тихоновичъ Слободовъ, лица, говорятъ, на немъ нѣтъ, точно безумный... Вбѣжалъ къ Махровинѣ что то говорилъ ей, а тѣмъ временемъ Лиза и отравилась, яду какого то приняла и докторъ нашелъ ее уже мертвою... Слободовъ, говорятъ, съума

просто сошелъ, волосы на себѣ рветъ и всѣмъ объявляетъ, что Лиза умерла изъ-за тебя, что ты ее погубилъ, въ гостинницѣ ты съ нею былъ, завлекъ ее, и она, боясь скандала и матери, отравила, такъ Слободовъ и полиціи заявилъ... Скажи Бога ради, что это значить?.. Какое ты имѣешь отношеніе къ этому дѣлу? Почему тебя обвиняетъ Слободовъ?..

Коптилинъ, выслушавъ жену съ напряженнымъ вниманіемъ, глубоко задумался,—страхъ закрался въ его душу; грозными призраками встали предъ нимъ не угрызенія совѣсти, а протоколъ, слѣдствіе, судъ, отвѣтственность... И тутъ же, сейчасъ же родились оправданія, увертки, придумывались отвѣты на предстоящіе вопросы...

— Что же ты ничего не говоришь? обратилась къ нему жена, тѣпотно ожидая разъясненій. Скажи что нибудь...

— Ты не бойся, Клавденька, тутъ ничего нѣтъ ужаснаго, отвѣтилъ Коптилинъ. Я тебѣ расскажу все.. Ты знаешь, какъ Петръ Слободовъ обижалъ меня, какъ я всегда желалъ отомстить ему, отомстить за всѣ обиды, ну, вотъ и нашелъ случай... Иду я по бульвару сегодня и вижу Лизу, подошелъ къ ней, заговорилъ; она все спрашивала меня, идти ли ей за Петра, я и пригласилъ ее поговорить объ этомъ въ гостинницу, уговорилъ, и мы отправились, сѣди закусить, вина выпили, а на ту бѣду Слободовъ тутъ и подвернись, приди въ эту гостинницу съ товарищами, ну, я его и велѣлъ позвать, и увидалъ онъ свою неvěсту со мною, ошалѣлъ, ровно опшаренный выбѣжалъ, а я его поджогъ еще: „что, молъ, каково?.. Вотъ де моя неvěста и не красавица, а по гостинницамъ не ходила, а твоя де вотъ она, гляди на нее...“ Вотъ и все... Какая же тутъ вина моя?.. Никакой судъ за это обвинить не можетъ, пустое дѣло...

— Боже мой, какой грѣхъ ты сдѣлалъ! всплеснула Клавденька руками. Да какой же ты жестокой человѣкъ, Иванъ!..

— Чего же тутъ особеннаго?.. Я хотѣлъ отплатить Петру, а ужъ это не моя вина, что она отравилась, я ее не училъ...

— „Не училъ!..“ Развѣ ты не зналъ матери несчастной Лизы?.. Вѣдь, послѣ такой исторіи бѣдной Лизѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ отравиться, вѣдь ее убили бы до смерти, истеранили бы, въ гробъ бы вклотили!..

Коптилинъ ничего не сказалъ на это, но и тутъ не совѣсть его грызла, а тревожилъ страхъ...

„Исторія непріятная, сталъ думать онъ, пожалуй, бѣды не миновать... Не оставляла ли Лиза письма какого...

— Кто же зналъ это? проговорилъ онъ вслухъ. Кто могъ это предвидѣть?.. Мало ли бываетъ...

Но онъ не договорилъ и взялъ шляпу.

— Куда ты? спросила Клавденька.

— Такъ... Пройдусь, освѣжусь немного... Непріятность эта по-дѣйствовала на меня...

— Ты не ходи долго, — мнѣ страшно такъ, боюсь я чего то... Такъ вотъ и представляется мнѣ Лиза...

Коптилинъ боязливо покосился въ темные углы комнаты и поблѣднѣлъ.

— Вотъ глупости! сказалъ онъ. Мало ли людей умираетъ?... Я пойду...

Онъ вышелъ за ворота, подумалъ минуту и, взявъ извозчика, приказалъ везти себя къ одному знакомому адвокату.

Адвокатъ глубокомысленно обдумывалъ, заглядывалъ въ книги законовъ, подробно спрашивалъ Коптилина, взялъ съ него за визитъ десять рублей и сказалъ, что можетъ быть и плохо, а можетъ быть и ничего.

— Во всякомъ случаѣ, вы соберите подробности кончины этой дѣвицы и сообщите мнѣ, а я подумаю и скажу, что надо дѣлать... Во всякомъ случаѣ, батюшка, возлагайте надежду на адвоката, ибо хорошій адвокатъ все можетъ сдѣлать, а безъ адвоката влетѣтъ въ бѣду не долго! замѣтилъ адвокатъ и любезно простился съ Коптилинымъ.

— Надо развлечься, думалъ послѣдній, выходя. Все это пустая музыка и обо всѣхъ не наплачешься... Отравилась Лиза — стало быть ей судьба такая выпала, а тутъ не при чемъ...

Онъ поѣхалъ къ пріятелю, которому назначилъ свиданіе, и прогулялъ половину ночи, вернувшись домой подъ хмѣлькомъ. Не желая показаться въ такомъ видѣ женѣ, Коптилинъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ спать на диванѣ. Утомленный волненіями прошедшаго дня, сильно охмѣлѣвшій, Коптилинъ, заснувъ крѣп-

кимъ, но тяжелымъ сномъ... И видѣлись ему сны тревожные... Видѣлъ себя Иванъ Петровичъ мальчикомъ въ темной комнатѣ, едва освѣщенной лампадкою... Въ комнатѣ этой умиралъ его отецъ и, умирая, говорилъ: „Кладъ, кладъ тутъ есть, ищи его, Иванъ!“ И не успѣлъ договорить старикъ, что за кладъ—умеръ. Остался Иванъ одинъ съ мертвецомъ, жутко ему, страшно, оглядывается кругомъ, а въ головѣ все мысль о кладѣ, хочется найти его... И отца умершаго не жаль,—страшно только съ нимъ, жаль, что не успѣлъ договорить, не успѣлъ указать, гдѣ тотъ завѣтный кладъ зарытъ... И видитъ себя Коптилинъ во снѣ взрослымъ... Выросъ онъ, окрѣпъ, разумъ въ себѣ чувствуетъ, силу, а мысли въ головѣ все тѣ же, все о кладѣ думается... И вотъ, видитъ онъ, что идетъ по какой-то темной дорогѣ, не видать солнца, хоть и день ясный на дворѣ, холодно, мрачно, сыро, словно въ могилѣ онъ въ какой... Страшно ему, а все же идетъ онъ впередъ, будто, какая невѣдомая сила его влечетъ... Идетъ, изъ силъ ужъ сталъ выбиваться, а все идетъ...

— Охъ, тяжело мнѣ! шепчетъ онъ. Силъ больше нѣтъ, не дойти до мѣста, гдѣ кладъ!..

— Это тебѣ потому тяжело, что совѣсть ты свою на себѣ тащишь, говоритъ ему чей то голосъ. Брось совѣсть-то и будетъ легко, брось ее, зачѣмъ она тебѣ?..

И бросилъ будто бы онъ совѣсть, словно вотъ мѣшокъ съ плечъ свалилъ. И стало ему легко, а дорогу темную освѣтилъ ему какой то „зеленый...“ Да, зеленый весь стоитъ передъ нимъ, смѣется и фонарь въ рукѣ держитъ, свѣтитъ ..

— Ты кто? спрашиваетъ будто Коптилинъ у зеленаго.

— Я-то? смѣется тотъ. Погляди хорошенько, такъ и узнаешь...

Глядитъ Иванъ на „зеленаго“ и видитъ, что онъ духъ тьмы... Нѣтъ у него ни хвоста, ни рога, а по лицу видно, что духъ тьмы... Смѣется „зеленый“, а самъ дорогу все указываетъ, иди де, не бойся, тамъ золото все...

И пошелъ Иванъ и видитъ, изъ какого то сундука золото сыплется дождемъ... Такъ и льется потокомъ, золотыя монеты сверкаютъ при свѣтѣ фонаря... Сталъ хватать Иванъ монеты, въ карманы суетъ, за пазуху, въ сапоги даже накладалъ... Онъ собираетъ золото

а кругомъ все тѣни какія то витають и тихо, тихо стонуть...

— Не бери золото—наше ово! слышитъ Иванъ голоса. У насъ его отняли, не бери...

Не слушаетъ Иванъ, все собираетъ золото... Много набралъ, пора и домой... Пошелъ было, а золото тянетъ къ землѣ, не пускаетъ, силъ нѣтъ двинуться...

— Отдай намъ частичку нашего золота, отдай! стонуть тѣни. Легче тебѣ будетъ...

— Не слушай, шепчетъ изъ угла „зеленый“, не отдавай!..

И не отдаетъ Иванъ, жаль ему золота... А оно его давитъ, къ землѣ гнетъ... И уходитъ онъ въ землю, словно въ трясины, такъ и засасываетъ его... „Бросить?“ думаетъ Иванъ, прижимая къ груди пригоршни золота.

— Не бросай! кричитъ „зеленый“, а самъ все хохочетъ, все хохочетъ...

И пошелъ Иванъ въ землю, какъ ключъ ко дну, спохватился да ужъ поздно, ужъ увязъ весь... Закричалъ Коптилинъ что было силъ и проснулся... Лежитъ онъ у себя въ кабинетѣ, голова съ похмѣлья болитъ, а въ окно смотреть уже свѣтлое, ясное утро...

XXIV.

Лизу Махровину похоронили.

Оплакивала ее мать, оплакивалъ отецъ, врядъ ли, впрочемъ, понимавшій, о чемъ онъ плачетъ, такъ какъ на похороны его привезли послѣ сильнѣйшаго запоя, а всѣхъ больше оплакивалъ женихъ. Бѣдный Петръ Тихоновичъ совсѣмъ помѣшался отъ горя, рыдалъ, бился головою о холодный полъ храма, кричалъ, грозилъ кому то, рвалъ на себѣ волосы и подъ конецъ обряда былъ вынесенъ изъ церкви замертво. Послѣ похоронъ онъ схватилъ сильнѣйшую нервную горячку, а вылѣчившись, запилъ сильнѣе прежняго и вовсе „потерялся.“

Несчастный братъ Лизы не плакалъ. Онъ пришелъ въ церковь блѣдный, пришибленный горемъ и несчастіемъ, всталъ въ уголку на колѣни и тамъ стоялъ до конца отпѣванія, а въ минуту прощанія съ покойницей, подошелъ къ гробу, поклонился ему до земли,

съ глухими рыданіями наклонился потомъ къ трупу сестры, поцѣловалъ ее, выпрямился, обвелъ сверкающими глазами присутствующихъ въ церкви и громко, отчетливо проговорилъ:

— При гробѣ моей бѣдной сестры, этой мученицы, клянусь, что отомщу за ея гибель злодѣю!..

Послѣ этого онъ отошелъ и, проводивъ покойницу пѣшкомъ до кладбища, скрылся куда то, отказавшись отъ поминокъ.

Поговорили о Лизѣ, пожалѣли ее и Слободова, побранили Коптилина, который въ общественномъ мнѣніи былъ виновникомъ гибели Лизы, и всѣ забыли эту печальную исторію, забыли и впечатлѣніе, произведенное трагической кончиною Лизы.

По инициативѣ Слободовыхъ, Коптилина привлекли было къ слѣдствію „по дѣлу о самоубійствѣ купеческой дочери Елизаветы Махровиной,“ но слѣдствіе ничего не могло сдѣлать для обвиненія Коптилина.

— Въ какихъ отношеніяхъ были вы съ покойной Махровиною? спрашивалъ у него слѣдователь.

— Въ отношеніяхъ знакомаго, ни болѣе, ни менѣе: она была дружна съ женою и ѣздила къ намъ...

— Какъ она попала съ вами въ гостинницу?

— По ея собственному желанію. Она какъ то объяснила мнѣ, что не хочетъ выходить за Слободова, и просила моего совѣта, какъ поступить, чтобы избавиться отъ этого брака и не подвергаться побоямъ матери, которая принуждала ее идти за Слободова; я совѣтовалъ ей просить мать не выдавать ее замужъ помимо желанія, совѣтовалъ перетерпѣть нападки матери, но она боялась рѣшиться на отказъ, и одинъ разъ, встрѣтивъ меня на бульварѣ, подошла ко мнѣ, снова просила совѣта и предложила идти поговорить объ этомъ въ гостинницу... Я сперва было не соглашался, говорилъ, что это не прилично, но она объяснила, что часто бываетъ въ гостинницахъ съ знакомыми, и я пошелъ...

— Однако хозяинъ и прислуга гостинницы показали, что до этого дня никогда не видали Махровину въ гостинницѣ ни съ другимъ кѣмъ либо, ни съ вами...

— Гм! усмѣхнулся Коптилинъ. Такъ, вѣдь, здѣсь, господинъ слѣдователь, не одна гостинница!..

— По показанію лакея, который вамъ служилъ, вы поили покойную Махровину и поили много...

— Какой же мужчина, сидя въ гостинницѣ съ знакомой женщиной и имѣя въ карманѣ деньги, откажется угостить свою знакомую, если она просить пить и кушать?.. Я не зналъ, что это преступленіе съ...

— Да, но всѣ знавшіе Лизавету Николаевну утверждаютъ, что она ничего не пила никогда...

— Полагаю, что дѣвушка и не будетъ пить при всѣхъ, а особенно находившаяся въ такомъ страхѣ, какъ Махровина...

— Сознайтесь, однако, что вы были косвенной причиною гибели этой дѣвушки... Правда?

— Ничуть-съ!..

— А зачѣмъ вы велѣли позвать жениха Махровиной? Вы должны были знать, что это погубить ее въ глазахъ общества, во мнѣніи жениха, подвергнуть жестокой карѣ матери...

— А потому я это сдѣлалъ, господинъ слѣдователь, что хотѣлъ исполнить сильное желаніе покойной не быть за Слободовымъ... Я зналъ, что послѣ такой исторіи Слободовъ ее не возьметъ и полагалъ, что лучше ужъ перенести побои матери, чѣмъ быть связанною на всю жизнь съ нежеланнымъ мужемъ... Ну, а что Лизавета Николаевна отравится—этого я не могъ думать... Эта музыка въ модѣ у барышень, у ученыхъ разныхъ, а въ нашемъ купецкомъ быту это рѣдкость...

Больше спрашивать у Коптилина было нечего, и его отпустили. Вышелъ онъ отъ слѣдователя очень довольный своимъ поведеніемъ у него и вообще — покойный. Его уже не мучили угрызенія совѣсти, образъ погибшей дѣвушки не тревожилъ его и въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ былъ чистъ, какъ голубокъ, да и некогда было Ивану Петровичу заниматься „пустяками:" у него умиралъ тестъ и нужно было все его состояніе добыть Клавденькѣ, отрѣшивъ отъ наслѣдства ея малоумнаго брата.

— Ему, дурачку, ничего не надо, говорилъ Коптилинъ женѣ. Дадимъ ему теплый уголъ, будемъ ухаживать за нимъ, и онъ проживетъ у насъ вѣкъ свой, припѣваючи, такъ ты, Клавденька, все къ своимъ рукамъ прибирай, духовную у папаши попроси и въ

случаѣ чего нибудь надо ее передѣлать, а то пусть „изъ теплыхъ рукъ“ все тебѣ отдастъ, только на недвижимое имущество духовную сдѣлаетъ...

— Брату тоже надо что нибудь, Ваня, говорила Клавденька. Вонъ, доктора говорятъ, что у него болѣзнь и что если его повезти за границу, тамъ его вылѣчатъ, воды ему тамъ какія то надо пить и купаться въ морѣ... Но это надо вѣдь деньги, Ваня, а если братъ вылѣчится, такъ онъ можетъ и дѣло дѣлать и жить захочетъ...

Коптилинъ злобно сверкнулъ на жену глазами.

— Ну, такъ пусть ему все оставитъ отецъ-то! проговорилъ онъ. Скажи вотъ отцу то какія рѣчи—онъ и оставитъ все сыну, а намъ зачѣмъ же?.. Я буду у твоего брата приказчикомъ жить, а ты и въ манчестеровой шубкѣ ходишь, вродѣ Катерины Сургучовой, на конкѣ поѣздишь, замѣсто коляски то на рѣзинахъ, а жить въ меблированныхъ комнатахъ будешь...

Клавденьку эти доводы убѣдили, и она согласилась съ мужемъ и просила его научить, какъ склонить старика на передачу всего имущества въ ея пользу.

— Не отходи стъ него ни на минуту, ухаживай за нимъ, жужжи ему въ уши, что вотъ я тебѣ говорилъ сѣйчасъ, будь вѣжна съ братомъ, показывай отцу видъ, что ты любишь брата больше всего на свѣтѣ, учишь Коптилинъ жену. Поступая такимъ вотъ мамеромъ, прибирай къ рукамъ все, что у него есть въ наличности, и склоняй на передѣлку духовнаго завѣщанія, склоняй, чтобъ онъ меня сдѣлалъ душеприказчикомъ, хвали меня во всѣ лопатки, а я ужъ знаю, что дѣлать... Я вотъ теперь готовлю отчетъ по лавкѣ и такой отчетецъ приготовлю, что у старика слюнки побѣгутъ!.. Знай, Клавденька, что съ твоимъ приданнымъ намъ не жить по людски, знай, что насъ опекуны брата, если онъ наслѣдникомъ будетъ, во какъ скрутятъ—страхъ!.. Мы привыкли жить то на широкую ногу, а тамъ и въ половину, и въ четвертую долю такъ жить не придется... Будешь женою приказчика, ни больше, а устроишь дѣло умненько—барыней заживешь!..

— Я буду стараться, Ваня, обѣщалась Клавденька.

— И старайся...

— Только ты брата не обижай, лѣчи его, за границу пошли и если его вылѣчатъ—его часть ему сполна отдадимъ.

— Натуральное дѣло отдадимъ, чужимъ не воспользуемся!..

Занятый достиженіемъ своей цѣли—получить все состояніе тестя въ свои руки, Коптилинъ не думалъ о братѣ покойной Лизы, клятва котораго при гробѣ сестры дошла до Ивана Петровича и заставила было его первое время смутиться. Но теперь онъ и думать забыть объ этомъ обстоятельстве, отдавшись заботамъ о наслѣдствѣ.

А братъ Лизы клялся не даромъ. Несчастный молодой человѣкъ, потерявшій въ жизни все, находилъ единственное утѣшеніе въ нѣжно любимой и любящей сестрѣ, въ ней одной сосредоточивалась его загубленная жизнь, одна она служила ему, такъ сказать путеводной звѣздой, спасеніемъ. Въ припадкѣ неисходной тоски, которая обыкновенно овладѣвала имъ послѣ похмѣлья, молодой Махровинъ не одинъ разъ собирался покончить жизнь самоубійствомъ приходилъ къ рѣкѣ, или дѣлалъ петли, но вспомнивъ сестру, съ ужасомъ бѣжалъ отъ страшнаго намѣренія и давалъ себѣ клятву не поднимать на себя рукъ, зная, что его самоубійство усугубило бы горе сестры, зная, что она любитъ его и жалѣетъ и надѣется на его исправленіе. Последнее время Махровинъ сталъ даже меньше пить, исправился, а узнавъ, что Лиза выходитъ замужъ, былъ очень обрадованъ. Онъ собралъ свѣдѣнія о Слободовѣ и узналъ, что это былъ человѣкъ слабый, но не злой и женится на Лизѣ по любви. Махровинъ радовался за сестру, считалъ ея страданія оконченными и вдругъ узналъ о трагической кончинѣ ея!.. Изъ полученнаго дневника и записки Лизы онъ понялъ все, понялъ, кто былъ виновникомъ ея гибели и поклялся отомстить за сестру, потерявъ въ ней все. Не имѣя силъ удерживаться болѣе отъ пагубной страсти къ вину. Махровинъ послѣ похоронъ Лизы запилъ, что называется, „мертвую,“ и пилъ долго, но выгулявшись, тотчасъ же приступилъ къ исполненію данной при гробѣ Лизы клятвы. Запратавъ за сапогъ отточенный ножъ, онъ сталъ слѣдить за Коптилинымъ, ждалъ его около воротъ, приходилъ къ лавкѣ, но долго ему не удавалось встрѣтить заклятаго врага: Коптилинъ прямо съ подѣзда садился въ пролетку, а отъ лавки испугаго, плохо одѣтаго молодого человека гнали артельщики, принимая его за попрошайку, которыхъ такъ много шляется въ городѣ. Махровинъ терпѣливо ждалъ случая.

Одинъ разъ онъ подошелъ къ воротамъ Коптилинскаго дома и вошелъ во дворъ.

— Кого тебѣ надо? окликнуть его дворникъ.

— Надо бы вашего хозяина повидать... дома онъ?

— Зачѣмъ тебѣ и какого хозяина, тоись старика, или молодого?

— Молодаго, Ивана Петровича... Онъ мнѣ велѣлъ придти насчетъ мѣста, мѣсто онъ обѣщалъ мнѣ дать въ конторѣ...

Дворникъ подумалъ и поглядѣлъ на кучера, который, покуривая на козлахъ пролетки, ждалъ выхода Коптилина.

— Доложить объ немъ, что ли, Максимъ? спросилъ дворникъ у кучера.

— Чаво объ немъ докладывать-то? Вотъ выйдетъ сейчасъ и увидить...

— Правда и то... Встань вотъ тутъ, молодецъ, подожди, хозяинъ сейчасъ выйдетъ...

Махровинъ, дрожа отъ волненія, испытывая то смертельный ужасъ, то радость, то сгорая жаждою мести, отошелъ немного и всталъ у крыльца. Не прошло и десяти минутъ, какъ Коптилинъ, одѣтый по обыкновенію франтомъ, довольный, веселый, вышелъ на крыльцо и попыхивая сигарой, сталъ любоваться своимъ статнымъ недавно купленнымъ конемъ... Едва стоя на ногахъ отъ сильнаго волненія, Махровинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Это что за человѣкъ? спросилъ Коптилинъ.

Онъ никогда не видалъ молодого Махровина и не зналъ его.

— Къ вамъ, Иванъ Петровичъ, насчетъ мѣста, говорить, объяснилъ дворникъ, подбѣгая къ хозяину безъ шапки.

— Какого мѣста?..

Махровинъ сдѣлалъ еще два шага и былъ отъ Коптилина на разстояніи двухъ аршинъ.

— Какого мѣста? повторилъ Коптилинъ, нахмурившись. Ты, кажется, пьянъ, любезный?..

— Несчастливъ... Не пьянъ, а несчастливъ, чуть слышно отвѣтилъ молодой человѣкъ. Несчастливъ я, убить...

Въ глазахъ его сверкнуло бѣшенство.

— Ты убилъ меня! вдругъ крикнулъ онъ. Сестру убилъ и меня... Я Махровинъ...

Не успѣлъ еще Коптилинъ опомниться, отъ неожиданности, какъ Махровинъ быстро нагнулся, выхватилъ ножъ и бросился на него...

Направленный невѣрною слабою рукою, ножъ только скользнулъ по пальто, разорвалъ драпъ и слегка оцарапалъ грудь Коптилина, и въ одинъ мигъ рука убійцы очутилась въ рукѣ врага.

Коптилинъ былъ очень силенъ, онъ стиснулъ руку Махровина, какъ желѣзными клещами, а другой рукою ударилъ его по головѣ, сбиль съ ногъ и придавилъ колѣнкой къ землѣ. Кубаремъ свалившійся съ козелъ кучеръ и подбѣжавшій дворникъ схватили Махровина, скомкали его, скрутили руки назадъ и дворникъ связалъ ихъ своимъ фартукомъ... Все это произошло менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты.

Блѣдный, съ трясущейся нижней челюстью, дрожа всѣмъ тѣломъ, стоялъ Махровинъ и въ упоръ глядѣлъ сверкающими глазами на Коптилина.

— А, такъ ты вотъ какъ!.. Такъ ты вотъ что! задыхаясь, кричалъ Коптилинъ. Убивать, на разбой сюда пришелъ... Бей его... Бей его чѣмъ попало!.. Ну!..

— Лучше бы въ участокъ, Иванъ Петровичъ... Бѣды бы не вышло, нерѣшительно проговорилъ дворникъ.

Коптилинъ размахнулся и ударилъ связаннаго по лицу.

— Ведите его! крикнулъ онъ. Батюшки, у меня вѣдь, кровь!.. Доктора мнѣ, скорѣй доктора!.. Максимъ, скачи живо за докторомъ!..

Ножъ слегка оцарапалъ кожу на груди Коптилина и по скортуку струилась кровь... Обѣжался народъ, выбѣжала Клавденька, явилась полиція, и черезъ часъ половина города знала уже о происшествіи съ Коптилинымъ. Опять поговорили объ этой исторіи, опять такъ и саякъ судили его и покойную Лизу и опять-таки забыли все, вспомнили только не на долго въ день суда надъ Махровинымъ, котораго судили за покушеніе на убійство съ обдуманымъ заранѣе намѣреніемъ и приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь. Охотно пошелъ молодой человѣкъ въ ссылку, и до москвичей дошли слухи, что онъ жилъ тамъ хорошо, пересталъ пить поступилъ на какой-то заводъ конторщикомъ, исправился и сталъ человѣкомъ, простивъ врагу и благодаря Бога за то, что Онъ не попустилъ его совершить грѣховное дѣло...

А Коптилинъ?

Иванъ Петровичъ Коптилинъ, первой гильдіи купецъ и извѣст-

ный коммерсантъ, живетъ въ свое удовольствіе, имѣетъ громадное дѣло и пользуется благосклоннымъ вниманіемъ купеческихъ дамъ и дѣвицъ. Онъ наследовалъ отъ тестя все его достояніе, сдѣлался полнымъ владѣльцемъ дома, лавокъ и капитала. Шуринъ его, большой братъ Клавденьки, живетъ въ крохотномъ мезонинѣ и служить потѣхою для двора, а сама Клавденька переѣхала жить къ даль- ной родственницѣ, такъ какъ супругъ послѣднее время нашелъ въ ней много недостатковъ и лѣчить ее отъ этихъ недостатковъ принялся кулакомъ. Клавденька предпочла жизнь бѣдную, но безъ побоевъ и живетъ кое какъ, постарѣла, подурнѣла и уже давно не кокетничаетъ...

— Я пришелъ въ Москву, милостивые государи, въ лаптяхъ, часто говорилъ Коптилинъ, пришелъ пирогами торговать и доселѣ бы торговалъ, да только повезло мнѣ въ жизни—кладъ я нашелъ!..

— Кладъ? спрашиваютъ его.

— Да-съ, кладъ...

Но какой кладъ,—Иванъ Петровичъ не говоритъ.

ТАКЪ БЫЛО СУЖДЕНО.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Въ жаркій лѣтній полдень 1881 года по Калужской дорогѣ, по направленію къ Москвѣ, пажкомъ ѣхали два путешественника въ легонькомъ тарантасѣ, запряженномъ рослымъ, сильнымъ конемъ, который, не смотря на удушливую жару, порывался впередъ, безпокойно тряся головой и отмахиваясь хвостомъ отъ мучившихъ его оводовъ; молодой парень, одѣтый въ красную рубаху и атласный черный жилетъ, по которому вислась серебряная часовая цѣпочка, насилу сдерживалъ его. Другой путешественникъ, повидимому купецъ, поминутно утиралъ лицо платкомъ и тяжело дышалъ отъ невыносимой жары. Это былъ плотный, широко сложенный брюнетъ, лѣтъ 40 съ небольшимъ. Окладистая, черная, какъ смоль, борода его, серебрилась легкой сѣдиной; умное энергичное лицо выражало досаду.

— Эка, прости Господи, жарща-то! воскликнулъ онъ. Дышать просто не въ моготу.

— Страхъ какъ палить! Индо въ голову ударило! сказалъ парень. Да этотъ еще чортъ-то рвется да палить — всѣ руки оттянулъ, окаанный!

И парень сердито передернулъ возжами.

— Ему, братъ, хуже нашего: вишь, какъ его оводы-то жарятъ!

— Да, донимаютъ! А пустить нельзя: кладъ-то ваша такая...

— Кладь, братъ, хрупкая, нѣжная, и шагомъ-то ѣхать надо съ опаской, а то одни черепья привезешь, а вѣдь штука-то двѣ со-
тельныхъ стоитъ! Купецъ поправилъ ящикъ, стоявшій у него въ
ногахъ.

— Что говорить!

— А далече еще до Москвы-то?

— Да верстъ тридцать еще будетъ, коли не больше...

— Гм! издохнешь просто!.. Рази вотъ что...

— Что-съ?

— Не переждать-ли намъ жару-то?

— Что же, очинно можно; въ деревню, что-ль, свернуть?

— Зачѣмъ въ деревню? Свернемъ вотъ въ кусточки-то, да и
переждемъ; закусимъ, чайникъ разогрѣемъ...

— Отлично-съ! А тутъ вотъ, съ полверсты подальше, ручеекъ
есть, вода въ немъ ахтителъная! Я, какъ у Сатина жилъ, часто
тутъ бывалъ: на охоту хаживали съ нимъ, утокъ тутъ страсти!

— Ну, вотъ и отлично! въ холоду-то и буланка не такъ эфти
дьяволы-то будутъ кусать...

— Конечно-съ!

И проѣхавъ еще съ полверсты, путешественники свернули съ
дороги въ лѣсокъ и расположились на отдыхъ. Парень отпрегъ
лошадь, привязалъ ее къ тарантасику и, доставъ изъ подъ сидѣнья
корзину съ закуской и мѣдный чайникъ, побѣжалъ къ ручейку
добывать воду, и скоро путешественники сидѣли въ тѣни кустар-
ника и закусывали, попивая чаекъ.

— Ловкій ты парень, Серега: вишь, какъ у тебя все скоро
поспѣло! похвалилъ купецъ парня.

— Спасибо на добромъ словѣ, Григорій Максимовичъ!.. При-
вычка-съ къ эфтому... Бывало съ Сатинымъ все въ дорогахъ, да
въ дорогахъ, а то на охотѣ,—онъ вѣдь охотникъ страсть какой!

— Что же ты не жилъ-то у него?

— А какъ женился онъ, такъ и пошли у нихъ въ домѣ пере-
полохи да неудовольствія разныя, а потомъ и дѣло хуже пошло,
такъ что ему свою часть бросить пришлось, да къ дядѣ въ Пи-
теръ, въ родѣ приказчика, ѣхать, ну, я и отошелъ, а то житье
важное было-съ, и по сейчасъ поминаю!

— Ничего, и у меня хорошо будетъ... Со мной жить можно, только приноровиться нужно—горяченекъ я...

Парень улыбнулся.

— Говорили мнѣ-съ, какъ порядился къ вамъ. „И недѣли, говорятъ, не проживешь: крутъ больно Григорій-то Максимычъ!“ Одначе, вотъ живу-съ...

Купецъ помолчалъ.

— У тебя сноровки много, знаешь, какъ подойти, за дѣло схватиться, а это то самое первое дѣло и есть!.. Крутъ, крутъ!.. Будешь крутъ, какъ сотни двѣ остолоповъ у тебя живетъ, одинъ другого норовистѣе! Помаяшься съ ними, съ дьяволами, день то деньской—по неволѣ осатанѣешь, да въ ухо иному дашь! Ангела изъ терпимости выведутъ, а не то што!.. Ихъ не бить, чертей, такъ съѣдятъ тебя!

— Эфто вѣрно-съ.

— Ну, и лупишь съ плеча, и дуешь ихъ, а по привычкѣ, и дома-то злобствуешь, да рвешь, вотъ и крутъ... Хмѣльной я точно что крутенекъ, шутить въ тѣ поры со мной не нужно...

Купецъ выпилъ изъ походной бутылки глотка два рому.

Молодой парень посмотрѣлъ на него съ боку и малость самую нахмурился: глотки эти были далеко не первыми, брюнетъ ужъ начиналъ хмѣлѣть.

— Ты у Сатина-то сколько получалъ?

— Четыре сотельныхъ въ годъ; я вѣдь у него почти за главнаго былъ...

— Ну, я тебѣ пять положу съ зимы, только живи хорошо.

— Благодаримъ покорно, Григорій Максимовичъ, заслужу-съ!

— Вечеръ мы луга у мужиковъ снимали, ты ловко орудовалъ: видно, что у тебя смѣтка есть, а мнѣ это и надо, потому я съ ними самъ говорить не могу: задоръ меня беретъ и норовишь комунибудь въ ухо заѣхать, а нѣтъ такъ и леворверомъ свистнешь! Прш-лое лѣто я одного парня такъ леворверомъ огрѣлъ, што насилу отдышался онъ!.. Три сотельныхъ выпятилъ ету... Подлый и народъ, чортъ ихъ обдери!

Купецъ опять глотнулъ изъ бутылки.

— Нѣтъ, вотъ тоже съ Сатинымъ мы... заговорилъ было па-

рень, но въ эту самую минуту, почти надъ самымъ ухомъ его, грянуль выстрѣлъ и раскатился по лѣсу.

Купецъ вскрикнулъ даже отъ испуга, а буланка рванулся назадъ, взвился на дыбы и, порвавъ недоуздокъ, во весь опоръ поскакалъ изъ лѣсу, храпя и вскидывая задомъ.

Оба путешественника вскочили.

— Кой это дьяволъ пальнулъ тутъ? оглянувся купецъ, сверкая глазами и сжимая въ рукѣ бутылку съ ромомъ.

— Кто его знаетъ, оглашеннаго! проворчалъ парень, подбѣгая къ наклонившемуся на бокъ и чуть не упавшему тарантасику. Вишь, его угораздило, проклятаго, чтобъ ему лопнуть!.. Что теперь съ конемъ-то дѣлать? Ускачетъ онъ и не вѣсть куда!..

Въ это время изъ-за кустовъ орѣшника вышелъ на полянку виновникъ переполоха. Это былъ худенькій старичекъ, съ сѣдыми баками, съ морщинистымъ лицомъ, одѣтый въ сѣрый суконный сюртукъ и въ бѣлыя коломенковыя брюки заправленныя за худенькіе сапоги; на головѣ у него была соломенная старинная фуражка, въ рукахъ плохенькое ружьецо. Такъ и накинута на охотника освирѣпѣвшій брUNETъ.

— Ты што это, чортъ тебя задави, окаяннаго, стрѣляешь тутъ?.. Убить, што ли, насъ хотѣлъ, анаеема? Убійца ты, што-ли, какой? Разбойникъ!..

— Палить, дьяволъ, зря! Лошадь-то убѣгла теперь, убьется еще... Эхъ ты, провалъ тебя возьми! закричалъ и парень. Шею тебѣ намять нужно, проклятому!..

— Лошадь-то вѣдь пятьсотъ цалковыхъ стоитъ, оголтѣлый ты чортъ! свирѣпо прохрипѣлъ брUNETъ и со всего размаху ударилъ охотника бутылкой по виску.

— Ой! вскрикнулъ старикъ и схватился за голову. — Убили, убили! слабо проговорилъ онъ и, покачнувшись, упалъ въ траву, обливаясь кровью.

— Григорій Максимычъ! Что вы надѣлали?.. Батюшки мои, вѣдь вы убили его! отчаянно вскрикнулъ парень, подбѣгая къ старику, который конвульсивно хватался за орошенную кровью траву и хрипѣлъ, въ предсмертной агоніи.

Мрачно стоялъ брUNETъ надъ распростертымъ у его ногъ охотникомъ, и смертная блѣдность покрыло его лицо.

— Убилъ!.. Господи, помилуй меня, окаяннаго!.. Убилъ!.. Убийца, злодѣй, прошепталъ онъ и наклонился надъ старикомъ.

— Сережа, голубчикъ, что онъ?.. Господи!..

— Что, Григорій Максимычъ, плохо дѣло: скончался вѣдь старикъ, то!

Дико вскрикнулъ купецъ, и схвативши себя за волосы, упалъ головой на убитаго охотника.

Парень понурилъ голову и растерянно теребилъ часовую цѣпочку, пачкая ее еще теплой кровью убитаго старика, которая покрывала его атласный жилетъ и трясущіяся руки.

Купецъ истерически рыдалъ на тепломъ еще трупѣ своей жертвы.

II.

Въ это же самое время и по той же Калужской дорогѣ ѣхалъ всадникъ на приземистой *низовой* лошади. Бойкая выносливая лошадка, покрытая пылью и изъ вороной казавшаяся сѣрой—легко шагала по пыли дороги и въ тактъ помахивала хвостомъ, не обращая большаго вниманія на оводовъ и только изрѣдко сердито взглягивала на докучнаго врага, аппетитно впившагося ей въ крупъ. Всадникъ былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 23—4 средняго роста блондинъ, съ вьющимися свѣтло-русыми волосами, съ маленькой кудрявой бородкой и съ бойкими плутовскими глазами, которые такъ и свѣркали изъ подъ тонкихъ, энергично сдвинутыхъ бровей. Стройный широкоплечій станъ всадника облежала сѣрая поддевка изъ лѣтней матеріи; на ногахъ были надѣты высокіе сапоги, простроченные шелками и украшенные лаковыми широкими отворотами; кудрявую голову покрывала черная суконная фуражка съ лакированнымъ козырькомъ.

Ловко и крѣпко сидѣлъ всадникъ на казацкомъ сѣдлѣ и, бросивъ поводья, мурлыкалъ какую-то пѣсенку, похлестывая по сапогу нагайкой.

Когда раздался выстрѣлъ, всадникъ проѣхалъ уже то мѣсто, гдѣ расположились наши путешественники. Онъ слегка вадрогнулъ и оглянулся; конь его только повелъ ушами и покосился на лѣсъ.

— Экъ его! сказалъ всадникъ и поправился на сѣдлѣ. Въ это

время по лѣсу раздался конскій топотъ, и буланый, испуганный выстрѣломъ, бѣшено вылетѣлъ на дорогу и, круто повернувшись, проскакалъ мимо самого всадника и понесся по дорогѣ къ Москвѣ, вздымая пыль.

— Напугался конь то, убѣгъ, проговорилъ всадникъ, и подбралъ поводъ. Надо догнать, а то уйдетъ, дорогой конь-то... Наклонился всадникъ къ передней лукѣ, махнулъ плетью, гикнулъ, и степной конь его вихремъ полетѣлъ въ догонку буланого, разстилаясь по дорогѣ.

Минутъ черезъ пять бѣшеной скачки всадникъ догналъ буланого и поскакалъ съ нимъ рядомъ, отбѣсняя его къ лѣсу и ставя своего степняка на перерѣзъ. Буланый свирѣпо хралѣлъ, и на скаку подымался на дыбы, пытаясь смять всадника.

— Врешь, не уйдешь! вскрикнулъ всадникъ и ловко схватилъ горячаго коня за узду сильной желѣзной рукой. Бѣшено рванулся буланый въ сторону, но всадникъ соскочилъ съ своего степняка и, повиснувъ на поводѣ буланого, удержалъ его.

— Тсъ, тсъ!.. Тише, тише, шалишь! началъ онъ успокоивать трясущуюся лошадь и гладилъ ее по крутой взмыленной шеѣ. Когда буланый успокоился, молодой человѣкъ оглянулся на своего степняка, очень покойно щиплющаго траву, и свистнулъ ему; тотъ поднялъ голову, весело заржалъ и подошелъ къ хозяину.

— Откуда же ты, красавецъ, удралъ это? осматриваясь кругомъ, проговорилъ молодой человѣкъ, лаская буланого. Не иначе, какъ въ лѣсу ктонибудь жару пережидалъ... Пойдемъ хозяина искать!

Молодой человѣкъ окончательно усмирилъ испуганнаго коня и пошелъ по опушкѣ, ведя его въ поводу: степнякъ шелъ сзади, срывая траву и пережевывая ее взнузданнымъ ртомъ.

Молодой человѣкъ прошелъ саженой двѣсти.

— Кой чортъ! проговорилъ онъ. Вѣдь выстрѣлъ-то раздался сію минуту, да и близко—что же не видать никого? Пора бы бѣжать, кажись, за лошадью-то... Ужъ не въ лобъ-ли себѣ всадилъ пулю хозяинъ буланого коня? Чудно!.. Пойдемъ, поищемъ...

Молодой человѣкъ опять пошелъ по опушкѣ.

— Эге? вотъ гдѣ слѣдъ въ лѣсу то, тутъ они свернули, тутъ, должно быть, и найду кого...

Когда молодой человекъ, ведя въ поводу буланого и сопровождаемый своимъ степнякомъ, прошелъ лѣсомъ шаговъ сто, въ сторонѣ, за кустами орѣшника, послышался шепотъ.

Молодой человекъ остановился и сталъ прислушиваться.

— Что за чудеса такія! подумалъ онъ. Не придорожные ли развѣ молодцы ухлопали кого? Въ такомъ разѣ они и мнѣ спуску не дадутъ... надо того, поопаситься!

Молодой человекъ вытащилъ изъ за голенища сапога револьверъ и, осмотрѣвъ заряды, смѣло пошелъ на голосъ.

Убитый старикъ лежалъ все въ томъ-же положеніи, но ужъ посинѣлъ весь и похолодѣлъ. Черноватый купецъ мрачно стоялъ около него и зорко озирался по сторонамъ; молодой парень облокотился о тарантасъ и въ глубокомъ отчаяніи шепталъ: „убили старика то, ухлопали сердечнаго!... Куда теперь головы наши поспѣли?.. Господи, Господи!.. Не виновенъ я ни въ чемъ, а, глядишь, и меня затаскають, да засудятъ, а вѣдь у меня жена, ребенокъ!.. О, Господи, Господи!..

Когда всадникъ, поймавшій коня, раздвинувъ кусты, вышелъ на полянку и въ недоумѣніи остановился, увидавъ описанную сцену, брѣжетъ безумно уставился на него и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Тебѣ чего нужно?.. Ты что за человекъ? глухо спросилъ онъ.—Свидѣтель, доносчикъ!..

— И этого еще убейте! крикнулъ парень,—ума въ васъ нѣтъ!.. Родной, голубчикъ! обратился онъ къ молодому человеку,—вызвали насъ на бѣду, помоги головы спасти, научи, какъ быть!.. Человека, вѣдь, хозяинъ то убилъ!..

— Какъ человека убилъ?! За что?

— Ой, бѣда наша!.. Пришли мы тутъ отдохнуть, жару переждать, чайникъ вскипятили... Сидимъ мы это, чай пьемъ, разговариваемъ... Вдругъ, братецъ мой, выстрѣлъ!.. Испугались мы, потому очень ужъ громко пальнулъ-то онъ, а лошадь вотъ тутъ привязана была, оторвалась да бѣжать... Глядимъ, а онъ, сердешный, старичекъ то вотъ эфтотъ...

Парень покосился на убитого и глубоко вздохнулъ.

— Выходить изъ за кустиковъ; мы не него; ругать зачали, а хозяинъ какъ подскочилъ къ нему, да какъ свистнетъ его бутыл-

кой плетеной по виску—онъ только ахнулъ, голубчикъ!.. Ой, бѣда наша, ой, погибель неминучая!..

Во время разсказа парня, купецъ стоялъ, потупивъ голову, и шепталъ что-то подъ носъ.

— Плохо дѣло! проговорилъ молодой человѣкъ и подошелъ къ убитому; привязавъ сначала пойманную лошадь къ тарантасу.

— Э! воскликнулъ онъ,—да старикъ-то знакомый мнѣ!..

— Что ты?! Кто онъ? вскрикнули и купецъ и парень.

— Такъ, бобыль одинокій, изъ дворовыхъ прежнихъ; вотъ тутъ онъ, въ сельцѣ Панкратьевѣ проживалъ, а мы туда по дѣлу ѣдимъ... Эхъ, старикъ, старикъ, попался, сердешный, на медвѣдя лютаго!.. За что ты ухлопалъ его, купецъ? Старикъ-то какой душевный былъ!.. Хорошо, что не осталось у него ни роду, ни племени... Вы то кто такіе? обратился молодой человѣкъ къ парню.

— А это...

— погоди! порывисто подошелъ купецъ къ разговаривающимъ.— Слушай, молодецъ, обратился онъ къ незнакомцу,—мой грѣхъ былъ, я и въ отвѣтъ за него на томъ свѣтѣ стану, я здѣсь молиться буду, добро творить, коли ты захочешь укрыть грѣхъ мой, не донесешь на меня... Хочешь доносить—иди, объявляй, а не хочешь, желаніе имѣешь пощадить человѣка—не пошто тебѣ и званіе мое знать!.. Вотъ тебѣ за молчанье отъ меня и поѣзжай съ Богомъ!..

Купецъ досталъ бумажникъ.

— погоди. купецъ; денегъ я за такое дѣло не возьму—не подобаетъ это—а молчать, Богъ съ тобой, буду... Замаливай свой грѣхъ, а деньги, што мнѣ хотѣлъ дать, лучше нищимъ раздай... Прощайте, Богъ съ вами.

Молодой человѣкъ пошелъ было къ своему степняку, но вернулся и подошелъ къ убитому.

— Прости, сердешный, вѣчная тебѣ память, голубчику! проговорилъ онъ и перекрестившись поклонился до земли. Помни же, купецъ: много тебѣ добра надо дѣлать, чтобъ замолить грѣхъ свой: добраго ты человѣка, хорошаго человѣка убилъ!

Незнакомецъ сѣлъ на своего степняка и повернулъ его на дорогу.

— погоди, молодецъ! остановилъ его купецъ. Не знаешь ты какъ зовутъ его?

— Кого?

— А вотъ... Старика то, мной убитаго, какъ зовутъ? рѣзко крикнулъ купецъ.

— А! Звали его Степаномъ, а теперь ужъ никакъ не зовутъ!.. Молись за убиеннаго Степана, да добро дѣлай, не скупясь!.. Прощайте!

Молодой человѣкъ крупной рысью выѣхалъ изъ лѣсу.

Когда уже было совершенно темно, изъ лѣсу выѣхала знакомая намъ телѣжка, запряженная буланымъ конемъ, и быстро покатила къ Москвѣ; не боялся ужъ, видно, теперь хозяинъ ея, за цѣлость своей поклажи—не до нее ему было!..

На томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ расположились наши путешественники на отдыхъ, теперь никого не было, а подъ густымъ кустомъ орѣшника, закиданной травой и прошлогодними листьями, лежалъ старый охотникъ...

Ружье его было заброшено въ ручей, бѣдное платьѣ на теплинкѣ сожжено, и не найти никому убійцу старика!

Придетъ осень, опадутъ листья посохнутъ трава, и увидятъ люди убитаго охотника.

— Ухлопали тебя, скажутъ, злодѣи какіе то! Польстились на одежду твою бѣдную, на ружьишко дрянное!

И похоронятъ старика.

„Будутъ пѣсни къ нему хороводныя

„Изъ села по зарѣ долетать;

„Будутъ нивы ему хлѣбородныя

„Безгрѣховныя сны навѣвать...

III.

На Большой Ордынкѣ, въ Грибоѣдовскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, живетъ купецъ Петръ Максимовичъ Сальниковъ, крупный торговецъ.

Петръ Максимовичъ слыветъ богачемъ, капиталистомъ; его обороты, которые онъ ведетъ вмѣстѣ съ холостымъ братомъ, доходять, говорятъ, до милліона, но и по его обстановкѣ, и по его жизни,

этого незамѣтно: онъ живетъ скромно, даже сѣро, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ сосѣдей, небогатыхъ торговцевъ, и только щеголяя лошадьми, которыя считаются лучшими во всемъ Замоскворѣчьи. Домъ у Сальникова большой, много въ немъ комнатъ; но эти комнаты, обставленные старинной мебелью, со стѣнами, украшенными иконами, стоятъ запертыми и открываются раза три, четыре въ годъ, а остальное время онъ довольствуется съ семействомъ пятью комнатами въ нижнемъ этажѣ, да небольшимъ флигелемъ на дворѣ, гдѣ помѣщается его контора и живутъ приказчики.

Громадный садъ при домѣ запущенъ; нѣтъ въ немъ не изящныхъ бесѣдокъ, ни куртинъ, ни подстриженныхъ деревьевъ, какъ у другихъ богатыхъ купцовъ; но за то въ саду такое обиліе ягодъ—крыжевнику, малины, смородины, вишенъ, что ихъ хватаетъ на все семейство, и многочисленныя варенья и соленья приготовляются на круглый годъ изъ своихъ ягодъ.

Рѣдко бываютъ гости у Сальникова, и узорчатые, окрашенные зеленой краской ворота, стоятъ постоянно запертыми; громадные окна съ зеркальными стеклами никогда почти не блещутъ огнями, и лишь только упадутъ сумерки, какъ домъ точно засыпаетъ, и тишина въ немъ и на обширномъ дворѣ нарушается только злобнымъ лаемъ двухъ, спущенныхъ по блоку, овчарокъ.

Петръ Максимовичъ, лѣтъ пять тому назадъ, овдовѣлъ, и женское хозяйство въ домѣ ведетъ его сестра, старая дѣвица, лѣтъ 40, Марья Максимовна, да дочь невѣста, Катя; эта сестра и дочь составляютъ все семейство; братъ живетъ въ своемъ домѣ на Пятницкой улицѣ? живетъ холостымъ бобылемъ со старухой матерью.

Катя Сальникова, единственная наследница всего движимаго и недвижимаго имущества отца и холостяка дяди, считается невѣстой настолько заманчивой, что свахи чуть ли не каждый день по нѣсколько разъ бѣгаютъ на дворъ, предлагая свои услуги и переговаривая съ Марьей Максимовной, но до сихъ поръ уходятъ ни съ чѣмъ, къ великому неудовольствію жениховъ. Свахи, впрочемъ, ходятъ въ домъ „съ опаской“, избѣгая встрѣчи съ самимъ Петромъ Максимовичемъ, который ихъ не долюбливаетъ и крѣпко пугаетъ.

Одинъ разъ, заставъ у сестры извѣстную всему Замоскворѣчью сваху *Лимоницу*, Петръ Максимовичъ сурово оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и, не отвѣчая на ея почтительный поклонъ, спросилъ:

— Зачѣмъ Богъ принесъ? Какое такое дѣло до насъ у вашей милости?

— Побесѣдовать къ сестрицѣ вашей, золотой мой, пришла, къ Марьѣ Максимовнѣ забѣжала, про здоровьице провѣдать, на доченьку вашу, красавицу, глазкомъ взглянуть, благодѣтель, загѣла сваха.

— Мы здоровы, да и ты не докторъ, — не пошто шлаться то, пороги обивать!..

— Ай, золотой мой, неоцѣненный!.. Вѣдь у меня мастерство знаешь какое—авось и пригожусь чѣмъ!

— Береги для другихъ, намъ не нужно!

И Петръ Максимовичъ пошелъ.

— Вотъ что я скажу, Передряга Завориховна, остановился онъ въ дверяхъ,—ходить ты ходи, коли охота тебѣ есть, а только безъ сказокъ своихъ, а то пускать не велю! Слышишь? У Катерины моей есть женихъ, и другаго намъ не нужно. Такъ и скажи всѣмъ...

Петръ Максимовичъ вышелъ.

— Кто же такой, Марья Максимовна, голубушка моя, женихъ—то у Катеньки вашей? съ любопытствомъ спросила сваха.

Марья Максимовна пожала плечами.

— Не знаю, милая! Говорилъ про это мнѣ братецъ, а кто же нихъ—не знаю! Ты, вѣдь, знаешь его, скажетъ ли онъ что намъ!

— Гдѣ сказать, матушка! Петръ Максимовичъ, Богъ съ нимъ, карахтерный мужчина и, не въ обиду будь ему сказано, не больно то ласковъ, крутенекъ!..

И Лимониha больше жениховъ не сватала, да и женихи, которые скоро узнали отъ нея, что Катя Сальникова уже просватана за кого-то отцемъ—перестали мечтать о ней и лишь только завидовали тому счастливцу, который будетъ обладать этимъ лакомымъ кусочкомъ.

Помимо богатства, Катя была дѣйствительно кусочекъ лакомый: по всему Замоскворѣчью не было такой красавицы, какъ она.

Блондинка, росту немного болѣе чѣмъ средняго, она поражала каждого сочетаніемъ правильныхъ, но не рѣзкихъ, а мягкихъ, нѣжныхъ линій лица.

Мягкость ливій не переходила впрочемъ въ ту аляповатость и рыхлость, какимъ особенно блещутъ лица кормленныхъ купеческихъ дочекъ, хотя красота Кати и была чисто русская: полныя щеки, подернутыя нѣжнымъ, какъ утренняя заря, румянцемъ: нѣжная атласистая кожа; носикъ немного вздернутый, но маленький, тонкій; полныя губы маленькаго, мягко разрѣзаннаго ротика и синіе, то задумчивые, то блистающіе радостью, какимъ то дѣтскимъ весельемъ, — глазки, полузакрытые длинными рѣсницами — все это въ стройной гармоніи было такъ прекрасно, такъ симпатично, что Катя могла назваться красавицей и удовлетворить вкусу и самаго строгаго цѣнителя и простаго смертнаго.

Сложена Катя была замѣчательно хорошо, и вся фигура ея дышала граціей и изяществомъ, рѣдкимъ въ кругу упитанныхъ, ожирѣлыхъ „барышень“ изъ купечества.

Знающіе близко Катю, любили ее не за одну виѣшность: не было, кажется, существа добрѣе, симпатичнѣе и отзывчивѣе на каждое доброе дѣло этой милой дѣвушки! Всѣ бѣдные околотка находили всегда помощь у Кати; ея карманныхъ денегъ, довольно большихъ, не хватало ей для вспомоствованій различнымъ сиротамъ и бѣднякамъ. Прислуга, приказчики ея отца, навлекшіе на себя чѣмъ-нибудь гнѣвъ Петра Максимовича и приговоренные суровымъ хозяиномъ къ увольненію „безъ рашпета“ обращались „къ матушкѣ Катеринѣ Петровнѣ“ и всегда находили защиту: отецъ, при всей своей суровости, не могъ отказать страстно любимой дочкѣ, и провинившійся прощался.

— Ты, Катерина, балуешь у меня ребятъ, говорилъ Петръ Максимовичъ, — я, такъ и быть, прощу Ивана, но больше ты ко мнѣ съ защитой эфтой ходить не смѣй, а нѣтъ я тебя шугну!

Но не проходило и недѣли, какъ Катя снова приходила къ отцу съ какимъ нибудь ходатайствомъ и всегда лаской, задушевнымъ словомъ, умѣніемъ найти слабую струну у отца, смягчала суроваго родителя и достигала цѣли.

Петръ Максимовичъ смотрѣлъ на добрыхъ дѣла дочки нѣсколько насмѣшливо: онъ всегда скептически относился къ филантропіи и въ каждомъ бѣднякѣ видѣлъ прежде всего лѣвтяя, тунеядца, но Катя умѣла и тутъ доказать необходимость помощи, такъ что

старикъ, въ душѣ по крайней мѣрѣ, соглашался съ нею и нѣтъ нѣтъ, да и давалъ ей небольшія суммы денегъ „на тряпки“, въполнѣ увѣренный, что онѣ уйдутъ не на тряпки, а какому-нибудь бѣдняку. Особенно увѣровалъ Петръ Максимовичъ въ добродѣтель дочери послѣ слѣдующаго:

Пришлось какъ то ему изъ города возвращаться домой на извозчикѣ.

— Вы, ваше степенство, живете въ Грибоѣдовскомъ переулкѣ, али ѣдите туда къ кому?—спросилъ по дорогѣ извозчикъ.

— Живу. А тебѣ что?

— Знаете, стало быть, купца тамъ Сальникова, Петра Максимовича?

— Знакомства съ нимъ не вожу, а знаю. А что?

Извозчикъ поѣхалъ потише.

— Дочь у яво есть, Катерина Петровна ее зовутъ...

— Ну? крайне заинтересованный, спросилъ Сальниковъ.

— Штой-то за ангелъ барышня, Господи!.. Изъ петли она меня вынула, отъ гибели всю семью спасла! восторженно заговорилъ извозчикъ, обернувшись къ сѣдоку.

— Какъ такъ?

— А вишь ты, какое дѣло: пала у меня новѣ весной лошадка, добрая лошадка была, сто съ четвертью далъ за нее... Опоили ее ребята на постояломъ дворѣ и пала, сердешная! Што дѣлать? Семья у меня большая, достатковъ нѣтъ — погибать пришлось! Я туда, сюда — негдѣ и краснаго билета достать, а не то што сотни, али тамъ сколько на лошадь. „Удавлюсь, думаю, больше дѣлать нечего!..“ Убиваюсь я такъ-то, реву, словно ребенокъ малый, а ко мнѣ и приходитъ одинъ сусѣдъ, я за Крестовской заставой живу то. „Што, говоритъ, Степанъ, плохое твое дѣло?“—„Смерть, говорю, пришла, одно слово! Только и осталось, говорю, петлю на шею надѣть!“—„Погоди, говоритъ, мнѣ сусѣдъ то, авось твое дѣло поправится!“—„Какъ, молъ, такъ?“ „А иди“, гыть, „ты на Ордынку въ Грибоѣдовскій переулокъ, отыщи тамъ домъ купца Сальникова и попроси у дворника дочей того купца записочку передать; ангелъ,“ говоритъ, эфта барышня—она тебѣ поможетъ“.—„Гдѣ говорю, помочь: вѣдь, мнѣ нужно рублевъ сто на лошадь то!“—„Поможетъ“, говоритъ сусѣдъ: „мнѣ, гыть, самому она помогла...“

— А онъ, вишь ты, изъ торговцевъ, посудой нонѣ торгуетъ, да прошлаго года погорѣлъ и остался нищимъ, такъ ему, слышь ты: эфто же самая купеческая дочка денегъ на поправку дала; прознала она про него отъ кого то и захотѣла человѣка спасти... Экій Ангелъ, Господи!... Ну, написалъ мнѣ сусѣдъ записку; пошелъ я; къ Иверской Богородицѣ зашелъ, свѣчу поставилъ... Прихожу. Велѣла меня позвать къ себѣ въ горницу. Вхожу я. Красавица она писаная, барышня эта Сальникова! Не выдавалъ я такихъ красавицъ!.. Вы видали ее когда, ваше степенство?

— Видалъ. Ну?

— Ну, выходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: — „Ты, говоритъ, извозчикъ Степанъ?“ — „Я, молъ, матушка“. — „Лошадка у тебя пала?“—спрашиваетъ. „Пала, говорю, барышня; обездолила меня, погибать приходится!“ — „Зачѣмъ, говоритъ, погибать — я тебѣ дамъ денегъ, поправляйся... Я такъ и упалъ въ ножки къ ней, поймалъ башмачекъ то, да и ну цѣловать, да слезами обливать его!.. Подняла меня, смѣется, ангелъ Божій!—„Сколько, говоритъ, тебѣ на лошадь то нужно?“ „Матушка,—говорю, сударыня, сколько милости вашей будетъ — помогите, плательщикъ, говорю, буду...“ — „Иванъ Ивановичъ, эфто сусѣдъ то мой—пишетъ мнѣ, говоритъ, што тамъ гдѣ то у васъ извозчикъ лошадь продаетъ?“ — „Продаетъ, молъ, барышня, да мнѣ эфту лошадку не осилить: полтора ста цѣлковыхъ, говорю, за нее онъ проситъ“... Што же думаешь, братись ты мой?

Извозчикъ совершенно обернулся къ Петру Максимовичу и, какъ то восторженно глядя на него, со слезами на глазахъ воскликнулъ:

— „На, говоритъ, тебѣ полтора ста рублей, купи себѣ лошадку!..“ Не вѣрю я, сударь! Смѣется, думаю, барышня надо мной! А она деньги въ рученькахъ держитъ и подаетъ, мнѣ голубушка!.. Взялъ я, повалился ей въ ножки, да и заревѣлъ, какъ ребенокъ!.. Тетенька тутъ ея была, та индо прослезилась, а допрежь того сурово таково смотрѣла на меня.. Я, говорю: „матушка, спасительница моя, уплачу тебѣ, повремени эфти деньги; ты молъ съ меня записку возьми.“ — „Не нужно, говоритъ, записки, а если поправишься говоритъ, такъ принеси мнѣ, сколько можешь,—я, говоритъ, тѣми

деньгами кому и другому помогу..." Экой ангелъ, экая добродѣтель, Господи!..

Петръ Максимовичъ какъ-то особенно радостно улыбался и сквозь обычную суровость его проглядывала теплота и нѣжность.

— Не уплатишь, чай, ничего ей? съ улыбкой спросилъ онъ извозчика.

— Какъ можно не уплатить!.. Какъ только сколотилъ малость, такъ и отнесъ ей, голубушкѣ, четвертной билетъ, да потомъ опять десять цѣлковыхъ приносилъ—не взяла.

— Не взяла?

— Нѣтъ.—„Дарю, говорить, тебѣ эти деньги, молись за меня; ты, говорить, видно, честный человѣкъ, Богъ, говорить, съ тобой!.." И молюсь же я, грѣшный, за нее? То-ись ни единого дня не пропускаю, што бы за ея здоровье свѣчи не поставить! И ребятишкамъ наказываю молиться за нее: „вы, молъ, погibli бы безъ нее, голубушки нашей!.." Такъ вѣришь-ли, господинъ купецъ,—коли долго не увидаю ее—скука меня беретъ, словно по дочкѣ родной! Ну, и поѣду къ Миколѣ Пыжи за всенощную поглядѣть на ее; она тамоди завсегда бываетъ...

Петръ Максимовичъ ухмылялся себѣ въ бороду, слушая рассказъ извозчика и, доѣхавъ до Грибоѣдовскаго переулка, приказалъ ему остановиться.

— Мнѣ зайти тутъ еще нужно, стой здѣсь, сказалъ онъ и подалъ извозчику рубль.

— Эхъ, ваше степенство! сдачи то у меня нѣтъ.

— Возьми себѣ весь; лишнюю свѣчу когда за купеческую дочь то поставишь; она и мнѣ тоже доброе дѣло однажды сдѣлала...

— Ну?

— Да. Ну, прощай, пора мнѣ.

Петръ Максимовичъ торопливо пошелъ. Придя домой, онъ зашелъ въ контору, гдѣ засталъ у конторщика гостей, сидящихъ за водочкой и поющихъ пѣсни. Въ другое время вышла бы „исторія“, досталось-бы и приказчику, и гостямъ, но на этотъ разъ Петръ Максимовичъ только покосился на водку и ничего не сказалъ, къ великому недоумѣнiю конторщика. Изъ конторы Петръ Максимовичъ зашелъ прямо къ дочери. Катя вышивала въ пальцахъ и пѣла, когда вошелъ отецъ.

— Что распѣлась больно? сказалъ Петръ Максимовичъ, входя въ комнату.

Катя встала изъ за пальцевъ и, видя веселое лицо отца, улыбнулась.

— Такъ, тятенька, вышиваю, да пою себѣ...

— Приданое, што-ль, вышиваешь?

— Нѣтъ, не приданое. Мнѣ приданаго не нужно: я замужъ не пойду...

— Што такъ? Ай тетка уговорила старой дѣвкой быть?

— Не тетка уговорила, а сама не пойду, шутливо, но съ отѣнкомъ грусти сказала дѣвушка.

— Анъ, пойдешь! Я тебѣ и женишка ужъ припасъ...

Катя подняла на отца свои лучезарные глаза; въ нихъ была написана пытливая тревога.

— Што смотришь? Вѣрно говорю.

У Кати дрогнула нижняя губка, а въ глазахъ блеснула слезинка.

— Нѣтъ... Не отдавайте меня, тятенька...

Катя вдругъ зарыдала и порывисто бросилась къ отцу на шею.

— Што такъ? Аль отца жаль?

— Жаль, тятенька!.. Я не пойду отъ васъ...

— Ну, ладно, будетъ объ этомъ... Я къ тебѣ по дѣлу пришелъ: хочу у тебя должникомъ быть. Дай-ка мнѣ рублей сто денегъ, у тебя чай есть, а мнѣ нужно сейчасъ, а нѣту денегъ-то при себѣ...

Катя вспыхнула и смѣшалась. Петръ Максимовичъ съ усмѣшкой смотрѣлъ на нее.

— Давай-ка скорѣй, я тебѣ отдамъ опять, въ заемъ беру...

— Я... У меня... Я, тятенька, ключъ отъ шкатулки потеряла...

— А? Эка бѣда какая!.. Какъ же ты безъ денегъ-то будешь теперь? Я вѣдь думаю, въ шкатулкѣ у тебя есть: помнишь, я тебѣ на Святую сотенный билетъ подарилъ?

— Есть... Я подберу какънибудь ключъ-то, а ломать жалко: шкатулка то хорошенькая...

— Зачѣмъ ломать! Ужъ я обойдусь какънибудь, а чтобъ тебѣ безъ денегъ не быть — на вотъ тебѣ на расходы на твои; я ужъ какънибудь обойдусь, говорю... На вотъ.

Петръ Максимовичъ подаль дочери сторублевую бумажку и улыбаясь вышелъ изъ комнаты.

Катя, по уходѣ отца, крѣпко задумалась. Она представила себѣ, что отецъ далъ ей денегъ, чтобы утѣшить ее, огорченную рѣчью о женихѣ.

— Женихъ! проговорила она, — отдадутъ меня нынѣ зимой, чуешь мое сердце, что отдадутъ... Отдадутъ за немилаго, за чужаго, А!.. *о-о-то!*.. Господи! Матерь Божія, Заступница, спаси меня!

И дѣвушка бросилась на колѣни передъ большой иконой Богородицы и горько, горько зарыдала...

Катя любила своего суроваго, но съ нею всегда, по своему, нѣжнаго и ласковаго отца, и вѣсть о женихѣ, мѣсяцъ или два тому назадъ, не испугала бы ее и не огорчила бы такъ сильно: она была увѣрена, что отецъ за дурнаго его не отдастъ и ужъ если выберетъ ей мужа, то мужа хорошаго, добраго, который будетъ любить ее; теперь же, послѣ одного роковаго дня, послѣ одного отраднаго, но даваго ей потомъ много горя, свиданія — она съ ужасомъ, съ глубокимъ отчаяніемъ думала о замужествѣ и страшно, страшно боялась его!..

Катя *любила*, любила нѣжно, страстно, воѣмъ существомъ любила, но была увѣрена, что любовь ея не принесетъ ей ничего кромѣ горя, страшнаго горя!..

IV.

Катя воспитывалась, какъ большинство дѣвушекъ изъ старинныхъ купеческихъ семействъ. Отецъ ея былъ богатъ, но уже говорилъ, что онъ не лѣзъ въ аристократію, а жилъ по примѣру отцовъ и дѣдовъ: носилъ русское платье, не посѣщалъ ни театровъ, ни, тѣмъ болѣе, клубовъ, велъ знакомство только съ людьми ему нужными, да и тѣ бывали у него раза три въ годъ, въ какіе нибудь особо торжественные дни, а большею частію семейство его проводило время одиноко, развѣ пріѣдетъ кто нибудь изъ родныхъ, да и тѣхъ было немного.

Катя росла одна. Оставшись послѣ матери почти уже взрослой дѣвушкой, она поступила подъ надзоръ тетки Марьи Максимовны, родной сестры отца. Марья Максимовна, не вышедшая замужъ по какой-то скандальной, надѣлавшей въ свое время много шума въ

Замоскворѣчьи, исторіи, была дѣвица довольно пылкаго темперамента и, не смотря на свои, для дѣвицы уже очень почтенныя лѣта, любила *пожить*, не прочь была и въ любовь поиграть, но тщательно скрывала свои симпатіи къ веселой жизни, отчасти изъ боязни братьевъ, отчасти изъ опасенія попасть на зубокъ досужимъ кумушкамъ: извѣстно, какъ бояться купеческія женщины суда своего общества. Скрываясь ото всѣхъ и втихомолку любя одного, очень еще молодого и красиваго приказчика и покучивая съ двумя-тремя подругами, молодыми вдовами, Марья Максимовна особенно таилась отъ племянницы. Причина тому была отнюдь не боязнь доноса: она знала, что благородное сердце Кати неспособно къ этому; нѣтъ, она чувствовала какую-то нравственную потребность не показывать свою закулисную жизнь чистой, какъ голубка, дѣвушка и считала своею священной обязанностію уберечь племянницу отъ всѣхъ тѣхъ искушеній и соблазновъ, которые выпали на долю ей, достаточно впрочемъ и потерпѣвшей за нихъ!..

Подруги Кати были тоже дѣвушки крайне скромныя, крайне робкія и совершенно ужъ неопытныя въ дѣлахъ любви, такъ что это чувство, иногда слишкомъ рано приходящее къ дѣвушкамъ иного общества, моею скромной героинѣ было совершенно чуждо.

Свадьбы подругъ и родственницъ, устраиваемыя родителями, почти безъ вѣдома самихъ невѣстъ, тоже, конечно, не могли дать толчка для любви, и любовь была Катѣ знакома лишь по наслышкѣ, или по какому нибудь трогательному роману, изрѣдка, какъ запрещенный плодъ, попадавшему въ ея руки.

Эта романная любовь казалась дѣвушкамъ выдуманной, или *старинной*, отошедшей въ вѣчность, вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ-то другимъ, не похожимъ на нашъ, вѣкомъ, про который говорилось въ романахъ, въ родѣ „Юрія Милославскаго,“ или т. п.

Такое воспитаніе въ невѣдѣніи жизни, тепличное и полумонашеское, принесло, впрочемъ, Катѣ и свою пользу: оно спасло ее отъ того пошлаго „манерничанья,“ подражанія барышнямъ, ломающаго и отвратительнаго кокетства, которыя присущи многимъ купеческимъ дочкамъ, нигдѣ не учившимся, но, благодаря состоянію батюшекъ, посѣщающимъ балы и вечера.

Не глупая отъ природы, всегда почти одинокая, погруженная

въ тихія думы, Катя была натура цѣльная, нетронутая жизнью и если не вкусившая отъ древа познанія добра и зла, зажигающаго кровь и окрыляющаго мысль, то и не познавшая зла.

Міръ Божій открывался передъ нею не широко, но душа ея была такъ впечатлительна, что изъ малаго она брала много!..

Тихи были думы дѣвушки и никогда не появлялся въ этихъ думахъ образъ мужчины; не было ему мѣста въ тѣхъ цѣломудренныхъ думахъ!

Бѣдность людская, хорошо знакомая только по наслышкѣ, но тронувшая сердце, наполняла думы дѣвушки и давала пищу и для размышлений, и для труда: то приходилось отыскать средство помочь какой-нибудь сиротѣ, то готовить на свои карманные деньги приданое какой-нибудь бѣдной дѣвушкѣ околотка.

Сознаніе, что ей суждено идти въ жизни по волѣ отца, заставляло много работать мысль въ другомъ направленіи: приходилось думать о бракѣ. Но и бракъ являлся въ мысляхъ только переходомъ изъ одного дома въ другой, изъ-подъ покровительства отца—подъ покровительство мужа, и вотъ тутъ только смутно являлось желаніе имѣть этого будущаго покровителя подобрѣе и... покрасивѣе. Чувство красоты всегда живетъ въ человѣкѣ, кто бы тотъ человѣкъ ни былъ, при какихъ бы обстоятельствахъ ни слагалась его жизнь!

Но это чувство у Кати не было любовью! любовь пришла позднѣе; ее не *разбудила* жизнь, а *родила* до извѣстнаго момента совершенно не существующую. Струны были, но онѣ дали звукъ, когда до нихъ коснулась рука..

Такія натуры любятъ безъ порывовъ, безъ страстныхъ вспышекъ, но прочно и отдаваясь любви всецѣло. Огонь любви у такихъ натуръ, особенно женскихъ, разъ зажженный, не пылаетъ съ трескомъ и шумомъ, а горитъ спокойно, но сильно и безъ пищи извнѣ—сожигаетъ сосудъ, въ которомъ хранится.

А полюбила Катя просто.

Собрались онѣ одинъ разъ съ теткой за всеобщаю. Дѣло было въ концѣ прошлаго лѣта, и вечеръ въ тотъ день былъ роскошный.

— Знаете что, тетя, предложила Катя,—попросимъ у тятеньки лошадь, да поѣдемъ въ Симоновъ монастырь?

Тетка согласилась, и онѣ поѣхали.

Не доѣзжая до монастыря, пришлось имъ наткнуться на такую сцену: три мужика, огородника съ сосѣдняго огорода, держали у самой дороги какую-то женщину за руки и, страшно ругаясь, приготавливались учинить надъ нею самосудъ за то, что она нарвала на ихъ огородѣ огурцовъ, для своего сынишки, мальчика лѣтъ шести, который тутъ же стоялъ и отчаянно плакалъ.

— Мы те дадимъ огурцы красть, проклятая!.. Мы те отучимъ отъ эфтого! кричали пьяные мужики.

— Ванюха, давай сюда прутьевъ — отпоримъ ее, анаему, на обѣ корки, забудетъ въ тѣ поры огурцы красть!..

Женщина плакала, умоляла, отдавала свой платокъ, но пьяные, освирипѣлые мужики ничего не слушали, и одинъ уже готовился повалить ее на землю.

— Оставьте ее, голубчики, мы заплатимъ за огурцы, сказала Марья Максимовна, а Катя, возмущенная до глубины души, взволнованная, испуганная—готова была, кажется, броситься и отнять женщину.

— Проѣзжай, проѣзжай своей дорогой! крикнулъ одинъ изъ огородниковъ.— Не огурцовъ жаль, а отучить нужно!..

— Вали ее, чорта! Чаво тутъ зубы то точить?.. А вы убирайтесь, покуда цѣлы! Мы, вѣдь, и вамъ баню зададимъ, коли не унесете ноги-то!.. Жирны бока-то! заоралъ другой.

Кучеръ струсилъ и сказалъ: „надо ѣхать: эфто разбойники сущіе, подгородные эфти — убьютъ! Но въ это время къ мужикамъ во весь опоръ подскакалъ какой-то всадникъ, ѣхавшій сзади Сальниковыхъ и обогнанный ими недавно. Всадникъ былъ молодой человѣкъ, высокаго роста, могуче сложенный брюнетъ; одѣтъ онъ былъ по русски.

— Что вы тутъ, молодцы, дѣлаете! звучнымъ голосомъ крикнулъ онъ и ловко осадилъ, передъ самыми мужиками, своего гнѣдаго, горячаго коня.

— А тебѣ што за дѣло? Ишь, какимъ чортомъ налетѣлъ!.. Проваливай по добру, по здорову!..

— Батюшка, не велите имъ женщину-то бить, избьютъ они ее! крикнула Марья Максимовна. Огурцовъ она у нихъ нарвала; вотъ они и хотятъ ее бить!..

— Заступитесь за нее!.. Бога ради, заступитесь! внѣ себя крикнула Катя.

Незнакомецъ повелъ на нее глазами.

— Оставьте бабу!.. Вы! крикнулъ онъ, повернувъ коня къ мужикамъ. Вотъ вамъ полтина за огурцы ваши... Оставьте!..

— А ты што за командиръ такой, заорали мужики. Тебѣ чего хотца? Ай не бить давно, чортовъ пасынонъ?.. Пошелъ къ дьяволу, покуда цѣлъ!..

— Оставьте ее, говорятъ вамъ! снова крикнулъ всадникъ и соскочилъ съ лошади.—Ну!..

— Ай, убьютъ молодца-то! крикнулъ кучеръ Сальниковыхъ, но не успѣлъ онъ договорить, какъ незнакомецъ схватилъ огороженника, державшаго женщину, и швырнулъ его, какъ щенка. Двоимъ другимъ, бросившимся было на него, незнакомецъ моментально влѣпилъ по затрепичѣ и, загородивъ собою женщину, всталъ въ оборонительное положеніе.

— Не подходи! крикнулъ онъ, опять было бросившимся на него мужикамъ и, наклонившись, быстро вынулъ изъ-за сапога револьверъ.

— Знаемъ васъ, голубчики, безъ опаски не ѣздимъ!.. Бывали въ передѣлкахъ-то!.. Мужики испуганно отбѣжали и ограничились только страшной бранью и угрозами.

— Погоди—мы те запомнимъ это, чортовъ сынъ!.. Знаемъ тебя?..

— Какъ Гришку Волкова не знать!.. Приѣдешь къ намъ въ деревню коровъ покупать — мы тебѣ дадимъ звону! Незнакомецъ, не обращая вниманія на ругань, подошелъ къ пролеткѣ и поклонился.

— Напугали васъ? улыбнулся онъ.—Народъ грубый, балованный эти подгородные, мы то ихъ хорошо знаемъ!..

Катя посмотрѣла теперь на незнакомца и опустила глаза, встрѣтивъ его пристальный, любознательный взглядъ.

— Благодарю васъ, батюшка, заговорила Марья Максимовна, — избавили вы бабу-то отъ бѣды, досталось бы ей!..

-- Да-съ, они бы ужъ натѣшились... Ты, тетка, въ которую сторону идешь-то? обратился онъ къ плачущей еще женщинѣ.

— Къ монастырю, кормилецъ, я изъ-за монастыря, изъ деревни Горovo... Спасибо те, батюшка!..

— Ну, ладно, ладно!.. Я тебя до монастыря то провожу, шагомъ поѣду, а то эти разбойники и догонять, пожалуй!.. Мое почитеніе! поклонился онъ Сальниковымъ и направился къ оставленной во время схватки лошади; та очень покойно пощипывала траву.

— Не убѣждала лошадь-то вапа, смирная какая, замѣтила Марья Максимовна.

— Да; у насъ привычныя лошади, всегда безъ привязи оставляемъ...

— До свиданья, господинъ! кивнула Марья Максимовна и приказала кучеру ѣхать.

Пролетка быстро покатилаь.

Катя оглянулася назадъ и увидала, что незнакомецъ, держа въ поводу своего коня, пристально смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Экій бравый дѣтина! сказалъ кучеръ, обернувшись къ сѣдокамъ. — Какъ онъ ихъ ловко раскидалъ всѣхъ!

— Да. Кто онъ такой, какъ полагаешь? спросила Марья Максимовна.

— Мясникъ, надо полагать; скотъ по деревнямъ скупаетъ, такъ и огородники-то проговорили: „пріѣдешь де къ намъ коровъ покупать...“

— Красавецъ какой собой то!.. Вотъ бы тебѣ жениха такого красавца, Катя...

— Ну, вы ужъ, тетя!.. Поѣзжай, Иванъ, опоздаемъ мы...

За всеюшней мысли Кати невольно направлялись на сцену у огорода, и образъ незнакомца рисовался передъ нею во всѣхъ подробностяхъ. Она видѣла передъ собою статную фигуру отважнаго всадника, точно чувствовала на себѣ взглядъ его черныхъ, пристально устремленныхъ на нее глазъ.

— Какой онъ смѣлый, сильный! думала она. — И какой онъ добрый!.. Вступился за женщину, денегъ за нее хотѣлъ дать... А тетя-то, тетя то! Жениха бы, говорить, тебѣ такого!.. Ахъ, тетя!.. А онъ красивый...

Катя начинала усердно молиться, чтобы отогнать мысли о женихѣ, объ этомъ красавцѣ, обо всемъ постороннемъ, не нужномъ

здѣсь, въ церкви, гдѣ надо только молиться и молиться, но мысли не слушались дѣвушки, и образъ незнакомца невольно являлся ей. Подъ конецъ всенощной Катя оглянулась зачѣмъ-то назадъ; оглянулась — и вспыхнула, какъ зарево: незнакомецъ стоялъ шагахъ въ пяти назади и пристально смотрѣлъ на нее...

— Здѣсь онъ! подумала Катя, и сердце ее забило какую то незнакомую ей тревогу, а лицо горѣло огнемъ.

Когда всенощная кончилась, Катя тревожно какъ-то обернулась, чтобы идти и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подняла глаза на то мѣсто, гдѣ стоялъ незнакомецъ; его уже не было.

— Увижу еще на дворѣ, подумала Катя и дѣйствительно: въ оградѣ незнакомецъ поправлялъ сѣдло у своего коня и разговаривалъ съ кучеромъ Сальниковыхъ.

Замѣтивъ Катю съ теткой, незнакомецъ отошелъ отъ ихъ экипажа, сѣлъ на свою лошадь и шагомъ поѣхалъ въ ворота; поравнявшись съ Сальниковыми, онъ поклонился имъ, слегка приподнявъ фуражку и, тронувъ коня, галопомъ выѣхалъ на дорогу.

— Такъ и есть—мясникъ онъ, сообщилъ по дорогѣ кучеръ.— Изъ Коломны онъ; Волковымъ прозывается, а по имени Григорій Степанычъ. Экій бравый молодецъ! Да и важеватый такой: долго со мной разговаривалъ, а за то что я коня его подержалъ, полтину на чай далъ... „Чьи такіе хозяева твои? говорить, а про Катерину Петровну сказалъ: этакой, гыть, красавицы и не видалъ!“ Ей-Богу-съ!..

Марья Максимовна засмѣялась и посмотрѣла на пылавшую рубанкомъ племянницу.

— И онъ-то, нечего сказать, красавецъ! замѣтила Марья Максимовна.

— Да-съ, видный мужчина! Вотъ бы парочка съ Катериной-то Петровной была!.. Да, нѣтъ, куда ему! Онъ, чай, не изъ богатыхъ, а нашей Катеринѣ Петровнѣ миллионера мужа-то надо съ!..

Во всю дорогу до дому Катя молчала. Ей пришла въ голову мысль, что вотъ ее, можетъ быть, и замужъ отдадутъ, что начнется другая жизнь, съ какимъ нибудь неизвѣстнымъ ей нынѣ и чужимъ человѣкомъ. Какой-то онъ будетъ, этотъ человѣкъ?.. А образъ незнакомца съ черными глазами такъ и носился передъ нею!..

— Какой онъ мнѣ женихъ! вздохнувъ, подумала Катя. — И не увижу его больше никогда, а не то что!..

Но судьба рѣшила не только увидеть, но и познакомиться, а познакомившись — полюбить...

V.

Григорій Степановичъ Волковъ былъ родомъ изъ Коломны и имѣлъ тамъ свой домъ, но жить дома ему приходилось не часто; торгуя скотомъ, онъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, то скупая коровъ, то пригоняя ихъ въ Москву, то отправляясь на югъ, гдѣ у него были гурты. Съ юныхъ лѣтъ велъ онъ такую кочующую жизнь, и она наложила на него извѣстный отпечатокъ: въ немъ не было того гостиннодворскаго „чего извольте съ,“ которымъ такъ отличаются исковерканныя „дѣти прилавковъ.“

Свободная, чуждая всякаго ломанья, манера, ловкость и сметка, своеобразная рѣчь, бойкая и сильная, какая-то удалъ и молодечество, но безъ малѣйшаго признака нахальства — все это давало ему положительное преимущество предъ его собратами купцами, а степи Украйны, въ которыхъ онъ провелъ дѣтство и первые годы молодости, наложили на него складъ ума, ту поэтическую особенность, которой отличаются люди, близко соприкасающіеся съ природой, особенно съ роскошной природой юга.

Особенность эта заключается въ томъ, что люди, ею обладающіе, не поддаются ломкѣ жизни, не срастаются съ грязью, ихъ окружающей, а при возможныхъ условіяхъ остаются привлекательно чистыми, съ добрымъ сердцемъ, съ постоянной готовностью на добро, „душевные люди,“ какъ зоветъ ихъ народъ.

Вотъ такимъ-то „душевнымъ“ человѣкомъ и былъ Григорій Степановичъ.

Честный, прямой, немного наивный, добрый до нѣжности онъ шелъ по жизненному пути и съ этими качествами, не особенно пригодными для торговли, велъ свои дѣла все же отлично. Честность не позволяла ему иногда наложить руку на выгодный кусокъ, но за то она же давала ему довѣріе, кредитъ, влекла къ нему и продавца, и покупателя.

Прямота коробила иногда какого нибудь, черезъ-чуръ любящаго наживу, прасола, но эта же прямота каждого убѣждала, что парень-де этотъ кривить душой не станетъ и ужь, какъ слово скажетъ—такъ оно и ѣсть. Хитрые, но добродушные хохлы, съ которыми часто приходилось имѣть дѣло Волкову, говорили про него: „вінъ скаже слово, то слово яко молоко біло, а що у него въ думкѣ, то и въ устахъ, тако и выходитъ, що у него и думкѣ гарны!“

Доброта Григорія Васильевича не была, впрочемъ, та мякише-подобная доброта, которая позволяетъ дѣлать съ обладающимъ ею человѣкомъ что угодно; нѣтъ, онъ былъ добръ съ добрыми, а лишь только замѣчалъ въ человѣкѣ каверзность, то сразу отворачивался отъ него, и ужь такой человѣкъ никогда не могъ имѣть мѣста въ его сердцѣ. Эта же доброта не мѣшала ему быть твердымъ и энергичнымъ, а вращаясь съ различными людьми, часто съ очень гаденькими, онъ научился надѣвать на себя, для случая, маску суровости, почти жестокости.

Природа, выпустивъ его въ свѣтъ съ нѣжнѣйшею душою, не обдѣлила его и практическимъ умомъ, который давалъ ему возможность сразу оріентироваться въ извѣстномъ положеніи, въ извѣстной обстановкѣ и знать, какъ нужно вести себя.

Григорья Степановича любили всѣ, съ которыми ему приходилось болѣе или менѣе соприкасаться, а люди, близко знающіе его—положительно ужь привязывались къ нему.

Особенно крѣпко былъ привязанъ къ нему его приказчикъ, молодой парень, во многомъ сходный съ своимъ хозяиномъ, Сеня.

Безродный сирота, онъ поступилъ къ отцу Григорія Степановича, нынѣ умершему, мальчикомъ и росъ вмѣстѣ съ Гришей; вмѣстѣ потомъ ѣздили съ нимъ по торговымъ дѣламъ на югъ, и по смерти отца Григорья Степановича, сильно запутавшаго, благодаря запоямъ, дѣло,—сдѣлался главнымъ приказчикомъ и довѣреннымъ своего молодого хозяина. Неусыпными трудами, энергіей и замѣчательной честностью онъ помогъ Григорью Степановичу поправиться такъ, что къ началу нашего разсказа дѣла его были не дурны, между тѣмъ, какъ лѣтъ пять тому назадъ они чуть-чуть не лопнули окончательно.

Григорій Степановичъ очень любилъ Сеню и жилъ съ нимъ

душа въ душу; отношенія ихъ были скорѣе похожи на братскія, чѣмъ на отношенія хозяина къ приказчику.

Въ то время, когда Волковъ повстрѣчался съ Сальниковыми близъ Симонова монастыря, онъ жилъ съ Сеней въ Москвѣ, пріѣхавъ туда по торговымъ дѣламъ. Неожиданно получивъ очень выгоднаго покупателя поставщика, которому требовалось значительное количество быковъ, Волковъ послалъ одного изъ своихъ приказчиковъ на югъ за покупкой скота, а самъ съ Сеней началъ усиленно скупать таковой по окрестнымъ деревнямъ, сгоняя его къ Коломнѣ, гдѣ у него подъ самымъ городомъ были сняты луга и выгоны. Дѣла было много, но это дѣло веселило, потому что барышъ очевидно предстоялъ хорошій, тѣмъ болѣе, что покупщикъ очень богатый и солидный торговецъ, выдалъ задатки, да и самый расчетъ обѣщалъ сдѣлать сейчасъ же по доставкѣ нужнаго количества скота. Квартировалъ въ это время Волковъ вмѣстѣ съ Сеней въ Замоскворѣчьи на подворьѣ.

Пріѣхавъ послѣ встрѣчи съ Сальниковыми поздно ночью, Григорій Степановичъ засталъ Сеню, тоже только что вернувшася, за самоваромъ.

— Ну, Григорій Степанычъ, встрѣтилъ Сеня хозяина, — какъ я важно луга снялъ у Еремовскихъ мужиковъ! Думалъ, что дешевле семи сотъ ни за что не отдадутъ, а они, неожиданно, негаданно, — за пять радужныхъ отдали...

— Спасибо, равнодушно отвѣтилъ Григорій Степановичъ и сѣлъ къ столу. — Налей ка мнѣ, Сеня, стаканчикъ чайку...

Сеня посмотрѣлъ на хозяина.

— Устали, Григорій Степанычъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; я ѣздилъ недалеко: въ Карачиху.

— Купили что?

— Пять коровъ купилъ въ Карачихѣ, да у Соболева телятъ полсотни; завтра вечеромъ доставить.

— Аль не выгодно купили?

— Нѣтъ, купилъ хорошо. А что?

— Да хмуры вы что то: думалъ, неудачно съѣздили. Нездоровы, можетъ?

— Слава Богу здоровъ... Такъ что то...

— Ужъ не полюбили-ли какую красавицу московскую, Григорій Степанычъ? улыбнулся Сеня.

Григорій Степанычъ тоже улыбнулся.

— А вѣдь, пожалуй, и такъ, Сеня...

— Ну!

— Полюбить-то пока еще не полюбилъ, а приглянуться—приглянулась одна!.. Да, вѣдь, какая, Сеня! Такой красоты мнѣ видать еще не приводилось, а мы ли ужъ съ тобой не насмотрѣлись на всякихъ, какъ по Украинѣ-то колесили?.. Взглянешь на такую красоту—по вѣкъ она и упадетъ тебѣ въ душу!

Сеня свистнулъ.

— Вотъ оно што дѣло то!.. То то я смотрю—хозяинъ мой голову повѣсилъ, хмурый, прехмурый сидитъ, анъ, ему красавица приглянулась!.. Дѣло, хозяинъ, дѣло... Этакъ мы, глядишь, по осени-то и на свадьбѣ загуляемъ!

— Нѣтъ, братъ, до свадьбы тутъ далеко: не для насъ та невѣста!

— Что такъ? Аль принцесса какая?

— Не принцесса...

— А коли не принцесса, такъ и толковать нечего—добудемъ! Коли такому молодцу хорошую невѣсту не дать, такъ куда же ихъ и дѣвать? Въ соль солить развѣ!.. Кто она такая, красавица-то ваша?

Григорій Степановичъ подробно разсказалъ свое приключеніе близъ Симонова монастыря.

— Оказія! воскликнулъ Сеня, выслушавъ разсказъ. Нужно-же было такъ случиться!.. Это судьба; Григорій Степанычъ, ей Богу, судьба! Посмотрите, вотъ, что будетъ вашей эта самая красавица!.. Сальниковы? Слыхалъ я такую фамилію,—люди богатые, точно, ну, да вѣдь и мы, слава Богу, не нищіе!.. Да знаете что, Григорій Степанычъ—коли дѣвушка приглянется молодецъ—такъ до свадьбы рукой подать! А неужто ей, этой Катѣ-то *вашей*, не приглянулись вы? Навѣрно приглянулись...

— Ну, ты скажешь!.. Не видала она тоже.

— Да вѣрно, что не видала такихъ! Ужъ такого молодца, какъ вы,—поискать!.. Вотъ пойдемъ-ка завтра за обѣдню въ ихъ приходъ... Никола Пыжи, сказывалъ вашъ кучеръ?

— Да.

— Ну, вотъ и пойдѣмъ—навѣрно увидимъ ее, посмотрите, какъ вспыхнетъ, да глазками поведетъ, когда васъ увидитъ, а ужъ коли дѣвица вспыхнетъ—вѣрно приглянулся!..

Григорій Степановичъ ничего не отвѣтилъ.

Задумчиво сидѣлъ онъ; воображеніе его рисовало заманчивыя картины въ будущемъ, а прошлое... Прошлое представлялось такимъ сѣрымъ, будничнымъ, скучнымъ, одинокимъ!..

VI.

Я не стану утомлять вниманіе читателей длинной исторіей о томъ, какъ полюбила Катя Волкова.

Случилось это такъ естественно, такъ просто...

На другой день послѣ встрѣчи близъ Симонова монастыря, Григорій Степановичъ, вмѣстѣ съ Сеней, отправился за обѣдню въ приходскую церковь Сальниковыхъ—Никола Пыжи, и дѣйствительно, какъ говорилъ Сеня, увидалъ Катю. По выходѣ изъ церкви, онъ поклонился ей и Марьѣ Максимовнѣ, какъ знакомымъ.

— А, вотъ гдѣ еще привелось встрѣтиться! воскликнула Марья Максимовна, съ улыбкой отвѣчая на поклонъ.—Недалеко, стало быть, живете тутъ?

— Нѣтъ... Да, недалеко-съ... Тутъ вотъ, въ переулкѣ, на подворьѣ...

— Сосѣди, выходить!

— Да съ... Во снѣ не снились-ли мужики вчерашніе, барышня?.. Напугали они васъ! обратился Григорій Степановичъ къ Катѣ.

— Снилось и то! улыбнулась Катя. Даже вскрикнула ночью, тетю испугала...

— Она у насъ трусиха страшная, сказала тетка.

Немного помолчали.

— Ну, до свиданія, сосѣдъ, проговорила Марья Максимовна, протягивая руку Волкову.—Будемте знакомы, очень пріятно...

— Съ великимъ удовольствіемъ съ... До свиданья... Катерина Петровна! Катя, вспыхнувъ, подала руку Григорью Степановичу и тихо, тихо проговорила: „до свиданья“.

Сеня, стоявшій неподалеку, громко крикнулъ.

— Что, Григорій Степанычъ, не правду я говорилъ? обратился онъ къ хозяину, когда Сальниковы ушли.

— Что такое?

— А то—приглянулись то вы барышнѣ этой.

— Ну!.. Откуда ты взялъ это?

— А вспыхнула какъ она?.. Э, Григорій Степанычъ, не говорите ужъ, знаемъ! Ну, и красавица же барышня!.. То есть такой красавицы, что ахъ ты мнѣ!.. Глазки-то, ротикъ-то!.. Ахъ ты, Господи!.. родятся же такія!.. Коли вы, Григорій Степанычъ, да такую крличку изъ рукъ выпустите, не будетъ вамъ отъ меня покою—застыжу!

— Да что ты угорѣлъ, что-ли, Семень?

— Словно бы нѣтъ-съ! А что?

— Да развѣ она пара мнѣ? Я-жъ тебѣ говорилъ, что у ней отепъ чуть-чуть не миллионеръ...

— Это то и хорошо: приданое у ней, у Катеньки-то вашей, большое, значитъ!

— *Вашей!*.. Эхъ, Сеня, Сеня!..

Григорій Степановичъ задумался.

Въ слѣдующую субботу онъ опять былъ у Николя Пыжи за всенощной и опять встрѣтилъ Катю съ теткой.

На этотъ разъ Марья Максимовна предложила Волкову проводить ихъ до дому. Опасаться было нечего: Петра Максимовича не было дома, а ктонибудь изъ сосѣдей увидать и осудить не могъ. такъ какъ, благодаря концу уже лѣта, вечеръ былъ совершенно темный. Григорій Степановичъ съ восторгомъ принялъ предложеніе и, такъ какъ до дому Сальниковыхъ было очень недалеко, самъ уже предложилъ немного пройтись. „Отличный вечеръ такой съ, совершенно охоты нѣтъ дома сидѣть!“ сказалъ онъ.

Марья Максимовна, очень любя Катю, жалѣла иногда ее: „вотъ де живетъ дѣвушка одна одиначенька, не съ кѣмъ слова сказать, а поди, хочется иногда и съ мужчиной поболтать—дѣло дѣвичье!“ Разсуждая такъ, она съ удовольствіемъ готова была поддерживать это уличное знакомство съ красавцемъ Волковымъ. Чего нибудь серьезнаго отъ этого знакомства она не ждала.

— Катѣ онъ не женихъ, объ этомъ и толковать нечего, а поболтать, погулять—пусть погуляютъ, весело имъ, чай, это, потому я и не въ Катины годы, а люблю... А вотъ придетъ зима, Катю замужъ отдадутъ навѣрно, тогда прощай, добрый молодецъ... А пока пусть понѣжничаютъ!..

И такимъ образомъ Волковъ раза два-три въ недѣлю видался съ Катей, провожалъ ее до дому; въ хорошую погоду гулялъ иногда, и молодая кровь сдѣлала свое дѣло: крѣпко полюбила Григорію Степановичу красавица Катя!..

Что касается до нее, то она почувствовала влеченіе къ Волкову съ первой же встрѣчи, а дальнѣйшее сближеніе съ нимъ не могло не влечь къ нему женщины и выдавшей болѣе Кати; ея же нѣжное сердце, не испытавшее еще никогда чего нибудь хотя бы похожаго на любовь—отдалось красавцу Григорію Степановичу беззавѣтно, безусловно и всецѣло!..

Катя даже и не подыскивала названія своему чувству къ Волкову. Ей было пріятно вспоминать объ немъ, еще пріятнѣе видѣть его, говорить съ нимъ, но любовь это, или нѣчто другое—Катя не пыталась опредѣлить, и вотъ только послѣ словъ отца, въ тотъ день, когда тотъ, послѣ бесѣды съ извозчикомъ, объявилъ ей о женихѣ, она ужаснулась при мысли объ окончательной разлукѣ съ Волковымъ и поняла, что любить его, любить страстно, сильно и принадлежать ему всѣмъ сердцемъ и душой!.. Тутъ только поняла она, что одинъ Волковъ можетъ дать ей счастье, и если у ней отнять его—для нее все потеряно!

И страстная нѣжность къ „Гришѣ,“ какъ она мысленно назвала его въ эту минуту, наполнила ея сердце...

— Дорогой мой, радость моя, счастье мое — отнять тебя у меня! Другому отдадутъ!..

Впрочемъ она утѣшала себя мыслию, что это, быть можетъ, шутка, или если и не шутка, то дѣло отдаленнаго еще будущаго.

Но скоро пришлось убѣдиться, что женихъ дѣйствительность, и свадьба предстоитъ скорая: Петръ Максимовичъ объявилъ Катѣ, что на дняхъ будутъ „смотрины,“ а затѣмъ и помолвка.

— Къ Рождеству, Катюша, ты будешь ужъ замужемъ! закончилъ свои слова Петръ Максимовичъ и съ грустной нѣжностью поцѣловалъ дочку.

Всю ночь не смыкала глазъ дѣвушка послѣ этого, и подушка ея впервые оросилась слезами любви...

Черезъ два дня послѣ роковыхъ словъ отца, Катя пошла съ теткой за всюнощную и, по обыкновенію, увидала тамъ Григорія Степановича.

Простоявъ съ полчаса, Катя подошла къ теткѣ и сказала ей: „тетя, у меня что-то голова кружится—я выйду на минуту на улицу.“

— Иди, милая... Не домой ли идти? Пожалуй, и я пойду...

— Нѣтъ, тетя, стоимъ до конца... Я такъ, на минутку... Душно очень...

— Ну, иди, прогуляйся около церкви-то...

Катя пошла и, проходя мимо Волкова, взглянула на него долгимъ, долгимъ взглядомъ.

— Дорогой мой!.. Какой онъ красавецъ! подумала она, выходя изъ церкви, и оглянулась назадъ. Стройная, высокая фигура Григорія Степановича тихо двигалась среди богомольцевъ къ выходу.

„За мной идетъ!“ подумала Катя. Дѣйствительно въ оградѣ Волковъ подошелъ къ ней. Катя остановилась у церкви, и свѣтъ изъ окна падалъ прямо на ея лицо и освѣщалъ это милое личико, блѣдное, блѣдное въ эту минуту, съ печатью страшной скорби и муки.

— Не поздоровилосьъ, знать, вамъ, Катерина Петровна? Подышать воздухомъ вышли? обратился къ ней Волковъ. — Ай, ай, какія же вы блѣдныя!.. Что съ вами?!

— Да... голова немного закружилась. Душно... Ничего, это пройдетъ...

— Не позвать ли тетеньку, Катерина Петровна? Быть можетъ, вы домой пойдете?..

— Нѣтъ, не надо... Я ничего...

— Катя собрала всѣ силы, чтобъ совладать съ собой и не зарыдать. Слезы такъ и душили ее.

— Жарко въ церкви-то, душно, а вы вонъ нѣжненькая кака! съ участіемъ проговорилъ Григорій Степановичъ и какъ-то безсознательно взялъ руку дѣвушки.

— Теперь вотъ долго ужъ не буду ходить никуда. Григорій Степановичъ: некогда будетъ, тихо проговорила Катя, не отнимая руки.

— Что-съ?!.. Некогда будетъ?.. То есть отчего-же вамъ некогда будетъ? дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Волковъ.

— Да, некогда... Мы вотъ знакомы были съ вами, видались, гуляли, вы такой... такой добрый, и я...

Катя остановилась на минуту.

— Я сегодня пришла проститься съ вами, Григорій Степанычъ, проговорила она, собравъ все силы, довольно покойно.

— Проститься... Проститься со мной? Волковъ поблѣднѣлъ и крѣпко сжалъ руку дѣвушки.—Да вы...

— Меня замужъ выдаютъ скоро, Григорій Степанычъ...

— Выдаютъ?.. Катерина Петровна!.. Катя!.. Этого не будетъ... не будетъ!.. Катя, Катя, голубушка!.. Вѣдь я люблю тебя, Катя!.. Вѣдь я умру безъ тебя!.. Господи!..

Волковъ внѣ себя бросился къ Катѣ.

— Тише, Григорій Степанычъ, увидятъ, народъ тутъ... Вы любите меня? Правда это?.. И я... и я люблю...

Катя зарыдала и упала головой на грудь Волкова...

— Дорогая моя!.. Радость моя!.. Я не отдамъ тебя никому! съ рыданіемъ говорилъ Григорій Степановичъ и покрывалъ лицо, губы, глаза Кати поцѣлуями.

На паперти послышались шаги, и Катя оттолкнула Волкова.

— Идетъ кто-то!.. Увидимся въ ту субботу... Прощайте!..

Волковъ быстро отошелъ за уголъ.

— Катя, гдѣ ты? послышался голосъ Марьи Максимовны.

— Здѣсь, тетя... Дурно мнѣ, милая, пойдемте домой...

— Пойдемъ, Катенька, пойдемъ... Я говорила тебѣ, что надо домой идти, угорѣла, видно, дома, печку нонѣ топили въ твоей горнице-то...

Марья Максимовна нѣжно поцѣловала племянницу и подъ руку съ нею пошла домой.

Это прощальное свиданіе Волкова съ Катей было въ концѣ октября, на другой день послѣ того, какъ Петръ Максимовичъ объявилъ дочери о найденномъ для нее женихѣ.

Чтобы познакомить читателя съ этимъ нежеланнымъ женихомъ, мы должны вернуться немного назадъ.

VII.

Старшій братъ Петра Максимовича, Григорій Максимовичъ жилъ, какъ я уже сказалъ, отдѣльно отъ брата, хотя и велъ съ нимъ общее дѣло на одинъ капиталъ.

Отличаясь съ молодыхъ лѣтъ крутымъ, неуживчивымъ нравомъ, Григорій Максимовичъ не женился, благодаря, кажется, исключительному этому нраву. Онъ жилъ совершеннымъ бобылемъ со старухой матерью, въ собственномъ домѣ, на Пятницкой улицѣ.

Если домъ Петра Максимовича не отличался оживленіемъ, то домъ брата ужъ совершенно походилъ на монастырь, и его ворота отворялись единственно для того, чтобы впустить воза со льномъ, торговлю которымъ и производили оба брата въ широкихъ размахъ.

Весь погруженный въ торговлю, которую любилъ съ какою-то особенной страстью, Григорій Максимовичъ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать кромѣ. Контора, льняные амбары и базары, да отчасти биржа — вотъ гдѣ бывалъ Григорій Максимовичъ, вотъ что любилъ онъ, къ чему былъ привязанъ, а до остальнаго міра ему, кажется, не было никакого дѣла. Развѣ только лошади, до которыхъ оба брата были охотники, нѣсколько отвлекали его отъ торговли.

Покупая ленъ въ Вологодской и Ярославской губерніяхъ, имѣя агентовъ въ Твери, въ Костромѣ, скупая его на всѣхъ базарахъ и доставляя затѣмъ на многія льнопрядильныя фабрики, Григорій Максимовичъ, вникая въ каждую малость своего дѣла, зналъ это дѣло въ совершенствѣ и велъ его замѣчательно хорошо.

Его обороты считали въ милліонъ.

Не смотря на такой ходъ дѣла, онъ не заводилъ никакого „новшества;“ не было у него ни бухгалтеровъ, ни свѣдущихъ конторщиковъ, а всѣ книги велись имъ самимъ, съ помощію двухъ полуграмотныхъ „молодцовъ.“ Не было также особыхъ амбарщиковъ, а принимался ленъ простыми рабочими, хорошими, конечно, практиками и знатоками своего дѣла, не смотря на то, что суровый хозяинъ не стѣснялся не только ругать ихъ, а подъ часъ и бить!

Будучи хозяиномъ дѣла, Григорій Максимовичъ и брату не давалъ заводить что нибудь новое, особенно послѣ неудачной аферы Петра Максимовича, аферы, которая подорвала бы совершенно торговлю; еслибъ не подоспѣлъ на помощь братъ, къ которому, благодаря этому обстоятельству, Петръ Максимовичъ и всталъ въ положеніе зависимое, сдѣлавшись уже не самостоятельнымъ хозяиномъ, а какъ бы приказчикомъ брата или пайщикомъ, и пайщикомъ не крупнымъ.

Григорій Максимовичъ былъ старше брата лѣтъ на двадцать, но ему никто бы не далъ болѣе сорока, сорока пяти лѣтъ—такъ хорошо онъ сохранился. Брунеть, высокаго роста, съ могучими плечами, съ глазами, всегда блестящими энергіей и непреклонной волей—Григорій Максимовичъ cadaго поражалъ своею мощью и ничѣмъ неодолимой, кажется, силой. Онъ даже человѣка, нисколько не зависящаго отъ него, какъ-то невольно заставлялъ преклоняться предъ собою и чувствовать уваженіе, смѣшанное со страхомъ къ своей особѣ. Люди, зависящіе отъ него, положительно трепетали одного его взгляда. Петръ Максимовичъ, человѣкъ, обладающій тоже не дюжиннымъ характеромъ и далеко не изъ смиренныхъ, опускалъ глаза и какъ-то робѣлъ передъ братомъ, а въ минуты его вспышекъ, когда онъ рвалъ и металъ, что называется, и когда его зычный голосъ раскатывался перекатами грома по обширнымъ комнатамъ, Петръ Максимовичъ блѣднѣлъ и только нервно подергивалъ себя за бороду.

И такимъ-то человѣкомъ вдругъ вздумалъ помыкать какой-то несуразный приказчикъ, недавно принятый въ домъ, отчасти, какъ скупщикъ льна, а отчасти какъ конюхъ по конскому заводу, ради того, что онъ зналъ это дѣло, состоя ранѣе наѣздникомъ у какого то прогорѣлаго барина, или купца. Дивилися люди на этого приказчика!

Поступилъ онъ къ Григорію Максимовичу весной и все разѣвжалъ съ нимъ по дѣламъ или находился при заводѣ, который былъ на дачѣ Григорія Максимовича, верстахъ въ сорока отъ Москвы. Парень этотъ, звали его Сергѣемъ, былъ такой смирный сначала, податливый, и не только съ хозяиномъ, а съ любимъ изъ приказчиковъ былъ тихъ и почтителенъ. Особыхъ познаній въ лѣня-

номъ дѣлѣ онъ не имѣлъ, да и наѣздникъ былъ не важный, однако при заводѣ состоять могъ, и Григорій Максимовичъ хотѣлъ было его совершенно водворить на своей дачѣ, въ родѣ надсмотрщика за заводомъ и за покосами, которые снимались у мужиковъ для того же завода. Къ концу лѣта Григорій Максимовичъ почему то измѣнилъ свое намѣреніе и оставилъ Сергѣя при себѣ.

Съ этого времени и пошелъ молодецъ въ гору.

Жалованье ему было увеличено, отношенія съ хозяиномъ стали какія-то странныя, и смирный Сергѣй обратился въ нахальнаго и дерзкаго Сергѣя Ивановича. Въмѣсто простаго русскаго платья, онъ сталъ носить сюртукъ, манишку, завелъ золотые часы и приобрѣлъ какія-то новыя манеры, беспощадно ломаясь надъ прочими приказчиками и съ самимъ хозяиномъ обращаясь черезъ чуръ свободно, а подъ часть и дерзко.

— Обошелъ, ребята, околдовалъ Сергѣй Григорья Максимовича! говорили прочіе приказчики и начали ломать передъ фаворитомъ шапки, величая его Сергѣемъ Ивановичемъ, „сударемъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ заискивали въ немъ.

Этотъ Сергѣй Ивановичъ былъ женатъ. Жена его, простая деревенская женщина, но очень красивая и симпатичная, жила ранѣе въ деревнѣ: съ возвышеніемъ же мужа переѣхала къ нему, и они поселились совершенно отдѣльно въ небольшомъ флигелѣ въ саду. Сергѣй началъ одѣвать и жену „по модному“: у ней появились и шелковыя платья, и бархатныя пальто; недоставало только шляпокъ для полнаго сходства съ барыней. Но наряжая жену, Сергѣй обращался съ нею варварски; онъ кричалъ на нее, какъ на послѣднюю судомойку, билъ иногда, не стѣсняясь свидѣтелей, а старикъ садовникъ часто слыхалъ по ночамъ во флигелѣ стоны, вопли и свистъ ременной плети.

— Ой-ой, какъ тиранить свою жену красавицу Сергѣй Ивановичъ нашъ! говорилъ садовникъ.

— Гуляетъ, можетъ, она? догадывались приказчики и прислуга.

— Они-то? Да она окромя храма Божьяго и не ходитъ никуда!.. Баба душевная, добрая!.. Такую хозяйку иной бы мужъ на рукахъ носилъ!.. Не знаю ужъ, чѣмъ не угодила эта жена нашему Сергѣю Ивановичу.

— Можетъ, охота ему овдовѣть, да на купчихѣ жениться, говорили приказчики. По теперешнему его положенію, деревенская то жена ему и не подѣ пару!..

— Похоже на то. Да и скоро, надо полагать, овдовѣетъ, потому таетъ хозяйка его, какъ свѣча; и такъ то бабочка она слабая, да и еще жисть такая— не заживетса!

И догадки старика садовника оправдались: жена Сергѣя Ивановича въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ первыми желтыми листьями, увяла и пришлось ему хоронить ее!..

Богатня, чисто купеческія похороны справилъ Сергѣй Ивановичъ женѣ и плакалъ на похоронахъ, какъ о потерѣ нѣжно любимой подруги. Люди только головами качали.

Послѣ смерти жены, Сергѣй Ивановичъ зажилъ еще „форсистѣе“; еще ближе сталъ онъ къ хозяину, и его ужъ стали называть не иначе, какъ „главнымъ приказчикомъ“.

Служащіе рѣдко видали Григорья Максимовича вмѣстѣ съ Сергѣемъ, но когда это случалось, то все дивились на ихъ отношенія.

Видя такое быстрое повышеніе новаго приказчика, служащіе вправѣ были, конечно, думать, что хозяинъ ласковъ съ нимъ, близокъ, а приказчикъ почтителенъ за эту ласку— ничуть не бывало! Григорій Максимовичъ какъ бы чуждался Сергѣя; мало говорилъ съ нимъ, точно дичился своего фаворита, а Сергѣй держалъ себя нагло, подымалъ носъ и „фыркалъ“ передъ хозяиномъ.

Одинъ разъ принимали въ амбарѣ большую партію льна.

Сергѣй, покуривая сигару, сидѣлъ недалеко амбара на скамьѣ и не обращалъ никакого вниманія на рабочихъ. Другаго приказчика не было.

— Сергѣй Ивановичъ, лень то разныхъ сортовъ, не худо бы его и разложить по сортамъ; какъ бы не прогнѣвался Григорій-то Максимовичъ, замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Клади вмѣстѣ, все равно, небрежно сказалъ Сергѣй.

— Какъ бы, молъ, Григорій-то Максимычъ...

— Пошелъ къ чорту, вмѣстѣ съ Григорьемъ Максимычемъ! крикнулъ Сергѣй. Што ты мнѣ тычешь Григорьемъ-то Максимычемъ? Больно боюсь я его!.. Клади, какъ я велю!

Подъ конецъ пріемки, Григорій Максимовичъ пріѣхалъ посмотреть.

— Что вы, лѣшіе, угорѣли, что-ли? закричалъ онъ, взглянувъ на лентъ. Какъ вы клали-то, идола?

— Сергѣй Ивановичъ такъ приказали, Григорій Максимычъ... Мы докладывали имъ.

— Пьянъ ты, что ли, дурень, что не видишь, какой лентъ принимаешь? обратился Григорій Максимовичъ къ Сергѣю. — Двойной работы надѣлалъ, чортъ Веревкинъ!..

— Чиво-съ? нагло улыбнулся Сергѣй.

— Пьянъ, что-ли, ты, спрашиваю?

— Я вообще въ пьяномъ видѣ не бываю-съ, штобъ на свою душу грѣха въ такомъ видѣ не принять-съ: соблюдаемъ себя, а коли не по нраву вашей милости, такъ и мы не гонимся—другое мѣсто найдемъ-съ!..

Сергѣй пыхнулъ своей сигарой и, повернувшись, пошелъ отъ амбара. Григорій Максимовичъ поблѣднѣлъ, затрясся, сжалъ кулаки и сверкающимъ взглядомъ проводилъ Сергѣя, но ничего не сказалъ.

— Диво, братцы, да и только! говорили потомъ приказчики. — Другаго бы кого за такую издѣвку Григорій Максимовичъ въ порошокъ стеръ, а Сергѣю все сходитъ!.. Околдовалъ онъ хозяина, ей Богу, околдовалъ!..

Но народу суждено было еще болѣе недоумѣвать и дивиться: Сергѣй Ивановичъ былъ скоро объявленъ женихомъ племянницы хозяина, единственной дочери его брата и наслѣдницы всего состоянія отца и дяди.

Ее всѣ считали невѣстой одного богатаго фабриканта, большого пріятеля Григорья Максимовича; даже самъ отецъ поговаривалъ объ этомъ и отказывалъ многимъ, очень солиднымъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ женихамъ, ожидая только конца годового траура, который носилъ молодой фабрикантъ по отцѣ. И вдругъ...

Пріѣхалъ одинъ разъ Петръ Максимовичъ домой; пріѣхалъ взволнованный, блѣдный и заперся въ конторѣ. До поздняго вечера онъ сидѣлъ такъ за книгами, считалъ, дѣлалъ выписки и потомъ съ бѣшенствомъ швырнулъ счеты и книги и началъ ходить изъ угла въ уголъ.

Марья Максимовна, приготовивъ ужинъ, нѣсколько разъ подходила къ конторѣ и прислушивалась у дверей. Слыша порывис-

тые шаги брата и зная, что онъ въ такія минуты бываетъ крайне гнѣвенъ, она не смѣла звать его ужинать. Наконецъ Петръ Максимовичъ самъ позвалъ ее въ контору.

— Что прикажете, братецъ? робко спросила Марья Максимовна, взоидя и останавливаясь въ дверяхъ.

— Сядь, сестра, поговорить нужно...

Марья Максимовна сѣла.

— Готовься къ свадьбѣ, сестра,—Катю замужъ выдавать будемъ... На той недѣлѣ помолвка будетъ...

Петръ Максимовичъ не переставалъ ходить.

— Хорошо, братецъ... Особыхъ-то приготовленій не потребуется; готово, почитай, все у Катеньки...

— Ну, все же нужно!.. Мало ли тамъ что. Ты подумай обо всемъ и скажешь мнѣ, я денегъ дамъ и все такое...

— Хорошо-съ. А кто женихъ то, братецъ?..

Петръ Максимовичъ сѣлъ у стола и вздохнулъ.

— Женихъ, сестра, не больно важный, съ несвойственной ему нѣжностью и мягкостью заговорилъ Петръ Максимовичъ и помолчалъ.

— Воля брата выдать за этого жениха Катю, а противъ брата мнѣ идти не рука... Не рука, говорю, противъ брата идти.. Правда, вѣдь?

— Правда, братецъ; конечно, воля братца, Григорья...

— Ну, вотъ... Оно бы я и подумалъ, да дѣла такъ идутъ, што нельзя, безъ брата я погибъ, все дѣло въ его рукахъ!.. Да ничего не подѣлаешь!..

Петръ Максимовичъ глубоко вздохнулъ.

— Знаешь ты молодца у брата Григорья, Сергѣемъ Ивановымъ зовутъ? За главнаго онъ у него.

— Знаю, братецъ... Это что овдовѣлъ-то недавно?

— Да... Ну, вотъ онъ и женихъ...

Марья Максимовна широко раскрыла глаза.

— Што глаза-то таращишь? вдругъ крикнулъ Петръ Максимовичъ.— Не за чорта, прости Господи, отдаю!.. Оно человекъ хорошій... братъ его любить... Со всякими живутъ... Гордость насъ

одождла—богачей все подавай намъ!.. Братъ не глупѣе насъ, знаетъ, что дѣлаетъ... Ну, иди... Катѣ пока ничего не говорить...

— Ужинать, братецъ, пожалуйста...

— Поди къ дьяволу!.. Какой теперь ужинъ ночью!.. Пошла!..

VIII.

Мрачнѣй темной ночи шелъ Григорій Степановичъ Волковъ домой послѣ свиданія съ Катей за всею ночью. Любя Катю, какъ я говорилъ, чуть-ли не съ первой встрѣчи, онъ не давалъ себѣ отчета въ томъ, что можетъ выйти изъ этой любви. Имѣть ее женой онъ не мечталъ, зная, что она ему не пара; ему даже не хотѣлось останавливаться на этой мысли, и онъ гналъ ее отъ себя прочь, чтобы не отравлять пріятно, дорогаго чувства любви. Любилося такъ хорошо, такъ сладко, а тамъ... А тамъ что будетъ! И вотъ пришла неожиданная, негаданная завязка...

Если-бъ Волковъ узналъ стороной, что обожаемая имъ дѣвушка выходитъ замужъ, онъ бы погоревалъ, быть можетъ, потосковалъ бы, но это чувство улеглось бы скоро, отчасти исцѣленное временемъ, а отчасти убаюканное холоднымъ разсудкомъ, логикой жизни. „Не пара она мнѣ! Мало-ли красавицъ на свѣтѣ; да не всѣ про насъ!“ Но въ данномъ случаѣ было уже не то. Катя, оказалось, любила его, принадлежала ему сердцемъ; значить, готова была сама по себѣ отдаться ему на вѣки, и только чужая воля не давала совершиться этому.

Тутъ помириться съ судьбой было не легко и отдать свое счастье имѣя уже не него право, безъ бою—невозможно. Но какъ биться? Съ кѣмъ?..

Голова кругомъ шла у Григорья Степановича, и сердце било страшную тревогу...

— Въ одинъ день и радость такая и горе! думалъ онъ, возвращаясь домой. Открылась мнѣ, голубушка моя, что любить меня и тутъ же.. Кто онъ такой? Кому хотять отдать ее? Вотъ не знаю его, а какое зло къ нему въ душѣ!.. Попадись онъ мнѣ теперь вотъ... вѣдь, я убить его готовъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, не отдамъ я тебя, моя радость, никому! Коли-бъ не любила ты меня, да сосватали

тебя за кого, такъ тому и быть! Ну, а коли любишь!..—я добуду тебя! Любить, любить!.. Что дѣлать? Какъ быть? И голова-то словно не своя!.. Сенькѣ все скажу, авось онъ совѣтъ дастъ...

Сеня широко раскрылъ глаза, взглянувъ въ лицо хозяина, когда тотъ, придя домой и швырнувъ на полъ пальто и шапку, сѣлъ у стола.

Блѣдное, блѣдное было это лицо, безъ кровинки, словно мертвое, и только глаза сверкали изъ подъ сдвинутыхъ бровей.

— Аль нездоровится, Григорій Степанычъ? тихо спросилъ Сеня, садясь по другую сторону стола.

— Нѣтъ, ничего... Такъ, тяжело что то, отвѣтилъ Волковъ и прошелся по комнатѣ.

— Не ничего ужъ, Григорій Степанычъ, а есть что то: вишь, у васъ лицо-то, словно у мертвеца!.. По торговлѣ, слава Богу, все хорошо, такъ стало быть съ другой стороны вѣтеръ подулъ... Коли вы насчетъ этой купеческой дочки што думаете, такъ скажите мнѣ: первое—потому, что завсегда надо вдвоемъ такія дѣла дѣлать, а второе—легче бываетъ, когда человѣкъ свое любовное горе пріятелю, али кому тамъ ни на есть откроетъ, это ужъ вѣрно, Григорій Степанычъ, повѣрьте мнѣ!

Сеня умѣлъ заговорить съ хозяиномъ во всякую минуту, и въ какомъ-бы тотъ расположеніи духа ни былъ—всегда добивался отвѣта. Такъ и теперь: Григорій Степановичъ остановился передъ Сеней и положилъ ему обѣ руки на плечи.

— Ну, братъ Сеня, помогай мнѣ въ бѣдѣ! заговорилъ онъ задушевымъ голосомъ.—Завсегда ты мой пріятель былъ, завсегда мы съ тобой душа въ душу жили, потому къ тебѣ и въ бѣдѣ иду къ первому, больше у меня никого нѣтъ... Вѣрно ты сказалъ, Сеня: вдвоемъ надо дѣлать такія дѣла, одному ничего ни придумать, ни уладить нельзя—головы на плечахъ не слышишь, мысли нейдутъ, словно дурной какой ходишь!..

— Завсегда такъ!.. Я хоть и не очень охочъ до красавицъ то, а все бывала эта болѣзнь-то сердешная, знаемъ тоже!.. Такъ, что же такое случилось съ вами? Ужъ не отбилъ-ли кто у васъ барышню то? Сами вы виноваты! Давно я говорю, что вамъ сказать ей нужно про любовь-то свою, тогда бы и дѣло по другому пошло

она бы тоже призналась вамъ, а коли бы признались и толковать нечего!..

— Такъ и вышло, Сеня...

— Ну?!

— Да; вышла она сегодня во время всенощной на дворъ, я за ней пошелъ, и встрѣтились мы... Гляжу я на нее, она такая блѣдная, скучная, не радостная, какъ, бывало, раньше бывала... Я заговорилъ съ нею, а она... Эхъ, Сеня, не на радость я повстрѣчалъ ее, не на радость познакомился!..

— А вы погодите горевать-то до поры до времени!.. Ну, дальше то что?

— Взялъ я ее этакъ за руку, въ очи ей гляжу, а она и говорить: „вотъ, говорить, видались мы съ вами, знакомы были, а теперь, говорить, все кончено!..“ Словно свѣтъ у меня выкатился, словно сердце выскочило изъ груди, когда она сказала мнѣ слово это!.. „Что, молъ, такое? Отчего все кончено!..“ А она, тоскливымъ голосомъ такимъ, и говорить: „меня замужъ, Григорій Степановичъ, отдають!..“ Я ужъ и не знаю, что было со мной, а только сказалъ я ей, что не бывать этому, что я люблю ее больше свѣта бѣлаго, больше жизни своей!!

— Ну, ну! Что же она?

— А она... Она бросилась ко мнѣ, головку на грудь ко мнѣ склонила, да и сказала слово... Такое слово, Сеня, что вѣкъ это слово помнить я буду!.. „Я, говорить, тоже люблю тебя!...“ Эхъ, Сеня, Сеня, не сносить мнѣ головы своей!.. Все пропадай! Все прахомъ иди!.. Катя, Катя, голубушка моя, радость моя!..

Григорій Степановичъ отнялъ руки съ плечъ Сени и бросился на стулъ, закрывъ лицо.

— Ха, ха, ха, раскатился Сеня звонкимъ смѣхомъ во всю комнату.

Волковъ порывисто вскочилъ со стула. Лицо его было блѣдно, глаза засверкали бѣшенствомъ.

— Ты тѣшишься надо мной?!.. Смѣешься? Я тебѣ душу свою открываю, всѣ мысли свои выложилъ, про нее сказалъ, а ты хохочешь?!.. Тѣшишься надо мной?!.. Я тебя, песъ проклятый, какъ щенка, задую!.. Ну!..

Волковъ шагнулъ впередъ.

— Хозяинъ! съ укоромъ воскликнулъ Сеня, я то тѣшусь надъ вами? Эхъ, Григорій Степанычъ, Григорій Степанычъ!.. И впрямь видно, вы голову потеряли, бѣда съ вами!.. Радуюсь я, а не тѣшусь надъ вами!.. Ну, чего вы чудите-то такъ? Чего вы горюете-то?.. Дѣвка ему въ любви своей открылась, а онъ голову повѣсилъ!.. Да коли она, Катя ваша, любитъ васъ, такъ и толковать нечего—будетъ ваша!.. Вѣдь не сегодня ее отдають? Не завтра? Эхъ, хозяинъ, хозяинъ!.. Вотъ подлець я буду, коли она не достанется вамъ! Любитъ—ну, и ваша! Это ужъ самъ парень виноватъ, коли дѣвку изъ рукъ отпустилъ, послѣ того, какъ она ему въ любви своей открылась!.. Ни запоры, ни тетеньки, ни маменьки не удержатъ дѣвицу, коли ей какой молодецъ по душѣ придется!.. Вотъ только зѣвать теперь не нужно, дѣло нужно дѣлать, минутой дорожить!.. Коли сказано, у ней женихъ, и свадьба близко—нужно вырвать у того жениха нежеланнаго ее изъ подъ носу, да и поминай, какъ звали!.. Велимъ-ка самоварчикъ подать, сядемъ чай пить, да потолкуемъ, какъ тому дѣлу быть!.. А то вы, задумаете сейчасъ!.. Сохрани Богъ! Вы въ такую минуту, чего добраго, ахнете по чихалу-то, такъ и поминай какъ звали, знаю васъ!..

Все свѣтлѣй и свѣтлѣй дѣлалось лицо у Григорья Степановича, и когда Сеня кончилъ, онъ подошелъ къ нему и опять положилъ ему руки на плечи.

— Сеня!.. Помогй, Сеня! Устрой голубчикъ!.. Братомъ роднымъ назову, все добро свое отдамъ!.. заговорилъ Григорій Степановичъ, и крѣпко сжималъ плечи Сени.

— Да ужъ уладимъ дѣло, я вамъ говорю!.. Я и самъ очень ужъ люблю какое ни на есть горячее дѣло дѣлать — такъ вотъ и подмываетъ тебя всего, такъ и зудить!.. И любо-то, и страшно!.. Погодите, я пойду самоваръ велю становить, за чайкомъ-то ужъ больно хорошо бесѣда идетъ! Сейчасъ я... Сеня ушелъ, и черезъ четверть часа номерщикъ внесъ кипящій самоваръ. Разлилъ Сеня чай въ стаканы, скинулъ поддѣвку и сѣлъ къ столу.

— Ну, вотъ теперь и будемъ толковать, Григорій Степановичъ... Главное—вы не тужите! Погорюемъ тогда, когда Катерину Петровну вашу, мужъ изъ церкви поведетъ, а пока еще рано!.. Пейте-ка чай, да рассказывайте мнѣ всѣ дѣла ваши...

Григорій Степановичъ пододвинулъ себѣ стаканъ.

— Да все ужъ рассказалъ, Сеня, больше нечего, сказалъ онъ.

— Гм! Вы вотъ что: пошлите меня къ ней...

— Къ кому?

— Ну, къ Катеринѣ-то Петровнѣ своей...

— Зачѣмъ послать? Какъ?

— А такъ! Нужно поговорить съ ней, попытать ее, а тамъ ужъ и будемъ знать, что дѣлать...

— Да какъ же ты дойдешь до нее?

— Это ужъ мое дѣло; я ужъ знаю какъ!

— Сеня, голубчикъ!.. Поди къ ней, поговори, повидай, вѣсточку отнеси!..

— А вы чай-то не лейте!.. Повидаю и поговорю... Вѣдь, теперь, Григорій Степановичъ, одинъ путь-то есть только...

Сеня поставилъ блюдечко на столъ.

— Эхъ, какъ-бы раньше вы поговорили съ ней! съ досадою воскликнулъ онъ.

— А что?

— А то, что можетъ быть, и безъ бою-бы досталась она вамъ, вотъ что! Пошли бы тогда къ отцу ея, али-бы сваху послали, авось-бы и отдалъ онъ!.. Вѣдь вы, слава Богу, не нищій какой, сами купецъ, чорта-ли ему очень куражиться! Опять же она-бы ему сказала, что вотъ-де любъ онъ мнѣ, ну, поплакала бы, поманежничала бы, какъ тамъ ихнее сословіе умѣетъ, онъ-бы авось, говорю и отдалъ, вѣдь одна дочь-то у него! Поломался бы, постегалъ-бы ее, а все-бы отдалъ въ концѣ концовъ... Ну, а коли ужъ теперь женихъ есть, такъ этимъ путемъ до дѣла не дойдешь! Коли теперь сказать... Да нѣтъ, теперь и думать объ этомъ нечего!.. Теперь хозяинъ, одно дѣло—украсть ее...

— Какъ украсть?

— А такъ же!.. Подыскать попа тароватаго, свидѣтелей, да на тройку вашу красавицу и аминь!

— Сеня, голубчикъ!.. Да нѣтъ, она не согласится на это!..

— Согласится, коли поджечъ хорошенько!.. Я вотъ завтра ввечеру доберусь до нее и все это улажу... Вѣдь, коли сказано, что любить васъ, такъ теперь и ей не сладко, особливо ежели женихъ-то не важный!.. Я вотъ узнаю все, да и будемъ орудовать... А

какъ лихо укатимъ-то, Григорій Степановичъ!.. У меня есть ямщикъ знакомый, оторви ухо парень, огонь! Лошади у него аховыя — такъ махнетъ, что ахъ ти мнѣ!.. Выйдетъ она, сударушка вапа, за ворота, подхватилъ ее, на тройку и вали!.. Обвѣнчаесть, да въ Коломну домой махнете, а потомъ, недѣлку спустя, къ батькѣ съ поклономъ, отпадетъ сердце-то!.. Ну, и гуляй душа!..

Съ сверкающими глазами слушалъ Сеню Григорій Степановичъ, не проронилъ ни одного словечка, и когда Сеня кончилъ, тряхнувъ кудрями и весело улыбнувшись, онъ бросился къ нему на шею и началъ крѣпко цѣловать его.

— Ну, Григорій Степановичъ!.. Катю свою цѣловать нельзя, такъ онъ меня цѣлуетъ!.. Ха, ха, ха!..

— Лихой ты парень, Сенька! Молодецъ!

— Для овецъ!.. Кончайте-ка чай-то, да и спать пора, завтра пораньше надо встать, потому скотъ пригонять. Любовь-то любовью, Григорій Степановичъ, а дѣло-то все бросать не слѣдъ, а то съ молодой женой и жить нечѣмъ будетъ; тесть-то послѣ такого суприза не вдругъ тоже мощну развяжетъ, поломаесть напередъ... Ха, ха, ха!..

Григорью Степановичу не спалось эту ночь, и онъ поминутно ворочался съ боку на бокъ; то отрадныя, то мрачныя думы шли ему въ голову и отгоняли сонъ далеко прочь. Сеня хоть не ворочался, а спалъ плохо: крѣпко обдумывалъ онъ планъ, высказанный хозяину, и почти къ утру ужъ все обдумалъ.

— Коли любить — будетъ наша! сказалъ онъ вслухъ и, повернувшись къ стѣнѣ, крѣпко заснулъ.

IX.

Въ воскресенье вечеромъ Сеня отправился къ Сальниковымъ. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, повидать Катю и зная, что она съ такой охотой помогаетъ всѣмъ бѣднякамъ и принимаетъ различныхъ просителей, рѣшилъ разыграть роль одного изъ такихъ бѣдняковъ.

„Приметъ, допустить до себя—я ужъ знаю, что говорить, и по-

стараюсь глазъ на глазъ съ ней остаться, а коли не удастся это— записку ей передамъ, опишу отъ себя все и сведу ихъ какъ-нибудь съ Григорьемъ Степановичемъ, а до той субботы ждать не рука: въ недѣлю-то много воды утечетъ!“ думалъ Сеня и торопливо шелъ на Ордынку.

Подойдя къ дому Сальниковыхъ, Сеня замѣтилъ какое-то особое движеніе въ домѣ: всѣ окна блестѣли огнями, ворота были отворены настежъ, два мужика посыпали тротуаръ и дворъ пескомъ „Господи, подумалъ Сеня, — ужъ не свадьба-ли у нихъ сегодня!.. Вотъ штука-то!.. Ну, держись, Григорій Степановичъ!..“

— Богъ помощь, добрые люди! обратился онъ къ мужичкамъ, посыпавшимъ дворъ пескомъ.

— Спасибо, братъ. Къ хозяину, штоль?

— Нѣтъ, братцы, не къ хозяину... Хозяйку бы мнѣ повидать желательно...

— Какую хозяйку? Катерину Петровну?

— Ее самую, дочку-то хозяйскую... Вишь ты, дѣло у меня такое до нея есть... Сестру вотъ замужъ отдаемъ, а приданого нѣтъ; люди мы бѣдные, семейство большое, такъ охота у хозяйки вашей попросить изъ платьевъ чего, али деньгами милость не будетъ-ли... Слышали мы, что помогаетъ она, добрая, ласковая, говорятъ...

— Вѣрно, братъ, помогаетъ... Такой другой по всей Москвѣ нѣтъ, андѣлъ барышня!.. Только нонѣ недосугъ ей будетъ принять тебя: самое ее замужъ отдаютъ...

— Сегодня?!

— Нѣтъ, не сегодня; сегодня только смотрины будутъ, женихъ прійдетъ смотрѣть ее, а свадьба еще, бають, недѣли черезъ двѣ...

У Сени отлегло отъ сердца.

— Она завтра, молодецъ, тебя допустить, приходи, а сегодня недосугъ, потому женихъ безпримѣнно будетъ...

— Такъ. Приду завтра, не откажите доложить!

— Доложимъ, отчего не доложить! У насъ братъ, приказъ отъ нея—обо всѣхъ докладывать.

— То-то, слышали мы, добрая дѣвица... А за кого выдаютъ-то ее, ребятушки?

Дворники переглянулись.

— Не больно женихъ важенъ у нашей Катерины Петровны, брать! сказалъ одинъ, вздохнувъ.

— Кто же такой?

— Дяди ея, Григорья Максимовича, приказчикъ, Сергѣй Ивановичъ.

— Приказчикъ?! Что же это за чудо такое — такую невѣсту за приказчика отдають? Богатъ, можетъ, очень?

— Нонѣ лѣтомъ не богаче насъ съ тобой былъ, а теперь, вотъ, какой сталъ, рукой не достанешь!

— То есть, отчего же это?

— А кто-жъ его знаетъ! Полюбилъ, да полюбилъ хозяинъ и вывелъ въ люди, а теперь, вотъ, и племянницу за него отдаетъ.

— Чудо!

— Чудо и то. Да и человѣкъ-то негожій: выпить любить, первую жену, говорятъ, въ гробъ вколотилъ...

— Такъ вдовецъ онъ?!

— Вдовецъ; нонѣ осенью овдовѣлъ только...

Сеня не зналъ, что и думать.

— Можетъ, развѣ не... не любила ли его хозяйская-то дочь раньше? закинулъ онъ вопросъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ ждать отвѣта.

— Ты непригожихъ такихъ рѣчей не говори, парень!.. Наша Катерина Петровна чище голубки чистой!.. Анделъ, одно слово, анделъ!..

— Ну, ужъ коли такъ, такъ я и не пойму! воскликнулъ Сеня.

— И мы, братъ, не болѣ твоео понимаемъ! Пытали тоже мерекать...

Сеня глубоко задумался.

— А вѣдь это на руку намъ! подумалъ онъ. Ежели такой женихъ, значитъ, Катерина Петровна ой, ой, съ какой неохотой идетъ за него и куда, чай, рада будетъ освободить себя отъ этого жениха!.. Эхъ, скорѣй, скорѣй надо дѣло дѣлать!...

— Завтра-то можно будетъ повидать ее, ребятушки? обратился онъ опять къ дворникамъ.

— Можно, можно. Только ты приходи днемъ, хозяина когда дома не бываетъ—это складнѣй будетъ...

— Спасибо, други, на добромъ словѣ... Вотъ вамъ на чаекъ отъ меня...

— Полно, пошто эфто!.. Самъ ты человѣкъ бѣдный...

— Ничего, сколько могу; коли вы допустите, такъ, можетъ, и выпрямь получу что...

— Получишь, вѣрно получишь, приходи, а теперь, братъ, иди со двора то: неравно хозяинъ выйдетъ...

— А на жениха взглянуть нельзя?

— Нѣтъ, другъ!.. Какъ только придетъ онъ съ братомъ хозяйскимъ, да потомъ попа привезутъ—такъ и ворота на запоръ, новѣ никого не будутъ пущать...

— Попа-то зачѣмъ?

— А новѣ, слышь ты, смотрины, да и Богу, видно, хотятъ помолиться, а, можетъ, молебень,—доподлинно не знаемъ...

Сеня, озабоченный, выпелъ со двора и тихо, тихо пошелъ домой.

Точно къ похоронамъ, а не къ свадьбѣ готовились въ домѣ Петра Максимовича!

Самъ хозяинъ большими шагами ходилъ по освѣщенной залѣ; ходилъ мрачный, задумчивый, нерадостный. Марья Максимовна, съ заплаканными глазами, помогала Катѣ одѣваться, а Катя... Катя не плакала—въ такія минуты слезъ не бываетъ. Она спокойно, по-видимому, одѣвалась, и только мертвенно блѣдное личико, да вздрагивающая безпрестанно верхняя губка — признакъ страшнаго потрясенія у очень нервныхъ людей—показывали, что невѣста не съ радостью, не съ ожиданіемъ счастья готовится встрѣтить жениха!..

Натуры, подобныя Катѣ, неспособны на борьбу на отпоръ; онѣ сразу покоряются судьбѣ и волѣ своихъ властелиновъ и развѣ только съ помощію другаго, болѣе сильнаго порываются сбросить съ себя тяжелое иго.

Петръ Максимовичъ объявилъ Катѣ о женихѣ, давъ замѣтить, что выдать ее за этого жениха есть воля брата, что она должна идти за него, и Катя покорилась. Молодое сердце хотѣло любви, билось привязанностію къ иному; воображеніе рисовало лучезарныя картины счастья съ этимъ другимъ, но воля отца вела по другой дорогѣ, и ей, этой законной, непреложной волѣ, должно было повиноваться.

Такова была логика Кати.

Въ передней хлопнула дверь. Петръ Максимовичъ порывисто оглянулся туда.

— Батюшка пріѣхали, Петръ Максимовичъ, доложила горничная.

Въ залу неторопливой походкой вошелъ худощавый, сѣдой, какъ лунь, священникъ. Помолившись на образа, онъ благословилъ Петра Максимовича и привѣтливо улыбнулся ему.

— Можно поздравить васъ, Петръ Максимовичъ? Слышалъ— доченьку просватали...

— Да, отецъ Евстигнѣй, просваталъ; дѣло ихнее, дѣвичье, такое, нужно съ рукъ сбывать...

— Поздравляю, поздравляю!.. Благослови ее Богъ—она заслуживаетъ счастья...

— Что Богъ дастъ, батюшка!.. Пожалуйте въ гостиную, чайку выкушайте пока, закусить, можетъ, пожелаете... Пожалуйте, отецъ Евстигнѣй...

Со всѣми нѣсколько надменный и даже грубоватый, Петръ Максимовичъ со священникомъ обращался крайне почтительно и ласково; да иначе и нельзя было относиться къ этому симпатичному, внушающему невольное уваженіе старику, истинному другу и пастырю своихъ прихожанъ, всѣми любимому, всѣми уважаемому отцу Евстигнѣю.

— За кого выдаете Катерину Петровну, Петръ Максимовичъ? спросилъ отецъ Евстигнѣй, усаживаясь въ гостиной.

— За главнаго приказчика брата Григорія, батюшка, Сергѣемъ Ивановичемъ зовутъ его; видалъ, можетъ, когда у брата?

Отецъ Евстигнѣй поднялъ брови.

— Видалъ... вѣдь онъ вдовецъ, кажется?

— Да, вдовецъ... Человѣкъ ловкій, не глупый, только вотъ, развѣ, служащій, приказчикъ; по нашему положенію будто бы не пара.

— Отчего же? Этимъ гнушаться не слѣдуетъ... вотъ другое дѣло—хорошій ли онъ человѣкъ? Не преслѣдуетъ ли главнымъ образомъ цѣль корыстную, зная состояніе невесты? Я говорю, что ваша дочь заслуживаетъ счастья: эта дѣвушка рѣдкой доброты!..

Петръ Максимовичъ нервно подергивалъ себя за бороду.

— Да... конечно... человѣка, вѣдь, узнать трудно, батюшка....

Братъ хочеть... Прошу, батюшка, кушать чай—я отлучусь на минутку: кое-что посмотрѣть тамъ нужно; сейчасъ чай прійдутъ... Не осудите, я сію минуту вернусь...

Петръ Максимовичъ вышелъ. По залѣ зашелестѣло женское платье, и въ гостиную медленно вошла Катя, старинная пріятельница и любимица отца Евстигнѣя. Дивно хороша была Катя въ этотъ вечеръ, но вся ея изящная, нѣжная фигурка точно сжалась подъ бременемъ невыносимо тяжелаго горя! Она была декольте и бѣлая, какъ мраморъ, плечи поминутно вздрагивали отъ нервной дрожи, грудь тяжело дышала, глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ.

Такими, вѣроятно, шли на страданія мученицы, страшно взволнованныя, измученныя уже нравственно, но твердая рѣшимостью и подавленныя непреклонной волей судьбы, которой отдались беззавѣтно, всецѣло...

— А вотъ и невѣста дорогая!.. сказалъ священникъ, подымаясь на встрѣчу Кати. — Здравствуйте, здравствуйте, моя барышня!.. Поздравляю васъ, желаю счастья, много, много счастья!..

Отецъ Евстигнѣй благословилъ Катю и, взявъ за руку, подвелъ къ дивану.

— Сядемте тутъ, потолкуемъ... Что это вы блѣдная такая? Новой жизни боитесь?

Катя, опустивъ глаза, перебирала руками цѣпочку.

— Да, батюшка, страшно такъ... Боюсь я чего то...

— Ну, это общій удѣлъ всѣхъ невѣстъ... Жениха своего знаете? Нравится онъ вамъ?

— Я его не видала... Это воля тятеньки, а я... я не хочу, батюшка!..

Катя вдругъ порывисто схватила руку священника и начала покрывать ее горячими поцѣлуями; слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

— Батюшка, батюшка, скажите имъ, чтобъ не отдавали меня!.. Я не хочу, не хочу!.. Я... я...

Катя истерически зарыдала.

— Успокойтесь, дитя мое, успокойтесь!.. Поговорите со мной откровенно, какъ на духу говорите... Не плачьте, успокойтесь...

Отецъ Евстигнѣй погладилъ по головѣ дѣвушку и, поднявъ ее за подбородокъ, пытливо взглянулъ ей въ глаза.

— Быть можетъ, вы — это въ ваши годы не рѣдкость, — дѣло обыкновенное, — любите кого нибудь? Скажи мнѣ все, я выслушаю, дамъ вамъ совѣтъ...

— Батюшка, начала было Катя, но въ эту минуту по двору загремѣли колеса кареты, и чрезъ гостиную быстро прошла Марья Максимовна, на ходу поклонившись священнику.

— Женихъ прѣѣхалъ, женихъ... Катенька, поди, поправься, милая!..

Марья Максимовна поспѣшно вышла въ залу. Вслѣдъ за ней прошелъ туда же и Петръ Максимовичъ.

— Подите, умойте личико, голубушка, оправьтесь, а послѣ мы поговоримъ еще съ вами, времени еще много, успѣемъ и такъ и сякъ дѣло сдѣлать... Будьте бодры и вѣрьте въ милосердіе Божіе, сказалъ отецъ Евстигнѣй, нѣжно погладивъ дѣвушку по наклоненной русой головкѣ.

Катя, сдерживая рыданія, поспѣшно ушла изъ гостиной.

Х.

Надушенный какими-то сильнѣйшими духами, завитой, въ модной визиткѣ, гремя многочисленными брелоками и держа блестящій цилиндръ на отлетѣ, черезъ чуръ развязной походкой влетѣлъ въ гостиную „главный приказчикъ“ Григорій Максимовича, Сергѣй Ивановъ Пякратьевъ.

— Григорій Максимовичъ не будутъ-съ: не поздоровилось имъ что-то съ: приказали почтеніе передать и замѣсто себя меня прислали-съ... Батюшкѣ наше почтенье съ...

Отецъ Евстигнѣй поднималъ было руку для благословенія, но Сергѣй Ивановичъ съ вывертомъ подалъ ему свою, обложенную въ въ зеленую перчатку.

— Омноковеннымъ манеромъ поздороваемся-съ, потому нынче-съ какъ-то ужъ эфта мода-то выходить стала-съ, рази только у простонародія-съ, а то вообще не принято...

Отецъ Евстигнѣй опустилъ глаза и, пожавъ руку Сергѣя Ивановича, отошелъ къ сторонѣ.

Петръ Максимовичъ передернулъ усами и чуть, чуть поблѣднѣлъ.

— Прошу садиться, обратился Петръ Максимовичъ къ Панкратьеву.—Что же съ братомъ такое?

— Такъ-съ, разстройство чувствъ какое-то-съ; вѣроятно, съ народомъ что нибудь не поладили-съ, потому нынче съ народомъ вообще трудно, избалованный, отвлекательный народъ-съ!

Сергѣй Ивановичъ поставилъ шляпу на столъ и сѣлъ на диванъ.

— Цыгарой не обезпкою-съ? обратился онъ къ Петру Максимовичу и, не дожидаясь отвѣта, вынулъ серебряный портсигаръ и закурилъ сигару.

— Сестра, поди позови Катю, да вели чай подавать, сказалъ Петръ Максимовичъ, все время чувствуящій себя какъ-то недовоко и безпрестанно мѣняя мѣсто, безцѣльно переставляя различные предметы на столѣ съ закуской.

— Сейчасъ, братецъ... Да, вотъ, она и сама идетъ...

Опустивъ глаза, судорожно сжавъ рукой пышную оборку платья, медленно вошла Катя и остановилась на полдорогѣ.

— Вотъ, дочь моя... Прошу любить, да жаловать, проговорилъ Петръ Максимовичъ и всталъ со стула.

— Очинно пріятно-съ! вскочилъ Сергѣй Ивановичъ.—Наше вамъ почтеніе, Катерина Петровна!.. Позвольте почтеніе огдать-съ...

Женихъ подлетѣлъ къ Катѣ и подаль ей руку.

— Какъ поживаете-съ?

— Благодарю васъ...

— Не стоитъ-съ! Не угодно-ли на диванчикъ пожаловать? Бесѣду будемъ имѣть... А то не угодно ли по залѣ прогулку сдѣлать? Очинно даже съ барышней пріятно хожденіе имѣть и разговоръ политичный вести!.. Пройдемтесь? Сергѣй Ивановичъ подставилъ руку Катѣ. Та какъ-то безпомощно оглянулась кругомъ, помутившимися глазами повела въ сторону, гдѣ сидѣлъ отецъ Евстигнѣй, и, пошатнувшись, ухватила руку за плечо нежеланнаго жениха.

— Голова... грудь... Мнѣ дурно, дурно! прошептала она, и, какъ подкошенная, упала на полъ.

Отецъ и тетка бросились къ ней. Отецъ Евстигнѣй схватилъ

графинъ съ водой и также подбѣжалъ торопливой, старческой походкой къ своей любимицѣ. Растерявшійся женихъ тупо поводилъ глазами и словно застылъ въ позѣ элегантнаго кавалера, съ вывернутой кренделемъ рукой.

— Разстегните ее!.. Воды на голову, воды!.. Спирту нѣтъ-ли... суетливо говорилъ отецъ Евстигнѣй, трясущимися руками поддерживая головку Кати.

— Ай, мои батюшки!.. Ай, мои батюшки! кричала Марья Максимовна, бѣгая кругомъ.—Угорѣла, видно, она, натопили нонѣ жарко очино... Эй Василиса, Василиса!

— Тише!.. Что ты орешь, безумная? сверкнулъ глазами въ сторону сестры Петръ Максимовичъ и, бережно поднявъ съ полу Катю, какъ маленькаго ребенка, понесъ ее изъ комнаты, волоча по полу длиннымъ шлейфомъ ея бѣлаго платья...

— Угорѣли, видно, и то-съ, обратился Сергѣй Ивановичъ къ отцу Евстигнѣю, когда Петръ Максимовичъ, сопровождаемый сестрой и горничной, вышелъ.

— Здоровье ихнее дамское-съ, слабое, деликатное-съ, опять же робко, ежели теперича кавалеръ подойдетъ, и все такое...

— Да, конечно... А, быть можетъ и иная причина...

— Ты-съ, какая же энта иная-съ?

— Сядьте вотъ сюда, я скажу вамъ нѣскольکو словъ, проговорилъ отецъ Евстигнѣй, садясь на стулъ и указывая на мѣсто рядомъ съ собою.—Вы, изъявивъ намѣреніе жениться на дочери хозяина этого дома, подумали-ли о томъ, что она, можетъ и не любить васъ? обратился онъ съ вопросомъ къ Панкратьеву.

— Тоисъ, какъ это?..

— А такъ, мой другъ... Конечно, надъ каждой дѣвушкой имѣть власть родитель или родительница, но тѣмъ не менѣе и ея собственная воля должна играть тутъ значеніе, ибо идти за кого бы то ни было только по волѣ родителей, безъ всякаго желанія съ своей стороны, есть подвигъ, но подвигъ очень тяжелый и для семейнаго счастья могущій имѣть послѣдствія крайне дурныя... Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что даже при бракѣ, въ церкви, священникъ спрашиваетъ...

— Вы для какой потребности говорите это, батюпка? Въ родѣ

проповѣди, што-ли? Такъ, вѣдь, здѣсь не церковь-съ! Мы очинно даже хорошо понимаемъ себя-съ!.. Вы тово-съ, энти антиноміи-то оставьте! нагло смотря на священника, проговорилъ Сергѣй.

— Говорю я это, другъ мой, для того, чтобы поставить вамъ на видъ, что невѣста къ вамъ склонности не имѣетъ и, если вы честный человѣкъ—вы должны...

— Ну, ужъ это вы тово-съ, напрасно, ваше преподобіе!.. Можетъ, онѣ къ намъ склонности и не имѣютъ, можетъ, у ихъ амурныя дѣла съ кѣмъ заведены, а только намъ до энтото дѣла нѣтъ-съ, и ежели теперича тятенькѣ ихнему и дяденькѣ желатеяльно отцать ихъ за меня-съ—сама она не причемъ-съ... Получите за благословеніе красный билетъ и аминь-съ, а на счетъ разсужденіевъ энтихъ—ужъ вы тово-съ, помолчите!..

— А вспомните, какъ вы жили послѣднее время съ вашей первой женой... Не вапш-ли рука свела ее въ могилу? Не лежитъ ли на вапшей душѣ грѣхъ въ ея смерти?.. Я былъ ея духовнымъ отцомъ и знаю, что она умерла отъ побоевъ и жестокаго обращенія...

Сергѣй поблѣднѣлъ; лицо его искривила страшная злоба.

— Вы хотя и духовный отецъ, да мнѣ еще не смертный конецъ! дерзко проговорилъ онъ и всталъ. Ваше дѣло обвѣнчать, а не рѣчи энти говорить, а не желаете, такъ мы другаго найдемъ, отъ сотельнаго то билета никто не откажется.

Отецъ Евстигнѣй еще хотѣлъ что то сказать, но вошелъ Петръ Максимовичъ.

— Ужъ извините, Катя что то тово, прихворнула, угорѣла, знать, и то... Побесѣдуемъ одни, а это... Богу то хотѣли помолиться—такъ ужъ въ другой разъ, проговорилъ онъ какимъ то упавшимъ голосомъ.

— Ничего-съ, все единственно-съ, поспѣемъ... закуривая сигару, сказалъ Сергѣй.

Молча почти, выпили стакана по два чаю будущіе тестъ съ зятемъ и отецъ Евстигнѣй, и женихъ откланялся, обѣщаясь пріѣхать опять „съ дяденькой Григорьемъ Максимычемъ.“ Вслѣдъ за нимъ ушелъ и отецъ Евстигнѣй.

Черезъ десять минутъ потухли огни въ домѣ Сальниковыхъ.

XI.

Морозило. Солнце садилось и послѣдними лучами обливало пеструю панораму Замоскворѣчья. Тамъ и сямъ сверками въ лучахъ заката кресты многочисленныхъ церквей; пурпуромъ горѣли стекла высокихъ церковныхъ оконъ; пестрѣли крыши домовъ, причудливыми узорами рисовались на подернутомъ дымкой небосклонѣ вѣтки обнаженныхъ деревьевъ. Въ воздухѣ стояла бодрящая свѣжесть первыхъ зимнихъ дней.

Пусто и тихо было и въ домѣ Сальниковыхъ и на обширномъ дворѣ.

Петра Максимовича не было дома, а Марья Максимовна сумерничала по обыкновенію у себя на верху.

Это было на другой день послѣ такъ неудачно кончившихся смотринъ.

Обморокъ Кати продолжался не долго и особенно дурныхъ послѣдствій не имѣлъ на ея здоровье: она крѣпко и покойно уснула ночью—долго проплакавъ съ вечера, и встала утромъ почти здоровая, чувствуя только легкую слабость. Петръ Максимовичъ навѣстилъ ее утромъ, и, увидавъ здоровой, радостно улыбнулся.

— Что это ты вчера начудила, Катерина? А? Жениха то напугала индо! проговорилъ онъ, ласково глядя на дочь.

— Не знаю, такъ что-то, грустно улыбнулась Катя.

— Угорѣла, должно быть? Эти дурни наши съ головнями печи закрываютъ завсегда!..

Петръ Максимовичъ поближе подошелъ къ Катѣ.

— Ахъ женихъ тебѣ не любъ очень? тихо спросилъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Не любъ, тятенька...

— Да чѣмъ же, дурочка? Мужчина ловкій, политичный, братъ Григорій его, вонъ, какъ возвелъ!.. Ничего—стерпится, слюбится, Катюша!.. Я тебѣ говорилъ, что брату желательно женить его на тебѣ, а супротивъ брата я идти не долженъ!.. Да коли бы и захотѣлъ идти, такъ нельзя, Катя!.. Ты торговыхъ дѣловъ не знаешь, а коли бы понимала ихъ, я бы тебѣ показалъ дѣла наши... Безъ брата Григорья мы... да, просто на просто, нищіе!.. Да... А

ты иди безъ горя, безъ слезъ, утѣшь и меня, и дядю... Да... Вотъ ты и опять плакать собираешься! Эхъ, не люблю я этого, Катерина!.. Охота-ли, не охота-ли, а идти надо, стало быть, и толковать нечего!.. Ваша доля ужъ такая, Катюша... Вотъ мать твою покойницу, силой подъ вѣнецъ-то вели, побоями,—да какими еще побоями-то! выдали за меня, а жили, слава Тебѣ, Господи, хорошо всю жизнь!.. Такъ-то Катя... Ну, прощай пока; ужо привезу тебѣ гостинецъ хорошій... Прощай...

Петръ Максимовичъ вышелъ, а Катя сѣла на диванъ и задумалась...

Волковъ предсталъ передъ нею, какъ живой, съ своими чудными, ласковыми глазами, съ душевной рѣчью, что хватаетъ за сердце и щемитъ его больно и сладко...

— Ну, прощай же, прощай, мой милый, мой дорогой Гриша! шептала Катя, чувствуя, какъ у ней что-то точно обрывалось въ груди. Увидала тебя, моего ненагляднаго, полюбила, какъ никого никогда не любила, а теперь... теперь прощай, мой дорогой, навсегда прощай!.. Взглянуть бы на тебя еще одинъ разикъ, рѣчь твою услышать... Нѣтъ, не надо, не надо!.. Еще тяжелѣй, еще больнѣй сердцу будетъ тогда... Не надо!.. Прощай, мое солнышко красное, прощай!.. А если бѣжать къ нему, сказать... сказать ему: возьми меня, увези меня отсюда... Нѣтъ, нѣтъ, страшно, стыдно и подумать объ этомъ!.. Господи! Тебѣ угодно, чтобы я шла не за любимаго, а за ненавистнаго, за постылаго—такъ пошли мнѣ, Господи, терпѣніе и... и любовь къ моему суженому, а то я... прости меня, Господи!.. Я ненавижу его!..

И весь день дѣвушка была погружена въ думы о томъ, какъ она перенесетъ потерю любимаго человѣка? Любимаго первый разъ, и такъ страстно, такъ нѣжно!..

Отвѣтъ на этотъ роковой вопросъ долженъ былъ придти послѣ, а теперь не находилось его; теперь чувствовалось только всѣмъ существомъ, что это страшно, страшно тяжело...

Когда начало смеркаться и все стихло въ домѣ, все улеглось отдыхать, Катѣ какъ-то страшно сдѣлалось въ этой тишинѣ! Она надѣла шубку, накинула на голову платочекъ и вышла на дворъ. На дворѣ было тоже пусто; только дворникъ дремалъ у воротъ, да

собаки возились и играли на недавно выпавшемъ снѣгу, но съ улицы доносился шумъ: гдѣ-то звонили къ вечернѣ, гдѣ-то пѣли пѣсни.

Катя стала ходить въ глубинѣ двора, около рѣшетки сада, болтая съ выбѣжавшей къ ней маленькой дѣвочкой, дочерью одного дворника.

— Катерина Петровна, подошелъ къ ней дворникъ,—пришелъ тамъ молодецъ какой-то до вашей милости... Сестру, слышь ты, замужъ выдаетъ, такъ не будетъ ли, говорить, милости помочь чѣмъ; бѣдныя, вишь они...

— Позови его, Иванъ, сюда, позови; я помогу имъ...

Катя была очень обрадована, въ минуты тяжелой грусти хочется дѣлать добро также, какъ и въ минуты радости и счастья.

Знакомый намъ Сеня, одѣтый хуже обыкновеннаго, подошелъ черезъ минуту къ Катѣ и поклонился ей.

— Здравствуйте, сударыня, сказалъ онъ, снимая шапку.

— Здравствуйте... Вы надѣньте шапку, холодно, немного застѣнчиво проговорила Катя, встрѣтивъ бойкія, веселые глаза Сени.—Вы сестру выдаете замужъ?

Сеня оглянулся кругомъ. Дворникъ отошелъ уже опять къ воротамъ, и только дѣвочка стояла вблизи, играя съ собакой.

— Охота бы выдать намъ одну красавицу за добраго молодца, да только добрые люди мѣшаютъ, сказалъ Сеня, пристально смотря на Катю.

— Кто мѣшаетъ?

— Добрые люди, молъ...

Сеня подошелъ поближе къ Катѣ.

— Прислалъ вамъ, Катерина Петровна, поклонъ и вѣсточку о себѣ Григорій Степановичъ Вслковъ, хозяинъ нашъ, проговорилъ онъ.

Катя вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и схватилась за рѣшетку сада, чуть, чуть не упавъ.

— Вы не бойтесь, Катерина Петровна, онъ не съ дурнымъ чѣмъ прислалъ меня, а любя васъ, пуще отца-матери, и прислалъ поклонъ, да слово одно велѣлъ передать... А я его, можно сказать, пріятель, и коли вы любите Григорья Степановича, такъ послу-

пайте рѣчь мою, словно бы его самого слушали, ну, а коли не любѣ онѣ вамъ—такъ и за ворота, а не то што-бъ обидѣть васъ чѣмъ или напугать...

Катя молчала, испуганно смотря на этого неожиданнаго посланнаго, дрожа всѣмъ тѣломъ. Никому еще, ни отцу, ни тетѣ, ни подругѣ какой не открывала она тайны завѣтной своей, вдругъ... стоитъ какой-то незнакомый молодецъ, глаза такіе бойкіе не то смѣются, не то ласкаютъ, бородку себѣ пощипываетъ, и говори съ нимъ, душу ему, этому незнакомому, выложи...

— Такъ прикажете говорить, или вонъ идти? Жду слова вашего, не томите, Катерина Петровна... Да что тутъ говорить-то!.. Вѣдь дѣвицѣ не легко тоже про любовь-то свою чужому человѣку говорить, а я, такой ужъ угадливый уродился, вижу, что любѣ вамъ Григорій Степановичъ!.. Такъ вотъ что скажу я вамъ: тоскуетъ онѣ по васъ, изнываетъ, сна лишился, отъ хлѣба отбило его!.. Любитъ онѣ и жалѣетъ васъ... Жалѣетъ потому, что отдають васъ за Сережку этого, который жену свою побоями въ гробъ вогналъ, по всѣмъ трактирамъ буйство дѣлаетъ, да безобразничаетъ, благо дядюшка вапъ ему мощну свою открылъ, словно сыну... Все узналъ я про жениха вашего, и коли вамъ жизнь мила—не ходите за него, Катерина Петровна!.. Не разбиваю я васъ, потому что де хозяинъ мой любитъ, и охота ему взять васъ, а жалѣючи за добро ваше, за красу жалѣючи, говорю это!.. Григорію Степановичу достанетесь вы, другому-ли кому—это, какъ Богъ велитъ, да только не мужику сѣрому, Сережкѣ!.. Григорій Степанъчъ велѣлъ сказать вамъ, что коли вы не пойдете за этого жениха теперешняго, такъ любите вы его, хозяина нашего, или нѣтъ, а Сергѣю живому не быть: Григорій Степановичъ ему поклялся башку сшибить, а у хозяина моего что сказано, то сдѣлано!..

Это одно дѣло, а другое вотъ что: если любѣ вамъ Григорій Степанъчъ, такъ же, какъ вы ему, такъ есть дорога быть за нимъ, за любимымъ, за пригожимъ, за такимъ, который душу положить за васъ!.. А дорога-то—обвѣнчаться тайкомъ... Испугалась?.. Эхъ, Катерина Петровна! И страшнаго-то тутъ нѣтъ ничего, ей Богу, нѣтъ!.. Родитель не то что простить, а потомъ еще спасибо скажетъ!.. Коли мыслимо, такъ мы уладимъ все... Вотъ вамъ записка

отъ Григорья Степаныча, въ ней все написано, прочитайте, да завтра отвѣтъ дайте... Я приду, будто бы вы велѣли мнѣ за помощью-то на свадьбу сестрѣ придти; вы, для вида, и узелокъ какой-нибудь съ платицею, или тамъ съ чѣмъ приготовьте... Прощайте пока... А вы не бойтесь! Чего бояться-то? Господи!.. Вишь, на васъ лица нѣтъ!.. До увиданья, барышня, будемъ радости ждать!..

Сеня низко поклонился Катѣ и пошелъ къ воротамъ.

— Ну, што, молодецъ? спросилъ дворникъ, выпуская Сеню въ калитку.

— Ангелъ, братъ, ваша хозяйка, ей Богу, ангелъ!.. Пять цѣлковыхъ дала нонѣ, да завтра приказала придти: „кое что, говорить, изъ одежды дамъ.“

— Добрѣющая, братъ, она у насъ!... А вѣдь съ тебя на чаекъ, молодецъ, надо бы...

— Это какъ есть!..

Сеня досталъ кошелекъ. „А вѣдь мужикъ-то нуженъ будетъ, коли затѣя моя удастся! подумалъ онъ.“ Вишь, у нихъ ворота-то съ кой поры запирають, а птичку-то выпускать, пожалуй и ночью придется...

— Да знаешь что, любезный: пойдѣмъ со мной чай пить? Ты теперича доложилъ обо мнѣ, пустилъ во дворъ, завтра опять вступишь,—долженъ же я поподчивать тебя! сказалъ Сеня.

— Гмъ!.. Ладно то бы эфто, ладно, да вишь ты!..

— Одинъ ты, что ли?

— Дворникъ то я одинъ, завсегда у воротъ нахожусь... Есть у насъ черные дворники, а вишь ты, спятъ они...

— Разбуди, ничего!.. Ну, дай ему вотъ пятачокъ на стаканчикъ...

— Рази што... Такъ я сичасъ приду. Ты куда пойдешь-то?

— А вотъ тутъ, недалече, трактиръ, насупротивъ краснаго-то дома...

— Ну, иди, заказывай, а я сичасъ прибѣгу...

„Угостить его чередомъ надо: сильно пригодится парень, ежели что будетъ!“ думалъ Сеня, неторопливо пробираясь по узкимъ тротуарамъ Грибоѣдовскаго переулка къ трактиру.

ХП.

Не красно было написано письмо Григорья Степановича Волкова, да задумчиво, и Катя поняла его своимъ чуткимъ сердцемъ.

Всю ночь, послѣ свиданія съ Сеней, не спала настрадавшаяся дѣвушка; много думъ прошло въ молодой головкѣ; цѣлые потоки слезъ пролились на пуховую подушку; горяча была молитва дѣвушки предъ иконою Богородицы, которой благословила ее умирающая мать, и къ утру икона эта была снята со стѣны, вынута изъ массивной кіоты и уложена въ небольшой чемоданчикъ, давно какъ-то купленный Катей для путешествія на богомолье; въ тотъ же чемоданчикъ положено было нѣсколько завѣтныхъ вещицъ, платье любимое, бѣлье кой-какое...

Чемоданчикъ былъ завязанъ въ узелъ, и тамъ же лежала записочка. Въ запискѣ было сказано:

„Я люблю васъ и считаю за добраго человѣка, вы не обидите меня... Церую себя Владычицѣ Небесной и иду къ вамъ... Завтра, въ десять часовъ вечера, ждите, я выйду... Если обманете меня—я умру, и вамъ будетъ грѣхъ. До свиданья. К. С.“

Точно приговоренная къ смерти, ходила Катя весь день послѣ этого утра.

— Что съ тобой, Катенька? Видно, тебѣ очень нездоровится, голубушка? спросила Марья Максимовна, входя утромъ въ комнату племянницы и съ участіемъ глядя на Катю.

— Нѣтъ, ничего, тетя... Такъ что-то...

— Какое, ничего, милая! Смотри, на тебѣ лица нѣтъ!.. Не посылать ли за докторомъ?

— Нѣтъ, не надо, милая!.. Мнѣ скучно, тетя, тяжело такъ... Вотъ я скоро и уйду отъ васъ... Прощай же милая, дорогая тетя!..

Катя бросилась на шею Марьѣ Максимовнѣ и заплакала.

— Полно, голубушка моя, полно!.. Вѣдь не сейчасъ ведутъ тебя подъ вѣнецъ-то, еще поживемъ вмѣстѣ!.. Да и замужъ отдадутъ, такъ въ одномъ городѣ жить будемъ...

Тетка усадила Катю на диванъ и стала гладить ея длинные, мягкіе, какъ шелкъ, волосы.

— Одѣнься, милая, да поѣдемъ въ городъ: купимъ что нибудь; обновку себѣ какую-нибудь выберешь...

— Нѣтъ, тетя, мы сегодня не поѣдемъ, милая: мнѣ все-таки нездоровится немного...

— Лучше провѣтришься, освѣжишься...

— Нѣтъ, милая!

— Ну, какъ хочешь, я не неволю... Чай пойдешь кушать?

— Пойдемте, тетя...

— Зачѣмъ это ты, Катенька, икону-то вынула изъ кіоты?

— А я хочу... Надо отдать ее чистить, потускла очень...

— А! такъ давай, я пошлю кого-нибудь.

— Нѣтъ, милая тетя: мы завтра поѣдемъ, такъ я сама завезу, попрошу получше сдѣлать...

— Ну, хорошо. Пойдемъ чай кушать...

Всегда ласковая съ теткой, Катя въ этотъ день особенно ласкалась къ ней и принималась плакать не одинъ разъ. Марья Максимовна приписывала и эти ласки, и эти слезы скорой разлукѣ и нежеланному жениху, и съ особой нѣжностію относилась къ племянницѣ, что еще сильнѣе мучило ее. „Хоть бы она побранила меня, посердилась, все бы мнѣ точно легче было!“ думала она.

Отецъ ей представлялся, точно въ тяжеломъ снѣ, гнѣвнымъ, страшнымъ, проклинающимъ ее, и при мысли объ немъ являлось скорѣе чувство страха, ужаса, чѣмъ жалости. „А потомъ онъ проститъ меня!“ думала она. „Вѣдь, увидитъ Гришу потомъ, полюбитъ его!.. Онъ проститъ, проститъ!..“

Часовъ около четырехъ Катѣ доложили, что пришелъ вчерашній молодецъ, „который на приданое сестрѣ просилъ“.

— У Кати подкосились ноги.

— Хорошо... Скажи, чтобъ подождалъ, я сама выйду къ нему... Тетя гдѣ?

— Отдыхаютъ въ мезонинѣ...

— Такъ пусть онъ войдетъ сюда...

Когда Сеня вошелъ, въ сопровожденіи горничной, въ комнату, Катя стояла на колѣняхъ передъ образомъ.

— Вотъ тутъ, что я обѣщала, сказала она, быстро поднимаясь съ колѣнъ, указывая на узелъ. Отдайте... Благослови Богъ это дѣло... Грѣхъ, большой грѣхъ, если вы обманываете меня!..

Сеня взялъ узелъ и обернулся лицомъ къ иконамъ.

— Вотъ на семъ самомъ мѣстѣ пусть меня разразитъ Царица Небесная, если у насъ есть намѣреніе обмануть васъ! торжественно проговорилъ онъ.

Горничная стояла тутъ же, а ему еще много хотѣлось сказать Катѣ.

— Не съ обманомъ сюда шелъ я, и не у меня, ни у того, кто просить милости вашей — дурнаго и въ помышленіи нѣтъ!.. Прощайте, дай вамъ Богъ счастья...

Сеня поклонился и вышелъ, кинувъ значительный взглядъ на Катю.

— Вотъ и получилъ, братъ, обѣщанное! сказалъ онъ дворнику. Пойдемъ опять въ трактиръ, надо тебя угостить...

— Да ужъ мнѣ и зазорно: все угощеніе, да угощеніе...

— Э, полно!.. Пойдемъ-ка, пріятель, скорѣй, а то мнѣ некогда, нонѣ много дѣла есть!

Черезъ часъ дворникъ вернулся изъ трактира, очень пьяный. Пошатываясь прошелся онъ по двору, что-то бормоча подъ носъ и размахивая руками, потомъ вышелъ за ворота и сѣлъ на лавочку.

— Нѣтъ, братъ Иванъ, ты тово, подумай объ эфтомъ дѣлѣ, бормоталъ онъ, обращаясь къ себѣ. — Ты теперича дворникъ долженъ ты хозяина соблюдать? Долженъ, потому ты хлѣбъ яво ѣшь и все такое!.. Да... они теперича што затѣяли? Гмъ!.. Катерину Петровну нашу убѣгомъ взять!.. Она, гытъ, сама тово хочетъ и тебя не оставимъ... Знаю, што не оставятъ!.. А оно дѣло не ладное, нѣтъ!.. Они мнѣ десять цалковыхъ дали и опшо сулили, а все это неладно, ей-Богу, неладно!.. Скрадутъ они Катерину Петровну нашу, а какіе они люди? Люди они сумнительные, потому тайкомъ дѣло дѣлаютъ? Они, тово, обидятъ ее!.. Обидятъ, а меня Петръ Максимовичъ обидитъ!.. Ой, какъ обидитъ!.. „Ты, скажетъ, дворникъ?“ — Я дворникъ... Ну, сичасъ въ участокъ!.. Нѣтъ-съ, шалишь — я не допущу!..

Дворникъ всталъ, по лицу его разлилась блаженная улыбка.

— А ежели я теперича Сергѣю Иванычу знать дамъ и Григорію Максимовичу — они ублаговотворятъ меня!.. Тысь, вотъ, какъ ублаговотворятъ!.. Плевое дѣло десять цалковыхъ!.. „Вотъ, тебѣ, Иванъ,

сто палковыхъ, скажетъ онъ!..“ Вѣрно!.. И я упрежу, ей Богу, упрежу, потому я обязанъ!.. Я кто?—Я дворникъ...

Дворникъ вошелъ на дворъ, кликнулъ своего помощника и велѣлъ ему быть при воротахъ.

— А ты куда, дядя Иванъ? Аля спать охота послѣ угощенія-то? спросилъ помощникъ.

— Кто? Я спать?.. Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Я долженъ соблюдать себя, потому какъ я за старшаго!.. Нда!.. Я по дѣлу пойду... Нужно мнѣ, очень, то ись, нужно, и я пойду!.. Соблюдать долженъ я дѣло свое!..

Дворникъ рѣшительно махнулъ рукой и быстро зашагалъ по направленію къ Пятницкой улицѣ.

XIII.

Въ то время, когда Катя имѣла свиданіе съ Сеней и отдавала ему узелокъ, Петръ Максимовичъ сидѣлъ у брата въ его конторѣ.

Оба брата были чѣмъ-то взволнованы. Григорій Максимовичъ большими шагами ходилъ по комнатѣ: лицо его было блѣдно, глаза дико блуждали; онъ безпрестанно дергалъ себя за воротникъ сорочки, точно что душило его.

Петръ Максимовичъ сидѣлъ у стола и нервно барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла.

— Не то больно мнѣ, что женихъ—приказчикъ, мужикъ,—это ничего, мы тоже не баре какіе, опять же ты завсегда можешь его человѣкомъ сдѣлать, ходъ ему дать, а то больно, что человѣкъ нехорошій! говорилъ Петръ Максимовичъ.—Всѣмъ извѣстно, какъ онъ съ первой-то женой жилъ!.. Добрая-то слава лежитъ, а худая бѣжить... Да и кромѣ того не похвалишь парня: ломаетъ изъ себя барина какого-то, манеры представляетъ, а выходитъ одинъ смѣхъ!.. Со стороны-то смѣхъ, а родительскому сердцу больно... Ой, ой, какъ больно!.. Откажи ему, братъ, пока еще время не ушло, не губи Катю! съ дрожью въ голосѣ закончилъ Петръ Максимовичъ, и на глазахъ его блеснули слезы.

Григорій Максимовичъ сильнѣе рванулъ себя за воротъ; пуговики сорочки отлетѣли и покатались по полу.

— Не могу я отказать ему!.. Не могу!.. какимъ-то хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Да отчего? Скажите Христа ради!.. Что у васъ съ нимъ?..

Григорій Максимовичъ остановился передъ братомъ.

— Что? спросилъ онъ унавшимъ голосомъ. — Что?.. А то, что ежели я не отдамъ ему Катю твою... такъ... въ Сибирь уйду, въ каторгу!..

Петръ Максимовичъ вскочилъ съ мѣста.

— Въ Сибирь?!.. Господи!.. За что въ Сибирь?.. Какъ?.. Что ты сдѣлалъ?..

Григорій Максимовичъ подошелъ къ двери, заглянулъ въ коридоръ и заперся.

— Выслушай, братъ, исповѣдь мою... Пришло время сказать тебѣ тайну мою! началъ онъ, усаживая брата на стулъ и садясь съ нимъ рядомъ.

— Не мучь, братецъ, Бога ради!.. Скажи, что такое стряслось надъ тобой? весь блѣдный проговорилъ Петръ Максимовичъ.

— Прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ я на заводъ свой, началъ Григорій Максимовичъ,—былъ со мной Сергѣй этотъ самый... Снимали мы у мужиковъ сѣнокосы и, пробывъ тамъ около сутокъ, поѣхали домой. Выѣхали мы съ завода въ самое послѣ обѣда, жара была въ тотъ день страшная, а мнѣ безпремѣнно нужно было въ Москвѣ быть къ вечеру... Ёдемъ мы этакъ шагомъ, потому у меня кладъ хрупкая этакая была: у одного барина, сосѣда по дачѣ моей, посуду старинную я купилъ—знаешь, какъ я охочь до стариннаго-то всего былъ. Ну, и ѣдемъ мы пажкомъ этакъ, Сергѣй править... Жара—силы никакой нѣтъ! Конь, буланый, въ тѣ поры запряженъ былъ,—бьется, шалить, оводы его донимаютъ, страхъ какъ, да и я заморился очень, и задумали мы переждать въ лѣсу гдѣ-нибудь жару это... Свернули этакъ съ дороги въ передѣлочекъ, коня отпрягли, а сами чайникъ нагрѣли,—завсегда чайникъ-то со мной въ дорогѣ бываетъ... Сидимъ, чай пьемъ, рому я выпилъ изъ походной бутылки, и порядкомъ, надо быть, выпилъ, потому въ голову, особливо въ жару-то такую, мнѣ сильно ударило...

Вдругъ слышимъ выстрѣлъ... Вздогнули это мы, испугались, а конь пуще нашего испугался, — рванулъ, тарантасъ на бокъ,

недоуздокъ порвалъ и убѣгъ... Зло меня взяло такое — страхъ! Посуду, думаю, разбилъ, а я за нее полтораста палковыхъ далъ, да и рѣдкая, думаю, вещь такая; опять-же конь убѣжалъ — гдѣ его искать? Убьется или уйдетъ, конь горячій, дорогой... Распалило это меня такое зло, да и ромъ то въ головѣ гулялъ, вскочилъ я... И выходитъ изъ-за кустиковъ человѣкъ... Старенькій такой, сѣдѣнькій, оделъ на немъ плохенькая, ружье въ рукахъ... Бросился я къ нему, со зла-то своего, да какъ свистну его бутылкой по виску — только охнулъ старикъ и упалъ на траву, кровью обливаясь...

— Убилъ?! въ ужасѣ воскликнулъ Петръ Максимовичъ.

— Убилъ...

— Господи, Господи!.. Ну, ну!.. потомъ то что?

— Ну, стою я надъ нимъ, надъ убитымъ, себя не помню, не знаю — сонъ ли это, правда-ли... А въ это время по дорогѣ ѣхалъ какой-то молодецъ верхомъ, Богъ его знаетъ, кто онъ такой!... Увидалъ онъ коня нашего и поймалъ его, а поймавши и привелъ къ намъ... Увидалъ это все, перекрестился и жалостно такъ говорить мнѣ: „хорошаго, говоритъ, человѣка ты убилъ, добраго; я, говоритъ, зналъ его...“ Страхъ меня взялъ, ужасъ, какой-то!.. Донесетъ на меня, думаю, человѣкъ этотъ!.. Сталъ я ему денегъ давать — не взялъ: „за такое, говоритъ, дѣло денегъ я не возьму, а молчать, говоритъ, буду,“ и велѣлъ мнѣ молиться за душу убіеннаго Степана...

Блѣдный, какъ смерть, слушалъ Петръ Максимовичъ брата, и, когда Григорій Максимовичъ кончилъ, опустивъ голову на грудь, крѣпко, крѣпко задумался, Петръ Максимовичъ тронулъ его за плечо:

— Ну, чѣмъ все кончилось это, братецъ?

— Дождались мы вечера, сняли со старика одежду и на огонькѣ ее сожгли, а ружье его въ ручьѣ утопили — „ограбили де старика, люди, молъ, скажутъ...“ Закидали его листьями, травой сухой и уѣхали...

Григорій Максимовичъ всталъ.

— Не знаю я съ той поры покою себѣ, братецъ! заговорилъ онъ. И совѣсть меня мучить, и убитый старикъ всюду передъ

глазами у меня, какъ живой, и страшно мнѣ!.. Страшно грѣха, страшно и суда земнаго!..

Ничѣмъ не запятнано имя мое: родитель, и дѣдъ, и прадѣдъ наши хорошими людьми были, всей Москвѣ извѣстны были, никто дурного слова про насъ не смѣлъ сказать, и вдругъ... И вдругъ поведутъ меня въ халатѣ арестантскомъ, съ тузомъ бубновымъ по городу солдаты... Съ ворами, съ грабителями поведутъ, кандалы надѣвнутъ!.. Будутъ смотрѣть на меня люди — вѣдь всѣ знаютъ меня—и скажутъ: „ведутъ Григорья Максимовича Сальникова!.. Убийцу ведутъ! На большой дорогѣ человѣка убилъ..“ А потомъ Сибирь, каторга!..

Не съ родителями и кости мои положить, а далеко отъ родины, въ сторонѣ, куда воровъ, да разбойниковъ плютъ—схоронять меня...

Григорій Максимовичъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и упалъ головой на столъ.

— Я молюсь за убійеннаго мной Степана, панихиды по немъ служу, нищую братію одѣляю, на монастыри жертвую, на себя посты накладываю — авось Господь и помилуетъ меня, отпустить мнѣ невольный грѣхъ мой; но здѣсь, на этомъ то свѣтѣ, убійцамъ не прощаютъ, судятъ ихъ и караютъ, окаянныхъ!..

Григорій Максимовичъ замолчалъ, склонивъ голову.

— Такъ и пошелъ послѣ того Сергѣй этотъ мучить тебя? тихо спросилъ Петръ Максимовичъ.

— Да... Сначала онъ деньгами съ меня братъ началъ, какъ въ свой сундукъ, ко мнѣ ходилъ; пошвыривать ими сталъ, безобразія заводить... Потомъ въ главные приказчики сталъ проситься, а ужъ послѣ того, какъ овдовѣлъ онъ, и Катю за себя сватать сталъ... Пришелъ ко мнѣ одинъ разъ и говорить... Эхъ, ужъ не поминать лучше!.. Братъ, отдай за него дочь, пощади ты мою старость, не дай на позоръ мою сѣдую голову, не губи меня, братъ!.. Она добрая, Катя твоя, она смиритъ его, уласкаетъ, человѣкомъ, авось, сдѣлаетъ... Я буду за нее молиться, братъ, въ монастырь уйду, все добро свое ей отдамъ!..

Петръ Максимовичъ глубоко вздохнулъ.

— Судьба ее видно, такая, братъ,—пусть, идетъ!.. Только мало надежды на счастье съ этимъ человѣкомъ!.. Ты бы далъ ему денегъ, братъ, пусть бы ѣхалъ куда нибудь, дѣло бы свое завелъ...

Григорій Максимовичъ махнулъ рукой.

— Все давалъ! воскликнулъ онъ.—И слышать не хочетъ: подавай ему Катю, — красавица вишь она!.. Онъ знаетъ, что она одна у насъ, и все равно—послѣ смерти нашей ей все достанется...

Петръ Максимовичъ хотѣлъ что-то сказать, но въ это время постучались въ дверь.

Григорій Максимовичъ отперъ.

— Что тебѣ? спросилъ онъ вошедшаго конторщика.

— Пришелъ тамъ дворникъ отъ Петра Максимовича, очень, говорить, нужно зачѣмъ-то видѣть васъ...

— Что такое случилось? тревожно спросили оба брата.

— Не знаю-съ, пожалуйста къ Сергѣю Ивановичу во флигель: они туда дворника-то позвали, а меня за вами послали-съ...

— Пойдемъ, братъ, сказалъ Григорій Максимовичъ.—Что тамъ еще у тебя... Не съ Катюшей-ли развѣ что?..

Оба брата поспѣшно вышли изъ комнаты, въ сопровожденіи конторщика.

XIV.

Было часовъ десять вечера.

По Большой Ордынкѣ мелкой рысью ѣхала лихая тройка, запряженная въ большія сани. Подъѣхала къ Грибоѣдовскому переулку, ямщикъ сдержалъ лошадей и обернулся къ двумъ сѣдокамъ, которые сидѣли въ саняхъ.

— Тутъ, што-ли, ждать-то будемъ?

— Да тутъ, отвѣтилъ одинъ изъ сѣдоковъ. — Я пойду туда одинъ, выведу пташку нашу и сюда приведу пѣшкомъ, а то на коняхъ-то къ воротамъ ѣхать несподручно: замѣтно очень будетъ...

— Сеня, голубчикъ, страшно мнѣ что-то! сказалъ другой сѣдокъ.

— Вона!.. Ужъ коли затѣяли дѣло, такъ робѣть нечего, Григорій Степанычъ, а надо кончать его!.. Вы ждите тутъ, а то и проѣхать подальше не мѣшаетъ, да коли я замѣшкаюсь — вы не тревожьтесь, потому можетъ и задержка какая выйти... Ну, я пойду съ Богомъ... Ждите двоихъ!.. Салопъ-то приготовьте закутать ее,

а то, чай, въ какой-нибудь легкой шубкѣ выйдетъ — некогда будетъ долго-то одѣваться!.. Ну, до увиданья!..

Говорившій эти слова, сбросилъ съ себя въ сани барашковый тулупъ и, оставшись въ одной коротенькой поддевки, проворно пошелъ въ Грибоѣдовскій переулокъ, а тройка шагомъ пошла вдоль по Ордынкѣ.

Читатели, конечно, догадались, что это были Григорій Степановичъ Волковъ и Сеня.

Дойдя до воротъ Сальниковскаго дома, Сеня осторожно постучалъ въ калитку.

— Кто тамъ? вполголоса окликнулъ его дворникъ.

— Я, братъ, за птичкой пришелъ—отворяй! отозвался Сеня.

Щелкнулъ желѣзный засовъ, и калитка отворилась.

— Входи сюда, молодецъ, выйдешь, чай, скоро; съ полчаса ужъ огонь у хозяевъ то погасили, спать всѣ легли, сказалъ дворникъ, впуская Сеню въ ворота и захлопывая калитку.

— Тише, дядя!.. Погоди, зачѣмъ ты калитку-то запираешь?..

— А ужъ такъ нужно, другъ любезный! проговорилъ дворникъ и повернулъ ключъ во внутреннемъ замкѣ калитки.

— Продалъ, видно, чортовъ сынтъ! съ бѣшенствомъ проговорилъ Сеня и хотѣлъ было схватить дворника за руку, но тотъ бросился на него, а изъ угла дворницкой сторожки выскочили оба Сальниковы и схватили Сеню сзади.

Въ одинъ моментъ, ударомъ ноги спихъ Сеня съ ногъ дворника и, тряхнувъ плечами, вырвался изъ рукъ Григорья Максимовича, который, какъ желѣзными клещами, держалъ его повыше локтей.

— Не подходи, купецъ, убью! крикнулъ Сеня и выхватилъ изъ кармана привязанную на ремень гирьку.

— На такія дѣла, все равно, что на кражу, съ пустыми руками не ходятъ! проговорилъ онъ, задомъ пятясь къ воротамъ.

— Не уйдешь братъ: заперто!.. Не пустимъ живаго!.. Ребра переломаемъ! крикнулъ Григорій Максимовичъ и опять было бросился къ Сенѣ.

— Стой, купецъ! вдругъ воскликнулъ Сеня и шагнулъ впередъ...

Григорій Максимовичъ вдругъ отступилъ назадъ и, дрожа всѣмъ

тѣломъ, смотрѣлъ на Сеню, отстраняя рукой бросившагося было на него дворника.

— Узналъ, знать, и ты меня? проговорилъ Сеня.—А я тебя сразу узналъ, хоть и не видалъ съ той поры, какъ лѣтомъ на Калужской дорогѣ встрѣтилъ... Вотъ гдѣ Богъ встрѣтиться-то привелъ!.. Не ждалъ, не гадалъ, а привелось увидеть еще разъ... Такъ, вотъ, кто Григорій-то Максимовичъ Сальниковъ!..

— Оставьте его! оставьте! сказалъ Григорій Максимовичъ и взялъ Сеню за руку. — Это ты?.. Тамъ, на Калужской дорогѣ... Господи, Господи, еще свидѣтель!..

Петръ Максимовичъ и дворникъ съ недоумѣніемъ смотрѣли на эту сцену.

— Пойдемъ сюда, молодецъ, пойдемъ! заговорилъ Григорій Максимовичъ и повелъ Сеню въ дворницкую сторожку.—Братъ, иди съ нами, иди!.. А ты...

Григорій Максимовичъ обернулся къ дворнику.

— А ты иди въ домъ къ Сергѣю Иванычу... Скажи ему, что мы идемъ сейчасъ... Поймали, скажи... Взяли... Иди, иди скорѣй!..

Дворникъ бѣгомъ побѣжалъ къ дому.

— Эка встрѣча, Господи! воскликнулъ Сеня. Ну, дѣло!.. Поймай, постой... Теперь я понимаю, почему за приказчика-то сердешную Катерину Петровну неволей выдаютъ: этотъ приказчикъ-то тотъ самый парень, который тогда тамъ на дорогѣ былъ?.. А, разбойникъ, вотъ онъ што задумалъ!.. Ну, нѣтъ погоди теперь!..

— Да, да, за того за самага выдаемъ ее!.. А ты кто? Какъ ты знаешь Катю? Давно-ли она любитъ тебя? на перебой спрашивалъ Сеню Григорій Максимовичъ, почти безумными глазами смотря на него и не переставая дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Гдѣ намъ, Григорій Максимычъ, любить такихъ!.. Не меня любитъ Катерина Петровна ваша, а хозяина моего, коломенскаго купца, Григорія Степановича Волкова... А я... не взыщите ужъ!— Хотѣлъ украсть ее, чтобъ не доставалась она кровопійцѣ этому, Сергѣю Ивановичу вашему, который свою жену въ могилу вогналъ!.. Да теперь, авось, и воровать не нужно будетъ...

— Господи, что дѣлается только у насъ?! воскликнулъ Петръ Максимовичъ.

— Молодецъ, обратился онъ къ Сенѣ, — скажи ты Бога ради: какъ-же спозналась моя дочь съ хозяиномъ твоимъ? Давно-ли? Кто онъ? Гдѣ онъ теперь?..

— Все узнаете, Петръ Максимовичъ! Самъ хозяинъ придетъ къ вамъ, попроситъ отпустить ему вину его невольную—что тайно хотѣлъ увести дочь вашу, и сватовъ приплетъ... За него-то ладнѣй отдать, чѣмъ за Сергѣя этого проклятаго!..

— Нельзя, нельзя этого! заговорилъ Григорій Максимовичъ. Онъ не такой, какъ ты, онъ донесетъ на меня, погубить... Господи! Да что-же это за мука такая!.. Не сонъ-ли это тяжелый!..

— Донесетъ? спросилъ Сеня, кто донесетъ? Сергѣй-то вашъ?.. Да развѣ онъ не причастенъ къ дѣлу тому? Развѣ онъ не уложилъ свою жену въ гробъ побоями лютыми?.. Ха, ха! Донесетъ!.. Свою-то бы шкуру онъ поберегъ хорошенько, а не то, что доносить!.. Увидать бы его мнѣ только... Не горюйте, Григорій Максимовичъ, не горюйте и вы, Петръ Максимовичъ: все это, видно, такъ Богомъ суждено, и худаго тутъ ничего нѣтъ!.. Обо всемъ этомъ дѣлѣ ни одна душа живая не узнаетъ, и пойдетъ все, какъ у добрыхъ людей бываетъ: нежеланнаго жениха со двора долой и, коли угодно будетъ, хозяина моего зятемъ возьмете... Хорошій человекъ мой хозяинъ, и лучше его не найти вамъ жениха для Катерины Петровны, ей-Богу, такъ!.. А то дѣло, на Калужской-то дорогѣ—забудьте, Григорій Максимовичъ!.. Простить вамъ его Богъ за добродѣтель Катерины Петровны, а люди не узнаютъ ничего, потому я не скажу никому, а Сергѣй... ему самому до себя будетъ!..

Странную картину представляли эти три человѣка на пустынномъ дворѣ Сальниковскаго дома!..

Сеня, красный отъ волненія, разгорѣвшійся, не смотря на довольно морозный вечеръ, стоялъ въ своей коротенькой поддевкѣ, въ надвинутой на бокъ барашковой шапкѣ, ловкій, смѣлый, бойкій, и горячо говорилъ, забывъ только что мпнувшую опасность и думая только о своемъ другѣ-хозяинѣ.

Петръ Максимовичъ задумчиво поглаживалъ бороду и тоже забывъ, кажется, что онъ на дворѣ, въ одномъ легкомъ пальто, весь отдавшійся думамъ, а его братъ, то блѣднѣя, то вспыхивая яркимъ

румянцемъ, напряженно слушалъ Сеню, и когда тотъ кончилъ, схватилъ его за руку и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Спаси же насъ, молодецъ!.. Избавь отъ ворога лютаго!.. Пойдемъ въ горницу, пойдемъ... Онъ тамъ, съ ней, съ Катей!.. Братъ! можетъ, самъ Богъ послалъ намъ этого человѣка!.. Пойдемте, пойдемте туда!..

XV.

Въ бархатной коротенькой шубкѣ, повязанная маленькимъ платочкомъ, сидѣла Катя въ гостинной на диванѣ, пойманная предупрежденнымъ женихомъ, въ тотъ самый моментъ, когда она хотѣла выходить изъ дому.

Катя не плакала. Крѣпко стиснувъ руки, устремивъ глаза въ одну точку, сидѣла она недвижимая, какъ статуя, и только высоко поднимающаяся грудь показывала, что это живой человѣкъ. Припавъ головой къ столу, тутъ-же сидѣла Марья Максимовна и негромко рыдала.

Былъ тутъ и оскорбленный женихъ. Заложивъ руки въ карманы модныхъ свѣтло-сѣрыхъ брюкъ, стоялъ онъ посреди комнаты и, весь красный отъ волненія и выпитаго „для успокоенія нервовъ“ вина, язвилъ и Катю, и ея тетку злыми, ядовитыми словами.

— Вотъ онѣ, дочери-то богачей, смиренницы-то, затворницы-то!.. Словно послѣдняя дѣвка деревенская, съ какимъ-то прохвостомъ бѣжать задумала!.. Эхъ, вы-съ, полюбовница приказчицы!.. Чѣмъ же это-съ мы-то не любы вашей милости? Денегъ у насъ мало-съ? Собой не взяли? Ловкости достаточной нѣтъ?.. Почище васъ не побрезговали бы нами-съ! Али мы задумали честно, благородно дѣло устроить, такъ вамъ это противно? Лучше, должно быть, убѣгомъ-то уйти за какого нибудь сиволапаго мужика-съ!.. А вотъ, жениху этому вашему ребра посчитаютъ путемъ, да въ участокъ отправятъ... Ха, ха, ха!.. Вотъ будетъ женихъ важный-съ!.. Да и вашей милости достанется на орѣхи-съ, да-съ!.. Тятенька-то, видно, потворщикъ у васъ, въ родѣ тетеньки вотъ эфтой, которая не смогла усмотрѣть за вами-съ, ну, такъ мы съ дяденькой озаботимъ себя науку то вамъ надлежащую сдѣлать!.. На мои бы руки за эту музыку—я бы сдѣлалъ сюрпризъ!.. Да-съ.. Позвалъ бы бабъ, поздно-

ровѣй которыя, разложили бы, да всыпали бы сотню горячихъ!.. Шкуру бы спустили!..

Лицо Сергѣя Ивановича перекопилось отъ злобы; онъ сдѣлалъ два шага къ Катѣ.

— Тетя, тетя, боюсь!.. Онъ бить меня хочетъ!.. крикнула въ ужасѣ Катя и прижалась къ спинѣ дивана.

— А, боюсь теперь!.. А бѣгать съ любовникомъ не боишься? Погоди, голубушка, погоди! прошепталъ Сергѣй и отошелъ отъ Кати.

По залѣ раздалися поспѣшные шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— А а! воскликнулъ Сергѣй.—Видно, сюда ведутъ молодца-то... Повидайтесь съ нимъ!..

Катя порывисто вскочила съ дивана и впиалась глазами въ дверь... На лицѣ ея изобразилась страшная тревога и отчаяніе.

Распахнулась дверь, и въ гостиную вошелъ Сеня; зади шли отецъ и дядя Кати.

Сергѣй быстро пошелъ было на встрѣчу, но въ двухъ шагахъ не доходя до Сени, остановился, точно пораженный чѣмъ то, и вперилъ въ него изумленные глаза. Остановился и Сеня.

— Вотъ онъ женихъ-то кто! улыбнулся Сеня.—Добраго здоровья, Сергѣй Ивановичъ, какъ поживать изволите?.. Супругу то покойнику поминаете-ли! Не очень-ли грустите по ней?.. Что смотрите? Не узнали, ваше степенство!.. Нѣтъ, я такъ сразу узналъ...

Сеня обернулся къ Петру Максимовичу.

— Прикажите Петръ Максимовичъ, сестрицѣ вашей увести отсюда Катерину Петровну: кой объ чемъ поговорить нужно съ женихомъ-то; да такое поговорить, что невѣстѣ, можетъ, и непріятно будетъ...

— Сестра, иди на верхъ... Иди, Катя, и ты, иди, проговорилъ Петръ Максимовичъ, подходя къ дочери.

Нетвердой походкой вышла Катя изъ гостиной, бросивъ умоляющій взоръ на отца. Марья Максимовна послѣдовала за ней.

Сеня, по уходѣ Кати съ теткой, вплотную подошелъ къ Сергѣю Ивановичу и взялъ его за руку. Поморщился оторопѣлый женихъ отъ желѣзной руки Сени, которая сдавила ему кисть, и опустили глаза подъ сверкающимъ взглядомъ Сени.

— Жениться вздумалъ! заговорилъ Сеня.—Донесомъ хозяина напугалъ? Страхомъ каторги заставилъ ангела Божія, Катерину Петровну, за себя выдать?.. А самъ ты не былъ въ дѣлѣ-то въ томъ, на Калужской-то дорогѣ, участникомъ? Не вмѣстѣ старика-то зарывали? Ахъ ты, воровская душа!.. Да погоди, не рвись, не коси глаза-то—не страшно!.. А отчего же тогда не донесъ на хозяина!.. Поди, доноси теперь... Скажутъ тебѣ: а гдѣ ты раньше былъ? Чего молчалъ до той поры, пока тебѣ, жениху непростенному, дверь показали?..

— А ты... ты отчего не донесъ? весь блѣдный спросилъ Сергѣй, ежась отъ могучаго пожатія Сениной руки.

— Я-то? Я, братъ, не зналъ, кто вы, не на кого и доносить мнѣ было. Да... пока я доносить то ѣздилъ — вы ужъ уѣхали, слѣдъ вашъ простылъ!.. Что, другъ, опѣшилъ?.. Вотъ теперь, я, какъ узналъ, такъ донесу!.. Хозяинъ-то твой, подъ горячій часъ, хмѣльной, человѣка убивши, добро началъ творить, добрыя дѣла дѣлать и ужъ, можетъ, замолилъ грѣхъ свой у Бога... А ты?.. Ты не доносилъ на него изъ корысти, сокъ пилъ изъ хозяина своего, а потомъ задумалъ голубку чистую въ свое гнѣздо воронье затащить... Была у тебя, песъ, и раньше голубка, да заклевалъ ты ее!..

Глаза Сени засверкали дикой злобой; красивыя черты открытаго лица его исказились бѣшенствомъ!..

— Что ты съ женой-то сдѣлалъ?.. Задумалъ Катерину Петровну за себя взять, красотой ея да деньгами прельстился, и сталъ тираниить жену свою кроткую, да тихую!..

Тиранилъ ее день и ночь, не одну плеть измочалилъ объ нее, не одну метлу исхлесталъ и добился своего—вколотилъ ее въ гробъ... И вдовымъ сталъ, другую жену задумалъ взять!.. Песъ ты смердящій, песъ!.. На тебя-то коли донести, да стараго садовника, который слушалъ по ночамъ стоны жены твоей сердешной, свидѣтелемъ поставить, да ее, покойницу жену твою, изъ могилы вырыть — тебя мало повѣсить, разбойника!.. Да не бойся; не донесу на тебя!.. Не донесу. Сергѣй Ивановичъ, московскій купецъ богатый, а самъ съ тобой счеты сведу, долженъ ты мнѣ: жена твоя, Марья Васильевна, покойница, любила въ дѣвицахъ молодца одного, и мыслилъ тотъ молодецъ съ ней счастье найти, да уѣхалъ въ дальнюю сто-

рону, и отдали ее силой неволей за тебя, на потѣху, на страду!.. Молодецъ то тотъ—я, Сергѣй Ивановичъ, и ужъ я самъ сведу съ тобой счетъ, и за себя, и за нее, и за Катерину Петровну!..

Не попадая зубъ на зубъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, съ помутившимися глазами, слушалъ Сергѣй Сеню, и не однимъ звукомъ не отвѣтилъ, когда тотъ кончилъ и оттолкнулъ его отъ себя.

— Прикажете, Петръ Максимовичъ, честь честью проводить жениха, обратился Сеня къ Петру Максимовичу.

Сергѣй задрожалъ еще сильнѣе и посмотрѣлъ кругомъ.

— Что трясешься то? насмѣшливо спросилъ его Сеня.— Не бойся: бить не будутъ тебя!.. Женихъ Катерины Петровны съѣдетъ со двора честью, только назадъ-то не вернется!..

Невѣрными шагами, точно пьяный, вышелъ Сергѣй изъ гостиной, и какъ-то пугливо, по заячьи косясь на Сеню...

— Господи! Господи! прошепталъ Петръ Максимовичъ, сядясь на стулъ.

Братъ его медленно подошелъ къ нему и, опустившись на колѣни, поклонился въ ноги.

— Прости Христа ради, братецъ, за грѣхи мои окаянные!.. Спасая свою грѣшную голову, хотѣлъ я погубить дочь твою невинную!.. Прости, братъ!..

Петръ Максимовичъ поднялъ брата и поцѣловалъ его.

— Полно, братъ, Богъ съ тобой!.. Не легко и тебѣ было, сердешному!.. Молодецъ, обратился Петръ Максимовичъ къ Сенѣ, — ты высвободилъ насъ изъ бѣды удалюю своею да умомъ...

— Полно вамъ хвалить меня, Петръ Максимовичъ! перебилъ Сеня, махнувъ рукой. Простите меня за тревогу, за намѣреніе мое... Прощенья просимъ пока—хозяинъ, ой-ой, какъ ждетъ чай меня!.. Завтра онъ къ вамъ свата пришлетъ, коли милость ваша будетъ...

— Не надо свата! воскликнулъ Петръ Максимовичъ. Пусть хозяинъ твой жалуется къ намъ завтра чай кушать... Видно, Богомъ суждено—быть ему зятемъ моимъ!.. Суженаго конемъ не объѣдешь!.. Приѣзжай и ты съ нимъ...

— Гмъ!.. Не приказичье дѣло съ хозяевами невѣсть смотрѣть ѣздить, да ужъ коли вы не брезгуете, да хозяйская воля будетъ—

я приѣду... До свиданья, Петръ Максимовичъ, до свиданья Григорій Максимовичъ!.. Успокойте Катерину-то Петровну: куда какъ тяжело чай, ей бѣдной!..

— А какъ же этотъ-то... Сергѣй-то какъ? спросилъ Григорій Максимовичъ, глядя то на брата, то на Сеню.

— Сергѣй то? А Сергѣй вашъ будетъ думать теперь, какъ бы ему башку свою сберечь... Не сберечь ему только ее!.. Позовите вы работниковъ и велите его со двора метлой проводить, а тамъ... тамъ ужъ я сведу съ нимъ счеты! проговорилъ Сеня, мрачно сверкнувъ глазами.

— А если онъ... Если онъ помѣшаетъ радости нашей и... и донесетъ на меня, себя не сберегая...

— Ха, ха, ха! засмѣялся Сеня. Это онъ-то? Полно вамъ, Григорій Максимовичъ! Трусливъ Сережка, какъ заяцъ, а блудливъ, какъ кошка... нѣтъ, не какъ кошка, а какъ волкъ зубастый!.. Нѣтъ, не бойтесь этого, Григорій Максимовичъ. Такъ, до свиданія, мое вамъ почтеніе глубокое!

Сеня поклонился и торопливо вышелъ.

У воротъ онъ встрѣтилъ дворника и, взявъ его за окладистую рыжую бороду, крѣпко потрясъ ее.

— Слѣдовало бы тебя, рыжій шутъ, поучить за продажу твою, да ужъ Богъ съ тобой—дѣло-то не такъ вышло!

И Сеня вышелъ изъ воротъ.

XVI.

Предоставимъ Сенѣ объяснить Григорію Степановичу, чѣмъ и какъ кончилось дѣло похищенія Кати, и расскажемъ читателю въ краткихъ словахъ исторію Сениной любви.

Года за два до описанныхъ въ предыдущихъ главахъ событій, Сенѣ приходилось бывать по дѣламъ торговли въ селѣ Черкизовѣ, Московскаго уѣзда. Приставалъ онъ тамъ постоянно у крестьянина этого села Василья Прохорова; приставалъ не спроста; очень нравилась ему дочка Василья Прохорова—Маша. Тихая, кроткая, почти красавица собой, Маша крѣпко пришлась по душѣ пылкому молодцу! Сеня, — бокій, разбитной, ловкій, подчасъ дерзкій на

языкъ,—никогда не былъ нахаленъ съ женщинами вообще, а нѣжная, стыдливая Маша тѣмъ болѣе возбуждала въ немъ чувство невольнаго уваженія и, любя ее, онъ долго ничего не говорилъ про свою любовь, но одинъ разъ замѣтилъ, что дѣвушка какъ то особенно смотрѣла на него, и когда онъ поймалъ этотъ взглядъ—по-краснѣла; онъ понялъ, что и она не совсѣмъ равнодушна къ нему, а понявъ это, открылъ и свою душу. Просто объяснились молодые люди и стали любить другъ друга, но любовью чисто платонической, что рѣдко бываетъ у простаго народа.

Поцѣлуи при встрѣчѣ и проходахъ, горячія рѣчи, прогулка въ какую нибудь рощу вечеркомъ—и только. „Она будетъ моею, лебедка бѣлая, думалъ Сеня, женюсь, Богъ дастъ, на ней, дѣла свои устроивши, молодого хозяина на ноги поставивши!“ и терпѣливо ждалъ желаннаго дня.

Проживъ такимъ образомъ съ Машей около году, Сеня долженъ былъ ѣхать въ Оренбургъ, куда посылалъ его хозяинъ; поѣздка должна была продолжаться мѣсяцевъ пять, шесть, а къ дѣвушкамъ стали ужъ и женихи свататься.

„Эхъ, плохо дѣло!“ думалъ Сеня и загрустилъ не на шутку. Жениться сейчасъ же было невозможно—дѣла не такъ шли, а ждать... Кто знаетъ, что случится въ эти пять, шесть мѣсяцевъ?

Сеня рѣшился посвататься къ Машѣ съ тѣмъ, чтобы играть свадьбу подождать.

Отецъ дѣвушки выслушалъ рѣчи Сени и задумчиво началъ тербить бороду.

— Парень ты, Сеньюша, хорошій, добрый; заговорилъ онъ,—оно не больно ты въ капиталѣ, штобы очень, по случаю дѣловъ то хозяйскихъ, ну да эфто ничаво, съ Божіей помощью поправишься, а вотъ, што неладно: ждать-то больно долго, голова! Прождемъ мы тебя, жениховъ со двора ссылатъ будемъ, а ты насъ обманешь—тогда,—какъ? Вѣдь дѣвкѣ позоръ, другъ!

— Я обману? Никогда я, Василій Прохорычъ, никого не обманывалъ, а ужъ тебя, въ такомъ дѣлѣ и подавно не обману!.. Коли по душѣ говорить—красе твоей Марьи Васильевны я и не видывалъ, и больно она мнѣ по мыслямъ пришлась... Никогда не обману, вотъ тебѣ моя клятва передъ Господомъ! горячо произнесъ Сеня.

— Ты этого, молодецъ, не говори! тронулъ степенный мужикъ Сеню за плечо. Въ жизни то чего не бываетъ, другъ! Не то что дѣвку обманешь, а отца роднаго проведешь! Да... Опять же головы то наши въ Божьихъ рукахъ: нѣтъ ты живъ, здоровъ, а на утро тебя на погостъ повезутъ! Въ мірѣ то все бываетъ... А я тебѣ вотъ что скажу: коли любя тебѣ Марья моя—я отдамъ ее за тебя. Ты поѣзжай съ Богомъ по дѣлу своему, по времени письмо спосылай, меня Богъ грамотѣ умудрилъ, самъ буду твои записки читать и знать буду, што ты не переѣнилъ мыслей своихъ и, пріѣхавши свадьбу сыграемъ, а я повременю малость выдавать то Марью... Вотъ, какъ дѣлаютъ по нашему, по мужицки то. Да... Коли судьба ей, Марьи моей, быть за тобой—будетъ, а коли нѣтъ такой судьбы, и другому она предназначена Богомъ--не быть!.. Вотъ тебѣ мой сказъ, хошь слушай, хошь нѣтъ, а эфто мое послѣднее слово!..

Сеня уѣхалъ.

Еслибъ на пять лѣтъ онъ уѣхалъ и тогда бы не забыть ему ласковыхъ очей вазнобы своей, душевныхъ рѣчей ея, сердца добраго, да видно, и въ самомъ дѣлѣ „не судьба“ была владѣть ему Машей!...

Скитаясь по оренбургскимъ степямъ, проводя одинъ день въ одномъ мѣстѣ, а другой за сто верстъ, въ другомъ, проѣзжая иной разъ по двое сутокъ верхомъ съ гуртомъ скота—не до писемъ ему было конечно, а дѣла задержали гораздо дальше, чѣмъ предполагалось, и... Мама вышла за другаго!

Сергѣй Ивановичъ Панкратьевъ, тогда еще просто былъ Сергѣй Ивановъ, посватался къ ней, имѣя въ Черкизовѣ какую то родню и зная Машу, и ее, силой почти, какъ это часто водится, выдали за него. Женихъ онъ былъ ничего, на мѣстѣ на хорошемъ въ Москвѣ жилъ, парнемъ былъ степеннымъ, да и деньжонки у него водились; скупъ былъ молодецъ и до денегъ охочъ.

Когда Сеня пріѣхалъ, Маши въ Черкизовѣ уже не было!.. Узналъ бѣднякъ, что ее выдали въ какую то дальнюю деревню, что мужъ ее въ Москвѣ живетъ у какого то Сатина и простился мысленно съ ней. Хотѣлось бы повидать, да гдѣ ее искать будешь? Отецъ къ тому времени умеръ, мать къ ней жить уѣхала, и словно не бывало ничего!..

И вотъ, теперь, узнавая у служащихъ Григорія Максимовича о томъ, что за человѣкъ соперникъ Григорія Степановича, Сеня открылъ въ этомъ соперникѣ и своего разлучника, отнявшаго у него любимую дѣвушку и согнавшаго ее въ могилу!..

Бесѣдуя одинъ разъ съ садовникомъ Григорья Максимовича Сеня услыхалъ, какъ Сергѣй Ивановичъ мучилъ и тиранилъ покойную жену свою.

— Въ гробъ ее, голубушку, загналъ, злодѣй! говорилъ садовникъ.—Иногда ужасъ меня бралъ, какъ слушаешь, бывало, стоны ея!.. Кровь пилъ изъ сердешной!..

— Да что же это значитъ? Поведеніе, что-ль, плохо было у его жены? спросилъ Сеня.

— У Марьи то Васильевны? гмъ!.. Да я жъ тебѣ говорю—ангелъ была!

— Какъ ее звали?

— Марья Васильевна звали; изъ села Черкизова!..

— Господи, Боже мой!.. Такъ вотъ, кто жена у него была!.. И ее то онъ заколотилъ въ могилу? Анаэма, волкъ лютый!..

— А ты зналъ, што-ль, ее? спросилъ садовникъ съ удивленіемъ глядя на Сеню.

— Зналъ...

— И я знавалъ ее, въ дѣвицахъ еще когда была; Васильемъ Прохорычемъ отца то ее звали, мнѣ приводилось бывать въ Черкизовѣ...

— Она! прошепталъ Сеня и, не прощаясь съ садовникомъ ушелъ.

Ничего не сказалъ онъ Григорью Степановичу про свое открытіе, но поклялся въ душѣ—не только помѣшать выдать Катю за ненавистнаго ему теперь вдвойнѣ Сергѣя, но и отплатить послѣднему за загубленную жизнь дорогой ему женщины...

XVII.

Нельзя узнать было Катю на другой день послѣ того, какъ Сеня выпроводилъ нежеланнаго жениха ея? Точно расцвѣла она, точно оправилась послѣ тяжелой болѣзни. Утромъ же объявилъ ей Петръ Максимовичъ, что она уже не невѣста Сергѣя Ивановича.

— Брату Григорью пришло желаніе не выдавать тебя за Сергѣя Ивановича, сказалъ Петръ Максимовичъ, послѣ первыхъ объясненій, довольно впрочемъ короткихъ, объ ея желаніи тайно обвѣнчаться съ Волковымъ.

— Нежелательно видно брату это потому, продолжалъ Петръ Максимовичъ,—что ты опозорила себя, рѣшившись бѣжать изъ родительскаго дома.

— Тятенька, родной, голубчикъ! воскликнула Катя, бросаясь къ отцу. Простите меня, не корите!.. Не было силъ у меня идти за него, постылаго, нелюбимаго!.. Или руки на себя наложить, или не быть за нимъ.

— Такъ бѣжать то было зачѣмъ?

— Голубчикъ, тятенька, я... я люблю его!

— Любишь!... Эхъ, дочка, дочка, избаловали мы тебя!.. Ну, да видно, тому такъ и быть!.. Сегодня Волковъ пріѣдетъ къ намъ, и коли онъ понравится мнѣ и брату—мы отдадимъ ему тебя; охота тебѣ была бросить домъ отцовскій и къ нему бѣжать—иди, и меня не знай!..

Катя точно замерла отъ послѣднихъ словъ отца и, блѣдная, взглянула на него; Петръ Максимовичъ, давно страдающій, давно измученный горемъ дочери, не захотѣлъ больше мучить ее.

— Ну, ладно, Богъ съ тобой! сказалъ онъ, взявъ ее за подбородокъ.—Прощаю тебѣ вину твою!.. Досталось тебѣ дочка, досталось и мнѣ!.. Коли любовь тебѣ Волковъ—да благословить васъ Богъ!.. Прямо ужъ скажу тебѣ, что и мнѣ онъ милѣе прежняго жениха твоего... Приготовляйся поди—женихъ утромъ будетъ.

И Катя ожила.

Крѣпко билось молодое сердечко при мысли, что вотъ скоро, скоро придетъ и женихъ, женихъ любимый, желанный; женихъ для котораго было пожертвовано всѣмъ! Блещающая красотой, веселая и радостная стояла Катя въ своей комнатѣ, ожидая призыва идти къ жениху, который уже сидитъ у отца.

Григорій Степановичъ, вмѣстѣ съ Сеней, пріѣхали къ Сальниковымъ утромъ. Неловко было ему идти въ домъ, изъ котораго

онъ вчера еще только хотѣлъ украсть самый дорогой предметъ; но Сеня успокоилъ его.

— Простите меня, Петръ Максимовичъ, за вину мою! заговорилъ Волковъ, входя въ комнату.— Не хватало силъ у меня совладать съ собой, видя, что за немилаго отдають Катерину Петровну!.. Случай свелъ меня съ вашей дочерью, и полюбилась она мнѣ, а сердцу не укажешь, Петръ Максимовичъ! Если бы вы не выдавали ее ни за кого, или бы выдали за человѣка хорошаго, я бы не посмѣлъ дѣлать такъ; но какъ узналъ я чрезъ добрыхъ людей, что за женихъ у ней—нестерпимо стало мнѣ!..

— Ну, оставимъ это, сказалъ Петръ Максимовичъ, кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ!.. Прошу въ горницы... Вотъ это братецъ мой, Григорій Максимовичъ, прошу знакомымъ быть!

Григорій Максимовичъ, постарѣвшій за одну ночь, блѣдный и осунувшійся, молча пожалъ руку Волкова.

Когда всѣ усѣлись въ гостиной, и дѣвушка подала чай, Петръ Максимовичъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Не больно ладно зачалось у насъ дѣло, заговорилъ онъ,— да, видно, такъ Богу угодно, и супротивъ Его Святой воли намъ не идти, стало быть надо и кончать начатое... Мысль имѣете взять за себя дочь мою, Григорій Степановичъ?

— Если будетъ угодно вамъ и братцу вашему, то осчастливьте—дозвольте зятемъ быть!.. Не богатъ я, Петръ Максимовичъ, далеко мнѣ до васъ, и не слѣдъ-бы, можетъ, идти мнѣ къ вамъ въ зятя, но если вы желаете имѣть зятемъ не богача, а человѣка, который-бы далъ счастье вашей дочери, а вамъ-бы почтительнымъ сыномъ былъ, такъ дозвольте мнѣ надежду имѣть... Худаго чего за мной, кажись, вѣтъ, дѣло свое веду, слава Богу, недурно, и на родинѣ, въ Коломнѣ, полагаю, меня не охаютъ...

— Вѣрно и въ правду, сама судьба дѣло такъ ведетъ, Григорій Степановичъ! сказалъ Петръ Максимовичъ.

— Да, это судьба, братъ! тихо промолвилъ Григорій Максимовичъ. И не намъ, грѣшнымъ, передѣлывать задѣланное ею!... Берите мою племянницу, а его дочь!.. Любите ее, она заслуживаетъ этого... Только вотъ что: вы не прочь будете другое дѣло начать?

— Какое вѣдь дѣло, Григорій Максимовичъ? Я свое-то хорошо

знаю и люблю, а впрочемъ, если случай будетъ, я не прочь и другое взять...

— Такъ я передамъ вамъ свое... У меня Катя единственная наслѣдница, у брата тоже она одна, и мы отдадимъ вамъ все свое дѣло. Вижу я сразу, — привыкъ людей-то отличать—что вы чело-вѣкъ хорошій и смѣло передаю вамъ все... У меня домъ, стоитъ онъ пустой—переходите въ него и живите съ Богомъ...

— Немного-ли слишкомъ два то счастья, Григорій Максимовичъ? Катерины Петровны мнѣ и одной будетъ, а вы правьте своимъ дѣломъ, ума у васъ хватить, не занимать стать, а коли помощникъ нуженъ—берите меня!

— Брату помогайте, а я отдохну, будетъ съ меня!.. Пора и о душѣ подумать...

Пощеловались оба брата съ будущимъ зятемъ и помолились Богу.

— Завтра Богъ дастъ, чередомъ помолимся по обряду, а теперь — просимъ покорно хлѣба-соли отвѣдать... Эй, кто тамъ!.. Позовите сюда Катеньку...

Съ пылающими щечками, взволнованная, но глубоко счастливая, вошла Катя въ гостиную.

— Вотъ и невѣста, проговорилъ Петръ Максимовичъ, сдерживая улыбку.— Знакомы немного?

— Знакомы, Петръ Максимовичъ! улыбнулся Волковъ, кланяясь Катѣ и тоже сконфуженный.

— Побесѣдуйте пока, а я сію минуту... Братъ, подь-ка сюда, слово до тебя есть.

Волковъ быстро подошелъ къ Катѣ и взялъ ее за руки.

— Катерина Петровна... Катя!.. Солнышко мое ясное, дорогая моя!.. Не во снѣ-ли вижу я, это?.. Моя, моя будетъ!.. Сколько настрадалась-то, моя голубушка!

— Еще бы готова перенести столько же, лишь бы... лишь бы отдали меня за тебя, мой дорогой, чуть слышно прошептала Катя, любовно смотря на Волкова.

Сеня, сидѣвшій тутъ же, порывисто всталъ. Лицо его было блѣдно, на глазахъ дрожали слезинки.

Волковъ обернулся къ нему..

— Вотъ кто устроилъ наше счастье, Катя! нѣжно проговорилъ Волковъ.— Мало жизни моей, чтобы отплатить ему за все!

— Э, полно вамъ, Григорій Степановичъ! сказалъ Сеня, подходя къ влюбленнымъ.—Поздравляю васъ, Катерина Петровна съ запорученнымъ женихомъ, а васъ съ невѣстой, да кстати и просьба у меня есть до васъ: дозвольте мнѣ въ Оренбургъ ѣхать: нужно тамъ кончать кое что... Теперь дѣло на мази—и безъ меня управитесь...

— А на свадьбѣ моей не хочешь пировать, Сеня! съ упрекомъ сказалъ Волковъ.

— Эхъ, Григорій Степановичъ, тяжело мнѣ на чужое-то счастье смотрѣть — свое вспоминается! Нѣтъ, дозвольте ужъ ѣхать... Степи увижу, дороги знакомыя, коней киргизскихъ — авось, отпадетъ отъ сердца, а то ужъ больно не въ силу приходится!

Глубокое отчаяніе слышалось въ словахъ молодаго человѣка, и Волковъ понялъ это отчаяніе.

— Если такъ—поѣзжай, Сеня... А ты не горюй: авось, и найдешь себѣ по душѣ кого...

— Нѣтъ ужъ, Григорій Степановичъ, счастье дважды не приходитъ!.. Было оно у меня, да вырвалъ злодѣй — надо только размыкать горе теперь!.. Прощенья просимъ, Катерина Петровна... Желаю вамъ счастья, да согласія. Можетъ, не увидимся скоро... Прощенья просимъ... Попросите тятеньку простить, что не отдавъ почтенія ухожу—нездоровится крѣпко...

Сеня поклонился и вышелъ изъ гостиной.

— Что у него за горе, Гриша? спросила Катя Волкова, какъ-то невольно ласкаясь къ нему и почти противъ желанія называя „Гришей“ и въ то же время стыдясь этого.

— Любилъ онъ тоже одну дѣвушку, Катя, да случилось съ ней что-то, не то замужъ вышла, не то умерла...

— Бѣдный!.. Не всѣмъ, видно, такое счастье, какъ намъ... А какой онъ хорошій, добрый?..

— Да, онъ много, много помогъ намъ, Катя!

Еще и еще хотѣли-бы говорить счастливые женихъ и невѣста, но отецъ и дядя Кати вошли въ комнату.

— Поговорили? улыбнулся Петръ Максимовичъ. Теперь просимъ милости закусить, чѣмъ Богъ послалъ, да о дѣлѣ толковать будемъ... А это вотъ, роспись невѣстина, Григорій Степановичъ...

— Помилуйте, Петръ Максимовичъ!.. Не затѣмъ я на самовольное завладѣніе Катерины Петровны посягнулъ, чтобъ ее взять!.. Мнѣ нужна не она, а...

— Нѣтъ, погоди, зять будущій! Мы живемъ по старинному, какъ наши отцы жили, и намъ не слѣдъ отступать отъ старины... Получи-ка вотъ. Свахѣ роспись-то отдають, да ты вишь торпливъ больно, безъ свахи дѣло задѣлалъ, самъ и получай!.. Бери-ка, да пойдемъ...

Въ росписи, рукой самого Петра Максимовича, поверхъ всевозможныхъ вещей изъ женскаго туалета и домашнихъ принадлежностей, было написано: 1) деньгами пятьсотъ тысячъ въ билетахъ и процентныхъ бумагахъ; 2) каменный двухъ-этажный домъ съ надворными къ нему постройками и землею на Пятницкой улицѣ, по дарственной записи отъ дяди, московскаго первой гильдіи купца, Григорія Максимовича Сальникова.

XVIII.

Опустѣлъ флигель въ саду Григорія Максимовича!.. Въ тотъ же день, когда Волковъ, въ качествѣ счастливаго жениха, былъ въ первый разъ у Петра Максимовича, Сергѣй переѣхалъ на новую квартиру, куда-то въ номера. Два нанятыхъ носильщика укладывали его имѣніе на ломовика, а самъ Сергѣй Ивановичъ ходилъ по опустѣлымъ комнатамъ своего флигеля и курилъ сигару за сигарой. Ни одинъ человѣкъ изъ приказчиковъ и работниковъ Григорія Максимовича не пришелъ проститься съ нимъ. Въ конторѣ, въ помѣщеніи приказчиковъ, въ дворницкой—шли различные толки о такомъ неожиданномъ и скоромъ паденіи любимца. Сперва думали было, что Сергѣй Ивановичъ переѣзжаетъ на новую квартиру, по случаю свадьбы, т. е. переходитъ въ новый домъ, куда и введетъ свою молодую жену, но скоро обнаружилось, что его *прогоняютъ*, его, еще вчера могущественнаго и сильнаго, еще вчера счастливаго жениха хозяйской племянницы-красавицы и богачки! Обнаружилось это такимъ образомъ: рано утромъ Сергѣй Ивановичъ прошелъ изъ своего флигеля въ домъ и спросилъ у находящагося тамъ конторщика—всталъ-ли Григорій Максимовичъ.

— Встали-съ; чай у себя въ комнатѣ кушаютъ, пожалуйста...

— Нѣтъ... Поди, скажи, что я пришелъ желаю видѣть его, сказалъ Сергѣй.

Конторщикъ, видя каждый день, какъ Сергѣй Ивановичъ безъ всякаго доклада входилъ смѣлой и гордой походкой въ комнаты хозяина, очень удивился. Но ему пришлось удивиться еще больше, видя, что, когда онъ доложилъ Григорію Максимовичу о приходѣ Сергѣя, Григорій Максимовичъ нервно вздрогнулъ, точно ему подали какую-нибудь отвратительную гадину, и вскочилъ съ мѣста.

— Къ чорту!.. Скажи ему, чтобъ онъ шелъ вонъ!... Сейчасъ, сію же минуту вонъ!.. Со двора вонъ, совсѣмъ... Въ конторѣ расчетъ ему сдѣлать, и... чтобъ къ вечеру его духа не было!

Сергѣй слышалъ эти слова и, когда конторщикъ вышелъ—онъ уже ушелъ.

И пошли толки!

Говорили и то, и се, но никто не могъ положительно объяснить причину такого крайне скорого паденія.

— Зазнался очень! Всякую мѣру перешелъ—вотъ, его и сократили! говорили одни.

— Нѣтъ, не то! утверждали другіе.

— Говорятъ, хозяинъ узналъ, что онъ сталъ пить, да развратничать и отказалъ ему, да и Петръ Максимовичъ отъ дочери прогналъ...

Но какъ-бы то ни было, а къ полудню уже флигель стоялъ пустой, а Сергѣй сидѣлъ въ конторѣ и безучастно смотрѣлъ на конторщиковъ, которые сводили принятые отъ него счета и страшно мучились въ безтолковомъ лабиринтѣ цифръ. Трудно было сводить денежные счета съ человѣкомъ, который ходилъ въ хозяйскій бухгалтеръ, какъ въ свой собственный, и безотчетно, безконтрольно велъ дѣла въ теченіи многихъ мѣсяцевъ!

— Тутъ никакихъ записей нѣтъ, когда вы брали деньги и по сколько въ мѣсяцъ жили, обратился главный конторщикъ къ Сергѣю,—ужъ вы попросите самого Григорья Максимовича рассчитать васъ...

Сергѣй помолчалъ.

— Книгъ никакихъ я почти не велъ, глухо заговорилъ онъ,—я дѣломъ правилъ, и вы скажите хозяину, чтобъ онъ приказалъ

дать мнѣ записку въ принятіи отъ меня дѣла, а денегъ его мнѣ не нужно, я безъ расчета уйду...

— Награбилъ, чай, на всю жизнь, такъ на кой тебѣ чортъ деньги! почти вслухъ сказалъ конторщикъ и отправился докладывать Григорію Максимовичу. На этотъ разъ Сергѣю было велѣно придти въ комнату.

Защелкнулъ ключемъ дверь Григорій Максимовичъ и остался глазъ на глазъ съ своимъ бывшимъ управляющимъ.

— Уходи отъ меня сегодня-же, я не могу тебя видѣть! не глядя на Сергѣя, началъ Григорій Максимовичъ. — Пилъ ты изъ меня кровь, мучилъ меня довольно и захотѣлъ еще замучить кроткую, невинную дѣвушку... Я злодѣй, я понесу мзду за убійеннаго въ горячій часъ человѣка, но ты... ты понесешь больше!.. Ты побоями, съ умысломъ умертвилъ свою жену!.. Не тебя мнѣ бояться нужно было, а тебѣ меня!.. Страшно мнѣ было принять позоръ, и я боялся тебя, а теперь я очистилъ душу покаяніемъ и молитвой, самъ хочу отдать себя въ руки судей—пусть судятъ и покажутъ меня!.. Теперь я не боюсь доноса, да ты-то боишься теперь!..

Григорій Максимовичъ подошелъ къ конторкѣ и вынулъ изъ нея пачку денегъ.

— Вотъ, тебѣ за твои услуги, сказалъ онъ, подавая деньги Сергѣю. Прежде которыя бралъ — это не въ счетъ, тѣ не жалованье твое были... Иди, я на тебя зла не имѣю... Если у тебя есть душа человѣческая—вспомни о судѣ Божіемъ: на тебѣ много грѣховъ... Ну, иди...

— Пошадите вы-то меня, Григорій Максимовичъ!.. Ежели будетъ что—не доносите на меня... Жену то я билъ, не было бы чего...

Григорій Максимовичъ грустно улыбнулся.

— Не бойся, не донесу!.. Еще два человѣка знаютъ о томъ, какъ ты тиранилъ и муками въ могилу ее, бѣдную, загналъ... Садовникъ старикъ знаетъ, да тотъ молодецъ, который помогъ намъ глаза открыть, во время Катю отъ тебя спасъ... Садовникъ не пойдетъ доносить, да и нѣтъ его — на родину ушелъ, можетъ ужъ и померъ, слабъ былъ, а вотъ, тотъ молодецъ—его берегись!.. Онъ не донесетъ, не пойдетъ по судамъ, а коли встрѣтитъ тебя гдѣ—пожалуй, и подыметъ въ сердцѣ его рука страшная: жена-то твоя

его невѣстой была, и крѣпко, крѣпко любилъ онъ ее!.. Коли хочешь ты пожить—ты ему не попадайся!.. Иди, Богъ съ тобой. .

Молча поклонился Сергѣй Григорью Максимовичу и вышелъ изъ комнаты.

XIX.

Сеня затосковалъ не на шутку.

Какъ ни уговаривалъ его Григорій Степановичъ, какъ ни утѣшалъ—онъ только отмалчивался и уныло покачивалъ головой. Любя по братски хозяина, Сеня былъ счастливъ его успѣхомъ; но видъ чужой радости, видъ человѣка, счастливаго любовью, готовящагося обладать любимой дѣвушкой—бередилъ его, заживающую было рану, и Сеня не выдержалъ.—„Много теперь хлопотъ у васъ, Григорій Степановичъ, сказалъ онъ хозяину, да и свое дѣло торговое надо покончить. Коли вы за новое теперь возьметесь, я вамъ человѣка дамъ, пріятель у меня есть, мясникъ тоже; онъ вамъ поможетъ,—человѣкъ вѣрный и хорошій, а мнѣ погулять дозвольте... Не пью я, почитай, вовсе, а нонѣ вотъ, такъ и сосетъ въ груди, такъ и щемить сердце!.. Авось, погулявши, забудусь... Словно живая, встаетъ передо мной моя голубушка, бѣлая, съ рѣчью своей ласковой, съ глазами любовными!.. Эхъ, какъ тяжело, Григорій Степановичъ!.. Этта во снѣ ее видѣлъ... Стоитъ, будто, она блѣдная такая, на глазахъ слезы, на лицѣ мука и протягиваетъ ко мнѣ руки, а руки-то всѣ въ крови... Сзади Сережка стоитъ и тиранитъ ее на смерть, плетью киргизской бьетъ... Проснулся я—потъ холодный выступилъ, зубы стучать, за сердце словно тисками кто схватилъ... Не сносить мнѣ головы, Григорій Степановичъ!.. А коли уберегу себя—въ Оренбургъ меня отпустите, я буду дѣло вести; хотите—ваше поведу, хотите—свое начну; у меня есть деньжонки, да и вы не оставите...

— Еще бы я тебя оставилъ! ласково сказалъ Григорій Степановичъ.—А погулять погуляй, теперь и время погулять: хозяинъ женихомъ объявленъ... Поѣзди по Москвѣ, потѣшь себя; денегъ не жалѣй—я твой вѣчный должникъ, Сеня, голубчикъ!.. Только ты

не пей много, Сеня... Въ винѣ, братъ, горя не утопишь, только пуще распалишь его ..

— Авось утоплю... Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ покружиться, Григорій Степановичъ?.. Погуляю ужъ одинъ разъ въ своей жизни и крѣпко погуляю, а тамъ увидимъ...

И загулялъ же Сеня!.. Такія натуры, разъ прорвавшись, не знаютъ удержа. У нихъ въ минуты разгула, вызваннаго какимъ-нибудь потрясеніемъ, и жизнь копѣйка, и судьба — индѣйка. Все ставится на карту. Прошла полоса, не сломала натуры, не убила здоровья—человѣкъ спасенъ, выигралъ ставку, и опять вошелъ въ колею, по которой и дойдетъ до тихой и безмятежной пристани... Не выдержала натура кризиса—человѣкъ погибъ.

И погибъ не въ грязи, не день за днемъ мельчая или ползая, какъ раздавленный ногою червякъ, а съ трескомъ и шумомъ... Во время войнъ такіе люди часто дѣлаются героями, творя чудеса храбрости, не изъ желанія славы, а съ цѣлью погибнуть въ дѣлѣ.

Сергѣй Ивановичъ тоже загулялъ. Но у этого были другія побужденія, другая натура, и его загулъ былъ не то, что загулъ Сени. Сергѣю Ивановичу не удался задуманный планъ, сорвалось на самомъ интересномъ мѣстѣ — и мелкая душонка возмутилась; надо было чѣмъ-нибудь полѣвиться, надо чѣмъ-нибудь сорвать зло, и онъ съ досады, со злобы сталъ кутить. Впрочемъ, попойки и развратъ занимали у него не послѣднее мѣсто и до катастрофы; послѣдняя только дала новый толчекъ.

Таскаясь изъ трактира въ трактиръ, изъ одного развеселаго заведенія въ другое, Сергѣй утѣшался тѣмъ почетомъ, который ему тамъ оказывали, и куражился надъ половыми, извозчиками и „барышнями,“ платя за это легко нажитыми деньгами.

Было воскресенье. По люднымъ улицамъ Москвы кипѣла праздничная жизнь. Кипѣла она и во всевозможныхъ ресторанахъ, трактирахъ и харчевняхъ.

Вечеркомъ въ одномъ веселомъ трактирѣ у Каменнаго моста сидѣла разнообразная публика и „гуляла“ всласть подъ звуки машины. У нѣкоторыхъ столиковъ сидѣли разряженные „барышни,“ громко смѣясь и уничтожая дешевенькое вино и чай.

Было весело, людно и шумно и по русски—на распашку. Ма-

пина играла веселыя пѣсни, нѣкоторые подпѣвали ей, возбуждаемые всеобщимъ весельемъ, и половые едва поспѣвали удовлетворять требованіямъ многочисленныхъ гостей.

Въ „чистой половинѣ“, за круглымъ столомъ, сплошь установленномъ чайнымъ приборомъ и бутылками, сидѣлъ Сергѣй Ивановичъ, въ обществѣ трехъ разряженныхъ барышенъ.

Развалиясь на стулѣ и играя многочисленными брелоками, Сергѣй Ивановичъ сыпалъ остроты, каламбуры, шутки, возбуждая хохотъ и визгъ своихъ собесѣдницъ.

— Что вы насъ этими мадерами то кислыми поите, чортъ васъ задави! кричалъ Сергѣй Ивановичъ на изогнувшагося передъ нимъ полового. Подай намъ шинпанскаго лучшаго, розоваго!.. Вотъ, такого, какъ ихнія щечки!.. Живо, а то въ рыло получишь!..

— Въ единый моментъ-съ! Фрухтовъ прикажете на закуску-съ?

— Тащи!.. Я люблю жить, во какъ!.. У меня, чтобы въ моментъ все!.. А деньги плевое дѣло!.. Вотъ, женюсь—брошу все... Женюсь на барышнѣ, на дворянкѣ, потому что я манеру люблю... У меня, чтобы по французскому говорила, деликатность знала!.. А этихъ дурь-то необразованныхъ я не люблю... За меня сватали миллионершу, Сальникову Катьку, да я къ чорту ихъ послалъ!.. У меня первая жена красавица первѣющая была, изъ-подъ ручки поглядѣть, да дура, деревня была, и я ее... Умерла она, туда ей дорога, намъ деревенщины-то неотесанной не нужно!..

— Плохо поминаешь покойницу, Сергѣй Ивановичъ!.. Не въ церкви съ молитвой, а въ трактирѣ съ бранью, Сергѣй Ивановичъ, купецъ богатый!.. Плохо, раздался чей-то голосъ сзади Сергѣя.

При первыхъ звукахъ этого голоса задрожалъ Сергѣй Ивановичъ и оглянулся.

Позади его стоялъ Сеня, который давно уже пришелъ въ трактиръ и сидѣлъ за сосѣднимъ столикомъ, со знакомымъ своимъ, троечнымъ ямщикомъ, возвратившись съ загородной поѣздки.

— Плохо, плохо, поминаешь жену свою, Сергѣй Ивановичъ! повторилъ Сеня.

Опустилъ глаза предъ сверкающимъ взоромъ Сени Сергѣй Ивановичъ и безсознательно началъ наливать въ рюмку вино тراسущейся рукой.

— Съ новосельемъ, Сергѣй Ивановичъ, поздравляю вашу милость! Нравится-ли новая квартира?.. Да что вы все молчите? Али гнушаетесь компаніи нашей? Полноте!.. Вѣдь я тоже купеческій приказчикъ... Оно не такой довѣренный, какъ вы, а все же... Дозвольте компанію имѣть? Мы старше-то счета оставимъ пока, послѣ потолкуемъ!.. успѣемъ!.. можно присѣсть?

— Я... Я ничего, я что-же... Садитесь... Вотъ гуляемъ... Не угодно-ли выкупать чего? бормоталъ Сергѣй, не имѣя силъ совладать съ собою. Компанія его съ удивленіемъ смотрѣла то на Сеню, то на него.

— Выкупать-то! Ничего, можно... Я вѣдь не пью почти ничего, а нонѣ вотъ загулялъ на радостяхъ, хозяинъ женится у меня. Беретъ невѣсту хорошую—Сальникову, Катерину Петровну не знаете-ли?

Сергѣй повеленѣлъ отъ злости.

— Коли хочешь погулять съ нами, да забыть старое, такъ садись, да пей, а то что же ты... Не разберешь тебя... Я не сержусь, не сердись и ты, мало-ли чего не бываетъ... Ты ужъ не сердись, говорю...

— Не сердиться? Я не сержусь, Сергѣй Ивановичъ!.. Только вотъ встрѣтились-то мы напрасно... Эхъ, напрасно!.. Не встрѣчаться-бы лучше: забыли-бы мы другъ друга, и шабашъ!.. Видно судьба ужъ такъ привела, а супротивъ судьбы ничего не подѣлаешь, Сергѣй Ивановичъ!.. Ну, за здоровье ваше!

Сеня залпомъ выпилъ стаканъ вина. Лицо его было блѣдно, глаза сверкали непримиримой злобой и ненавистью, но Сергѣй не замѣтилъ этого, и видя, что Сеня сѣлъ съ нимъ и пьетъ его вино, подумалъ, что тотъ готовъ на примиреніе.

— Такъ-то вотъ лучше! воскликнулъ онъ и снова налилъ стаканъ. — Пей еще!

— Выпью... Эхъ, не нужно бы намъ встрѣчаться, Сергѣй Ивановичъ!

— Да отчего же?.. Ну, брось, помиримся!.. А ты по мнѣ будь: я обиды не помню! Забылъ, все забылъ!.. Пей, выпью и я... Я, братъ, гуляю съ горя, потому меня обидили, надули... Пустякъ все!..

Сеня выпилъ еще стаканъ и отошелъ къ своему столу.

— Поѣдемъ опять, штоль, Сеня, куда? спросилъ ящикъ, который ужъ былъ сильно пьянъ и едва сидѣлъ на стулѣ.

— Поѣдемъ, задумчиво сказалъ Сеня.

— Вотъ важно!.. Заберемъ барышенъ этихъ и махнемъ въ Стрѣльну!.. Во какъ махнемъ!..

— Пей, Сеня, ей Богу пей!..

— Не искалъ я его, не хотѣлъ погибели ему: пусть, молъ, живетъ, грѣхи свои отмаливаетъ, тихо говорилъ Сеня, опустивъ голову и крѣпко стиснувъ край стола, а какъ увидалъ теперь — не терпитъ сердце!.. Поднялось у меня внутри что-то, душитъ меня, давить... Не могу!.. И теперь передъ глазами у меня сонъ мой... Голубушка моя, лебедушка бѣлая!.. Какъ ты ласкала меня, какъ любила меня... Какъ обвивала шею руками бѣлыми... Лежишь ты теперь въ могилѣ сырой, давить тебя крышка гробовая, и убійца твой, мучитель лютый, тутъ, со мной сидитъ, вино пьетъ балагурить...

— Не могу я, не могу!..

Порывисто вскочилъ Сеня со стула и подошелъ къ Сергѣю Ивановичу.

— Что тутъ сидѣтъ—поѣдемъ въ Паркъ, Сергѣй Ивановичъ! сказалъ онъ, взявъ Сергѣя за плечо.—Ямщикъ у меня здѣсь, тройка лихая, поѣдемъ... Ужъ коли сошлись мы съ тобой, такъ покончимъ, какъ судьба велитъ!..

Сергѣй поднялся со стула.

— Поѣдемъ!.. Гулять, такъ гулять!.. Цѣлуй меня, чортъ тебя задави!..

— Я не Іуда, чтобъ цѣловать тебя... Послѣ поцѣлуемся... Ну, Васька, иди, выводи тройку!..

Сергѣй досталъ бумажникъ, бросилъ на столъ крупную депозитку, приказавъ получить за все и, пошатываясь, пошелъ съ Сеней изъ трактира.

— Барышенъ бы съ собой взять... А? обратился онъ къ Сенѣ.

— Тамъ много... Все бы тебѣ барышенъ!.. Была у тебя жена, краше всѣхъ дѣвицъ на свѣтѣ, не сберегъ ее, другую захотѣлъ и... Эхъ, напрасно встрѣтились мы съ тобой сегодня!..

Помогъ Сеня сѣсть Сергѣю въ сани, посадилъ съ нимъ рядомъ совершенно охмѣлѣвшаго ямщика, и самъ сѣлъ на козлы.

— Ну вы, залетные! крикнуть онъ на лошадей и съ мѣста пустиль вскачь всю тройку.

Сергѣй, пьянымъ голосомъ, затанулъ какую-то пѣсню.

XX.

Во весь опоръ неслась тройка по многолюднымъ улицамъ и переулкамъ Москвы, едва успѣвали сворачивать встрѣчные экипажи; кучера и извозчики проклятіями провожали бѣшеннаго ѣздока, а городовые бросались было догонять его, но тройка летѣла и летѣла...

Миновали Тверскую заставу, мелькнули—вокзалъ Смоленской дороги, пустынные дачи, Петровский паркъ—тройка понеслась по шоссе.

Ямщикъ крѣпко спалъ, бормоча при толчкахъ несвязныя слова.

Сергѣй Ивановичъ покрикивалъ на лошадей, безпрестанно приподнимаясь въ саняхъ и пытаясь обнять Сеню, который безпощадно гналъ тройку.

Миновали село Всесвятское.

Сеня сталъ сдерживать распаленную тройку.

— Шибче, шибче гони, чортъ тебя задави! пьянымъ голосомъ крикнулъ Сергѣй.

— Будетъ, накатались! промолвилъ Сеня. Тройка пошла шагомъ.

— Эхъ, важно!.. Весело! крикнулъ опять Сергѣй.

— Весело? обернулся къ нему Сеня. И мнѣ тоже весело... А прежде еще веселѣй бывало, Сергѣй Ивановичъ... Эхъ куда, какъ веселѣй!.. Вотъ въ такія-же мѣсячныя ночи, только лѣтомъ теплымъ, гуливалъ я, бывало, по полямъ, да лѣсамъ... Вдвоемъ гуливалъ, Сергѣй Ивановичъ, съ дѣвушкой любимой... Да какая дѣвушка то бѣла!.. Обласкаетъ, бывало, приголубить, глазами всю душу согрѣетъ... Горе-ли у тебя на сердцѣ, забота-ли въ головѣ—все пройдетъ, какъ съ ней, съ этою дѣвушкой, побудешь!.. Изъ села Черкизова была эта дѣвушка, Машей ее звали, Сергѣй Ивановичъ!..

Сергѣй пристально посмотрѣлъ на Сеню и поблѣднѣлъ.

— Ты... ты оставь это... Помирились, забыли, ну, и оставь...

Полно такъ глядѣть-то... полно!.. Индо страхъ беретъ!.. заговорилъ Сергѣй, съ ужасомъ смотря на покрытое смертной блѣдностью, искаженное злобой лицо Сени.

— Забыли, говоришь?.. Ты-то, можетъ, и забылъ, да я не забылъ... И не забыть мнѣ никогда, видно, этого!.. Не забыть голубки бѣлой моей, которую ты заклевалъ, воронъ!..

Сеня бросилъ возжи и перескочилъ черезъ облучекъ въ сани.

— Не забыть, говорю, Сергѣй Ивановичъ, мнѣ того, какъ ты, денегъ съ богатой жены захотѣвши, побоями, тиранствомъ въ могилу загналъ ее!.. Вѣдь жизни, отца съ матерью, роду племени она милѣй мнѣ была! И ее-то ты замучилъ, песъ проклятый!

Сеня схватилъ Сергѣя за воротъ.

— Оставь... оставь!.. хрипло крикнулъ Сергѣй, рванувшись назадъ, и вцѣпился руками въ поддевку Сени.

— Нѣтъ, не оставляю я тебя теперь!.. Не искалъ я твоей гибели, а попался ты мнѣ... суди меня Богъ и царь—я не отпускаю тебя живаго!..

Въ смертномъ ужасѣ метнулся Сергѣй въ сторону, но желѣзная рука Сени соскользнула съ ворота крахмальной рубашки его и стиснула горло.

— Голубчикъ... родной... прости, прости!.. Отпусти меня, хриплымъ шепотомъ началъ молить Сергѣй, изгибался всѣмъ тѣломъ. Рука Сени сжалась крѣпче.

— Вотъ и она такъ молила тебя!.. И она такъ извивалась въ твоихъ рукахъ, отъ твоей плети... Слабая, больная, въ темной горницѣ, безъ людей, мучилась она отъ побоевъ твоихъ, и некому было остановить твою лютость, песъ!.. Некому было вырвать ее изъ когтей твоихъ! шепталъ Сеня, склонившись надъ бьющимся въ предсмертной агоніи Сергѣемъ и все крѣпче и крѣпче сжималъ руку. Глаза его налились кровью, на лбу выступили жилы, зубы судорожно стучали.

Послѣдній разъ метнулся Сергѣй, хватаясь за что попало руками, изъ груди его вырвался предсмертный хрипъ и, откинувшись назадъ, онъ вытянулся и смолкъ; только ноги выбивали частую дробь по передку саней.

— Издохъ! прошепталъ Сеня и, славивъ еще крѣпче горло своей жертвы, поднялся въ саняхъ.

— Покатались, Сергѣй Ивановичъ!... Закончили гулевой день пиромъ великимъ... Прощай-же... Голубушка, Мама родная! прости ты мнѣ грѣхъ мой!.. Не могъ, силушки моей не хватило не отплатить за тебя!..

Тройка давно шла шагомъ, пограмыхивая бубенчиками. Ямщикъ спалъ, вскрикивая что-то во снѣ.

Всталъ Сеня въ саняхъ, поднялъ трупъ Сергѣя и бросилъ его изъ саней на дорогу.

— Спи тутъ, Сергѣй Ивановичъ... На роду, видно, тебѣ была написана такая кончина!.. Хотѣлъ ты жену себѣ красавицу, богатую взять, въ роскоши жить, а замѣсто того... Окаянный я, окаянный убійца!..

Сеня повернулъ тройку и опять сѣлъ на козлы... Задѣло полосьями саней за лежавшей ничкомъ трупъ и перевернуло его. Луна освѣтила искаженное предсмертной судорогой лицо; вѣтерокъ поигрывалъ бородой... Дико крикнулъ Сеня на лошадей, рванувъ возжами, и тройка понеслась обратно къ Москвѣ.

Отъ сильныхъ толчковъ и качки ямщикъ проснулся и сѣлъ въ саняхъ, протирая глаза.

— Домой, штоль, эфто мы ѣдемъ, Сеня? спросилъ онъ, оглядываясь кругомъ.

— Домой...

— А гдѣ-же эфто тотъ купецъ то, котораго съ собой взяли?

— Тамъ... Остался гулять...

— Дѣло... Загуляетъ же онъ, коли такъ!.. А ты не больно гони, Сеня, заморились кони-то... Не гони, молъ!.. Вотъ кабачекъ тутъ есть—не опохмѣлиться-ли намъ?.. Заворачивай-ка, Сеня!..

Сеня сдержалъ лошадей и завернулъ къ какому то загородному трактирчику.

XXI.

Въ домѣ Григорія Максимовича все кипѣло дѣятельностію. Парадныя комнаты отдѣлывали заново, и по всему дому суетливо бѣгали обойщики, штукатуры, стекольщики и т. п. людъ. На дворъ то и дѣло вѣзжали воза съ мебелью посудой и прочимъ. Въ кон-

торѣ то же усиленно работали, приготовляясь сдать дѣла новому хозяину, Григорію Степановичу Волкову. А новый хозяинъ и времени не имѣлъ часто бывать въ своемъ будущемъ домѣ: цѣлые дни проводилъ онъ у неvěсты, счастливый, любящій до самозабвенія и нѣжно любимый. Въ домѣ неvěсты тоже приготовлялись къ свадьбѣ: съ утра до ночи сновали модистки, приказчики изъ модныхъ магазиновъ съ цѣлыми тюками товаровъ, а также и обычные посѣтители Кати различные бѣдняки, чающіе помощи и въ изобилии ее находящіе у Кати всегда вообще, а теперь въ особенности.

У Кати гостили ея родственницы-подруги, и весь домъ смотрѣлъ какимъ то праздничнымъ. Женихъ цѣлыми коробами возилъ конфекты, фрукты, и все это наполняло карманы молодежи въ домѣ Сальниковыхъ, отъ подругъ неvěсты до ребятишекъ дворниковъ. Веселились и ликовали всѣ обитатели этого дома, отъ мала до велика.

Катя была безконечно счастлива.

Все ближе и ближе сходясь съ своимъ женихомъ, она все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ нему, находя каждый день новыя, симпатичныя ей, черты въ его характерѣ. Полюбивъ Григорія Степановича по первому впечатлѣнію, произведенному его счастливой наружностью и великодушнымъ поступкомъ у Симонова монастыря, сходясь затѣмъ при короткихъ встрѣчахъ,—Катя теперь только вполне оцѣнила его, и мимолѣтная любовь превратилась въ крѣпкую, прочную привязанность.

Волковъ тоже еще больше полюбилъ Катю, если только возможно было полюбить больше того, какъ онъ ее любилъ и ранѣе.

Но *полнаго* счастья, говорятъ, на землѣ не бываетъ,—такъ было и съ моими героями: темнымъ облакомъ легли на свѣтлой жизни Волкова и Кати исчезновеніе Сени и отъѣздъ Григорія Максимовича.

Получивъ отъ Григорія Степановича разрѣшеніе и даже одобреніе „погулять“, Сеня, какъ читатель уже знаетъ, гулялъ, но во время этого широкаго „гулянья“ онъ все же бывалъ и съ хозяиномъ; вочевалъ у него, исполнялъ даже кой-какіе порученія, но уѣхалъ отъ него одинъ разъ утромъ Сеня и больше не возвращался, а дня черезъ два, Григорій Степановичъ получилъ отъ него письмо изъ Рязани, въ которомъ Сеня прощался съ хозяиномъ и говорилъ,

что онъ ѣдетъ куда-то далеко, „размыкивать горе“, но куда именно — не писалъ. Ни объ имуществѣ своемъ, которое было у Григорія Степановича, ни о деньгахъ, которыя обѣщаль ему передать Григорій Степановичъ, Сеня не писалъ. Письмо было кратко: „Дорогой другъ и хозяинъ, Григорій Степановичъ! Прощайте! Ёду, куда глаза глядятъ, размыкивать горе. Не обижайтесь, что не прощаясь ёду: очень ужъ тяжело мнѣ!.. Желаю вамъ счастья на много лѣтъ. Голубушкѣ Катеринѣ Петровнѣ мой низкій поклонъ. Вашъ по гробъ Сеня“.

Крѣпко загрустили Волковъ и Катя объ Сенѣ.

— Не сносить ему головы, знаю я его! сказалъ Волковъ Катѣ, прочитавъ письмо.

Онъ любилъ куда какъ крѣпко, и ужъ коли разбередили ему рану его — не вынесетъ!.. У насъ съ нимъ, Катенька, нравъ — то одинаковый: потеряй-ка я, храни Богъ, тебя!.. Да я и не знаю, чтобы со мной было!.. А вѣдь онъ потерялъ... Жаль, ой какъ жаль парня!

И невольно туманился Григорій Степановичъ, вспоминая о своемъ другѣ. Грустила и Катя.

Если не такъ сильно, какъ неожиданное исчезновеніе Сени, то все же значительно печалило влюбленныхъ и неприклонное рѣшеніе Григорія Максимовича уѣхать изъ Москвы, — тоже почти „куда глаза глядятъ“, — до свадьбы. Объявилъ объ этомъ Григорій Максимовичъ сначала брату, а потомъ и Волкову съ Катей.

— Да куда же ты поѣдешь, братъ, отъ свадьбы то? Погоди, попируй! замѣтилъ Петръ Максимовичъ, когда братъ объявилъ ему о непремѣнномъ желаніи ѣхать.

— Нѣтъ, поѣду... Поѣду сперва къ Преподобному Сергію, помолюсь тамъ, поговѣю можетъ, а тамъ въ Ростовъ поѣду, въ Ярославль, угодникамъ тамошнимъ поклониться, а оттуда буду держать путь въ Соловецкій монастырь... Если братія этой святой обители не погнушается мной — я тамъ и останусь... Будетъ, пожить, погрѣшилъ, пора и о душѣ подумать...

— Не смѣю, братъ, удерживать тебя, да и не такой ты чловѣкъ, чтобъ задуманное перемѣнять, а вотъ попросить свадьбу отпраздновать, попрошу... Не огорчай жениха съ невѣстой, отпразднуй

свадьбу, да и съ Богомъ, коли охота тебѣ помолиться, говорилъ Петръ Максимовичъ.

— Нѣтъ, не удерживай, братъ... Не мнѣ на свадьбахъ пировать!.. Передалъ я теперь дѣло тебѣ, да затю будущему, все устроилъ, Катеньку обезпечилъ, и кончено дѣло... Все я съ себя снялъ, што на душѣ у меня было, одного не снялъ,—грѣха! И его то вотъ пойду отмаливать у Господа... Нѣтъ, поѣду...

И быстро засбирался Григорій Максимовичъ!

Формально переданы были имъ дѣла брату, а домъ Волкову, который и дѣлами долженъ былъ завѣдывать, женившись на Катѣ, и въ нѣсколько дней Григорій Максимовичъ былъ свободенъ и готовъ, и дня за три до свадьбы, въ концѣ мясоѣда, передъ Филипповскимъ постомъ, онъ и уѣхалъ.

Былъ отслуженъ напутственный молебенъ, на который собрались лишь самые близкіе друзья Сальниковыхъ; послѣ молебна подали обѣдъ, и Григорій Максимовичъ, потрапезовалъ „въ послѣдній разъ, какъ онъ выразился, простился со всѣми, прямо говоря, что ѣдетъ онъ, по всему вѣроятію, *навсегда!*...

Поплакали, сильно поплакали на проводахъ самого „главы дома!..“ Старушка, мать Григорья Максимовича, прощалась съ нимъ ужъ безъ всякой надежды увидаться, и ее еле-еле привели въ чувство, всю разбитую, подавленную горемъ. Прослезился и Петръ Максимовичъ, поплакалъ и Волковъ, полюбившій умнаго, крайне симпатичнаго въ минуты покоя Григорья Максимовича, рыдала Катя, любимица своего суроваго дяди и нѣжно его любившая; не плакалъ только самъ отъѣзжающій.

Строго и покойно было его энергичное лицо, значительно похудѣвшее за послѣднее время.

— Не плачьте, а радуйтесь, что я ѣду, сказалъ онъ, уже совершенно готовый къ отъѣзду. Ёду я не на гулянье, не за дѣлами мірскими, суетными, а на молитву... Ёду вѣмолить у Господа себѣ отпущеніе грѣховъ, а вамъ счастье, согласіе, да любовь... Услышана ли будетъ моя молитва—того не знаю, а молиться буду и мірское оставляю... Вамъ мой совѣтъ: жить по закону, любить другъ друга пуще самого себя; трудиться честно, не больно руку-то въ карманъ ближняго запускать—толку въ этомъ мало!.. Вотъ у меня

богатства сколько было, а пришлось о смерти подумать и противно оно, богатство земное!.. Не обижайте никого, это главное... Вот Катя пусть вамъ примѣромъ служить: добрая чистая душа у ней!.. Ты, Гриша,—обратился Григорій Максимовичъ къ Волкову,—любви ее, береги, добрая она тебѣ жена будетъ... Препоручаю я тебѣ свое дѣло, да и братъ, чай, захочетъ отдохнуть и тоже тебѣ отдастъ свое, такъ веди его честно. Торговое дѣло—хорошее дѣло, да только ведемъ-то мы его куда какъ не ладно!.. Мало, больно мало торговыхъ людей, которые-бы честно то вели свою торговлю... Забѣла насъ корысть, и забываемъ мы съ ней все... Все забываемъ!.. Помни, что у человѣка богатаго подъ рукой много народу, и не обижай этотъ народъ, вникай въ нужду-то его, считай за людей, а не за скотъ... Я, грѣшный, во хмѣлю былъ крутъ очень... Много, много горя дѣлалъ я тогда людямъ!.. Ты вотъ не пьешь, Гриша, и не пей, въ винѣ проку мало... Ну, прощайте... Не горюйте, говорю, обо мнѣ, а радуйтесь, да поминайте въ молитвахъ...

Перецѣловался со всѣми Григорій Максимовичъ и вышелъ изъ дому, крѣпко наказавъ никому не провожать себя... Въ простомъ длинномъ сюртукѣ, съ небольшимъ кожанымъ сакъ вояжемъ, съ палкой въ рукахъ вышелъ Григорій Максимовичъ изъ своего богатаго дома и, помолившись на всѣ стороны, до земли поклонившись сверкающимъ въ лучахъ зимняго заката московскимъ церквямъ, пѣшкомъ пошелъ на далекое богомолье, съ твердой рѣшимостью никогда не возвращаться на родину...

XXII.

Погоревали, погоревали о Григоріи Максимовичѣ и успокоились: нужно было думать о свадьбѣ.

Дня за три до вѣнца, Григорій Степановичъ перешелъ въ свой новый, роскошно отдѣланный домъ.

Дивились и толковали обитатели Замоскворѣчья! Катерина Петровна Сальникова, красавица, выходила замужъ за какого-то, никому неизвѣстнаго мясника изъ Коломны, да еще и въ домъ его взяли, этого неизвѣстнаго, худороднаго жениха! Головы ломали досужія кумушки надъ всемъ, происходившемъ въ домѣ Сальнико-

выхъ. Да и не однѣ кумушки, а и солидные, степенные купцы, хорошо знающіе братьевъ Сальниковыхъ, не мало дивились. „Что нибудь да не такъ тутъ!“ говорили всѣ. „Сперва Катерину просватали за кого-то другаго, за управляющаго, что ли какого; потомъ управляющаго этого Григорій Максимычъ прогналъ, и теперь выдаютъ ее за мясника изъ Коломны!.. Чудно, очень чудно!.. Отъѣздъ Григорья Максимовича тоже надѣлалъ много шума и толковъ, но въ чемъ дѣло, какія причины руководили братьями Сальниковыми—никто не зналъ.

И вотъ, всѣ сосѣди, всѣ знакомыя Сальниковыхъ получили приглашеніе пожаловать на бракосочетаніе дочери Петра Максимовича, Катерины Петровны, съ купцомъ Григорьемъ Степановичемъ Волковымъ. Вѣнчаніе должно было происходить въ одной изъ приходскихъ церквей въ Замоскворѣчьи, а свадебный столъ и балъ въ домѣ Григорья Степановича Волкова, на Пятницкой улицѣ.

Длинной вереницей стояли кареты и прочіе экипажи около церкви, густая толпа народа тѣснилась на церковномъ дворѣ и паперти, но въ церковь, помимо приглашенныхъ, никого не пускали: стояла полиція.

Не въ обычаѣ у купцовъ стараго закала ставить полицію у дверей храма въ день вѣнчанія, но Петръ Максимовичъ невольно долженъ былъ нарушить порядокъ, опасаясь изгнаннаго, опозореннаго жениха и ожидая съ его стороны вмѣшательства и скандала... Не зналъ Петръ Максимовичъ, что человѣкъ, котораго онъ опасался, не могъ уже никому причинить безпокойства и зла!..

Шли толки, пересуды и предположенія въ толпѣ у церкви. Сочиняли и выдумывали небывалыя вещи о женихѣ и невѣстѣ. А она, эта счастливая невѣста, въ газѣхъ и цвѣтахъ, сіяющая счастьемъ и радостью, готовилась ѣхать въ церковь, гдѣ ее ждалъ желанный, обожаемый женихъ!..

Вотъ показался и поѣздъ невѣсты. Толпа хлынула на паперть, и никакія усилія полиціи не могли уже сдержать ее—слѣдомъ за невѣстой большая часть народа вошла въ храмъ.

Хоръ чудовскихъ пѣвчихъ грянулъ входный концертъ, и Катя торжественно вошла въ церковь, сопровождаемая шаферами и подругами.

Чудно хороша была Катя въ день своей свадьбы!

Воздушное газовое платье, отдѣланное какой-то серебристой тончайшей тканью и мѣстами перехваченное fleur d'orang'емъ, точно прозрачнымъ облакомъ одѣвало ея изящную фигуру; скромно причесанные и убранные тѣми же цвѣтами волосы легкой коронкой лежали на головкѣ, покрытые бѣлымъ, какъ снѣгъ, подвѣнчнымъ вуалемъ.

Опустивъ глаза, съ стыдливымъ румянцемъ, но съ улыбкой счастья пла она на встрѣчу жениху, и толпа не могла удержаться отъ громкаго шепота одобренія.

Григорій Степановичъ, статный, красивый и тоже ликующій счастьемъ, одѣтый просто, т. е. не въ кургузый фракъ, а въ сюртукъ, ловко сидѣвшій на его статной фигурѣ, произвелъ на толпу впечатлѣннiе также очень хорошее.

— Вотъ такъ парочка! Вотъ такъ женихъ съ невѣстой!..

Экіе красавцы оба; Господи! раздавались повсюду голоса.

Началось вѣнчаніе.

Раскатами грома загремѣлъ голосъ соборнаго дьякона, начавшаго обрядъ.

Залились и зарокотали дисканты и басы пѣвчихъ.

Съ кроткой и счастливой улыбкой подошелъ къ брачующимся отецъ Евстигнѣй... Много сказали его выразительные глаза Катѣ!..

И невольно, въ эти торжественныя, глубоко счастливыя минуты понеслись передъ Катей воспоминанія...

Дорога въ Симоновъ монастырь, встрѣча съ „Гришей“ и прогулка съ нимъ... Затѣмъ женихъ, *тотъ*, другой, нежеланный, представился ей... Точно холодомъ нахнуло откуда-то на Катю при этой мысли и защемило сердце болью... Не тутъ-ли онъ? Не слѣдить-ли онъ за ней злыми глазами? Не готовить-ли ей мести! Не замышляетъ-ли чего противъ „Гриши“, дорогаго, милаго Гриши?..

Катя невольно оглянулась назадъ. Веселыя, улыбающіеся, довольныя лица подругъ, родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ встрѣчали ея глаза, и легко, легко стало дѣвушка... Отъ глубины души молилась она, устремивъ глаза на ярко освѣщенные лики святыхъ иконъ.

А *тотъ* женихъ...

Долго лежалъ онъ на холодномъ ложѣ своемъ, освѣщенный луной. Вѣтерокъ шевелилъ его бородой и усами, растрепалъ бантъ моднаго галстука... Тихо, тихо было кругомъ. Но вотъ тишину ночи прорѣзалъ точно какой-то жалобный, стенящій звукъ... Еще и еще пронесся онъ въ воздухъ. Точно плакалъ кто-то и стоналъ.

Ближе и ближе къ дорогѣ раздавался этотъ звукъ.

То были волки въ прилегающемъ къ дорогѣ лѣсу.

Вотъ они вышли на дорогу, понюхали воздухъ и гуськомъ, одинъ за другимъ, подошли къ лежащему навзничъ человѣку...

Это было за нѣсколько дней до того, какъ невѣста этого чело-вѣка, счастливая, довольная, вѣнчалась съ другимъ.

XXIII.

И женихъ Григорій Степановичъ съ Катей, счастливо, хорошо женился. Первое время туманило ихъ счастье отсутствіе Григорья Максимовича и Сени, но скоро къ этому какъ-то привыклось, и жизнь вошла въ обычную колею.

Катя не давала, конечно, ни на минуту своему „Гришѣ“ тосковать объ его пріятелѣ Сенѣ, да и самъ Григорій Степановичъ скоро привыкъ къ разлукѣ съ нимъ, съ одной стороны утѣшенный Катей, а съ другой стороны успокоенный сознаніемъ, что Сеня не такой парень, чтобы погибнуть.

„Ну, погорюетъ, потоскуетъ, а тамъ и успокоится!“ думалъ Григорій Степановичъ и весь отдался нахлынувшему на него счастью.

Одинъ радостный день смѣнялся другимъ, и съ каждымъ новымъ днемъ „молодой“ находилъ новыя прелести въ своей подругѣ.

Много новаго и интереснаго дала Григорью Степановичу и перемѣна дѣятельности. На широкихъ размѣрахъ заведенная торговля Сальниковыхъ могла удовлетворить самому дѣятельному, самому предпріимчивому человѣку, и Волковъ, всегда крайне трудолюбивый, вполне отдался дѣлу и, обладая практическимъ умомъ и „смѣткой“, скоро вникнулъ въ него и повелъ его блестяще.

Родные и знакомые Сальниковыхъ, сначала удивленные и даже какъ-бы недовольные партіей, которую сдѣлала Катя, съ перваго

же визита молодыхъ полюбили Григорья Степановича и поняли, что Петръ Максимовичъ не ошибся, взявъ его въ зятя. Послѣ дальнѣйшаго знакомства съ молодымъ, всѣ окончательно уже стали любить и уважать его, особенно, когда увидали его умѣнье, энергію и ловкость въ дѣлѣ, что такъ цѣнится въ торговомъ мірѣ.

Многіе не понимали только отъѣзда Григорья Максимовича, и отъѣздъ этотъ долго волновалъ умы всѣхъ знакомыхъ. На одномъ вечерѣ у богатаго фабриканта, дальняго родственника Сальниковыхъ, самъ Григорій Степановичъ объяснилъ всѣмъ присутствующимъ этотъ отъѣздъ. Вышло это такимъ образомъ: зашла рѣчь о ловкомъ веденіи дѣла Григорьемъ Максимовичемъ, его вспомнили, погорѣвали объ немъ, и одинъ изъ гостей обратился къ Волкову съ вопросомъ—куда и почему уѣхалъ дядя его жены?

— Вы, конечно, это отлично знаете, а насъ всѣхъ крайне интересуетъ этотъ внезапный и скорый отъѣздъ, сказалъ купецъ.

— Да-съ, я знаю, отвѣтилъ Григорій Степановичъ.—Дядюшка просто на просто отдохнуть захотѣли и, увидавъ во мнѣ, не хвастовски говоря, человѣка, способнаго править дѣломъ — передали мнѣ его. Вѣдь знаете, господа, что въ торговомъ дѣлѣ, особенно при началѣ-то его, не безъ грѣха, а дяденька,—человѣкъ богомольный, христіанинъ хорошій, ну и захотѣлъ объ душѣ своей заботу имѣть, покончить дѣло-то, да Богу помолиться... Они теперь въ Соловецкой обители гостятъ... Очень довольны тамошнимъ мѣстомъ и прогостятъ долго тамъ...

Всѣ остались удовлетворены этимъ объясненіемъ и очень скоро привыкли къ отсутствію, замѣтнаго хотя, но и тяжелаго коммерсанта, замѣненнаго другимъ, новымъ, молодымъ, обладающимъ всѣми достоинствами стараго хозяина и не имѣющаго его недостатковъ.

Въ такія-же хорошія отношенія Волковъ всталъ и съ народомъ. О Петрѣ Максимовичѣ, его сестрѣ и Катѣ — нечего и говорить, они просто обожали Гришу. Катя наслаждалась полнымъ счастіемъ, а отецъ и тетка были счастливы ея счастіемъ.

Пришли дни счастливые, радостные, веселые...

Волковъ не ограничился только тѣмъ, что лично, своей особой, ошачествилъ Катю; нѣтъ, онъ не былъ эгоистомъ, способнымъ лишь въ своей личности находить всѣ утѣшенія для любимаго человѣка;

онъ постарался устроить жизнь Кати такъ, что и помимо супружескаго счастья, она бы могла находить удовольствія; закрытые до сихъ поръ для Кати театры, цирки, вечера и прочія удовольствія онъ сдѣлалъ доступными и почти каждый вечеръ дѣлалъ для Кати какой нибудь сюрпризъ, то привезя билетъ въ театръ, то устраивалъ вечеринку, то вывозя ее куда нибудь въ гости.

И эта разнообразная жизнь не давала Катѣ возможности скучать въ часы разлуки съ мужемъ, когда послѣдній былъ занятъ дѣлами.

Цѣлый новый міръ открылся для молодой женщины.

Опера, никогда не представляющаяся ей даже въ воображеніи, дала ей множество наслажденій, крайне благотворно повліявъ на ея впечатлительную душу. Драма перенесла ее въ какой-то иной міръ, но съ явленіями, знакомыми ей, испытанными, пережитыми, но непонятными до сихъ поръ.

И всѣ эти новыя впечатлѣнія произвели крайне благотворное вліяніе на Катю: она точно расцвѣла: точно бутонъ дорогаго ароматнаго цвѣтка, подъ вліяніемъ свѣта и тепла, распустился и зажилъ всѣмъ существомъ. Катя похорошѣла не только наружно, но и внутренно. Природныя наклонности дѣлать добро, любить—приобрѣли какую-то новую форму, сдѣлались сильнѣе, изъ безотчетныхъ побужденій обратились въ необходимость, основанную на логикѣ ума. Видя прежде нуждающагося человѣка, Катя только сердцемъ чувствовала, что этому человѣку нужно помочь, облегчить его участь; нынѣ Катя цѣлымъ рядомъ размышленій сходилась съ потребностью сердца. Благотворительность ея облеклась въ форму, выработалась въ систему. Помогъ этому ея другъ, тоже счастливый ея счастьемъ,—отецъ Евстигнѣй. Зайдя какъ-то къ Катѣ посидѣть, отецъ Евстигнѣй между прочимъ сказалъ своей любимицѣ:

— Вотъ, теперь вы счастливы, довольны; жизнь ваша идетъ непрерывнымъ рядомъ радостей и удовольствій—не позабыли-ли вы своихъ обязанностей къ ближнимъ? Вы всегда такъ любили дѣлать добро, дѣлаете-ли вы его нынѣ? Не забыли-ли о чужомъ горѣ, забыть свое?

Катя покраснѣла.

— Ахъ, батюшка, нѣтъ! воскликнула она.—Я такъ хочу всѣхъ обрадовать, всѣхъ утѣшить и дѣлаю кой что, но...

— Что, дитя мое?

— У меня нѣтъ денегъ...

Катя конфузливо улыбнулась. Улыбнулся и отецъ Евстигнѣй.

— Да? Отчего же это?

— Я свои всё еще до свадьбы раздала; много раздала, и вещей много раздала, а просить у Гриши мнѣ совѣстно: я думаю, что будетъ недоволенъ...

— Ай, ай, какая вы нехорошая!.. Неужели вы думаете, что Григорій Степановичъ откажетъ вамъ! Ай, ай!.. Вы его, значить, считаете за человѣка скупаго, злаго?

— Нѣтъ, батюшка!.. Но я такъ много истратила... Мнѣ пода-рили денегъ попаша, дядя, тетя и Гриша подарилъ, а я всё ужъ истратила ихъ...

Отецъ Евстигнѣй разсмѣялся и погладилъ склоненную головку Кати.

— Ахъ вы моя дѣвочка, дѣвочка!.. Вѣдь надо, другъ мой, добро-то дѣлать умѣючи... Вотъ, вы раздали все, и нѣтъ у васъ больше, а бѣдныхъ-то ой-ой, какъ много!.. Давать помощь нужно только человѣку, истинно нуждающемуся, а то вѣдь много людей такихъ, которые въ промыселъ обратили нищенство; иной просить не потому, что ему нужно на необходимое, а потому только, что любить легкую наживу... Да. Вотъ мы поговоримъ объ этомъ съ вами и Григорья Степановича пригласимъ на совѣтъ, да и устроимъ такъ, что будутъ осчастливлены многіе, истинно бѣдные, жалкіе люди

Долго говорилъ отецъ Евстигнѣй съ Катей, и не пропали его слова даромъ: при церкви было основано попечительство о бѣдныхъ, подъ покровительствомъ Кати; въ церковь же была пожертвована довольно значительная сумма, проценты съ которой должны были идти на приданое бѣднымъ дѣвушкамъ прихода и на нужды церкви.

Кромѣ этого, Григорій Степановичъ далъ въ ея распоряженіе доходы съ дома Петра Максимовича, переданнаго въ собственность Волкова, съ переходомъ отца Кати на жительство къ ней. Катя, подъ руководствомъ отца Евстигнѣя, стала нѣкоторымъ образомъ попечительницей всего прихода и занялась этимъ дѣломъ не только съ охотой, но и увлеченіемъ. Жизнь молодой женщины, глубоко

счастливой у домашнего очага, наполнилась дѣятельностью, выходящей за предѣлы семьи.

Это дало ей новое счастье.

XXIV.

Пришли святки.

— Ну, Катя, мы теперь отдохнемъ съ тобой и повеселимся, моя милая, а то оба мы работаемъ ужъ очень усердно, пожалуй, и силы надорвешь! сказалъ какъ то Григорій Степановичъ Катѣ.

— Ты то, правда, много работаешь, ну, а я что такое дѣлаю? улыбнулась Катя.

— Э, вѣтъ, Катенька, не говори: ты еще больше моего дѣла то дѣлаешь! Совсѣмъ захлопнулась моя женка, похудѣла даже, бѣдная! полуплутливо, полусерьезно сказалъ Григорій Степановичъ, лаская свою жену.

— Да чѣмъ-же, Гриша?

— А твои бѣдныя, а твое попечительство-то? Отецъ Евстигнѣй на дняхъ говорилъ мнѣ, что ты и его-то замучила дѣлами!

— Пути, пути, насмѣшничай надо мной!

— Безъ шутокъ, Катя!

— Ну, такъ будемъ отдыхать... Ты вотъ побольше со мной будешь сидѣть, а то я тебя иногда по цѣлымъ днямъ не вижу; совсѣмъ бросилъ меня съ дѣлами своими! надула губки Катя.

— Идетъ! А кромѣ того мы будемъ ѣздить въ гости, въ театры, да еще знаешь что?

— Что?

— Устроимъ мы вечеринку для близкихъ знакомыхъ и вечеривку веселую—съ ряжеными!

Катя весело разсмѣялась.

— Это бы отлично, Гриша, но папаша будетъ сердиться: онъ не любитъ этого, милый...

— Пустое! Папаша заляжетъ всегда спать съ семи часовъ въ своемъ мезонинѣ и не услышитъ ничего, а тетеньку мы подговоримъ, она и сама не прочь повеселиться то!

— Конечно!.. Какъ это отлично, Гриша! Я, мой милый, почти никогда и ряженныхъ то не видала!..

— Ну, вотъ увидишь... Мы, Катя, и сами нарядимся, и теньку нарядимъ!

— Ну?

— Право! Я наряжусь казакомъ, у меня и одежда то такая есть, съ Дону я еще на память привезъ,—а тебя нарядимъ... Какъ бы тебя нарядить? Придумай-ка!

— Меня... Я наряжусь въ малороссійскій костюмъ, Гриша! Вѣдь казаки тоже малороссіяне? Да? Ну, вотъ мы и будемъ казакъ и казачка!

— Отлично! Я тебѣ покажу, какъ сдѣлать настоящій малороссійскій костюмъ, я ужъ знаю, наглядѣлся на хохлушекъ-то...

— Хорошо, Гриша. А кого мы пригласимъ къ себѣ?

— Ты подругъ пригласи, которыхъ знаешь, а я кой-кого изъ своихъ товарищей. Весело проведемъ время, а потомъ на тройкахъ кататься поѣдемъ...

Катя была въ восторгѣ отъ затѣи своего мужа и живо принялась за приготовленія къ импровизированному маскараду. Подруги были приглашены на совѣщаніе, и въ комнатахъ Кати открылась цѣлая мастерская; кроили, шили, примѣряли, перешивали! Цѣлые ворохи разноцвѣтныхъ матерій таскались въ комнаты молодой.

Наступилъ и день маскарада.

Петра Максимовича не пришлось даже и спать укладывать: точно нарочно, въ этотъ день онъ уѣхалъ къ одному своему старинному пріятелю, имѣющему подѣ Москвой прядильную фабрику, погостить дня на три.

Утромъ Катя одѣлась въ приготовленный костюмъ и позвала мужа посмотреѣть на нее.

Ахнулъ Григорій Степановичъ, увидавъ свою жену въ картинномъ малороссійскомъ костюмѣ! На диво была хороша Катя въ немъ.

Коротенькая юбочка изъ пестрой матеріи, стянута *запаской*, живописно обрисовывала красивыя, роскошныя формы Кати, маленькія ножки, обутыя въ красныя, на высокихъ коблукахъ, *черевички*, казались еще меньше; роскошно вышитая шелками сорочка облегла высокую грудь и стягивалась на талии кованымъ *окуромъ*; на русой, гладко причесанной головкѣ, былъ надѣтъ вѣнокъ изъ борвинокъ, васильковъ и золотистыхъ колосьевъ, въ длинной косѣ

были вплетены разноцвѣтныя ленты, шею и грудь покрывали кораллы, янтари и бусы.

— Катенька, душенька, да ты вѣдь съума всѣхъ сведешь въ этомъ нарядѣ! воскликнулъ Григорій Степановичъ и бросился цѣловать свою Катю.

— Тихе, тихе, изомнешь все! отталкивала его Катя. — Такъ хорошо!

— Чудо, какъ хорошо, моя милая! Ужъ видалъ я на Украинѣ красавицъ, а такой еще не приводилось!

— Ты тоже будешь очень хорошъ, Гриша!

— Ну, что я!.. Ты-то, ты-то, экая прелесть!.. Вотъ-бы Катя, увидалъ тебя въ этомъ нарядѣ Сергѣй Ивановичъ...

Катя поблѣднѣла даже при этомъ имени, точно облако прошло у ней по лицу.

— Зачѣмъ ты поминаешь объ немъ, Гриша! съ упрекомъ сказала она. — Ты знаешь, какъ мнѣ больно, тяжело вспоминать обо всемъ этомъ!..

— Прости, Катенька, не буду больше!.. Дорогая моя, какъ настрадалась то ты!.. Милая...

— А гдѣ онъ, Гриша? Я его еще и теперь боюсь, онъ мнѣ вснѣ часто снится...

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ... Кутилъ онъ, говорятъ, шибко, пилъ, а потомъ вдругъ пропалъ; ухлопали гдѣ-нибудь въ пьяной компаніи... Ну, Богъ съ нимъ, Катя! Простимъ ему все и будемъ счастливы...

Григорій Степановичъ постарался замѣять непріятный разговоръ планами о вечеринкѣ; и Катя успокоилась.

Часовъ съ семи начали собираться гости. Въ обширномъ залѣ набралось до двадцати самыхъ разнообразныхъ масокъ. Тутъ были турки, гусары, цыганки испанки, а кто нарядился клоуномъ и смѣшилъ общество различными остротами и ужимками. Любимая подруга Кати, хорошенечкая блондинка, Вѣрочка Шишкина, одѣлась сестрой милосердія, что чрезвычайно шло къ ея кроткому, доброму личику, (почти всѣ нарядженные были безъ масокъ, особенно дѣвушки); сестра Вѣрочки, подвижная, суетливая дѣвушка, нарядилась офицеромъ и очень мило играла роль ловкаго, услуж-

ливаго кавалера; подруга Марьи Максимовны, разбитная купеческая вдова Аграфена Александровна Большеглазова, любительница всевозможных увеселений, изображала вакханку, довольно впрочем скромную по костюму; а бухгалтеръ ея конторы, вѣчно подвыпившій и красный, какъ ракъ, Иванъ Александровичъ Хатринъ—Бахуса. Хохотъ, шутки, остроты, шумъ, взвизгиваніе дѣвушекъ и восторженные восклицанія толпившихся въ дверяхъ приказчиковъ и горничныхъ наполняли весь домъ.

Марья Максимовна, сначала и слышать не хотѣвшая о томъ, чтобы рядиться, въ срединѣ вечера, подговоренная Аграфеной Александровной и нѣсколько подвыпившая, вдругъ явилась въ залу, въ наскоро приготовленномъ костюмѣ маркитантки, и стала угощать гостей виномъ и десертомъ. Вечеръ сдѣлался еще оживленнѣе.

Часовъ около десяти, раздался звонокъ, и прислуга объявила Григорію Степановичу, что прибыли еще новые ряженые.

— Трое какихъ то, Григорій Степановичъ, одинъ — толстякъ, чудакомъ какимъ то выражень, а то черкесы, что ли, какіе, въ маскахъ!.. Говорятъ, знакомые ваши...

— Принять ихъ, принять! Конечно, знакомые, коли знаютъ, что у насъ вечеринка. Зовите ихъ!

Въ залу вошли трое замаскированныхъ. Впередъ шелъ толстый, приземистый господинъ, одѣтый рыбакомъ. На немъ была какая-то блуза, высокіе сапоги, съ боку висѣло ведро съ рыбой; въ одной рукѣ онъ держалъ длинную уду, въ другой—складной стулъ, какіе, обыкновенно, берутъ любители рыбной ловли, собираясь на охоту. Толстякъ какъ только что вошелъ въ залу, такъ разложилъ свой стулъ и, усѣвшись на него, началъ дѣлать видъ, что ловить рыбу.

— Узналъ, узналъ, сразу! сказалъ со смѣхомъ Григорій Степановичъ, подходя къ рыболову.—Иванъ Петровичъ Лобовъ, господинъ рыболовъ-то!.. Вотъ, спасибо, что пріѣхалъ, дружище!..

Рыболовъ снялъ маску и открылъ свое добродушное, смѣющееся лицо.

— Эка толщина то проклятая, воскликнулъ онъ,—и вырядиться то нельзя: сію минуту узнають!.. Ну-ка, вотъ этихъ то узнай! показавъ онъ на своихъ спутниковъ.

Всѣ обступили ихъ.

Наряженные были мужчина и женщина. Плотный широкоплечій станъ мужчины облегалъ киргизскій балахонъ, расшитый шелками и изукрашенный разноцвѣтной кожей. Лахматая киргизская шапка съ высокимъ верхомъ, была надвинута на верхнюю часть лица, а нижнюю—закрывала маска съ густымъ вуалемъ. Женщина, высокая, стройная, была одѣта киргизкой и тоже плотно замаскирована.

— Ну-ка, узнай! повторилъ Иванъ Петровичъ, хорошій знакомый Волкова, имѣвшій съ нимъ когда то дѣла еще въ Оренбургѣ. Съ бабьяго городка тащился сюда, больной, чтобы тебѣ гостей показать!.. Только что изъ Оренбурга пріѣхалъ, измучился, страхъ какъ, а все же пріѣхалъ!.. Ну-ка, молодая, узнайте вы. У мужа то, видно, глаза плохи стали,—испортилъ, цѣлые дни и ночи на васъ глядѣвши,—вы то узнавайте!

Катя подошла было, поближе, но замаскированный порывисто шагнулъ къ ней на встрѣчу и быстро сдернулъ съ себя шапку и маску...

Передъ Катей стоялъ Сеня.

— Сеня, дорогой, голубчикъ! воскликнули въ одинъ голосъ Григорій Степановичъ и Катя, бросаясь къ Сенѣ.

Катя, забывъ гостей, забывъ все, въ порывѣ неудержимой радости, обняла Сеню и начала покрывать поцѣлуями его взволнованное лицо.

— Ха, ха, ха! добродушно смѣялся Лобовъ. Вотъ, такъ штука! При мужѣ то, при мужѣ то цѣлуетъ!.. Ха, ха!.. Да и тотъ хорошъ молодецъ!.. Сеня, Сенька, Сенька, разбойникъ, невѣста ревнуетъ! Что ты дѣлаешь, каналья?.. Ха, ха, ха!..

— Невѣста?! Какая невѣста? воскликнулъ Григорій Степановичъ.

— Такая, братъ! продолжалъ хохотать Лобовъ. Ты думаешь, что тебѣ одному можно невѣсть то высватывать? Шалишь, Гриша, и мы себѣ невѣсту нашли!.. Сымай маску то, Оля, чего стоишь! обратился онъ къ замаскированной и, поднявшись со стула, снялъ съ своей спутницы вуаль.

Опустивъ глаза, покрытая густымъ румянцемъ застѣнчивости, передъ гостями и изумленнымъ Григоріемъ Степановичемъ стояла

статная дѣвушка съ нѣскольکو киргизскимъ типомъ лица, но очень красивая и симпатичная.

— Вотъ, и невѣста нашего Сеньки, прошу любить да жаловать! проговорилъ Лобовъ. Ну, чего глядите? Красавица, Катерина Петровна, попросите-ка тетеньку гостей вашихъ занять, а сами пойдемте въ какуюнибудь горенку, да потолкуемъ, побесѣдуемъ, а то, вишь, Сеня то нашъ, самъ не свой—охота ему душу излить, да и вамъ съ мужемъ, поди, охота поговорить съ нимъ... Пойдемте-ка, матушка... Чайку намъ прикажите дать, водочки...

— Не осудите, господа, мы сейчасъ вернемся... Вишь, пріятеля хозяинъ то обратился, душевнаго пріятеля своего...

Молодые извинились передъ гостями, что на минуту оставляютъ ихъ, и ушли изъ зала вмѣстѣ съ пріѣхавшими.

Гости продолжали веселиться.

XXV.

Правдивая исторія наша кончилась, читатель, скажемъ только нѣсколько словъ о виновникѣ счастья Волкова и Кати—Сенѣ.

Послѣ страшной прогулки за Всесвятское, Сеня потерялъ, какъ говорится, голову. Мучительное отчаяніе овладѣло всѣмъ существомъ его, и онъ не зналъ, что дѣлать, куда дѣваться отъ этого страшнаго, невыносимаго состоянія... Мысль о самоубійствѣ явилась ему спасительницею и ужъ холодный стволъ револьвера коснулся до воспаленнаго лба молодаго человѣка, но въ эту отчаянную минуту въ головѣ пронеслась другая мысль, мысль о загробной жизни, и револьверъ полетѣлъ въ сторону...

Вино заглушило на нѣсколько часовъ муки, и въ дикомъ разгулѣ Сеня забывался иногда, но за этимъ наставали минуты, часы, цѣлые дни еще болѣе тяжелаго отчаянія, и бѣдный страдалецъ доходилъ до сумасшествія. Наконецъ онъ рѣшился ѣхать куда-нибудь, чтобы въ иной обстановкѣ, съ иными людьми, забыться, отдохнуть.

Попалъ онъ въ глухую сторону Оренбургской губерніи, въ какую то отдаленную станицу. Дорога, бессонныя ночи, сотни верстъ на конѣ съ какимъ-нибудь киргизскимъ табуномъ, цѣлые сутки подъ открытымъ небомъ въ мятель, въ стужу—все это утом-

ляло тѣло, но облегчило душу. Сеня точно отдохнулъ: тяжелый нравственный недугъ прошелъ.

Въ это самое время онъ встрѣтился въ Верхнеуральскѣ съ своимъ московскимъ знакомымъ,—имѣющимъ въ этой мѣстности какія-то дѣла,—Иваномъ Петровичемъ Лобовымъ. Добродушный, крайне симпатичный Иванъ Петровичъ, видя что молодому человѣку что-то не по себѣ, взялъ его подъ свое покровительство и сталъ всѣми силами стараться помирить съ жизнью, не пытаясь даже узнавать причины тоски и разочарованія давно любимаго Сени: Иванъ Петровичъ нашелъ ему дѣло, съумѣлъ заинтересовать этимъ дѣломъ, и Сеня началъ окончательно приходить въ себя. Въ это время надъ нимъ стряслась бѣда, оказавшая впрочемъ въ послѣдствіи великую услугу ему.

Проѣзжая по дѣламъ Ивана Петровича самой глухой, самой незаселенной мѣстностью Оренбургской губерніи, Сеня наткнулся на какихъ то бродягъ, по всему вѣроятію, бѣглыхъ. Сеня ѣхалъ верхомъ, хорошо вооруженный, но бродягъ было пять человѣкъ, одинъ другаго предприимчивѣе, одинъ другаго алчнѣе и одинъ другаго голоднѣе и, не смотря на геройское сопротивленіе, на силу и ловкость Сени, ему пришлось уступить.

Бродяги избили его, обобрали до чиста, отняли лошадь и бросили на произволъ судьбы въ глухой степи, въ мятель, почти нагаго.

Но Сенѣ видно суждено было жить: его подняли какіе-то проѣзжіе, привели въ чувство и доставили къ Лобову.

Чисто отеческую заботливость показалъ Иванъ Петровичъ по отношенію къ Сенѣ. Его берегли, какъ любимаго сына, ухаживали, не щадя ничего, и хотя побои бродягъ были тяжки—крѣпкая натура молодаго человѣка вынесла болѣзнь. Сеня оправился.

У Ивана Петровича жила, не то служанкой, не то воспитанницей, взятая имъ ребенкомъ и имъ же крещенная киргизка, оставшаяся сироткой послѣ одного служащаго у Лобова киргиза, женатаго на русской. Звали ее Ольгой. Это была дѣвушка добрая, кроткая и весьма не дурна собой, не смотря на киргизское происхожденіе. Ольга ухаживала за больнымъ Сеней, какъ сестра, а потомъ полюбила его. Обновленный тяжелой болѣзнью, Сеня всталъ точно другимъ человѣкомъ; прошлое казалось тяжелымъ сномъ, а

настоящее... А настоящее было хорошо; хотѣлось жить, любить, и Оля стала невѣстой Сени.

Исповѣдавъ во время болѣзни свое тяжелое прошлое священнику—Сеня облегчилъ душу, какъ простой русскій, истинно - вѣрующій человекъ.

— Поѣдемъ въ Москву, Сеня, прогуляемъ тамъ святки, а потомъ и свадьбу отпирuemъ, во, какъ отпирuemъ! сказалъ Иванъ Петровичъ, и они поѣхали въ Москву...

Послѣ долгихъ скитаній, послѣ многихъ тревогъ Григорій Степановичъ нашелъ тихую безмятежную пристань. Нашелъ ее и Сеня...

Такъ было суждено читатель.

ГОЛУБКА МАНЯ.

(Повѣсть).

I.

Въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ погромыхивали бубенцы лихой тройки, которая стояла не подалеку отъ вѣзда въ село Коломенское со стороны Москвы. Ямщикъ поглядывалъ по дорогѣ въ село и сердито затыгивался дымомъ махорки изъ коротенькаго чубука трубки.

— Экъ ихъ канителяся! ворчалъ онъ. Свѣтать сейчасъ будетъ, а его вѣтъ... Ну, парень!.. До дому, гляди, верстъ десять будетъ, скоро ли домчишь... Гляди Яковъ Степанычъ, бѣды бы не вышло!..

Время близилось, дѣйствительно, къ разсвѣту.

На востокѣ ужъ значительно поблѣло, ночная заря потухала, темнѣла; звѣзды тамъ и сямъ гасли одна за другой. Съ Москвы, рѣки поднялся прозрачный туманъ и дымился въ свѣжемъ воздухѣ-развѣваемый легкимъ предъ-разсвѣтнымъ вѣтеркомъ. Верхушки и березъ слегка вздрагивали и шелестили листьями. Гдѣ-то въ кустахъ свистнула и разъ и другой ранняя птичка.

Въ это время въ концѣ села, среди большого огорода, на крылечкѣ новенькаго, рѣзбой украшеннаго, домика стояли два чело-вѣка. Въ тѣни навѣса ихъ было почти не видать; блѣлось только женское платье, да слышна была тихая, робкая рѣчь.

— Прощай, Глаша, пора! говорилъ свѣжій мужской голосъ.

Гляди, въ Москву вмѣстѣ съ солнцемъ прїѣду, а отецъ куда какъ рано встаетъ... Узнаетъ—бѣда выйдетъ...

— Погоди, Яша! звучаль вслѣдъ за тѣмъ прїятный контральто сочный, бархатистый голосъ молодой женщины. Ну пожурить, ну побъетъ—эка бѣда... Аль тебѣ, Яша, тяжело потерпѣть за меня? Я больше терплю, да и охъ не молвлю... Какъ я тебя люблю то, Яша!..

Мужчина тихо засмѣялся и слышался звукъ поцѣлуя.

— Змѣя ты, Глаша!.. Какъ змѣя вокругъ шеи обовьется и не выпустить отъ себя, такъ и ты... И сердце ты гложешь, какъ змѣя-тоска... Либо у тебя быть, съ тобой время коротать, либо въ омутъ головой!.. Колдунья ты, Глаша...

— Голубчикъ мой, соколъ ясный, орликъ сизокрылый!.. Ну, вернись, Яша, ну, посиди минутку!.. Вѣдь долго не увидимся теперь, ѣхать въ Нижній хочешь... Вернись!..

Мужчина засмѣялся.

— Пойдемъ, посидимъ, что съ тобой дѣлать!..

Скрипнула дверь и въ сѣни ворвался изъ горницы лучъ свѣта. Скользя по рѣзнымъ периламъ лѣстницы, отразился въ оставшейся отъ дождя лужѣ, спугнулъ ночную бабочку, что прїютилась на столбикѣ крыльца, и исчезъ. Дверь затворилась. Говорившіе вошли въ комнату.

Уютная, чистая такая комната, хоть и совсѣмъ на деревенскій ладъ: стѣны бревенчатая, печка въ углу бѣлая; въ другомъ углу, подъ образами въ серебряныхъ ярко вычищенныхъ ризахъ, столъ липовый, кругомъ его лавки сосновыя; за пестрымъ ситцевымъ пологомъ кровати; на стѣнахъ картины наклеены, поближе къ образамъ духовныя, а вдоль стѣны, до самаго угла — веселыхъ сюжетовъ. Пестрыя картины, яркія; охра и киноварь такъ и бьютъ въ глаза. Городскаго, „моднаго,“ въ избѣ только и есть, что зеркало въ простѣнкѣ да коммодъ орѣховый, а на немъ лампа съ колпакомъ.

Чисто въ горенкѣ, пылинки нѣтъ, а отъ жасминовъ до резеды, что въ горшкахъ на маленькихъ окнахъ стоятъ, запахъ прїятный: такъ и льютъ ароматъ выхолѣнные цвѣточки, даже запахъ углей заглушаютъ.

А запахъ углями сильный: ведерный самоваръ на столѣ стоитъ и кипитъ, и допѣваетъ прощальную пѣсенку, напоивъ хозяйку и гостя чаемъ. Вотъ и чашки опрокинутыя стоятъ среди бутылки съ наливкой, среди тарелочекъ съ закусками; тутъ же куски домашнего бѣлаго хлѣба лежатъ, соты въ деревянной чашкѣ стоятъ, ягоды разныя на тарелочкахъ и блюдахъ, а на лавкѣ гитара брошена съ лопнувшей квинтой.

И чай тутъ пили аппетитно, и закусили, и полакомились и потѣли. Видно, что весело время провели.

Зажженная на стѣнѣ свѣчка въ мѣдномъ подсвѣчникѣ заколебала свое пламя, замигала, побезпокоенная ворвавшимся изъ сѣней воздухомъ, и освѣтила вошедшихъ.

Онъ былъ молодой человекъ; за двадцать съ небольшимъ казалось ему, а ужъ сформировался, совсѣмъ богатырь выглядывалъ.

Ростъ высокій, въ плечахъ сажень косая, а перехватъ таліи тонкій, стройный... Волосы темно-русые вьются, на лобъ изъ-подъ картуза выбѣгаютъ, глаза сѣрые, бойкіе, „московскіе“ глаза; румяныя губы слегка опухлы чуть, чуть пробивающимися усами и бородкой.

Вошелъ въ комнату молодецъ, сбросилъ на лавку чуйку суконную, картузъ туда же бросилъ и остался въ пиджакѣ московско-деревенскаго покроя, какія носятъ разжившіеся крестьяне и купцы, которые „посѣрѣй.“ Темныя брюки за сапоги, жилетъ глухой, бѣлая изъ-подъ него не видать, плотно охватилъ стоячимъ воротникомъ бѣлую могучую шею съ сильнымъ загаромъ на затылкѣ.

Она... Она совсѣмъ красавица. Да еще такая, что въ Москвѣ на рѣдкость. Въ Москвѣ выродилась уже настоящая великорусская красавица въ обще-европейскій типъ и истую красавицу славянку можно найти только на Волгѣ, да и то въ низовьяхъ ея, не выше Нижняго. Тамъ остался типъ, про который поэтъ сказалъ:

Въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ,
Коня на скаку остановить,
Въ горящую избу войдетъ!

Рослая, статная, кровь съ молокомъ, глаза съ поволокою, косы ниже пояса, грудь высокая, лебединая...

Такова была и та, которая парня съ крыльца вернула.

Глаза у ней были каріе, глубокіе, а глядѣли такъ ласково, такъ манили къ себѣ, что невольно глядѣть въ нихъ хотѣлось, долго, долго глядѣть!.. И строги были порой. Стоитъ лишь на эти глаза брови чуть-чуть понадвинуть и потемнѣютъ они, словно небо при тучѣ, а тамъ блеснутъ молніей и съ румяныхъ губъ не ласковыя рѣчи польются, а гроза загремитъ и тогда бѣда...

Постоить за себя красавица съ такими очами, съ такимъ ростомъ и дородствомъ!.. Платье на красавицѣ было городское, щеголеватое, а косы черныя она распустила и ленты въ нихъ вплела. Стоитъ, играетъ косами, смотритъ съ улыбкой на гостя.

— Ну, что же встала? улыбнулся и тотъ. Вернула, такъ угощай!..

— Да кушай, Яша, чего хочешь... Хлѣбъ соль на столѣ, а руки свои...

— А ты поподчуй... Налей водочки, выпью, куда ни шло... Наливай-ка, да и себя не забывай...

Красавица налила двѣ рюмки вишневки, поднесла гостю и сама выпила; выпила залпомъ и не поморщилась.

— А теперь, Яша, сыграй да спой что нибудь, попросила она.

— Ой, опоздаю сильно, Глафира, и батька шею намнетъ!

— Э, полно, Яша!.. На-ка, сыграй... Любимую-то мою сыграй ради прощанья...

Она взяла гитару и подала гостю. Яша завязалъ порванную струну, настроилъ гитару и, тряхнувъ волосами, запѣлъ, акомпанируя себѣ сильными аккордами на цыганскій ладъ. Онъ запѣлъ старинную и ужъ успѣвшую опоплиться пѣсню, „пѣсню разбойника“— „Что затуманилась, зоренька ясная,“ но пѣлъ онъ эту пѣсню какъ-то по своему и выходило у него хорошо, то грустью, то нѣгой, то страстью звучала пѣсня; оттѣнялъ онъ инныя мѣста, а инныя подчеркивалъ.

Глаша сѣла напротивъ него, положила руки на столъ и слушала, не спуская глазъ съ лица пѣвца.

„Много за душу твою одинокую,
Много я душъ погублю!“

пѣлъ онъ и засверкали у него глаза, словно и въ самомъ дѣлѣ собирался онъ погубить много душъ за одинокую душу своей красавицы.

Потомъ голосъ смягчился, нѣжно такъ зазвучалъ, тихо и страстно.

„Я-ль виноватъ, что тебя, черноокою,

Больше чѣмъ душу люблю“?..

— Яша, голубчикъ! прошептала красавица, протягивая къ нему руки.

— Ну, иди, поцѣлуй за пѣсню, поблагодари! усмѣхнулся онъ, опуская гитару.

Глаша встала и хотѣла было подойти, но въ эту минуту кто то сильно постучалъ въ окно.

— Кто это? спросилъ гость. Ужель ящикъ Оська?..

Глаша подошла къ окну и отдернула немного кисейную съ красной прошивкой занавѣску.

Совсѣмъ ужъ побѣлѣло на дворѣ. Выступили очертанія всѣхъ предметовъ и видно было какъ чья то фигура привстала на зава-ленку и глядѣла въ окно.

— У, непутный! сердито проговорила Глаша и задернула занавѣску такъ, что треснула она и разорвалась.

— Кто это? снова спросилъ Яша, кладя гитару на лавку.

— Мишка огородникъ... Онъ...

Но не успѣла сказать своей рѣчи Глаша. Вдругъ раздался трескъ, звонъ и въ комнату посыпались стекла разбитой рамы.

Яша вскочилъ и порывисто накинулъ на себя чуйку.

— Это что же? грозно спросилъ онъ. Будетъ этому конецъ, аль нѣтъ?.. Ты скажи ему, псу, чтобы онъ оставилъ это, а то я его... Слышь?.. Можетъ, сама балуешь, повадку даешь?.. Смотри Глафира, ты меня въ гнѣвъ не вводи!.. Прощай, їду я...

— Яша...

— Прощай, говорятъ!.. Сперва отучи отъ своихъ оконъ гулякъ ночныхъ, а потомъ и ластись!.. Невѣста туда же! Замужъ ее возьми!..

Яша пошелъ.

— Яша! съ мольбой крикнула ему красавица, но онъ не оглянулся, хлопнувъ дверью, спустился съ лѣсенки и пошелъ огоро-домъ къ полю, къ тому мѣсту, гдѣ стояла прозябшая на свѣжемъ утренникѣ тройка.

Отъ группы ветелъ, что стояли среди огорода, словно ночные

сторожа, отдѣлилась фигура и встала на бороздѣ, правѣ той дороги по которой шелъ Яша.

Послѣдній оглянулся на фигуру.

— Что стоишь? Иди сюда! крикнуть онъ.

Фигура подняла руку и погрозила.

— погоди, дай чередъ—подойду! крикнула она.

— Гдѣ тебѣ, острожники, подойти!.. Твое дѣло куръ воровать, да окошки у бабъ бить... Кацапъ!..

— Ладно, ладно, ладно! злобно твердила фигура, удаляясь къ селу. Ой, наплачешься, Яшка!.. И ты, Глафира Степановна, наплачешься, погоди дай срокъ!..

Яковъ между тѣмъ дошелъ до тройки и вскочилъ въ тарантасикъ.

— Ну, Осипъ, дуй—опоздали! сказалъ онъ ямщику.

Тотъ только головой покачалъ. Повернулъ лошадей, шажкомъ выѣхалъ на дорогу и тряхнулъ возжами.

— Эхъ, вы, варвары! крикнуть онъ съ присвистомъ, и тройка понеслась.

Ужъ ввиду Москвы, за полверсты не больше отъ Серпуховской заставы, попалась имъ встрѣча. На тройкѣ же красивыхъ сѣрыхъ коней, запряженныхъ въ щегольской фѣатонъ, ѣхалъ баринъ, закутавшись отъ утренней сырости въ плотный широкій плащъ. Только голова да ноги въ лаковыхъ ботфортахъ и были видны изъ подъ плаща.

Баринъ былъ лѣтъ тридцати-пяти, но благодаря выхоленному лицу его, тонкимъ усикамъ и вьющимся изъ-подъ шапочки свѣтлоруснымъ волосамъ, казалось ему гораздо меньше. Глаза только выдавали его лѣта, потускнѣли они и глядѣли ужъ не такъ весело и безпечно, какъ у юноши, да и поза была, какъ у изнѣженнаго, усталого человѣка.

Баринъ глянулъ на Яшу и отвернулся, а тотъ тихо засмѣялся и толкнулъ въ спину своего ямщика.

— Видѣлъ, Ося?

— Видѣлъ, Яковъ Григорычъ—баринъ Шустовъ проѣхалъ... Хе, хе, хе!.. Оставили ли ему угощенья то?

— Богатъ, самъ купить!.. Пошелъ, Осипъ, солнышко восходить!..

— Теперь ужъ дома, Яковъ Григорьичъ, поспѣемъ...

Ямщикъ въѣхалъ въ заставу и бойкой рысью пустилъ лошадей по большой Серпуховской улицѣ.

Недалеко отъ Серпуховскихъ воротъ, по одному изъ переулковъ стоитъ домъ купца Григорья Лукича Клокочева. Домъ новый, въ девять оконъ по улицѣ, каменный, незатѣйливой архитектуры, выстроенный по шаблону. Ворота у дома высокія, тесовыя, окрашенныя въ темно-зеленый цвѣтъ съ длиннымъ заборомъ, усаженнымъ по верху „двуетомъ.“ Домъ не красивъ, а проченъ, сухъ и тепелъ; „неладно скроенъ, да крѣпко спитъ,“ сейчасъ видно, что хозяинъ его строилъ для себя, а не жильцамъ, кое какъ, да какъ нибудъ. На дворѣ „службы“ подъ желѣзными крышами—амбаръ каменный, погребъ, конюшня, а въ глубинѣ двора и баня по старинному обычаю построена, кругомъ ея садъ съ яблонями, съ кустами крыжовника и малины, съ подсолнухами въ желтыхъ шапкахъ: рядомъ съ воротами собачья конура въ видѣ домика съ зеленой крышей, собака здоровенная въ конурѣ, залаетъ—на всю улицу слышно. Собака, пожалуй, тутъ и лишняя, потому что ворота на запорѣ, по забору гвозди торчатъ, а около воротъ съ раннего вечера и всю ночь дворникъ сидитъ, и дворникъ надежный: калужскій мужичекъ, вершковъ одиннадцати, да еще съ дубиной.

Крѣпко по старинному живетъ Григорій Лукичъ. Въ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, девять комнатъ, а вся семья помѣщается въ четырехъ, остальные же комнаты пустуютъ, только для гостей отпираются. Жена просила было дочкѣ невѣстѣ комнату отвести, да Григорій Лукичъ пугнулъ ее.

— Давно ли, говорить, въ деревенской избѣ жили, а теперь тебѣ четырехъ покоевъ мало стало?

Такъ и не далъ. Въ одной комнатѣ обѣдали и чай пили, другая спальней супруговъ служила, третья занималась ребятами, — двое ихъ было у Григорія Лукича маленькихъ,—съ нянькой и тутъ же ютилась дочь невѣста Катя, а четвертую сынъ Яковъ занималъ и тутъ же была „конторка“, комнатка для личныхъ, не торговыхъ, дѣлъ старика Клокочева, вродѣ кабинета его. Имѣлъ старикъ капиталъ солидный, велъ бльшое „кожевенное дѣло“ и велъ широко,

умѣло и съ толкомъ, и все жался, все бѣднякомъ себя выказывать и скупенекъ былъ крѣпко.

— Вамъ хорошо говорить то: отъ батекъ деньги получили, сорими, какъ хочешь, а я горбомъ кусокъ себѣ нажилъ! говорилъ онъ пріятелямъ торговцамъ, когда тѣ, шутя, упрекали его въ скупости. Съ гроша началъ, безъ хлѣба сиживалъ, полъ-Россіи пѣшкомъ прошелъ, такъ я знаю въ копѣйкѣ толкъ!..

Онъ дѣйствительно началъ „съ гроша“, торговалъ въ молодости телятами, куръ по деревнямъ скупалъ, потомъ его судьба кинула какъ то въ Сибирь, тамъ онъ выгодно купилъ по случаю партію мѣховъ, а потомъ партію кедровыхъ орѣховъ въ нѣсколько сотъ пудовъ, хорошо продалъ, а потомъ на сѣверѣ кожами сталъ торговать, попалъ съ ними въ Москву, благодаря какому то подряду, и остался тутъ, и зажилъ. Въ Москвѣ ему посчастливилось—капиталъ онъ здѣсь приобрѣлъ, прочное дѣло и почетъ среди торговаго міра, почетъ не столько за богатство, сколько за рѣдкую честность и непоколебимую твердость слова. На слово ему вѣрили всѣ и все, и не было примѣра, чтобы Григорій Лукичъ обманулъ когонибудь. Старики любили его и за поведеніе его, за образъ жизни человѣка стараго вѣка, глубоко вѣрнаго преданію отцевъ, какъ по дѣламъ вѣры, такъ и по домашнему обиходу. Все было по старинному у Григорія Лукича и новшества онъ не любилъ.

Жена съ дочерью за обѣдню въ Рогожскую поѣдутъ — рысакъ полтысячи, на шубкахъ соболь и бархатъ, а головы платочками покрыты, шляпки старикъ не переносилъ; его дочка, хорошенькая дѣвушка, лишь тайкомъ плакала о ней, уязвленная подругами. На самомъ казакинѣ со сборами поверхъ ситцевой рубахи, на головѣ картузъ, а зимой шапка барашковая, тулупъ овчинный; только по большимъ праздникамъ, зимою, надѣвалъ онъ лисью шубу, крытую синимъ сукномъ. Жену и дочь держалъ строго, плетку „про случай“ въ спальнѣ имѣлъ, и плетку ту „бабы“ знали хорошо. Поучилъ бы и сына жениха, да не за что было—совсѣмъ исправный былъ малый и дѣло все одинъ велъ, отецъ только наблюдалъ да по привычкѣ въ лавку ѣздилъ, больше для того, чтобъ съ покупателемъ чайку попить, новости узнать. Надували въ уши старику досужія кумушки, что Яковъ де Григорычъ погуливаетъ

иногда, зазнобушку гдѣ то имѣть, да старикъ не слушалъ и долго-язычныхъ бабъ „шугалъ“ за эти вѣсти.

— У меня былъ старикъ знакомый, въ мизинцѣ лѣвой ноги у него ума больше было чѣмъ у всѣхъ васъ въ башкѣ, и вотъ онъ мнѣ что говаривалъ: „дѣло есть, работай, горе есть—не горюй, а подѣ случай попалъ—на здоровье гуляй!..“ Ну, такъ вотъ и поймите это... Дѣло Яковъ дѣлаетъ, въ худомъ мнѣ не попадался, стало быть, и толковать нечего!..

Это были постоянныя слова старика „кумушкамъ“ и „свахонькамъ.“ Любилъ онъ сына, себя въ немъ видѣлъ. Та же мощь несокрушимая, та же сметка, то же рвеніе къ дѣлу и простота въ образѣ жизни, а кутнуть старикъ и самъ иногда любилъ и, случалось, кучивалъ шибко, особенно съ хлѣбосольными сибиряками. Сегодня кутежъ, ведрами водку и пиво носятъ, ящиками вино, въ лоскъ всѣ лягутъ, а на утро за работу и работа кишеть.

Однако сынъ при отцѣ не смѣлъ и взяться за рюмку. „Не гоже это, не къ чему,“ говаривалъ старикъ и сынъ понималъ старозавѣтный тактъ отца. Понималъ онъ его и вообще и этимъ былъ любъ старику, не говоря ужъ про то, что портретомъ живымъ былъ его, только „пожиже“.

— Московскіе калачи ростъ то да ширину у тебя отняли; я вотъ на хлѣбѣ росъ—покрѣпче оно вышло! смѣялся иногда старикъ въ добрую минуту, но сынъ одинъ разъ показалъ, что и калачи ему въ прокъ пошли—взялъ да одинъ-одинешенекъ и поднялъ упавшій возъ съ товаромъ, а пять рабочихъ его поднять не могли и за подмогой было пошли.

— Ай, Яковъ, молодецъ! подхватилъ старикъ и любовно поглядѣлъ на красавца сына.

Взошло солнце и заиграло въ капляхъ росы, покрывающихъ свѣжую крѣпкую листву на яблоняхъ въ Клокочевскомъ саду. Ядренныя яблоки, близкія къ полной зрѣлости, словно обрадовались солнцу—такъ и засіяли своими румяными бочками, покраснѣли среди зеленой листвы, приготовляясь къ наливу.

Григорій Лукичъ вышелъ полюбоваться ими; самъ онъ садилъ яблони, самъ прививалъ и любилъ рано утречкомъ сходить въ садъ поглядѣть, пообчистить гдѣ надо, полить, если сухо, подрѣзать гнилой сукъ.

Въ ситцевой рубахѣ съ жилетомъ поверхъ ея, въ казинетовыхъ шараварахъ за сапоги, съ непокрытой головой въ густыхъ, хотъ и сильно сѣдыхъ кудряхъ, высокій, добрый, могучій, ходилъ старикъ по саду и, напѣвая что то духовное, поглядывалъ на яблони, спугивая юркихъ воробьевъ.

Гдѣ то далеко задребезжали колеса, бубенцы громыхнули и все смолкло, а потомъ послышались спѣшныя шаги и загремѣлъ за-совъ калитки. Старикъ подошелъ къ рѣшеткѣ сада и сталъ глядѣть на дворъ.

— Яковъ! окликнулъ онъ, увидавъ, какъ молодой человѣкъ шмыгнулъ въ калитку и пошелъ было къ дому.

Яковъ Григорьевичъ вздрогнулъ и остановился.

— Подъ сюда, позвалъ его старикъ. Гдѣ былъ?

Яковъ Григорьевичъ потупился было, но потомъ бодро тряхнулъ волосами и взглянулъ прямо въ глаза отца.

— Съ товарищами погулялъ, тятенька... Виноватъ-съ, отвѣчалъ онъ.

Старикъ помолчалъ.

— Ты у меня тово, гляди!.. Женить надо, остолопа...

— Ваша воля, батюшка.

— То то „ваша воля!“ На вокзалъ на Троицкій надо товаръ отправлять нонѣ—нагруженъ?

— Нѣтъ-съ... Пойду грузить сейчасъ...

— Ступай... Чай дома не пей, въ городъ приходи: дѣло тамъ съ нижегородскими будетъ.

— Хорошо-съ...

Яковъ Григорьевичъ пошелъ на работу, хотъ и не спалъ онъ эту ночку, а весело, весело прогулялъ ее въ селѣ Коломенскомъ у красавицы огородницы Глафиры Степановны Чабыкиной.

II.

Встрѣченная Яковомъ Клокочевымъ тройка сѣрыхъ въ фазтонѣ, бойкой рысью подѣхала къ Коломенскому и остановилась почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нетерпѣливо поджидалъ нѣсколько минутъ тому назадъ ямщикъ Осипъ своего сѣдока.

Баринъ сбросилъ съ себя длинный плащъ и выпрыгнулъ изъ фэтона.

— Жди! коротко приказалъ онъ кучеру. Оправился, обдернулъ коротенькій пиджакъ англійскаго трико, усы закрутилъ и пошелъ по тропинкѣ къ украшенному рѣзбой домику огородницы.

А огородница спать было собралась. Загасила свѣчу,—свѣтло ужъ стало въ горенкѣ, — лѣниво прибрала кое что со стола, выпустила свои длинные волосы, провела по нимъ гребнемъ, встала передъ зеркаломъ, стоитъ, любитъ себя.

„Хороша, видно, я, коль за мной такъ вьются, увиваются, подарками засыпаютъ, другъ съ другомъ на ножи выйти за меня готовы!“ думаетъ, поворачиваясь передъ зеркаломъ.

Хороша и то. Такъ хороша, что и глазъ отвести не хочется. Хороша!.. Не доромъ богатый—первый по волости,—крестьянинъ взялъ ея замужъ прямо таки съ Волги, гдѣ она со старухой матерью тѣмъ только и промышляла, что дровишки ловила съ разбитыхъ плотовъ да кой кого перевозила „за грошъ“ отъ торговаго села Городищи на ту сторону. Кормилась кое какъ, одѣвалась во что Богъ пошлетъ и жила еловно птица Божія, о завтрашнемъ днѣ не думая. Работала, вечеромъ гуливала и шибко гуливала, а тутъ вышло счастье: увидалъ богатый мужикъ огородникъ, на родину изъ Москвы пріѣхавши, полюбилъ, въ два слова дѣло сдѣлалъ и женился, и увезъ молодую жену въ Москву. Ситцевый сарафанишка замѣнился шелковымъ платьемъ, посконный армячишко—шубкой бархатной, вмѣсто хлѣба черстваго стала вареное, пряженое да жареное кушать Глафира Степановна и зажила, пополняла, раздобрѣла еще краше стала. Мужъ любитъ, хвалится ею и балуетъ, какъ мать единственное дитя свое. И налюбовалъ на свою голову.

Задумала бабенка, понимать стала, ласково на постороннихъ поглядывать и довела мужа сперва до горькой чарочки, а потомъ и до сырой могилы.

Овдовѣла Глафира Степановна, стала одна одинопенька и зажила лучше прежняго. Хозяйство вела хорошо, любому мужичику не уступила бы, а ужъ погулять—такъ никому не приводилось. Знакомства завелись у ней. Сперва огородника одного приглубила было; думали всѣ, что выйдетъ она за него, анъ оказалось, что

огородникъ загулялъ, дѣло бросилъ, обнищалъ въ одинъ годъ и изрѣдка, кой когда только приголубливала его вдовушка да рублишки на похмѣлье ему даривала... Баринъ у огородника Глашу отбилъ. Баринъ не кой какой, а исправный, богатый, красивый, видный баринъ.

Увидалъ онъ ее на базарѣ на конномъ; заглядѣлся, спросилъ у людей, что де за королева такая, за красавица писаная и, узнавъ, познакомился. Появились у огородницы и лошади, и золотыхъ вещей прибавилось, а ужъ гордости, гордости дѣвать некуда!.. Ходить павой, на людей свысока глядѣть, а ровнѣ своей и не кланяется. Барыней такъ и звали ее.

Баринъ не долго тѣшилъ и нѣжилъ Глафиру Степановну. Самъ былъ орелъ и хотъ на пышную птицу напалъ, да крыльевъ она ему не подрѣзала, орлинаго взмаха не убавила. Какъ увидалъ онъ, что завелся тутъ около соколенокъ молодой, такъ и бросилъ все, улетѣлъ. А соколенокъ тотъ былъ Япа Клокочевъ. Его полюбила вдова—красавица пуще свѣта бѣлаго, пуще жизни собственной. Гордая да неприступная, передъ нимъ она овечкой стала, смирилась и все старое отбросила, оставила лишь ласку чарующую, привѣтливость да любовь. А и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ богата была Глафира Степановна и теперь, когда напелся человѣкъ по душѣ, по сердцу—пылко полюбила его, страстно, беззавѣтно и вся отдалась ему, а онъ... онъ игрою любилъ ее.

Прошелъ приѣхавшій баринъ тропинкой между грядъ и поднялся на крылечко. Глафира Степановна видѣла его, но встрѣтить не пошла, а присѣла у столика подперлась рукою и глядѣть въ окно. Баринъ вошелъ.

— Ахъ, Сергѣй Сергѣевичъ! проговорила вдова, подымаясь на встрѣчу гостю. А я и не видала васъ... Садитесь, Сергѣй Сергѣевичъ, будьте гостемъ... Давненька не видала я васъ...

Баринъ сѣлъ; на вдову не глядѣть, сигарой занялся, а ужъ Глафира Степановна и такъ и сякъ повернется, глазами играетъ, рукою косу свою поправляетъ; почти до полу коса спустилась, легла по плечамъ, по спинѣ, на колѣни спустилась.

— Какъ живете, Сергѣй Сергѣевичъ? спросила она и не утерпѣла, встала и рядомъ сѣла съ гостемъ, въ лицо ему заглянула.

— Ничего, живу... Ты вотъ плохо живешь.

Улыбнулась Глафира Степановна.

— Я?.. Чѣмъ же я плохо живу?.. Нѣтъ, ничего, живу хорошо, весело.

— То-то вотъ и есть, что очень ужъ весело.

Баринъ обернулся къ Глафирѣ и строго, сурово заговорилъ:

— Приѣхалъ я къ тебѣ, Глафира, по дѣлу и по дѣлу серьезному.

— Рада гостю дорогому и по дѣлу, и по бездѣлю... Что же за дѣло такое?

— А вотъ какое: ты Клокочева оставь... Слышишь?

— Гмъ!.. Зачѣмъ же я оставляю его, коли я люблю его?

— А зачѣмъ, что ты губишь его!.. И его, и семью его, и невѣсту.

— Это „голубку Маню-то?“ А пусть ее! Мнѣ какое дѣло, что онъ бросилъ ее, да меня полюбилъ? Голубкѣ вашей съ орломъ не мѣсто, знать, надо, видно, орлу орлицу по себѣ.

— Не орлица ты, а волчица злая! вскрикнулъ баринъ и кулакомъ по лавкѣ ударилъ. Вѣдь, у тебя нѣтъ ни души, ни сердца!.. Ты загубишь Якова... Любить ты не умѣешь, а онъ чуть смѣтитъ это, или погибнетъ, или убьетъ тебя... За что ты хочешь несчастными людей сдѣлать?

— Дѣла мнѣ до людей нѣтъ, я своего счастья ищу... Эхъ, баринъ, баринъ!.. Я думала, онъ приѣхалъ мириться со мной, думала, что онъ Якова отбиваетъ отъ меня ради себя, а онъ за дѣвку хлопочетъ!.. Свatomъ мой баринъ сталъ, у старухъ хлѣбъ отбивать задумалъ!.. Ха, ха, ха!..

Захотала Глафира, встала, потрянула косами своими, на руку ихъ навила, потомъ и скользнула насмѣшливымъ взглядомъ по барину.

— Такихъ гостей мнѣ не надо! сказала. Поѣзжай ты къ Манѣ своей и скажи ей, что не ей у меня Яшку отбивать!.. Коль не умѣла удержать его около себя, такъ пусть не пеняетъ... Дай-ка ей совѣтъ другаго поискать, а то не по себѣ дерево рубить!..

Баринъ всталъ и взялъ Глафиру за руку.

— Слушай, Глаша, что я скажу тебѣ, проговорилъ онъ. Знаю я, что долго Якова Клокочева ты не будешь любить, не умѣешь ты этого, такъ отпусти его лучше теперь... Полюби меня

и заживемъ мы по старому, весело заживемъ, а Яковъ пусть женился на Манѣ... Былъ я вчера у отца ея—тоскуетъ старикъ, видить, что таетъ дочка не по днямъ, а по часамъ... Вѣдь не права ты, Глаша, сама посуди... Вѣдь, Яковъ, былъ женихомъ Мани, свадьбы ждали, а ты отбила его отъ невѣсты... Ее ты несчастной сдѣлаешь, отца ея убьешь, между Яковымъ и его старикомъ вражду посѣешь—чего ради?.. Не звѣрь же вѣдь, ты, есть же вѣдь, въ тебѣ сердце?..

— Есть... Есть во мнѣ сердце, Сергѣй Сергѣичъ, и вотъ сперва вырви ты у меня сердце это, а потомъ и проси, чтобъ я Яшу бросила... Тамъ онъ у меня, въ самомъ сердцѣ, и пока-то сердце во мнѣ—не отдамъ я Яшу никому и ни за что!.. Замужъ я шла, не любя, съ тобой, съ прочими играла только, а Якова я люблю, да еще какъ люблю-то! Никогда твоей Манѣ его не любить такъ и никогда ей не видать его!.. Ей Якова не видать, а тебѣ меня... Ступай ты, Сергѣй Сергѣевичъ, своей дорогой, ищи себѣ барышню, а насъ оставь...

Баринъ оттолкнулъ отъ себя Глафиру и схватилъ свою шапку
— Такъ не бывать же по твоему! крикнулъ онъ. Женимъ мы Якова на Манѣ, а тебя... на тебя найдемъ руки!.. Прощай...

Баринъ пошелъ.

— Сегодня же Якова къ Манѣ отвезу и помирю ихъ, а отцу его все, все расскажу! сказалъ онъ въ дверяхъ. Авось образумимъ парня, авось пойметъ онъ, что ты не подруга его, а губительница, змѣя!..

Хлопнулъ баринъ дверью и бѣгомъ сбѣжалъ съ крылечка по скрипучимъ ступенькамъ.

Ринулась было за нимъ Глафира, схвативши со стола ножъ, да остановилась, бросила ножикъ на полъ и задумалась.

„Отнять хотягъ проговорила она потомъ. Отнять, на другой женить хотягъ... Такъ нѣтъ же, не отнять вамъ его у меня!.. Не отнять, а другую эту... другую я сживу со свѣта... Какъ пылинку сдуну ее, что въ глазъ попала!..“

Глафира вышла въ сѣни и прошла въ избу, гдѣ жили работники. Работники встали ужъ, завтракать садились.

— Сбѣгай, ребята, кто нибудь за Михайломъ огородникомъ, позови его ко мнѣ; дѣло, молъ, есть, поди поскорѣй, приказала она работникамъ и вернулась въ горницу. Причесала волосы, помадой ихъ напмадила, на шею бусы надѣла, въ уши серьги вдѣла новыя съ подвѣсками, на плечи алую косыночку накинула и сѣла у окна. Нужды нѣтъ, что ночь не спала—свѣжая да румяная, глаза горять, уста поцѣлуя просятъ, и какъ взглянулъ на нее вошедшій огородникъ—дружокъ ея прежній, а теперь нищій жалкій, всѣми брошенный, пропоецъ оборванный, — такъ и замеръ. Выронилъ шапку изъ рукъ и опустился на лавку. Глаза горять какъ у волка, кулаки сжаты, грудь подымается высоко, высоко и глядитъ гость на хозяйку такъ, что жутко становится; не то онъ бросится передъ нею и ницъ падетъ, въ прахъ расшибется изъ-за красоты ея чарующей, не то схватитъ ножъ и вонзитъ его по самую рукоятку въ пышную лебяжью грудь красавицы...

— Ты что-же это, Михайло Ивановичъ, затѣялъ-то, а? строго спросила Глафира Степановна. Окна бить зачалъ?.. Гляди, парень, чтобы бѣды не вышло!..

— Все равно мнѣ! хрипло крикнулъ гость. Пусть твой Яшка убьетъ меня, пусть въ острогъ посадятъ... Все равно мнѣ...

— Аль любишь очень крѣпко?

Глафира встала и подошла къ огороднику. Положила ему руку на плечо, улыбнулась, зубами бѣлыми сверкая, и поиграла другой рукою его всклокоченными, нечесанными волосами, какъ бывало прежде игрывала. Застоналъ огородникъ и схватилъ руку красавицы, а она руку отдернула, сама отскочила и засмѣялась.

— Ишь, ловкій какой—съ ласками сейчасъ!.. А ты заслужилъ-ли ласку-то?.. Заслужи ее и ласкай, и люби...

— Чѣмъ?.. Чѣмъ я заслужу?.. Все тебѣ отдалъ!.. Жизнь отдалъ, имѣнье отдалъ... Пьяная, дурная голова осталась — ее не возьмешь!..

— А ты ободрись, встряхни себя, Миша... Сказать-ли тебѣ, что я ужъ разлюбила Яшку, что не милъ онъ мнѣ...

Огородникъ вздрогнулъ и вскочилъ.

— Обманываешь?.. Лжешь, Глафира Степановна? воскликнулъ онъ, а глаза такъ и заискрились, пуще огнемъ зловѣщимъ заблистали.

— Съ какой радости мнѣ лгать-то тебѣ? усмѣхнулась Глафира. Не лгала я тебѣ, когда разлюбила, прямо сказала... Да, Мишенька, кончилось мое счастье, отняли у меня парня...

Огородникъ порывисто шагнулъ къ Глафирѣ.

— Такъ... такъ свободна, стало быть?.. Опять, стало быть, полюбить меня можешь?.. Глаша, полюби!..

Онъ хотѣлъ было обнять красавицу, но она отстранила его и быстро отодвинулась.

— Э, нѣтъ, погоди!.. Ты заслужи сперва любовь мою...

— Да чѣмъ?.. Говорю, все отдалъ тебѣ... Развѣ башку мою безталанную надо, такъ возьми, отдамъ...

— Нѣтъ, не то... Ты присядь, Миша, выслушай меня...

Огородникъ опустился на лавку. Глафира сѣла рядомъ.

— Сказала я тебѣ, что отняли у меня Яшу... Слышалъ?

— Слышалъ...

— Ну, такъ вотъ и надо мнѣ ту разлучницу мою...

Глафира остановилась. Грудь у ней высоко поднималась, ноздри раздувало какъ у горячаго коня.

— Надо мнѣ со свѣта ее сжить! договорила она...

Она помолчала опять.

— Такъ вотъ, Миша, коль хочешь ты опять въ дружбѣ со мною жить—исполни волю мою... Исполни, и я твоя... Вотъ какъ полюблю—больше прежняго!..

Огородникъ повѣсилъ голову.

— Убить, стало-быть, прикажешь? глухо спросилъ онъ.

— Убить...

— Убить... Гулякой былъ, добро свое расточилъ, пьянствовалъ, до кражи доводилъ себя, а убійцей не былъ. Что же—грѣхъ коль полюбилъ человѣка, не отойдешь отъ него... Посылай, убью!..

Онъ всталъ и дико оглянулся.

— Все равно... Хотѣлъ нонѣ на себя руки наложить, наложу на другого... Ну, Глафира, помни ты, что я за тебя гублю себя... Коль опять ты обманешь...

Глафира засмѣялась.

— Не страшай, не труслива я!.. Я безъ любви да безъ даски жить не могу—Яшки не будетъ, тебя буду такъ же любить...

— А коль я разлучницу твою со свѣта сживу, онъ опять твой будетъ...

Глафира потупилась на секунду и чуть, чуть усмѣхнулась.

— Нѣтъ... Узнаетъ онъ, чьихъ рукъ дѣло, и отвернется отъ меня... Съ тобой, Миша, проживемъ; замужъ за тебя пойду, хозяиномъ въ домѣ сдѣлаю...

— Глаша! воскликнулъ огородникъ и снова было хотѣлъ обнять Глафиру, но она опять отстранила его.

— Погоди!.. Пойдемъ въ горенку ко мнѣ, я расскажу тебѣ, кого и какъ надо съ дорожки моей убрать... Пойдемъ...

Черезъ часъ огородникъ ушелъ отъ красавицы и прямо направился въ кабакъ села Коломенскаго.

Мраченъ и задумчивъ былъ онъ и во всю дорогу отъ дома Глафиры до кабака не подымалъ свою, низко опущенную голову...

А Глафира проводила его до крыльца, вернулась въ горницу и остановилась опять передъ зеркаломъ.

„Судьба твоя такая, голубка Маня, себя да красоту свою и вини! сказала она. Сказку такую я слыхала, что была волшебница-красавица и все искала краше себя дѣвицу, а какъ нашла, такъ и погубила... Вотъ и я такъ... Меня, одну меня любить Яша, да немудрено, что полюбитъ невѣсту свою, Маню голубку... Не даромъ ее голубкой зовутъ... Ну, и буду я коршуномъ, и заклюю ту голубку, а тамъ... Э, что будетъ, то и будетъ!.. Мнѣ безъ Яши жить, а ему безъ меня, не пошто, стало быть и вставать промежду нами!..“

И пошла спать красавица, и сладко уснула; а огородникъ въ это время пилъ въ кабакѣ и въ сумерки, не пьяный, а злобный, только побрелъ въ Москву, на Ордынку.

Жилъ тамъ почтенный старичекъ Павелъ Ивановичъ Ушинъ, съ своей единственной дочкой Маней, которую въ дѣтствѣ еще голубкой прозвали.

Другомъ-пріятелемъ лѣтъ десять прожилъ старикъ Клокочевъ съ Павломъ Ивановичемъ Ушинымъ. Дѣло съ нимъ дѣлалъ, хлѣбъ соль водилъ и уважалъ почтеннаго старика.

— Вотъ, Павелъ Ивановичъ, дочка двоя подростетъ и женимъ мы на ней Якова моего, коль онъ ей не противенъ будетъ, а тебѣ по душѣ, часто говаривалъ Клокочевъ своему пріятелю.

— Съ великой радостью, другъ!.. Коль случится это при жизни моей—покойно умирать буду, зная, что голубка моя въ хорошемъ добромъ домѣ будетъ...

На томъ старики и порѣшили. А Маня росла да росла и хорошѣла. Какъ, бывало, звалъ ее отецъ „голубкой,“ такъ и прослыла она подъ этимъ названіемъ. Голубкой и была она. Пригожая, красивая, ласковая, кроткая—на радость была она не только отцу старику, не только роднымъ своимъ, а и всему знакомству,—вся округа любила ее и „голубкой“ звала. Яковъ Клокочевъ полюбилъ ее давно. Любилъ тихо, покойно, любилъ не какъ невѣсту, а какъ сестру милую, и ждалъ того дня, когда онъ возьметъ ее и назоветъ своею,—да увидалъ Глафиру и забылъ все, и весь отдался чаровницѣ-огородницѣ.

III.

Ужъ какъ горевала, какъ тосковала „голубка“ Маня, когда узнала, что разлюбилъ ее Клокочевъ!

Первое время она все спрашивала про него у старушки няни, которая вынянчила ее и теперь жила вмѣсто хозяйки въ домѣ овдовѣвшаго Павла Ивановича.

Старушка знала причину отсутствія нарѣченнаго жениха, слышала про нее, но таила истину отъ своей питомицы,—все еще боялась огорчить ее.

— Придетъ твой Яковъ Григорычъ, придетъ, голубка моя! говорила она. Парню молодому да еще торговому нельзя же день деньской у невѣсты своей сидѣть—у него другія дѣла есть... Свадьба ваша еще не сейчасъ, еще, гляди, годъ ждать будете ее, такъ еще наглядитесь другъ на друга...

Маня ждала.

Но снова шли дни за днями, а жениха не было. Старикъ отецъ пасмурный такой ходить, думу какую-то на душѣ таить и при разговорахъ о Клокочевыхъ тѣнь у него по лицу пробѣгаетъ.

„Нѣтъ, неладно что-то,“ съ тоскою рѣшила Маня и надумала спросить обо всемъ у отца.

Старикъ, чуть не первый-ли разъ въ жизни, разсердился на свою дочку.

— Чего съ разспросами лѣзешь? сказалъ онъ и голосъ даже возвысилъ. Развѣ пристало молоденькой дѣвченокѣ о молодомъ парнѣ спрашивать?.. Отца бы постыдилась, глупая!..

— Батюшка, да вѣдь онъ... онъ женихъ мой... Онъ не чужой, робко сказала Маня.

— Женихъ, женихъ!.. Былъ женихъ, да сплылъ...

Маня побѣлѣла вся; на ногахъ едва устояла.

— Сплылъ?.. Какъ сплылъ? Куда сплылъ? спросила она и взяла отца за руку, трясетъ его, уцѣпилась такъ, что и не оторвешь.

— Ты скажи мнѣ, тятенька, правду скажи!.. Ты знай, что я... что я безъ него жить не могу!.. Умру я безъ него!.. Мой онъ, мой!..

Глядитъ старикъ на дочку, не узнаетъ ее. Другая передъ нимъ Маня, да и только!.. Глазки засверкали, лицо словно полотно бѣлое, губы трясутся, а рѣчь звучить такъ рѣзко, строго, отчета спрашиваетъ.

„И впрямь такъ, „думаетъ старикъ,“ и впрямь она должна спросить отчета; вѣкъ съ той мыслью жила, что это женихъ ея, что всегда она съ нимъ будетъ, и вдругъ... Эхъ, скажу ей всю правду!.. Надо же когда нибудь говорить!..“

— Коли такъ ты со мной, дочка, заговорила, коль не ребеночекъ ты малый, о куклѣ скучающій, а нарѣченная невѣста, о женихѣ пытающая, такъ скажу я тебѣ всю правду: бросилъ тебя Яковъ, другую полюбилъ!..

Дрогнула Маня. Выпустила руку отцовскую и отошла. Точно поблекла вся, завяла вдругъ. Точно ростъ, да цвѣлъ цвѣточекъ на привольѣ, а его взяли, да огнемъ и спалили. Сразу поблекъ и свернулся.

— Полюбилъ другую! прошептала она упавшимъ голосомъ. Полюбилъ... Да развѣ можно такъ!.. Какъ же это?.. Гм!..

Прошлась по комнатѣ, остановилась у окна и глядитъ на улицу, точно сама съ собою говорить.

— Полюбилъ другую... Вотъ я отца люблю, все отдамъ за него, жизни не пожалѣю и мой онъ, родной... Могу развѣ я другаго такъ полюбить?.. Да нѣтъ, нѣтъ—не могу! Такъ ужъ и не полюблю

другаго, не могу... Я Яшу люблю... Люблю и тоже другаго не люблю, на него не промѣняю, какъ же это такъ?.. Какъ же онъ то?.. Говорилъ, любилъ, женихомъ былъ... Боже мой! Вѣдь, онъ, передъ Господомъ клялся мнѣ!.. Да, да, клялся!.. Я и не просила, а онъ самъ... Въ саду тогда, весной нонче... Указалъ на небо,—синее, синее тогда небо было такое,—указалъ, да и говорить: „вотъ, говорить, на этомъ небѣ далеко въ Богъ живетъ и все, все видить, такъ Богомъ я клянусь тебѣ, что никогда тебя не разлюблю!“ Такъ и сказалъ... Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя...

Старикъ глядѣлъ, глядѣлъ на дочку, и обливалось его отцовское сердце кровью.

Подожелъ онъ къ ней, положилъ ей на плечи руки и поцѣловалъ.

— А ты, дочка, не горюй, выкинь тяжелыя думы изъ головы... Ну, коли онъ такъ поступилъ, такъ и Богъ съ нимъ... Я тебѣ другаго жениха найду... Хорошаго жениха...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! быстро сказала Маня. Онъ вернется, онъ придетъ.

Она подумала и вдругъ въ глазахъ ея отразился ужасъ. Страшные стали такіе эти кроткіе всегда глаза, остановились какъ-то, застыли словно. Дрожь по всему тѣлу прошла у старика, когда взглянулъ онъ на эти глаза. Волосы сѣдые зашевелились на головѣ.

— Доченька, что съ тобой?.. Что ты страшная какая?.. Голубка моя, Маня дорогая, что съ тобой?

Спрашиваетъ старикъ, а самъ дрожитъ весь.

— Знаешь-ли что, тятенька? прошептала Маня. Вѣдь, она... она... разлучница-то моя — она должно быть... околдовала его!.. Да, да, такъ!.. Вотъ онъ, и забылъ меня... Меня забылъ и клятву забылъ!.. Тятенька, тятенька, голубчикъ, иди ты къ нему!.. Скажи, чтобъ онъ молился, жарко молился!.. Постъ-бы на себя наложилъ... Это колдовство, колдовство!.. Околдовали его!.. Иди, тятенька, сейчасъ-же иди!..

Старикъ усадилъ Маню, воды ей подалъ.

— Ты успокойся, голубка моя, ты побереги себя... Лягъ поди, отдохни... Вись, какъ дрожишь вся... Лихорадка у тебя...

— Да нѣтъ, ничего я!.. Иди, сейчасъ же иди, тятенька!.. Умру

я, знаю, что умру, если... Вотъ такъ и отрывается у меня что-то внутри...

— Господи Христе! воскликнулъ старикъ. Спаси ее Царица Небесная, Владычица!.. Пойду, пойду, Марьюшка, поговорю съ нимъ, а ты прилягъ, успокой себя...

— Я молиться буду... Иди...

Встала Маня. Блѣдная вся, помертвѣлая, дрожить какъ въ недугѣ.

— Иди, тятенька! тихо, но повелительно сказала она и встала передъ иконами на колѣни...

Осторожно вышелъ старикъ, проворно одѣлся и пошелъ къ своему пріятелю Клокочеву.

„Схожу, поговорю, Якова повидая,“ думаетъ онъ, спѣшно идя по потемнѣвшей уже улицѣ и даже объ извозчикѣ забывая въ думкахъ. „Все скажу, правду скажу—авось и пожалѣетъ, авось не захочетъ погубить меня, старика, и дочку мою...“

А старикъ Клокочевъ, въ это время зналъ ужъ про зазнобу сына своего. Сперва отъ досужихъ кумушекъ намеки все слышалъ и то гонялъ ихъ, то подсмѣивался, да какъ пристала къ нему жена съ ножомъ къ горлу, чтобъ спросилъ онъ у сына, что такая за красавица у него завелась,—послушался и спросилъ.

Яковъ зналъ нравъ отца и никогда не лгалъ передъ нимъ, когда тотъ вопросы ребромъ ставилъ. Всегда правду отвѣчалъ. Въ отца тоже пошелъ—кривить душой не любилъ.

— Да, батюшка, люблю... Коли воля ваша будетъ—буду просить благословенья вашего, сказалъ Яковъ Григорьичъ.

— Кто же такая она?.. Что за Миликтрису Кирбитьевну, отца не спросясь, нашелъ? сурово спросилъ старикъ.

— Вдова... Въ Коломенскомъ огорода у ней... Женщина она простая, русская... Вамъ, батюшка, она понравится... Не модница, не франтиха съ Кузнецкаго...

— Гулящая бабенка, говорятъ... слыхалъ я, что мужа гульбой извела, то съ однимъ, то съ другимъ шуры-муры заводила...

— Что было, то прошло...

— Прошло!.. То-то прошло... Мнѣ такую сноху не надо... Вотъ, свезешь на кладбище, такъ кого хочешь бери, а пока живъ я—позору въ свой домъ не допущу... Слышишь?

— Слышу, батюшка.

— Машу Ушину забылъ?.. Кажись, слово дано, почти что Богу помолились... Къ свадьбѣ готовься, въ мясоѣдѣ надо кончить это дѣло...

— Я, батюшка, на Марьѣ Павловнѣ не женюсь, твердо, словно отрѣзалъ, сказалъ Яковъ Григорьевичъ. Если вашей воли не будетъ благословить меня съ этой... — воля ваша, а на другой я не женюсь... Я такъ полагаю, что если противъ своего желанія въ бракъ вступить, такъ и себя и ее несчастными сдѣлаешь...

— Гм!.. Стало быть, слово твое вѣтеръ? Даль слово, а потомъ и на попятный!

— Въ такомъ дѣлѣ лучше слово свое не сдержать, чѣмъ сдержать, да двоихъ человѣкъ на всю жизнь несчастными сдѣлать...

— Такъ!.. Больно разуменъ сталъ что то, умъ бы за разумъ не зашелъ... Ступай да подумай обо всемъ, а насчетъ той, насчетъ огородницы то Коломенской—думу изъ башки выкинь!..

Послѣ этого разговора старикъ еще два раза принимался говорить съ сыномъ, но онъ все стоялъ на своемъ и наконецъ плюнулъ старикъ, рукой махнулъ. Понялъ, что такимъ же кряжемъ сынъ вышелъ, какимъ и онъ былъ, и рѣшился ждать пока. Только на томъ настоялъ старикъ, чтобъ Яковъ самъ сходилъ въ Ушинымъ и самъ сказалъ и отцу, и дочери о своемъ рѣшеніи: этого де честь твоя требуетъ, и если даль слово, такъ самъ и назадъ его выпроси.

Яковъ согласился и пошелъ.

Это было въ тотъ самый вечеръ, когда Маня узнала всю правду и послала отца къ Клокочевымъ за отвѣтомъ, такъ что Павелъ Ивановичъ не засталъ Якова.

— Къ вамъ ушелъ, сказалъ ему старикъ Клокочевъ, выслушавъ скорбныя рѣчи стараго пріятели. Погоди, Иванычъ, авось и уладится все... Самъ ты знаешь, что неволить на такое дѣло нельзя, и меня ты, старый пріятель, не вини... У тебя сердце болитъ, да и у меня оно ноетъ... Будемъ милости Божіей ждать; знаешь, нонѣ время такое пришло, что дѣти изъ родительской воли выходить стали... И удержалъ Клокочевъ пріятели у себя, пусть де молодежь свидится тамъ, поговорить, авось и поладятъ...

Стемнѣло.

Тускло мерцали фонари на отдаленныхъ отъ центра города улицахъ. Тихо такъ, пустынно стало.

У воротъ купеческихъ домовъ дворники дремлютъ, собаки на дворахъ звенятъ цѣпами и лаютъ. Въ окнахъ тамъ и сямъ мелькаютъ огоньки. Около дома Ушиныхъ, по переулку, въ который выходитъ большой садъ, ужъ съ часъ времени бродить какой то человекъ. Пройдетъ въ одну сторону, вернется, опять поближе подойдетъ, а если по пустынному переулку идетъ кто—станетъ въ тѣни забора и выждетъ, пока пройдетъ человекъ.

Ждетъ кого то, все на домъ поглядываетъ.

Вотъ видно и дождался, бѣжитъ отъ дома мальчикъ прямо къ нему.

— Ну?.. Что? хрипло спросилъ онъ у мальчика.

— Сказалъ... Марья Павловна сказала, что приходи де въ садъ, черезъ заборъ приходи, она выйдетъ...

— Ладно... Ты какъ сказалъ?

— Отъ Якова, молъ, Григорыча человекъ пришелъ, хочетъ говорить о чемъ то и велѣлъ въ садъ выйти къ нему...

— Никто не слыхалъ тебя?

— Нѣтъ, дяденька... Я сдѣлалъ, какъ ты велѣлъ, украдкой... Давай, дяденька, на орѣхи то...

— На... рубль на, а тамъ и еще, и еще дамъ, только ты вотъ что...

— Что, дяденька?

— Никому, никогда словечка не промолви объ этомъ!.. Что бы тамъ ни случилось, — молчи!.. Коль скажешь — себя погубишь... Будто и не было ничего, будто ты и не знаешь ничего... Иди...

Мальчикъ взялъ рубль и убѣжалъ. Щедрая награда была дана ему за то только, что незнакомый „дяденька“ попросилъ тайкомъ дочку хозяйскую въ садъ вызвать. И денегъ такихъ мальчикъ у себя не видывалъ. Добрый, знать, дяденька...

„Дяденька“ этотъ былъ огородникъ Мишка.

И недѣлю онъ пилъ, и другую пилъ, до того допилъ, что и самъ себя забывать сталъ. Много народу переколотилъ въ это время, много буйствовалъ, а не могъ исполнить порученія чаровницы своей, Глаши красавицы.

Придетъ къ ней, бросить къ ногамъ ножъ отточенный и скажетъ:

— На вотъ тебѣ, зарѣжь меня, а я не могу, не могу!.. Все могу, а на невиннаго человѣка рука не поднимется!.. Не пойду я, лихо-дѣйку твою убивать!..

И засмѣется надъ нимъ Глафира Степановна, и тѣшится, и доведетъ до того, что схватить онъ ножъ и убѣжить... Убѣжить и опять вернется.

Надумалъ таки, довела его красавица, пошелъ...

Вотъ и въ саду онъ, вотъ и придетъ сейчасъ дѣвушка.

Ножъ въ рукѣ стиснулъ и не дрожить сегодня рука, только передъ глазами круги какіе то красные ходятъ, да сердце бьется... Такъ бьется, такъ бьется, что слышитъ его бѣненіе Мишка въ тиши ночи, и страшно ему, все думаетъ, что идетъ кто то.

Но никого нѣтъ. Тихо въ саду. Кое гдѣ листокъ завялый сорвется и зашелеститъ, падая на землю. Птица гдѣ то встряхивается на деревѣ, а со двора слышно, какъ собака бѣгаетъ и звенить цѣпью.

Страшно огороднику.

Вотъ онъ стоитъ тутъ и пока еще человѣкъ, какъ человѣкъ. Пропоецъ, кабацкій засѣдатель, но не преступникъ.

Вотъ бросить пить, образумится, снова человѣкомъ станетъ, снова и почетъ и уваженіе отъ людей, а тутъ...

Преступникъ! Убійца!

Страшно Мишкѣ. Вотъ, вотъ бросить онъ ножъ и убѣжить. Зажмурилъ глаза огородникъ и какъ живая встала передъ нимъ красавица Глафира. Смѣется, манитъ его къ себѣ, объятія раскрыла... Иди, люби меня!..

Очи любовью горятъ, уста полуоткрыты, косы разметались по плечамъ.

Стиснулъ зубы огородникъ, скрипнулъ ими и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Скоро ли? прошепталъ онъ, хватая себя за голову. Одинъ бы ужъ конецъ, что ли. Иди, дѣвица красная, иди, прими смерть отъ меня, отъ грѣшника окаяннаго!.. Самъ вѣдь, на себя руки наложу, такъ ужъ лучше такъ вотъ. Тебѣ знать, судьба такая, отъ судьбы своей не уйдешь.

Вотъ скрипнула въ садъ со двора калитка.

— Идетъ! прошепталъ Мишка. Идетъ... Все кончено.

Онъ сошелъ съ тропинки и спрятался за кустъ.

Послышались спѣшныя шаги... Ближе, ближе.

— Послушайте! Раздался взволнованный дѣвичій голосъ. Послушайте! Кто меня звалъ?.. Гдѣ посланный отъ Якова Григорьевича?..

— Здѣсь! съ какимъ то стономъ въ голосѣ отвѣтилъ огородникъ и стиснулъ ножъ. Сюда иди... Маня порывисто бросилась на этотъ призывъ...

IV.

У Мани была собака, громадная, съ медвѣдя средней величины, овчарка. Привели ее приказчики щенкомъ, для цѣпи выкормить хотѣли, но Маня, большая она была охотница до всякихъ домашнихъ животныхъ, выкормила ее, выходила, и выросшій съ добраго теленка песъ съ чисто собачьей вѣрностью привязался къ хозяйкѣ: не отходилъ отъ нея ни на шагъ, грозно рычалъ, если кто нибудь хоть шутя хотѣлъ обидѣть ее; мысли понималъ своей хозяйки, угадывалъ каждое ея желаніе. Угрюмо забивался онъ въ уголъ и протяжно вздыхалъ, когда она, опечаленная чѣмъ нибудь, ходила не въ духѣ, и радостно прыгалъ съ громкимъ лаемъ, когда она была весела и съ пѣсенками гуляла въ саду, или качалась на качеляхъ.

На цѣпь умнаго пса сажать было совершенно не затѣмъ: онъ былъ днемъ кротокъ, какъ овечка, а ночью бродилъ по двору и однимъ своимъ лаемъ могъ прогнать десятокъ воровъ, а когда одинъ разъ прогнанный за пьянство рабочій хотѣлъ было попробовать ночью прочность хозяйскихъ замковъ — песъ такъ отдѣлалъ его, что вора отправили въ больницу. Звали этого пса Полканомъ. Маня, отправляясь въ садъ, не пустила съ собою Полкана, погрозила ему и плотно затворила за собою калитку; но чуялъ бѣду вѣрный песъ и не послушалъ на этотъ разъ свою хозяйку. Ударился онъ могучей грудью въ калитку, распахнулъ ее и помчался въ догоню бѣгущей Мани. Шлепъ, шлепъ, шлепъ! слышитъ она его быстрые шаги по сырому песку дорожки.

Вотъ онъ впереди ее. Остановился, быстро глянулъ на незнакомаго человѣка, насторожилъ уши, и когда этотъ человѣкъ шагнулъ впередъ на голосъ Мани, — Полканъ рванулся и бросился ему на грудь...

— Ай! хрипло крикнулъ огородникъ и упалъ, выронивъ ножъ. Ай!.. Спасите!.. Помогите!..

Хриплы, глухи были эти крики, вырывающіеся изъ сдавленной могучей хваткой глотки, но Маня слышитъ ихъ... Боже, посолъ ея Яши въ зубахъ разъяреннаго пса!.. Она бѣжитъ, она хватается сучекъ и бьетъ имъ собаку съ отчаяннымъ крикомъ, но Полканъ не слушаетъ, не смотритъ ни на что... Онъ впѣпился въ воротъ врага, прихватилъ часть шеи и рветъ, и треплетъ, и бьетъ его объ землю. Хватается Мишка одной рукой, за собаку, другой судорожно шарить по землѣ, отыскивая ножъ, и стонетъ въ неравной борьбѣ... Вотъ, вотъ схватить его разъяренный песъ за горло и задавить... Фыркаетъ песъ прямо въ лице врага, обдаетъ его жаркимъ дыханіемъ, и видитъ Мишка сверкающіе глаза, и ощущаетъ на шеѣ нестерпимую боль отъ страшныхъ зубовъ, которые рвутъ мясо и сейчасъ, сію минуту схватятъ за горло.

Страшно!.. Страшно такъ умереть...

Маня въ отчаяніи схватила собаку за косматую шерсть, гладитъ ее, но Полканъ еще съ большимъ остервенѣніемъ треплетъ свою жертву и злобно рычитъ, впиваясь зубами все глубже и глубже... Маня забыла тайну свиданія, забыла все, она видѣла лишь погибающаго человѣка и громко, отчаянно закричала...

По саду раздались спѣшныя шаги.

— Что такое?.. Что случилось?..

— Маня, голубка, что тутъ? услышала Маня голоса и, бросившись на нихъ, столкнулась съ Яковымъ Клокочевымъ и ночнымъ дворникомъ.

„Онъ зачѣмъ тутъ?“ мелькнула у Мани мысль при взглядѣ на Клокочева... Но послѣ, послѣ это, теперь надо спасти того.

— Вонъ тамъ... въ кустахъ... Полканъ человѣка схватилъ!.. Того... твоего человѣка... спасите его!..

Клокочевъ бросился впередъ и схватилъ Полкана за ошейникъ. Тотъ глянулъ на него съ боку и затѣмъ не бросался больше на

врага, узналъ въ пришедшемъ своего... Теперь ничего, теперь тутъ свои...

Клокочевъ быстро наклонился надъ лежащимъ и вскрикнуть отъ изумленія.

— Мишка!.. Ты тутъ какъ?..

Вдругъ онъ выпрямился, схватился за голову и все понял... Все... Его взглядъ упалъ на сверкающій въ темной зелени травы большой ножъ...

Клокочевъ понял, зачѣмъ тутъ огородникъ. Онъ быстро нагнулся, схватилъ Мишку за воротъ и поднялъ съ земли.

Полканъ грозно заворчалъ было, но умолкъ, схваченный Маней.

— Зачѣмъ?... Зачѣмъ здѣсь? шепотомъ спросилъ Клокочевъ, наклонясь къ самому лицу огородника. Кто прислалъ?.. Зачѣмъ?.. Ну, говори, а то брошу вотъ собакъ и разорветъ тебя, гадину!.. Ну?..

Дворникъ было подбѣжалъ и хотѣлъ вязать кушакомъ пойманнаго, принявъ его за вора, но Клокочевъ отстранилъ его.

— Не надо... Иди, Григорій, я справлюсь тутъ съ нимъ... Свой воръ-то, знакомый... Иди... Идите и вы, Марья Павловна, я приду тотчасъ...

Маня остановилась было въ раздумьѣ, но, спросивъ Якова, придетъ-ли онъ — пошла, когда тотъ ласково, задушевно, по старинному сказалъ ей:

— Приду, голубка... Затѣмъ и шелъ, чтобъ у тебя быть... Иди, я сейчасъ...

Огородникъ опустилъ на грудь голову и тяжело дышалъ. Руки у него повисли, какъ плети, ноги подгибались и не держи его Клокочевъ—онъ бы упалъ.

— Говори все по правдѣ, сказалъ ему Клокочевъ, когда отошла Маня, сопровождаемая дворникомъ. Зачѣмъ тутъ?.. Меня искать тутъ не пошто — знаешь, что не бываю теперь тутъ, такъ стало быть Маню искать?.. Къ ней пришелъ?

— Къ ней, глухо сказалъ огородникъ.

— Глаша послала!

— Она...

— Вѣдьма злая, проклятая! злобно прошепталъ Клокочевъ.

— Убить подослала?

— Убить...

— А ты и пошелъ?.. Невинную кровь пролить хотѣлъ?.. Чѣмъ подкупила? Заплатила, много-ли?

— Мнѣ все равно погибать... Я человѣкъ погибшій...

Отчаяніемъ звучала глухая рѣчь Мишки, дико блуждали его глаза... Погибшій, какъ есть погибшій...

— Вѣдьма, должно быть, она и есть, колдунья злая! проговорилъ Клокочевъ и повѣсилъ голову, выпустивъ изъ рукъ огорожника. Тотъ безсильно опустился на траву и схватился за голову обѣими руками.

Прошло минуты двѣ.

— Мишка! сказалъ Клокочевъ.

Огородникъ сидѣлъ.

— Вставай, Михайло, иди къ колдунѣ, къ Коломенской...

— Ты развѣ въ острогъ меня не поведешь, подымаю голову огорожникъ.

— Э, ну тебя!.. Вставай, да иди, пока народъ не собрался... Ножъ-то свой захвати... Брось его, въ землю зарой...

Огородникъ всталъ.

— Иди, ты, Михайло, къ Глафирѣ, свѣтъ Степановнѣ, и скажи ей, что плетъ, молъ, тебѣ Яковъ Клокочевъ поклонъ, а самъ пріѣдетъ передъ свадьбой своей проститься и проститься хорошо!.. Не нужна, молъ, ты ему и знать онъ тебя больше не хочетъ, потому убійцу проклятую любить гадко, молъ, ему, отворотила она мое сердце отъ себя!.. Пусть любитъ тебя, пусть барина того любить, а я... я ее вырвалъ изъ мыслей изъ своихъ, вырвалъ изъ сердца!.. Такъ все и скажи... Любилъ я ее, все бросилъ изъ-за нее, а она, вишь ты, мало вѣрила мнѣ, убить невинную захотѣла, такъ не надо мнѣ ее... Все это скажи!.. И скажи ты ей еще, послѣдній разъ я къ ней, къ вѣдьмѣ, пріѣду, не побоюсь ее и изъ своихъ рукъ за поганья затѣи ея плетью поучу... Пусть ужъ помнитъ меня, окаянная!.. Иди... Черезъ заборъ пришелъ?.. Ну, той же дорогой и иди...

Клокочевъ посадилъ огорожника на заборъ, и тотъ перелѣзъ на улицу.

Слышалъ Клокочевъ, какъ пошелъ Мишка и всхлипывалъ горь-

кими, горькими слезами. Жалко ему стало бѣднаго парня и еще больше, еще сильнѣе закипѣла у него ненависть къ красавицѣ Глашѣ. „Колдунья проклятая!“ думалъ онъ, шагая къ дому. „Ишь ты на что красоту свою употребляетъ — людей губить!.. Господи, Боже мой, какая бѣда-то было стряслась!.. Вѣдь, не будь тутъ Полкашки... ухъ, подумать страхъ!.. И Маня бы, сердечная, погибла, и Мишка бы погибъ ни за что... Погоди-жъ ты, змѣя!.. Это меня Богъ за Маню наказалъ, Глашку на меня попустилъ... Клятву нарушилъ, чистую дѣвичью душу чуть не погубилъ!... Маня, Маня, голубочка моя ясная, теперь ужъ никто меня не отвлечетъ отъ тебя... Женюсь, отца успокою, жену къ себѣ въ домъ красивую возьму, человѣкомъ стану, а то вѣдь, такъ и отъ гибели недалеко... Вотъ онъ, Мишка-то... Не хуже, чай, меня былъ, а погибъ...

И легко, весело стало Якову Григорьевичу; точно цвѣтокъ распцѣлъ у него на сердцѣ. Бодро вошелъ въ домъ брошенной имъ невѣсты и встрѣтился съ отцемъ ея. Вернулся старикъ, не вытерпѣлъ.

Пытливо онъ глянулъ на Якова Григорьевича, не знаетъ еще зачѣмъ пришелъ онъ, не знаетъ, что будетъ. Видѣлъ, какъ Маня прошла изъ сада взволнованная, но радостная такая, видѣлись стало быть, поговорили.

— Что у васъ тамъ случилось? спросилъ Павелъ Ивановичъ. Вора, говорилъ дворникъ, поймали?

— Да Павелъ Ивановичъ, воришко залѣзъ было, да Полканъ потрепалъ его порядкомъ, такъ я отпустилъ — не возиться съ нимъ по судамъ, ну его... Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ, какъ ваше здоровьице?.. Въ попыхахъ-то и не поклонился...

Провелъ старикъ дорогаго гостя въ комнаты, приказалъ самоваръ подать, закуски.

Сидитъ хозяинъ съ гостемъ, молчитъ. Неловко такъ обоимъ. Не знаютъ, съ чего разговоръ начать.

— Скажи что нибудь хорошенькое, Яковъ Григорьевичъ, проговорилъ наконецъ старикъ, и вдругъ страшно ему сдѣлалось, вдругъ „упало“ сердце и похолодалъ онъ весь... Вотъ де скажетъ гость, что проститься пришелъ, что другую невѣсту нашелъ...

— Давно хочу сказать, Павелъ Ивановичъ, да что то языкъ не

слушается, сказалъ Яковъ Григорьевичъ. Виновать я передъ вами и передъ Марьей Павловной, очень виновать...

— Ну?.. Ну, такъ что же?

— Такъ пришелъ прощенья просить...

Клокочевъ всталъ.

— Ужъ простите, Павелъ Ивановичъ, отпустите вину!.. Не взыщите за гульбу мою глупую... Больше-то ужъ не стану... Опять отдайте мнѣ Марью Павловну... Низко кланяюсь вамъ на томъ...

Старикъ употребилъ всѣ силы, чтобъ совладать съ собою, чтобъ холодно и сухо встрѣтить эти рѣчи, выговорить, строго выговорить за все и сказать, что думаю, молъ, я, погоди, но не могъ, совладать съ собою!.. Только что кончилъ свою рѣчь Клокочевъ, какъ бросился къ нему старикъ, обнялъ и зарыдалъ у него на груди сладкими, отрадными слезами... Его Манюшка, его бѣлая голубка, снова счастлива, снова задрѣтеть она!..

— Вотъ спасибо... вотъ хорошо... вотъ такъ! твердилъ старикъ сквозь слезы и цѣловалъ Клокочева.

— Сиди тутъ—я къ тебѣ ее, Маню, пришлю... Выпью сегодня на радости, выпью!

Старикъ быстро пошелъ изъ комнаты, утирая катившіяся слезы. Весело, отратно стало на душѣ и у Якова Григорьевича. Оглянувшись мирную обстановку тихаго домика и покой разлился въ его душѣ.

Чисто все, уютно, лампада передъ иконой Божіей Матери теплится и освѣщаетъ святой ликъ Пречистой Дѣвы, и прямо смотреть такъ ликъ, и благословляетъ на мирную, законную жизнь.

А тамъ... Тамъ вино льется, звенить разгульная пѣсня, слышится любовная рѣчь красавицы, а кругомъ изъ мрака встаютъ блѣдныя лица погубленныхъ ею добрыхъ молодцевъ, готовыхъ на все, готовыхъ на преступленіе, на убійство... Ну ее, эту злую красавицу!.. Только и есть у ней, что красота, а душа... душа порочная, злая... Не подругой жизни можетъ быть та красавица, а забавой, да еще такой, около которой, какъ около огня, обожжешься... Ну ее!.. Вошла Маня.

Лицо сіяетъ счастіемъ, глаза ясные горятъ любовью, чистой, дѣвственной любовью, и много въ нихъ, въ этихъ глазахъ, синихъ, глубокихъ глазахъ, много въ нихъ безмятежнаго покоя и ласки.

— Маня! восторженно проговорилъ Клокочевъ. Невѣста моя дорогая!..

Онъ подошелъ къ ней, взялъ за обѣ руки и наклонился къ самому лицу.

— Прощаешь? Все прощаешь, Маня? Пойдешь за меня? Будешь любить?

— Я... я и не переставала любить! прошептала дѣвушка, покрываясь румянцемъ. Это вы... это ты... разлюбить хотѣлъ, бросить.

— Прости, голубка!.. Теперь за то ужъ никто не отвлечетъ меня отъ тебя, невѣста желанная!

— Эй, вы!.. Да развѣ пристало до храма Божьяго цѣловаться!.. Вотъ я васъ! крикнулъ старикъ, входя въ комнату. Брови сдвинулъ, рѣчь сердитая такая, а глаза смѣются, — никакъ не совладаетъ съ ними старикъ.

Долго просидѣлъ Яковъ Григорьевичъ у будущаго тестя и пріѣхалъ домой, когда все ужъ спали. „Самъ“ только не спалъ. Ходилъ по конторѣ и при входѣ сына бросилъ на него пытливый взглядъ.

— Ну, что, отрывисто, быстро спросилъ онъ.

— Уладили дѣло, батюшка... Буду теперь просить благословенія вашего... Наставилъ меня Господь на путь... Люба мнѣ невѣста...

Шагнулъ Григорій Лукичъ къ сыну, порывисто обнялъ его, поцѣловалъ.

— Спасибо!.. Спасибо, Яковъ! проговорилъ онъ и проворно подвелъ сына въ передній уголъ, снялъ икону Спасителя и размашисто благословилъ ставшаго на колѣни сына.

— Вотъ, вотъ тебѣ мое благословеніе, Яковъ! сказалъ онъ. Помни, что тебя отецъ благословилъ, и помни, что назадъ тебѣ идти теперь грѣхъ, великій грѣхъ!

— Знаю, батюшка... Знаю, да и безъ того не пойду... Корить меня за старое ты не будешь, простишь, а впередъ тоже не будетъ ужъ, въ томъ я передъ Богомъ клянусь тебѣ!

И крѣпко уснули въ эту ночь оба счастливые отца.

А огородникъ брелъ всю ночь въ Коломенское.

Подкашивались у него ноги, горѣла голова, ныли прокушенныя собакой раны.

На разсвѣтѣ пришелъ къ дому Глафиры Степановны и постучался въ окно. Сама она впустила его и быстро, дрожа всѣмъ тѣломъ, которое то горѣло какъ въ огнѣ, то холодѣло и стыло, ввела въ горницу.

— Ну?.. Ну что? крикнула она.

— Да говори же!.. Кончилъ, что ли?

— Нѣтъ...

— Нѣтъ!.. Струсилъ?.. Испугался, щенокъ! Вонъ отъ меня, вонъ!.. Къ дому не смѣй подходить, а то работникамъ велю ребра переломать!.. Вонъ!..

Поднялъ Миша голову и взглянулъ на Глашу.

Гнѣвомъ горятъ глаза, пылаютъ щеки, словно волна перекатная вздымается грудь у красавицы, и еще лучше она, еще краше, чѣмъ ласковая.

— Краса!.. Солнце ясное!.. Ну, погуби, ну, погуби меня!.. Пойду, опять пойду и убью!.. Ты приласкай меня, утѣшь и тогда я ужъ твой... Тогда я ужъ не отойду отъ тебя и какъ песъ брошусь и загрызу, кого укажешь!.. Огонь въ меня вложи лаской своей!.. Яковъ ужъ не любить тебя... Бросилъ... Сказать тебѣ велѣлъ про это...

Глафира такъ и затрепетала вся.

— Не любить? Сказать велѣлъ?.. Стало быть на Манѣ на своей жениться хочетъ?.. Такъ нѣтъ же, нѣтъ же, Яковъ Григорьевичъ, не бывать этому!.. Миша, иди ко мнѣ... Мой ты будешь, полюблю тебя, только служи ты мнѣ, вѣрно служи...

И жарко обняла Глафира Степановна огородника...

V.

И первый Спасъ прошелъ, и Успеневъ день миновалъ,—приближалась настоящая осень. Дни стали короче; съ закатомъ солнца чувствительной прохладой вѣяло; на деревьяхъ стали появляться желтый листь. Настало „бабье лѣто“, съ свѣтлыми солнечными днями, съ холодными ночами. Природа, словно тяжело больной че-

ловѣкъ, доживала свои послѣдніе дни, и хоть далеко еще было до зимы, но ужъ чуюлось въ воздухѣ ея приближеніе, ея тлетворный ходъ, со смертнымъ приговоромъ красному лѣту, возвѣщался признаками осени.

Грустно въ это время одинокому человѣку. Сильнѣе ноетъ грудь, глубже гложетъ тоска, и встаютъ въ осенніе сумерки призраки прошлаго счастья, и поетъ имъ вѣтеръ погребальную пѣсню, опадающій листъ замѣтаетъ слѣды былаго.

Надъ Коломенскимъ стоялъ гулъ отъ громкаго говора огородниковъ, отъ скрипа телѣгъ, отъ звонкой пѣсни бабъ, которыя рыли картофель, морковь, рѣдьку и весело работали съ утра до вечера, получая хорошій заработокъ. Капусту ужъ снимали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по огородамъ ходили домовитыя купчихи, пріѣхавшія изъ Москвы выбрать себѣ лучшія гряды. Огородники торговали хорошо и словно празднѣе праздновали, то встрѣчая, то провожая богатыхъ гостей изъ Москвы.

Торговала и Глафира Степановна. Въ синей душегрѣйкѣ волжскаго покроя, въ шелковомъ аломъ платочкѣ на головѣ, ходила она по огородамъ и поглядывала на огородниковъ, а пріѣзжіе изъ Москвы купчихи, а особливо купцы, заглядывались на красавицу огородницу и любовались ея гордой поступью, очами красивыми, статностью величавой.

Лучше всѣхъ торговала Глафира Степановна, да не весела что то была она. Сосѣди завидуютъ ей, а она холодно, точно нехотя, беретъ деньги за товаръ, сурово слушаетъ похвалы болтливыхъ покупателей и сумрачная, печальная ходить около своего красиваго домика.

— Затуманилась наша Глафира Степановна — дружокъ милый бросилъ ее, говорили сосѣди.

— Да... Ыздилъ къ ней, ѣздилъ, да и бросилъ... Женится, говорятъ, на купеческой дочери на богатой.

— Такъ неужто вѣкъ съ Глашкой будетъ! ехидно смѣялись коломенскія бабы. Это вѣдь она только думала такъ, а онъ не дуракъ, гляди!..

— Опять Мишку къ себѣ допустила — не выходитъ почти отъ нея.

— Вотъ это ей, бабѣ деревенской, пара надлежащая!..

— Ну, ей и не Мишка пара! замѣчали мужчины. Къ ней вотъ баринъ богатый да красивый ѣздитъ частенько, а не то, что... Баба красавица, что говорить...

— Ужъ вамъ она солнца краше, безстыжія!..

Судачили такъ сосѣди, а Глафира Степановна и не замѣчала ихъ. Пройдетъ мимо, глянетъ словно королева какая—и только.

Не до нихъ ей, не допересудовъ бабьихъ, не до ласкъ мужей невѣрныхъ и парней ласковыхъ.

Придетъ домой, самоваръ ей работникъ подастъ, и сидитъ она за чаемъ часа два, три, да только одно слово, что за чаемъ, а двухъ чашекъ не выпьетъ.

Слушаетъ унылую пѣсенку самовара и молчитъ... Глаза въ одну точку упретъ, не мигаючи, смотреть, а то встанетъ, всплеснетъ руками и заплачетъ, горько, горько заплачетъ.

Мишка огородникъ придетъ и молча сядетъ въ углу, глядитъ на Глафиру Степановну, а подойти боится къ ней: не любитъ Глафира Степановна, когда онъ подходитъ къ ней безъ зова.

Мишка пить бросилъ, за дѣло сталъ приниматься и у Глафиры Степановны бываетъ въ часы свободные, а то работаетъ. Одѣтъ чисто, волосы причесаны, только худъ очень и блѣденъ. Щеки такъ и втянуло у него, глаза впали и горятъ какимъ-то зловѣщимъ огнемъ. У волка такъ горятъ они, когда онъ, злой, голодный, на дорогу выходитъ и готовъ на все—жить, такъ жить, умереть, такъ умереть. только бы вотъ на секундочку счастья отвѣдать, пожить какъ слѣдуетъ.

Въ Москву чуть не каждый день Михайло ходитъ и узнаетъ про житье-бытье Клокочева, а вечеромъ отчетъ Глафирѣ Степановнѣ отдаетъ.

— Ну, что? спроситъ она его, а сама такъ и вопьется глазами въ лицо огородника.

— Былъ, спрашивалъ, нехотя отвѣтитъ тотъ.

— Не мямли, а говори живѣй!.. Что узналъ?

— То и узналъ, что вчера сказывалъ... Новаго ничего нѣтъ... Къ свадьбѣ готовится, у невѣсты бываетъ каждый вечеръ.

Поблѣднѣетъ Глафира Степановна, хрустнетъ руками.

— Его не видалъ?

— Видѣлъ мелькомъ...

— Ну?..

— Что „ну“, — ничего... Веселый, извѣстное дѣло... Женится не противъ воли, по охотѣ, невѣста красавица, молодая, богатая — чего ему еще?

— Дразнишь меня, что ли? крикнетъ Глафира Степановна и зубами ажъ скрипнетъ.

Одинъ разъ огородникъ пришелъ и сказалъ, что видѣлъ Якова Григорьевича, говорилъ съ нимъ — Глаша такъ и затрепетала вся. Схватила его за руки, близко, близко наклонилась къ нему и долго слова выговорить не могла.

— Ну... ну, что же онъ?.. Про меня говорилъ?... Спросилъ про меня?...

— Ничего было не говорилъ, а когда я сказалъ ему, что, молъ, Глафира Степановна соскучилась о тебѣ, пріѣзжай, молъ, провѣдать, такъ сдвинулъ брови и сказалъ мнѣ: „недосугъ мнѣ, говорить, ѣздить, да и не зачѣмъ; скажи, говорить, ей, чтобъ забыла меня, а коль задумаетъ зло какое на меня или на невѣсту, такъ отучу, говорить, такъ, что другой разъ забудетъ...“

— Ха, ха, ха!.. Пугать сталъ!.. Это меня то?.. Аль не знаетъ онъ меня?.. Увидишь опять, такъ скажи ему, чтобъ о себѣ да о кралечкѣ своей подумалъ лучше!.. Онъ, чай, покойно ночи спитъ, думаетъ, что Глаша де сидитъ тамъ, на огородѣ на своемъ да воробьевъ съ грядъ пугаетъ, такъ не ошибиться бы тебѣ, Яковъ Григорьевичъ!.. Я ужъ раньше не умру, пока не натѣшусь надъ ними!.. Да, такъ ему и скажи...

— Ничего я ему не скажу и туда больше не пойду, вотъ что, рѣшительно сказалъ огородникъ. Вотъ если хочешь, такъ его я... убью, а то такъ не мучай меня, не посылай къ нему... Я за нее жизнью своей жертвую, а она... она всѣ мысли о немъ имѣетъ!.. Не пойду я больше...

— Пойдешь, Миша, пойдешь, коли пошлю!..

Глаша походила по комнатѣ и остановилась передъ огородникомъ.

— Вотъ что, Миша, я скажу тебѣ: устрою я себѣ потѣху, от-

веду душеньку и бери меня... Твоя буду, совсѣмъ твоя!.. Женой твоей буду, добро тебѣ все отдамъ, и уѣдемъ мы съ тобой на Донъ— ты же больно хвалишь ту сторону, живаль на ней, — только ты одну мою волю исполни... Одну, послѣднюю... Ужъ я тебѣ такую клятву дамъ, что твоей буду, что нарушить той клятвы нельзя... Да и безъ клятвы я настоящее слово свое сдержу, крѣпкое оно у меня... Исполнишь, Миша?

— Скажи — что?.. Прикажи Яшку спровадить — завтра же готовъ будетъ!..

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. Сохрани тебя отъ этого Бога!.. Тогда я и на глаза тебя не пущу, первая донесу на тебя...

— Любишь ужъ такъ крѣпко его? язвительно и злобно спросилъ огородникъ.

— Да, люблю!.. Что я испугаюсь тебя, что ли?.. Люблю, извѣстно люблю... Люблю и буду любить, но ни онъ, ни ты, никто — не услышитъ объ этомъ и словечка, коли ты исполнишь затѣю мою... Жена твоя вѣрная, послушная, покорная буду...

— Говори!

— Добудь мнѣ ее, разлучницу мою, Маню голубку!.. Силой-ли, лаской-ли да уговоромъ, обманомъ ли, а добудь!.. Въ гости ее ко мнѣ привези... На единый часикъ, на полчасака...

Огородникъ наморщилъ брови.

— Задачи даешь ты мнѣ, Глафира Степановна, нечего сказать! сказалъ онъ, угрюмо потупившись.

— Такъ вѣдь, и отдаюсь тебѣ за это, во власть отдаюсь... Хочешь, женой буду, хочешь — рабой... Знаешь, въ сказкѣ — богатырю одному царевну за жарь-птицу сулятъ — достаетъ онъ птицу-то...

— Такъ то въ сказкѣ!

— Такъ то жарь-птицу!.. Она, можетъ, за тридевятью землями, за семью морями, а тутъ... тутъ пустое дѣло самое... Эка невидаль купеческую дочку въ гости привести!

— Въ гости!.. Хороши гости ей будутъ...

— Да ужъ угощу, ужъ вотъ какъ угощу!..

Огородникъ подумаль и всталъ.

— Вотъ что, Глафира Степановна: изволь, пусть будетъ по твоему — утѣшу я тебя, привезу къ тебѣ дочку купеческую, обду-

маю, какъ сдѣлать это, и привезу, но только уговоръ лучше денегъ—жизни ты ее не лишай...

— Нѣтъ!.. Я себя изъ-за нее губить не буду; я только... Да ужъ будь спокоенъ, Миша, цѣла останется, ты же ее и домой изъ гостей проводишь... Идетъ, Миша?

— Идетъ ..

— А когда? Когда, голубчикъ?

— Ну, это мудрено сказать... Надо выдумать штуку, надо похлопотать, надо знакомство свести...

Огородникъ почесалъ затылокъ.

— Денегъ надо, Глаша, неохотно сказалъ онъ. У меня, сама знаешь, нѣтъ...

Глафира быстро подошла къ коммоду, отперла его, достала небольшой кованный сундучекъ и открыла его.

— Вотъ, бери, сколько хочешь бери! сказала она и подала сундучекъ огороднику.

Тотъ взглянулъ въ него и выбралъ изъ пачки разноцвѣтныхъ бумажекъ, аккуратно уложенныхъ среди сверточковъ съ серебромъ, двѣ двадцатипятирублевая.

— Вотъ пять красныхъ... Я бы не сказалъ тебѣ о деньгахъ, да нѣтъ у меня...

Огородникъ вздохнулъ.

— Изъ за тебя же все прогулялъ, все въ кабаки оставилъ! сказалъ онъ.

— Э, полно, Миша, тосковать—наживемъ!.. Такъ добудь, Миша, утѣшь ты меня, дай ты мнѣ душеньку отвести свою!

Такъ и засверкали глаза у Глафиры, такъ и заискрились. Словно она отъ жажды умирала и увидѣла свѣжую холодную воду, и молила дать ей той воды, пожаръ внутренній залить ею. „Ишь ты! подумалъ огородникъ. Ужъ такая-ли красавица, такая-ли красавица, а сердце какъ есть змѣиное!.. Ну, что-то будетъ, Глафира Степановна, а ужъ живую я теперь тебя не выпущу изъ рукъ своихъ...“

Въ домѣ счастливой невѣсты между тѣмъ шли оживленные приготовления къ свадьбѣ. То и дѣло подѣвжали модистки на извозчикахъ, нагруженныхъ пышными узлами и картонами, приходили

за справками кондитеры, то и дѣло подѣзжали родственники, а подружки Мани такъ безвыходно жили у ней, и словно зацвѣлъ домъ, словно обновился. Яковъ Григорьевичъ посѣщалъ невѣсту каждый вечеръ и видимо все больше и больше привязывался къ кроткой да ласковой красавицѣ.

Старики засядутъ въ гостиной, разговоры ведутъ, къ столу съ закусками подходятъ, нѣкоторые въ карты играютъ, въ старинную, начинающую исчезать игру—въ трынку, а молодежь въ залѣ. Невѣста все съ женихомъ. Ласково глядитъ ему въ глаза, шепоткомъ толкуетъ съ нимъ и не замѣчаетъ, какъ летитъ время, какъ дойдетъ часовая стрѣлка до двѣнадцати, и гости, словно по командѣ, встанутъ и начнутъ прощаться съ хозяевами. На простыхъ предсвадебныхъ вечеринкахъ, кромѣ дѣвишника и сговоровъ, у степеннаго купечества подолгу не сидятъ.

Завтра опять тоже, опять женихъ съ цѣлымъ возомъ конфетъ, опять гости, а барышни, подружки невѣсты, и не ѣздятъ домой, на все это время отпросились. Смѣхъ, шутки, порой визгъ распалившихся дѣвушекъ слышится изъ мезонина до разсвѣта почти и старуха нянька, правительница въ домѣ, разъ пять ходитъ унимать ихъ и то добродушно ворчитъ, то сердится.

Смѣются дѣвушки, вниманія не обращаютъ на старушку. Весело, радостно, точно праздникъ въ домѣ большой вторую ужъ недѣлю.

Одинъ разъ Яковъ Григорьевичъ пріѣхалъ безъ отца и не надолго, такъ какъ на другой день праздникъ какой-то приходился. Лошадь онъ свою отпустилъ домой, за извозчикомъ не послалъ и пошелъ домой пѣшкомъ, благо вечеръ былъ отличный—тихий, лунный. Идетъ Яковъ Григорьевичъ по пустынной улицѣ и видитъ, что изъ переулка, который прилегаетъ къ саду его невѣсты, человѣкъ какой-то вышелъ; постоялъ, заборъ глазами смѣрилъ, папироску закурилъ и пошелъ тихонько къ дому, а самъ посвистываетъ, словно вызываетъ кого. Яковъ Григорьевичъ пріостановился въ тѣни, видѣлъ все и хотѣлъ было идти, надумавъ что это какойнибудь влюбленный свиданія ожидаетъ, но вдругъ свѣтъ луны упалъ прямо на лицо ночнаго гуляки и Клокочевъ вздрогнулъ: то былъ Мишка огородникъ.

„Опять онъ здѣсь! подумалъ Яковъ Григорьевичъ, словно кольнуло его чѣмъ нибудь въ сердце. Не опять-ли съ такимъ умысломъ?.. Господи, храни мою Маню голубушку!.. Я-жъ тебѣ, бродяга ночной!..“

Онъ спрятался за выступъ воротъ и, когда огородникъ поравнялся съ воротами,—схватилъ его за воротъ.

— Зачѣмъ здѣсь? грозно спросилъ Яковъ Григорьевичъ, поднимая огородника мощной рукою отъ земли, а другой рукою быстро обшаривая его карманы—нѣтъ-ли опять ножа или другого оружія.

— Такъ... Не бойся — больше не покушусь на грѣхъ... Все о тебѣ провѣдывать посылаетъ, сказалъ огородникъ, не пытаюсь освободиться изъ рукъ Клокочева.

— Ой, брось ты ее, Мишка! проговорилъ Клокочевъ, выпуская воротъ огородника. Помяни мое слово, что не доведетъ она тебя до добра!.. Вѣдь, уже вотъ какъ я было полюбилъ ее, а отвернуло отъ нея мое сердце, постыла она мнѣ!.. Нехорошая она, злая, бездушная, себя только любить... Послушай, Михайло, брось ты ее!..

— Ишь, наставникъ какой! пробормоталъ огородникъ и смѣрилъ Клокочева такимъ взглядомъ, что сразу понялъ Яковъ Григорьевичъ въ немъ врага, вѣчнаго, непримиримаго, лютаго врага. Сдвинулъ брови Яковъ Григорьевичъ, пожалѣлъ задушевныхъ словъ своихъ, совѣта пріятельскаго.

— Чортъ съ тобой, дѣлай, какъ знаешь! сурово сказалъ онъ. Только вотъ тебѣ сказъ мой: если я тебя увижу около этихъ мѣстъ, да особенно въ такую вотъ пору—я тебѣ лапы перешибу! Понялъ? Ну, вотъ тебѣ мое слово, хопъ ему вѣрь, хопъ нѣтъ, а помни... Прощай теперь... Да, вотъ что: Глашкѣ скажи, что я завтра буду у ней, счеты, молъ, надо свести... Не задумай, Михайлушко, облаву на меня устроить, не боюсь: съ гостинцами въ вапи края ѣзжу и не одинъ, а второе дѣло то, что отбивать у тебя Глафиру Степановну не буду, не требуется... Владѣй, Оадѣй, своей Натальей! Прощай, да не забывай наказовъ моихъ... Полкана берегись—онъ частенько на улицу выходить... Ха, ха, ха!

Клокочевъ запахнулъ въ пальто и пошелъ.

— погоди, Яшенька, смѣяться-то успѣешь! послалъ ему шепотомъ вслѣдъ огородникъ. Не пришлось-бы плакать.

Онъ проводилъ глазами Клокочева, видѣлъ, какъ тотъ прошелъ всю улицу и свернулъ въ переулокъ, а затѣмъ кликнулъ съ угла дремлющаго извозчика и поѣхалъ. Тогда огородникъ снова началъ насвистывать и ходить около забора.

Вотъ хлопнула калитка... Женская фигура въ свѣтломъ платьѣ вышла за ворота и, сунувъ что-то сидѣвшему въ сторожкѣ дворнику, подбѣжала къ огороднику.

Влюбленная-ли была та парочка, дѣловое-ли свиданіе было тутъ, но только не слышалъ любопытный дворникъ ни сладкихъ рѣчей, ни поцѣлуевъ. Проговорила выбѣжавшая горничная Мани, съ огородникомъ и вернулась назадъ, а онъ пошелъ по улицѣ.

— Проводила, Луша, дружка? спросилъ дворникъ, загораживая дѣвушкѣ дорогу.

— Проводила, Степанычъ... Вотъ тебѣ отъ него еще полтина, не болтай, смотри...

— Спасибо... Пошто болтать, не надо болтать!.. Сами были молоды... Иди съ Богомъ, я запру калитку-то...

А огородникъ шелъ себѣ, не торопясь къ Калужской заставѣ. Лошадь у него была тамъ оставлена у трактира.

Шелъ онъ и думалъ о Клокочевѣ. „Эхъ, не худо-бы было отплатить ему за все—и за прежнее горе, и за сегодняшнюю встряску, а пуще всего за то, что все еще любъ онъ Глафирѣ Степановнѣ... Приѣхать общалъ завтра... Вотъ-бы и отплатить... Въ открытую его не возьмешь—не тотъ паренъ, да и шумъ надѣлаешь, а осторожно, умненько... По ростовски-бы ему, или по донски устроить!“ думалъ огородникъ.

Вспомнилъ онъ, какъ оплачивали счастливымъ соперникамъ огородники Ростово-Ярославскаго, гдѣ онъ жилъ; вспомнилъ такую-же почти расплату на Дону у казаковъ; тамъ тоже былъ Михайло, счастья ѣздилъ искать. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, да и вообще въ Ярославской губерніи, парни такія штуки играютъ надъ обидчикомъ,—и самъ это Мишка дѣлывалъ, — разуздаютъ лошадь его, — коль самъ онъ приѣхалъ да лошадь молодая и горячая, — и завяжутъ концы вожжей за оглобли, а подъ сѣделку лошади, чтонибудь острое подсунуть. Какъ сѣлъ молодецъ, купчикъ богатенькій, баловникъ дѣвичій, какъ тронулъ — такъ и понесла его ло-

падь. Удержать не за что, вожжи за оглобли завязаны, лошади больно, колетъ ее сѣделка, и несетъ она, и бьетъ сѣдока. Самое лучшее въ такой забавѣ — если экипажъ изломается по кочкамъ, или лошадь въ безумной скачкѣ ногу свихнетъ и упадетъ, а то бываетъ, что и убьется сѣдокъ.

На Дону еще лучше штуку видывалъ Мишка: подъ сѣдло коню гвоздикъ подложить, остриемъ къ спинѣ лошади, а шляпкой въ сѣдло; чтобъ сразу не кололо коня, такъ подъ гвоздь подсунуть тоненькую щепку или кожу. Какъ только сѣлъ казакъ въ сѣдло, такъ и впился гвоздь въ спину коню и не взвидитъ конь свѣта бѣлаго!.. Пусть тутъ будетъ лихой ѣздокъ, пусть будетъ смиренный конь — бѣды не миновать!.. Мчитъ конь, не слушаетъ ни словъ, ни повода, бьетъ, рвется, бросается въ сторону и, сбивъ сѣдока, — тащитъ его, запутавшагося во время безумной скачки въ стремяна, по полямъ, по камнямъ, по кочкамъ...

И это видѣлъ Мишка.

„Пожалуй завтра, Яковъ Григорьевичъ, пожалуй — угощенье тебѣ будетъ хорошее!..“ злобно шепчетъ онъ и идетъ къ Калужкой заставѣ, полный думъ и заботъ...

VI.

Славный конь у Якова Григорьевича Клокочева!.. Такой конь, что многіе охотники ему очень большія деньги давали, втрое, впятеро больше того, сколько онъ заплатилъ за него, да не думалъ продать его Яковъ Григорьевичъ: „самому, говорить, нуженъ, а барышей мнѣ не надо — не тѣмъ предметомъ торговлю ведемъ.“

Гнѣдой былъ конь, средняго роста, сухошавый, ноги словно струны, глаза черные бойкіе, огнемъ горять, а ноздри такъ и просвѣчиваютъ, жилки сквозь тонкую кожу видны. Горячъ былъ конь, но Яковъ Григорьевичъ приноровился къ нему и ладить съ нимъ хорошо.

Ни въ карты Яковъ Григорьевичъ не игралъ, ни билліарда не зналъ, ни до голубей у него охоты не было, какъ у многихъ его пріятелей, только и забавой былъ ему „Гнѣдой.“ Подсѣдлаетъ онъ его вечеркомъ на заднемъ дворѣ, выведетъ черезъ заднія ворота, —

не любилъ старикъ отецъ этой потѣхи,—баловствомъ барскимъ называлъ, и поѣдетъ прокатиться. Городомъ шагомъ ѣдетъ, сдерживаетъ горячаго скакуна; всѣ руки обтянетъ онъ ему, порывался впередъ и горячася, а лишь только вышелъ за заставу, въ поле—удержу ему нѣтъ. Свиститъ вѣтеръ мимо ушей, дышать трудно отъ могучей скачки, кровь закипитъ въ жилахъ, огнемъ словно всего обхватить. и вѣкъ бы скакалъ такъ, далеко, далеко... скакалъ бы, въ догонку вѣтру перелетному... Житейскія дрязги забываются тутъ, душевный домъ съ заботами, съ хлопотами остался тамъ назади, людей кругомъ не видать, точно и отъ жизни то унесъ лихой конь!..

— Да ни за что, да ни за какія деньги не продамъ моего „Гнѣдого!“ говорилъ тогда Яковъ Григорьевичъ и любилъ скакуна нѣжной любовью, какъ друга, какъ товарища.

Къ Глафирѣ Степановнѣ ѣзжалъ онъ на своемъ „Гнѣдомъ,“ и зналъ конь эту дорогу, хорошо его кормили тамъ, хорошо принимали, съ почетомъ, точно гостя дорогаго...

Вотъ и теперь ходко идетъ красавецъ „Гнѣдой“ къ селу Коломенскому. Поусталъ ужъ, много проскакалъ по широкой дорогѣ и по окрестнымъ полямъ, потѣшилъ хозяина, а лишь попалъ на знакомую дорогу — снова ходко пошелъ, такъ и просить повода, такъ и порывается, дай волю — вихремъ полетитъ: какъ, бывало, леталъ по этой дорожкѣ.

Но не пускаетъ его Яковъ Григорьевичъ, не охотно что то ѣдетъ онъ на сей разъ въ Коломенское.

Помахиваетъ казацкой плетью, а самъ поводъ натянулъ, не даетъ коню хода... Да, ужъ обѣщалъ побывать, обѣщалъ отплатить за все про все Глашѣ — надо ѣхать, а то подумаетъ что струсилъ, хвастаться этимъ будетъ.

Вотъ и пріѣхалъ.

Огонекъ свѣтитъ въ знакомомъ окнѣ, тѣнь чья то чрезъ кисейную занавѣску видна. Подходитъ Яковъ Григорьевичъ къ окну и постучалъ плетью въ раму.

Отдернулась занавѣска, лицомъ, близко совсѣмъ, прислонилась къ стеклу сама Глафира Степановна и, заслонивъ свѣтъ огня, выглянула на гостя... Узнала, отскочила, точно ужаленная, и за-

мерла на мѣстѣ... Минуты три прошло такъ, и наконецъ услыхалъ Яковъ Григорьевичъ ея голосъ черезъ окно.

— Миша, поди, отопри...

— Кто тамъ? послышался глухой голосъ огородника.

— Иди, отпирай да пускай, знай! сурово приказала Глаша. Дорогой гость пріѣхалъ—Клокочовъ, Яковъ Григорьевичъ...

— А!...

Зловѣщимъ чѣмъ то прозвучало это короткое „а!..“ Не то ужъ радость большую оно выражало, не то злость, а пожалуй и то, и другое...

Пощупалъ Яковъ Григорьевичъ револьверъ въ карманѣ и спрыгнулъ съ коня, плетъ за сапогъ засунулъ.

— Милости просимъ! сказалъ огородникъ, отворяя ворота. Вводи коня, Яковъ Григорьевичъ, я ему овса засыплю...

— Спасибо, господинъ „хозяинъ“, не требуется—ненадолго пріѣхали... Хозяйка то дома?

— Принимаетъ гостя, такъ стало быть дома... Милости просимъ... Давай коня то...

Яковъ Григорьевичъ перекинулъ поводъ черезъ голову и передалъ его въ руки огородника.

— Потрудитесь привязать, господинъ хозяинъ, съ усмѣшкой сказалъ онъ, да вѣдь, вы, поди, сердиты на меня, такъ не вздумайте худо сдѣлать, коня, напримѣръ, увести — себѣ бѣду надѣлаете, потому мой конь чужаго убьетъ...

— Это точно что убьетъ, потому конь горячій, молодой, также усмѣхнулся огородникъ. Не извольте беспокоиться, Яковъ Григорьевичъ, пожалуйста...

— А ты то ужъ, другъ милый не ходи, потому мнѣ съ хозяйкой по секрету поговорить, сказалъ Клокочевъ и заперъ за собой дверь рѣзнаго крылечка.

— Эй, Яковъ! стукнулъ ему вслѣдъ по двери огородникъ.

— Что скажешь?

— Если бить ее вздумаешь да крикнетъ она о помощи—я дверь вышибу и убью тебя... Ружье тутъ у меня есть... Ты помни это! съ дрожью въ голосѣ сказалъ огородникъ, угрожающе стуча кулакомъ о перила лѣстницы.

— Не беспокойтесь, сударь, не закричить, помощи не запросить! отозвался черезъ дверь Клокочевъ и вошелъ въ комнату.

Облокотившись одной рукою о край стола, а другую прижавъ къ груди, стояла по среди комнаты Глафира Степановна. Вся кровь сбѣжала у ней съ лица, точно мраморное стало оно, точно не живое, только глаза сверкали изъ подъ черныхъ бровей.

— Яша! вскрикнула она и бросилась къ Клокочеву, но онъ оттолкнулъ ее, такъ что упала она почти на лавку, и едва удержалась на ногахъ.

— Прочь, змѣя!.. Какой я тебѣ Яша?.. Пристало развѣ убійцѣ меня Яшей называть?.. Поди въ острогъ, да каторжника какого нибудь Яшей и называй!.. Не Яша я тебѣ, а врагъ лютый...

Клокочевъ сѣлъ на лавку и устремилъ на поникшую головой Глафиру Степановну грозный взглядъ.

— Убить, вишь ты, неповинную хотѣла! заговорилъ онъ. Двоихъ погубить захотѣла... Одну въ могилу, а другаго на каторгу... Змѣя, змѣя!.. Вѣдь у ней отецъ есть, вѣдь онъ ею только и живетъ, а ты... ты убійцу подослала!..

— И убью! хрипло такъ, черезъ силу выговорила Глафира.

— Ой ли? поднялся на ноги Яковъ Григорьевичъ. Неужто убьешь?.. Смотри, на цѣпь не попади, собака бѣшеная!.. Ты вотъ сперва не грозись, а науку прими... Награду за всѣ дѣла свои прими...

Клокочевъ вынулъ изъ-за сапога нагайку и шагнулъ впередъ.

— Изъ любыхъ рукъ, говорятъ, побои не тяжки, а вѣдь я-ль тебя не любилъ, ты ли меня не ласкала...

Нагайка взвилась и съ визгомъ опустилась на пышныя плечи красавицы... Глаша дрогнула и глухо простонала.

— Кричи, Глафира Степановна, зови своего новаго друга на помощь, а я все-жъ поучу тебя...

— Учи... бей... до смерти убей... Не крикну я! проговорила Глаша и только руки стиснула да закусила губы...

Нагайка засвистала въ воздухъ..

— Вотъ и отгостилъ я, хозяинъ дорогой, и кончилось гощенье мое! съ усмѣшкой сказалъ Яковъ Григорьевичъ, выходя на крыльцо. Давай коня, да за постой получай...

— Спасибо, не надо... У насъ не постоянный дворъ, мрачно сказалъ огородникъ и, отвязавъ коня, вывелъ его за ворота. Садись, поддержи я, а то что то шалить онъ... Вишь ногами перебираетъ да ежится, на мѣстѣ не постоитъ... Садись...

Клокочевъ взялся за холку и всунулъ лѣвую ногу въ стремя. Конь отпрянулъ было въ сторону, но Яковъ Григорьевичъ какъ птица влетѣлъ на сѣдло...

Прыгнувъ, какъ раненый звѣрь „Гнѣдой“, взвизгнувъ, какъ визжать только дикія лошади, захваченныя арканомъ прямо изъ „косяка“, и взвился на дыбы.

— Ха, ха, ха! злобно захохоталъ огородникъ. Запалилъ конь то!.. Крѣпче сиди, а то упадешь, лихой наѣздникъ!..

Не слыхалъ ужъ послѣднихъ словъ Яковъ Григорьевичъ—бѣшено помчалъ его конь цѣликомъ по огородамъ, перескочилъ за городъ, вынесъ въ поле и, то бросаясь въ сторону, то взвиваясь на дыбы, то взмахивая задомъ, летѣлъ, тяжело дыша, и ужъ не слушаясь ни повода, ни словъ...

Оврагъ былъ въ этомъ мѣстѣ, зналъ его Яковъ Григорьевичъ, гуливалъ тутъ когда то; вотъ онъ сейчасъ, къ самой рѣкѣ кручей спускается, и взбѣсившійся конь несетъ прямо туда.

— „Гнѣдой“, „Гнѣдой“, что съ тобой? шепчетъ Яковъ Григорьевичъ, натягивая поводъ и ужъ еле держась на сѣдлѣ... Еще минута и все погибло!.. Въ дребезги разобьется и конь, и всадникъ съ кручи оврага, и удержать нельзя—закусилъ конь удила и ужъ лопнулъ одинъ поводъ... Нога запуталась въ стремени отъ бѣшеной скачки, завязъ сапогъ, а то бы бросить лихаго скакуна, броситься съ него на землю; все легче, чѣмъ вмѣстѣ съ конемъ полетѣть въ оврагъ...

Но нѣтъ, нѣтъ спасенья.

— Проклятый огородникъ, это онъ сдѣлалъ что то! мелькнула мысль въ головѣ Якова Григорьевича, и онъ сталъ читать снова молитвы, схватившись руками за дуку сѣдла.

Въ домикѣ огородницы Глафиры Степановны все еще горѣлъ огонекъ, хоть и пробило на колокольный сельской церкви два часа. Подпершись рукою о столъ и положивъ на руку голову, сидѣла Глафира Степановна и плакала... Такъ и лились слезы, словно на-

долго зарядившій дождь. Тихо всхлипывала она и плакала не жгучими злыми слезами, какъ плакала частенько въ эти дни и ночи, а горькими слезами, которыя облегчаютъ всякое горе и благотворной росой падаютъ на изсушенное горемъ сердце.

Мишка сперва сидѣлъ молча въ углу, потомъ попробовалъ было утѣшать хозяйку, но она ему махнула только рукой, и онъ снова отошелъ и сѣлъ въ уголъ, свѣсивъ голову на грудь и дико блуждая глазами.

Клочками повисла на плечахъ красавицы тонкая кисейная сорочка и сквозили сквозь нея бѣлые пышные плечи, а на нихъ, на этихъ холеныхъ плечахъ, краснѣли полосы.

Но не эти полосы, ноющія и саднѣвшія, вызывали слезы Глафиры Степановны, не эта боль заставляла плакать ее, а боль въ сердцѣ, мучительная боль, щемящая боль.

Вотъ перестала она плакать, подняла голову, вытерла глаза рукавомъ и встала.

— Михайло! позвала она задремавшаго въ углу огородника.

Тотъ вскочилъ.

— Что, Глашенька?.. Что скажешь, ясноокая голубушка? нѣжно, участливо спросилъ онъ, подходя къ Глафирѣ.

— Болитъ у тебя сердце по мнѣ, Михайло?

— Ой, какъ болитъ. Глашенька—страшно! Если-бъ можно было, я бы все твое горюшко принялъ на себя.

— Хочешь облегчить мое горе? спросила Глафира и сѣла на лавку, посадивъ съ собой рядомъ огородника.

— Какъ же не хотѣть то!.. Да если-бъ ты словечко одно пикнула, я бы его... лиходѣя-то твоего—тутъ бы вотъ на мѣстѣ и положилъ!..

— Нѣтъ, не то... Не надо этого... А вотъ что, Миша, добудь ты мнѣ разлучницу мою... На единый часъ добудь, на минуточку... Я бы только взглянула на нее, какая она такая есть, что я... я изъ за нее муки такія терплю?.. Взглянула бы я на нее, да и отпустила бы ее.

Глафира вдругъ затрепетала вся.

— Нѣтъ! порывисто встала она и опять заблестали глаза ненавистью. Нѣтъ, не отпустила-бы!.. Пусть бы она также вотъ пому-

чилась!.. Перенесла бы на своемъ тѣлѣ бѣломъ такія же вотъ муки, такими же бы слезами поплакала, такъ же бы сердцемъ своимъ пострадала!.. Ну, добудь мнѣ ее, ну, добудь!..

— Да зачѣмъ тебѣ ее, Глашенька?.. Забудь ты ее, ну ее!.. Ты меня то полюби, и заживемъ мы въ мирѣ да въ покоѣ... Вѣдь ужъ теперь его нѣтъ... Якова теперь нѣтъ...

Такъ и затряслась вся Глафира Степановна, такъ и забило ее...

— Какъ?.. Какъ нѣтъ?.. Ты... убилъ его?.. Да сказывай же! Да говори же!..

Махнулъ рѣшительно рукой огородникъ и силой усадилъ Глафиру.

— Присядь, выслушай рѣчь мою... Всю правду тебѣ скажу, сказалъ онъ.

— Ну?.. Ну?..

— Его безпремѣнно лошадь убьетъ и не доѣхать ему живому... Пусть онъ пропадетъ, проклятый, не отъ моей руки, но я его кровь пролью... Я... я подложилъ подъ сѣдло его коню гвоздикъ... Поводъ надрѣзалъ... Конь взбѣсился, понесъ... Прямо на оврагъ понесъ, огородами... Живому твоему ворогу, моему злодѣю, не быть!.. Мы теперь, Глашенька, одни, нѣтъ помѣхи у насъ... Глаша!..

Огородникъ схватилъ заруки помертвѣвшую Глафиру Степановну.

— Глаша, полюби же ты меня Христа ради, будь ты моей, вѣдь, душу я за тебя погубилъ, окаанный!..

Мишка упалъ головой на лавку и глухо зарыдалъ.

Долго стояла надъ нимъ Глафира Степановна, потомъ приподняла его склоненную голову и ласково глянула ему въ глаза.

— Такъ полюбить?.. Полюбить, что ли? тихо спросила она. Крѣпко любишь меня?

— Нельзя больше того любить, Глафира Степановна! пылко воскликнулъ Мишка.

— Полюблю... Вѣкъ вѣрна буду тебѣ, Миша, съумѣлъ ты завоевать съ бою взять любовь мою!..

— Глаша, да что ты говоришь то! Не шутишь ли ты, Глашенька? вострепнулся огородникъ.

— Не до шутокъ въ такомъ дѣлѣ, голубчикъ!.. Коль ты мужчиной сталъ, коль на проломъ пошелъ—твоя я!

— Глаша!..

— Твоя, на всю жизнь твоя... Охъ люблю я такихъ то, Миша!..

— Любишь?.. Любишь, Глаша?

Такъ и засіяло лицо у огородника, такъ и засвѣтилось все.

— Ну, а его... Якова... не любишь ужъ?

Глафира покачала головой.

— Люблю, все еще люблю, да вѣдь его ужъ нѣтъ... Было и прошло, Миша... У меня счастьеце отняли, да и... Ха, ха, ха!.. Да и у разлучницы моей взяли!.. Спасибо же тебѣ, Миша, коли такъ, спасибо! Такъ тому, стало быть, и быть суждено!.. Доставай, Михайло, вино, выпьемъ на радости!.. По всѣмъ жилкамъ жизнь у меня пошла! Пренная я Глафира стала, а то совсѣмъ было затихла... Ну, ихъ не надо, жить я хочу!.. Давай, Миша выпьемъ!..

— Выпьемъ... Поминки Якову, свѣтъ Григорьевичу устроимъ!..

И долго, долго, до самаго бѣлаго дня бражничала Глафира Степановна съ обезумѣвшимъ отъ радости, отъ прилива счастья огородникомъ.

VII.

На огородѣ, неподалеку отъ Коломенскаго, прикурнувши подъ рогожнымъ шалашикомъ, спалъ огородный сторожъ. Чутко спалъ мужикъ, каждый порохъ кругомъ слышалъ, потому привыкъ сторожить въ темныя ночи осеннія хозяйское добро. Бѣднаго да оборваннаго люда кругомъ много, то и дѣло опустошаютъ огородъ; такъ похозяйничаютъ другой разъ, что убытку хозяину надѣлаютъ, чуть ли не на полсотни рублей, а убытокъ на спинѣ сторожа хозяинъ вымѣщаетъ и вымѣщаетъ крѣпко. Чутко спать сторожъ, все слышитъ,

Вонъ, гдѣ то ворона тяжелая вспорхнула съ придорожной березы и перелетѣла на другую березу. Собака лаетъ вдали, тоже сторожить добро чье-нибудь.

Затихнетъ все кругомъ, словно умереть, даже жутко станетъ въ мертвой тишинѣ... Повернулся сторожъ съ боку на бокъ, поправилъ армячишко и снова задремалъ, вдругъ конскій топотъ слышно стало.

Шибко скачетъ кто то, бѣшено, сломя голову скачетъ; такъ и гудитъ земля отъ звонкаго удара копытъ.

Сторожъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

„Кому бы это такъ скакать?“ думаетъ. „Ночь давно, дорога тутъ много лѣвѣе идетъ, а это вонъ гдѣ скачетъ по огородамъ, къ оврагу. Не конь ли чей убѣжалъ?.. Пожалуй, что такъ... Напортить, анаеема, овощи страхъ сколько... Ишь ты, ближе все. Пойти перенять его...“

Сторожъ всталъ съ пригнѣтаго мѣстечка и вышелъ изъ подъ шалашика.

Топотъ лошадиныхъ ногъ все ближе и ближе... „Ухъ, какъ скачетъ бѣшенный конь!.. Ужъ не нечистая ли сила?“ думаетъ сторожъ и торопливо крестится, а свою сторожевую дубинку сжимаетъ на всякій случай покрѣпче.

Вдругъ въ тиши ночи раздался глухой, обрывистый выстрѣлъ, словно кто нибудь внѣзкомъ хлопнулъ. И не догадаться бы, что это выстрѣлъ, да въ темнотѣ огонекъ блеснулъ, видѣлъ его сторожъ.

Еще не замерло эхо на той сторонѣ рѣки, а ужъ скачка прекратилась. Тихо вдругъ стало, словно и не было ничего.

„Чудеса!“ подумалъ мужикъ и пошелъ на выстрѣлъ, вскинувъ дубинку на плечо.

На полянкѣ, между двумя огородами, въ пяти шагахъ отъ глубокаго и крутаго оврага, стоялъ человѣкъ и держалъ за поводъ лежавшую у его ногъ лошадь. Лошадь откинула голову назадъ и напряженно вытянула крѣпкія, словно изъ стали вылитыя ноги. Она была мертва.

— Эхъ, Гнѣдой, Гнѣдой, шепоткомъ говорилъ неизвѣстный мужчина; зналъ ли ты сердечный, что сегодня конецъ тебѣ будетъ и конецъ отъ руки твоего хозяина!.. Эхъ, Гнѣдой, Гнѣдой... погоди жъ, ты будешь знать меня, Глафира Степановна!..

Человѣкъ такъ задумался, склонившись надъ своимъ конемъ, что и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему сторожъ.

— Эй, окликнулъ мужикъ. Что за человѣкъ тутъ?.. Чего тебѣ надо?..

Человѣкъ поднялъ голову и оглянулся.

— Сторожъ, знать? проговорилъ онъ. Да надо бы вотъ лошадку, —

до Москвы добраться. Подойди сюда, не бойся—я не разбойникъ... Вотъ, вишь, бѣда какая случилась...

Сторожъ подошелъ и наклонился надъ лошадыю.

— Аль убилаесь?.. Э, да у ней изъ головы то кровь идетъ... Какъ это такое сталося?

— Такъ вотъ и сталося... Любилъ вотъ коня пуще всего, никакихъ бы денегъ не взялъ за него, а вотъ пришлось изъ своихъ рукъ убить!.. Застрѣлилъ я его.

— Ну!...

— Да, милый человѣкъ... Понесъ, поводъ вонъ, оборвалъ и не убей я его—онъ бы меня убилъ... Видишь, къ самому оврагу примчалъ.

— Да съ чего же это онъ такъ то?

— А вотъ увидимъ—съ чего.

Незнакомый сторожу человѣкъ наклонился къ лошади и сталъ снимать сѣдло. Подъ войлочнымъ потникомъ нащупалъ онъ теплую, не успѣвшую еще запечсы кровь и, проведя рукой по спинѣ мертваго коня, нащелъ причину бѣшеной скачки: въ спину коня на самомъ чувствительномъ мѣстѣ впился гвоздь. Весь впился, по самую шляпку.

— Проклятый! бѣшено проговорилъ незнакомецъ и вытянулся во весь ростъ, и погрозилъ кому то кулакомъ въ сторону Коломенскаго. Погоди, ты узнаешь меня!.. Вотъ отчего конь понесъ—гляди!..

Сторожъ нагнулся и ахнулъ.

— Ай, родимые, бѣда то какая!.. Гвоздище коню сердечному впился въ спину!.. Ахъ, матушки мои!.. Какъ же это такъ, господинъ честной?

— Да ужъ такъ... Ты, любезный, возьми седло, уברי его, а я завтра приѣду за нимъ и коня уберемъ.

Сторожъ пробормоталъ что то и почесалъ затылокъ.

— Какъ, вѣдь, господинъ... Оно точно што ничаво, а все же опасново... Кто тебя знаетъ. Мало ло што...

Онъ взглянулъ на собесѣдника и подошелъ поближе, разглядѣть его.

— Э, да человѣкъ то знакомый! воскликнулъ онъ. Отъ Глафиры Степановны, знать?.. Яковъ Григорычъ звать то васъ?

— Онъ самый... Знаешь, стало быть, меня!

— Какъ не знать!.. Я жилъ одна у Глафиры то Степановны, видать вашу милость приходилось.

Сторожъ поглядѣлъ на коня и снова почесалъ затылокъ.

— Гм!.. Пожалуй, эта оказія то и не проста вышла...

— А что?

— Да какъ сказать то, господинъ... Оно какъ быдто и неловко...

Коли не въ обиду будь сказано, такъ я скажу...

— Говори, говори...

— Гвоздь то коню, пожалуй, что и подложили добрые люди...

— Гмъ!.. За что же подложили то! За что человѣку бѣду такую задумали сдѣлать?

— Извѣстно, за что—за отбиваніе!.. Глаша то тоже баба досужая... Васъ приголубливала, да, глядишь, и еще кого нибудь ласкала, вотъ оно и вышло...

— Можетъ статья, можетъ статья...

Яковъ Григорьевичъ поднялъ съ земли брошенный револьверъ, сунулъ его въ карманъ, досталъ цѣлковый и подалъ сторожу.

— Вотъ тебѣ на чай, любезный, а ты за это похлопочи для меня: сѣдло завтра утромъ къ Глафирѣ Степановнѣ отнеси, самъ, молъ, приѣдетъ за нимъ, ну, а коня... коня надо зарыть въ землю... Это ужъ я при себѣ завтра сдѣлаю, а ты, коли хочешь, уряднику заяви... Только вотъ что, милый человѣкъ: про гвоздь ты никому не скажывай, не надо это, потому лишніе разговоры, да еще судбища пойдутъ... Набило, молъ, спину сѣдломъ, конь взбѣсился, понесъ и его молъ пристрѣлили... Понялъ?

— Какъ не понять!.. Это вы, господинъ, правильно говорите—лишнихъ словъ болтать не пошто...

Сторожъ взялъ сѣдло, поблагодарилъ за гостинецъ Якова Григорьевича и побрелъ въ сторожку, а Клокочевъ спѣшно пошелъ къ Москвѣ...

Грозно встрѣтилъ было старикъ Якова Григорьевича. явившагося домой на разсвѣтѣ, но когда тотъ сказалъ ему, что ѣздитъ де онъ покататься, да бѣда стряслась—лошадь за городомъ неизвѣстно отчего пала—успокоился и свободно вздохнулъ, когда сынъ, проворно окончивъ дѣла по заводу, переодѣлся и поѣхалъ къ невѣстѣ.

И весь этот и послѣдующіе дни старикамъ оставалось только любоваться на счастье дѣтей. И Клокочевъ, и Павелъ Ивановичъ Ушинъ видѣли и понимали, что между женихомъ и невѣстой установилась прочная, непоколебимо прочная привязанность другъ къ другу и что оба они глубоко счастливы. Счастье это свѣтилось въ глазахъ молодыхъ людей, звучало въ голосахъ. Лишь вступить Яковъ Григорьевичъ на порогъ дома своей невѣсты, какъ словно другимъ человѣкомъ станеть. Голосъ звучить какъ-то мягче, глаза блестятъ кроткимъ блескомъ глубокаго покоя и счастья, весь онъ точно переродится, точно праздникъ великій у него на душѣ. Дома, на заводѣ, при дѣлѣ онъ рѣзкій такой; говоритъ — точно рубить, ходитъ быстро, ступаетъ твердо, движенія такіа быстрыя, порывистыя, а другой разъ такъ крикнетъ на рабочаго или приказчика, что у того душа въ пятки уйдетъ и опуститъ онъ глаза передъ твердымъ строгимъ взглядомъ молодаго хозяина. Самъ старикъ, и тотъ какъ-то смягчивается при сынѣ; выговоръ ему дѣлаетъ, а въ глаза не глядитъ, точно жутко ему отъ холоднаго стального блеска глазъ. На дочь, на жену, на служащихъ старикъ закричалъ—стекла зазвенятъ, примолкнутъ всѣ и дохнуть боятся, а не то что слово поперегъ сказать, Яковъ же Григорьевичъ слушаетъ покойно и порою замѣчаніе свое скажетъ; скажетъ и взглянетъ прямо въ глаза отцу, а тотъ потупится и утишитъ свой голосъ. Да и вообще онъ на сына не кричитъ, не ругаетъ его, а лишь сурово выговариваетъ.

— Словно конь горячій да могучій нашъ Яковъ Григорьевичъ— съ опаской къ нему подходить надо, а то бѣда! говаривали про него рабочіе и хотъ очень любили его, но боялись сильно, въ глаза какъ говорится, глядѣли ему.

И вдругъ этотъ „горячій конь“ стихъ, кроткимъ, ласковымъ сталъ.

Приѣдетъ къ невѣстѣ, возьметъ ее за руки и глядитъ въ очи полный счастья, а вышли посторонніе свидѣтели, остались женихъ съ невѣстой наединѣ — приблизитъ Яковъ Григорьевичъ къ себѣ Маню и поцѣлуетъ ее въ лобъ.

— Голубка! скажетъ. Недаромъ тебя голубкой зовутъ — такая ты и есть... Кроткая, вѣжная, беззащитная!.. Ужъ какъ я люблю тебя—страхъ!.. Въ сердцѣ ты у меня... Не знаю ужъ я, какъ это

и случилось, что я... что я позабывать было тебя сталъ... Теперь этому не бывать, потому чувствую я, что во мнѣ ты... Бьется сердце и ты въ немъ у меня, а коль взять тебя оттуда — жить, кажись, нельзя будетъ... За что, почему я такъ полюбилъ-то тебя?.. Прямо скажу тебѣ, что любилвалъ я, крѣпко любилвалъ... Недавно еще любилъ одну, да все не то... Тамъ жжетъ что-то, словно кипить въ тебѣ что и то любить хочется, то злоба беретъ... Приди въ ту пору кто нибудь, да взгляни она на него ласково — убить можно... Спросишь свое сердце и говоритъ оно, что можно убить, что одинъ шагъ отъ бѣды, а тутъ, при тебѣ... тутъ другое что-то... И любовь-то горитъ въ сердцѣ, и жалость-то какая-то щемитъ его... Помню я, когда мальчикомъ маленькимъ былъ, такъ мать вотъ такъ любила... Бывало, побьетъ, крѣпко побьетъ и ни за что иной разъ, напрасно, а зла противъ нея нѣтъ... Товарищъ побьетъ, иное дѣло: такъ ты вотъ его и стеръ съ земли, такъ вотъ и закипитъ зло, а тутъ съ матерью, ничего, только больно, да обидно... Вотъ и я съ тобой такъ: обидь меня ты, полюби другаго — я знаю, что я зло на тебя имѣть не буду... Умру, можетъ статься, руки на себя наложу, а тебя не трону... Почему это такъ-то, Маня?

— Не знаю я... Знаю только что ты любишь меня, сердцемъ чувствую это и думаю, что это Богомъ такъ назначено... Ты маѣ Богомъ назначенъ, а я тебѣ, ну, вотъ онъ и вложилъ въ насъ любовь...

— Голубка моя, скажетъ снова Яковъ Григорьевичъ и снова поцѣлуетъ невѣсту въ лобъ.

Такъ и шли дни за днями. Свадьбу пришлось отложить недѣли на двѣ, такъ какъ гостя дорогаго ждали — крестнаго отца невѣсты, богатѣйшаго и сановитѣйшаго петербургскаго купца. Онъ, узнавъ о свадьбѣ своей крестницы, которую любилъ, какъ дочь родную, прислалъ письмо и просилъ подождать его и сообщалъ при этомъ, что освободится онъ отъ неотложнаго дѣла недѣли черезъ двѣ. Ждать согласились съ охотой: уважаемый и нужный былъ человекъ Мавинъ крестный, и старики знали, что безъ подарка онъ не пріѣдетъ.

Пока шли веселья да приготовления разныя.

Манѣ шили богатое приданое. Павелъ Ивановичъ слышать не

хотѣлъ, чтобъ беречь свои деньги, не дѣлать очень большое приданое.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите мнѣ этого! махалъ онъ руками на родственниковъ. Она у меня одна, Богъ съ нею... Пусть въ чужомъ домѣ не говорятъ, что у ней ничего нѣтъ, пусть будетъ у ней все не хуже, чѣмъ у другихъ... Въ числѣ многихъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей, купилъ Павелъ Ивановичъ Манѣ превосходный перстень съ круглымъ брилліантомъ для подарка жениху.

— На, вотъ, дочка, отдай жениху, пусть носить, сказалъ онъ, отдавая Манѣ футляръ. Нонѣ же вечеромъ и отдай...

Маня взяла перстень и убрала его у себя въ комнатѣ, въ незапертую коробочку на туалетномъ столикѣ. Прислуга была въ домѣ испытанная, давно живущая, и Маня никогда не прятала особенно тщательно свои вещи, тѣмъ болѣе, что она почти постоянно находилась въ своей комнатѣ, при томъ же всѣ ея вещи лежали на туалетѣ и никогда ничего не пропадало. Вдругъ перстень пропалъ! Пропалъ, исчезъ, словно въ воду канулъ...

Когда вечеромъ приѣхалъ по обыкновенію Яковъ Григорьевичъ, Маня, встрѣтивъ его, пошла къ себѣ въ комнату и хотѣла взять перстень. Его не оказалось. Она обшарила весь туалетъ, перебрала съ горничной всю комнату, всю пыль подняла — перстня не было.

Горничная плакала, клялась, что она не виновата, что она не видала и молила у Мани прощенья.

— Да и не думаю на тебя и не виню тебя, говорила ей Маня, я ни кого не виню, только жалѣю... Что я скажу теперь папенькѣ?

— Матушка, Марья Павловна, не говорите вы ничего папашенькѣ, а то прямо на меня они подумаютъ и въ острогъ меня отправятъ!.. Вы какъ нибудь до завтра все втайнѣ удержите, а завтра-то ужъ я найду, Богъ дастъ...

— Какъ же ты найдешь? Гдѣ ты найдешь?

Горничная тайносно оглянулась и понизивъ голосъ проговорила.

— Есть у меня знакомая ворожея одна, всякую пропажу найдетъ она, всякаго вора отыщетъ, сотни примѣровъ бывало... Вы завтра къ вечерку отпроситесь куда нибудь со мною, хоть къ те-

тенькѣ, мы къ ворожеѣ и съѣздимъ... Она навѣрное, безпремѣнно вора укажетъ!.. На картахъ она гадаетъ и въ воду глядитъ...

— Да вѣдь, это грѣхъ, большой грѣхъ! задумчиво сказала Маня.

— Ой, нѣтъ, ничего!.. Она все съ молитвой, все съ молитвой...

Къ ней множество изъ купечества ѣздитъ, умственная женщина она!..

Маня подумала и согласилась. Крѣпко было жаль ей перстня, назначеннаго въ подарокъ ея дорогому Яшѣ...

VIII.

Еще спала Глафира Степановна послѣ хмѣлевой ноченьки, проведенной съ счастливымъ огородникомъ, какъ къ ней поступался огородный сторожъ. Красавица накинула кое какъ платье и отперла раннему неожиданному посѣтителю.

— Долгонько спишь, Глафира Степановна, долгонько! проговорилъ сторожъ, перекрестившись на передній уголъ.

— Ну, это не твое дѣло! сурово обрѣзала Глафира Степановна мужика. Сердита была—сонъ ея сладкій потревожили житейскими дрязгами, мечты сладкія нарушили. Зачѣмъ пожаловалъ?

Сторожъ усмѣхнулся.

— Крутенько гостя принимаешь, Глафира Степановна!..

— Гость!.. Такихъ гостей у меня въ день-то по полусотнѣ бываетъ... Ты ласы-то не точи, а дѣло говори. Что молъ, надо?

— Гмъ!.. Ладно, быть по твоему, прямо о дѣлѣ буду говорить... Сѣдло тебѣ принесть, прикажи прибрать подальше...

Глафира Степановна повела бровями своими соболиными и краска чуть-чуть поблекла у ней на щекахъ.

— Какое сѣдло? Что за сѣдло такое? спросила она.

— Прислано тебѣ...

— Кѣмъ?

— А купецъ Яковъ Григорьевичъ Клокочевъ прислалъ...

— Клокочевъ?!..

Такъ и помертвѣла вся Глафира Степановна, такъ и затрепетала вся.

— Клокочевъ?.. Да развѣ онъ!.. развѣ онъ живъ?

— Славу Богу—живъ.

Сторожъ пытливно взглянулъ на вдову.

— А тебѣ хотѣлось, чтобы онъ померъ? спросилъ онъ. Эге! Такъ вотъ онъ, гвоздикъ то, что значить!..

— Тсъ... Тше, тше! бросилась къ мужику Глафира Степановна. Угощу, одарю, озолочу, только молчи ты, Господа Бога ради!..

— Ага!.. Вотъ такъ то лучше, Глафира Степановна!

Сторожъ бросилъ шапку на окно и сѣлъ на лавку.

— Я ужъ сразу смекнулъ, что дѣло то тутъ не чисто, сказалъ онъ, сразу видно...

— Какъ узналъ-то? Какъ случилось-то все? спросила Глафира Степановна, а сама все оглядывалась, озиралась: дрожь по всему тѣлу шла, хоть и тепло было въ горницѣ.

— А такъ и случилось... Караулилъ я огородъ, вдругъ слышу, скачетъ конь по грядамъ, я было...

— Да живъ онъ?.. Живъ Клокочевъ то? перебила Глафира Степановна.

— Я-жъ тебѣ говорю, что живехонекъ!.. Конь его понесъ прямехонько таки на оврагъ, а онъ выхватилъ пистолетъ, благо былъ съ нимъ, да коня и пристрѣлилъ... Я пришелъ на выстрѣлъ, вижу, стоитъ молодецъ знакомый, а какъ разсѣдлали мы коня сердешнаго—гвоздь подъ сѣдломъ и нашли... Яковъ Григорьевичъ сѣдло приказалъ тебѣ отнести,—на память стало быть,—а обо всемъ дѣлѣ этомъ молчать приказалъ...

Старикъ покрутилъ усы.

— Молчать оно конечно можно, только иной разъ, Глафира Степановна, за рѣчи умныя деньги платять, а иной часъ и за молчанье ихъ даютъ...

— Сколько?.. сколько тебѣ надо?.. Говори...

Сторожъ подумалъ.

— Обижать тебя не буду, лишку не запрошу, сказалъ онъ... Сто цѣлковыхъ надо съ тебя взять...

И тысячи не пожалѣла бы Глафира Степановна, и тысяча бы у ней наплась на это дѣло. Проворно она сходила въ переднюю горницу, отперла свой завѣтный кованный сундучекъ и, доставъ сто рублей мелкими ассигнаціями, принесла деньги сторожу.

Въ жизни не бывало столько денегъ у мужика; видать то такую

грудю и то приходилось не часто, издали у когонибудь, а тутъ они въ рукахъ, свои собственныя... засверкали у мужика глаза, руки такъ и затряслись, едва не разронялъ пачки, и не считая, сунулъ въ карманъ.

— Смотри—молчи же, никому ни словечка не промолви! проговорила Глафира Степановна.

— Нѣтъ, нѣтъ... Теперь ты не бойся, никому не скажу... Все шито да крыто будетъ...

— То то... Гдѣ ты сѣдло то положилъ?

— А тутъ вотъ, въ сѣнцахъ...

— Надо убрать его... Посиди, я водкой тебя угощу, а пока пойду спрячу сѣдло, въ кладовую его отнесу...

Глафира Степановна накинула на голову платочекъ и вышла. И радость то у ней по сердцу разливается, что живъ ея Яша, не убится, быть можетъ и простить, и полюбить... И боится то она: опять де пріѣдетъ онъ, пріѣдетъ не съ лаской, не съ милостью, а грозный... Опять съ нагайкой страшной пріѣдетъ...

А то зло такъ улыбнется Глафира Степановна и сверкнутъ у ней глаза дикой радостью, радостью звѣря, который завидѣлъ добычу и вотъ, вотъ бросится на нее и нальется горячей крови...

Гостью дорогую ждетъ Глафира Степановна. Маня голубка, разлучная и ненавистная, пріѣдетъ. Гадалкой на одинъ день сдѣлалась Глафира Степановна и будетъ сегодня она гадать...

Такъ и смѣются свирѣпой радостью глаза у красавицы огородницы. Устроилъ таки ей Мишка дѣльце, выманилъ изъ родительскаго дома Маню голубку и пріѣдетъ она сегодня въ Коломенское.

Устроилъ умно, тонко, молодцомъ устроилъ, подговорилъ горничную перстенецекъ украсть, затѣмъ огорченную Маню къ ворожеѣ отвезти, погадать о пропажѣ и ворожеей Глафиру Степановну сдѣлать. Просто все такъ, обыкновенно и завѣтное желаніе Глафиры Степановны, исполнено—Маня будетъ у ней.

Приму гостью, угощенье устрою хорошее! думаетъ Глафира Степановна, прибирая сѣдло, знакомое, дорогое для нея сѣдло. Судьба, знать, твоя такая, Марья Павловна, а отъ судьбы своей не уйдешь... Ужъ потѣшусь-же я надъ тобой, за все отплачу, все на тебѣ вымещу!..

А сторожъ сидѣлъ, сидѣлъ, да и заглянулъ въ хозяйскую горенку. Стоитъ на коммодѣ завѣтный сундучекъ Глафыры Степановны, забыла она запереть его, забыла впопыхахъ и крышку закрыть.

Сверкаютъ тамъ грудками „золотые“, пестрятъ бумажки разноцвѣтныя, блестятъ серыги дорогія, кольца съ камнями... Подарки все это тароватыхъ и ласковыхъ друзей огородницы.

„На всю жизнь хватить такого сундучка!“ думаетъ сторожъ. „Хозяиномъ сдѣлаться можно... Уѣхать изъ этихъ мѣстъ, далеко уѣхать и зажить!.. Эхъ, какъ зажить то можно—чудо!..“

Тутъ и грѣха то нѣтъ, потому нажито все нечисто, обманомъ да обольщеніемъ нажито, и въ прокъ не пойдетъ... Вотъ состарѣется Глашка и пойдетъ денежками друзей подманивать... И теперь вонъ Мишка огородникъ деньгами ея сорить... Тотъ же Мишка въ кабакѣ все оставитъ... А тутъ, вѣдь, счастье, на всю жизнь счастье... И себѣ можно счастье дать и людямъ... Ишь ты сколько денегъ, страхъ!..

Пріотворилъ сторожъ дверь и вошелъ въ горницу. На лавкѣ Мишка спитъ, тулупомъ накрывшись. Крѣпко спитъ послѣ хмѣлевой ночи, пушкой его не разбудишь. Подошелъ къ нему сторожъ, сперва окликнулъ, потомъ толкнулъ, за бороду подергалъ, а Мишка и не пошевелился, посопѣлъ только да громче захрапѣлъ.

— Ну, и спи, тебѣ же лучше! прошепталъ сторожъ и подошелъ къ сундучку. Эхъ, куда ни шло!.. Не затѣмъ шелъ, да, знать быть тому такъ суждено.

Запустилъ онъ руку въ сундукъ и досталъ пачку бумажекъ, сунулъ ее въ карманъ, снова запустилъ руку и опять пачку досталъ... Трясется весь, потъ выступилъ у мужика; точно дрова сучковатыя рубить или гряды копаешь... Золотыхъ горсть досталъ, за голенище сталъ прятать и уронилъ двѣ монетки, откатились онѣ подъ коммодъ.

— Ну и безъ нихъ много тутъ! подумалъ сторожъ и опять руку въ сундучекъ.

— Что ты дѣлаешь, разбойникъ?! раздался голосъ сзади и словно каленымъ желѣзомъ рѣзнулъ по уху мужика. Крѣпче онъ сжалъ пачку денегъ, точно у него отнимали ихъ и оглянулся.

Стоитъ въ дверяхъ Глафыра Степановна, за косякъ держится,

а сама испуганная такая, блѣдная, все добро ея въ сундукѣ, на всю жизнь припасено тутъ и ужъ больше брать будетъ негдѣ: замужней женщиной думаетъ она жить, клятву Михайлѣ дала, что пойдетъ за него и будетъ вѣрной, кроткой женой. Ни барина богатаго, ни Яши тароватаго, ни купцовъ щедрыхъ не будетъ больше и придется имъ жить трудомъ...

— Что ты дѣлаешь?.. Господи!..

Перекосилось лицо у сторожа, судороги пошли у него по щекамъ, ротъ искривило, а руки такъ и впились въ сундукъ.

— Тише!.. Молчи, коли жизнь тебѣ мила!..

Господи! съ тревогой взмолилась Глафира Степановна и ринулась къ спящему Мишкѣ.

— Миша!.. Миша!..

Точно волею щелкнулъ зубами сторожъ и бросился на Глафиру Степановну. Одной рукою ротъ зажалъ, другою обхватилъ поперекъ стана и въ мигъ одинъ, мигнуть она не успѣла, какъ вытащилъ онъ въ кухню и бросилъ на лавку.

— Говорилъ—„молчи!..“ Говорилъ!.. Ну, вотъ... ну, вотъ и...

Глафира Степановна рванулась было изъ рукъ мужика, но онъ крѣпко прижалъ ее лѣвой рукой къ лавкѣ, а правой схватилъ за горло и стиснулъ его!..

Покраснѣла бѣлая, полная шея, кровью налилась, лицо побавровѣло и забились всѣмъ тѣломъ Глафира Степановна, а изъ груди вырвался стонъ.

— Сама, сама виновата! шепчетъ сторожъ и все крѣпче и крѣпче сжимаетъ горло красавицы Глафиры Степановны... Она ужъ не бьется, не хрипитъ; глаза ужъ остановились и застыли; руки замерли, схватившись за край лавки...

— Умерла... Скончалась! прошепталъ сторожъ и проворно вернулся въ горницу, забралъ остальные деньги и пошелъ было, но вдругъ остановился, ударилъ себя по лбу и оглянулся кругомъ. Въ углу за коммодомъ стояла бутылъ изъ бѣлой жести. Поднялъ ее сторожъ, понюхалъ и, вынувъ пробку, сталъ поливать изъ бутылки полъ, постель, стѣны, коммодъ, одежду на стѣнкѣ, плеснулъ часть на спящаго Мишку и вышелъ въ кухню. Въ домикѣ запахло керосиномъ. Запахло такъ сильно, что сѣрый, жирный котъ фыркнулъ и перешелъ на другое мѣсто.

— Все огнемъ скроетъ, все! проговорилъ сторожъ. Пили, бражничали, подожгли съ ночи, а утромъ загорѣлось... Такъ я и уберегу себя отъ бѣды... Пройти бы только, чтобъ не увидали... Задами пройду, садикомъ...

Нашелъ онъ спички, зажегъ одну и бросилъ на грудь разнаго хлама въ углу кухни, а потомъ зажегъ лучину и подпалилъ въ горницѣ красивый цвѣтной пологъ на хозяйской кровати...

По дорогѣ къ Коломенскому тащилась плохонькая извозчичья лошадка, запряженная въ старую дребезжащую пролетку, въ которой сидѣли Маня и ея горничная.

— Какъ далеко, Лиза, скоро-ль, проговорила Маня, ежась отъ свѣжаго осенняго вѣтра и кутаясь, въ старенькое пальто. Боюсь я, что долго мы проѣздимъ очень...

— Ничего, милая барышня... Вѣдь, надо же истинную правду о кольцѣ узнать, а то грѣха и не оберешься... Папенъка на меня подумаютъ, потому окромя меня никто не ходитъ къ вамъ... Опять же вещь хорошая, дорогая, жалко вѣдь, ее...

— Да поможетъ ли намъ гадалка твоя? Не вѣрю я что то гадалкамъ этимъ, да и грѣхъ, я думаю это...

— Ничего, барышня...

Неохотно отвѣчаетъ горничная, все думу какую то думаетъ и жаль ей Маню, вотъ де какъ сокрушается бѣдная, какъ крѣпко о моемъ горѣ тоскуетъ. Станетъ утѣшать горничную, а та еще больше затуманится, точно передернетъ ее всю...

Не хорошо у ней на душѣ.

Куда она везетъ свою молодую хозяйку? Зачѣмъ везетъ?

Познакомился съ ней, съ хорошенькой горничной, какой то неизвѣстный человѣкъ и чуть не два мѣсяца уговаривалъ показать Маню и въ село Коломенское привезти; подарки за это носилъ, много денегъ сулилъ, если привезетъ.

— Да зачѣмъ это вамъ? на что вамъ нашу барышню? спрашивала все горничная и добилась таки правды, сказалъ ей неизвѣстный человѣкъ.

— Надо, говорить, одной женщинѣ повидать ее, надо ее такъ напугать, чтобы она за Клокочева не пла, потому Клокочевъ давно обѣщалъ жениться на той женщинѣ и теперь вотъ обманулъ...

— А если вы сдѣлаете что-нибудь надъ ней?.. Если вы убьете ее тамъ, храни Богъ? спросила Лиза, все болѣе и болѣе соблазняемая посулами.

— Нѣтъ, зачѣмъ убивать!.. Охота той женщинѣ взглянуть, на разлучницу, поговорить съ нею, уговорить чтобъ не шла она за Клокочева, а какъ же сдѣлать то это, какъ не такимъ путемъ?.. Ты не бойся, не опасайся, а коль привезешь—хорошую награду получишь, такую награду, что приданое себѣ великолѣпное справишь... Женщина та богатая, добрая, она наградитъ тебя, какъ лучше ни надо...

Сдалась горничная, согласилась, да не знала, какъ дѣло устроить, какъ уговорить Маню ѣхать. И этому дѣлу помогъ вести ей извѣстный человѣкъ: научилъ спрятать какую-нибудь дорогую вещь и привезть молодую хозяйку къ гадалкѣ, которая де всякія пропажи разыскиваетъ. Купеческія жены и дочери падки на гаданья, навѣрное Маня согласится ѣхать.

Такъ и вышло. Неохотно, совѣмъ неохотно, но все же поѣхала Маня, и вотъ теперь она на пути въ село Коломенское.

„А ну, какъ они недоброе что-нибудь задумали?“ думаетъ горничная. „Ну, какъ они обидятъ ее, голубку, тамъ, или храни Царица Небесная убьютъ?.. Господи, какъ страшно!.. Вернуться бы, не ѣздить бы, да вѣдь, задатку я, дура, взяла десять рублей и потратила эти деньги, пальто себѣ купила... Ахъ, Господи, Господи, такъ бы я разорвала себя пополамъ за это!..“

Страшно бѣдной дѣвушкѣ, очень страшно, такъ и щемить сердце тоской, такъ и подступаютъ слезы къ горлу, а тутъ еще Маня утѣшаетъ, ласкаетъ, уговариваетъ.

— Ты, Лиза милая, не тоскуй очень то... Ну, если пропадетъ перстень, такъ что же ужъ дѣлать?.. Тебя не обвинять, ты не бойся этого... Я вотъ что сдѣлаю; я попрошу Яшу купить такой перстень и сказать, что я подарила, онъ такъ и сдѣлаетъ, такъ не бойся, не убивай себя...

Ахъ, какъ больно слушать эти ласковыя кроткія рѣчи Лизѣ!.. Ее любили, ласкали, словно родную держали, а она везетъ теперь Маню куда то далеко, далеко отъ дому и еще Богъ знаетъ зачѣмъ везетъ...

„Скорѣй бы ужъ конецъ что ли, узнать бы скорѣй, чѣмъ все кончится...“

— Извозчикъ, скоро ли Коломенское то?

— Скоро, милая, скоро... Видать его сейчасъ... Дымъ вонъ что то дуюко валить въ той сторонѣ, пожаръ... Вотъ человѣкъ какой то верхомъ скачетъ, поспрошаемъ его.

Отъ Коломенскаго дѣйствительно скакалъ на деревенской лошади всадникъ. Такъ и подпрыгиваетъ мужикъ, такъ и дергаетъ локтями во все стороны, видно, что торопится. Поравнялся съ пролеткой и остановилъ своего запыхавшагося коня по знаку извозчика.

— Пожаръ знать, любезный, въ Коломенскомъ? спросилъ извозчикъ.

— Пожаръ, милый человѣкъ... Скачу вотъ въ Москву, становой нашъ тамъ, а я, стало быть, сотскій... Пожаръ то пожаръ, а окромя того двѣ души погибли на пожарѣ то!

— Ну?!.. Ахъ, Царица Небесная!.. Какъ же такъ?

— Да такъ... Выпимши стало быть, были въ ночь то, ну и подожгли не наркомъ... Мужчина и женщина... Огородница у насъ тутъ жила на выселкахъ, богатая огородница и красавица баба—она вотъ и сгорѣла... Глафирой Степановной звали ее...

— Глафирой Степановной? воскликнула горничная Мани, да такъ и подпрыгнула въ пролеткѣ. Господи Боже мой!.. Барышня, Марья Павловна, да вѣдь мы къ ней и ѣхали!.. Господи...

Мужикъ поглядѣлъ на дѣвушекъ, почесалъ затылокъ и чмокнулъ на своего коня.

— Къ ней точно что много народу всякаго ѣздило, а тутъ вотъ и случилось такое... Да... Нну, ты, проворная!..

Мужикъ дернулъ поводья и поскакалъ, а извозчикъ обернулся къ сѣдокамъ, поговорилъ съ ними и повернулъ лошадку обратно къ Москвѣ...

IX.

На томъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно красовался своими рѣзными окошечками и крылечкомъ домикъ Глафиры Степановны, чернѣли лишь уголья да кой-гдѣ дымились растащенные головни. Только и уцѣлѣлъ среди садика небольшой сарай съ конюшнею, въ которой стояли рабочіе лошади красавицы огородницы.

Неподалеку отъ пожарища въ грудѣ валялись кой-какіе пожитки, спасенные услужливыми сосѣдами, прибѣжавшими на пожаръ. Тутъ же лежалъ обгорѣлый и обуглившійся трупъ огородника „Мишки“, покрытый рогожкой.

Толпа народу стояла кругомъ и громко говорила, громко на разные лады судила и рядила.

— Ишь ты, дѣла какія, братцы мои! сокрушенно покачалъ головой мужичекъ, большой пріятель покойнаго Михайлы и постоянный собутыльникъ его. Былъ, теперича, человекъ, жилъ, примѣрно говоря, и вдругъ... Ахъ Господи!..

— Грѣхи, голова, што говорить... Дѣло, такъ будемъ говорить, прискорбное, замѣтилъ другой.

— На што ужъ хуже дѣла!.. Пожаръ то пожаромъ, да еще двѣ души погибли.

— Гдѣ-жь двѣ то, дядя Максимъ? спросилъ молодой парень, съ большимъ любопытствомъ прислушивающійся къ разговорамъ, Михайлу то вотъ нашли, а Глафиры то Степановны нѣтъ... Надо полагать, что она убѣгла куда нибудь...

— Убѣгла! передразнилъ дядя Максимъ. Куда же она убѣгла отъ своего добра? Что зря мелешь то!

— Такъ гдѣ же она?

— Гдѣ нибудь тутъ, подъ бревнами...

— Говорятъ милые, что она въ трубу вылетѣла, потому какъ будто бы она вѣдьма была, вставила словечко молодая бабенка, да и сконфузилась, ступевалась подъ пристальнымъ насмѣшливымъ взглядомъ степеннаго мужика.

— И что это за языкъ у бабъ этихъ!.. Взять бы, да кажинную бабѹ за языкъ бичевочкой и привязать, право!..

— Ну ужъ... вы ужъ...

— Цыцц! крикнулъ на бабу другой мужикъ. Не ваше тутъ дѣло языки чесать, прочь пошли, ваше дѣло идти да щи въ печи поглядѣть... Брысь отсюда!

— А ты погоди-ка, дядя Петръ, остановилъ строгаго мужика сосѣдъ. Баба оно точно баба, языкъ у ней дѣйствиительно безъ костей, а вѣдь, пожалуй, што тутъ не безъ колдовства, какъ ты полагаешь?.. Сообразите-ка, братцы, какое дѣло-то: работники Глафирины говорятъ, что она дома была, что утромъ, когда они на работу пошли, у ней заперто было, стучались они, слышь ты, и она откликнулась имъ, а вскорѣ того и пожаръ случился—гдѣ-жъ она?

— Нда, точно что... Это дѣйствительно... Это справедливо, слышались гололоса кругомъ.

— Може подъ угольемъ?

— Да вѣдь искали, дюжо искали... Вотъ какъ Михайло, царство ему небесное, сгорѣлъ, такъ и есть, а она-то гдѣ?

— Нда, это точно что...

— Не она-ли рази спалила Михайлу-то сердешнаго...

— Въ своемъ-то домѣ? Вишь, сколько добра-то сгорѣло, оно тоже, добра-то, жаль, чай...

— Чудное дѣло, голова!..

— Чудное и то...

— Надо поискать еще, ребята, еще пошарить...

— Поди пошарь, а тебѣ по спинѣ пошарять...

— Дуракъ!.. За что же это, ежели я, или ты мертвое тѣло ищемъ на пожарѣ? За что?

— А за то—не мудри!.. Нѣтъ его, тѣла твоего, ну и не мудри, и пусть его... Начальство, братъ, разыщетъ, сдѣлай милость!..

Вдругъ изъ толпы вышелъ маленькій, юркій и проворный мужиченко, очень маленькаго роста и съ клочкомъ рыженькихъ волосъ на подбородкѣ, Мужиченко обвелъ толпу глазами, которые у него такъ и искрились, такъ и сверкали; видно было, что онъ готовится сообщить что-то очень важное, необычайное и готовится удивить міръ, ошеломить его.

— А ежели, теперича, она, примѣрно, жива—тогда что!.. А?.. Ежели она тоисъ невредима? спросилъ онъ, обводя собраніе бойко блестящими глазами.

— Тысь какъ это? Тысь убѣгла?

— Зачѣмъ убѣгла?.. Не убѣгла, а жива и шабашъ!

— Такъ гдѣ же она?..

— Ты, воробьиное сердце, не говори загадки, а прямо скажи!

— Прямо!.. Прямо-то вороны только летаютъ...

Рыженькій помолчалъ, лукаво поглядывая на мужиковъ.

— Знаете, други, что я смѣкаю? спросилъ онъ.

— Что?

— Въ подпольѣ она, вотъ что?

— Мужиченко значительно поднялъ палецъ и качнулъ головой.

— Нда, вотъ она штука-то какая!

Толпа примолкла на минуту и потомъ заговорила вся разомъ, торопливо, съ жаромъ, съ крѣпкими словечками.

— Рази можно это? Рази поидетъ человѣкъ въ подполье, когда у него домъ горить?

— А почему не поидетъ?.. Очинно просто!

— Охватило со всѣхъ сторонъ, ну, она и шарахнулась въ подпольѣ...

— Точно, что это правильно...

— Надо, братцы, раскатить бревна да поискать...

— Вотъ пріѣдетъ становой, тогда какъ хочеть...

— А ежели она задохнется до той поры?

— Сейчасъ надо, сейчасъ!..

— Поди да ищи, коль ты ловокъ больно!

— Рази можно безъ начальства?

— А пошто нельзя? Обижать человѣка нельзя, а спасти душу человѣчью завсегда можно...

— Вѣрно, вѣрно... Вали, ребята, бери багры, раскапывай бревна!..

Толпа еще прокричала, поспорила и двинулась къ пожару.

Подъ предводительствомъ рыжаго мужиченка, мужики довольно дружно принялись убирать обрушившіеся бревна, таскать обгорѣлыя балки и счищать мусоръ. Наконецъ добрались до закрытаго люка, ведущаго въ подполье или подвалъ.

— Подымай люкъ, ребята! скомандовалъ рыженькій.

Мужики подняли дверь люка и толпой полѣзли по лѣстницѣ въ душное подземелье, наполненное дымомъ и запахомъ гари.

— Здѣсь она!.. Вотъ она!.. раздались голоса.

— Жива-ли? крикнули сверху.

— Кажись, жива... Жива, жива... Вотъ она—теплая, дышетъ!..

Въ углу подвала, на грудѣ мѣшковъ съ картофелемъ лежала Глафира Степановна, закрывшись большимъ войлокомъ.

Въ подвалѣ было очень душно и жарко, но не настолько, чтобъ нечѣмъ было дышать, и земляной полъ избы, покрытой толстыми тесницами, обгорѣлыми лишь сверху, сохранилъ подвалъ отъ большаго жару.

Мужики подняли Глафиру Степановну и вынесли на верхъ. Только лишь свѣжій воздухъ коснулся ея, какъ она сильно вздохнула и открыла глаза.

— Господи, жива я! тихо проговорила она.

— Жива, Глафира Степановна, жива, сохранилъ тебя Богъ! заголосили кругомъ.

— А Михайло?

— Михайло сгорѣлъ, сердешный... Вонъ его косточки грѣшныя лежать...

— Что это у тебя, Глафира Степановна, шея то синяя да поцарапана? спросилъ сельскій староста. Знать выпили съ покойнымъ-то, подрались, да и запалили?

Глафира Степановна помолчала, долго помолчала и думала о чемъ-то, закрывъ глаза. Толпа безмолвно стояла кругомъ, только бабы дѣлали свои замѣчанія о красавицѣ вдовѣ, съ завистью разглядывая ея тонкіе чулки, щегольскіе башмачки, кисею тонкой сорочки, съ завистью любуясь бѣлизной полныхъ рукъ, безсильно брошенныхъ теперь вдоль туловища.

— Нѣтъ, не то, проговорила Глафира Степановна, поднявъ глаза на старосту.

Глафира Степановна снова помолчала. Грудь ея высоко вздымалась. Наконецъ она широко раскрыла ихъ, они блеснули у ней зловѣщимъ огнемъ, и она твердо и громко проговорила:

— Меня хотѣлъ задушить и домъ мой сжечь, и сердешнаго Михайлу погубилъ купеческій сынъ Яковъ Григорьевичъ Клокочевъ...

— Это что ѣздилъ-то къ тебѣ, Московскій-то!

— Да...

— Ахъ, ты Боже милостивый!..

— Вотъ грѣхи-то!.. Вотъ злодѣй-то!..

— Какъ же это онъ такъ, Глафира Степановна?

— Такъ... Жилъ онъ со мной, а потомъ жениться вздумалъ, ну и... я противилась тому, къ невѣстѣ его идти хотѣла, въ церковь на вѣнчанье его идти собиралась, грозила ему... Приѣхалъ ко мнѣ, говорилъ со мной, уговаривалъ все меня, а потомъ схватилъ за горло, душить сталъ и думалъ, что задушилъ—ушелъ... Долго-ли я лежала безъ памяти — не помню и очнулась ужъ отъ жару нестерпимаго, какъ полъ ужъ подо мной горѣлъ и керосиномъ пахло — это онъ злодѣй облилъ и зажегъ! Поднялась я съ лавки, дотаскилась до подполья, кое-какъ дверь подняла и... и спряталась... Глафира Степановна дрогнула всѣмъ тѣломъ, схватилась за грудь и, тихо простонавъ, потеряла сознание.

Мужики накрыли ее армяками и отошли въ сторону, не громко толкуя и дивясь на такой небывалый еще въ ихъ мирномъ селѣ казусъ.

Черезъ полчаса по Коломенскому загромыхали бубенцы бодрой тройки лошадей, и на мѣсто пожараща приѣхалъ становой приставъ и урядникъ, производить дознаніе.

Мрачный, словно Каинъ братоубійца, сидѣлъ около своей сторожки огородный сторожъ и большими глотками пилъ водку прямо изъ горлышка бутылки.

Много ужъ сдѣлалъ онъ глотковъ, пора бы пьянымъ быть, пора бы пластомъ лежать, да вѣтъ, не беретъ его сегодня вино.

Пьетъ крѣпкій спиртъ словно воду, не туманитъ онъ голову, не веселитъ онъ сердца, не грѣетъ тѣла...

Невеселую думу думаетъ мужикъ...

Глаза блестятъ, безпокойно бѣгаютъ, губы пересохли, въ груди словно огонь горитъ и тяжело, страшно тяжело мужику.

Въ сторожкѣ зарыто много денегъ, вещей дорогихъ много зарыто, надолго хватитъ этого добра, а не весело, не радуется его добро...

Закроетъ мужикъ воспаленные глаза, прислонится къ шалашу,

заснуть хочеть, а сонъ не идетъ... Въмѣсто сна картины встають передъ нимъ...

Острогъ мрачный, товарищи кругомъ страшные, убійцы, воры, поджигатели, святотатцы...

Темно, страшно... „Этотъ за что попалъ?“ чудится чей то голосъ. „За поджогъ... Домъ поджегъ, ограбилъ, двѣ души загубилъ...“ Судъ потомъ, позоръ, а тамъ далекая, далекая дорога...

Снѣгами, лѣсами непроходимыми въ Сибирь онъ идетъ... На ногахъ звенять кандалы, ноютъ ноги, болятъ, а его все гонять и гонять... На каторгу гонять, Каторга!.. Ухъ, какое странное слово! Слыхалъ мужикъ, что тяжело тамъ, горько.

Откроетъ онъ глаза и схватится за бутылку... Вотъ ужъ и пуста... Что же, это ничего, можно и другую купить, денегъ теперь много... Озираючись, идетъ мужикъ въ шалашъ, достаетъ бумажку и вдругъ бросаетъ ее, порывисто бросаетъ... Чудится ему, что идетъ кто-то. Выскочить изъ шалаша, оглянется—никого нѣтъ...

„Пустое! думаетъ мужичекъ. Это меня нечистый смущаетъ, это онъ... Вотъ пойду въ городъ, погуляю тамъ—все и пройдетъ... Трубку закурилъ, да сталъ спичку тушить и обжегъ палецъ, до пузыря обжегъ. Больно такъ, рветъ обожженное мѣсто, саднитъ... А какъ тѣ горѣли то?.. Тутъ вотъ пальцу, и то больно, а тамъ... Охватилъ огонь совсѣхъ сторонъ, жжетъ, палитъ, и спасенья нѣтъ—куда не бросься, все огонь... Глафира не чувствуетъ, она мертвая горитъ, а Мишка... Тотъ вскочилъ, хмѣля какъ и небывало, жить хочется, спастись, а тутъ кругомъ огонь... Заживо горитъ человѣкъ, заживо жарится и тщетно молить о пощадѣ... Нѣтъ ее, не кому спасти, не возможно спасти!..

Снова идетъ мужикъ въ сторожку и беретъ изъ норы деньги, а тутъ опять чудится, что кто то, близко идетъ...

На этотъ разъ и вправду человѣкъ идетъ поперегъ грядъ, прямо къ сторожкѣ.

Глядитъ на него сторожъ и узнаетъ; работникъ это Глафиры Степановны...

— Здорово, дядя Петръ! кланяется работникъ. Слышалъ про бѣду то нашу?

— Про какую бѣду?.. Не знаю, не знаю... Я ничего не знаю, я въ городѣ былъ...

— Какже, голова, бѣда у насъ страшная: вѣдь сгорѣли мы...

— Не знаю, не знаю—ничего не знаю!..

— Сгорѣли... Только и остался сарай, а то все до ниточки... Мишка огородникъ сгорѣлъ!..

— Не знаю, ничего не знаю...

Простоватый парень работникъ почесалъ затылокъ и удивился. Чего это онъ, думаетъ, зарядилъ одно слово?.. Не удивится, ни съ распросами пристанетъ, а только одно слово твердить... Бутылка вина лежить, пьянъ стало быть сторожъ-ать...

— Да, братъ, сгорѣлъ нашъ Миша!.. Хозяйка Глафира Степановна за тобой прислала, пошто то ты нуженъ ей... Она у кума, Федора Михайлова пока живетъ, въ горницѣ въ его...

Сторожъ затрясся весь, поблѣднѣлъ, на ногахъ едва устоялъ.

— Какъ... Да... да вѣдь она сгорѣла!.. Вѣдь погибла она? крикнулъ онъ.

Парень поглядѣлъ на сторожа.

— Нѣту... Она, вишь ты, въ подклѣтъ ушла, да тамъ и просидѣла... Становой и то подивился: „тебя, гритъ, Глаша, Богъ сохранилъ...“

— А а-а!.. Ну... ну, что же становой сказалъ еще?.. Что она, Глафира то, становому сказала?

— Правду всю сказала...

— Правду?!..

— Да... Былъ, говоритъ, у меня купецкій сынъ, Яковъ Григорьевичъ Клокочевъ, и по злобѣ своей хотѣлъ меня убить, а потомъ поджегъ... Становой, слышь ты, въ городъ поѣхалъ арестовать купца то...

Сторожъ потупилъ голову и задумался.

„Что же это такое?.. Что же это такое?“ напряженно думалъ онъ и вдругъ пересталъ бояться, не стало у него страха, смѣлъ сталъ и прямо, бойко взглянулъ въ глаза парня. Понялъ онъ все, понялъ, что погубить захотѣла Глафира Степановна своего недруга, своего измѣнчиваго друга милаго... Его погубить, а истиннаго во рога своего, убійцу своего, поджигателя, помиловать.

— Пойдемъ къ Глафирѣ Степановнѣ, пойдемъ! бойко сказалъ онъ и свободно вздохнулъ. Иди, паренекъ, а я сейчасъ догоню тебя...

Парень пошелъ по огороду, а сторожъ вошелъ въ шалашъ, захватилъ изъ завѣтной норы пачку денегъ, вещи въ карманъ положилъ и бѣгомъ догналъ быстро идущаго работника.

Въ это же почти время въ Москву въѣзжалъ съ донесеніемъ по начальству становой приставъ и жаль ему было привезти въ купеческій домъ, готовящійся къ торжеству семейнаго праздника, тяжелую, страшную вѣсть, которая громомъ должна была поразить всѣхъ и повергнуть въ неисходное горе...

А сторожъ между тѣмъ бодро шелъ къ Глафирѣ Степановнѣ, словно и небыло ничего между ними, словно въ гости къ доброй знакомой шелъ.

Вотъ и домъ, гдѣ поселилась на время бездомившая огородница.

— Иди въ горницу, тутъ она лежитъ, сказалъ работникъ, а я пойду по дѣламъ.

— Лежить? переспросилъ сторожъ. Почему же она лежитъ?

— Ишь ты! усмѣхнулся парень, чай купецъ то ее задушить хотѣлъ, помялъ тоже порядкомъ...

— А!.. Она тутъ съ народомъ или одна?

— Одна. Хозяева въ другомъ домѣ живутъ, ей вишь ты, горенку лѣтнюю отвели.

Сторожъ вошелъ на крылечко, постоялъ, подумалъ и отворилъ дверь.

Лежитъ Глафира Степановна на кровати, вся вытянулась, голову закинула, глаза закрыла, точно мертвая! сторожу даже жутко стало: „ужъ не умерла ли?“ думаетъ, да видитъ, что грудь подымается, дышетъ стало быть красавица.

Шея посинѣла, побагровѣла: кой гдѣ красныя пятна отъ пальцевъ видны.

— Кто это? слабо, охрипшимъ голосомъ, спросила Глафира Степановна.

— Я это, матушка Глафира Степановна, я, отозвался сторожъ и осторожно шагнулъ впередъ.

— Открыла глаза красавица, взглянула на мужика и сейчасъ же снова закрыла ихъ, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ... Еще недавно человѣкъ этотъ безжалостно, жестоко душилъ ее, желая лишить жизни, а потомъ сжегъ до тла все добро ея и единственнаго преданнаго, близкаго ей человѣка.

— Прости меня, Глафира Степановна, не погуби! взмолился между тѣмъ сторожъ и опустился около кровати на колѣни. Попуталъ меня врагъ, согрѣшилъ я, окаянный... Покоя теперь не знаю, руки готовъ на себя наложить, вся душа моя изныла!.. Вотъ деньги твои принесъ, вещи твои принесъ... Возьми...

Быстро повернула голову къ сторожу Глафира Степановна.

— Деньги?.. Деньги ты принесъ!.. Спрячь ихъ, скорѣй спрячь!.. Убери себѣ... Послѣ, послѣ мнѣ отдашь, а то погубишь себя... Подойди ко мнѣ, присядь вотъ тутъ... Сторожъ спряталъ вынутыя было деньги и присѣлъ на край кровати...

— Я хочу спасти тебя, заговорила Глафира Степановна.

— Спасибо тебѣ, голубка бѣлая, спасибо, до земли кланяюсь тебѣ!..

— Ладно, не благодарю... Хочу изъ моей бѣды, а изъ твоего грѣха бѣду моему недругу сдѣлать. Недругъ у меня есть, злой недругъ и хочу я его погубить... Я скажу, что и убить меня хотѣлъ и домъ мой сжегъ купеческій сынъ Яковъ Клокочевъ...

— Знаю я его, знаю...

— Ну, вотъ онъ... А ты покажи, что видѣлъ, какъ онъ проѣхалъ ко мнѣ, а послѣ отдалъ тебѣ своего коня, домой его велѣлъ отвѣсти, самъ же ко мнѣ пошелъ, а ты де коня ненарокомъ упустилъ и онъ убѣжалъ неизвѣстно куда... Понялъ?

— Понялъ, Глафира Степановна, понялъ... Какъ мнѣ не понять, коли это моей головы касательно... Его погубить, меня спасти...

— Ну вотъ... Такъ помни все это и не сбивайся, смотри... Помни и то, что если проговоришься и если меня слушать не будешь—я все на тебя донесу, всю правду скажу!..

— Ой, не забуду, Глафира Степановна, и вѣкъ твоимъ рабомъ буду, заслужу тебѣ свой грѣхъ!..

Мужикъ взялъ бѣлую руку красавицы огородницы и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее и подивился въ ту минуту, какъ это у него рука на такую красавицу поднялась!..

Х.

У Мани былъ дѣвичникъ.

Толпы веселыхъ гостей наполняли празднично прибранные комнаты, ярко горѣли многочисленныя свѣчи, весело гремѣла музыка и молодежь отъ души веселилась.

Женихъ не танцевалъ, какъ не упрасивали его кумушки и тетушки научиться на свадьбѣ танцовать—онъ отказался наотрѣзъ.

— Этому надо съ дѣтства учиться, а то я буду смѣшенъ лишь и удовольствія ни себѣ, ни другимъ не доставлю, говорилъ онъ. Какой же я танцоръ, если я никогда не учился! На ученаго медвѣдя буду похожъ!..

Онъ сидѣлъ въ залѣ у окна и любовался на невѣсту, которую приглашали танцовать безпрестанно.

Веселая, радостная, вся полная счастьемъ, Маня была дивно хороша въ этотъ вечеръ.

Какъ я могъ разлюбить ее? Какъ могъ промѣнять на эту женщину? думалъ Яковъ Григорьевичъ. Сколько въ ней, въ голубкѣ, добра, сколько любви!.. Дорогая моя!.. Вся жизнь моя теперь въ ней, и чувствую, всѣмъ сердцемъ чувствую, что ужъ никогда не перестану я любить тебя и все, все сдѣлаю, чтобы утѣшить за то горе, которое я принесъ тебѣ!..

Протанцевала Маня съ ловкимъ и умѣлымъ танцоромъ вальсъ и подошла къ жениху, сѣла съ нимъ рядомъ.

— Больше не буду танцовать, не хочу! сказала она.

— Устала? спросилъ Яковъ Григорьевичъ, съ любовью глядя на пылающее личико невѣсты.

— О, нѣтъ!.. Потому не хочу танцовать, что хочу съ тобою быть...

— Благодарю... Но ты, голубка, не стѣсняйся тѣмъ, что я не танцую—веселись, а я буду тобою любоваться... Вѣдь сегодня твой дѣвичникъ, послѣдній день твоего дѣвичьяго веселья...

— Богъ съ нимъ!..

Маня опустила глаза и крѣпко сжала руку жениха.

— Сегодня послѣдній день моего одиночества, скоро я буду всегда съ тобою, всегда твоя! сказала она.

— И ты не боишься! Тебѣ не страшно, Маня, оставить родительскій домъ и идти въ домъ чужой, отдать всю свою жизнь чужому человѣку?

— Чужому? удивленно подняла Маня глаза. Какъ, чужому? Да развѣ ты мнѣ чужой?

— Ты любишь меня, твое сердце выбрало меня, но вѣдь я же...

— Ты не чужой! перебила Маня. Если ты въ моемъ сердцѣ, если тебя послала мнѣ судьба—ты не чужой!.. Вѣдь я и живу, и мыслю тобою, такъ развѣ ты не ближе мнѣ всѣхъ самыхъ близкихъ?

— А ты не боишься того, что я могу разлюбить тебя?

— Нѣтъ!

— Почему же? Вѣдь было же, что я .. что я чуть, чуть, не разлюбилъ тебя...

— О, это не то!.. Это ты не разлюбилъ, а только забылъ на время...

— Ну, если я опять такъ забуду?

— Если опять забудешь? повторила Маня и задумалась. Если опять забудешь я буду огорчена, я буду очень несчастна, но я буду знать, что ты опять, опять придешь ко мнѣ...

— Голубка!.. Ну и ты простишь мнѣ? Ты примешь меня?

— О, конечно!.. Чѣмъ же ты виновата, что тебѣ полюбилась другая? Ты можешь, конечно, переломить себя, заставить себя забыть ее, ту, другую то, но зачѣмъ же ты будешь такъ мучить себя? Если полюбилъ—люби.. Мнѣ не много будетъ отрады, если ты только изъ жалости не бросишь меня, если будешь со мною, а всѣ твои помыслы, всѣ думы твои, будутъ тамъ, у ней... О, нѣтъ, нѣтъ, это будетъ ложь, а лжи я страшно, страшно не люблю!.. Я тебѣ такъ и говорю: коль полюбишь кого—люби.. Себя не мучай, меня не обманывай, а люби.. Это лучше чѣмъ ложь... Я вѣдь, это время, все одна была, все одна и вотъ думала все... Много я передумала и теперь бы мнѣ хотѣлось книги читать и узнать, какъ умные, ученые люди думаютъ о томъ, что я такъ долго передумывала...

— Но вотъ что, Маня: по твоимъ словамъ выходитъ, что если я полюблю, такъ долженъ, сказать тебѣ объ этомъ и любить другую свободно, ну, а если ты полюбишь?

Маня покачала головой.

— О, нѣтъ, я никогда не полюблю другаго!

— Ну, а если?

— Ну, а если это случилось бы, то я должна забыть его... Я бы стала молиться, я бы сказала тебѣ и ты бы наставилъ меня на путь... Я бы забыла, я бы вырвала изъ своего сердца грѣховную любовь, а ужъ если бѣ она была очень сильна—я бы просила Бога, чтобъ онъ взялъ меня...

— Но почему же, Маня? Почему же ты мнѣ даешь такую свободу, а себѣ...

— О, это другое дѣло... Вѣдь жена, я женщина, а женщина должна принадлежать только одному тому, котораго она любитъ, или съ которымъ ее соединила судьба... Я и объ этомъ много думала и это вотъ вышло по моимъ думамъ такъ.

Клокочевъ съ восторженною нѣжностью поглядѣлъ на свою невѣсту.

„И откуда и гдѣ она набралась такихъ мыслей? подумалъ онъ. Ангелъ мой, какъ я люблю тебя!..“

А музыка заиграла между тѣмъ кадрили. Къ Манѣ подошелъ кавалеръ и подаль ей руку.

— Вы со мной танцуете эту кадрили, Марья Павловна, скажутъ онъ.

— Возьмите когонибудь другаго—я устала, сказала Маня. Я хочу быть съ женихомъ...

Кавалеръ покачалъ головой.

— Эхъ, Марья Павловна, Марья Павловна, оставили меня безъ дамы! сказалъ онъ, и, наклонившись къ Клокочеву, шепнулъ ему:

— Счастливецъ! Всѣ бы я танцы, всѣ бы радости земныя отдалъ, чтобы быть на твоёмъ мѣстѣ!

— Каждому свое! улыбнулся Клокочевъ.

— Да, и дуракамъ всегда счастье!

Кавалеръ отошелъ прежде, чѣмъ Клокочевъ успѣлъ опомниться. Онъ вскочилъ было съ мѣста и сдѣлалъ шагъ къ дерзкому франтику, но Маня остановила его за руку.

— Не ходи, шепнула она. Онъ обидѣлъ тебя?.. Прости ему—онъ, кажется, очень несчастливъ...

— Онъ? Почему? удивился Клокочевъ. Онъ сынъ богатѣйшей

купчихи, единственный наслѣдникъ богатаго дяди, красавецъ, образованный, чѣмъ же онъ несчастливъ?

Маня потупилась.

— Ты знаешь его? спросила она.

— Да. Это Николай Егоровичъ Крупинкинъ.

— Онъ... онъ влюбленъ въ меня и сватался ко мнѣ, но я не пошла... Я его ненавижу и боюсь...

— А, вотъ оно что! задумчиво проговорилъ Клокочевъ и поглядѣлъ на Крупинкина, который напелъ другую даму и уже танцевалъ съ нею первую фигуру, возбуждая зависть въ кавалерахъ и своимъ умѣньемъ танцевать, и своимъ платьемъ, и своимъ успѣхомъ среди дамъ...

Маня тронула задумавшагося жениха за руку.

— Ты о чемъ думаешь? спросила она.

— Такъ, ни о чемъ... Впрочемъ, вѣтъ, неправду я сказалъ тебѣ, дорогая моя невѣста... Я думаю вотъ о чемъ: какъ много надо бросить стараго, прежняго человѣку, который любить и который получилъ счастье отъ этой любви... Вотъ напримѣръ случай: подошелъ ко мнѣ этотъ франтъ,—я его тоже не люблю, видѣть его не могу, хоть мы и пріятели по одному случаю,—подошелъ и обидѣлъ меня... Обида всякая меня до сердца достаетъ, боль мнѣ нестерпимую причиняетъ, и я обиду не прощаю, а теперь... теперь я долженъ простить... Я живу только тогда, когда съ тобою, кромѣ того я знаю, что каждая моя бѣда для тебя тоже бѣда, мука, страданіе, и я... я многое прощу теперь своимъ врагамъ, чтобы не получить себѣ бѣды... До сей поры я, какъ орелъ степной—по поднебесью, такъ по поднебесью, во сырой землѣ, такъ во сырой землѣ одна цѣна!.. А теперь... теперь я хочу быть около голубки моей и только около ея хорошо мнѣ, привольно...

— Да? ясными глазами взглянула Маня на жениха. Такъ не будь теперь орломъ небеснымъ; а голубкомъ домовитымъ...

Клокочевъ вздохнулъ.

— Не знаю, можно-ль это, сказалъ онъ, да и тѣ же орлы, да и не одни орлы, но и воронье алчное зациплетъ голубка... Эхъ, Маня, Маня, на свѣтѣ только и жить то можно, что орламъ, а то не жизнь, а мелкота одна!..

Женихъ съ невѣстой замолчали и стали глядѣть на танцующихъ.

— Яша? окликнула Маня задумавшагося жениха.

— Что, голубка моя?

— А знаешь, что меня чуть, чуть не заклевала орлица, чуть, чуть не попала я въ когти орлицы той...

Клокочевъ взглянулъ на Маню.

— Это ты про что же говоришь? спросилъ онъ.

— Ты знаешь, что я вчера ѣздила въ Коломенское къ Глафирѣ Степановнѣ?

Клокочевъ быстро вскочилъ съ мѣста и схватилъ Маню за руку.

— Ты?.. Къ Глафирѣ?.. ты шутишь, Маня! воскликнулъ онъ и, когда Маня отвѣтила—что вѣтъ, что это не шутка,—онъ повелъ ее въ угольную, и, усадивъ на диванчикъ, порывисто спросилъ:

— Такъ какъ же это? зачѣмъ же?.. Скажи, Бога ради!

Маня взяла жениха за обѣ руки.

— А если я тебѣ одно горе скажу, ты... не очень... ты не бросишь меня, не уйдешь сейчасъ?.. Ахъ, напрасно я сказала тебѣ объ этомъ сегодня! проговорила Маня.

— Говори, все говори, скорѣе! сгорая отъ нетерпѣнія почти крикнулъ Клокочевъ.

— Глафиры Степановны теперь уже вѣтъ, она умерла, умерла страшной смертью...

— Умерла? Когда?

Въ голосѣ Клокочева было удивленіе, но не дрогнулъ этотъ голосъ, покоенъ и ровенъ былъ онъ. Клокочевъ не любилъ никого кромѣ Мани.

— Сегодня утромъ... Она... она сгорѣла въ своемъ домѣ, съ нею же сгорѣлъ и тотъ человекъ, который любилъ ее и хотѣлъ, ради ея, убить меня... Погоди, я все расскажу тебѣ, но сперва вотъ что: тебѣ очень жаль ее?

— Нѣтъ?

— Но ты простишь ей все?.. Прости ей все!.. Я ей все, все простила и буду о ней молиться теперь... Вотъ что случилось: папенька купилъ для тебя вотъ это кольцо, вотъ которое я подарила тебѣ сегодня... Я спрятала его у себя и вдругъ оно пропало. Мнѣ было страшно, страшно жаль его, я видѣла въ этой пропажѣ что-то

страшное, предсказаніе какого-то горя... Я искала его, плакала, не знала что дѣлать... Вчера вечеромъ ко мнѣ приходитъ моя дѣвушка Лиза и говоритъ, что она знаетъ одну гадалку, которая можетъ разгадать; узнать, гдѣ это кольцо... Говорятъ грѣхъ вѣрить этому, но я вѣрю—вѣдь, мало-ли на свѣтѣ мудренаго, мало-ли чудесъ, почему же не можетъ быть такого человѣка, которому дано узнать тайны?.. Я вѣрю этому... Я согласилась ѣхать къ этой гадалкѣ, и мы поѣхали сегодня утромъ... „Это далеко, сказала мнѣ Лиза, это въ селѣ Коломенскомъ...“

— А, это было подведено!.. Это она, она подвела, она подкупила! воскликнулъ Клокочевъ и привлекъ къ себѣ невѣсту. Боже, отъ какой бѣды ты была на волосокъ, моя радость!..

— Да... Мы поѣхали. Мы были уже недалеко отъ Коломенскаго, вдругъ на встрѣчу скачетъ мужичекъ верхомъ; мы спросили у него про дорогу, и онъ сказалъ, что въ селѣ пожаръ, что сгорѣлъ домъ огородницы Глафиры Степановны и вмѣстѣ съ домомъ сгорѣла она... Лиза моя сказала, что Глафира это та самая ворожея къ которой мы ѣхали, и я очень, очень огорченная, вернулась... По дорогѣ Лиза во всемъ призналась мнѣ...

— Что же она тебѣ сказала?

— Она сказала, что кольцо у ней, что ее подкупилъ какой-то человѣкъ все такъ устроить, то есть, спрятать какую нибудь дорогую вещь и повезти меня къ этой... къ этой несчастной женщинѣ, сказавъ, что она гадалка... О, какъ горячо я молила Бога за свое спасеніе!.. Я всѣмъ, всѣмъ простила теперь и такъ счастлива, такъ счастлива, что боюсь даже за свое счастье—очень ужъ велико оно!..

Клокочевъ опустилъ голову и задумался.

— Яша, о чемъ ты думаешь? тихо спросила Маня, припадая къ его плечу.

— О своей и твоей судьбѣ... Какъ все идетъ къ тому, чтобы мы были счастливы... Какъ наказываетъ Богъ злыхъ людей... Маня, голубка Маня, теперь ты молись о томъ, чтобы меня Господь не покаралъ за мои грѣхи... одна ужъ поплатилась за свое зло!..

Клокочевъ хотѣлъ обнять Маню и поцѣловать, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались спѣшныя шаги, и въ дверяхъ по-

казался старикъ Клокочевъ. Лицо его было страшно блѣдно, въ глазахъ застылъ несказанный ужасъ, нижняя челюсть тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Маня, иди отсюда, иди на минутку, мнѣ... мнѣ надо поговорить, задыхаясь сказалъ онъ, и безсильно опустился на стулъ. Иди, иди, Маня!..

— Батюшка, что съ вами? тревожно спросилъ Яковъ Григорьевичъ, подходя къ отцу. Что случилось, батюшка?

Старикъ проводилъ глазами выпешую Маню и взглянулъ на сына.

— Покоенъ... совсѣмъ покоенъ! проговорилъ онъ. Ты... ты когда былъ въ Коломенскомъ?

— Я? Я былъ тамъ съ недѣлю тому назадъ... Послѣдній разъ былъ въ тотъ день, когда палъ на дорогѣ мой гнѣдой...

— А... вчера... ночью не былъ?

— Нѣтъ, батюшка...

— Гдѣ же ты былъ вчера до двухъ часовъ?

Клокочевъ потупился. Онъ вчера ночью хотѣлъ проститься съ прошлымъ и поѣхалъ къ Глафирѣ; не на любовное свиданіе, не любя ужъ ее поѣхалъ, а лишь сказать ей и всему прожитому послѣднее „прости,“ но отдумалъ, съ полдороги вернулся и, проѣздивъ всю ночь, измучивъ себя и тѣмъ прогнавъ мятежныя думы, вернулся домой.

— Такъ, гулялъ кое-гдѣ, батюшка... Холостую жизнь провожалъ, сказалъ онъ.

Старикъ всталъ и крѣпко сжалъ руку сына.

— Яша, голубчикъ, родной. Яша, скажи ты мнѣ всю правду, спаси ты меня отъ муки невыносимой, заговорилъ онъ со слезами, убилъ ты Глашку свою, поджогъ ты ея домъ?

Такъ и отпрянулъ Яковъ Григорьевичъ, словно коленымъ желѣзомъ коснулись его.

— Я?.. Убилъ?.. Поджогъ?.. Господи Боже мой?.. Да что же это за рѣчи ты говоришь, батюшка?.. Съ чего ты взялъ-то это?..

Старикъ глухо зарыдалъ и упалъ головою на грудь сына.

— Тамъ... тамъ слѣдователь пришелъ... Полиція тамъ... пришли тебя арестовать... Глашка показала, что ты хотѣлъ убить ее до пи-

жогъ ея домъ... Человѣкъ въ домѣ сгорѣлъ, а она... змѣя эта, спаслась... Господи, да что же это такое!..

Точно громомъ пораженный, стоялъ Яковъ Григорьевичъ и безмолвно поддерживалъ рыдающаго у него на груди отца.

Дверь тихо отворилась и въ комнату вошла Маня.

Она была блѣдна, грудь ея высоко подымалась, но тихо, кротко и покойно было выраженіе ея прекрасныхъ глазъ.

Отецъ и сынъ оглянулись на нее.

— Я... я все слышала, сказала она, я знала, что случилось что-то, и слушала тутъ...

Маня обернулась къ жениху.

— Я знаю, что ты не виноватъ, что это клевета и... и не боюсь! сказала она. Дорогой мой, мнѣ больно, тяжело будетъ разстаться съ тобою, но вѣдь это не надолго и для того, чтобъ съ большой радостью встрѣтить тебя... встрѣтить послѣ того, какъ ты невинный, оправданный, свободный придешь ко мнѣ...

Яковъ Григорьевичъ бросился къ Манѣ.

— Такъ, ты покойна?.. Такъ ты вѣришь, что не я тутъ виновень! сказалъ онъ... О, благодарю тебя, моя милая, моя дорогая неvěста! Батюшка, не плачьте, успокойтесь, все это пройдетъ!

Старикъ стиснулъ руки.

— Но вѣдь тамъ... тамъ слѣдователь!.. Вѣдь тебя арестуютъ! проговорилъ онъ.

— Такъ что же?... Батюшка, смотрите, какъ покойна Маня, а вѣдь она дѣвушка...

Старикъ вытеръ глаза.

— Такъ подкрѣпи же тебя Богъ, Яша! сказалъ онъ. Марьюшка, неvěстка моя дорогая, ты утѣши его, успокой... Ты не бросай его въ несчастіи-то!.. Говоритъ мнѣ мое отцовское сердце, что не виноватъ онъ... Яша, голубчикъ, вѣдь не ты это?.. Не твоя рука поднялась на такое дѣло!

— Батюшка! сказалъ только Клокочевъ и прислушался къ долетѣвшему изъ залы и гостиной шуму.

— Тамъ шумять!.. Тамъ плачетъ кто то? спросилъ онъ. Такъ всѣ знаютъ это?

— Узнали, проговорилъ глухо старикъ. Отецъ Мани не могъ сдержать себя и разрыдался... Всѣ узнали...

Яковъ Григорьевичъ постоялъ минуту, потомъ подошелъ къ невѣстѣ и обнялъ ее.

— Такъ, до свиданья, Маня! проговорилъ онъ. До скорого, до радостнаго свиданья... Помни, Маня, что на свѣтѣ есть правда и она... она не дастъ погибнуть невинному человѣку...

Маня бросила руки на плечи жениха, опустила голову ему на грудь, хотѣла что-то сказать, но только слабо простонала и безжизненно опустилась на полъ, какъ подкошенная.

Яковъ Григорьевичъ осторожно поцѣловалъ ее въ лобъ, поднялъ, положилъ на диванъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Въ конторѣ его ждалъ слѣдователь.

— Вы знаете, въ чемъ вы обвиняетесь? холодно и покойно спросилъ слѣдователь у Клокачева.

— Про меня сказано, что я поджегъ домъ и покушался убить...

— И сожгли человѣка, добавилъ слѣдователь. Я долженъ васъ арестовать...

Клокачевъ безмолвно поклонился.

Слѣдователь взялъ со стола шляпу.

— Вы готовы?

— Готовъ.

Слѣдователь сдѣлалъ знакъ рукою и пошелъ сопровождаемый блѣднымъ, какъ мертвецъ, молодымъ человѣкомъ.

Отчаянный вопль отца несчастной невѣсты достигъ до слуха Клокачева.

XI.

Поправилась Глафира Степановна, почти здорова стала. Крѣпка была у ней натура, трудненько было сломить ее. Въ любимой своей кисейной сорочкѣ, въ сарафанѣ шелковомъ сидитъ на пуховикѣ, ножки по стеганному атласному одѣяльцу протянула, чешетъ свои косы шелковистыя и слушаетъ розсказни Петра Акимова, сторожа огороднаго, который теперь у ней первымъ человѣкомъ сталъ. Михайлу покойнаго замѣнилъ.

Горница у Глафиры Степановны отличная, хорошія деньги она за нее платитъ и ни въ чемъ не нуждается: почти всѣ деньги Петръ Акимовъ возвратилъ ей, да и баринъ знакомый послѣ пожара навѣстилъ, помогъ и часто наѣзжать сталъ, такъ часто, что Петръ Акимовъ ужъ злился на него и, словно волкъ на сторожевую собаку, зубами шелкалъ.

Чешетъ свои косы длинныя Глафира Степановна, а Петръ около кровати сидитъ.

— Экія косы то, Глафира Степановна, экія косы то! похваливаетъ онъ и жмуритъ глаза. Поди да обойди всю Россію—такихъ косъ не найдешь!..

— Неужели?

— Истинный Господь!.. Да и не только косы... И щеки алыя, и глазки веселые, и тѣло бѣлое, атласное...

— Гмъ! Какъ же ты хотѣлъ тѣло это бѣлое, атласное на огнѣ сжечь?.. А?

Точно огнемъ обожгло Петра Акимова этими словами, такъ и вскочилъ онъ, такъ и покорило его.

— Да не поминай же ты объ этомъ, Глафира Степановна!.. Не терзай ты меня!.. Хочешь наказать—накажи, а не поминай... Прикажи мнѣ руку себѣ отрубить—я отрублю, голову свою для тебя отрѣжу, а этого ты не поминай! сказалъ онъ.

— Ха, ха, ха! звонко захохотала Глафира Степановна. Не любишь?.. А каково мнѣ было?.. Каково мнѣ было, когда ты душилъ меня, а потомъ я, среди полымя, въ подполье ползла и тамъ задыхаючись сидѣла?.. Каково?

— Да, будетъ же!.. Не терзай же ты меня! простоналъ Петръ Акимовъ. Ну, прикажи—я самъ себя на медленномъ огнѣ сожгу, по кусочкамъ себя разорву!..

— Ха, ха, ха!.. Нѣтъ, не надо, Петя... Тебя не надо, а вотъ другаго кой кого, можетъ, и прикажу... Исполнишь?

— Исполню!.. Я для тебя все исполню теперь...

— Ну, спасибо... Хорошо, вѣдь, Петя, поглядѣть на муки во-рога своего, а?

— Хорошо, Глафира Степановна!

— Ишь ты!.. Это ты о баринѣ моемъ думаешь? Смотри, не смѣй! Думать и то не смѣй... Я моего барина люблю...

— Любишь, спросилъ сторожъ, а голосъ у самого такъ и упалъ, словно не своимъ голосомъ спросилъ.

— Люблю?.. Не такъ, какъ Яшку, а все же люблю... Баринъ вѣдь, онъ... Ужъ какой привѣтливый, важеватый, нѣжный, истинно что баринъ, и видомъ баринъ... За руку возьмешь, такъ что твой атласъ, не то что у васъ, у сиволапыхъ...

— Дразнишь чтоль, Глафира Степанова? Ежели дразнишь, такъ... такъ...

— Такъ что?

Прищурила свои очи жгучія Глафира Степановна, оперлась на руку и глядитъ на сторожа.

— Такъ что? спрашиваю... Ужъ не грозитъ ли хочешь?.. Не боюсь теперь, Петрушенька, не боюсь: теперь ты мой, куда хочу, туда и дѣваю тебя... Теперь ужъ не задумаюсь, не спалишь на огнѣ!... Ха, ха, ха!..

— Тебя не спалю, а ему до бѣды не далеко...

— Только смѣй!.. Прогоню, какъ пса негодного прогоню, на порогъ не пущу?.. Слышишь?

— Слышу!.. Не диво, что и послушаютъ тебя, потому власть ты надо мной имѣешь великую... Диво это какое то, Глафира Степановна, ей Богу, диво!.. Вѣдь, ужъ тертый я калачъ, вѣдь, уже звѣрь почти, что, а передъ тобою — ровно ягненокъ!.. Въ Сибирь былъ посланъ за убійство жены, бѣжалъ, по острогамъ шатался, кралъ, грабилъ... убивалъ... а тебя... тебя мнѣ не тронуть, чувствую, что не тронуть!

— Ха, ха, ха!.. У меня все такъ... Я вотъ только Яшу Клокачева и не могла смирить, его рука только и бывала на мнѣ, да и то послѣ ужъ разлюбилъ меня, охладѣлъ...

— Колдунья ты, такъ надо полагать...

— Я то?.. Вотъ чѣмъ я колдую то, погляди!

Обвила Глафира Степановна вокругъ бѣлой руки длинную косу, вытянула ее, потомъ улыбнулась, ласково, задушевно улыбнулась, а въ очахъ огонь затеплился, а уста полуоткрылись, зубы обнажились, а грудь заколыхалась волной перекатною...

— Вотъ я колдую чѣмъ — красой своей!

— Глаша! вскрикнулъ Петръ Акимовъ и бросился было кн-

ней съ поцѣлуемъ жаркимъ, а она оттолкнула его, отодвинулась и засмѣялась.

— Не подходи ко мнѣ: мнѣ лекарь велѣлъ спокойной быть, вредно мнѣ и говорить много, а что цѣловаться... Ха, ха, ха!

Отошелъ сторожъ, сѣлъ у стѣны и повѣсилъ голову и уставилъ въ полъ горящіе огнемъ глаза.

— Ты, Петя, Расскажи ка мнѣ лучше, какъ ты съ Яковомъ то Григорьевичемъ въ ту ноченьку знакомство свелъ, какъ надумалъ ко мнѣ съ сѣдломъ идти, какъ тебя соблазнило убить меня...

— Да вѣдь, рассказывалъ, неоднократно рассказывалъ...

— Еще Расскажи... Сказки я не люблю, былъ лучше, а мнѣ уснуть охота, вотъ я подъ твои розказни и усну... Говори, Петръ Акимычъ!..

— Да что же тебѣ говорить—просто все было... Какъ увидалъ я Клокочева на огородѣ, какъ рассказалъ онъ мнѣ, какъ его Михайло угостилъ гвоздикомъ—я взялъ сѣдло, отнесъ въ сторожку, на другое утро шкуру съ коня продалъ, сказавши, что это де прасолъ одивъ бѣшанаго коня пристрѣлилъ... Зачѣмъ, думаю себѣ, я его къ Глафирѣ Степановнѣ понесу? Лучше продамъ, потому сѣдло новое, дорогое сѣдло, а потомъ и надумалъ я штуку... Пойду-ка, молъ, я съ сѣдломъ то къ Глафирѣ Степановнѣ, пугну ее да Михайлу, они мнѣ, молъ, больше дадутъ... Ну, и пошелъ, а тамъ... а тамъ грѣхъ вышелъ, бѣда...

— А изъ той бѣды и радость! сквозь сонъ промолвила Глафира Степановна. Мнѣ то радость, что я у разлучницы постылой дружка, жениха отняла, а тебѣ то, что ты со мной... Такъ ли?

Сторожъ вздохнулъ.

— Хороша радость, коль я покою не знаю, сказалъ онъ.

— Ха, ха, ха!.. А ты погоди, Петруша, потерпи: я тебя мужемъ своимъ сдѣлаю, замужъ за тебя пойду... А теперь... теперь иди вонъ: я спать буду?

Опять вздохнулъ Петръ Акимовъ и вышелъ изъ горницы, на огородъ на Глафиринъ пошелъ было, потому теперь Мишкино мѣсто заступилъ, „управителемъ“ его работники и сосѣди звали.

Пошелъ, да и вернулся.

Гостя къ Глафирѣ Степановнѣ пріѣхала. Только онъ сошелъ

съ крылечка, а къ крылечку городская пролетка. Пролетка хорошая, дорогая, лошадь въ нее запряжена сытая, цѣнная, только кучеръ не очень исправенъ—такъ, мужикъ, видно, что случайно за кучера сѣлъ.

Вышла изъ пролетки дѣвушка. Личико блѣдное, но прекрасное, глаза лучше, чѣмъ у самой Глафиры Степановны; изъ подъ бѣлаго шелковаго платка пряди шелковистыхъ волосъ свѣтло-русыхъ выбились, щеки отъ вѣтра румянцемъ рдѣютъ,—надуло нѣжную кожу загороднымъ вѣтромъ осеннимъ. Бархатная шубка на дѣвущкѣ, изъ-подъ нея шелковое платье видно. Богатая гостья, по всему видно.

„Кто бы это такая?“ думаетъ Петръ Акимовъ. „Ужъ не барина ли того, который къ Глашѣ ѣздитъ, зазноба, али жена?.. Ну, барышня, худа бы тебѣ тутъ не было!..“

А гостья вышла изъ пролетки и оглянулась.

— Гдѣ тутъ Глафира Степановна живетъ? обратилась она къ Петру Акимову.

— Здѣсь живетъ, вотъ въ этомъ домѣ... А вамъ зачѣмъ?

— Надо... Могу я видѣть ее?

— Уснула она, отдыхаетъ... А впрочемъ идите вотъ въ горенку, коли спать, такъ либо разбудите, либо подождите...

Гостья поднялась на лѣсенку и остановилась у дверей.

— Идти, или нѣтъ? прошептала она, дрожащей рукой взявшись за скобку. Страшно, о, какъ страшно, но... но вѣдь, надо, надо идти!..

Она отворила дверь и вошла въ комнату. Лежитъ Глафира Степановна на кровати, спитъ. Рѣсницы чуть не до половины щеки достаютъ, уста полуоткрыты, коса развѣталась на подушкѣ, грудь высоко вздымается...

— Хороша она! тихо, тихо произнесла гостья и остановилась среди комнаты. Ужели же у такой красавицы такое злое сердце?..

— Глафира Степановна! окликнула она хозяйку.

Дрогнули длинныя рѣсницы, открылись глаза.

— Что?.. Кто меня зоветъ? спросила Глафира Степановна и приподняла голову... Приподняла, потомъ быстро поднялась, сѣла на кровати и вперила взоръ въ гостью, глубоко изумленная.

— Голубка Маня?.. Марья Павловна? задыхаясь спросила она.

— Да... Приѣхала къ вамъ Глафира Степановна, по большому, по нужному дѣлу приѣхала...

Дрожалъ голосъ у гостыи, едва говорила она, едва на ногахъ стояла.

— Узнала, какъ взглянула, такъ и узнала, проговорила Глафира Степановна, а сама такъ и впиалась глазами въ гостыю, такъ и мѣрила ее взглядомъ. Хороша, куда какъ хороша!.. Есть за что полюбить, есть за что...

Встала она съ кровати, взяла Маню за руку повыше локтя и подвела къ зеркалу на стѣнѣ, сама рядомъ встала.

— Блѣдна, недородна, нѣжна ужъ очень, а... а хороша... Може меня, свѣжѣе, наряднѣе...

Еще разъ окинула она Маню взглядомъ и встала противъ нея, а ее усадила на стулъ.

— Гостыя ко мнѣ какая пожаловала! проговорила съ улыбкой, а въ улыбки и радость, и зло, и насмѣшка.

— Какъ же это ты приѣхала? Какъ надумала? Не говорило тебѣ сердце, что... что можно тебѣ и не уйти отсюда?.. Ждала ее, всячески замананить придумывала, деньги, труды тратила, а она сама пожаловала!.. Сама въ руки мнѣ отдалась.

Маня взглянула въ лицо хозяйки.

— Вы не обижайте меня, не дѣлайте мнѣ зла! сказала она. Я такъ несчастна, такъ несчастна!.. Я вѣдь довѣрчиво пришла къ вамъ, а, говорятъ, если ко льву, къ звѣрю лютому довѣрчиво, безъ страха подойти, такъ и онъ не тронетъ...

— Гмъ!.. Не знаю ужъ я этого... Я вотъ заснула тутъ и сонъ видѣла... Видѣла я, что поймали мнѣ тебя, привезли... Какъ ужъ я рада то была, какъ рада!.. Такъ и забилося у меня сердце, такъ и запрыгало... Взяла будто бы я тебя, ручки бѣлыя связала, моя молъ, теперь, никуда не уйдешь!.. И стала я мучить тебя всячески... Кровь твою увидала, стоны услышала, и такъ то мнѣ радостно, да весело сдѣлалось, такъ то хорошо. Тѣшусь я тобой, а ты молишь о пощадѣ, унижаешься передо мною, его, Якова Григорича, кланешь...

Дико сверкали глаза у Глафиры Степановны; раздулись ноздри,

словно у коня горячаго, руки края одежды стиснули. Она подошла къ Манѣ и взяла ее за руки. Та дрогнула, но промолчала...

— Раздѣвайся-ка, гостыя дорогая, погости у меня... Ужъ какъ угощу-то я тебя!.. Угощу, въ постелюшку уложу... Сама пришла! Помню, въ ребячествѣ сказку мнѣ рассказывали, какъ богатырь къ Бабѣ-Ягѣ пришелъ и какъ Баба-Яга говорила: „слыхомъ не слыхала, видомъ не видала русскаго духа, а русскій духъ самъ пришелъ ко мнѣ!..“ Вотъ такъ и ты—сама пришла... Хотѣла Баба-Яга живьемъ сварить богатыря, да не дался онъ, одолѣлъ Бабу-Ягу, ну, а ты меня не одолѣешь, куда тебѣ!.. Вонъ ты нѣжненькая какая...

Обняла Глафира Степановна Маню, прижала къ груди и вдругъ поцѣловала въ губы... еще разъ, еще... Много и долго цѣловала она ее и въ губы, и въ щеки, и въ очи...

— Сладко поцѣловать такую красу, сладко поцѣловать зазную друга сердечнаго, а еще слаще... на муки ея поглядѣть... Маня, красавица моя, вѣдь я тебя не отпущу отъ себя!

Маня собрала всѣ силы и тихо, спокойно проговорила:

— Нѣтъ, отпустишь ты меня... Онъ, Яша, въ тюрьмѣ даромъ, напрасно страдаетъ и ради него я пришла къ тебѣ, такъ не тронешь ты меня; вѣдь ты тоже любишь его... Глафира Степановна, ты вотъ что, ты судьбѣ своей покорись... Вѣдь, у cadaго человѣка есть своя судьба и отъ судьбы той не уйдешь, какъ не старайся, что ни дѣлай, а не уйдешь... Твоя судьба — съ Яшей не жить, Богомъ такъ стало быть положено, такъ и надо покориться ему... Глафира Степановна, ты то разсуди — какая тебѣ польза мучить меня, губить Яшу? Зло въ тебѣ на меня, зло на него, ну, отведешь ты душу, отомстишь намъ, а тамъ что? А тамъ пойдутъ твои муки... Придетъ ночь темная, останешься ты одна, и встанутъ передъ тобою грѣхи твои... Всѣ, до одного, всѣ встанутъ и такъ то тяжело, такъ то жутко станеть, что и не выскажешь!.. Вотъ у меня такъ бывало: обидишь, бывало, кого-нибудь, дурное что-нибудь сдѣлаешь и встанеть ночью совѣсть, проснешься и мучаешься... А вѣдь, тобою то задуманный грѣхъ великъ,—вѣдь ты двухъ человѣкъ погубить хочешь!.. О, какія ночи страшныя предстоятъ тебѣ!.. Ты подумай объ этомъ, разсуди и ты согласишься со мною...

А ты уступи мнѣ Яшу, помирись съ той мыслью, что онъ не твой и не мѣшай ему быть счастливымъ, хоть за то, что онъ тебѣ счастье давалъ... Какъ хорошо у тебя на душѣ будетъ, Глафира Степановна, когда ты хорошее дѣло сдѣлаешь, какъ хорошо!.. Ты испытала ли это?.. Точно въ раю себя чувствуешь, точно праздникъ великій у тебя... Вонъ ты красавица какая — ты найдешь себѣ счастье и безъ Яши и будешь вполне счастлива, ни единая дума черная не смутитъ твоего счастья... Я вотъ долго думала обо всемъ объ этомъ и поѣхала къ тебѣ... Поѣхала съ вѣрой, знала, что не обидишь ты меня, а осчастливленную отпустишь... Такъ ли, Глафира Степановна?

Словечка не проронивъ, слушала Глафира Степановна Маню, наклонилась къ ней, уставила на нее глаза и слушала, а по лицу у ней точно свѣтлый лучъ прошелъ, засіяло лицо, радостное такое, хорошее и доброе сдѣлалось оно...

— Такъ!.. Такъ, голубка! сказала она и взяла обѣ руки Мани. Такъ!.. Не даромъ тебя голубкой то зовутъ... Какая же ты хорошая, какая же добрая, да умная, да кроткая. Поцѣлуй меня моя... сестрица моя...

Обвила Глафира Степановна шею Мани руками и жарко, жарко поцѣловала ее.

— Будь же моей сестрицей, будь!.. Я люблю тебя, всей душой люблю!..

— Яшу отдашь? прошептала Маня, пряча личико на груди у Глафиры.

— Отдамъ!.. Возьми, возьми его, твой онъ! Ты посиди у меня, я угощать тебя буду!.. Голубка! Недавно хотѣла руки на нее поднять, а теперь... теперь волчицей брошусь на того, кто хоть пальцемъ тронетъ тебя!.. Прощаю Яшѣ, прощаю—такую и нельзя не любить... Вѣдь, до самого сердца ты доняла меня!.. И рѣчами доняла и взглядомъ своимъ яснымъ... Сымай шубку, посиди у меня, погости...

— Пора, Глафира Степановна! сказала Маня, сіяя счастьемъ. Пора ѣхать и сказать тамъ, судьямъ то, что не виновенъ мой Яша, что наговорили на него.

Вдругъ лицо дѣвушки омрачилось.

— А тебѣ... тебѣ ничего не будетъ, Глафира Степановна, за то что ты напрасно наговорила не него? спросила она съ тревогой.

— А пусть! безпечно улыбнулась Глафира. Пусть и будетъ... Мнѣ хоть немного да надо пострадать за свои грѣхи... Я вѣдь много, куда какъ много грѣшила!.. Такъ посиди, Маничка, погости у меня...

— Хорошо... Хорошая ты, Глафира Степановна, хорошая у тебя душа! сказала Маня и обняла недавняго врага...

Въ это время отъ наружныхъ дверей, съ площадки лѣстницы, осторожно сошелъ на дворъ Петръ Акимовъ. Весь разговоръ слышалъ онъ, припавъ ухомъ къ двери, и жутко ему стало, захолоуло у него на душѣ.

„Ага, вотъ оно что!“ думалъ онъ, понутивъ голову. „Вотъ зачѣмъ прїѣзжала гостя... Такъ я и думалъ, такъ и зналъ... Ну, погоди еще купецкая дочка, не торопись къ жениху съ радостной вѣсточкой, успѣешь... Нѣтъ, не отдамъ я свою голову, зря въ которгую не пойду!.. Ишь ты, грѣхъ какой!.. Ублажила птичка сладковучная Глафиру, размякла баба. Да это она такъ на время, блажить только. Вотъ какъ приберу я эту пѣвунью то, прихлопну ее западней, такъ опять Глашенька другое запоетъ... Ишь ты, совѣсть проснулась! Чуть, чуть не въ монахини идти готова!.. Погоди жъ ты, дѣвченка, я тебя усмирю!..“

Вышелъ Петръ на улицу и подошелъ къ кучеру Мани.

— Стоишь? спросилъ онъ дремлющаго на козлахъ парня.

— Да, стою вотъ...

— Кучеръ что ль?

— Нѣтъ, такъ, работникъ... Утайкой хозяйская дочка поѣхала, такъ меня и взяла; заправскій то кучеръ съ родителемъ ейнымъ уѣхалъ...

— Такъ, такъ... Что жъ тебѣ тутъ зря то на холоду стоять— пойдемъ хватимъ, по стаканчику, чайку поъемъ...

Работникъ и губы облизнулъ.

— Хорошо бы, голова, да выйдетъ, пожалуй, хозяйка то, а меня нѣтъ...

— Гдѣ тамъ выдетъ—чай сѣли пить; часа два, а нѣтъ такъ и больше просидятъ... Введи коня то во дворъ, я овсеца ему дамъ, а сами пойдемъ...

— Спасибо на ласкѣ!.. Вы служащій что-ли?

— Да, работникъ старшій...

Петръ Акимовъ съ работникомъ ввелъ коня во дворъ, далъ овса, заперъ ворота и повелъ угощать новаго пріятеля, а у того тоже целковый звенѣлъ въ карманѣ, гулевой цѣлковый, на чай данный; хорошо было растопить его, хорошаго человѣка угостить.

Долгонько посидѣла Маня у Глафиры Степановны, обо многомъ поговорила съ нею, покушала чаю и заторопилась домой—сумерки ужъ осенніе спускаться стали.

Вышла Глафира Степановна на дворъ—конь стоитъ, а кучера нѣтъ. Напоила Глафира Степановна коня, взнуздала привычными руками и пришла къ Манѣ.

— Отошелъ твой кучеръ, Маня, видно, съ моимъ работникомъ чай пошелъ пить... погоди, голубка, чуточку, я схожу, пошло поискать его... Я и рада этому: лишнюю минуту со мной посидишь..

— Долго, безпокоится будутъ папаша, я думаю, вернулся ужъ сказала Маня.

— Э, ничего!.. Радостную вѣсть привезешь, такъ все забудется... Я завтра чѣмъ свѣтъ въ городъ, въ судъ прямо, или къ слѣдователю тамъ, что ли, и все скажу, а нонѣ Петру Акимычу бѣдному бѣжать велю, пусть свою голову уносить, какъ знаетъ... Правду ты молвила: отрадно мнѣ, весело!..

Маня только улыбается счастливой улыбкой, да не знаетъ какъ приласкать лучше Глафиру Степановну...

Вотъ пришелъ и работникъ. Лицо праздничное такое, глаза масляные, языкъ заплетается немного.

— Ничего, Марья Павловна, доѣдемъ, не извольте безпокоить себя... Чудесно доѣдемъ!.. Я чайку попилъ, да единственный стаканчикъ пропустилъ, единственный!.. Тпру, ты!..

Сѣлъ на козла, молодецъ подаль лошадь, и Глафира Степановна усадила Маню, наказавъ работнику быть осторожнѣе, дорогу выбирать и не ѣхать шибко.

— Ничего-съ, въ лучшемъ видѣ доѣдемъ! самохвально сказалъ работникъ.

— А гдѣ мой то? Петръ Акимовъ гдѣ? спросила Глафира Степановна.

— А онъ прилежъ отдохнуть... У сосѣда у своего прилежъ, потому какъ очинно захмѣлѣлъ шибко... Н-ну, трогай!..

Шевельнулъ возжами паренъ и застоявшійся конь ходко помчалъ пролетку.

На улицѣ стемнѣло совершенно и поднялся вѣтеръ.

ХІІ.

Совсѣмъ темно стало. Такъ темно, что въ двухъ шагахъ человѣка не видно, куста придорожнаго не отличишь отъ темнаго фона дороги.

Жутко въ такую ночь съ грѣхами на душѣ, просыпается совесть и встаютъ образы прожитой жизни, встаютъ во мракѣ всѣ грѣхи и чредой проходятъ передъ глазами. Ничего не видно въ такую ночь, а грѣхи эти видно, и жутко, и страшно, и больно отъ нихъ...

Вотъ, сторожу огородному, Петру Акимову, такъ жутко теперь, что взялъ бы, да руки на себя и наложилъ...

Сидитъ онъ за кустикомъ на дорогѣ отъ Коломенскаго къ Москвѣ и думаетъ не веселыя думы...

И на огородѣ было ему жутко иной часъ ночью порою, когда онъ сторожилъ хозяйское добро, а теперь еще жутче, еще страшнѣе...

Тамъ онъ мирнымъ дѣломъ былъ занятъ, безсонными ночами хлѣбъ себѣ зарабатывалъ, чужое добро стерегъ, а теперь...

Теперь онъ сторожить тоже, да человѣка сторожить, съ недоброй мыслью сторожить—убить хочетъ...

Молодая жизнь, жизнь, полная счастья, должна погибнуть отъ его руки... Сидитъ, слушаетъ, глядитъ во тьму ночи и крѣпко сжимаетъ въ рукѣ ножъ... Поперегъ дороги бревно положилъ, споткнется конь объ его бревно шарахнется въ сторону, а онъ и выскочитъ тутъ...

Эхъ, страшно какъ!..

Страшно, тяжело, а надо убить. Не убьешь если—самъ погибнешь. Смягчилось сердце Глафиры Степановны, полюбила она Маню голубку и хочетъ всю правду сказать, хочетъ освободить Якова

Клокочева отъ бѣды... Его освободить, а Петра Акимова погубить... Быть можетъ, и не скажетъ всю правду, а все лучше Маню эту прибрать—спокойно будетъ...

И ждетъ Петръ купеческую дочку и думаетъ свои невеселыя думы...

Былъ когда-то и онъ хорошимъ человѣкомъ, да погубило вино... Сталъ пить, жену въ пьяномъ видѣ убилъ, попалъ въ острогъ, въ Сибирь, бѣжалъ, на большихъ дорогахъ грабилъ; посчитать хорошенько, такъ и еще было кой-что на совѣсти... Души христіанскія были да и не одна, не двѣ... Бросилъ наконецъ все, честнымъ человѣкомъ захотѣлъ быть, работать пошелъ и все ужъ позабывать сталъ, имя свое опозоренное, и то забылъ, подъ чужимъ именемъ слылъ, и за этимъ именемъ, за Петромъ Акимовымъ, не было никакого грѣха; всякій зналъ Петра Акимова за человѣка тихаго, честнаго, работающаго, а тутъ и вышло это... Соблазнили деньги Глафиры Степановны, захотѣлъ взять ихъ, а взять тайкомъ не пришлось, надо было разбой въ дѣло пустить... Ну, и пустилъ, и сгорѣлъ отъ его руки человѣкъ. А тутъ вотъ опять. Отпусти онъ Маню и не далеко ему до бѣды. Коль не Клокочевъ поджегъ, да Глафиру Степановну убить хотѣлъ, такъ кто же?

Скажетъ Глафира Степановна правду, скажетъ!.. Почему ей не сказать-то? Вѣдь она его не любитъ, только потѣшается надъ нимъ... Скажетъ.

Ждетъ Петръ Акимовъ и все крѣпче сжимаетъ ножъ...

Темно, холодно, вѣтеръ гудитъ кругомъ и словно поетъ похоронную пѣсню... Встаютъ въ темной ноченькѣ погибшія отъ руки Петра Акимова... Вотъ, жена его... скромная, тихая баба была, любила его... Вотъ она, какъ живая... Сложила руки, упала передъ мужемъ, обливается слезами, а онъ стоитъ, съ топоромъ въ рукахъ и... кровь, стоны, мольба, а топоръ такъ и свиститъ въ воздухѣ... А вотъ старушка въ сибирской тайгѣ... Дряхлая, полуслѣпая старушка еле живая... Идетъ въ острогъ сына навѣстить, хлѣбца ему несетъ, яичекъ, а Петръ Акимовичъ бродитъ по тайгѣ третьи сутки голодный, еле ноги волочитъ. Хочетъ взять у старушки хлѣбъ, а она не даетъ, жаль — сынку хлѣбъ несетъ, сама почти не ѣла ничего цѣлыя сутки... „Такъ ты вотъ какъ!“ бѣшено

шпечеть голодный каторжникъ и бьетъ старуху дубиной... Сытъ на цѣлую недѣлю, а тамъ... а тамъ опять такъ же вотъ убьетъ когонибудь...

Въ воѣ вѣтра слышится ему стонъ погибшихъ, слышатся ихъ вопли о пощадѣ, а вотъ что-то гремитъ...

Привсталъ съ земли Петръ Акимовъ, слушаетъ...

Пролетка гремитъ колесами и звонко отбиваетъ конь копытами по застывшей землѣ.

Это она ѣдетъ, Маня...

То рысцей пуститъ работникъ коня, то одержитъ его! шагомъ ѣдетъ, не видя дороги.

— Осторожнѣе, Иванъ, тише! испуганно говорить Маня. Тутъ вонъ налѣво канава... Тише, Иванъ!..

— Не безпокойся, Марья Павловна, въ лучшемъ, то-ись, видѣ доѣдемъ... То ись во какъ — за первый сортъ... Тпру, ты окаанная!.. Ишь тебя въ канаву-то несетъ!.. Н-ну, милый, не бойся!.. Охъ, жисть!..

Покрикиваетъ работникъ, а самъ такъ и шатается на козлахъ, еле сидитъ...

— Напрасно ты пилъ, Иванъ... Ты вѣдь пьянъ, робко замѣчаетъ Маня.

— Кто?.. Я пьянъ?.. Ни, Боже мой!.. Какъ же я могу быть пьянъ, ежели я хозяйскую дочку везу?.. Я въ аккуратѣ долженъ быть, а не то что... Нѣтъ, я, барышня, не пьянъ... Тпру!..

Конь спотынулся о что-то и круто повернулъ въ сторону.

— Кто тутъ лѣшій? пробормоталъ парень. Ишь ты, колода какая-то лежитъ... Кого это угораздило?.. Ай, штобъ тебѣ!.. Барышня, поддержи, милая, возжи, а я оттащу бревно-то...

— А не дергаетъ лошадь? Не опрокинетъ! спрашиваетъ Маня и дрожащими руками беретъ вожжи.

— Пошто ей опрокидывать?.. Ты держи и шабашъ, а я слезу... Тпру!.. Полѣзъ парень съ козель.

— Вѣдь, тутъ большое бревно, Иванъ, тебѣ не оттащить его одному то...

— Чаво?.. Мнѣ не оттащить!.. Да я его какъ перышко, а не то што... Я съ товаромъ возъ подымалъ на споръ...

Слѣзъ работникъ и взялся за бревно.

Вдругъ изъ-за придорожнаго кустика поднялся челоѣкъ и бросился къ пролеткѣ.

— Ай! пронзительно крикнула Маня и дернула вожжи. Метнулся конь въ сторону, чуть не упалъ въ канаву, потомъ впередъ подался, перепрыгнулъ черезъ бревно, задѣлъ колесами за парня, который оттащилъ на половину бревно, и помчался по дорогѣ, почувствовавъ неумѣлыя руки на вожжахъ.

Отлетѣлъ въ сторону работникъ, ушибленный колесомъ, поднялся на ноги и закричалъ что было силъ на лошадь, а та только рыси, подбавила отъ этого крика, вскачь потомъ пошла и скрылась во мракѣ ночи.

Работникъ глянулъ назадъ и видитъ, присѣлъ у дороги челоѣкъ, охаетъ, стонетъ. Шибко его ударило колесами...

Подошелъ къ нему парень и схватилъ за воротъ.

— Господи, да вѣдь, это Петръ Акимовъ, пріятель мой!.. Какъ это... Не договорилъ парень рѣчи своей, вскрикнулъ только и упалъ наввнчть.

По самую почти рукоятку вонзилъ ему ножъ разбойникъ въ животъ и вскочилъ на ноги.

— Не будешь свидѣтелемъ, сердешный! прошепталъ онъ и побѣжалъ по дорогѣ къ Москвѣ, зная, что не далеко проскачетъ лошадь по коленистой дорогѣ, никѣмъ не управляемая.

Бѣжить, прислушивается.

Слышно издали, какъ бѣшено скачетъ испуганная лошадь. Гремятъ колеса! гулъ идетъ по дорогѣ... А вотъ и тише. Вотъ ужъ шагомъ идетъ лошадь... Устала, зная, или запуталась вожжами.

— Догоню, сейчасъ догоню! шепчетъ Петръ Акимовъ и бѣжить. Ну, Марья, свѣтъ Павловна, не уйти тебѣ отъ меня!..

А Глафира Степановна, проводивъ гостю, вернулась въ комнату и стала на колѣни передъ иконою Божіей Матери. Хорошо, весело, отрадно было у ней на душѣ... Такъ хорошо, что никогда еще, во всю ея жизнь не было ей такъ хорошо! Словно праздникъ великій насталъ у ней и разлилось блаженство неизъяснимое на душѣ... Жарко молилась она и благодарила Бога за обновленіе свое... Теперь она будетъ хорошей женщиной, теперь она заживетъ

тихой, покойной жизнью и... и быть может найдетъ счастье... Ее любить баринъ этотъ, такъ любить, что не разъ намекалъ о свадьбѣ, непрочъ взять ее за себя... Красавецъ онъ, умный, ласковый, богатый... Не жизнь ей будетъ, а счастье, долгое, постоянное счастье... Стихнутъ мятежныя думы, успокоится сердце, заснутъ страсти, и будетъ она жить въ любви, въ согласіи, въ почетѣ...

Жарко, усердно молится Глафира Степановна и плачетъ отрад-ными слезами.

Плачетъ и удивляется: какъ это раньше не дошла она до этого... Вся то жизнь прошла въ разлукѣ, вся то молодость потрачена была на мятежную, на грѣховную любовь, а счастья... его пожалуй и не было, а коль и было, такъ бурное, мимолетное, а теперь... теперь оно сулится быть тихимъ, но прочнымъ, долгимъ.

Прервала молитву Глафиры Степановны баба, сосѣдка, хозяйка избы, въ которой Петръ Акимовъ жилъ.

Поклонилась баба Глафирѣ Степановнѣ и подперла щеку рукою.

— Что скажешь, Домнушка? спросила Глафира Степановна.

— Да неладное сказать тебѣ пришла, желанная...

— Что такое? встревожилась Глафира Степановна.

— Да ужъ то... Ужъ такое, что, ахъ ты Господи!..

— Да что такое? Говори!..

— Не задумалъ ли твой Петръ Акимычъ неладнаго чего. Вотъ что, милая...

— Мой?.. Какой онъ мой? нахмурила брови Глафира Степановна,

— Ну, извини, коль не такъ слово сказала, извини...

— Да не въ этомъ дѣло, Домна!.. Что задумалъ то онъ?

— А вотъ что... Къ тебѣ гостя что-ль какая приѣзжала?

— Да, была...

— Ну, вотъ... Видѣла я, примѣтила... Гостя, видно, богатая, по всему видно, что богатая... Петръ-отъ Акимычъ кучера твоей гостии зазвалъ ко мнѣ въ избу, да угощалъ все... Ужъ онъ его поилъ, поилъ, потчивалъ, потчивалъ, словно роднаго какого... Парень то кучеръ здоровенный, пьетъ винище и не чувствуетъ, онъ все-жъ доканалъ его, Петръ то, напоилъ, захмѣлѣлъ парень... Я тутъ имъ за водкой бѣгала три раза да самоваръ ставила и дивилась все: за што, молъ, это онъ такъ угощаетъ его, такъ очинно

усердно потчуетъ, напоить желаетъ... Потомъ и смекнула, что не ладно тутъ дѣло то...

— Ну? Ну? живо такъ спросила Глафира Степановна.

— Какъ напоилъ онъ парня, такъ и заторопился, „мнѣ, говорить, пора, ѣхать надо, стемнѣло,“ говорить... Петръ это пьянымъ притворился и легъ на лавку, „я, говорить, захмѣлѣлъ, спать лягу,“ а какъ только парень ушелъ, такъ Петръ Акимычъ вскочилъ, снарядился и проворно таково вышелъ...

Баба покачала головой.

— Все бы это, милая, ничего, да вотъ что неладно: ножъ онъ съ собой захватилъ...

— Ножъ? воскликнула Глафира Степановна, да такъ и затряслась вся.

— Спасибо, Домнушка, спасибо, вѣкъ не забуду услуги твоей, награжу, а теперь.... теперь ѣхать надо!.. Бѣги, голубушка, бѣги скорѣй, вели работникамъ лошадей заложить!.. Охъ, опоздаю, Боже сохрани!..

Засуетилась, забѣгала Глафира Степановна, руки заломала... Платокъ на себя накинула, шубку ищетъ, нашла, да никакъ въ рукава не попадетъ, дрожить вся, а въ головѣ гвоздемъ каленымъ одно слово сидитъ, „опоздаю, опоздаю, опоздаю!..“

Вдругъ подъ окномъ громыхнули бубенцы и загремѣли колеса.

— Боже, вѣдь, это баринъ мой? воскликнула Глафира Степановна и бросилась къ дверямъ...

— Глаша, радость моя! раздался мягкій ласковый голосъ и въ комнату вошелъ баринъ.

По русски одѣтъ баринъ, подъ пару самой Глафирѣ Степановнѣ. Давно она просила его одѣваться такъ.

Алая рубашка шелковая съ косымъ воротомъ, шаровары бархатные за сапоги, поясъ съ кистями, а поверхъ рубахи поддевка русская черная, на головѣ шапка смушковая, а изъ подъ-нея такъ и бѣгутъ русыя кудри... Красавецъ баринъ, такой красавецъ, что ахнула бы въ другое время Глафира Степановна, бросилась бы къ нему на шею, а тутъ только за руки его схватила...

— На тройкѣ? На своей? задыхаясь, спросила она.

— Да... Но что съ тобою, Глаша?.. Что случилось?

— Ёдемъ, скорѣй ёдемъ, Бога ради!.. Вывела изъ комнаты гостя Глафира Степановна, сбѣжала съ лѣстницы и первая вскочила въ тарантасикъ.

— Кататься, что-ль? оглянулся кучеръ, не совѣмъ довольный.

— Нѣтъ... По дѣлу... Поѣзжай! по дорогѣ... по дорогѣ къ Москвѣ... Шибче поѣзжай! крикнула Глафира Степановна. Кучеръ подобралъ возжи, посмотрѣлъ на барина, какъ де онъ прикажетъ.

— Пошелъ!..

— Эхъ, вы, залетныя!..

Тройка вихремъ понеслась; въ одинъ гудъ слились звуки колокольчика, бубенцевъ и трескъ колесъ.

— Глаша, куда мы ёдемъ? что случилось? обратился баринъ къ Глафирѣ, поддерживая ее въ тряскомъ экипажѣ.

— Ёдемъ Маню спасать...

— Маню?.. Ушинову?..

— Да... Послѣ, послѣ все узнаешь, а теперь и не говоритея мнѣ, и не дышется... Господи, если мы опоздаемъ, Господи!..

Тройка все шибче и шибче легла по колеистой дорогѣ...

Маня первое время пыталась было удержатъ лошадь, но скоро бросила возжи и стала держаться за кучерское сидѣнье, еле, еле удерживаясь на толчкахъ, когда пролетка, попадая въ колеи, наклонялась то въ ту, то въ другую сторону. Дѣвушка молила Бога о спасеніи и только на Бога надѣялась; больше помощи ждать было и не отъ кого и не откуда.

Вотъ лошадь перемѣнила бѣшеную скачку на рысь и потомъ пошла шагомъ. Маня услышала за собою шаги бѣгущаго человѣка.

„Господи, спаси, спаси меня“, проговорила она и, выскочивъ изъ пролетки, побѣжала съ дороги на прилегающее и отдѣленное лишь не большою канавкой поле. Ноги вязли въ размокшей отъ частыхъ дождей землѣ, узенькія ботинки жали ногу, въ калоши попадала вода. Маня бѣжала, задыхаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу. Вотъ она выбилась изъ силъ, вотъ вотъ она готова упасть...

— Лягу тутъ, спрячусь! мелькнула у ней мысль, и она легла на сырую землю за небольшое возвышеніе.

Издали долетали до нея шаги лошади и еще другіе шаги—шаги бѣгущаго человѣка. Вотъ первые смолкли. Лошадь устала и остановилась. Человѣкъ бѣжалъ. Вотъ, остановился и онъ.

Маня, схватившись за грудь и сдерживая дыханіе, приподняла голову и взглянула на дорогу. Тамъ мелькнулъ огонекъ и замигалъ въ темнотѣ ночи. Это преслѣдователь зажегъ спичку и искалъ слѣдовъ, не найдя въ пролеткѣ никого. Огонекъ потухъ на минутку и снова вспыхнулъ. Онъ показался теперь лѣвѣе, ближе къ Манѣ.

— Боже, онъ сейчасъ найдетъ меня! простонала Маня и, упавъ головой на землю, зарыдала. Она прощалась со всѣмъ. Она прощалась съ отцемъ, съ Яшей, съ грядущимъ счастіемъ, съ юной, только лишь распустившейся жизнью, со всѣмъ...

Огонекъ снова потухъ и снова вспыхнулъ. Онъ все ближе и ближе...

Но что это?.. Это не вѣтеръ, это не стукъ колесъ пролетки, нѣтъ... Это топотъ бѣшено несущейся тройки и звонъ колокольчика. Да, да, такъ, это колокольчикъ...

Маня вскочила, сбросила съ себя промокшую насквозь шубку и, собравъ всѣ силы, побѣжала наискось, прямо къ приближающейся тройкѣ, и она слышала, какъ за ней кто то вскрикнулъ и тоже побѣжалъ.

— Спасите! Спасите! что было силы закричала Маня и упала на колѣни въ трехъ шагахъ отъ летящей во весь опоръ тройки, которая вдругъ круто остановилась и въ ту же минуту изъ тарантаса выпрыгнулъ человѣкъ, а преслѣдователь Мани догналъ ее и схватилъ за плечо.

— Стой! отчаянно крикнулъ выскочившій изъ тарантаса и однимъ прыжкомъ былъ около Петра Акимова.

Тотъ подался нѣсколько назадъ, но, узнавъ въ подтѣзжавшемъ своего соперника, ненавистнаго ему красавца-барина, бросился на него съ яростью тигра и схватилъ за горло.

— А, ты и тутъ подоспѣлъ! Ты и тутъ хочешь помѣшать мнѣ, такъ вотъ же тебѣ!..

Сторожъ выхватилъ изъ-за голенища сапога ножъ, не выпуская ворота своего врага, но баринъ, въ тотъ мигъ, когда сторожъ наклонился, схватилъ его за шею и пригнулъ къ землѣ.

— Эй, сюда, ко мнѣ! закричалъ онъ, становясь колѣномъ на спину Петра Акимова. Тотъ рванулся было, но подбѣжавшій кучеръ охватилъ его сзади и въ одинъ мигъ закрутилъ ему руки кушакомъ.

Сторожъ заскрипѣлъ зубами и вдругъ, ткнувшись лицомъ въ землю, горько, мучительно горько зарыдалъ.

То были слезы горя, тоски, безсильной злобы и полного отчаянія.

Этими слезами человѣкъ хоронилъ все будущее и оплакивалъ прошедшее.

Глафира Степановна между тѣмъ подняла лишившуюся чувствъ Маню и, какъ ребенка, отнесла въ тарантасъ.

— Благодарю, благодарю тебя, родной мой, ты помогъ мнѣ спасти мою малютку милую! сказала она подошедшему барину и горячо обняла его.

— А ужъ я то какъ радъ, такъ и сказать не могу! улыбнулся баринъ. Только вотъ что, Глаша: вѣдь я ничего не понимаю изъ всего этого... Точно во снѣ все вижу, ей Богу!.. Какъ все это случилось? Какъ попала сюда Маня?

— Послѣ, голубчикъ, послѣ, теперь надо ее спасти—вѣдь безъ чувствъ она, еле дышетъ, въ одномъ платьѣ, сердешная...

Глафира Степановна оглянулась на связаннаго Петра Акимова, который сидѣлъ на землѣ повѣсивъ голову.

— Злодѣй, кровопіецъ! со злобой сказала она. Мало тебѣ, что душу одну погубилъ, меня хотѣлъ убить, парня неповиннаго ножемъ полыснулъ, такъ еще на эту невинную голубку руку хотѣлъ поднять!.. Пощады не жди теперь—въ каторгу пойдешь!..

— И не надо пощады, и не жду ее! мрачно проговорилъ сторожъ. Пойду на каторгу, а раньше того дружка твоего со свѣта сживу... Барину твоему живому не быть, хотъ зубами, а перерву ему глотку!..

— У, песъ! злобно сказала Глафира Степановна и отошла къ тарантасу...

ХІІІ.

Чуть не умеръ отъ тоски и страха Павелъ Ивановичъ. не видя до глухой ночи своей голубки Мани. Онъ то молился Богу, то плакалъ, то умолялъ окружающихъ идти искать ее, но, увы!— никто не зналъ, куда она дѣвалась. Видѣли, какъ ей подали лошадей, видѣли, какъ она поѣхала, но куда? зачѣмъ? — этого никто не зналъ.

— Кто это ѣхать собирается? спросили у работника, когда тотъ закладывалъ лошадь.

Парень тайно улыбнулся на это и ничего не сказалъ опредѣленнаго: „куда надо, туда и ѣдемъ,“ сказалъ онъ, и больше отъ него ничего не добились.

Старикъ не далеко былъ отъ помѣшательства. Его уже ранѣе страшно поразилъ случай съ женихомъ и вдругъ теперь новый и еще болѣе страшный ударъ!..

Онъ не могъ ничего придумать, не зналъ, что дѣлать и только въ отчаяніи ломалъ руки. Ужъ поздно ночью посовѣтовали ему послать за старикомъ Клокочевымъ. Тотъ пріѣхалъ.

Старый кражъ, словно дубъ могучій, выносилъ ударъ и наружно былъ покоенъ, бодръ, только прибавилось сѣдины въ его густой бородѣ, да двѣ, три морщинки легли на высокомъ лбу, а то бы и незамѣтно было, что у старика такое страшное горе...

Онъ пріѣхалъ на зовъ Павла Ивановича и, выслушавъ его безсвязный разсказъ, сейчасъ же догадался, гдѣ Маня.

— Она поѣхала къ той, къ злодѣйкѣ нашей, за Яшу просить, сказалъ онъ, а она окаянная... она стало быть...

Онъ не договорилъ своей мысли и приказалъ немедленно подать себѣ лошадь.

— Поѣду, въ Коломенское поѣду, узнаю что тамъ дѣлается, сказалъ онъ.

Павелъ Ивановичъ упалъ передъ нимъ на колѣни и, обливаясь слезами, молилъ спасти дочь...

— Да, не бойся, сватъ любезный, надѣйся на Бога, привезу тебѣ дочку... Вѣдь, не въ степяхъ азіатскихъ мы живемъ, Господи Боже мой!..

Клокочевъ взялся уже за шапку, какъ вдругъ у воротъ загромычали бубенцы и кто то сильно постучался.

— Она пріѣхала!.. Маню мою привезли! вскричалъ Павелъ Ивановичъ и бросился на дворъ...

Минуты черезъ двѣ въ ярко освѣщенной залѣ дома Павла Ивановича собралось очень много народу — вся прислуга сошлась поглазѣть на пріѣхавшую „колдунью“, такъ звали Глафиру Степановну. Странное довольно зрѣлище представляла теперь эта зала.

Посрединѣ комнаты Павелъ Ивановичъ обнималъ свою ненаглядную Мавю, покрывая ее поцѣлуями и обливаясь слезами; нѣсколько поодаль стоялъ старикъ Клокочевъ и мрачно глядѣлъ на Глафиру Степановну, которая, потупивши глаза подъ испытующимъ пристальнымъ взоромъ старика, стояла рядомъ съ бариномъ. Въ дверяхъ толпилась прислуга, на всевозможные лады толкуя о происшедшемъ.

Маня совершенно оправилась. Радость ли отъ ожиданія скорого благополучнаго конца, крѣпкая ли молодая натура спасли Маню отъ дурныхъ послѣдствій страшной исторіи, но она была лишь счастлива и только. Точно все случившееся было сномъ, и вотъ сонъ кончился, она проснулась и, забывъ всѣ ужасы, живетъ дѣйствительной жизнью, полной радости и счастья. Она поцѣловала отца, успокоила его ободряющими словами и оглянулась на Глафиру Степановну.

— Батюшка, вотъ она, Глафира Степановна, спасла меня отъ большой бѣды... Она моя лучшая подруга, она сестра моя теперь, батюшка! сказала Маня и, подойдя къ Глафирѣ Степановнѣ, взяла ее за руку и подвела къ отцу.

— Полюбите ее, батюшка...

— И простите! поклонилась Глафира. Я много, много виновата

передъ вами!.. Такъ много, что не знаю, могу ли чѣмъ и загладить мою вину.

Старикъ оглядѣлъ Глафиру Степановну и взялъ ее за руки.

— Прощаю, все прощаю, сказалъ онъ.

Клокочевъ быстро подошелъ къ нимъ.

— Погоди, свать! рѣзко остановилъ онъ. Не винить, не миловать ты не можешь: не тебя она обидѣла, не у тебя кровь выпила... Меня она, меня обидѣла смертельно, у меня сына отняла.

— Отдамъ... Отдамъ тебѣ его! сказала Глафира Вотъ она, сестрица моя, переродила меня, и я ужъ не та... Нѣтъ у меня ни зла, ни ненависти.

Клокочевъ такъ и затрепеталъ весь.

— Такъ правду скажешь? Такъ освободишь Яшу? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— О, конечно!.. Вѣдь невиненъ онъ, вѣдь, оклеветала я его... За все, за все простите меня... мнѣ вотъ въ глаза страшно глядѣть, такъ виновата я передъ вами...

Глафиру Степановну успокоили. Всѣ присутствующіе окружили ее и всѣ искренно, горячо простили ей и полюбили ее, крѣпко полюбили въ эти минуты...

Тутъ всѣ много чувствовали, всѣ жили такою полною жизнью, такъ были счастливы, что понимали другъ друга съ полуслова, понимали взглядъ другъ друга, а если говорили немного, то чувствовали очень и очень много. Такія сцены, такіе разговоры не поддаются описанію: они неуловимы, они мимолетны, они, какъ лучи яркаго солнца, которые не передать на бумагѣ, ни перомъ, ни карандашемъ...

Глафира Степановна рассказала, какъ она задумала отомстить Якову Григорьевичу, какъ она страстно любила его, какъ жаждала отомстить Манѣ и какъ затѣмъ чувство мести исчезло и замѣнилось чувствомъ нѣжной, нѣжной любви, неизгласимой привязанности... Она съ жаромъ рассказала о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое произвела на нее Маня, о томъ переворотѣ, который произошелъ въ ней послѣ свиданія съ нею. Затѣмъ, то Маня, то Гла-

фира Степановна передали подробности о страшномъ приключеніи на дорогѣ изъ Коломенскаго.

Павелъ Ивановичъ вышелъ послѣ этого разсказа въ сосѣднюю комнату и сталъ на колѣни предъ иконами. Жарка и искренна была его молитва. Быть можетъ, во всю жизнь онъ еще ни разу такъ не молился.

Баринъ между тѣмъ, выпивъ на скорую руку стаканъ чаю съ ромомъ, отправился кончать начатое. Онъ самъ отвезъ смертельно раненаго работника въ больницу, а Петра Акимова—въ полицію, гдѣ пришедшій въ состояніе мрачной отчаянности мужикъ отрывисто и грубо разсказалъ всю правду. Разсказалъ какъ онъ поджегъ домъ Глафиры Степановны, какъ онъ хотѣлъ задушить ее, какъ затѣмъ вмѣстѣ съ нею они рѣшили оклеветать Клокочева. На вопросъ производившаго дознаніе, съ какой цѣлью онъ намѣревался убить Маню,—Петръ Акимовъ отрывисто отвѣтилъ.

— Ограбить хотѣлъ!.. Что вы тутъ пристаёте-то ко мнѣ? Вѣдь, все я сказалъ, ну, и ведите въ острогъ, больше я ничего говорить не буду...

Не отвѣчая затѣмъ ни на одинъ вопросъ полицейскаго офицера, Петръ Акимовъ повернулся къ барину и обратилъ на него взглядъ, полный неукротимой злобы и страшной ненависти. Взглядъ этотъ былъ такъ страшенъ, что баринъ поблѣднѣлъ и опустилъ глаза.

— Ну, господинъ, ты помни меня! проговорилъ Петръ. Спи noci покойно тогда, когда узнаешь, что меня на свѣтѣ нѣтъ, а пока я живъ—подумывай обо мнѣ... Я убѣгу, меня не удержишь... Убѣгу, баринъ, и найду тебя, помни ты это!..

Его арестовали, а утромъ Клокочевъ былъ освобожденъ и набѣжавшія было на яркое счастье жениха и невѣсты тучи совершенно разсѣялись.

Точно боясь новой бѣды, или какой нибудь роковой случайности—всѣ заторопили свадьбой и ее рѣшено было сыграть въ

ближайшее воскресенье, то есть черезъ три дня постѣ освобожденія Якова Григорьевича изъ подъ ареста.

Начались уже морозцы и выпалъ первый снѣгъ, да такой пушистый, обильный, что сразу же установился санный путь.

Было воскресенье. У одной изъ Замоскворѣцкихъ церквей собралась толпа народу и сгруппировалась около паперти.

— Свадьба, что ли тутъ? спросилъ у франтоваго городского проѣзжій мимо купецъ.

— Свадьба, ваше степенство.

— Чья такая?

— Сынъ купца Клокочева на дочери Павла Ивановича Ушкова женится...

— Такъ...

Купецъ сошелъ съ саней и поднялся на паперть.

— Пустятъ поглядѣть, на вѣнчанье то? спросилъ онъ у церковнаго сторожа.

— Приказа не было никакого, надо полагать, что пустятъ...

— Анъ, нѣтъ, никого пускать не будутъ! отозвалась старушка въ потертой атласной шубкѣ.

— Почему же это?

— А потому, что громаднаго скандала ожидаютъ... Женихъ то до свадьбы милую одну имѣлъ, такъ она и хочетъ исторію завести, помѣшать вѣнчанью то...

— Ты какъ же это знаешь, милая?

— А такъ и знаю...

Въ это время въ открытой коляскѣ подѣхалъ къ церкви молодой человѣкъ, одинъ изъ приказчиковъ Клокочева.

— Все ли готово въ храмѣ? спросилъ онъ у сторожа.

— Все готово... Скоро, что-ль, приѣдутъ?

— Сейчасъ.

— А что, господинъ, можно будетъ поглядѣть? обратился къ молодому человѣку кто то изъ толпы.

— Можно, можно, запрету ни для кого нѣтъ, пожалуйста!..

Народъ посмѣялся надъ старухой и повалилъ въ церковь.

— Приѣхалъ женихъ.

Яковъ Григорьевичъ былъ лучезарно счастливъ. Счастіе такъ и свѣтлѣлось въ его большихъ выразительныхъ глазахъ, такъ онъ и дышалъ имъ. Онъ привѣтливо улыбался знакомымъ, добрыми глазами глядѣлъ на толпу, съ благодарностію обращалъ глаза на ярко освѣщенные лики иконъ и только чуть наморщилъ брови, когда взглядъ его встрѣтился съ вызывающимъ, насмѣшливымъ взглядомъ красавца Крупинкина, который стоялъ впереди толпы и весело болталъ съ двумя, тремя пріятелями. На Крупинкинѣ была надѣта роскошная соболья шуба, въ груди сорочки сверкали брилліантовые запонки, все лицо сіяло довольствомъ и нѣсколько наглою самоувѣренностію. Онъ былъ, кажется, немножко пьянъ. Замѣтивъ взглядъ Клокочева, онъ кивнулъ ему головой и подошелъ къ нему, подмигнувъ товарищамъ, которые послѣдовали за нимъ.

— Имѣю честь поздравить, Яковъ Григорьевичъ, съ торжественнымъ дѣломъ! поклонился онъ ниже, чѣмъ слѣдовало, и подаль Клокочеву руку. Тотъ пожалъ ее и поблагодарилъ Крупинкина.

— А я полагалъ, Яковъ Григорьевичъ, что вы меня шаферомъ пригласите, продолжалъ Крупинкинъ. Очень бы мнѣ желательно было вашимъ шаферомъ быть...

— Благодарю за честь, но у меня нашелся мой пріятель, котораго я и пригласилъ...

— Такъ-съ...

Крупинкинъ оглянулся на пріятелей и потомъ, насмѣшливо прищуривъ на Клокочева глаза, громко спросилъ его:

— Изъ острога то давно вышли?

Клокочевъ измѣнился въ лицѣ и дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Онъ сверкнулъ на Крупинкина глазами, но сдержался и тихо, ровнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Въ среду, на той недѣлѣ.

Окружающая жениха толпа народа слышала и вопросъ и отвѣтъ. Она глухо заговорила и ближе подвинулась къ Клокочеву, оглядывая его испытующими, любопытными взглядами.

— Въ острогѣ, слышь ты, сидѣлъ!..

— Изъ острога женихъ то?...

— За что онъ сидѣлъ?

— Только въ среду изъ тюрьмы жениха то выпустили! слышался со всѣхъ сторонъ довольно громкій шепотъ. Клокочевъ слышалъ его и смертная блѣдность покрывала его лицо.

Крупинкинъ усмѣхнулся.

— Недавно еще! сказалъ онъ. Весело, чай, было въ острогѣ? Общество тамъ пріятное, разнообразное... Много знакомствъ завели?

Яковъ Григорьевичъ окинулъ Крупинкина взглядомъ.

— Да, достаточно, сказалъ онъ. Много тамъ всякихъ негодяевъ, воровъ, разбойниковъ, мошенниковъ, но такого негодяя, какъ ты, тамъ нѣтъ!.. Ты хуже ихъ всѣхъ и мнѣ стыдно, что я знакомъ съ тобою, что я говорю... Уйди отъ меня... Вспомни, что я готовлюсь къ великому таинству и что мы въ храмѣ Божіемъ... Это вотъ и спасаетъ тебя, а то бы я... Уйди отъ меня...

Крупинкинъ пошатнулся было немного, но потомъ снова шагнулъ впередъ и снова усмѣхнулся.

— Или я обидѣлъ тебя? спросилъ онъ. Вѣдь, я только спросилъ давно ли ты изъ острога, да съ кѣмъ тамъ познакомился, а то я ничего... А гнать меня зачѣмъ. Сюда всѣхъ пускаютъ, а я чай, не хуже другихъ... Въ гости то, на свадьбу пріѣзжать? У меня билетъ есть...

Клокочевъ отвернулся и ничего не сказалъ. Въ душѣ его поднялась цѣлая буря, и радостнаго, счастливаго настроенія, какъ не бывало. Онъ вызвалъ въ воображеніи свѣтлый образъ невесты: онъ стиснулъ руки до боли и устремилъ глаза къ иконамъ, моля послать ему покой и миръ, но ничто не помогало, и его душили слезы отъ тоски, обиды, стыда и неукротимой злобы... Онъ готовъ былъ броситься на Крупинкина и въ этотъ великій день, въ этомъ святомъ мѣстѣ задушить его своими руками. Не вопросъ объ острогѣ оскорбилъ его, нѣтъ, его оскорбили обстоятельства этой сцены. Онъ женихъ, онъ глубоко счастливъ, онъ всѣмъ простилъ, всѣхъ любилъ въ эти минуты, и вдругъ его радужную радость разрушили, его обидѣли въ эту свѣтлую минуту его жизни, и обидѣли затѣмъ, чтобы вызвать его на ссору, на какую-нибудь неумѣстную выходку. Это будетъ и впередъ. Этотъ человѣкъ любитъ его невесту, онъ просилъ ея руки и теперь, когда ему предпочли другаго,

будетъ долго, упорно мстить... А онъ, этотъ богатый наглецъ, этотъ кутила, этотъ дерзкій и отчаянный франтъ не остановится ни передъ чѣмъ. Онъ будетъ смущать, будетъ отравлять жизнь соперника и его жены и достигнетъ цѣли, вызоветъ его на крутую мѣру. Онъ знаетъ, что Клокочевъ чувствителенъ къ обидѣ, щекотливъ и въ минуты гнѣва страшенъ — онъ, рано или поздно не стерпитъ... А у него, у этого наглеца, быть можетъ, та и цѣль, чтобъ вызвать крутую мѣру и снова усадить въ острогъ... Да, онъ отравитъ ему жизнь и отравилъ уже...

„Боже, Боже, спаси меня отъ него; избавь меня отъ лукаваго! шепчетъ Клокочевъ и со слезами глядитъ на лики святыхъ.

Онъ, этотъ красивый франтъ, давно ненавидитъ его; онъ его пріятель, собутыльникъ, компаніонъ въ кутежахъ холостой жизни почему то всегда не любилъ его, быть можетъ за то, что не богатый сравнительно Клокочевъ не унижался передъ нимъ, не льстилъ ему; но раньше онъ не смѣлъ трогать его за чувствительныя струны души, а теперь онъ наглъ и смѣлъ: теперь Клокочевъ не схватитъ его и не броситъ за окно, какъ бы сдѣлалъ онъ это въ другое время. Не сдѣлаетъ онъ этого и завтра и послѣ завтра, и чрезъ годъ; онъ такъ дорожитъ и будетъ дорожить покоемъ жены, что многое проститъ и будетъ молча страдать. Онъ безоруженъ теперь и это понялъ его врагъ, понялъ, онъ отлично попалъ въ цѣль и вѣрно рассчиталъ ударъ!..

Въ эту минуту грянули торжественные звуки съ клироса. Клокочевъ дрогнулъ и очнулся отъ тяжелыхъ думъ.

— Невѣста, невѣста пріѣхала! раздались голоса, и Яковъ Григорьевичъ быстро пошелъ на встрѣчу прибывшимъ. Проходя мимо Крупинкина, онъ бросилъ на него взглядъ и замѣтилъ, что тотъ ужъ не смѣется, нѣтъ, стоитъ блѣдный, глубоко взволнованный и блестящими глазами смотреть на входныя двери, а тамъ въ лучахъ яркаго свѣта, сверкающая бѣлизной подвѣчнаго наряда, идетъ она, Маня, вся сіяющая счастьемъ, радостью. Она идетъ съ кроткой улыбкой, она замѣтила встрѣчающаго жениха.

„Радость моя, невѣста моя? Я ничего не боюсь и ничто не смутитъ теперь моего счастья... Ну ихъ, злыхъ завистливыхъ, несчаст-

ныхъ людей... Я ихъ не боюсь и все, все имъ прощаю! думалъ“ Яковъ Григорьевичъ, бросивъ взглядъ полнаго торжества на Крупинкина, который, не спуская глазъ, глядѣлъ на Маню.

XIV.

Торжествующій, несказанно счастливый ввелъ Яковъ Григорьевичъ молодую жену въ свой домъ. Дурнаго впечатлѣнія, произведеннаго Крупинкинымъ, какъ не бывало. Яковъ Григорьевичъ даже улыбнулся, вспомнивъ за брачнымъ столомъ то ощущеніе тоски и горя, которое онъ испытывалъ въ церкви. „Да пусть его! думалъ онъ. Какое же зло можетъ сдѣлать онъ мнѣ? Вѣдь я огражденъ закономъ отъ какого нибудь насилія его, а если эти взгляды, то онъ будетъ бросать на меня, или поддразнивать словами—такъ пусть? Это злило бы да досаждало, если-бъ я все еще одинокій былъ, холостякъ безшабашный, а теперь не то: теперь моя жизнь въ ней, въ дорогой женѣ моей, и равнехонько пустяки мнѣ всѣ эти дразни, всѣ эти мелочи, ну, ихъ!..

Яковъ Григорьевичъ съ веселой улыбкой поглядѣлъ на сидѣвшаго неподалеку Крупинкина. Тотъ мрачно глядѣлъ на Маню и ничего не ѣлъ, а лишь пилъ вино стаканъ за стаканомъ.

Послѣ стола, когда начались танцы, Крупинкинъ подошелъ къ Манѣ, приглашая ее на кадрили.

— Нѣтъ, благодарю васъ: я сегодня танцовать не буду, сказала Маня.

Она рѣшила это еще ранѣе; рѣшила такъ потому, что находила неловкимъ, даже грѣшнымъ танцовать въ этотъ день, да и не хотѣла оставлять одного мужа, понимая, что ему неловко сидѣть, не танцуя, если бы танцевала она.

Крупинкинъ,—очень ужъ пьяный въ это время,—подумалъ минуту, покачиваясь на коблукахъ передъ сидѣвшею рядомъ съ мужемъ Маней, и улыбнулся.

— Почему же это, Марья Павловна, вы не будете? спросилъ онъ.

— Такъ, не могу... Приглашайте когонибудь другаго; тутъ барышень много, а я „дама“, старуха! улынулась Маня.

— Гмъ!.. Это стало быть мужъ новоиспеченный запретилъ?..

— Яша, ты, что-ль, запретилъ?

— Нѣтъ, я не запрещалъ, отвѣтилъ Клокочевъ.

— Врешь!.. Это ты запретилъ, потому тебѣ дико глядѣть на танцы... Вотъ ежели-бъ камаринскаго какойнибудь арестантъ подѣ балалайку сыгралъ—ты бы ничего, отпустилъ бы Марью Павловну... Ха, ха, ха!.. А? Отпустилъ бы?.. И что это вамъ, Марья Павловна, за охота была идти за острожнаго, за арестанта!..

Маня поблѣднѣла и схватила за руку мужа, бросивъ на него испуганный взглядъ.

Клокочевъ только бровью чуть-чуть повелъ, да дрогнула у него верхняя губа. Онъ всталъ, взялъ подѣ руку жену и пошелъ черезъ залу въ сосѣднюю комнату, не подаривъ Крупинкина даже взглядомъ.

Тотъ такъ и остался передъ опустѣвшими стульями.

Яковъ Григорьевичъ посадилъ Маню съ подругами, и подошелъ къ отцу, который сидѣлъ съ почетными гостями.

— Батюшка, два слова нужно сказать вамъ, отлучитесь отъ дорогихъ гостей на секундочку, обратился онъ къ отцу и отвелъ его въ сторону.

— Батюшка, напрасно вы Крупинкина пригласили: вѣдь, извѣстно вамъ, что онъ человѣкъ буйный и человѣкъ, отказомъ моего теперешняго тестя обиженный... Онъ затѣваетъ недоброе и ужъ два раза заводилъ со мной ссору, такъ вотъ что, батюшка: уберите его отъ грѣха... Острожникомъ меня называлъ дважды и, конечно, назоветъ еще, такъ храни Богъ не вспыхнуть бы мнѣ—убью я его, а вамъ вѣдомо, батюшка, какой нонѣ день... Приберите его, батюшка, васъ онъ послушаетъ...

— Умно сдѣлалъ, Яша, что ссоры не завелъ, умно! сказалъ старикъ. Я его... приберу...

Онъ поспѣшно прошелъ въ залу и, найдя тамъ Крупинкина, отвелъ въ угловую, пустую теперь комнату.

— Ты что же это, молодецъ, честь забылъ а? грозно заговорилъ старикъ. Пришелъ гостемъ въ чужой домъ, да за хлѣбъ, за соль

безчестье хозяину чинишь?.. Какого ты роду, какого званія—русскій-ли православный купецъ, али жидъ, бусурманъ какой? Да и жидъ того не сдѣлаетъ, и жидъ честь знаетъ. Ахъ ты, безстыдникъ, негодный человѣкъ!.. Отецъ твой ничѣмъ свой родъ не запятналъ, съ дѣдомъ твоимъ хлѣбъ соль важивали, такъ я тебя, щенка не-смышленнаго, ровно какъ отецъ твой, коего ты безпутствомъ своимъ въ могилу вогналъ, выдрать велю!.. Кликну вотъ парней, да и выдеру на кухнѣ!.. Слышишь?.. Сію же минуту домой пошелъ, хмѣль свою проспи, а коль словъ моихъ не слушаешь—проучу по свойски... Чай знаешь меня—даромъ словъ я не бросаю!.. Н-ну, съ Богомъ, гость непочтительный!..

Старикъ былъ такъ грозенъ, купчикъ такъ хорошо зналъ его, наконецъ такъ онъ крѣпко взялъ его за плечо, что Крупинкинъ безмолвно вышелъ изъ комнаты и приказалъ человѣку подать ему шубу и отыскать на улицѣ лошадь.

Только сходя съ лѣстницы, онъ бросился къ правожаемому его, старику Клокочеву и, погрозивъ кулакомъ, сказалъ:

— Ладно, хорошо, будете вы меня помнить, вѣкъ Крупинкина не забудете?..

Давно любилъ Маню Крупинкинъ.

Болѣе, чѣмъ за два года до ея замужества присылалъ онъ сваху, но Павелъ Ивановичъ отклонялъ предложеніе: дочка де моя еще молода очень, надо подождать. Тогда Крупинкинъ пріѣхалъ самъ и спросилъ Павла Ивановича, единственная-ли причина отказа, молодость невѣсты.

— Да, отвѣчалъ старикъ. Противъ васъ я ничего не имѣю, женихъ вы завидный, всякому такого дай Богъ...

— Если такъ, Павелъ Ивановичъ, то я согласенъ ждать, сколько вамъ угодно! пылко сказалъ молодой человѣкъ. Годъ, два, три буду ждать и ни на комъ, кромѣ вашей дочери, не женюсь!..

Крупинкинъ крѣпко держалъ свое обѣщаніе и отказывалъ всѣмъ свахамъ, объявивъ своей матери, что ему невѣсты не надо. Быть можетъ, и быть бы за нимъ Манѣ, еслибъ онъ не добился своимъ упорнымъ ухаживаніемъ того, что дѣвушка стала бояться его и,

не имѣя равнѣе ничего противъ брака съ нимъ, послѣднее время и слышать не хотѣла объ этомъ и еще задолго до знакомства съ Клокочевымъ.

Дѣло въ томъ, что Крупинкинъ, робкій вздыхатель до сей поры, скромный преслѣдователь дѣвушки по вечеринкамъ, по гуляньямъ, по церквамъ, въ которыхъ бывала Маня, сталъ потомъ наглымъ, дерзкимъ и ужъ покоя не давалъ дѣвушкѣ, слѣдя за ней по пятамъ и появлялась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она бывала, буйный, смѣлый до дерзости и не обращающій вниманія ни на какія условія приличій. Маня отказала ему въ рукѣ послѣ втораго предложенія наотрѣзъ, а Павелъ Ивановичъ такъ любилъ свою „голубку,“ что о какомънибудь принужденіи не могло быть и рѣчи.

Крупинкинъ послѣ этого „зачертилъ“ во всю ширь дикой натуры и въ какойнибудь годъ спустилъ почти половину крупнаго состоянія, оставленнаго отцомъ.

Когда онъ узналъ, что Маня стала невѣстой Клокочева, бывшаго пріятелемъ, то возненавидѣлъ его до глубины души и помирился лишь тогда, когда Яковъ Григорьевичъ увлекся Глафирой Степановной и чуть было не отчалился отъ Мани. Послѣ мира жениха съ невѣстой, послѣ того, какъ свадьба была рѣшена окончательно, — онъ съ новой силой полюбилъ Маню и возненавидѣлъ Клокочева. Эта ненависть выразилась достаточно въ сценѣ во время вѣнчанія и затѣмъ на балѣ.

Выйдя теперь изъ дома Клокочевыхъ, Крупинкинъ съ жаромъ поклялся отомстить счастливому сопернику и дико, бурно провелъ вечеръ и ночь этого роковаго для него дня...

Ровно черезъ недѣлю праздновалась и другая свадьба, помѣщикъ Сергѣй Сергѣевичъ Шустовъ женился на Глафирѣ Степановнѣ. Совсѣмъ таки красавицей выглядѣла Глафира Степановна подъ вѣнцомъ въ богатомъ, отъ лучшей модистки въ Москвѣ, костюмѣ, да какъ вышла она изъ церкви подъ руку съ молодымъ красавцемъ мужемъ въ бархатной на чернобурыхъ лисицахъ ротондѣ, засѣли въ коляску, запряженную сѣрыми рысаками—многіе изъ бывшихъ тутъ вздохнули отъ глубины души и позавидовали „огородницѣ...“

— Гляди-ка — простая мужичка, а за богатаго барина вышла, да и не за старика за какого, а за молодого, за красиваго... Эко, счастье людямъ, Господи! говорить народъ, расходясь изъ церкви.

И Глафира Степановна дѣйствительно нашла счастье, полное, прочное счастье. Она видѣла, что мужъ ее любить искренно, отда-лась ему всей, богато одаренной, натурой своей. Страсть къ Кло-кочеву прошла; она даже удивилась теперь той жгучей страсти, которая обуревала ее, которая толкала ее на гибель, на преступ-леніе, на все. Она все это приписала злой силѣ и въ Манѣ видѣла ангела спасителя и крѣпко полюбила ее.

Она бывала у ней очень часто, подругой ея стала, между тѣмъ какъ мужа молодыхъ женщинъ соплись до пріятельскихъ отно-шеній и даже до компаніонскаго дѣла. Клокочевъ взялъ богатаго барина въ компаніоны по кожевенному дѣлу, которое онъ задумалъ широко развить.

Глафира Степановна съ ужасомъ помышляла все время до свадь-бы о свиданіи съ Клокочевымъ; она не знала, какъ она встрѣтитъ его, что скажетъ ему, какъ взглянетъ ему въ лицо... Вѣдь, тутъ будетъ его жена, а она, Глафира Степановна, была такъ близка ему, а потомъ сдѣлала такъ много зла... Но послѣ свадьбы этотъ страхъ прошелъ, точно и не было его. Ужъ все то, старое прожи-тое прошлое, отошло далеко назадъ, и все новое теперь, иное.

Она поѣхала со свадебнымъ визитомъ покойная, полная своимъ собственнымъ счастіемъ, и вошла въ домъ, когда-то близкаго ей чело-вѣка безъ трепета, тѣмъ болѣе, что мужъ ея тоже покоенъ и сіялъ счастіемъ. Онъ все простилъ, все забылъ, такъ ей ли было трево-житься?.. Клокочевъ, выйдя съ женою на встрѣчу гостямъ, даже отступилъ, увидя Глафиру Степановну „барыней“ — такъ измѣни-лась она въ новомъ нарядѣ. А онъ, тотъ новый нарядъ, шелъ къ красавицѣ, и счастливая наружность Глафиры Степановны точно создана была для того, чтобъ быть прекрасной во всякомъ нарядѣ.

Она высвободила руку изъ руки мужа и подошла къ Якову Григорьевичу.

— Поздравляю... Прощенья не прошу, потому, что простилъ ужъ, знаю что простилъ, проговорила она. Такъ?

— Конечно! сказалъ Клокочевъ и пожалъ руку молодой, а затѣмъ подошелъ къ ея мужу и сталъ поздравлять его.

Первое свиданіе это все же было не особенно ловко: всѣ чувствовали себя чѣмъ-то виноватыми, но лишь только это свиданіе, а затѣмъ все пошло отлично и Глафира Степановна стала бывать у Клокочевыхъ очень часто. Ни у нихъ, ни у Сергѣя Сергѣевича, всегда удалявшагося отъ общества, не было много знакомствъ, а къ удовольствіямъ Маня не привыкла, такъ что почти вечера наступившей зимы эти двѣ семьи проводили вмѣстѣ и всѣ были довольны такимъ время-препровожденіемъ. Тутъ наступило покойное затишье, но въ затишѣ этомъ не было ни скуки, ни апатіи, отъ него не несло запахомъ плѣсени, такъ какъ всѣ жили все-таки полной жизнью, хотя своей собственной только, не задаваясь широкими общественными задачами. Тутъ было „семейное“ счастье.

Впрочемъ этому затишью суждено было нарушиться на время. Одинъ разъ Сергѣй Сергѣевичъ пріѣхалъ къ Клокочеву нѣсколько взволнованный и подалъ ему номеръ газеты.

— Прочитай-ка вотъ это, сказалъ онъ ему, указывая на замѣтку въ отдѣлѣ городскихъ событій. Въ замѣткѣ этой сообщалось о побѣгѣ трехъ подслѣдственныхъ арестантовъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Акимовъ. Сообщалось между прочимъ, что всѣ поиски бѣглецовъ оказались тщетными.

— Что скажешь? спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Гмъ?.. Да, дѣло неладное... Этотъ негодяй будетъ теперь искать случая отомстить тебѣ... Ты остерегайся, вели за домомъ получше присматривать, да и жену одну не отпускай...

— Это то я знаю, но посуди самъ, каково быть въ такомъ положеніи!.. Будь я холостой—я бы и охъ не молвилъ, а теперь...

Шустовъ было затуманился, да и было отчего.

— Э, полно, Сергѣй Сергѣевичъ. Чай, разбойникъ давнымъ давно за тридевять земель убѣжалъ, шкуру свою спасаячи, не до тебя ему... За мной тоже молодецъ одинъ слѣдитъ, да я и думать то о немъ забылъ...

— Кто такой?

— Крупинкинъ... Спился онъ, сердешный, съ кругу, погибшій

почти человекъ, жалъ мнѣ его, да ничего не подѣлаешь... Бродить по трактирамъ да по притонамъ разнымъ, остатки капиталовъ проживаетъ и все грозитъ меня убить: „я, говоритъ, изъ за него погибъ“, а я чѣмъ же виноватъ? Тутъ судьба, ей бы надо покориться... Не бойся, Сергѣй Сергѣевичъ; помни пословицу, что Богъ не выдастъ—звѣрь не съѣстъ!

— Да ужъ больше ничего не остается дѣлать, какъ на Бога надѣяться, а самому беречь себя!.. Вотъ револьверъ купилъ, пѣшкомъ ходить пересталъ... Что не говори, а жутко: въ такое время отъ ножа разбойника умереть, куда какъ тяжело!.. Барынямъ нашимъ сказывать это не надо...

— Зачѣмъ имъ сказывать!

Однако о Петрѣ Акимовѣ не было ни слуху, ни духу. Полиція искала бѣглецовъ тщательно, но ихъ и слѣдъ простылъ; всѣ они были волки травленные, старые воробы и хорошо укрылись, хорошо схоронили концы.

Въ трактирѣ, не подалеку отъ Калужской заставы кутиль Крупинкинъ.

Въ отдѣльной комнаткѣ, пропитанной запахомъ винныхъ паровъ и промозглой сырости, сидѣлъ онъ съ компаніей самаго разнообразнаго сброда и угощалъ всѣхъ чѣмъ попало, что можно было найти въ грязномъ трактирчикѣ.

Бутылки съ винами, водкой и пивомъ стояли на столѣ, на окнахъ, опорожненныя валялись на полу и компанія была пьяна. Кто оралъ дикимъ голосомъ пѣсню, кто кричалъ безсвязный вздоръ, кто ругалъ сосѣда, давно ужъ сваливагося охмѣлѣвшей головой на столъ. Оргія была во всемъ разгарѣ, дикая, безобразная оргія, потерявшихъ образъ и подобіе Божіе, пропойцевъ.

Крупинкинъ, въ какой то венгеркѣ, опухшій, блѣдный, исхудалый, былъ въ состояніи того одервенѣлаго столбняка, который бываетъ съ долго пьющимъ человекомъ. Онъ, казалось, не былъ пьянъ, вино не дѣйствовало уже на него обычнымъ порядкомъ, то есть не валило его съ ногъ, не клонило ко сну, не вызывало ве-

селя, и лишь приводило въ состояніе полной невмѣняемости, въ состояніе какого то умоиступленія. Онъ говорилъ, голосъ его былъ ровенъ, ноги отлично служили ему, онъ могъ усчитывать половыхъ, изъяславшихъ непремѣнное намѣреніе „обдѣлать“ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не помнилъ, гдѣ онъ, когда и какъ попалъ сюда и вдругъ приходилъ въ бѣшенство, стучалъ кулакомъ по столу, кого то страшно проклиналъ, о чемъ то плакалъ.

— Эй, шубу мнѣ! крикнулъ онъ и всталъ изъ-за стола.

— Лошади вашей нѣтъ-съ: вы изволили отослать извозчика за знакомыми дамами-съ, доложилъ половой.

— Къ чорту!.. Я пѣшкомъ пойду... Шубу мнѣ...

Половой подалъ ему великолѣпную шинель на бобрахъ.

— И я... и я съ тобой!

— И мы съ тобой! поднялись было гости, готорые могли еще говорить.

— Не нужно! крикнулъ Крупинкинъ. Эй, не пускать ихъ!.. Сидите тутъ, ждите, за все заплачено... Дать имъ еще водки!..

Крупинкинъ оглядѣлъ компанію.

— Вы, рвань, хотите со мной идти домъ Яшки Клокочева разносить? обратился онъ къ гостямъ.

— Хотимъ, хотимъ!.. Идемъ, разнесемъ... У... убьемъ, кого жел... желаешь! заревѣла ватага.

Крупинкинъ окинулъ всѣхъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не надо... Маню, голубку мою, испугаете, не надо.. Одинъ пойду, сказалъ онъ и пошелъ

— Я тебя не пушу, я съ тобой! подбѣжалъ къ нему одинъ изъ прихлебывателей и на ходу схватилъ свою шапку.

— Прочь! бѣшено рванулся на него Крупинкинъ, выкатывая налитые кровью глаза, и толкнулъ его въ грудь. Убью?.

Онъ вырвалъ изъ кармана револьверъ, который носилъ послѣднее время постоянно, и погрозилъ имъ.

Пріятель поблѣднѣлъ и присѣлъ за столъ.

Крупинкинъ вышелъ.

Онъ, не шатаясь почти, прошелъ улицу, повернулъ въ переулокъ и опять пошелъ.

Думалъ ли онъ что въ это время—Богъ вѣсть. Онъ шелъ, какъ идетъ управляемая сѣдокомъ лошадь — куда направляетъ ѣздокъ, туда и идетъ, не зная, конечно, куда именно и зачѣмъ. Крупинкина теперь направляла давнишняя злоба, давнишняя мысль отомстить врагу.

Онъ шелъ и шелъ.

Вѣтеръ трепалъ полы его шинели, снѣгъ, который валилъ хлопьями, билъ ему въ лицо, а онъ и не замѣчалъ его, машинально передвигая ноги, машинально поворачивая изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ.

„Убью, убью!“ не переставая, думалъ онъ и въ голову ему шелъ безсвязный планъ предполагаемаго убійства.

Вотъ онъ придетъ къ дому Клокочева, позвонитъ, пройдетъ комнату молодыхъ и выстрѣлитъ изъ револьвера и въ него, и въ нее, въ Маню...

Ну, и если его не пустятъ?

Ночь теперь, онъ пьянъ... Да, пожалуй, не пустятъ... Онъ ворвется силой... Онъ позвонитъ, ему отпрутъ, онъ убьетъ прислугу и вбѣжитъ въ домъ... Да, такъ, именно такъ...

Злоба, страшная, бессмысленная злоба охватила его.

— „Убью, всѣхъ убью!“ шепталъ онъ и ускорилъ шаги. Ноги ему служили плохо; онъ, словно озлобленный и на самого себя, снялъ шапку и подставилъ открытую голову подъ хлопья снѣга.

„Пьянъ!“ думалъ онъ затѣмъ. „На такое дѣло иду, а пьянъ... Эхъ ты, негодный, гадкій человѣчишко... Пропоецъ жалкій!.. Э, ничего, рука не дрогнетъ!..“

Онъ надѣлъ шапку и быстрее шагалъ. До дома осталось нѣсколько шаговъ.

Въ пустынномъ переулкѣ было тихо и темно. Рѣдкіе фонари мерцали, облѣпленные снѣгомъ.

Крупинкинъ шелъ.

Вдругъ отъ забора близъ дома Клокочевыхъ отдѣлилась темная фигура, какъ разъ въ то время, когда Крупинкинъ миновалъ это мѣсто. Фигура безшумно прокралась по занесенному снѣгомъ тро-

туару и, догнавъ Крупичкина, схватила его сзади за воротникъ шинели.

— Ага, попался! злобно прохрипѣла она и ударила Крупинкина въ спину, ниже лопатокъ, ножомъ.

— Ай! вскрикнулъ Крупинкинъ, обернулся, выхватилъ изъ бокового кармана револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ державшаго его за воротникъ человѣка, одѣтаго въ дубленку. Тотъ выронилъ ножъ, опустился на колѣни и прохрипѣлъ, склоняясь головой на снѣгъ:

— Не онъ!.. Ошибся?.. Проклятый!..

Крупинкинъ простоялъ, держась за заборъ минуты двѣ и ушалъ на снѣгъ. Кровь била ключемъ изъ глубокой раны въ спинѣ и окрашивала снѣгъ...

Раздались крики дремавшихъ до сей поры сторожей, задребезжалъ полицейскій свистокъ и въ пять минутъ переулочъ наполнился народомъ. Прибѣжалъ Клокочевъ.

Онъ протолкался къ лежавшимъ на тротуарѣ Крупинкину и неизвѣстному мужчинѣ и вскрикнулъ отъ ужаса.

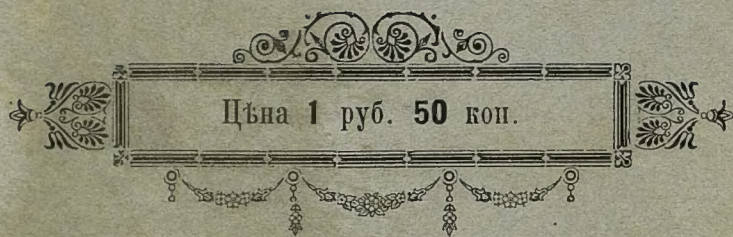
Крупинкинъ слабо стоналъ, а у его ногъ, уткнувшись затылкомъ въ сугробъ снѣга, лежалъ Петръ Акимовъ. Свѣтъ отъ фонаря прямо падалъ ему на лицо и это лицо покрывалось уже синеватой блѣдностью трупа...

— Боже, Боже, какой случай! проговорилъ Клокочевъ и долго, долго стоялъ, не спуская глазъ съ умершаго и умирающаго...

Глубоко поразилъ этотъ случай всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи и была ли то простая случайность, или имъ руководила, какъ думала Маня, судьба, но фактъ совершился и онъ, этотъ фактъ, былъ послѣдней бурей въ жизни Клокочева, Мани, Глафиры Степановны и Шустова. Послѣ этого потекла тихая, мирная жизнь и такъ течетъ она до сей поры...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

<i>Числа.</i>	<i>Стр.</i>
1. Кладъ	3
2. Такъ было суждено	181
3. Голубка Маня	291

Цена 1 руб. 50 коп.